

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственная академия наук
Российская академия образования
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

А. В. КАРПОВ

ПСИХИКА И ВРЕМЯ

В двух томах

Том I
ИСТОРИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
СТРУКТУРА

Ярославль
Филигрань
2023

УДК 159.93/.94
ББК 88.251.137 + 87.152.32
К26

Рецензенты:

Владислав Александрович Лекторский – доктор философских наук,
профессор, академик РАН и РАО;

Владимир Дмитриевич Шадриков – доктор психологических наук, академик РАО;
профессор-исследователь НИУ ВШЭ;

Тимофей Александрович Нестик – доктор психологических наук, профессор; заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии Института психологии РАН

Карпов, Анатолий Викторович.

К26 Психика и время. В 2 томах. Т. I. История. Методология. Структура /
А. В. Карпов. – Ярославль : Филигрань, 2023. – 700 с.
ISBN 978-5-6050859-9-7
ISBN 978-5-6051178-0-3 (т. I)

Эта книга является первым томом монографии под общим названием «Психика и время». В ней предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы субъективного времени. В их качестве выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного.

Представлен развернутый анализ истории развития и современного состояния проблемы времени в психологии, определены основные трудности ее разработки и намечены перспективы ее дальнейшего развития. Обоснована необходимость концептуального синтеза существующих в этой области теоретических представлений, который должен быть реализован на основе методологии системности, взятой в ее постклассическом варианте – с позиций метасистемного подхода. Он и выступил теоретико-методологической основой данного исследования, показав себя действенным средством раскрытия основных закономерностей организации и генезиса субъективного времени. Представлена развернутая характеристика метасистемного подхода.

В этом томе проблема субъективного времени раскрыта в двух основных гносеологических планах – метасистемном (онтологическом) и структурном. Предложено новое решение ключевого вопроса, составляющего главную трудность этой проблемы – вопроса о детерминантах и механизмах порождения субъективного времени, а также основных факторах, которые его конституируют. Наряду с этим, дано и новое решение другой, также определяющей проблемы – проблемы структурной организации субъективного времени и доказано, что она базируется на структурно-уровневом принципе и эксплицируется как целостная иерархия закономерной совокупности его базовых уровней. Раскрыто содержание каждого из них, а в итоге – и общее содержание феномена субъективного времени в аспекте его структурной организации. Сформулирован и реализован новый подход к разработке проблемы субъективного времени, с позиций которого оно раскрывается в качестве базового операционного средства структурной организации психики в целом.

Книга адресована психологам и представителям смежных областей, в которых исследуется фундаментальная психологическая проблема субъективного времени, а также его роли в организации и генезисе психики.

ISBN 978-5-6050859-9-7
ISBN 978-5-6051178-0-3 (т. I)

© Карпов А. В., 2023
© ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023
© Российская академия образования (РАО), 2023

Введение

Замысел этой книги возник не вдруг и не сразу, а складывался в ходе выполнения целого ряда циклов теоретических и методологических исследований, посвященных самым разным, но всегда весьма значимым предметам психологического исследования – структурно-функциональной организации деятельности, системе психических процессов, структуре и сущности сознания, специфике и принципам организации индивидуальных качеств личности, природе субъективной реальности в целом и др. В процессе их реализации постепенно, но неуклонно складывалось сначала ощущение, а затем – и убеждение, согласно которому очень важную роль в их организации играет время как таковое во всей полноте его проявлений; время как то, что обозначается понятиями временной координаты, временного измерения реальности, причем, не только объективной, но и субъективной. Оно, являясь атрибутом любой реальности, неразрывно сопряжено с ней и с ее основными экспликациями – в том числе, и теми, которые зафиксированы в отмеченных выше предметах психологического изучения.

Так, в частности, уже при исследовании одной из наиболее общих и традиционных для отечественной психологии проблем – проблемы *деятельности* по мере его углубления все более полно и рельефно раскрывалось то обстоятельство, что она не может быть раскрыта и объяснена с необходимой степенью полноты без выявления ее собственно временной – темпоральной организации. Более того, суть дела заключается еще и в том, что она в целом и является такой системой, которая в значительной мере построена на основе принципов темпоральной организации, то есть выступает своеобразным воплощением временной организации; она является не только структурно-содержательным, но и специфически временным образованием. В самом деле, одной из наиболее важных – атрибутивных особенностей деятельности является то, что достижение ее общей цели в принципе невозможно посредством какого-либо одного, отдельно взятого, «единичного» акта взаимодействия субъекта и объекта. Деятельность потому и дифференцируется на части – действия, а затем интегрируется из них, что ее общая цель предполагает множественность целого ряда, так сказать, «квантов» взаимодействия

субъекта и объекта. Каждый из них вносит свой парциальный вклад в ее достижение, а кумуляция этих вкладов и делает возможным достижение самой цели.

Другими словами, невозможность непосредственного достижения общей цели деятельности в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени (так сказать, симультанного ее достижения) разумеется, отнюдь не означает невозможности такого достижения вообще. Это становится возможным, благодаря механизму сукцессирования взаимодействия – его дифференциации на временные «кванты». Вместе с тем, сама суть деятельности как раз и заключается в том, что, выступая актуально – в каждый конкретный, отдельно взятый момент времени в форме действия, в целом она представлена как организованная последовательность этих частных действий. Они непосредственно сменяют друг друга и являются предпосылками, основаниями друг для друга.

В силу этого, именно темпоральная – собственно процессуальная организация деятельности составляет один из основных ее атрибутов, важнейшее условие и даже залог ее эффективности и вообще – реализуемости в целом. Необходимость в ней является и нормативным императивом, поскольку в содержание нормативно-одобренного способа деятельности как раз и включается, прежде всего, ее временная регламентация. Именно временная *последовательность*, точнее – временная структура действий, составляет саму *суть* деятельности как таковой; обуславливает существование *процесса* деятельности проявление собственной временной организации. Тем самым эта организация в значительной степени транспонирует на себя и основные свойства параметра времени в целом. «Ось времени», с одной стороны, и временная структура деятельности, с другой, оказываются принципиально подобными; вторая, фактически, воспроизводит первую. К чертам такого принципиального подобия следует отнести следующие атрибуты: одномерность, однонаправленность, непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальную квантифицируемость (дискретность), «дление» (продолжительность) и др. Тем самым, процесс деятельности оказывается в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобен и даже *изоморфен* «оси времени». *Деятельность* выступает и как *длительность*, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму деятельности, фактически, *является* ей. Деятельность эксплицируется

и как средство *приспособления* к объективному времени, и как средство, *порождающее* субъективное время, а также – в определенной мере и как средство активного, субъективного контроля за ним.

Еще более очевидна теснейшая и также атрибутивная сопряженность категории времени с другим важнейшим предметом психологического исследования – системой психических *процессов*. Именно они обычно вообще рассматриваются в качестве главной «составляющей» психики в целом и потому – в качестве того, что репрезентирует ее сущность и организацию. Однако именно психические процессы как раз и являются такой «составляющей» психики, которая имеет *атрибутивно* темпоральный характер и вообще является *воплощением* темпоральности в ее наиболее явном и полном виде и форме. Дело в том, что сама специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов представляет закономерно организованную последовательность ряда этапов и стадий. Именно временное структурирование – диахроническая организация лежит в основе любого процесса именно как процесса, а в определенной степени и порождает сам процесс. Таким образом, один из наиболее фундаментальных атрибутов реальности оказывается не только органично и полно воплощенным в организации психики, но и представлен в ней в аналогичном, то есть также базовом, определяющем модусе – процессуальном, в категории психических процессов. Поэтому столь фундаментальным по своей значимости является и обстоятельство, согласно которому именно процессуальная форма является, фактически, воплощением одного из базовых типов организации в целом и системности, частности, – временной. Сама категория процесса в целом и понятие когнитивных процессов, в особенности, как раз и фиксирует тот фундаментальный факт, что их атрибутивной чертой выступает именно воплощенность в них данного типа организации. Они не просто основываются на ней как на объективно необходимом для функциональной организации психического средстве, но сами и выступают ее специфическим выражением. Психические процессы в целом и когнитивные процессы, в частности, – это и есть конкретные формы реализации временной организации. Процессуальная и, следовательно, временная форма существования – это и есть реальная онтология психического.

Сама же *временная* организация является при этом не *следствием*, не эпифеноменом, характеризующим организацию того или иного процесса (его функциональную организацию), а *детерминантой* того, что он выступает именно в форме процесса в непосредственном смысле указанного понятия. Столь же органична сопряженность категории времени с другим тесно связанным с понятием процессов и также базовым для психологии понятием и, соответственно, с той реальностью, которая в нем зафиксирована – с психическими *функциями*.

Очень показательным, что аналогичная сопряженность представлена и по отношению к такому предмету психологического исследования, который вообще полагается – и по праву наиболее сложным и интегративным, а одновременно в максимальной степени воплощающим в себе специфичность и даже уникальность организации психического в целом – *сознанию*. Дело в том, что само время всегда является органично связанным – «сцепленным» с его онтологическим носителем, с той сущностью, в отношении которой оно представлено, то есть, фактически, с бытием как таковым (используя термин Ф. Brentano – «сращенным» с ним). Именно это, кстати говоря, составляет основной пафос трактовки времени М. Хайдеггером и даже отражено в самом названии его главного труда – «Бытие и время». Время является не только атрибутом любой реальности, но и порождается ей, является функцией от ее бытия как такового, причем, повторяем, не только от бытия объективной реальности, но и реальности субъективной. Однако она сама, как известно, в значительной мере и становится таковой, благодаря сознанию. Дело в том, что именно оно – это и есть то, благодаря чему психическое как одна из форм бытия обретает свою – пусть и специфическую, но все же именно реальность – субъективную. Это то, благодаря чему оно из вещи-в-себе трансформируется в вещь-для-себя, то есть порождает атрибут самоданности, а потому самости и субъектности и предстает как специфическая реальность – субъективная, во многом отличная от объективной реальности. Другими словами, именно благодаря сознанию, и порождается та – новая и дополнительная по отношению к объективной реальности – субъективная. Однако именно это и означает, что на нее также должно быть транспонировано наиболее общее свойство времени – его сопряженность с любой реальностью, производность от нее. Там и тогда, где и когда возникает она сама,

возникает и субъективное время; возникает же она во многом и даже – в решающей степени именно как субъективная реальность благодаря сознанию. Понятия сознания и субъективного времени оказываются взаимопологаемыми и взаимопорождающими в такой же степени, в какой в аналогичных отношениях находятся понятия объективного времени и бытия в целом. Сознание, конституируя субъективную реальность, в значительной степени вообще порождает субъективное время как атрибут реальности – но уже именно субъективной. Оно с предельной очевидностью эксплицируется и как атрибутивно временное понятие – как то, что во многом порождает и саму субъективную реальность, и время как атрибут этой реальности.

Разумеется, можно и далее приводить иллюстрации подобного рода, демонстрирующие атрибутивную связь важнейших предметов психологического исследования и категории времени. Так, скажем, если обратиться к максимально обобщенному из них – к понятию личности, то оказывается, что эта связь также представлена в достаточно очевидной форме. Действительно, уже то качество, которое рассматривается в теории не просто как одно из личностных свойств, то есть как рядовое, а как наиболее значимое и определяющее для личности в целом – *направленность*, также атрибутивно сопряжено с категорией времени. Дело в том, что направленность – это не только содержательная характеристика личности, образованная совокупностью доминантных мотивационно-ценностных установок, но и ее характеристика собственно временного плана. Направленность – это то, что выступает для нее целями и ориентировками и на что она направлена также и во временном отношении. Следовательно, она включает в себя один из базовых модусов времени – будущее. Аналогичным образом обстоит дело и с понятием самоактуализации как столь же атрибутивно временным, поскольку именно она придает динамичность самому бытию личности, а следовательно и вплетает в него параметр времени.

Все приведенные выше, равно как и многие иные примеры, фактически, не оставляют сомнения в том, что параметр времени – временная координата реальности как ее атрибут, причем, реальности не только объективной, но и субъективной, действительно, неразрывно сопряжена с базовыми «составляющими» психики. Более того, она не просто сопряжена с ними, но и, по существу, вплетена в их организацию, а еще точнее – в известной мере составляет ее сущность, ее

временную развертку. Даже этимология важнейших понятий психологии – например, понятий процессов и функций отражает эту сопряженность. Многие, а не исключено и подавляющее большинство или даже – все базовые образования психики попросту не могут существовать, не будучи организованными во времени, а сама временная организация должна быть поэтому осознана и раскрыта как *критически* значимое условие их бытия. Эти заключения, следуя с необходимостью из современных представлений об организации важнейших предметов психологического исследования и выступая поэтому не только как достаточно обоснованные, но и как вполне естественные и даже необходимые, не встречаются, однако, адекватного отклика со стороны существующих теоретических представлений в тех областях и направлениях, в которых они традиционно изучаются. Действительно, одной из явных и не вполне объяснимых особенностей психологической *теории деятельности* (независимо от ее конкретных вариантов) является весьма слабый учет ей категории времени, недопустимо слабая раскрытость темпоральных закономерностей и механизмов ее организации. При этом нельзя, конечно, говорить о том, что им вообще не уделяется внимания; дело в другом – в том, что это внимание совершенно не соответствует той огромной роли, которую они играют в ее организации. Время как атрибут деятельности – как ее онтологическое основание не отображено на гносеологическом уровне – в психологической теории деятельности.

Аналогичным, но еще более явным образом такая недостаточность должна быть констатирована и по отношению к тому, каким образом параметр времени учитывается в исследованиях *психических процессов* в целом и когнитивных, в особенности. Ни одна из существующих в этом плане концепций, фактически, не включает и не раскрывает параметр времени как базовый и определяющий для организации процессуального содержания психического. Во избежание недоразумений, подчеркнем, что речь идет вовсе не о том, что данный параметр вообще не учитывается в их исследованиях, а только о том, что их масштаб и глубина явно непропорциональны реальной роли временной координаты, категории времени в их организации. Все существующие концепции психических процессов – это, так сказать, субстанциональные, структурно-содержательные, а не темпоральные по своей сути концепции.

Далее, принципиально та же ситуация должна быть констатирована и по отношению к современному состоянию психологии *сознания*, хотя здесь ситуация является несколько более специфической. С одной стороны, в собственно психологических – конкретно-научных исследованиях проблемы сознания, действительно, параметр времени, равно как и категория времени в целом, представлены явно недостаточно. Современные концепции сознания – это отнюдь не темпорально-ориентированные, не временные концепции, а сам параметр времени отнюдь не составляет в них предмет пристального внимания. Однако, с другой стороны, в исследованиях иной ориентации – преимущественно философской и уж тем более в самой философии категория времени все же включается в разработку проблемы сознания и, кроме того, является для них традиционной. Кроме того, сама философия времени создает для психологии запрос на конкретно-научные исследования времени как детерминанты сознания – запрос, который, однако, так и остается без должной реакции со стороны психологи сознания.

Таким образом, с очевидностью эксплицируется наиболее общее и принципиальное обстоятельство – отсутствие необходимых концептуальных и иных контактов между важнейшими областями психологических исследований и разработанными в них теориями, с одной стороны, и категорией времени, с другой. Они не только не синтезированы в должной мере, но и характеризуются ощутимым концептуальным разрывом. Существующие теории разрабатываются в значительной мере вне и без опоры на такую сущность, которая является атрибутом любой реальности, в том числе, и субъективной в частности и той, которая составляет предмет каждой из существующих теорий. Именно это и является столь же труднообъяснимым, сколь недопустимым и даже не естественным.

Вместе с тем, в действительности, сложившаяся ситуация является еще более сложной и эту сложность нельзя не учитывать, а, наоборот, ее следует эксплицировать и учитывать в дальнейших исследованиях. Она состоит в том, что констатированную выше несинтезированность вовсе нельзя трактовать как то, что во всех отмеченных теориях и направлениях параметр времени не учитывается и не изучается вообще. Как раз наоборот, он исследуется, причем, достаточно полно и с позиций понятия психических процессов, и по отношению к организации деятельности и др. Дело в другом –

в том, как именно он учитывается и исследуется. А исследуется он, в основном, как то, что *связано* с этим параметром и на что он сам *влияет*. Время – прежде всего, субъективное рассматривается в качестве *предмета* исследования, в качестве фактора, который влияет на те или иные образования и который сам испытывает воздействия с их стороны. Причем, на первый взгляд, представляется, что именно такая постановка проблемы является не только наиболее естественной, но даже единственно возможной. Дело, однако, в том, что это, по-видимому, не так, а время – как атрибут субъективной реальности и как его базовая координата может выступать и реально выступает не только как предмет исследования. Оно выступает и одним из факторов организации многих психических образований и структур; точнее, сопряженная с ним специфическая – временная, темпоральная организация является одним из *средств* их организации в целом. Поэтому существующая сегодня – традиционная психология времени, рассматривающая его как предмет исследования, должна быть дополнена иным гносеологическим планом. Он направлен на то, чтобы понять время не только как феномен, но и как детерминанту и, не исключено, фактор собственной – внутренней организации психического, то есть в его собственно *операционной*, организационной функции – как то, что вплетено в организацию психики и составляет ее атрибут. Предпосылки для этого, как следует из проведенных исследований, в том числе и наших, существуют уже сейчас. Однако для того, чтобы они из разряда предпосылок перешли в разряд действительных концептуальных средств, необходимо специальное исследование, которое и составляет основную цель данной работы.

Очень показательно, далее, что аналогичной логикой развертывания характеризуются не только теоретические исследования, но и разработки собственно *методологического* плана, которые, впрочем, тесно связаны с первыми и, более того, выступают в качестве средства обобщения и осмысления их результатов. В этом плане можно констатировать следующую – также демонстративную по отношению к современному состоянию данной проблемы ситуацию. Как известно, и в психологии в целом и в тех ее разделах и направлениях, которые связаны с разработкой отмеченных выше важнейших проблем (деятельности, сознания, психических процессов, личности и др.) на протяжении последнего – достаточно длительного

периода их разработки доминировала методология *системности*, системный подход в целом. Констатируя это, мы, конечно, сознаем всю реальную сложность гносеологической ситуации, связанной с логикой развития системного подхода, с его «судьбой», с аргументами за и против него и т. п. Речь, однако, идет не о том, чтобы дискутировать здесь по их поводу, а о том, чтобы зафиксировать сам факт важной роли данного подхода в их разработке и, главное – то, к чему она привела, а еще важнее – не привела. И в этом плане достаточно явно предстают две особенности методологического плана – два обобщающих результата, к которым привели многочисленные варианты реализации методологии системности в психологии.

Во-первых, одним из «несовершенств» традиционных вариантов системного подхода как раз и является недостаточный учет в них параметра времени; отсутствие в них не только специальных методологических средств его изучения, но и даже должного внимания к нему. В связи с этим, возникает вполне логичное предположение, что сами традиционные варианты системного подхода, не исключено, отнюдь не лишены принципиальных недостатков и, следовательно, не только допускают, но и требуют их развития. Оно должно быть, в частности, таким, чтобы позволять реализовывать исследование параметра времени как атрибута систем и важнейшего фактора их организации.

Во-вторых, в еще более общем плане следует констатировать, что в системном походе категория времени вообще во многом просто обойдена вниманием, а он остается практически не реализованным по отношению к этой категории, к временной координате реальности. Складывается достаточно парадоксальная ситуация, при которой такой – предельно общий методологический подход, каковым и выступает методология системности, остается практически не реализованным по отношению к аналогичной – столь же предельно обобщенной координате и даже атрибуту реальности, как время. Та область исследования, которую можно обозначить как «системность и время», остается до сих пор одной из наименее разработанных. Следовательно, тот концептуальный разрыв, но уже не только теоретический, но и методологический существует и по отношению к проблеме времени, с одной стороны, и системному подходу, с другой. Безусловно, у этого обстоятельства, наряду со многими иными – в том числе, и традиционными, существует целый ряд весьма имплицитных

причин, связанных со специфичностью и даже уникальностью времени как предмета научного исследования в целом и реализации по отношению к нему системного подхода, в частности. Среди них можно отметить, например, принципиальные трудности определения его системного статуса, экспликации его интегративных свойств – системных качеств, реализации по отношению к нему основных принципов системной организации – в частности, принципа структурно-уровневой организации. Однако, такая – выраженная специфичность не должна все же, по-видимому, рассматриваться как причина отказа от возможности реализации данного подхода по отношению к категории времени вообще. Вместе с тем, именно в связи с этим выводом вновь эксплицируется уже отмеченное выше принципиальное обстоятельство. Для того, чтобы методология системности, действительно, могла быть реализована по отношению к категории времени, он сам должен быть подвергнут развитию и совершенствованию – причем, не исключено, такому, которое потребует достаточно существенной корректировки и даже трансформации его ключевых положений.

Другими словами, это заключение приводит и к такому выводу, который был сделан нами ранее по отношению к логике развития представлений о способах реализации методологии системности в исследовании целого ряда иных предметов психологического изучения. Эта логика состоит в том, что для их адекватного раскрытия системный подход не только может, но и должен быть реализован, но при условии его собственной кардинальной трансформации. Он должен быть преобразован в такой его – неклассический вариант, который получил в наших работах обозначение *метасистемного* подхода. Он, повторяем, был реализован нами ранее по отношению к целому ряду значимых предметов и зарекомендовал себя в качестве достаточно конструктивного методологического средства. В связи с этим, есть основания считать, что он окажется таковым, то есть достаточно продуктивным и по отношению к еще одному – но уже предельно общему предмету, каковым и выступает категория времени как атрибут субъективной реальности. Вместе с тем, то, как именно он должен быть реализован по отношению к ней и как он должен быть модифицирован под влиянием ее специфики, является самостоятельной и очень сложной задачей, которая также выступает одной из основных в данной работе.

Кроме того, объективная сопряженность времени как общего атрибута реальности со столь же общей методологией – с системным подходом высвечивает не только те особенности, самого времени, которые затрудняют реализацию этого подхода по отношению к нему. Наряду с этим, еще более зримо предстают и иные – также специфические особенности времени как предмета исследования в целом и психологического времени, в частности. Их экспликация, на наш взгляд, также необходима уже с самых первых шагов исследования, а сами они должны быть зафиксированы в качестве установочных – в качестве ориентиров для решения основных задач данной работы в целом. Дело еще и в том, что многие из них являются не просто специфичными и даже уникальными, но и отчасти – парадоксальными и трудными не только для исследования, но даже и понимания. Отметим некоторые из них.

Относительно несложным, но требующим внимания является обстоятельство, согласно которому в психологии времени сложился целый ряд понятийных стереотипов и штампов, терминологических оборотов и даже своего рода «мифов» не только не способствующих ее разработке, но и препятствующих ей. Так, прежде всего, уже сам базовый конструкт – *восприятие* времени отнюдь не лишен метафоричности и даже парадоксальности, которая, впрочем, давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений и возражений. Она состоит в том, что именно время является такой сущностью, которая носит принципиально вневещественный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть трудности состоит в том, что несмотря на «невосприимчивость», оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального и загадочного свойства психики, которое состоит в наличии способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность очень высокой степени сложности, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивность к идеальному.

То же самое следует констатировать и по отношению к еще одному терминологическому стереотипу – понятию «отражение времени». В его адрес должны быть высказаны все те возражения, которые существуют по отношению к предыдущему термину, но с еще

одним дополнением. Оно состоит в том, что именно по отношению к времени парадигма отражения (как исходно реактивная и потому – относительно пассивная) обладает наибольшими ограничениями. Субъективное время – и в каждом индивидуальном случае, и время вообще – как надындивидуальная реальность, как категория вовсе не *отражается*, а *порождается* – и в онтогенезе, и в еще более очевидной форме – в социогенезе. Впрочем, это также классическая проблема, связанная с оппозицией конструктивизма и объективного реализма в трактовке времени, равно как и иных категорий и понятий. Метафоричен и термин «приспособление ко времени». Дело в том, что адаптация в любом случае осуществляется вовсе не по отношению к самому времени, а к той среде – к ее организации, в которой функционирует личность, к тем содержательным параметрам, которыми она характеризуется. Поэтому время не *дано*, а *задано* организацией тех материальных сущностей, которые, в свою очередь, непосредственно даны. И уж совсем метафорическими являются те обороты, которыми пестрит «народная психология»: время – судья, время лечит и пр. Конечно, судит и лечит не время, а все то, что оно вмещает. Все эти метафоры, не лишённые, конечно, основания и оправданные в определенных пределах, все же являются разными проявлениями того, что можно обозначить как «ошибка субстанционализации» или ошибка онтологизации времени, поскольку время – это не сама онтология (реальность), а ее атрибут. Отсюда, кстати говоря, производны и живучие представления о загадочности времени, о его непонятности, непостижимости. Сложность, однако, в том, что эти представления – своего рода презумпция загадочности все же в определенном смысле оправданны. Дело в том, что через них и в них, действительно, проявляется такая загадочность, таинственность, но не самого времени, а того, что в нем заключено и что им высвечивается, то есть самого бытия, эксплицирующего через него свою еще бóльшую сложность и непостижимость.

Далее, по отношению к этой проблеме как нельзя более остро формулируется и вопрос о существовании (или не существовании) самого предмета исследования как некоторой объективной реальности. Это – наиболее общая и трудная проблема всей науки о времени, равно как и вненаучных (житейских и религиозных) представлений. В максимально общем плане эта проблема сопряжена и с основным вопросом

философии. Общий смысл этих трудностей зафиксирован, как известно, в «вечной» проблеме, состоящей в том, существует ли время как таковое, а ее содержание как раз и сводится к тому, чтобы обосновать онтологический статус самой реальности, которая зафиксирована в этой категории. Существует ли время как нечто объективное – вне-субъектное, а категория времени – это отражение и фиксация данной объективной реальности? Или же оно – не *отражение* реальности, а продукт *порождения* со стороны самого субъекта, то есть реальность исходно не объективная, а субъективная? Она, к тому же, может не только выступать продуктом субъектного конструирования, но и лежать в основе этого конструирования (что зафиксировано в понятии априорных категорий познания И. Канта). Известно также, что эта проблема является источником дифференциации двух основных концепций времени – объективистской и релятивистской. В этом плане используются даже выражения «устранение времени», «элиминация времени», «исчезновение времени», «выдуманность времени» и т. п. Тем самым, признание парадигмы порождения во многом равносильно идеалистичному варианту решения основного вопроса философии, а признание парадигмы отражения – его материалистическому варианту. Время, точнее его понимание выступает как критерий решения данного вопроса, в чем проявляется еще одна грань его значимости.

Наряду с этим, следует зафиксировать в качестве исходного, а затем – учитывать в ходе последующего анализа (и по возможности объяснить) еще одну особенность времени. Ничто не обладает столь же несомненной субъективной очевидностью – причем, такой, которая не только не требует дополнительных средств для своего обоснования, но сама и является этим обоснованием, сколь и невозможностью выступать в качестве непосредственного продукта, результата отражения, как время. Оно столь же ощущаемо – чувственно, сколь и сверхчувственно, недоступно ощущению в традиционном смысле.

Еще одна, хотя и не уникальная, но все же очень характерная особенность предмета исследования в психологии времени состоит в том, что он обладает свойством «вездесущести». Точно так же как нет «времени без сущности», нет и вневременных сущностей, а потому любой компонент объективной и субъективной реальности представлен во времени и, так или иначе, включает временную координату в свою организацию. Следовательно, в предмет психологии

времени должны быть включены, по существу, все основные предметы психологии в целом. Тем самым, предмет первой получает свойство распределенности по предмету второй; он не только растворяется в предмете второй, но и поглощается им, а тем самым начинает характеризоваться и свойством «ускользаемости». Имеет место известная в гносеологии ситуация «исчезновения предмета», которая, в действительности, свидетельствует о том, что исчезает не предмет, а наши упрощенные представления о нем. Кстати говоря, именно с этим сопряжена и одна из основных трудностей не только содержательного, но и композиционного плана, которую также необходимо предварительно отметить и впоследствии учитывать. Она состоит в том, что чем глубже и детальнее – конкретнее становится собственно темпоральный анализ тех или иных прелатов психологического исследования, тем в большей степени они трансформируются в субстанциональный. Это означает, что попытки выявления специфически темпоральных закономерностей всегда и неуклонно приводят к необходимости выявления закономерностей субстанциональной организации предметов исследования. Сама же темпоральная организация эксплицируется не только как сопряженная с субстанциональной, но и полностью производная от нее, а точнее – как ее аспект, одна из сторон. Однако в этом есть и свои плюсы, поскольку выявление темпоральной организации может быть понято и как средство проникновения в субстанциональные основы изучаемого предмета. В силу этого при рассмотрении собственно темпоральных аспектов организации с необходимостью приходилось обращаться к закономерностям собственно субстанционального плана, что делало это рассмотрение и объемным и не всегда напрямую соотносящимся непосредственно с временной проблематикой.

В связи с этим, по отношению к уровню конкретно-научного исследования проблемы времени, в отличие от философского уровня, категория времени не может и не должна рассматриваться в качестве априорной – доопытной. Напротив, она должна реализовываться в ее *апостериорном* статусе – как уже прошедшая опосредствование бытием и наполненная субстанциональностью, как получившая свою привязку к реальному носителю и окрашенная его закономерностями – более того, как выступающая формой их собственного существования и экспликации в научном познании. Поэтому данная

работа, будучи задумана изначально как книга *про* время, по мере ее написания – так сказать, с течением времени, во все большей мере становилась книгой *не совсем* про время, а иногда – и *совсем не* про время. И в этом, повторяем, нет никакой ошибки – той, которая обозначается как подмена предмета или его «скольжение»; напротив, в этом проявляется объективная логика его собственного развертывания – так сказать, движение от феноменологического уровня познания к сущностному, ноуменальному. В этом проявляется не уход от проблемы, а переход вглубь нее. Точно так же как любое бытие «погружено» во время, а само оно неотрывно от бытия, практически все его особенности и закономерности им же и детерминированы. Соответственно, его организация может быть раскрыта и понята только на основе выявления именно этих – бытийных закономерностей самого носителя времени. Поэтому, чем глубже и детализированнее становился проводимый анализ субъективного времени, тем в большей степени он трансформировался в содержательно-субстанциональный, направленный на выявление и интерпретацию структурно-функциональной организации психики в целом и ее основных «составляющих» как носителей времени – фактически, его атрибутантов. В связи с этим, кстати говоря, эксплицируется очень важная особенность проблемы субъективного времени. Она выступает не только в своем *предметном* статусе – как то, что подлежит исследованию, но и в методологическом статусе – в качестве *метода* (разумеется, в широком смысле) раскрытия закономерностей всех иных типов и категорий, характеризующих структурно-функциональную организацию и генетическую динамику практически любых объектов психологического исследования. Они – эти закономерности с необходимостью и даже – неумолимостью просвечиваются сквозь призму времени, а оно, в свою очередь, их же и высвечивает, выступая важным дополнительным каналом проникновения в их суть и содержание.

Разумеется, при обращении к проблеме времени в ее собственно *психологическом* аспекте необходимо учитывать и целый ряд очень значимых и очень характерных особенностей проблемы времени, но уже как *общенаучной*. Так, во-первых, она имеет действительно такой – общенаучный характер, причем, представленный с максимальной степенью выраженности и является поэтому по своему статусу *междисциплинарной*. В свою очередь, этот ее статус обуславливает как

позитивные, так и некоторые негативные моменты, точнее – трудности ее разработки. Первые связаны с тем, что, являясь междисциплинарной, а значит – разрабатываемой, так сказать, «широким фронтом», она характеризуется и комплексностью, многоаспектностью ее разработки, возможностью взаимообогащения результатов, получаемых в различных дисциплинах. Вторые связаны с известными сложностями, обозначаемыми как «трудности межъязыкового перевода». Они состоят в проблематичности синтеза данных, представленных в существенно разном терминологическом и понятийном аппарате, используемом в разных – подчас очень далеких друг от друга дисциплинах, не говоря уже о еще более существенных сложностях, обусловленных различиями в предметной ориентации и спецификации времени в них. Во-вторых, эта проблема носит и междисциплинарный *внутрипсихологический* характер, поскольку она разрабатывается в целом ряде направлений и отраслей самой психологии. Тем самым, возникают аналогичные трудности синтеза данных, хотя, конечно, представленные в меньше степени, чем в предыдущем случае. В-третьих, данная проблема принципиально синтетична и в еще одном – пожалуй, максимально общем плане: она является столь же конкретно-научной, в том числе – психологической, сколь и философской. Иначе говоря, она синтетична еще и в аспекте взаимосвязи двух качественно разных уровней познания – конкретно-научного и философского. Найдется достаточно мало других проблем, которые были бы столь органично и психологическими и философскими, как проблема времени. Более того, найдется еще меньше, но уже собственно психологических проблем, по отношению к которым роль философских традиций и парадигм их разработки не только сопоставима с ролью собственно психологических подходов, но в ряде случаев даже превосходит их. Философия времени – это отнюдь не только прошлое проблемы времени в психологии, она и ее настоящее и, возможно, будущее. В-четвертых, необходимо, конечно, учитывать и еще один аспект принципиальной синтетичности данной проблемы – ее неразрывную связь уже не с таким – более общим планом изучения, каковым является собственно философское познание, а с еще более широким контекстом – вненаучным. Он включает в себя беспрецедентный по объему и разнообразию спектр знаний о времени, сложившихся в религиозных представлениях, а также в различных эзотерических течениях. Они также аккумулируют в себе,

хотя и в специфическом виде, важнейшие познавательные результаты понимания феномена времени и должны быть учтены при реализации собственно научных подходов к его изучению, что особенно актуально для психологического познания. Наконец, в-пятых, при оценке статуса данной проблемы как принципиально синтетичной, а также ее роли в структуре как научного, так и философского познания, следует учитывать еще одну тенденцию, особенно отчетливо проявляющуюся на современном этапе ее развития. Она состоит в существенном возрастании внимания к ней и интенсификации проводимых исследований, равно как и в попытках формулировки принципиально новых подходов к ее разработке. Как справедливо отмечают в этой связи И. Пригожин и И. Стенгерс, «сегодня происходит своего рода концептуальная революция – наука вновь открывает для себя время» [445].

Во всех этих и многих иных – также характерных особенностей времени как предмета исследования проявляется не только его беспрецедентная сложность, но и явная специфичность, а сами они подразделяются на две группы. Первая включает те особенности, которые являются общими у нее и у ряда иных – также фундаментальных общенаучных проблем (распределенность предмета, его ускользаемость от анализа, множественность экспликаций и пр.). Вторая включает те, которые являются специфическими и даже уникальными для нее (например, специфика онтологического статуса, принципиальная несамостоятельность – «сцепленность» с субстанциональной основой и пр.). Все они в своей совокупности, а также в связи со сложной и противоречивой историей развития данной проблемы – и в философии и в конкретных науках, во многом и обусловили то состояние, в котором она находится сегодня. Одной из главных и определяющих черт этого состояния и является та ситуация несинтезированнойности и даже в известном смысле – концептуального разрыва между ней и существующими – основными психологическими теориями и методологическими подходами к их разработке, которая была констатирована выше. Однако именно в связи с этим вполне отчетливо вырисовывается и основная перспектива возможного преодоления данной ситуации – направленность тех исследований, которые должны вступить как приоритетные. Она, по нашему мнению, имеет двуединый характер.

С одной стороны, необходима реальная ассимиляция целым рядом основных – существующих сегодня психологических теорий

категории времени; включение ими ее в свой концептуальный состав. Однако это должно происходить не только и даже не столько как ее включение в качестве некоторого внешнеположенного предмета исследования, сколько как базовой – реальной и глубинной детерминанты организации и функционирования их собственного предмета, как внутреннего – аутохтонного фактора его собственной организации. Существующие теории – теория деятельности, теории сознания, концепции когнитивных процессов и др., сохраняя свой статус – как ориентированных на раскрытие субстанциональных основ своего предмета и свою исходную направленность на выявление содержательных особенностей и закономерностей, должны быть дополнены и их ориентацией на раскрытие специфически временной организации предметов изучения, стать и темпоральными по своему характеру. Сама же психология времени также должна быть сориентирована и на то, чтобы стать одной из органичных и существенных «составляющих» более общих и широких теоретических представлений, зафиксированных в этих концепциях. Она должна включать ее данные в их базовые теоретические представления, в их общий концептуальный строй и состав.

С другой стороны, и общая методология разработки проблемы времени должна быть существенно трансформирована, а одним из основных и определяющих направлений этого может и должна быть реализация по отношению к ней принцип системного подхода, но при соблюдении двух существенных условий. Первое состоит в том, что должен быть преодолен еще более выраженный разрыв между ним и исследованиями времени как в психологии, так и в иных дисциплинах, а также в философии, чем это констатировано по отношению к теоретическому уровню данной проблемы. Для этого сам он должен быть подвергнут определенной – не исключено, весьма существенной корректировке и приведению к виду, позволяющему конструктивно включить в него категорию времени и осуществить разработку специфических методологических средств, релевантных ее специфике и частично уникальности. И именно с этим обстоятельством связано второе условие – сама категория времени в целом и понятие субъективного времени, в особенности, должно быть подвергнуто исследованию в таком направлении и раскрыто в таком плане, который бы позволил эксплицировать специфику его статуса как

предмета системного изучения. Другими словами, необходимо выявить, каким образом существующие в системном подходе методологические средства и понятийные возможности релевантны категории времени и каким образом они могут быть модифицированы в целях ее дальнейшего изучения. При этом также не исключено, что такая корректировка может носить отнюдь не косметический характер, а потребовать достаточно существенных изменений традиционных представлений и понятийных стереотипов.

В связи с этим весьма показательны и то, что к аналогичным выводам привела логика развития целого ряда иных и также очень важных, даже определяющих проблем и направлений психологического исследования, в том числе и тех, которые были подвергнуты изучению и в наших работах. Это, как отмечалось выше, проблема деятельности, сознания, психических процессов, личности. Все они как раз и эксплицировали необходимость реализации указанной двуединой перспективы их разработки. Она, наряду с развитием их собственного концептуального содержания, предполагает и модификацию методологических оснований их разработки – причем, не «вообще», не как абстрактную необходимость, а во вполне конкретном, хотя также весьма общем виде – в виде совершенствования и углубления методологии системности в направлении ее трансформации в методологию метасистемного подхода. Именно этот подход – метасистемный, разработанный нами ранее и реализованный по отношению к отмеченным базовым предметам психологического исследования продемонстрировал свою конструктивность и, следовательно, возможность (а по нашему мнению и необходимость) его распространения на иные, также определяющие сферы психологической проблематики – в частности, на проблему субъективного времени. Решающим фактором такой конструктивности выступило то, что он позволяет преодолеть целый ряд принципиальных трудностей и противоречий, которыми характеризуются традиционные – классические варианты системного подхода и содержит в себе такие концептуальные и методологические средства, которые более релевантны специфике предметов собственно психологического исследования. Разумеется, во Введении неуместно давать ни его характеристику, ни то, каким образом он может и должен быть реализован по отношению к проблеме времени, поскольку именно это и состав-

ляет, собственно говоря, основное содержание всей данной работы. Пока необходимо зафиксировать лишь то, что именно такая реализация как раз и является приоритетным направлением разработки проблемы субъективного времени, а по отношению к ней в качестве базовой должна выступить методология метасистемного подхода.

Данное положение неразрывно связано с другим – также установочным обстоятельством, которое необходимо зафиксировать во Введении, поскольку оно затрагивает организацию всей этой работы. Одной из наиболее характерных особенностей современного состояния проблемы субъективного времени является множество частных подходов к ее разработке и, соответственно – частных концепций в данной области. Однако в существенно меньшей степени представлены работы обобщающего характера, направленные на их концептуальный синтез, а в перспективе – на разработку обобщающей психологической теории субъективного времени. В связи с этим, объективно наиболее важным для дальнейшей конструктивной разработки данной проблемы выступает попытка разработки целостных, то есть именно *обобщающих концептуальных* представлений по ней. При этом, однако, возникает очень сложный, а одновременно и важный вопрос о том, что именно должно представлять собой такое концептуальное обобщение? Какой должна быть общая организация и структура самой обобщающей теории субъективного времени? По каким основным направлениям она должна строиться? Понятно, что данные вопросы непосредственно связаны и с еще более общей, по существу, общегносеологической проблемой – с проблемой того, что представляет собой само *теоретическое* знание, какова должна быть структура теорий как таковых?

При ее решении следует руководствоваться положением, согласно которому построение целостных, обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений должно обязательно предполагать раскрытие предмета исследования в его *основных*, объективно главных гносеологических планах. Ими, однако, как раз и являются те планы – аспекты исследования, которые составляют в своей совокупности алгоритм системного исследования, разработанный в русле метасистемного подхода – *онтологический, структурный, функциональный, генетический и интегративный*. Лишь в этом случае на гносеологическом уровне, то есть в самих теоретических пред-

ставлениях, онтологический уровень (содержание изучаемого предмета) получает свою репрезентацию не только во всех его объективно главных планах и в аспекте его базовых категорий закономерностей, но и *принципиально целостно*. Сам предмет исследования, характеризующийся целостностью и системностью организации, аналогичным образом, то есть также целостно воспроизводится – отображается на уровне теоретических представлений о нем. Однако, именно такое – целостное, концептуально-обобщенное знание и есть ключевой признак теории как таковой. Само знание о предмете уже не как конгломерат отдельных аспектов, а как система становится таковой лишь в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; теория – это знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте, позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения.

Сформулированные выше положения методологического характера не только могут, но и, на наш взгляд, обязательно должны быть реализованы при разработке представлений об *общей стратегии* дальнейшей разработки проблемы субъективного времени. Это означает, что данная стратегия должна быть состоять в последовательности реализации по отношению к проблеме субъективного времени пяти отмеченных основных гносеологических планов – метасистемного, структурного, функционального, генетического, интегративного. Именно данная стратегия определила структуру и содержание всей данной работы, равно как и содержание тех вопросов, которые являются приоритетными в ней. Она же легла и в основу ее композиционного построения, которое как раз и состоит в реализации указанных выше пяти основных этапов и, соответственно, гносеологических аспектов проблемы субъективного времени. При этом подчеркнем, что прежде чем и для того, чтобы эта реализация была и обоснованной и по возможности конструктивной она должна обя-

зательно предваряться достаточно развернутым анализом истории развития и современного состояния данной проблемы, материалы которого составляют содержание первой главы.

Во второй главе дается характеристика методологических основ представленного исследования – рассматривается сущность и содержание метасистемного подхода как. В отношении данной главы, необходимо, однако, сделать следующее пояснение. Дело в том, что характеристика метасистемного подхода – и в более развернутом, и в более лаконичном варианте уже неоднократно была осуществлена нами в целом ряде предыдущих публикаций (см., например, в [248, 256]). В силу этого, на первый взгляд, представляется излишним, так сказать, «в очередной раз» обращаться к этому вопросу. Вместе с тем, поскольку практически все последующее изложение непосредственно и очень многопланово связано с основными положениями данного подхода и, более того, во многом базируется на нем, то включение в книгу данной главы выступило, фактически, как необходимость (хотя, повторяем, и не вполне желательная). Учитывая это, в данной главе представлены, во-первых, лишь наиболее значимые и общие положения метасистемного подхода. Во-вторых, акцент при его характеристике сделан, прежде всего, на тех его аспектах, которые в наибольшей мере и наиболее непосредственно соответствуют основным задачам данной работы¹.

В третьей главе по отношению к проблеме субъективного времени реализованы два тесно взаимосвязанных – базовых и отправных этапов (соответственно – планов) исследования, предписываемых этим подходом, – метасистемный и структурный. Так, именно первый из них направлен на решение ключевых и определяющих для всего последующего исследования и раскрытия всех иных сторон изучаемого предмета вопросов. Ими являются вопросы о его сущности и специфике, о его статусе как системного образования, о его реальной онтологии – детерминантах его существования и включенность в контекст более общих по отношению к нему и также реально – онтологически представленных метасистем. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данный этап и, повторяем, план

¹ Более того, если читатель уже имеет представления о сущности данного подхода, то дальнейшее ознакомление с данной работой можно продолжить с третьей главы.

исследования по отношению к проблеме субъективного времени весьма специфичен и отличается от традиционной постановки и общепризнанных способов ее разработки. Дело в том, что, согласно традициям, ее исследование направлено, главным образом или даже практически полностью на сам этот предмет – субъективное время, но уже на то, что *уже существует*, уже есть – как факт и реальность, которая, собственно, и подлежит исследованию. Впрочем, именно так обстоит дело и с исследованием времени в целом – не субъективного, а объективного: эти исследования исходят из его существования как уже свершившегося факта, хотя есть и попытки выхода за эту традицию. Они направлены на то, чтобы исследовать не время как нечто уже существующее, а само его *возникновение* – выявить те детерминанты, которые лежат в основе этого. Понятно, что такая постановка данной проблемы весьма нетрадиционна и, на первый взгляд, не вполне обоснована и даже понятна, входит в противоречие со многими стереотипами как научными, так и содержащимися в обыденном познании.

Вместе с тем, будучи обоснованным даже по отношению к физическому времени (в шуточной, но не лишенной смысла форме это отметил Б. Я. Зельдович: «Были времена, когда времени не было» [211]), данный вопрос становится уже совершенно очевидным по отношению к субъективному времени. Дело в том, что в каждом отдельно взятом случае формирования и развития индивидуальной психики субъективное время – в том его виде, в каком оно представлено как предмет психологического исследования вначале именно формируется – возникает, порождается, и лишь затем и на основе этого обретает статус предмета психологии времени. Следовательно, основной исследовательский вопрос и вообще – сама суть проблемы субъективного времени переносится в иную плоскость – в плоскость выяснения того, как оно возникает, как порождается сам феномен времени – и субъективного и объективного. Именно этот вопрос может быть поставлен и решен, хотя, разумеется, лишь частично и в определенном приближении с позиций реализации по отношению к нему метасистемного плана исследования. Тот вариант решения, который следует из результатов этой реализации, как раз и составляет основное содержание данной главы.

Далее, в этой же главе проблема субъективного времени рассматривается в следующем и также определяющем аспекте – *структур-*

ном². Ее ключевым положением, определяющим и ее содержание, и ее направленность, является верификация общетеоретической гипотезы, согласно которой в основе структурной организации субъективного времени лежит специфически системный принцип – принцип структурно-уровневой организации, а сама она может быть эксплицирована с позиций представлений о целостной иерархии ряда основных соподчиненных уровней.

В четвертой главе по отношению к проблеме субъективного времени реализован еще один и также очень значимый план исследования – *функциональный*, который, к тому же, по понятным причинам, вообще выступает наиболее конгруэнтным специфике «идеи времени» – его нестационарности, диахроничности – тому, что иногда обозначается термином «дление». Дело в том, что функциональность и темпоральность (представленность во времени) – это вообще ваимополагаемые и отчасти синонимичные понятия. Функциональность возможна только во временном измерении, а само время любой системы всегда представлено не как абстрактная сущность, а в привязке к функционированию, и даже, фактически, как само это функционирование. В основе материалов данной главы, также как и в основе предыдущей, лежит базовое предположение, определяющее ее содержание и направленность. Им выступает гипотеза о том, что, наряду с традиционно исследуемым типом системности – субстанциональной, существует и еще один ее тип – темпоральная, то есть временная системность, которая, в свою очередь, лежит в основе функциональной организации психических процессов и феноменов, образований и структур.

В пятой главе по отношению к проблеме субъективного времени реализован следующий гносеологический план исследования – *генетический*. Он направлен, с одной стороны, на выявление закономерностей формирования и развития субъективного времени, а с другой, на то, чтобы выяснить, каким образом сам его генезис вплетен

² При этом, разумеется, возникает вполне естественный вопрос – почему два таких основных и определяющих аспекта – метасистемный и структурный объединены в одной главе? Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что он сопряжен с очень важными и требующими самостоятельного и специального рассмотрения обстоятельствами, которые вскрывают саму суть организации и специфики субъективного времени. Оно и будет осуществлено в ходе последующего изложения.

в генезис иных – определяющих компонентов психики и каким образом раскрытие темпоральных закономерностей генетического плана может содействовать раскрытию общих закономерностей генезиса психических образований. Следовательно, в основе и этой главы также лежит еще одна общая установка, определяющая ее содержание и направленность. Она состоит в том, чтобы понять и реализовать генетическое исследование субъективного времени не только как предмет изучения, но и как метод раскрытия иных – более общих закономерностей генезиса психики и ее основных компонентов.

Наконец, в шестой главе реализован заключительный этап общей процедуры исследования – *интегративный*. Он, как известно, направлен на выявление критически значимых, важнейших свойств предмета исследования – его интегративных, то есть системных качеств. Именно они лежат в основе того главного, что есть в любом предмете – качественной определенности, то есть того, «благодаря чему нечто является тем, чем оно является» (Г. В. Гегель [137]). По отношению к субъективному времени данная проблема конкретизируется до вопроса о том, как и почему субъективное время обретает свои основные атрибуты – прежде всего, тот, который и составляет его субъективную данность – чувствительность к нему и его не просто непосредственную ощущаемость, но и такую, которая является и наиболее очевидной и наиболее естественной. Прочему, несмотря на отсутствие реально представленного онтологического «объекта отражения», оно все же является непосредственно ощущаемым и составляющим непреложную сторону любой субъективной реальности – как оно, так сказать, окачивается и становится не просто фрагментом субъективной реальности, но и ее основой – ее реальной онтологией. В основе этой главы, также как и предыдущих, лежит определенная установка методологического плана, обуславливающая ее содержание и направленность. Она состоит в том, что, поскольку ее основной целью является решение вопроса о качественной определенности предмета исследования, то методологией его решения должна выступать соответствующая его содержанию методология качественного анализа как такого подхода, который выступает еще более общим, нежели сам системный подход. Данное обстоятельство нередко забывается в настоящее время, хотя оно критически значимо для расширения эвристических возможностей самого системного подхода. Дело в том, что именно оно позволяет синтезировать системный подход

с тем богатым концептуальным багажом, который содержится в методологии качественно анализа и с базовой общенаучной категории *качества*, которая, в свою очередь, вообще является основной «единицей» познания (В. П. Кузьмин [311]).

Итак, можно видеть, что каждая из глав посвящена тому или иному основному, базовому гносеологическому плану исследования проблемы субъективного времени. Поэтому они, с одной стороны, относительно самодостаточны, но лишь в той мере, в какой сами основные гносеологические планы изучения любого предмета (в данном случае – субъективного времени) вообще дифференцируются в научном познании как базовые и качественно специфические. С другой стороны, все эти планы, несмотря на их основополагающий характер, являются все же именно гносеологическими по своей природе. Они выступают, хотя и как предельно обобщенные, но все же именно как срезы, аспекты, «призмы видения» единого в *онтологическом* отношении предмета исследования. В связи с этим, все главы, конечно, теснейшим образом взаимосвязаны. Их единство заключается в том, что они – именно в своей совокупности есть не что иное, как отображение на концептуальном уровне онтологического единства самого предмета исследования (деятельности).

Вместе с тем, именно такое их единство – гармонизированность и взаимосвязанность сопряжена не только с объективно позитивными моментами, но и таит в себе неизбежные моменты негативного плана. Их суть связана с тем, что именно онтологическое единство основных планов и их взаимопроникновение друг в друга обуславливают необходимость при анализе того или иного из них обращения ко всем иным. Так, например, объективно невозможно раскрыть закономерности функциональной организации субъективного времени (то есть реализовать функциональный план исследования) без опоры на раскрытие (и, соответственно – изложение) закономерностей его структурной организации. Аналогично этому, генетическая динамика формирования субъективного времени «нераскрываема» вне развернутого изложения особенностей его структурной и функциональной организации. Тем самым возникают практически неустраняемые, неизбежные повторы и, соответственно, необходимость дублирования материалов – их повторяющегося рассмотрения (хотя, конечно, и в разных ракурсах по отношению к различным аспектам данной

проблемы). Эта особенность носит объективный характер; она поэтому полностью практически неустранима, что мы вполне осознаем. Она, в частности, обусловила и достаточно большой объем материалов данной работы; и необходимость в повторном обращении к уже в значительной мере рассмотренным вопросам; и даже дублирование некоторых фрагментов изложения. Вместе с тем, мы полагаем, что это – все же «меньшее зло», нежели фрагментарность и неполнота раскрытия каждого из гносеологических планов.

С этим обстоятельством связана и еще одна особенность данной работы. Дело в том, что она, как отмечалось выше, имеет достаточно длительную предысторию, поскольку рассматривающиеся в ней вопросы постоянно и в течение длительного времени возникали при исследовании целого ряда иных и, как правило, определяющих проблем – деятельности, сознания, психических процессов, структуры личности и др. Поэтому она в известном смысле является своего рода «ответом» на них. В силу этого, с необходимостью приходилось систематически обращаться к тем работам, в которых представлены результаты их исследования. Это также обусловило достаточно объемный характер данной работы, равно и как то, что она в известном смысле носит характер антологии уже выполненных исследований, точнее – их обобщением.

В отношении композиционного построения данной работы необходимо отметить также следующее обстоятельство. Она состоит из двух томов; в первом из них объединены, соответственно, три первые из указанных выше глав, а во втором – три другие. Вместе с тем, вся эта работа представляет собой, по существу, единое целое, а сама дифференциация на два тома связана в значительной мере лишь с обстоятельствами чисто технического плана – прежде всего, с достаточно большим объемом материалов, которые потребовалось привлечь для достижения ее основных целей. В силу такого единства, в обоих томах сохранена единая нумерация глав, они имеют общее Введение и Заключение, а также общий список литературных источников (хотя, конечно, конкретная источниковая база в них существенно различна).

В заключение хотелось бы сделать и некоторые замечания субъективного характера. Выше уже отмечалось, что замысел этой книги оформлялся достаточно долго и не был первоначально какой-то особой – специально сформулированной целью. Напротив, он вызревал постепенно и параллельно с исследованием целым рядом иных –

иногда вообще не связанных с временной проблематикой вопросов. Однако, на определенном этапе их развертывания их же собственная логика постепенно, но неуклонно стала приводить к такой необходимости. Она именно *привела* к ней, а то, как это произошло – именно шло, происходило в течение длительного времени. Тем самым эксплицируются два обстоятельства. Первое – инвариантный характер самой необходимости обращения к категории времени, независимо от того, какая проблема исходно выступает в качестве предмета исследования – своего рода, неотвратимость такого обращения. Это подтверждает и фундаментальность самого времени как неотъемлемого компонента любой реальности и, следовательно, невозможность или недопустимость его неучета, хотя иногда и на относительно поздних этапах разработки проблем. Второе – темпоральный аспект разработки психологической проблематики выполняет интегративную функцию, поскольку в нем синтезируются общие для очень разных в предметном содержании объектах закономерности – собственно темпоральные. Время, являясь атрибутом реальности – в том числе, и субъективной, интегрирует эту реальность в онтологическую целостность, которая через психологию времени должна быть воспроизведена и на гносеологическом уровне – в форме *единой* теории субъективного времени³. В ней оно должно быть эксплицировано не только в его традиционном виде – как предмет исследования, но и в его глубинном предназначении – в качестве одной из базовых детерминант и, возможно, операционных средств организации психики и ее составляющих. Понятно, что пока все эти положения носят по необходимости характер предположений. Однако вся суть ситуации как раз и состоит в том, чтобы сделать их предметом специального рассмотрения, направленного на то, чтобы трансформировать их из статуса предположений в статус обоснованных положений,

В еще более субъективном плане отмечу, что, поскольку замысел книги оформлялся постепенно, а его первоначальные наброски возникли достаточно давно, но они все же не позволяли «рискнуть» приступить к его осуществлению, то можно сказать и так: в определенное время все же настало время, чтобы потратить время на книгу про время.

³ Используя философскую терминологию, следует подчеркнуть, что оно качественно реальность – в том числе, и субъективную.

Глава 1

Проблема субъективного времени в психологии и философии

1.1. Проблема субъективного времени в психологии

1.1.1. История развития и основные направления разработки проблемы субъективного времени в психологии

Та область психологического знания, которая связана с категорией времени, характеризуется целым рядом специфических особенностей, обусловленных, в свою очередь, закономерностями ее становления и развития, а также явным своеобразием самого предмета изучения. Выявление и фиксация этих особенностей, а также их осмысление и последующий учет выступает необходимым условием для любых вновь осуществляемых исследований в данной области, в том числе, и того, которое представлено в данной работе. Причем, очень характерно, что уже первая и наиболее явная из них одновременно выступает и источником наибольших трудностей их аналитического рассмотрения. Она состоит в том, что спектр такого рода исследований чрезвычайно широк и очень разнообразен, а сама проблема времени является подчеркнута междисциплинарной по своему общенаучному статусу. Она достаточно интенсивно разрабатывается как в гуманитарных, так и в естественных науках. Так, по отношению к первой группе дисциплин – гуманитарных она представлена, в частности, в работах [42, 43, 57, 160, 201, 237, 285, 322, 341, 433, 546, 547, 549, 692]. Наряду с этим, она подвергнута многоплановым исследованиям и в дисциплинах естественнонаучного цикла – в частности, в работах [12, 24, 43, 48, 70, 83, 168, 191, 200, 211, 233, 290, 315, 333, 353, 425, 469, 559, 585, 593, 649, 670, 704, 717]. Кроме того, представлены и исследования, выполненные в связи с культурологической проблематикой, с исследованиями художественного и литературного творчества, в частности, работы [59, 89, 141, 153, 161, 228, 353, 381, 566, 568, 628, 663, 670]. В силу этого, возникают множественные сложности осмысления и систематизации результатов, получаемых в таком большом комплексе исследований, равно как и попыток определения общих – инвариантных характери-

стик представлений в данной области, а также основных тенденций общей логики их развития. Как следствие этого, существует и множественность способов экспликации основных направлений исследований в данной области, различающихся как в содержательном плане, так и в степени их дифференцированности.

Так, в частности, одной из наиболее общепринятых и, в то же время, относительно наиболее простых является такая совокупность основных *направлений* исследований в данной области, которая дифференцируется по критерию ее основных задач. Она включает следующие направления [378, 492]:

- изучение истории исследований времени в психологии;
- исследование психофизиологии восприятия и оценки времени в рамках задач психологического исследования времени;
- изучение репрезентации и конструирования субъективного времени и временной перспективы личности;
- исследование возрастных особенностей психологии времени;
- разработка социальной психологии времени;
- изучение методов и методик исследования в психологии времени;
- разработка и апробация методов коррекционной и психотерапевтической работы с нарушениями восприятия, репрезентации, конструирования времени, нарушениями временной перспективы;
- исследование и применение методов и методик повышения эффективности
- деятельности с использованием разработок психологии времени.

Эти и иные направления исследований представлены в многочисленных работах по данной проблеме – в том числе, в работах обобщающего характера [22, 34, 49, 74, 91, 103, 130, 146, 172, 179, 180, 185, 191, 199, 206, 209, 223, 310, 339, 382, 389, 422, 496, 513, 521, 615, 623, 670, 673, 702, 704].

Разумеется, эта классификация далеко не исчерпывает всю совокупность основных направлений исследований и должна быть дополнена иными способами их систематизации. Так, в частности, должны быть учтены те исследования, которые связаны с изучением физиологических основ восприятия времени, сопряженных, в свою очередь, с фундаментальными собственно биологическими закономерностями и особенностями – в частности, с циркадной ритмичностью функци-

онирования организмов [51, 97, 162, 301, 552, 595, 677, 691, 713, 717, 737, 739, 795, 798]. Далее, особое и очень специфическое направление исследований – это, разумеется, изучение патологии субъективного времени и его нозологической специфичности [63, 278, 391, 502, 506, 593]. Кроме того, указанные направления должны быть не только дополнены, но и детализированы, поскольку они в настоящее время дифференцируются на ряд относительно самостоятельных проблемных областей. В частности, такое крупное направление, как исследование субъективных репрезентаций времени предполагает дифференциацию исследований на основе их уровневого рассмотрения, то есть по отношению к разным уровням организации самих когнитивных процессов, обеспечивающих такую репрезентацию – сенсорно-перцептивных, имагинативных, мнемических, мыслительных. Это же направление должно быть дифференцировано и еще по одному основанию – специфике собственно когнитивных и внекогнитивных (личностных) репрезентаций времени. Только за счет этого такое крупное и подчеркнуто самостоятельное направление исследований, как изучение субъективного времени в контексте психологии личности, действительно, выделяется как таковое – самостоятельное. Направление, связанное с социальной психологией времени, также должно быть дифференцировано, поскольку в нем все более самостоятельной и специфической становится организационная психология времени, связанная с исследованием отношения ко времени в различных организационных структурах. В этом же направлении самостоятельное значение приобрело такое течение исследований, как тайм-менеджмент. В целом можно констатировать, что развертывание исследований в области психологии времени осуществляется как по экстенсивному, так и по интенсивному пути. Первый предполагает расширение спектра исследований за счет постановки и изучения все новых проблем и расширения проблемного поля. Второй путь предполагает внутреннюю дифференциацию и углубление, а также детализацию и конкретизацию традиционных, то есть классических направлений изучения.

Далее, следует иметь в виду, что дифференциация основных направлений исследований возможна и на основе критерия тех базовых *проблем*, которые оформились к настоящему времени и также обрели статус своего рода классических. К ним, в частности, относятся следующие проблемы.

- является ли темпоральная организация человека единой, или содержит независимые друг от друга уровни;
- какова единица индивидуального психологического времени человека;
- каковы индивидуальные характеристики переживания времени;
- каким образом происходит интериоризация социального времени;
- каким образом психика конструирует будущее;
- возможны ли коррекционные подходы к темпоральной организации и каковы они.

Разумеется, и эта классификация также нуждается в существенном дополнении и включении в нее столь же значимых проблем – причем, нередко еще более сложных. Так, в частности, это проблема (точнее – комплекс проблем), связанная с известной парадоксальностью и противоречивостью базового конструкта психологии времени – понятия восприятия времени. Дело в том, что именно время, в отличие от многих иных объектов репрезентации, носит такой характер, который не допускает в принципе его непосредственную – чувственную репрезентацию и, следовательно, его восприятие в том содержании, в каком оно реализуется во всех иных случаях. Действительно, как можно воспринимать то, что в принципе носит внечувственный характер и для чего нет соответствующих сенсорных детерминант? Это, как известно, – одна из самых трудных и во многом «загадочных» проблем всей психологии времени. Далее, в связи с этим, существует и еще одна столь же общая проблема, состоящая в необходимости установления и интерпретации как общих, так и специфических особенностей восприятия времени по отношению к иным формам и уровням перцептивной репрезентации объективной реальности. Это, конечно, и задача несколько иного – собственно теоретического плана, связанная с разработкой обобщающих объяснительных концепций, раскрывающих психологические механизмы темпоральных репрезентаций и адаптации к параметру времени.

Вместе с тем, не только возможность, но и необходимость дополнения традиционных направлений психологии времени новыми проблемами не означает умаления роли первых, а наоборот, подчеркивает их базисный, фундаментальный характер. Он состоит в том, что именно они не только были, но и во многом продолжают оставаться основой всей психологии времени и, более того, служат основой для самого воз-

никновения на их базе новых сфер исследования. Кроме того, материал, который получен при их разработке, в столь же многом определяет нынешний облик всей психологии времени. В силу этого, ни в коей мере не претендуя на полноту охвата имеющихся в этом плане материалов, отметим те из них, которые имеют наиболее принципиальное значение для общей характеристики данной предметной области.

Так, специфику *исторического* аспекта проблемы времени, связанного с зарождением и развитием собственно психологических представлений об этом феномене, по нашему мнению, наиболее полно и емко характеризует известное выражение Г. Эббингауза: «У психологии огромная предыстория и очень короткая история». Точно так же и у проблемы времени в психологии столь же огромная предыстория и весьма короткая история. В самом деле, проблематика времени рассматривалась и до становления психологии как самостоятельной науки (Гераклит, Зенон, Аристотель, Августин, Р. Декарт, И. Кант, Г. Лейбниц, И. Ньютон и мн. др. [5, 27, 28, 37, 38, 45, 94, 169, 268, 327, 406]). Первое упоминание категории времени приходится на античную мифологию и древнегреческий эпос. Исследования гомеровского эпоса показывают, что в «Одиссее» впервые упоминаются категории пространства и времени. В гесиодовской «Теогонии» присутствует представление о двух временах: одно – циклическое время несовершенного мира, другое – высшее время, в котором отсчитываются глобальные моменты в истории мира. Это и представления религиозного характера, эволюционирующие вместе со становлением основных направлений самой религии и выступающие одними из наиболее важных составляющих практически всех мировых религий [562]. Их рассмотрение – это, безусловно, отдельная и поистине безграничная тема, далеко выходящая за рамки данной работы⁴. Подчеркнем лишь то, что они сыграли важнейшую роль в осмыслении феномена времени – причем, в самых разных аспектах человеческого бытия. Что касается развития

⁴ Данное обстоятельство необходимо зафиксировать специально в связи со следующим: роль тех представлений о времени, которые сложились в их рамках, равно как и целом ряде эзотерических течений, настолько велика и многогранна, что, так сказать, «только затрагивать» ее по ходу анализа было бы недопустимым упрощением и умалением самой этой роли. Поэтому мы вполне осознанно оставляем данный аспект вне поля рассмотрения, хотя, конечно, и отдаем отчет в его несомненной значимости для раскрытия природы феномена времени.

представлений о времени в философии, то одним из первых мыслителей, поставивших вопрос о природе времени, был Платон. Он характеризует время в своем трактате «Тимей» как «движущееся подобие вечности». Оно является характеристикой несовершенного динамического мира, где нет блага, но есть лишь стремление им обладать. Время, таким образом, обнаруживает момент неполноты и ущербности (никогда нет времени). Вечность (греч. αἰών), напротив, является характеристикой статического мира богов. Аристотель развил это понимание времени, определив его как «меру движения» [37, 38]. Такое толкование было закреплено в его «Физике», и оно заложило основу естественно-научного понимания времени. Согласно Августину, субъективное время является феноменом смены восприятий (растяжением души – лат. *distentio animi*) [37]. Августин различает три части времени: настоящее, прошлое и будущее [5]. Прошлое дано в памяти, а будущее в ожидании (в том числе в страхе или в надежде). Августин отмечает такой аспект времени, как необратимость, поскольку оно наполняется свершающимися событиями (время проходит). Помимо души человека, время обнаруживает себя в человеческой истории, где оно линейно.

Вообще говоря, данная проблема как психологическая имеет очень давние и многогранные связи с ее постановкой и изучением именно как философской, а сама она в целом является, так сказать, пограничной между уровнями психологического и философского исследования. Эта – важная особенность данной проблемы в дальнейшем станет предметом специального рассмотрения; пока же зафиксируем сам ее факт, а также необходимость привлечения к проводимому здесь анализу многочисленных работ собственно философского характера – в частности [2, 34, 43, 50, 70, 86, 131–133, 144, 151, 157, 158, 193, 209, 221, 341, 344, 407, 412, 464, 465, 491, 517, 518, 564, 565, 594, 616, 628, 647, 768, 776].

Определяющее значение для развития представлений в данной области имеют представления, сформулированные И. Кантом. Как справедливо отмечают Е. И. Головаха и А. А. Кроник: «Впервые психологические закономерности переживания человеком времени были строго сформулированы Кантом» [146]. В истории философии с именем И. Канта связана концепция трансцендентальной идеальности времени как априорного условия чувственного созерцания. Так, он указывал, что «когда мы разбираем качества предметов по показаниям ор-

ганов чувств, остаются две характеристики, которые нельзя привязать ни к какому ощущению – пространство и время. Они не даны в ощущениях, значит их нет в опыте; они изначально встроены в механизм познания» [238]. Априорные формы – это не фантазия сознания, а естественный, «природный» способ организации им хаотичного чувственного материала. Это естественная способность структурировать, упорядочивать информацию о внешнем мире. «И, следовательно, мы никогда не столкнемся с вневременными и внепространственными предметами. И не потому, что таких нет, а потому, что мы смотрим на мир через «пространственно-временные очки» [239]. Следовательно, подступая к наблюдаемым вещам, люди уже вооружены определенными концептуальными инструментами – априорными категориями рассудка. Человек может постигать мир только в меру своих познавательных способностей и поэтому не может рассчитывать на абсолютное знание.

Далее, он подчеркивал, что отношение ко времени и его переживание находятся в зависимости от характера деятельности различных субъектов: «Потребность во времени есть нечто относительное, узнать и понять которое можно, лишь сравнивая величину предполагаемого дела со скоростью его исполнения. Поэтому один и тот же промежуток времени, который для одного рода существ кажется лишь мгновением, для другого может оказаться весьма продолжительным временем, в течение которого благодаря быстроте действий происходит целый ряд изменений» [239]. Само понятие «потребность во времени» открывает диахронный аспект исследования человеческой деятельности, поскольку ориентирует на анализ длительности и последовательности необходимых для достижения какого-либо результата действий. Это означает, что потребность «в определенном предмете для своей реализации предполагает наряду с постановкой цели и выбором средств также и формирование потребности во времени, которая и выступает исходным моментом, влияющим на особенности дальнейшего использования и переживания времени в процессе деятельности» [239]. Он предложил для измерения величины данной потребности формулу: это – прямая зависимость от объема необходимых действий и обратная – от скорости их исполнения, которая определяет принципиальную возможность психологической «растяжимости» времени, проявления существенных различий в индивидуальном переживании равных по хронологической

длительности, но разнонаполненных деятельностью интервалов. И. Кант впервые предпринял попытку и научного объяснения проблемы изменения субъективной скорости времени в различных условиях функционирования психики, связав ускорение или замедление времени с разнообразием или монотонностью деятельности.

Г. Гегель, в отличие от И. Канта, считал пространственность и временность присущими вещам самим по себе, однако указывал на ограниченность материальных форм, которая преодолевается в процессе самореализации духа. Он отмечал: «Познающее мышление не задерживается на этих формах, а постигает вещи в их понятии, содержащем внутри себя пространство и время, как нечто снятое» [250]. В связи с этим, как справедливо подчеркивают Е. И. Головаха и А. А. Кроник, «пространственность и временность, открывающиеся субъекту на стадии чистого созерцания, выступают формами внеположности духа. Однако, когда созерцание переходит в представление, оно не становится только прошедшим, в снятом виде оно присутствует и в настоящем» [137]. В связи с этим он приходит к выводу, что данными словами «выражается отнюдь не только прошедшее, но вместе с тем и настоящее; прошедшее является здесь лишь относительным, – оно имеет место только при сравнении непосредственного созерцания с тем, что мы в данный момент имеем в представлении» [138]. Важнейший момент здесь – указание на относительность прошлого, с одной стороны, как уже прошедшего и невозвратимого, а с другой – как реального, снятого в настоящем содержания сознания и деятельности человека.

Говоря о философской предыстории психологии времени, а в более широком и о философии времени в целом, необходимо, по нашему мнению, подчеркнуть следующее очень характерное обстоятельство. Выше уже отмечалось, что у психологии времени как направления исследований существует целый ряд специфических особенностей, одной из которых является то, что она, взятая именно в историческом плане, повторяет, воспроизводит в себе некоторые характерные черты истории развития психологии в целом. Так, в частности, это проявляется уже в наиболее общей из них – в том, что она, равно как и психология, имеет длительную предысторию и короткую историю. Вместе с тем, еще одной – причем, пожалуй, даже еще более общей является и та черта данного направления, которая заключается в его неразрывной и, по существу, атрибутив-

ной связи с философией. Действительно, очень многие проблемы и направления, школы и течения психологии неразрывно сопряжены с философским познанием и, более того, в значительной мере обусловлены им, испытывая на себе его непосредственное влияние. Однако, пожалуй, именно категория времени, проблематика субъективного времени является наиболее нагруженной философским наследием; она вообще в наибольшей мере испытывает на себе влияние собственно философских воззрений и является потому максимально философизированной. Более того, именно по отношению к ней роль и значение тех результатов, которые получены в философии, не только сопоставима с результатами собственно психологических исследований, но в ряде случаев даже превосходит их. Это относится и к глубине исследований, и к степени их обобщенности, и даже частично к собственно содержательным характеристикам, связанным с выявлением конкретных закономерностей субъективного времени. Подобно тому, как психология в целом, являясь исходно составляющей философии, а затем, дифференцируясь от нее, но продолжая испытывать на себе ее комплексное влияние, психология времени характеризуется тем же. Причем, по отношению к ней все это представлено даже в еще более явном и демонстративном виде. Более того, эта связь и влияние философского познания на психологию времени отнюдь не исчерпывается, так сказать, только историческим аспектом, сопряженным с тем, что оно во многом подготовило данное направление. Дело еще и в том, что оно продолжается и впоследствии – на всем протяжении развития данного направления, обогащая его новыми обобщениями и концептуализациями и во многом определяя его общее видение, равно как и направленность этих исследований. Философия времени – это отнюдь не только прошлое психологии времени и ее предпосылка, но и его настоящее и, возможно, будущее.

Кроме того, следует учитывать и еще одну важную особенность развития представлений о времени в рамках философии. Она состоит в том, что по мере такого развития эти представления со все большей настоятельностью требуют обращения к данным конкретно-научного – прежде всего, конечно, психологического плана. Проблема времени вначале – как онтологическая и гносеологическая все более эпистемологизируется, а затем и психологизируется. Она, поставленная как общефилософская, не может не приводить к таким вопросам,

которые по самой своей сути предполагают экспликацию собственно психологических механизмов и закономерностей. В этом, впрочем, нет ничего необычного; напротив, все это отражает общую логику взаимодействия двух уровней познания – философского и конкретно-научного. Первый, приводя к постановке тех или иных общих проблем и давая импульс в их осмыслении и методологической рефлексии, затем с необходимостью предполагает привлечение данных конкретно-научного плана. Впоследствии, однако, на их основе и с использованием соответствующих методологических средств происходит их вторичное обобщение, носящее методологический характер, что, в свою очередь, позволяет сформулировать новые общие вопросы, требующие конкретно-научного исследования и, следовательно, повторения этого гносеологического цикла. Констатируя это, следует, вместе с тем, отдавать отчет и в том, что анализ философского уровня разработки проблемы времени, равно как и его роли в разработке проблематики субъективного времени, – это огромная по объему тема, и она требует самостоятельного, специального анализа. Он, разумеется, не является целью данной работы, что, однако, не освобождает от необходимости определить общий смысл и характер такого детерминирующего влияния философского познания на психологическую разработку данной проблемы. Именно это и будет предпринято далее – в параграфе 1.2.

В собственно психологическом – конкретно-научном плане разработка проблемы времени инициировалась, в основном, в исследованиях представителей французской, немецкой и в несколько меньшей степени английской и российской психологии. Кроме того, как справедливо отмечается в [146], «к моменту возникновения первых психологических лабораторий усилиями физиологов (Гельмгольца, Дондерса, Экснера и др. (по [146]) было доказано, что психологические процессы характеризуются определенным временем реакции, которое включает время проведения нервного импульса как физиологический компонент и время задержки ответа на стимул, обусловленное механизмами переработки информации, поступившей в мозг». Был создан специальный прибор – хроноскоп Гиппа, фиксирующий время реакции испытуемых на раздражители с точностью до тысячных долей секунды [637]. Эти исследования оказали существенное влияние на первые шаги экспериментальной психологии, в рамках

которой были предприняты попытки связать закономерности, выявленные при измерении времени реакции, со спецификой различных психических процессов.

Далее, в работах Н. Н. Ланге была показана зависимость продолжительности времени реакций от уровня психической деятельности [318]. Измерение времени реакции в ассоциативном эксперименте использовалось Ф. Гальтоном и В. Вундтом для изучения мыслительных процессов, поскольку предполагалось, что различия во времени, необходимом для установления тех или иных словесных ассоциаций, позволяют судить об особенностях формирования представлений, соответствующих различным типам ассоциаций [126, 707]. Анализ времени реакции не привел, однако, непосредственно к постановке проблемы психологического времени, поскольку в его основе лежало традиционное представление о времени как чисто хронологической длительности, выступающей внешним количественным эквивалентом внутренних процессов.

Г. Спенсер в 1855 году, говоря о способности приспособления внутренних процессов организма и свойств психики под внешние условия, указывал на время как одну из форм «приспособления внутреннего под внешние условия» [516]. Как отмечает А. В. Михальский, «Пожалуй, с этого предположения, началась линия концепций, которые говорят о существовании специальных образований в организме, способных подстраиваться и замечать ход физического объективного времени» [328]. Э. Титченер, изучавший восприятие звука, ритма и мелодии, приходит к выводу о том, что существуют два измерения субъективного времени – последовательность и одновременность [541]. Их сочетание образует единое поле восприятия времени: мы воспринимаем мелодию как последовательность нот, однако удерживаем ее целиком в поле внимания. Э. Титченер приходит к заключению о том, что альтернатива последовательности и одновременности, существующая в физическом времени, должна быть пересмотрена применительно ко времени психологических процессов. Действительно, несколько единиц звукового ряда последовательны в том смысле, что идут друг за другом в определенном порядке, доступном восприятию; вместе с тем они одновременны, поскольку образуют целостную структуру слухового образа. Наконец, еще один представитель английской психологии – Г. Вудроу подчеркивал субъективность, «придуманность»

восприятия времени в отрыве от реального восприятия: «время представляет собой понятие, которое... связано с восприятием только посредством процессов умозаключения» [125].

Выдающуюся роль в развитии представлений о психологии времени сыграли представители французской психологии и философии – Ж.-М. Гюйо, А. Пьерон, П. Жане, Ж. Пиаже, П. Фресс, Ж Нюттен, Л. Сэв, Ж.-П.Сартр [166, 197, 198, 409, 429, 459, 488, 489, 532, 571, 572, 722, 769]. Отличительная особенность этих представлений – их неразрывная связь с генетическим аспектом проблемы времени как в широком – антропологическом плане, так и в плане онтогенетического развития личности. Так, Ж.-М. Гюйо считал время не априорным условием восприятия, а следствием восприятия мира. Он утверждал, что время есть продукт человеческого воображения, воли и памяти, и допускал, что человек обладает способностью, не присущей животным, создавать идею времени из нашего познания и практического опыта [166]. Основная мысль Ж.-М. Гюйо состоит в том, что представление о пространстве возникает раньше, чем представление о времени и что представление о времени требует пространственных образов. В его основной работе [166] проводится мысль о том, что временные представления исторически и онтогенетически формируются на основе пространственных. Причем, сам термин «пространственные» здесь следует понимать в широком смысле – как эквивалент субстанциональности, «вещности» воспринимаемого мира и, следовательно, первичности материальных свойств предметов, их качественных, а не формальных, в том числе, и временных характеристик. Он отмечает: «Желать подобно Спенсеру построить пространство с помощью времени следовательно, впасть в противоречие с истинными законами эволюции, ибо, напротив, лишь с помощью пространства мы приходим к представлению времени» [166]. Пространство играет исключительно важную роль в концепции Ж.-М. Гюйо, ибо с помощью пространства мы не только можем представить себе время, но и отделить настоящее от прошлого и будущего. А. Бергсон указывает, что у Ж.-М. Гюйо «идея времени вытекает из идеи пространства, а движение служит посредником» [166]. Он опирается при этом на слова М. Гюйо: «Движение в пространстве создает время в человеческом сознании» [166].

Однако движение в пространстве не есть идея пространства, а время, по Ж.-М. Гюйо, создается силами, которые одновременно

создают (в сознании) пространство и время. «Если же у человека, и, особенно, у ребенка идея времени оказывается очень туманной сравнительно с идеей пространства, то в этом нужно видеть естественное последствие порядка в эволюции, развившей чувство пространства раньше чувства времени» [166]. Причину этого Ж.-М. Гюйо усматривает в том, что пространство мы воспринимаем непосредственно, с помощью восприятия, а время – с помощью «воспроизводительного воображения»: «Для восприятия времени необходима апперцепция того, что данное представление есть воспроизведенное представление». Более того понятие пространства в широком смысле включает в себя и параметр значимости объектов. Как отмечает В. Н. Молчанов, «пространство как иерархия значимости конституируется вполне зримой человеческой телесностью и деятельностью [384]. Тем не менее, пространство значимости нельзя увидеть или ощутить с помощью каких-либо органов чувств, также как нельзя увидеть значение слова. В обоих случаях существует материальный субстрат: в случае слова – это его физическая сторона – слышимый звук голоса, видимый шрифт и т. д., в случае смыслового пространства жизненного мира – это конкретное физическое (включая сюда и искусственное) пространство местонахождения, телесная активность (как наблюдаемая со стороны, так и конститутивная) и вещьобразная среда. Наглядно можно представить только элементы материального субстрата пространства значимости, и при этом с помощью другого пространства – геометрического [166]. И далее указывается: «исходная проблема состоит для Ж.-М. Гюйо в том, чтобы понять, «каким образом удастся нам создать и организовать идею времени», если все в нас – настоящее, прошлое – лишь иллюзия, а будущее – это только проекция нашей нынешней деятельности» [166]. Идея времени сводится, таким образом, к «пространственной перспективе». Он сравнивает временную перспективу с работой художника: на плоском полотне тот создает глубину изображения. «Перспектива в живописи есть дело искусства, память – также искусство, утверждает Ж.-М. Гюйо [166]. «Вопрос теперь в том, имеем ли мы здесь аналогию или даже метафору? Пространственное отношение перспективы переносится на время; или же дело не в метафоре, и Ж.-М. Гюйо полагает время особым измерением пространства? Кажется, что текст подтверждает второе: «время является как бы четвертым измерением вещей, зани-

мающих пространство» [166]. Наряду с расстоянием в его обычном смысле существует особое расстояние, – полагает Ж.-М. Гюйо: «между объектом, которым владеешь, и объектом, которого желаешь». Это и есть «расстояние времени», – утверждает Ж.-М. Гюйо [166].

Кроме того, он, обосновывает тезис, согласно которому длительность субъективно измеряется количеством (а не хронологической продолжительностью) ощущений. В его доказательство он приводит данные наблюдений над измерениями длительности сновидений, которые могут быть хронологически весьма кратковременными, а субъективно оцениваться как более продолжительные, что, по его мнению, связано только с количеством событий, составляющих содержание сновидения [166]. Исходя из этого, он заключает, что механизмы субъективного измерения длительности нельзя считать априорными, в чем усматривает решающий аргумент против априористской концепции времени И. Канта. Важную роль в концепции М. Гюйо играет понятие намерения, которое интерпретируется как замена направления и источник идеи пространства, и только затем, по аналогии – как источник времени: «Течение времени сначала есть не более, как различие между тем, что желаешь, и тем, что имеешь; это же различие сводится к намерению, за которым следует чувство удовлетворения» [166].

Зародыш времени – в примитивном сознании, в форме силы, в форме напряжения, полагает Ж.-М. Гюйо, а затем, как только это сознание отдает себе отчет о том, чего оно хочет, – в форме намерения (*l'intention*). Время сводится к чувствительности и моторной активности, оно не отделяется от пространства. Однако и тогда время встроено в чувственное восприятие и моторную активность и при этом оно неотделимо от пространства. Важную роль у Ж.-М. Гюйо играет понятие русла времени. Оно создается благодаря аналитической работе сознания, первым моментом которой является *discrimination* – Ж.-М. Гюйо заимствует этот термин из английской психологии. Отметим, что *discrimination* истолковывается М. Гюйо как восприятие различий (*la perception des differences*), но не как само различие: «Восприятие разниц (*différence* переводится как разница) и сходств – первое условие зарождения идеи времени – приводит к понятию двойственности и, вместе с последней, к построению числа [384]. Таким образом, – заключает Ж.-М. Гюйо, – дискриминация, первоначальный элемент ума, не ну-

ждается для своего проявления в идее времени: напротив, эта идея уже предполагает дискриминацию. Само понятие последовательности, к которому Г. Спенсер сводит время, является производным» [166]. В этом тезисе Ж.-М. Гюйо содержится «верное направление мысли, однако он скорее угадывает его, чем ему дескриптивно следует. Продуктивная идея заключается здесь в том, что различие признается первичным элементом ума, сознания, разума в самом широком смысле.

Ж.-М. Гюйо ставит и вопрос о реальности времени. «Существует ли вне сознания реальность, соответствующая той идее, которую мы составляем о длительности? Есть ли, так сказать, объективное время? У многих время обращалось в какую-то мистическую реальность, долженствующую заменить устаревшую концепцию провидения» [166]. Время, по Ж.-М. Гюйо, не имеет самостоятельной силы. Время не среда и не фактор, это одна из форм эволюции; не время фактор эволюции, но эволюция фактор времени. Время возникает, по Ж.-М. Гюйо, благодаря сознанию, и «вначале время так же мало существует в нашем сознании, как и в песочных часах». «Жизнь – медленная эволюция; каждый момент времени предполагает известную степень активности и чувствительности, увеличение или уменьшение, какое-либо изменение, другими словами – сложное количественное и качественное отношение. Если бы не было разделения, изменения и степени активности или чувствительности, то не было бы времени» [166]. Явная предпосылка времени – «жизнь и энергия, которая порождает время (и пространство), но не сводится к времени». Пространство и время у Ж.-М. Гюйо – это скорее первичные формы жизни, непосредственно создаваемые двигательными усилиями и намерениями.

Большую роль в развитии проблемы времени сыграл другой выдающийся представитель французской психологии – П. Жане. Ключевую роль в его временных представлениях играет экспликация их связи с базовым, по мнению П. Жане, психическим процессом – памятью. Он указывает: «Память следует считать самым важным явлением нашей психической организации, и ничтожные даже ее изменения оказывают огромное влияние на всю нашу психику» [198]. Причем, оригинальной является трактовка генезиса памяти: «Память представляется нам своеобразным действием, изобретенным

людьми в ходе их исторического развития, а главное, – действием, совершенно отличным от обычного, автоматического повторения, которое составляет основу привычек и навыков» [197]. «Память – это социальная реакция в условиях отсутствия. В сущности, память – это изобретение человечества, как и многие другие акты, которые рассматриваются обычно как банальные и составляющие существо нашей жизни, в то время как они были созданы постепенно человеческим гением» [722]. Поэтому борьба с отсутствием является целью и основной характеристикой памяти.

По мысли П. Жане ключевую роль во временных отношениях личности с действительностью играет разделение двух реальностей – сейчас и не-сейчас, которое во многом и порождает поток времени, переход к одному от другого, течение времени [197]. Как мы покажем в дальнейшем, такое разделение является частным случаем общей идеи о «расщеплении» актуального на составляющие как на источник диахронии объективной реальности и ее субъективной репрезентации. Зачаток этой идеи содержится в отмеченном выше понятии «дискриминации». Пока же отметим, что П. Жане был одним из первых, кто указал на важность данного обстоятельства.

При оценке взглядов П. Жане следует учитывать их связь с одним из направлений в исследованиях времени личности – рассмотрением психологических изменений человека в объективно-биографическом времени [197]. Стержневым понятием здесь является понятие жизненного пути, или индивидуальной истории личности. Начало генетической теории личности как раз и сопряжено с концепцией П. Жане. Он попытался рассмотреть психологическую эволюцию личности в реальном временном протекании, соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути, связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности. Проведенные П. Жане исследования социальной функции памяти человека в связи с особенностями психологического времени убедительно показали, что буквальное хронологическое воспроизведение в памяти последовательности и длительности событий (при реминисценциях) нарушает нормальное течение психических процессов в настоящем, являясь формой психопатологии памяти. События, которые охватывают длительный хронологический период в прошлом, должны быть в обобщенном виде представлены в памяти, которая

в данном случае выполняет свою социальную функцию, формирующуюся в процессе исторического и онтогенетического развития психики [198]. Исходя из этого, становится очевидным, что в содержание времени психических процессов объективная хронология включается, опосредуясь социальной значимостью событий, что и определяет специфику психологического времени личности. Следует отметить также, что эти исследования заложили основы для становления в дальнейшем еще одного – крупного похода к исследованию проблемы времени, связанного с категорией личности, а также с понятиями временной перспективы личности, ее биографии, жизненного пути – с тем, что обозначается как биографический аспект проблемы времени (см. далее). Другими словами, он был одним из первых исследователей, который обратился к человеческой биографии, понятиям жизненного пути и индивидуальной истории личности. Он попытался связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности, соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути.

Одним из направлений в исследованиях времени личности является рассмотрение психологических изменений человека в объективно-биографическом времени. Стержневым понятием здесь является понятие жизненного пути, или индивидуальной истории личности, причем начало генетической теории личности положил также П. Жане [722]. Он попытался рассмотреть психологическую эволюцию личности в реальном временном протекании, соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути, связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности.

При характеристике вклада П. Жане в психологические представления о времени необходимо учитывать общий контекст его научного творчества, а также те – выдающиеся результаты, которые были получены им в других областях и которые определили развитие целого ряда психологических направлений. Так, в частности, эти представления разрабатывались им в связи с существенно более общими взглядами относительно уровневой трактовки организации психики, уровневого подхода как теоретического и методологического средства. Дело в том, что по существу вся последующая история развития представлений о субъективном времени выявила фундамен-

тальный факт, «предсказанный» этим подходом – равноуровневость средств и механизмов субъективного времени, а также их интегрированность не только по типу иерархизации, но и по типу синхронизации. К этому важному аспекту темпоральной организации личности мы специально обратимся в главе 3.

Все эти, а также иные подходы к разработке проблемы времени и полученные в них результаты имели определяющее значение для ее развития в целом. Вместе с тем, они не были лишены определенных ограничений, связанных с их методологической ориентацией и приведших к закономерной трансформации самой методологии разработки данной проблемы. Действительно, как справедливо отмечают Е. И. Головаха и А. А. Кроник «Почему же психология того периода, достаточно четко уяснив специфику психологического времени в сравнении со временем физическим, оказалась не в состоянии сделать шаг вперед в открытии новых закономерностей и исследовании механизмов формирования временных переживаний и концептуальных представлений личности? Главная причина заключалась в том, что в сфере исследования психологии личности господствовал субъективный метод, сторонниками которого были В. Вундт, Э. Титченер, представители вюрцбургской школы, твердо убежденные в том, что иных путей изучения человеческого сознания, а следовательно, и осознания личностью временных отношений, не существует» [146]. В результате этого проблематика психологического времени в определенной мере разделила судьбу и логику развития психологии в целом – ее трансформацию в экспериментальную науку, постепенное расширение сферы экспериментальных исследований в ней. Проблема времени все более явно переходит от предыстрической фазы своего развития к ее развитию как не только вполне самостоятельной, но и разрабатываемой на основе объективно-ориентированной – экспериментальной методологии. В итоге развертывания этого процесса получило развитие еще одно очень масштабное направление разработки данной проблемы, обозначаемое как исследование психофизиологии и даже психофизики восприятия и оценки времени. В данном направлении были получены многочисленные экспериментальные результаты, раскрывающие особенности восприятия времени. Так, в частности, было показано, что диапазон непосредственно воспринимаемых длительностей не превышает двух секунд. В нем существуют зоны качественно раз-

личного восприятия, причем недооценка или переоценка длительности зависит от модальности стимула, его параметров и особенностей предъявления [700]. Причем, экспериментальные исследования, как правило, не выходили за пределы минутных интервалов, для изучения которых использовались классические методические процедуры: вербальная оценка, сравнение, воспроизведение и продуцирование.

Как отмечают Е. И. Головаха и А. А. Кроник, «изучение микроинтервалов психологического времени имело несомненную ценность для психологической теории и практики» [146]. Исследования в этом направлении позволили выделить факторы, воздействующие на восприятие и оценку длительности коротких интервалов: влияние возраста, психологических свойств и состояний индивида, содержания деятельности, выполняемой в экспериментальной ситуации, характера предъявляемых стимулов» [146]. Было выявлено также, что представление о длительности интервала является существенным фактором, воздействующим на психические процессы.

В. Вундт впервые экспериментально зафиксировал субъективный характер способности осознавать время, проводя опыт на оценку продолжительности хронометрических ударов [126]. Он обнаружил, что разные люди по-разному воспринимают объективно заданные временные интервалы одинаковой продолжительности [126]. Последующие исследования конкретизировали проявления субъективных оценок объективно заданных длительностей – тенденцию недооценивать (тахихронический тип) или переоценивать (брадихронический тип) время [172]. В работе С. А. Дерябиной суммированы некоторые основные закономерности восприятия времени, к числу которых относятся, в частности, следующие: «При равной длительности предъявления, зрительные стимулы кажутся более длинными, чем слуховые; интервалы, ограниченные высокими звуками, кажутся более длительными, чем интервалы, ограниченные низкими звуками. Чем больше сигналов дается в определенный интервал времени, тем более длинным он воспринимается субъективно» [173]. Был сформулирован закон, согласно которому человек имеет склонность переоценивать продолжительность коротких интервалов и недооценивать продолжительность длительных. Наиболее точно воспринимаются интервалы, имеющие среднюю продолжительность в экспериментальной серии. Такие интервалы называют нейтральными. Далее, она указывает:

«На разных стадиях онтогенетического развития по-разному проявляются способности к оценке времени. В 6–7 лет дети уже достаточно точно отмеривают короткие интервалы времени, но при этом, описывая их вербально, могут переоценить их в десятки раз. Экспериментально установлено, что у детей и молодых людей в возрасте от 7 до 19 лет переоценка временных интервалов может достигать 175 %» [172]. Способность к адекватной оценке временных интервалов в среднем формируется к 15–16 годам и снижается к глубокой старости. Последующие эксперименты подтвердили зависимость временной перцепции от содержания и условий деятельности. Так, было установлено, что, чем более сложной является деятельность, тем сильнее становится склонность недооценивать временные интервалы» [173].

При повышении уровня личностной и ситуативной тревожности наблюдается тенденция к переоценке временных интервалов, при уменьшении уровня тревожности, прослеживается склонность недооценивать промежутки времени. Экспериментально выявлен закон эмоционально детерминированной оценки времени в соответствии, с которым время, заполненное событиями, вызывающими положительные эмоции, в субъективном восприятии сокращается и сжимается. Время, когда происходят эмоционально неприятные события, в переживании удлиняется.

Одним из наиболее продуктивных направлений исследования времени в непосредственных условиях жизнедеятельности личности являются эксперименты и опросы, связанные с изучением точности временных суждений, их соответствия объективной хронологии. Здесь был выявлен ряд интересных фактов: точность временных суждений связана со статусом в структуре межличностных отношений (по [146]); городские жители более точны в оценках, чем сельские (по [146]); пунктуальность не во всех культурах рассматривается как необходимое качество личности, и само понятие пунктуальности как соблюдения точности во времени наполняется конкретным содержанием в зависимости от социокультурных условий (по [378]). Исходя из полученных данных, можно утверждать, что степень совпадения субъективных оценок времени с объективными хронологическими показателями является переменной, зависящей от условий социальной макро- и микросреды личности.

Далее, было доказано, что в зависимости от сложившихся условий, вида деятельности, эмоционально-волевой составляющей, физи-

ческого состояния организма на данный момент, типа темперамента человека, приоритетов, целей, мотивов и т. д. индивидуальная оценка времени может быть разной. При оценке продолжительности деятельности, которая носила приятный характер людям свойственно преувеличивать временной интервал, а если деятельность была неприятная – преуменьшать его. К. фон Верордт сформулировал закон: «Когда люди оценивают длительность коротких промежутков времени, они обычно переоценивают их длительность, а когда оцениванию подлежат длинные промежутки – то недооценивают ее» (по [492]).

В исследованиях роли функциональной асимметрии мозга показано, что время течет неодинаково в разных полушариях: правое полушарие функционирует в настоящем и прошлом, левое – в настоящем и будущем; собственное физиологическое время людей идет быстрее в правом полушарии. Эти данные подразумевают, что длительность оценивается обоими полушариями по-разному.

В рамках данного подхода выделяется как специфический такой его аспект, который сопряжен с психофизиологическим планом – исследованием психофизиологических механизмов восприятия времени, влиянием разноуровневых биологических ритмов и закономерностей организации биологического времени на динамику психических процессов; возможность адаптации человека к динамике временных изменений как необходимая предпосылка для его успешной ориентации в окружающей среде. Как отмечается в [378]: «Психофизиология оперирует понятием «биологические часы», которые являются врожденной системой процессов, управляемых центральной нервной системой. Несмотря на значительное число исследований, в том числе в биологии, механизм функционирования этой системы не совсем ясен, и само понятие «биологических часов» вызывает в психологии неоднозначную оценку». В исследованиях зафиксирована связь между определенной областью головного мозга, воздействующей на гипофиз и ритмом работы всех желез, регулирующих деятельность организма. С точки зрения Б. И. Цуканова, субъективное восприятие длительности основано на четко определенном временном промежутке, являющимся своеобразным временным шагом и совпадающим с длительностью эндогенных изменений, которая примерно равна 0,86–0,89 секунды [595, 596].

Как отмечает А. В. Солодкова, «Одним из самых известных примеров влияния невременных переменных на восприятие продолжи-

тельности раздражителя является его заполненность. Так, непрерывный звуковой сигнал, как правило, оценивается как более длительный, чем такой же интервал тишины, разграниченный двумя щелчками» [513]. На восприятие длительности визуальных стимулов оказывает влияние их сложность (которая характеризуется количеством, упорядоченностью, симметрией объектов; изменениями цвета изображения; степенью знакомости, отрицательно коррелирующей с его сложностью и др.). Неоднократно было показано, что изображения с высоким уровнем сложности воспринимаются так, как будто их показывали меньше по времени. Однако есть данные и о том, что визуальная сложность влияет на оценку продолжительности представленного изображения только в случае, если оно несет смысловую нагрузку» [513].

Интересные результаты были получены F. Lacquaniti et al. (по [745]), согласно которым восприятие времени при наблюдении за одушевленными и неодушевленными объектами носит различный характер. Нейронные сети обработки информации, полученной от живого и неживого объектов, частично разделены в головном мозге. Поэтому наблюдение за биологическим движением других людей смещает суждение о предполагаемой продолжительности события. А. В. Солодкова отмечает, что в восприятии времени важную роль играет предшествующий опыт. Эксперименты с повторяющимися раздражителями показывают, что многократное воздействие одним и тем же стимулом, приводящее к высокой предсказуемости его появления, уменьшает его субъективно воспринимаемую длительность. Когда недавняя сенсорная история содержит информацию о продолжительности стимулов, возникает адаптация к длительности (*duration adaptation*) [513]. Иначе говоря, наблюдается связь между обработкой идентичности стимула и восприятием его длительности. Там же отмечается, что «существуют и другие факторы, влияющие на восприятие времени. Так, важную роль играет эмоциональная составляющая. Установлено, что эмоционально окрашенные визуальные стимулы оцениваются как более длительные по сравнению с нейтральными. Изображения, вызывающие отвращение (увечья тела), оцениваются как длящиеся дольше, чем изображения, вызывающие страх (змея). Это характерно для всех возрастных категорий, но величина разницы у детей больше, чем у взрослых [649]. Эмоционально насыщенные стимулы, представленные аудиально, наоборот, воспринимаются как более короткие по сравнению с такими

же по длительности нейтральными звуками [656, 713]. Одинаковые по длительности вокализации, выражающие различные интонации, также воспринимаются по-разному. Было показано, что длительность стимула с интонацией отворачивания воспринимается как более короткая по сравнению с длительностью стимула с удивленной интонацией. Основываясь на полученных данных, A. Schirmer et al. (по [727]) делают вывод о том, что эмоции препятствуют временной обработке и способствуют влиянию контекста на суждения о времени. При этом суждения о времени больше искажаются у женщин, чем у мужчин.

Восприятие времени обычно связывается с темпом происходящих в организме физиологических изменений. Например, если обмен веществ ускоряется, субъективная оценка времени становится искаженной: человеку кажется, что время течет быстрее обычного и, наоборот, что было установлено Г. Хогландом (по [664]). У его жены, которая была простужена, наблюдались значительные температурные колебания. Известно, что повышенная температура тела ведет к усилению метаболизма, а пониженная к его ослаблению. Г. Хогланд предложил ей оценить субъективную минуту, то есть указать, не сверяясь с часами, когда пройдет минута. Зависимость длительности субъективной минуты от температуры тела четко прослеживается. Чем выше температурные показатели, тем длиннее становится период времени, определяющий минуту. Данные аналогичного характера были получены и при последующих исследованиях, в том числе и с применением фармакологических средств. Больные, получающие стимуляторы, отмечали, что время течет быстрее. Те, кто принимал релаксанты, напротив, указывали, что движение времени замедляется. Дело в том, что организм, находящийся в состоянии активизации, требует повышенных темповых характеристик деятельности. Другими словами, субъектом осознается команда «надо спешить». Создается ощущение нехватки времени, что дополнительно стимулирует скорость выполнения действий. В расслабленном состоянии требования к темпу деятельности снижены.

Представляет интерес и феномен «мчащегося времени», связанный с восприятием времени в масштабе всей жизни. Чем старше человек, тем короче становятся воспринимаемые им временные интервалы. С возрастом активизация организма снижается, скорость метаболизма замедляется. Пожилому человеку кажется, что прошло

20–30 минут, а на самом деле минуло уже полтора часа. С другой стороны, ускоренный бег времени связывают с тем, что человек оценивает время не в абсолютных, а в относительных величинах. Длительность временного периода соотносится с опытом прошлого [670, 692]. Для ребенка десяти лет год – это 10 % прожитого им времени, а для 50-летнего – 2 %.

Традиционно исследуется и вопрос, направленный на установление минимального размера, или величины, «момента». Под величиной «момента» понимается астрономическая длительность того интервала, который воспринимается как нерасчлененное настоящее. Например, искра, прошедшая в течение «момента» путь в 1 м воспринимается как присутствующая одновременно во всех точках этого пути, то есть как сплошная светящаяся линия. Величина «момента» обычно определяется установлением порога слияния отдельных периодических колебаний в одно восприятие. Для определения порога зрительных ощущений обычно служит мелькатель. За характеристику величины «момента» в таком случае принимается та частота вращения, при которой произойдет слияние черной и белой половины вращающегося диска, так что черное и белое поля перестанут мелькать и диск будет казаться одноцветным. Эта величина измерена и проверена на практике: она лежит в основе расчета смены кадров при проекции кинофильма. Она очень близка к частоте самого низкого из воспринимаемых тонов и равна примерно 1/18 с.

А. Лаланд установил, что для тактильных ощущений частота слияния равняется в среднем 18 раздражений в секунду (по [704]). Характерно, что частота слияния этих ощущений оказалась примерно одинаковой для всех точек тела. Опыты с животными показали, что величина «момента» не одинакова для разных видов их. Тот факт, что частота слияния одинакова для зрительных, слуховых и тактильных ощущений, привел к заключению, что эта частота определяется не устройством периферических органов восприятия, а центральными факторами, действующими на осязание также, как на зрение и слух.

С восприятием времени связано несколько важных явлений. Среди них – так называемый тау-эффект. В нем проявляется влияние времени на восприятие расстояния. Это влияние обнаруживается в следующем эксперименте. Три равноудаленные точки предплечья испытуемого стимулировались последовательно таким образом,

чтобы создавался своеобразный тактильный равносторонний треугольник. Однако если между стимуляцией каких-нибудь двух точек треугольника проходило больше времени, чем между стимуляцией двух других пар точек «тактильного треугольника», то субъективно расстояние между теми точками, где время стимуляции было больше, казалось испытуемому большим, чем расстояние между точками, где время стимуляции было меньше. Следовательно, чем больше промежуток времени между стимуляцией двух точек, тем большим кажется и физическое расстояние между ними.

Противоположный эффект получил название каппа-эффект. Он проявляется в том, что восприятие времени, в свою очередь, зависит от расстояния. Так, например, если последовательно друг за другом с одинаковым интервалом времени включать три лампочки, находящиеся на разных расстояниях друг от друга, то временной интервал между включением лампочек, между которыми расстояние больше, будет восприниматься как больший, чем временной интервал между лампочками, между которыми, соответственно, расстояние меньше.

Также существует и одд-болл эффект. Его суть заключается в том, что стимулы, которые резко отличаются от других стимулов, представленных в эксперименте, кажутся испытуемым более длительными, чем остальные. И, наоборот, часто повторяющиеся кажутся у более короткими. Однако этот эффект не работает на визуальных раздражителях с низкой интенсивностью

Д. Креч и Р. Кратчфилд [734] отмечают, что время не является каким-то определенным стимулом, воздействующим на чувства (нет специальных сенсоров, предназначенных для восприятия времени, так же как и нет энергии времени), поэтому предполагают существование физиологического механизма, преобразующего интервалы времени в сенсорные сигналы. П. Фресс [700], в свою очередь, полагает, что для понимания природы психического времени необходимо узнать, согласовано ли время внутреннее (субъективное) с временем объективным. Быстро ли или медленно протекает внутреннее время? Успеваем ли мы адекватно воспринимать и оценивать те изменения, которые реально происходят в внешнем мире и в нашем организме? Ведь именно изменения внешнего и внутреннего – те маркеры, по которым мы отслеживаем ход времени и по которым строится субъективное восприятие времени. По П. Фрессу, время, с одной стороны, –

конструкт человеческого сознания, с другой стороны – существуют определенные биологические часы организма.

Механизмам восприятия и оценки времени, соответственно, посвящено множество работ, как теоретических, так и практических, с самых известных П. Фресса до современных нейропсихологических исследований. Далее, подробно исследуется проблема основных факторов, влияющих на восприятие времени и его адекватность, равно как и проблема влияния самого восприятия времени на организацию многих иных психических процессов и структур, а также форм активности субъекта. Так, первая из них представлена как изучение влияния на восприятие времени фактора длительности интервалов отмеривания [65, 584, 764], типологических различий [98], факторов религиозного плана [119], уровня тревожности [121, 204], факторов сенсомоторной координации [149], фактора возраста [321, 364, 374, 561, 653], фактора когнитивного захватывания [441]. Вторая представлена, в частности, в исследованиях детерминации фактором времени процесса обучения [60], уровня активности личности [309, 401, 652], особенностей онтогенетического развития [414], профессиональной деятельности [123, 401, 420, 548, 729]. Отдельным и важным направлением разработки данной проблемы как психологической являются исследования, представленные в контексте разработки другой фундаментальной проблемы – проблемы сознания, в частности, в работах [36, 112, 159, 396, 447, 456, 525, 545, 644, 647, 648, 671, 672, 681, 683, 692, 694, 733, 742, 753, 761, 789, 802]. Существенное количество исследований принадлежит психофизиологическому направлению, связанному с проблемой физиологических и биологических механизмов приспособления ко времени [51, 97, 162, 301, 552, 595, 677, 691, 713, 717, 737, 739, 795, 798]. Исследуются и вопросы, связанные с изучением биологических ритмов и их влияем на субъективное время в целом – в работах [16, 96, 150, 183, 382, 552, 596, 635]. Наконец, отдельное направление данной проблемы – это исследование вопросов, связанных с патологией субъективного времени – например, в работах [63, 278, 391, 502, 506, 593].

Итак, главные положения, связанные с восприятием и оценкой времени, заключаются в следующем [16, 49, 60, 61, 91, 96, 103, 121, 136, 179, 204, 233, 291, 496, 302, 582, 588, 660, 691].

1. Предполагается, что в организме человека имеются так называемые «биологические часы», по которым он оценивает время.

2. Восприятие времени относительно (субъективно) и зависит, в частности, от следующих причин:

а) характера деятельности, которой в это время занимается человек;

б) интереса человека к данной деятельности;

в) установки на то, сколько времени требуется на выполнение соответствующей деятельности;

г) индивидуальных особенностей людей.

3. Существуют разные теории, которые в объяснении восприятия и оценки времени (теория Г. Хогланда, когнитивная теория, теория Р. Орнштейна, когнитивно-биологическая теория, когнитивно-аттенционная теория Д. Канемана).

4. Восприятие времени, пространства и движений определенным образом взаимосвязаны и зависят друг от друга. Эта зависимость, в частности, проявляется в тау-эффекте и каппа-эффекте.

5. Восприятие времени зависит также и от возраста человека.

Кроме того, важны следующие закономерности. Если текущий временной отрезок заполнен большим количеством интересных событий, то он непосредственно переживается как протекающий быстро, и наоборот. Прошедшие события оцениваются как более длительно протекавшие, когда время было заполнено большим количеством интересных событий, и наоборот. Негативные эмоциональные переживания удлиняют, а положительные эмоциональные переживания сокращают субъективное восприятие времени. Короткие интервалы недооцениваются, а длинные – переоцениваются. Чем более разделенным на мелкие интервалы является отрезок времени, тем более длительным он представляется в восприятии. Зрительные сигналы кажутся более длинными во времени, чем слуховые. Высокозвуковые периоды кажутся более длинными, чем периоды времени, ограниченные низкими звуками (естественно, в пределах человеческого восприятия). Восприятие любого временного интервала зависит от числа событий (или объектов), воспринимаемых в течение этого интервала (мы вернемся к этому вопросу в обсуждении когнитивных процессов восприятия и репрезентации времени). Обратная связь о результатах деятельности повышает точность измерения интервалов времени за счет коррекции субъективного эталона времени. Точность восприятия времени значимо связана с индивидуальными

особенностями нервной системы, памяти, внимания и интеллекта: «наибольшая точность восприятия коротких интервалов времени обеспечивается высокими показателями образной памяти и образного интеллекта» [584]. Точность восприятия времени также зависит от температуры тела и окружающей среды, психоэмоционального состояния. Так, точность оценки временных интервалов может служить диагностическим критерием для выявления психопатологии. Более того, с помощью специальных компьютерных программ, по характеристикам точности восприятия времени можно оценить темперамент, уровень и особенности интеллекта человека. Существуют динамические колебания «индивидуальной минуты» в течение дня, что зависит от длины рабочего дня и времени суток.

В наиболее обобщенном виде, как известно, законы восприятия времени были сформулированы С. Л. Рубинштейном. 1) Закон заполненного временного отрезка, состоящий в том, что, чем более заполненным событиями является отрезок времени, тем более длительным он представляется. 2) Закон эмоционально детерминированной оценки времени: время, заполненное событиями с положительным эмоциональным знаком, или положительно окрашенными событиями, сокращается в переживании, а заполненное событиями с отрицательным эмоциональным знаком в переживании удлиняется [479, 480].

Итак, вся совокупность представленных выше материалов показывает, что в итоге реализации рассматриваемого направления исследований, действительно, был накоплен очень большой эмпирический и экспериментальный материал, раскрывающий и частично объясняющий важные особенности и закономерности субъективного времени в целом и восприятия времени, в частности. По существу, речь может идти о том, что в итоге был сформирован эмпирический базис психологии субъективного времени как таковой. Важной и общей чертой всех этих исследований, наряду, разумеется, с их множественностью и дифференцированностью, является то, что их фокус постепенно и явно смещался в сторону все более сложных процессов отображения человеком времени и его основных свойств. В итоге и сам термин «восприятие времени» все более утрачивал свой непосредственный смысл (как именно восприятие, а не какой-либо иной процесс), а речь, фактически, уже шла о существенно более комплексных процедурах оценивания и реализующих их когнитивных процес-

сов – прежде всего, мыслительных, мнемических и частично даже метакогнитивных. Безусловно, такая логика развертывания исследования, предполагающая включение в их сферу все более сложных когнитивных процессов и структур, императивно предполагала необходимость обращения к аналогичным, то есть также более сложным объяснительным схемам, реализуемым по отношению к результатам исследования. Они, в свою очередь, столь же объективно приводили к формулировке определенных представлений уже собственно объяснительного – концептуального плана, то есть к разработке ряда концепций восприятия времени, носящих, в основном, когнитивистский характер. Смена интроспекционистской и субъективистской парадигмы разработки данной проблемы на существенно более объективистскую – экспериментально-эмпирическую постепенно привела к тому, что и сама она также стала дополняться иным, более совершенным подходом, который носил уже более синтетический и комплексный – экспериментально-концептуальный характер. В его рамках разработаны, как отмечалось, целый ряд концепций, основными из которых являются следующие концепции.

1. Теория когнитивной сложности репрезентации времени, разработанная Р. Орнштейном [764]. Согласно ей, субъективное время определяется объемом и сложностью ранее воспринятой информации (жизненный опыт). Чем больше объем сохраняемой информации за определенное время, тем более продолжительным кажется данный промежуток времени. Эта теория подтвердилась, например, в следующем эксперименте. В течение определенного времени (9 мин. 20 сек) испытуемым подавались сигналы с разной частотой (40, 80 или 120 сигналов в минуту). Промежуток, за который было подано больше сигналов, субъективно казался испытуемым более длинным. Та же закономерность была открыта и для зрительных, и для тактильных сигналов. Р. Орнштейн сделал вывод: восприятие любого временного интервала зависит от числа событий /объектов, воспринимаемых в течение этого интервала. Заполненные промежутки времени воспринимаются более продолжительными. Сложность стимула определяет субъективную продолжительность восприятия времени.

2. Когнитивно-аттенционная теория репрезентации времени Д. Канемана [236]. В ней допускается существование двух независимых механизмов внимания. Первый механизм обрабатывает инфор-

мацию о когнитивных событиях. Второй кодирует и обрабатывает информацию о времени. Внимание при этом обладает ограниченным ресурсом, соответственно, мозг использует его либо больше на первый, либо больше на второй из механизмов – они конкурируют между собой. Если отдается больше внимания наблюдению за ходом времени, временной промежуток представляется более длинным. Если фокус внимания – на событиях, то время течет быстрее (мы «не замечаем» то, что проходит время). При этом Д. Канеман ссылается на П. Фресса, который отмечал, что чем больше человек обращает внимания на время, тем оно медленнее. В случае насыщенного событиями промежутка времени, так или иначе, внимание направляется на события, соответственно, время течет быстро. Если человек оказывается в бедной стимулами ситуации, время течет медленно.

Фактически, этот – ресурсный подход Д. Канемана основан на идее о том, что внимание распределяется между задачами. Чем больше внимания мы уделяем какой-то задаче, тем меньше «ресурса» остается на другие. В случае восприятия времени внимание распределяется между указанными задачами – процессом обработки информации, не связанный со временем, и работой когнитивного таймера, который обрабатывает информацию о времени. В тех случаях, когда выполнение задачи требует наибольших усилий со стороны когнитивного таймера (например, человек знает, что ему нужно выполнить задачу за очень короткий срок времени), человек субъективно воспринимает временной промежуток как более быстрый. Кроме того, если испытуемых предупреждали о том, что им предстоит оценивать время, затраченное на задачи, они давали более высокие оценки потраченному времени, чем в тех случаях, когда просьба оценить время была неожиданной.

Теория Д. Канемана применима и к ситуациям, когда человек испытывает большой интерес к задаче и совсем не уделяет внимание времени.

3. «Скалярная теория ожидания – SET» и «модель клапана внимания» являются развитием «модели внутренних часов» (по [523]). Их суть, как указывает А. В. Солодкова, состоит в следующем: «в организме существует пейсмейкер, который генерирует импульсы. Количество генерируемых импульсов зависит от уровня возбуждения человека. Импульсы начинают поступать в счетчик, и их поток прекращается

после завершения события. Далее, временные интервалы сравниваются по количеству импульсов, накопленных в счетчике». Благодаря модели внутренних часов можно объяснить, почему эмоционально насыщенные моменты длятся быстрее: все дело в том, что в такие моменты пейсмейкер генерирует большее количество импульсов.

SET была предложена Д. Гиббоном для объяснения управляемого во времени поведения нечеловеческих субъектов (по [523]). Первоначально он использовал модель для объяснения модели поведения, наблюдаемой у животных, которые подкрепляются с фиксированными интервалами, например, каждые 2 минуты. Животное, которое хорошо обучено такому расписанию с фиксированным интервалом, делает паузу после каждого подкрепления, а затем внезапно начинает реагировать примерно на две трети пути через новый интервал. Модель объясняет, как поведение животного контролируется временем таким образом. Д. Гиббон и другие позже разработали модель и применили ее ко множеству других временных явлений. SET предполагает, что у животного есть часы, рабочая память, эталонная память и процесс принятия решений. Часы содержат дискретный кардиостимулятор, который генерирует импульсы, подобные тиканью механических часов. Стимул, который сигнализирует о начале временного интервала, замыкает переключатель, позволяя импульсам поступать в накопитель. Результирующее накопление импульсов представляет прошедшее время, и это значение времени непрерывно передается в рабочую память. Когда усиление происходит в конце временного интервала, значение времени сохраняется в долговременной эталонной памяти. Это время до подкрепления в справочной памяти представляет ожидаемое время до подкрепления.

Ключом к модели SET является процесс принятия решений, который управляет поведением синхронизации. Пока животное отсчитывает некоторый интервал времени, оно постоянно сравнивает текущее время (сохраненное в рабочей памяти) с ожидаемым временем (сохраненным в справочной памяти). В частности, животное постоянно извлекает из своей памяти данные о прошлых моментах, когда происходило подкрепление, и сравнивает этот образец памяти с текущим временем на своих часах. Когда два значения близки друг к другу, животное реагирует; когда они достаточно далеко друг от друга, животное перестает реагировать. Чтобы провести это

сравнение, он вычисляет отношение двух значений; когда отношение меньше определенного значения, оно реагирует, когда отношение больше, оно не реагирует.

Используя отношение текущего времени к ожидаемому времени, а не просто вычитая одно из другого, SET учитывает ключевое наблюдение о времени животных и человека, то есть точность синхронизации зависит от размера отсчитываемого интервала. Это «скалярное» свойство, которое дает модели ее имя. Например, при определении времени с интервалом в 10 секунд животное может быть точным с точностью до 1 секунды, тогда как при определении времени с интервалом в 100 секунд животное будет точным только с точностью до 10 секунд. Таким образом, восприятие времени подобно восприятию света, звуков и других сенсорных событий, где точность также зависит от размера (яркости, громкости и т. д.) оцениваемого восприятия. Более того, есть некоторые свидетельства того, что это свойство может быть недействительным во всех диапазонах длительностей. Д. Уорден показал, что поведение обладает соответствующими скалярными свойствами: на это указывают эксперименты по внутреннему производству с одновременным хронометрическим подсчетом. Однако поведение человека в отношении времени, несомненно, более разнообразно, чем поведение животных в отношении времени. Основным фактором, ответственным за эту изменчивость, является распределение внимания.

Следует отметить, что в конце XX века были изданы две работы, претендующие на общетеоретическую постановку проблемы психологического времени [674, 675, 688]. Автор первой в данном отношении монографии «Модели времени» Л. Дуб предпринял попытку обобщить многочисленные факты, обнаруженные в предшествующих исследованиях, на основе разработанного им понятийного аппарата. «Рассматривая временной потенциал личности, он выделяет в нем временную мотивацию, информацию и ориентацию, на взаимосвязь которых оказывают воздействие культурные, личностные и биологические процессы» [688]. Временной потенциал актуализируется в сознании человека в форме временных суждений. Специфику психологического времени Л. Дуб связывает с формированием первичных (спонтанных, феноменологических, не имеющих рационального объяснения) и вторичных (возникающих при переоцен-

ке первичных на основе опыта, интуиции, рефлексии или ссылки на определенные объективные стандарты) временных суждений. В терминах первичных и вторичных суждений рассматриваются проблемы субъективного счета и оценок времени, временных стандартов и стимулов, субъективного настоящего, прошлого и будущего.

Т. Коттл в книге «Воспринимаемое время» ставит перед собой задачу исследовать прошлые, настоящие и ожидаемые в будущем переживания времени, которые во взаимосвязи определяют временной горизонт личности [674]. Он выделяет две основные временные концепции, интегрирующие временные переживания человека: 1) линейная – переживание чистой длительности в духе А. Бергсона; 2) пространственная – переживание времени в трех измерениях, которыми являются прошлое, настоящее и будущее, пересекающиеся в индивидуальном сознании. Эмпирические исследования субъективной длительности, временной доминанты, ценности времени направлены на выявление и дальнейший анализ факторов формирования временных концепций (пол, возраст, уровень интеллекта и тревожности, социальные роли и культурные ценности). А. А. Кроник и Е. И. Головаха отмечают: «Книга Т. Коттла интересна, прежде всего, в методическом плане, поскольку в ней разработаны новые методы эмпирического исследования психологического времени личности» [146].

Позднее была предложена модель клапана внимания, которая сочетает в себе структурные звенья скалярной модели с добавлением компонента «ворота (клапан) внимания», который позволяют распределять внимание между не временной информацией и временной информацией. Кроме того, W. J. Matthews и W. H. Meck [745, 746] выдвинули другой «принцип обработки» (processing principle). Согласно ему, как указывает А. В. Солодкова, воспринимаемая длительность интервала зависит от трех ключевых факторов: невременных перцептивных свойств сенсорного ввода (восприятия), распределения ресурсов обработки между различными стимулами и задачами (внимания) и существования ранее установленных представлений (памяти). Сегодня оппозицией этим моделям служат так называемые внутренние модели. Они опровергают существование в организме внутренних часов и утверждают, что оценка времени зависит от паттернов нейрональной активности: разные паттерны говорят о той или иной длительности временного интервала. Все они предпола-

гают наличие внутреннего центрального механизма (пейсмейкера), генерирующего импульсы, которые позже поступают в хранилище – аккумулятор. Когда внимание направлено на время, переключается специальный переключатель, и происходит сбор временной информации (аккумуляция). Сгенерированные импульсы на стадии принятия решения подсчитываются, и продолжительность оценивается линейно: чем больше импульсов, тем больше времени прошло. На скорость выработки импульсов пейсмейкером оказывает влияние возбуждение, дофаминергетические агонисты и антагонисты, температура тела и др. [746].

За прошедшие годы появилось также несколько альтернативных моделей определения времени. К ним относится модель поведенческой теории времени Киллина (BeT) и модель обучения Мачадо (LeT) (по [378]). Кроме того, Л. И. Микеладзе была разработана «психологическая модель восприятия времени как функциональной системы» [374], предполагающая наличие нескольких этапов оценки временных интервалов. Пусковой стимул (задача оценки длительности) дает начало первичному синтезу, включающему в себя генетические механизмы, биоритмическую активность, мотивацию, эмоциональное состояние и т. д. На данном этапе также важную роль играет память (знания о единицах измерения, культурный и индивидуальный опыт) и контекст, обстановка. Далее принимается решение об осуществлении оценки, отмеривания, воспроизведения или сравнения интервалов; происходит вторичный, а после и обратный синтез (выработка программы действия и проверка соответствия результата цели). Большая роль в этом процессе отводится памяти и индивидуальным особенностям. Но эта модель описывает, скорее, мыслительные операции, приводящие к возникновению суждений о времени.

Наряду с этим, разработан ряд концепций в рамках трансцендентальной психологии. Так, в частности, А. И. Миракяном было предложено новое направление в психологии, названное им трансцендентальной психологией [377]. Согласно этому направлению, основное внимание исследователей при изучении психических процессов должно быть направлено не на конечные, уже отраженные, продукты, а на закономерности процесса самого отражения, их порождающего. То есть восприятие рассматривается не как воспроизводящий, а как порождающий процесс. Таким образом, рассматривается непосред-

ственно-чувственный уровень психического отражения, касающийся той стадии, когда ни понятийно, ни перцептивно объект или его свойства еще не выделены. Отражающая система сталкивается с бесконечным разнообразием анизотропных (дискретных) форм материи (единого), в каждый момент актуального процесса отражения, выделяя лишь одну. Процесс вычленения одной из бесконечного числа форм и есть процесс порождения этой формы. Минимальное время для образования анизотропных отношений названо А. И. Миракяном «диапазоном формопорождения» [377]. «Фундаментальная особенность процесса образования симметрично-двуединых отношений как акта формопорождения заключается в том, что это самозавершающийся процесс» [377]. Для каждого человека и для отражения различных свойств и отношений объектов он уникален. Минимальная длительность предъявления объекта отражения, необходимая для самозавершения процесса, и есть диапазон формопорождения (или критическое время формопорождения). С опытом и с возрастом он может изменяться.

Итак, можно видеть, что попытки теоретического осмысления обширного эмпирического базиса с необходимостью приводят к включению в сферу исследования все более сложных когнитивных процессов и образований, а также структур и детерминант еще более сложного – внекогнитивного, то есть субъектного и личностного плана. Тем самым намечается и реализуется еще один важный переход методологического характера – от ситуативного исследования времени к биографическому, связанному с конструированием субъективно-го времени и временной перспективы личности.

В этом плане большое значение для изучения психологического времени личности в биографическом масштабе имели работы Ш. Бюлер [663]. И хотя, как отмечают Е. И. Головаха и А. А. Кроник, она специально не рассматривает проблему психологического времени личности, «проведенный ею анализ временной структуры жизненного пути в его различных измерениях, а также анализ основных событий жизненного пути, жизненных целей личности и психологических оснований возрастной периодизации подготовил почву для принципиальной постановки в психологии проблемы разномасштабности психологического времени, его специфического содержания, механизмов и закономерностей, проявляющихся в биографическом масштабе» [146].

Развивая данное направление, К. Левин сформулировал проблему существования единиц психологического времени различного масштаба, обусловленных масштабами жизненных ситуаций и определяющих границы «психологического поля в данный момент» [324, 325]. Согласно К. Левину, как отмечают А. А. Кроник и Е. И. Головаха, это «поле включает в себя не только теперешнее положение индивида, но и его представления о своем прошлом и будущем – желания, страхи, мечты, планы и надежды. Все части поля, несмотря на их хронологическую разновременность, субъективно переживаются как одновременные и в равной мере определяют поведение человека». Психологическое время у Левина, по сути, отождествляется с феноменальным полем сознания, и одновременно сопричастующие в нем прошлое, настоящее и будущее теряют свою качественную определенность, растворяясь в «психологическом поле в данный момент» [146].

К. Левин первым среди психологов построил пространственно-временную модель, в которой сознание и поведение индивида рассматривались сквозь призму долговременной перспективы и разносторонних характеристик индивидуального жизненного пространства. Причем во времени он выделял зоны настоящего, ближайшего и отдаленного прошлого и будущего, а в пространстве – уровни реального и ирреального (основанного на фантазии). В дальнейшем происходит расчленение ближайших и отдаленных зон прошлого и будущего, реальных и желаемых, но возможных лишь в фантазии событий прошлого и будущего. Идеи К. Левина оказали заметное влияние на последующее развитие исследований психологического времени личности. Например, аналогичное временной перспективе понятие «временной кругозор» вводит П. Фресс, рассматривая его как интегративную характеристику развития временных представлений личности, формирующихся в процессе социальной деятельности. В этом смысле развитый временной кругозор является показателем освоения личностью временных отношений [700].

Временная перспектива, по мнению К. Левина, «включает психологическое прошлое и будущее на реальном и различных ирреальных уровнях» [724]. Сам термин был введен в научный оборот Л. Франком для характеристики взаимосвязи и взаимообуславливания прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека [701]. При исследовании временной перспективы было установлено,

что на ее диапазон и событийное содержание воздействуют такие факторы, как уровень интеллекта и тревожности личности. Т. Коттл обнаружил, что при переходе от детства к зрелости последовательно возрастает удельный вес исторического прошлого и будущего в сознании индивида, причем 20-летние испытуемые указывали втрое больший диапазон будущего по сравнению с прошлым, тогда как в более зрелом возрасте это соотношение уравнивалось [674].

Как писал К. Левин, «позитивная временная перспектива, создаваемая достойными целями, – это один из основных элементов высокой морали. В то же время это реципрокный процесс: высокая мораль сама создает длительную временную перспективу и устанавливает достойные цели» [725]. Нарушения временной перспективы (застревание на прошлом, излишняя концентрация на будущем) могут быть последствиями и нарушения работы психики, либо в мягкой форме (в пределах нормы) – следствием воспитания или жизненного опыта человека. В патологии явно выражена спутанность линии субъективного времени (линии временной перспективы). Выделяют следующие критерии временной перспективы: продолжительность (хронологический размах событий), реалистичность, эмоциональный фон, согласованность (связность событий), дифференцированность (расчлененность по последовательным этапам от ближних к дальним), плотность (насыщенность, густота), воспринимаемая продолжительность. Все параметры временной перспективы могут меняться при нарушениях психики, а также при отклоняющемся поведении. Она подвержена влиянию социальных детерминант (класс, уровень образования, политическая и экономическая ситуация), особенностей социализации, возрастных, личностных переменных, которые очень сильно влияют на поведение. Нарушения временной перспективы затрудняют развитие личности, процесс конструирования целей также осложнен.

В этом же ряду стоит и известная концепция мотивационно-временной перспективы будущего Ж. Нюттена [410]. Согласно ей, побуждения обретают временную перспективу, перспективу будущего, характеризующуюся им как пространство, «в котором строится когнитивно переработанная мотивация человеческой деятельности». Согласно данной концепции, человек в своем поведении не ограничивается настоящим «здесь и сейчас», а познавательные функции захватывают прошлое и предвосхищающее будущее. Тем не менее,

временные жизненные пространства различных людей отличаются друг от друга. Некоторые люди преимущественно ориентированы на прошлое. Они живут в прошлом, которое для них было очень травмирующим или, наоборот, счастливым. Другие ориентированы на настоящее и полностью им поглощены. Действуя, они не учитывают свое прошлое или будущее. Третья категория – это люди, главным образом ориентированы на будущее. Если перспектива будущего (ПБ) человека мотивировано реальными целями в настоящее, то оно становится потребностью в успехе при выполнении определенного задания на достижение. Цели должны быть конкретными и трудными (но не слишком трудными). Нужна также способность связать настоящее с будущим, в котором находится цель, которую предстоит достигнуть, заполнить временную дистанцию между ними.

Определение перспективы будущего (ПБ), данное Ж. Нютненом, тесно связано с понятием задержки удовлетворения. С задержкой удовлетворения связаны как короткие (ограниченные), так и протяженные перспективы в будущем. Люди с достаточно короткой (ограниченной) перспективой будущего ставят большинство своих целей в ближайшем будущем. Люди со значительно протяженной перспективой будущего ставят больше целей, которые могут быть достигнуты только в отдаленном будущем. Люди с протяженной перспективой будущего реже переживают ситуацию немедленного достижения. Они откладывают удовлетворение, которое является результатом достижением цели и имеют более сильную мотивацию, чем люди с короткой перспективой будущего. Для людей с протяженной перспективой будущего психологическое расстояние короче до цели, чем у людей с короткой ПБ.

Учащиеся с очень протяженной ПБ значительно сильнее мотивированы, чем учащиеся с короткой ПБ [410]. Настойчивое стремление к долгосрочным целям можно стимулировать, выделяя последовательность краткосрочных субцелей, ведущих к конечной цели в более далеком будущем. Те учащиеся, у которых есть дальние цели, настойчивее работают над ближайшими и получают большее удовлетворение от целенаправленных действий, ориентированных на настоящее. Они сильнее мотивированы не только на дальние цели, но также и на более близкие субцели. В теории мотивации Ж. Нюттена органично соединены достижения поведенческой, когнитивной и эк-

зистенциальной психологии. Он разработал теорию и метод исследования временной перспективы личности.

Как указывает А. В. Михальский, «Нюттен рассматривает пространство будущего как место осмысления потребностей, постановки целей и формирования поведенческих проектов. При этом, особенности ориентации на будущее связаны с теми или иными особенностями мотивации. Временная перспектива – когнитивная функция, репрезентация, не существующая в реальном пространстве восприятия, и ее наполнение – это «виртуально присутствующие» объекты и события, которые человек представляет» [378]. Они и являются целями деятельности, они же составляют наполнение временной перспективы, ее глубины и содержательности [410]. Подход Ж. Нюттена часто называют когнитивно-динамическим или мотивационно-динамическим. Метод мотивационной индукции (опросник Ж. Нюттена *Metode d'induction motivationelle* – МИМ) призван на основе завершения незаконченных предложений выявить совокупность мотивационных объектов, которая может быть проанализирована как с точки зрения содержания, так и с точки зрения расположенности во времени.

При исследовании перспективы личности и временных отношений в структуре ее жизненного пути накоплен богатый эмпирический материал. Однако более или менее целостная теория психологического времени личности, которая могла бы получить признание в психологической науке, в настоящее время еще не создана. Многие исследователи причину этого видят в изначальной антиномичности времени, в загадочности его природы, ссылаясь при этом на авторитетные суждения выдающихся мыслителей прошлого. Один из наиболее продуктивных исследователей-экспериментаторов в этой области С. Голдстоун вынужден был признать, что «после десяти лет исследований и почти десяти тысяч испытуемых, загадок человеческого временного функционирования накопилось значительно больше, чем решений» (по [688]). Дело здесь, разумеется, не в особой таинственности проблемы времени, а в ошибочности исходных методологических принципов ее исследования – феноменологизме и эмпиризме.

Далее, существенное значение имеет причинно-целевая концепция субъективного времени [146]. Основной идеей концепции является следующая гипотеза: значимость события в психологическом времени определяется совокупностью его связей с другими собы-

тиями. Структура психологического времени отражает взаимосвязь причинно-целевых отношений между событиями в жизни, их разветвленность, качественные и количественные характеристики. «О том, что отражение временных и причинно-следственных отношений в сознании индивида взаимосвязаны, свидетельствуют и результаты исследований каузальной атрибуции – одного из наиболее новых и перспективных направлений социальной психологии, в рамках которого параметр времени и временная перспектива рассматриваются как существенные факторы формирования представлений личности о причинах и следствиях определенных событий», пишут Е. И. Головаха и А. А. Кроник. Они разрабатывают направление психологии времени, психологического возраста, жизненного пути личности, а также метод каузометрии (по аналогии с социометрией Я. Морено) [146]. Каузометрический метод призван измерять «субъективные и причинные связи между событиями жизни и изображения этих связей в виде графов-каузограмм, таким образом, операционализируется причинно-целевая концепция времени. Они разработали программу «Биограф», прототип программы LifeLine, которая облегчает и автоматизирует процесс биографического интервью и построение каузограммы, однако авторы признают, что процесс «ручного» каузометрического интервью является более гибким методом, обеспечивающим хороший контакт терапевта и клиента. Анализируются периоды жизни, события и значимые даты, строятся связи между ними, обозначаются жизненные сферы, цели жизненного пути личности. Каузометрическое интервью состоит из нескольких основных процедур: биографическая разминка, формирование списка значимых событий и их датировка, оценка эмоциональной привлекательности, значимости субъективной и объективной, проведение причинного и целевого анализа межсобытийных отношений и др.

Заслуживает внимания факторная концепция временной перспективы Ф. Зимбардо. В 1999 г. Он представил свой опросник ZTPI – *Zimbaro Time Perspective Inventory*, в котором предлагается определенная структура ориентаций личности на ту или иную временную перспективу [212]. Ф. Зимбардо предлагает следующие факторы: Негативное прошлое, Позитивное прошлое, Гедонистическое настоящее, Фаталистическое настоящее и Будущее, в определенном варианте – возможен еще один фактор «Трансцендентное будущее» (религиозные

верования). Фактически, эти факторы – временные зоны, в которых «живут люди». Отмечается важность сбалансированного отношения к прошлому, настоящему и будущему времени, которое дает наиболее оптимальное самочувствие и психическое здоровье личности. Подчеркивается взаимосвязь нарушенных временных ориентаций и таких феноменов, как склонность к риску, зависимость от наркотиков.

Далее, вероятностная концепция временной перспективы, сформулированная Т. Н. Березиной, сформулирована на стыке философии и психологии. В рамках вероятностного подхода к пространственно-временному континууму, указывает автор «мы с вами оказываемся в вероятностном мире, где одновременно существует прошлое, настоящее и будущее. Настоящее существует в виде материальных тел, и событий происходящих с материальными телами, именно эти тела и события и составляют наш реальный мир. Но наряду с ним, тут же существуют и другие события, вероятностные, события прошлого и будущего, каждое событие имеет вероятность меньшею единицы, они не материальны, но это тоже существование. Человек отражает такого рода события (механизм восприятия вероятностных объектов пока не известен, но он существует, поскольку существуют сами события), высоковероятные события становятся фактами социальной жизни, средневероятные – образами нашего воображения, маловероятные – не осознаются» [72]. Т. Н. Березина отмечает, что в процессе формирования внутренних образов как раз и происходит интеграция темпоральных и пространственных особенностей человека, «каждый внутренний образ несет в себе как пространственные, так и временные характеристики, а совокупность всех образов формирует пространственно-временной континуум» [73].

Д. Деннетт и М. Кинсбурн [684] предлагают интересную когнитивную модель, которую можно кратко назвать «модель черновых набросков». Суть идеи в том, что мы воспринимаем мир в нескольких вариантах, но затем уже эти варианты упорядочиваются и отбираются под руководством когнитивных структур психики. Соответственно, всегда происходит отбор восприятия под запросы текущей ситуации. Здесь исследователи психологии времени начинают еще одну основную линию – изучение когнитивных процессов переработки информации. Как психика отбирает, обрабатывает, хранит и вновь конструирует информацию, из наиболее необходимых сигнала-

лов, которые поступают в неё от механизмов восприятия и оценки? Это составляет предмет соответствующего раздела. Исследованиями того, как субъект видит свой жизненный путь, перспективу, во времени, конструирует свое будущее, придумывает и использует приемы тайм-менеджмента, посвящено также много исследований.

Наряду с этим, заслуживает внимания концепция хронотопа во временной перспективе. В ее рамках для описания внутреннего мира человека предлагается определенная комплексная система пространственно-временных характеристик, тесно смыкающихся в «чувственный континуум» – хронотоп. Как отмечает В. П. Зинченко: «с его помощью облегчается понимание не только связи пространства и времени, но и трансформации их друг в друга, понимание объективации и субъективации этих категорий бытия и сознания. В активном хронотопе действия так же, как в хронотопе текста... снимается проблема размерности и отделенности пространства и времени» [216], и далее: «Формирование активного хронотопа – это одновременно и формирование образа ситуации и программы как оснований свободного действия и необходимое условие вневременных состояний сознания, которые М. М. Бахтин характеризовал как вневременное зияние, образующееся между двумя моментами реального времени [58, 59]. Хронотоп формируется в зазоре дрящегося опыта». Идею о пространственно-временном (хронотопическом) развитии личности углубляет и исследует Н. Н. Толстых [547]: в исследованиях этого автора разрабатывается проблема развития индивидуального хронотопа в детско-юношеском периоде и проблемам развития временной перспективы личности (культурно-исторический подход).

В следующем подходе – в совокупности концепций конструирования будущего (конструкционизм, социальный конструктивизм) будущее рассматривается не только как заранее запрограммированное поведение, но подчеркивается активная роль субъекта в конструировании собственного будущего. Будущее также имеет определенную репрезентацию (субъективный образ будущего). Этапы конструирования: возникновение поля вариантов на основе имеющегося жизненного опыта, восприятия и оценки реальности (эти варианты могут рассматриваться как более или менее значимые отклонения от тренда – линии средних значений); принятие решений по выбору вариант поведения на основе оценочных шкал-конструктов; реализация (или

нереализация поведения). Результатом постоянно происходящего процесса конструирования является репрезентация будущего – ментальная модель «образ будущего» (антиципация будущего). Контролером и регулятором деятельности становится не столько текущий результат действия, но мотивационная сила и четкая внутренняя структура (взаимосвязь и наполненность компонентов) образа будущего, конструированного и дорабатываемого во внутреннем плане до начала и по мере осуществления действия. Образ имеет не только прямое действие на будущее в виде запуска определенного поведения, но и обратное действие на субъективную реальность личности. Будущее – не только место, где конструируется поведение человека, но также и область, где таковое поведение (а также и смыслы, и события) изменяется.

Во второй половине XX века начинается еще одно направление психологических исследований, связанное с развитием социальной психологии, а также философии конструктивизма – исследования социального времени, того, каким образом социальные группы воспринимают время, обмениваются им, разделяют его, и даже конструируют его.

Синтезируя все рассмотренные теоретические подходы, можно констатировать, что одной из основных проблем современной психологии времени является вопрос о том, являются ли уровни временной организации (биологические циклы, психофизиология восприятия времени, психологическое отношение к времени, социальное время) различными по своей основе и проявлениям, или временная организация человека едина. Дифференцируется несколько уровней темпоральной организации психики [308, 378, 401]:

- время как продукт функционирования организма на психофизиологическом уровне (время как биологический механизм);
- время как продукт когнитивной переработки информации (время как когнитивные процессы);
- время как продукт динамической самоорганизации личности (время как жизненная стратегия);
- социальное (групповое) восприятие и конструирование времени (социальное время).

Соответственно, в психологии времени выделяются и единицы анализа, (операционные единицы) используемые при изучении того или иного уровня. Этими единицами являются:

– для биологического времени: собственная единица времени (0,7–1,1 сек.), или дифференциальные пороги восприятия (сотые и тысячные доли секунды);

– для когнитивного времени (процессы переработки информации): принимаемые решения, либо количество возникающие идеи (здесь нет общепринятого мнения);

– для психологического времени (время жизненного пути): происходящие события;

– для социального времени: значимые акты социального взаимодействия (опять же, вопрос здесь не разработан).

В развитии представлений существенную роль играет понятие временной транспективы личности. Это – целостное представление человека о своем прошлом, настоящем и будущем. Применение термина «временная транспектива» дает возможность охватить полный жизненный хронотоп, в котором прошлое, настоящее и будущее рассматриваются не как автономные фрагменты, а как части единой временной структуры; выделяются: содержание, релевантное каждой из временных зон, и система формальных признаков (протяженность, плотность, направленность, эмоциональный фон). Понятие временной транспективы, кроме того, отражает ценностно-смысловой аспект времени, проявляющийся в способности человека одним взглядом охватить весь жизненный путь, поднявшись от простых воспоминаний до осмысления значения своей жизни.

Транспектива – такое психологическое образование, в котором органически объединяются, генерируются прошлое, настоящее и будущее личности. Это понятие обозначает обозрение индивидуумом течения собственной жизни в любом его направлении, на любом его этапе, сквозное видение прошлого и будущего в их взаимосвязи с настоящим и в настоящем.

Разумеется, весь спектр вопросов, инициируемый понятием временной перспективы личности, чрезвычайно обширен и вряд ли поддается какой-либо систематизации. Ни в коей мере не претендуя на его охват, отметим лишь один, но очень существенный, по нашему мнению, аспект данного понятия. Оно, фактически, конкретизирует по отношению к психологии личности и к психологии времени важнейший методологический принцип – принцип детерминизма, причем, взятый в его комплексном виде – как единство каузальной и целевой детер-

минации. Дело в том, что «мотивация будущего», зафиксированная во временной перспективе и осознаваемая личностью, и как таковая – это и есть общая по смыслу, но конкретная и мощная по содержанию система детерминант всей системы активности личности в ее основных разновидностях. В этом плане неожиданно новым смыслом раскрывается известное положение С. Л. Рубинштейна о том, что вопрос о субъективном времени – это, фактически, вопрос о детерминантах поведения. Кроме того, данное понятие неразрывно связано не только с факторами личностного плана, но и с факторами межличностного порядка. Однако тем самым данное направление логически приводит к постановке проблемы субъективного времени в еще одном важном плане – социально-психологическом. Оно оформилось сегодня как социальная психология времени. Общая характеристика данного направления получила наиболее полное воплощение в работе [401]. Так, в ней указывается, что ключевой проблемой социальной психологии времени являются предпосылки отношения к времени в социальных группах и его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии. Предметная область социальной психологии времени включает в себя целый ряд феноменов.

Во-первых, это особенности индивидуального отношения к времени, проявляющиеся в результате взаимодействия членов группы друг с другом (например, различия в индивидуальном отношении к времени может служить одной из причин конфликтов по поводу организации совместной деятельности). Во-вторых, – объективная пространственно-временная организация межличностного и межгруппового взаимодействия, влияющая на социально-психологические характеристики группы (например, влияние продолжительности, темпа и ритма совместной деятельности на сплоченность группы и удовлетворенностью совместной деятельностью). В-третьих, – особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени в групповом сознании и совместной деятельности, несводимые к характеристикам субъективного времени отдельной личности. Это, например, внимание к времени и его ценность в организационной культуре, содержание коллективной памяти и групповые представления о будущем. Социальной психологии времени посвящено достаточно много работ, начиная с первой трети XX века, раскрывающих вопросы временной перспективы, временной мотивации, организационного

времени, до целой серии работ по социальной психологии времени. Особо необходимо отметить следующие направления исследований:

– причинно-целевой подход, каузометрия в приложении к событиям жизненного пути целого народа [146];

– время как компонент образа мира, идентичности человека и социума (Г. М. Андреева [22]), как когнитивный (семантический) феномен (С. А. Безгодова [61]);

– взаимосвязи временной перспективы с Я-концепцией, ценностями личности, профессиональным развитием, коммуникативными процессами и др. [3, 64, 91, 92, 282, 547];

– восприятие времени в больших социальных группах [153, 390, 397];

– социально-культурные типы репрезентации времени (представление о линии времени у человека) в подходе НЛП:

1. англо-европейский тип («рядом со временем»): прошлое находится слева, а будущее – справа;

2. арабский тип («сквозь время»): прошлое оказывается сзади, а будущее впереди.

– отношение к времени в организационном контексте (Т. А. Нестик [401], Ю. В. Дружинина [187]);

– временная ритмика групп и рабочих коллективов (А. Н. Лутошкин, Л. И. Уманский [555], А. В. Михальский [378]).

В качестве примеров исследований ритмичности всей жизни человека, а также жизни групп и коллективов, можно привести работы О. Шпенглера [619], А. Тойнби [546], Л. Н. Гумилева [166], К. Питтендрайх [767], Дж. Маграт и Дж. Келли [730], других известных ученых. Широко известно исследование синхронизации менструальных циклов женщин, близких в общении (исследования проводились также и на самках различных животных, которые также проявили данный феномен) М. МакКлинтон, начиная с 1971 [750]. Упомянем также работу Р. Г. Фаизовой «Психофизиологический анализ жизненных ритмов иерархической индивидуальности» [559], направление периодограммного анализа в психологии, работы А. Н. Лутошкина по исследованию эмоциональных ритмов коллективов и их потенциала, работы С. Козловского, Х. Эрроу, предметом которых является отношение ко времени в малых группах (по [378]). Использование сочетания антиципации и ритмики – одно

из самых перспективных направлений в психологии, причем в самых, казалось бы неожиданных сферах теории и практики. В качестве гипотезы упоминается волновая, ритмическая структура антиципации как факторе, затрудняющем или облегчающем распознавание и взаимодействие на уровне «свой-чужой», подстройку и конструирование совместного поведения. Кроме того, в рамках данного направления все более самостоятельное значение приобретает такой его специфический аспект, который связан с проблемой времени и отношения к нему в организационном контексте. В связи с этим, можно говорить об организационной психологии времени, которая также достаточно подробно освещена в упомянутой работе [401].

Еще одним направлением разработки проблемы субъективного времени является ее дифференциальный аспект, связанный с изучением индивидуальных различий в восприятии и оценке времени, в отношении к нему, в способности к его планированию и др. В этом плане следует отметить следующие основные результаты [364]. Так, прежде всего, это, конечно, установление и интерпретация различных хронотипов личности. Понятие хронотипа (от др.-греч. *χρόνος* «время») фиксирует индивидуальные особенности суточных ритмов организма человека и других животных. Хронотип человека определяет организацию физиологических функций организма и его способность к адаптации, может использоваться как универсальный критерий общего функционального состояния организма. Как правило, выделяют три основных хронотипа человека: ранний (утренний, «жаворонки»), промежуточный (нормальный, «голуби») и поздний (вечерний, «совы»). Однако в исследовательских целях применяют более детальную градацию – до семи хронотипов. Так, была предложена дифференциация семи хронотипов: фиолетовый – экстремально ранний, синий – умеренно ранний, голубой – слабый ранний, зеленый – нормальный, желтый – слабый поздний, оранжевый – умеренно поздний, красный – экстремально поздний.

Такая классификация при сопоставлении с тремя основными хронотипами приводит примерно к следующему. «Жаворонки» – экстремально ранний и умеренно ранний (фиолетовый и синий). «Голуби» – слабый ранний и нормальный (голубой и зеленый). «Совы» – слабый поздний, умеренно поздний и экстремально поздний (желтый, оранжевый и красный).

В историческом плане это разделение восходит к исследованиям Н. Клейтмана, выдвинувшего предположение о существовании базового 24-часового ритма сна и бодрствования [731]. Существенный вклад в изучение хронотипов внесли работы О. Оквиста, Дж. Хорна, О. Остбера и Т. Реннеберга, предложивших основные методики для определения хроотипов – в частности, методику МEQ, а также известный мюнхенский тест МСТQ [718].

Процентное соотношение хронотипов, по некоторым оценкам, следующее: примерно по 20 % людей относятся к «жаворонкам» и «совам», остальные 60 % – «голуби»[3]. Вариативность личности по отношению к конкретному хронотипу получила название «социальный джетлаг».

Далее, начиная с работ Х. Эренвальда, принята типология, предполагающая две категории людей – одни обнаруживают стойкую тенденцию недооценивать (тахихронический тип), а другие – переоценивать время (брадихронический тип), то есть первый обнаруживает более или менее стойкую тенденцию к ускорению; второй – к замедлению, к запаздыванию. Первый переоценивает, второй недооценивает длительность временных интервалов. Ошибки в оценке времени оказались, по данным Х. Эренвальда, довольно значительными. Имея задание определить длительность временного интервала в одну минуту, один из испытуемых счел минуту истекшей по прошествии всего 13 секунд, другой – 80 секунд. Специальная длительная тренировка может (как это выявилось в экспериментах М. Франсуа) на некоторое время более или менее заметно повысить точность временных оценок. Но и при тренировке у испытуемых сохраняются довольно стойкие индивидуальные тенденции: одни недооценивают, другие переоценивают время.

Важная особенность субъективного отражения времени – его чрезвычайно широкая межиндивидуальная вариабельность. При среднем значении экспоненты функции оценки (или отмеривания) величины равной 0,8–1,1 мин в индивидуальных показателях могут варьировать в пределах 0,3–2,2 мин [91]. Безусловно, на оценку временных промежутков влияют и внешние условия, и настроение, и когнитивная оценка ситуации, но в целом можно выделить 2 типа людей: недооценивающих и переоценивающих длительности временных промежутков. Те, кто недооценивают (тахихрония – «уско-

ренное время») – в период, пока проходит по часам 10 минут, внутри себя насчитают целых 12 или 15 минут. Напротив, брадихронический тип (брадихрония – «медленное время»), может сказать, что прошло всего лишь 7-8 минут, однако прошло уже 10 минут по часам. Такие феномены связаны со свойствами нервной системы – преобладанием возбуждения или торможения.

Ф. Халберг, основатель нового направления науки биоритмологии (хронобиологии), разработал простую методику, чтобы измерить ход внутреннего времени человека. Ее называют «Тест индивидуальной минуты» или «Личная минута Халберга».

Наряду с этим, существуют индивидуальные различия во временной ориентации личности – типы временной ориентации, что связано со стабильной индивидуальной тенденцией акцентировать ту или иную временную рамку и, таким образом, вырабатывать стойкое временное «предубеждение». Одни более ориентированы на будущее («будущники»), другие более ориентированы на настоящее или на прошлое («прошлики»). В связи с этим, Ф. Зимбардо выделяет два аспекта ориентации на прошлое: негативное прошлое (прошлое видится неприятным и вызывающим отвращение); и положительные мысли о прошлом (прошлый опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Также выделяют два аспекта ориентации на настоящее. Гедонистическое (полное удовольствия, ценится наслаждение моментом без сожаления о дальнейших последствиях поведения) и фаталистическое (такие люди сильно верят в судьбу, имеют подчиненное отношение к настоящему, в котором, как они верят, невозможны изменения, а также они не могут влиять на события ни своего настоящего, ни будущего). Еще один фактор – это ориентация на будущее, характеризующаяся наличием целей и планов на будущее, и поведением, которое направлено на выполнение этих планов и реализацию целей.

Исследования временной ориентации являются весьма конструктивными. Так, например, В. С. Хомик и А. А. Кроник проанализировав отношение к настоящему и будущему детей с отклоняющимся поведением, пришли к выводу, что переживание настоящего резко отличается у обычных школьников и воспитанников трудовой колонии (возраст 15–17 лет). Отличительной чертой благополучных юношей является акцент на ценностях настоящего времени, а девиан-

тов – на сугубо гедонистическом к ним отношении. На фоне несформированности критериев ценности и актуальности времени картина настоящего у юношей-девиантов оказывается весьма расплывчатой. Текущее время они переживают как менее значимое и полезное, более скучное и пустое, непривлекательное и т. д. У благополучных юношей протяженность перспективных временных ориентаций существенно длиннее, чем у неблагополучных [589].

Подобные результаты получила Ю. А. Васильева при изучении смысловой сферы личности у молодых людей. Она показала, что лицам с социально-неадаптивными формами поведения присуща аморфность временной перспективы, большая обращенность в прошлое, центрированность на настоящем и меньшая направленность в будущее по сравнению со своими сверстниками (по [119]). Т. Н. Муладжанова и В. В. Николаева выявили, что сокращение временной перспективы, ограничение ее настоящим моментом обнаруживается и у лиц в ситуациях хронического стресса, вызванного тяжелыми соматическими заболеваниями [392]. Лицам с социально-неадаптивными формами поведения присуща аморфность временной перспективы, большая обращенность в прошлое, центрированность на настоящем и меньшая направленность в будущее по сравнению со своими сверстниками. Наконец, установлены и половые отличия: мужчины склонны к большей актуализации будущего, а женщины – прошлого, которое психологически для них является более значимым.

Установлено соотношение локуса времени и временного типа. Термин «локус времени» обозначает индивидуальные предпочтения личности относительно времени объяснение причин поступков прошлым или будущим, общей направленностью во времени, предпочитаемый временной ориентир, точка отсчета – в будущем или в прошлом [378]. Выделяются определенные τ -типы (временные типы) [596], проявляющих неодинаковое субъективное отношение ко времени. При этом выявлена зависимость – чем меньше продолжительность субъективной временной единицы («внутренняя секунда» менее 0,86 с), тем более ориентирован человек на будущее. Напротив, временная единица от 0,94 секунды и более – свидетельствует об ориентации человека на прошлое. Соответственно, и свойства темперамента соответствуют направленности в будущее или в прошлое, а нейротизм или стабильность свидетельствуют об уровне тре-

возможности относительно времени. Соответственно, у «быстрых» типов выражена высокая скорость сердечного ритма и дыхания, но сон их дольше, чем у «медленных» типов – флегматики спят меньше всех.

Существуют индивидуальные различия в предпочтениях так называемых режимов деятельности. Деятельность может протекать в разных временных режимах, то есть существуют объективные (относительно к человеку) временные структуры деятельности, несмотря на выраженные различия разных профессий; в них могут существовать сходные режимы времени, а в сходных профессиях могут быть разные режимы. К. А. Абульханова и Т. Н. Березина предлагают выделять следующие режимы: «Первый наиболее известный режим – дефицит времени, когда его заведомо недостаточно для осуществления деятельности; второй – лимит, когда человеку нужно работать особо напряженно, чтобы выполнить к сроку определенный объем работы; третий – оптимальный (или нормативный) режим, который в разных профессиях устанавливается на основе учета особенностей труда и возможностей человека (например, темп работы конвейера); четвертый – неопределенный, когда человек сам должен определить срок завершения деятельности (например, в творческих профессиях невозможно извне планировать срок осуществления научного открытия или завершения работы над книгой); пятый – избыток времени, когда его заведомо больше, чем необходимо для получения продукта» [74].

Наряду с этим, представлены исследования, в которых выявлены иные типы [292]:

1. Первый тип, условно названный «оптимальным», успешно действует во всех пяти режимах, обладает способностями организовывать время и самоорганизовываться в нем, то есть представляет наивысший уровень практического владения собственным временем. Универсальная успешность этого типа во всех пяти режимах позволяет говорить о наличии у него способности к организации времени, в отличие от других, приводимых ниже типов, каждый из которых оптимален в одном или двух режимах и одновременно неуспешен в других.

2. Второй тип, условно названный «дефицитным», успешно действует в дефиците времени и, более того, все остальные режимы сводит к дефициту (то есть все делает «в последнюю минуту», когда времени заведомо недостаточно). Его переживания времени парадоксальным образом не связаны с деятельностью (хотя, казалось

бы, дефицит времени деятельности должен актуализировать его переживания). Этому типу свойственна способность самоорганизации, но проявляется она ситуативно, то есть только под влиянием внешнего воздействия, которое (как лимит) является достаточно жестким.

3. Третий тип, названный «спокойным», напротив, испытывает трудности при работе в дефиците времени и при оптимальном режиме, и при заданном извне сроке завершения деятельности – будь то лимит или нормативное время, но успешно действует в остальных двух режимах (когда время не задано или когда его больше, чем требуется). Данному типу присуща развитая способность самоорганизации, поскольку он внутренне активен, оптимален во временной неопределенности. Эти лица предпочитают заранее узнавать о предстоящей им работе, чтобы заранее ее спланировать. Переживания их двойственны: когда они сами определяют время, оно переживается ими как напряженное и приятное, когда же время деятельности задается извне, они переживают его как дискретное и неприятное и их деятельность дезорганизуется.

4. Четвертый – «исполнительский» тип успешно действует во всех временных режимах, кроме временной неопределенности. Если представителям этого типа предъявлено задание с любым указанным сроком (дефицит, лимит, оптимальный срок), они способны его выполнить, оптимально организуя свою деятельность во времени, но там, где отсутствуют внешние опоры в виде сроков, они не в состоянии самостоятельно самоорганизоваться. Их переживания связаны с деятельностью, носят дискретный, позитивный, то есть удовлетворяющий субъекта характер.

5. Пятый «тревожный» тип успешен в режиме с оптимальным сроком, может работать в избытке и неопределенном времени, но всячески избегает экстремальной ситуации дефицита, что и отражается в характере переживания времени

Предложенная типология выявляет адаптивные возможности индивида: каждый из типов характеризуется диапазоном временных режимов, в которых он может действовать оптимально, а также теми режимами, в которых его деятельность затруднена или невозможна. По мнению авторов «один из типов обнаружил оптимальные возможности во всех пяти режимах, что позволяет говорить о существовании особой, до сих пор никем не выделявшейся способности к организации времени». При этом вопрос о возможности развития такой

способности и освоения для «неоптимальных» типов недоступных для них режимов остается открытым.

Далее, показана связь восприятия времени с некоторыми индивидуально-личностными качествами – в частности, с тревожностью [204]. На основе этого были сформулированы достаточно важные заключения. Так, выявлено, что индивидуальная мера выраженности данного качества пропорциональна недооценке временных интервалов, на основе чего разработана методика диагностики тревожности под названием «субъективная минута». Если минутный интервал оценивается в 65–70 секунд, то констатируется низкая тревожность. Легкая тревожность будет соответствовать значениям в 55–64 секунды. Это уровень беспокойства, сомнений, недоверия. При таком уровне тревожности человек вполне способен оперативно повлиять на свое состояние банальным переключением внимания. Умеренная тревожность соответствует значениям в 45–54 секунды. Это уровень настороженности, собственно тревоги, замешательства. Выраженная тревожность соответствует значениям менее 45 секунд. Здесь речь, скорее, идет уже не о тревоге, а о страхе. Результат менее 35 секунд (особенно получаемый неоднократно в разные отрезки дня) свидетельствует об острой тревожности.

В целом вопрос о связи восприятия времени с индивидуальными качествами не только очень сложен, но и беспрецедентен по своему объему, поскольку найдется очень мало таких качеств (если они вообще существуют), которые бы ни детерминировали особенности этого восприятия. Кроме того, связанная с их влиянием область, которую можно назвать дифференциальной психологией времени, разработана весьма недостаточно. Тем не менее, необходимо отметить одно из индивидуальных качеств, которое оказывает определяющее влияние на учет личностью данного параметра, хотя и оно в этом аспекте практически не изучено – свойство интернальности-экстернальности. Как интерналы, так и экстерналы характеризуются устойчивыми особенностями отношением к времени. Это – и различная величина временной перспективы, и различные приоритеты во временной ориентации, и различия в планировании времени и мн. др.

Наконец, отметим еще один важный, но также совершенно не изученный аспект дифференциального направления. Он состоит в том, существует или нет (а также – должна ли существовать)

какая-либо унитарная специфическая и ортогональная *способность*, эксплицирующая результирующую эффективность оперирования с темпоральными характеристиками среды – темпоральная способность. Выступает ли она именно унитарной или же мера ее парциальности, то есть представленность по отношению к различным временным параметрам, превосходит ее интегративный модус? Если эта способность существует как общая, то на какие частные способности она дифференцируется? Эти вопросы являются слабо разработанными и в психологии времени и в психологии способностей.

Специальная и очень обширная сфера исследований субъективного времени – это его трансформации в зависимости от возраста [321]. Так, в частности, показано, что в старости происходит ускорение восприятия времени. Этому феномену дают следующее объяснение: оценка временного интервала происходит в сравнении с прожитыми годами. Например, для четырехлетнего ребенка год – это 25 % его жизни; это весьма большой срок, и он воспринимается как сравнительно продолжительный период. Напротив, шестидесятилетнему человеку год кажется незначительной частью уже прожитой им жизни [292]. Однако есть данные о том, что снижения точности восприятия времени в пожилом возрасте можно избежать благодаря двигательной и социальной активности.

Одно из возможных объяснений этого феномена заключается в том, что человек автоматически воспринимает t продолжительных временных отрезков, таких, например, как промежутки между днями рождения или праздника, относительно всей прожитой нами жизни. Иными словами при восприятии определенного промежутка времени собственный возраст служит некой шкалой сравнения. Например, шестидесятилетнему человеку год кажется незначительной частью уже прожитой им жизни ($1/60$ или менее 2 %). Именно поэтому время и кажется пожилому человеку более быстротекущим, чем ребенку. Хотя появляющееся с возрастом ощущение, будто время ускоряет свой бег, и распространяется в первую очередь на восприятие достаточно больших временных интервалов (например, на восприятие целого месяца, времени года), известно, что обусловленная возрастом недооценка времени (то есть ощущение, что время идет быстрее) проявляется и к относительно коротким периодам (например, к периодам, равным от 30 до 120 с).

Многие неврологические и физиологически изменения, происходящие в стареющем организме способны оказать прямое или косвенное влияние на восприятие времени. Не исключено, что с возрастом постепенно замедляется некий биологический механизм, задающий темп организму. Известна точка зрения, согласно которой причиной возрастных изменений в восприятии времени является постепенно уменьшение содержания в организме дофамина, играющего роль нейротрансмиттера. Последствия этого снижения становятся заметными к пятидесяти годам, большинство людей начинает осознавать, что им кажется, будто время идет быстрее, чем раньше. Кроме того, показано, что на разных этапах онтогенетического развития люди по-разному относятся к прошлому, настоящему и будущему: молодым свойственна направленность в будущее, в пожилом возрасте более значимо прошлое. Указывается также, что людям свойственны индивидуальные особенности восприятия времени: плавно текущего или скачкообразно, сжатого или растянутого, пустого или насыщенного. Молодым свойственна направленность в будущее, пожилым людям более важно прошлое – здесь имеет место ретроспективная направленность мотивов. Наряду с возрастной дифференциацией особенностей переживания времени существуют и половые отличия: мужчины склонны к большей актуализации будущего, а женщины прошлого. Установлено, что дети обычно «жаворонки», но с возрастом среди них все больше становится «сов» – максимум достигается приблизительно к 20 годам (у мужчин в возрасте около 21 года, у женщин – около 19,5 лет). Далее с возрастом хронотип постепенно становится ранним. Мужчины в среднем имеют более поздние хронотипы в течение большей части своей взрослой жизни. Несмотря на выраженность и очевидность возрастных изменений чувства времени, убедительных интерпретаций таких эффектов пока не дается. Предлагаемые объяснения рассматриваемого феномена, как правило, акцентируют внимание на отдельных аспектах и причинах его возникновения.

В биологически ориентированных интерпретациях предполагается, что возрастное замедление течения психологического времени зависит от естественного замедления процессов гомеостаза в организме. В этой связи можно отметить, что замедление течения органических процессов, действительно, влияет на общую активность и может быть

существенным фактором снижения частоты и силы новых жизненных впечатлений человека. Вместе с тем, диапазон возрастных изменений оценок и переживаний времени столь широк, что его вряд ли следует прямо связывать с гомеостатическими изменениями. С другой стороны, биографии многих выдающихся мыслителей и деятелей культуры свидетельствуют о том, что с возрастом их интеллектуальная активность не только не снижалась, а даже повышалась до некоторых предельных значений, достигавшихся в зрелости и даже в преклонных годах, когда впечатление ускорения течения физического времени становится чрезвычайно выраженным. Рассматривается связь между скоростью течения времени и количеством перцептивной информации, перерабатываемой человеком. В этом плане полагается, что с увеличением количества воспринимаемой информации физическое время для человека замедляется. Исследователи связывают изменения в оценке и переживании человеком течения времени и с информационной насыщенностью его взаимодействий с действительностью, и с изменением силы его «Эго». Соответственно такому видению и впечатление ускорения времени с возрастом может относиться на счет уменьшения объема перерабатываемой сознанием информации.

Возрастное замедление психологического времени может рассматриваться и с позиций причинно-целевой концепции Е. И. Головахи и А. А. Кроника. Исходя из положений этой концепции, следует предположить, что увеличение числа нерешенных человеком в прошлом проблем приводит к отягощению его настоящего, к накоплению актуальных межсобытийных связей и, как следствие, к ограничениям возможностей планирования перспективы будущего. В результате отмеченных тенденций число новых значимых впечатлений сокращается, а человек погружается в круговорот поиска решений ранее возникших проблем, но представленных в настоящем в новом виде и в новых условиях.

Существует корреляция между психическим здоровьем и ускоренным восприятием времени [146]. Пожилые люди, которые были социально активными, организовывали свое время, считали себя моложе своего хронологического возраста, имели больше осмысленных целей в жизни, менее выраженную депрессивность и более выраженный интернальный локус контроля, оценивали время как быстро текущее.

На основе анализа литературных данных можно, как отмечает А. И. Мелехин, выделять следующие факторы, влияющие на оценку времени в пожилом возрасте [364].

– Снижение скорости биологических систем (внутренние часы, нейронные осцилляторы), что приводит к снижению чувствительности регулятора скорости временных стимулов.

– Изменения эндокринных процессов, нейрохимии головного мозга (дофамин, ацетилхолин).

– Изменения рабочей и долговременной памяти.

– Ограниченность ресурсов внимания и изменения скорости обработки информации.

– Изменения состояния физического и психического здоровья (наличие болевого компонента, аффективных расстройств).

– Психосоциальные проблемы (изменение социальной роли, отсутствие семейной поддержки и доверительного лица, нереализованность, невостребованность).

Важное значение в психологии времени имеет понятие психологического возраста. Он отличается от хронологического (паспортного) возраста и является системной характеристикой развития человека, успешности перехода с одной возрастной ступени на другую, степени решенности определенных жизненных задач и умения справляться с трудностями. Л. С. Выготский считал ключевыми составляющими психологического возраста социальную ситуацию развития, деятельность ребенка, новообразования [128]. Как указывает А. В. Михальский, психологическим возрастом можно назвать такой уровень развития личности, который соответствует принятым в обществе, социальным нормам развития личностных черт и поведения человека, отражает их [387]. Поэтому, например, с точки зрения образованного европейца XVIII века индейцы могли показаться инфантильными в поведении и отношениях, а может быть, наоборот, внешние признаки поведения давали повод задуматься о мудрости (такая противоречивость и является свидетельством того, что психологический возраст – скорее, социальная категория). С другой стороны, А. А. Кроник предлагает оценивать психологический возраст, принимая во внимание открытость человека новым впечатлениям – чем меньше от максимально возможных 100 % человек считает освоенным в жизни (впечатлений, жизненного опыта и пр.), тем он мо-

ложе психологически [146]. Согласно концепции А. А. Кроника и Е. И. Головахи, психологический возраст – мера реализованности психологического времени. К. Левин понимает под психологическим возрастом уровень развития интеллекта, умение структурировать психологическое пространство, включая и временное. Разумеется, психологический возраст может быть больше паспортного возраста, либо меньше (инфантилизм). Психологический возраст можно понимать и как умение справляться с требованиями среды. В целом можно отметить, как указывается в [378], следующие основные закономерности развития восприятия времени в онтогенезе:

- с формированием прогнозирования ритма происходит формирование пространственно-временного континуума психики;

- в ходе развития психики расширяет границы собственного времени – от пребывания в настоящем моменте, к овладению прошлым и будущим;

- по мере овладения временем, психика овладевает и пространством, в котором реализуется поведение;

- в любом периоде жизни человеку кажется, что раньше время шло медленнее, чем в актуальный период.

Продолжая обзор основных направлений разработки проблемы времени, следует отметить, что еще один ее важный аспект состоит в исследовании и применении методов и методик повышения эффективности профессиональной деятельности. Фактически, это область исследования, сложившаяся во взаимодействии психологии времени и психологии профессиональной деятельности. В ней можно выделить, как минимум, три основных направления. Во-первых, это, как отмечалось выше, исследование проблематики времени в организационном контексте – как фактора функционирования производственных и иных организаций (организационная психология времени). Во-вторых, это исследование субъективного времени как регулятора профессиональной деятельности. В-третьих, это и такое относительно недавно возникшее течение, как тайм-менеджмент. Далее, по отношению ко второму аспекту – к времени как регулятору профессиональной деятельности также представлены некоторые конкретные данные. В частности, в работах Ю. К. Стрелкова вводится понятие временной формы как средства организации деятельности. Так, он отмечает, что: «Синхронизация выполнения двойных задач, длитель-

ность ожидания события и переживание настоящего, умственная сознательная работа при подготовке к деятельности и анализе результатов, телесные движения и изменения в окружающем мире – учет таких временных категорий позволяет психологу построить точное описание деятельности человека и наметить методы формирования профессионального мастерства» [523]. «Темпоральность предполагает длительность, синхронизацию и временной синтез настоящего, прошлого и будущего. Необходимо найти их признаки и тогда мы сможем говорить о темпоральности деятельности» [523].

Кроме того, раскрывая понятие временно формы, автор указывает «Временная форма – форма изменчивого, поэтому она не может не меняться. Либо в самой форме, либо в процессе есть какие-то механизмы, которые обеспечивают устойчивость формы. Но что означает эта устойчивость временной формы – это всего лишь ее инерция, краткое сохранение, продолжение, затяжка существования, за которой следует исчезновение? Устойчивое существование – это продолжение прошлого в будущем и понимается в настоящем. Это тоже своеобразный синтез. Здесь видна особенность временной формы: прошлое ушло, настоящее уходит, но продолжается в будущем. Форма устойчива благодаря особой работе субъекта. Форма известна ему заранее и он старается удержать ее своей четкой и сосредоточенной работой. Форма процесса должна получить не только временную, но пространственную, энергетическую, технологическую, языковую и содержательную, качественные характеристики. Процесс предполагает повторение. Повторение позволяет нам говорить о форме. Человек поддерживает форму с помощью памяти и сознательного усилия. Но процесс – движение, изменение. Значит, он содержит в себе новизну, неожиданность и неизвестное. Новизна процесса не только в том, что с каждым моментом мы все ближе к концу очередного цикла и завершению всего процесса. Временная форма содержит множество процессов, изменчива, подвижна, как и сам процесс. Она многомерна: в ней есть глубина, пространственность и многоярусность, но ее объем, конфигурация, габариты меняются по ходу процесса. Синтез позволяет понять устройство и движение временной формы. Временная форма длится, она никогда не бывает законченной, в ней есть зоны неопределенности, простора, свободы. Временная форма процесса – не просто его объективная характеристика. Синтез времен-

ной формы требует постоянной работы субъекта – памяти, сознания, внимания, мышления, эмоций, психики. Работа ведется сразу на многих уровнях, одни видны отчетливо, другие – скрыты» [524]. Эта работа тем сложнее, чем сложнее комплекс процессов, охватываемых временной формой. Через изучение временной формы лежит путь к исследованию профессионального и жизненного опыта человека.

Фактически, понятие временной формы выступает и в качестве превращенной формы деятельности, что открывает новые возможности для изучения последней, задавая новые методологические ориентиры такого изучения.

Особую популярность сейчас приобрело направление, обозначаемое как *тайм-менеджмент* [31, 32, 303]. Он в большинстве случаев рассматривается как наука управления временем, которая предлагает всевозможные техники и приемы, позволяющие распределить его более рационально и, благодаря этому, быстрее достигать поставленных целей. Как отмечает Л. М. Коробейников «Основная цель тайм-менеджмента состоит в построении или формировании системы знаний, умений и навыков управления собственным временем для обеспечения более адекватной ориентации в высоко динамичной среде деятельности и осуществление своевременных действий для повышения эффективности достижений» [303].

В качестве предмета исследования тайм-менеджмента рассматриваются методы, приемы, подходы к изучению фактора времени, затрат времени, выявления резервов, экономии и более эффективных путей его использования [31, 32]. Объект тайм-менеджмента – деятельность субъекта деятельности в целом за период; деятельность в рамках отдельной стадии, процесса, операции, процедуры с позиции фактора времени; индивид-менеджер как источник формирования, планирования и использования фактора времени в достижении поставленных целей, в том числе личных и коллективных.

Анализ тайм-менеджмента – это самостоятельная и очень масштабная задача, выходящая за рамки данной работы. Вместе с тем, необходимо отметить, что в нем получен ряд очень важных результатов относительно специфики субъективного времени, а также его учета в организации деятельности. Так, в частности, интерес представляет понятие хронофагов [192, 207].

Хронофаги (от др.-греч. χρόνος – время и φάγομαι – поглотители времени, пожиратели времени) – один из терминов управления временем, обозначающий любые отвлекающие объекты, мешающие и отвлекающие от основной деятельности (работы и других запланированных дел). Хронофаги могут быть одушевленными (например, коллеги с досужими разговорами, друзья с пустыми звонками, заказчики, любящие поболтать и т. д.) или неодушевленными (Интернет, компьютерные игры, телевизор, радио и др.).

Наиболее распространенными считаются следующие хронофаги: нечеткая постановка цели; отсутствие приоритетов в делах; программное обеспечение с характерным дефектом; попытка слишком много сделать за один раз; отсутствие достаточного представления о предстоящих задачах и путях их решения (неясные ожидания руководителя); плохое планирование рабочего дня; личная неорганизованность, «заваленный» письменный стол; неэффективное хранение документов и другой информации; недостаточное разделение труда, выполнение чужой работы, неспособность сказать «нет»; отрывающие от дел телефонные звонки, письма и разговоры; неполная и/или несвоевременная информация, ведущая к необходимости «тушить пожар»; отсутствие самодисциплины; неумение довести дело до конца, потеря интереса к проекту; неэффективные совещания; обсуждение сложных вопросов без надлежащей подготовки; синдром «откладывания»; желание знать все детали, без должной квалификации; спешка, нетерпение; редкое делегирование (или его отсутствие); недостаточный контроль за выполнением того, что делегировано; слишком частые поездки; дела, которые можно решить по телефону, переносятся на личную встречу; переутомление, плохое самочувствие.

Отдельное и очень специфическое направление исследований проблемы субъективного времени – это изучение его *нарушений*, имеющих место, в частности, при разных формах психических заболеваний, а также иных расстройств. Так, в этом плане введен термин *дисторсии времени*, означающий изменение в восприятии времени, при котором время может ощущаться растянутым или сжатым, невзирая на фактическую длину временного отрезка. При замедлении времени могут создаваться оптические иллюзии размытия движущегося объекта. Дисторсия времени может также вызывать искаженное восприятие прошлого или будущего. Причиной изменения восприя-

тия часто являются психологические травмы, физическая активность, прием веществ, влияющих на психическое состояние и сознание.

Нарушения восприятия времени – хронопсихические иллюзии, явления дисхронизма, хронотараксия (греч. *chronos* – время, *tharaxis* – расстройство) достаточно разнообразны.

1. Тахихрония – непосредственное ощущение ускоренного течения актуального времени. Время идет очень быстро, оно просто летит. Один из испытуемых К. Ясперса рассказывает о переживании времени в состоянии мескалинового опьянения следующее: «Поначалу испытываешь особенное чувство, будто ты потерял контроль над временем, будто оно ускользает у тебя между пальцами, будто ты больше не можешь удержаться в настоящем, чтобы прожить его; ты пытаешься зацепиться за него, но оно уплывает от тебя и устремляется вдаль» [638].

2. Брадихрония – непосредственное ощущение замедленного течения актуального времени: «Ночь, кажется, никогда не кончится, утра не дождусь, до него бесконечно далеко, целая вечность... Время идет медленно, едва двигается, а часы торопятся, спешат».

3. Утрата осознания течения времени – ощущение, будто бы время остановилось на одном месте, вперед оно не движется и даже исчезает: «Время как бы застыло, замерзло, все оказалось вне времени, оно будто шкура змеи, змея вылезла из нее, а шкура осталась на месте». К. Ясперс объясняет этот феномен утратой осознанной активности, состоянием, когда пациенты захвачены потоком непровольных переживаний [638].

4. Утрата осознания реальности времени – ощущение того, что настоящего времени не стало, время осознается как мираж, как нечто, существующее только в воображении: «Время превратилось в призрак, будто ты оказался на том свете, но еще воспринимаешь, что происходит в этом мире... Все видится, как в кино. Там тоже есть время, но оно фиктивное, не настоящее» [638].

5. Восприятие времени как новой реальности – ощущение того, что текущее время совсем не такое, как прежнее, оно обладает какими-то новыми, необычными свойствами. Больной К. Ясперса поясняет это так: «Это новое время было бесконечно многообразно и запутанно, и вряд ли его можно сравнить с тем, что мы обычно называем временем. Внезапно меня осенила мысль, что время лежит не передо

мной и не за мной, но со всех сторон. Я могу видеть его, разглядывая игру цветов» [638].

6. Восприятие прошлого времени как сжатого, сократившегося – ощущение того, что прошедшее время оказалось спрессованным в какой-то короткий его отрезок. Так, пациенту кажется, что прошедшие 29 лет длились не более 4 лет. Другой пациент вспоминает минувшие 10 лет как длившиеся один-два дня. Иногда пациенты говорят так: «Вся моя прошлая жизнь длилась как одно мгновение» [638].

7. Восприятие прошлого времени как растянутого, длившегося непомерно долго. Ф. М. Достоевский, описывая восприятие времени за несколько минут до своей смертной казни, писал, что эти драгоценные минуты казались ему целой жизнью, а вся жизнь представлялась бесценным даром бесконечного времени. Он же, рассказывая об экстатической эпилептической ауре, отметил, что это переживание кажется длящимся целую вечность, за что не жаль отдать и всю свою жизнь. О том же сообщает пациент, оценивая пережитые им минуты экстатического состояния как «вечность», как прожитую долгую жизнь.

8. Утрата осознания настоящего и будущего времени – ощущение того, что осталось только прошлое время, оно как бы окутывает пациентов, не выпускает их из себя. Больная говорит: «Меня оттащило назад, но куда? Туда, откуда это приходит, где это было прежде». Другой пациент сообщает: «Я как бы увяз в прошлом, словно в трясине, у меня нет ощущения того, что я нахожусь в настоящем, и нет ощущения, что будет когда-нибудь и будущее» [639].

9. Утрата осознания прошлого времени – ощущение того, что прошлого не было вовсе, оно как бы исчезло, стерлось из памяти: «Прошедшего как бы и не было вовсе, а настоящее появилось вдруг и неизвестно откуда... Я оказался отрезан от собственного прошлого, словно оно никогда не было таким полным тенью, словно жизнь только началась».

10. Утрата осознания будущего времени – ощущение того, что есть только прошлое и настоящее, а будущее исчезает или уже исчезло.

11. Утрата осознания прошлого и будущего – ощущение того, что существует только настоящее, а позади и впереди ничего не было и не будет: «Позади меня и впереди абсолютная пустота, ничто, я повис между тем, чего не было, и тем, чего никогда не будет... Я чувствую себя человеком, который трепещет между прошлым

и будущим, он балансирует на узенькой доске над пропастью. С одной стороны зияет пустота, с другой – то же, а настоящее – это только возможность не упасть вниз» [638].

12. Инверсия чувства времени – ощущение обратного течения времени. Больные сообщают: «Время изменило направление, пошло назад... Время течет не вперед, а вспять, в другую сторону». «Сегодня пятница, – знает пациент, – а завтра будет четверг, а за ним среда, потом – вторник...» утверждают они.

13. Утрата осознания плавного течения времени – ощущение того, что время движется какими-то рывками, толчками. В памяти сохраняются воспоминания лишь об отдельных впечатлениях, отмечающих будто пунктирной линией движение времени, обычно кажущееся пациентам несколько ускоренным: «Время идет прерывисто, какими-то скачками... Время как порвалось, словно оно составлено из отдельных кусочков... Время распалось на какие-то точки, между которыми ничего нет».

14. Утрата осознания границ времени – ощущение того, что грани, отделяющие прошлое, настоящее и будущее время, как бы исчезли, эти времена перетекают одно в другое, смешались или существуют одновременно:

Кроме того, в [276] показано, что нарушения субъективного времени при различных формах психической патологии являются нозологически специфичными, то есть они характеризуются своеобразием при каждой нозологической форме. Это проявляется даже по отношению к таким – максимально обобщенным закономерностям субъективного времени, как «законы восприятия времени», сформулированные С. Л. Рубинштейном. В частности, в работе Е. В. Карповой показано, что при шизофрении наблюдается тенденции к инверсии этих законов, то есть интересные и заполненные интервалы, напротив, переоцениваются, а неинтересные и незаполненные – недооцениваются. При эпилепсии имеет место обратная картина – те особенности временных оценок, которые характерны для нормы, в целом сохраняют свою направленность, но гипертрофируются: недооценка интересных и заполненных интервалов становится еще более отчетливой, равно как переоценка неинтересных и незаполненных интервалов [276]. Таким образом, эти данные открывают новые возможности для проведения дифференциальной диагностики. Нарушения восприятия време-

ни, как и пространства, вполне могут служить также основанием для появления соответствующих бредовых суждений [275].

Кроме того, как отмечает А. В. Михальский [378] «Специальным направлением проблемы субъективного времени является разработка методов его исследования. Они условно подселяются на следующие группы:

- 1) психофизиологическая диагностика восприятия времени;
- 2) когнитивная диагностика психологического времени личности;
- 3) диагностика группового отношения к времени.

Так, первая из них включает следующие методики:

Методика «Индивидуальная минута».

Методика «Словесная оценка предъявляемых интервалов времени».

Методика «Исследование ритма движений».

Методика М. Франкенхаузер адекватности субъективного времени.

Вторая группа включает следующие методики [146, 213, 344, 364, 410, 547, 618, 646, 675, 676, 732]:

Методика «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена.

Методика неоконченных предложений Ж. Нюттена для исследования временной перспективы (адаптация Н. Н. Толстых).

Методика «Семантический дифференциал времени».

Методика «Аттитюды к времени».

Методика «Психологическая автобиография Л. Ф. Бурлачука.

Проективный рисунок «Я в прошлом, настоящем, будущем» С. М. Меджидовой.

Методика «Каузометрия» (каузометрический метод) Е. И. Головахи и А. А. Кроника.

Графический тест «Круги» Т. Коттла.

Графический тест «Линия времени» Т. Коттла.

Методика «Метафоры времени» Р. Кнаппа.

Методика «Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо».

Методика «График жизни» Бэка и Морриса.

Исследование личности биографическим методом (И. Н. Логинова).

Методика «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД).

Методика «Компетентность во времени из теста самоактуализации личности (САТ) созданного на базе опросника личностной ориентации (РОИ). Авторы Э. Шострем и Ф. Пэрл.

По отношению к третьей группе Т. А. Нестик перечисляет методики, наиболее хорошо подходящие для исследования социально-психологических особенностей отношения к времени [401]:

- анкета «Временные характеристики организационной культуры»
- шкала «Организационные нормы времени» М. Лернера, С. Зара, Й. Кохави-Гал
- опросник «Временные характеристики рабочего места» Дж. Шрайбер, Б. Гутек
- шкала «Ценность времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье
- шкала «Полихронные ценности» А. Блюдорна
- шкала «Лидерское видение» П. Томас
- шкала «Формирование командного видения» Дж. Кузеса и Б. Познера
- методика «Длительность временных зон» Т. Коттла
- методика «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна
- методика «Линия времени» Т. Коттла
- шкала «Временные децентрации» Е. И. Головахи и А. А. Кролика
- методика «Линия жизни организации» [401].

В завершение краткого обзора основных направлений разработки проблемы времени в психологии обратим внимание еще на два обстоятельства обобщающего плана, которые следуют из него и которые необходимо учитывать при дальнейшем рассмотрении данной проблемы. Первое из них состоит в том, что развертывание всех указанных направлений эксплицировало факт множественности коннотаций самого конструкта времени как базовой категории данной проблемы. Так, в этом плане можно дифференцировать следующие основные значения данного понятия [378]:

- фундаментальная категория, связанная с изменениями состояния, длительностью, последовательностью (например: квантовое время);
- конкретный момент на оси времени (например: московское время 12:00);
- промежуток между двумя состояниями, отрезок на оси времени (например: время игры – 15 минут);

- определенная пора, характеризующаяся чем-либо (например: время обеда);
- исторический период, эпоха жизни человека, народа, человечества (например: время перемен);
- благоприятный момент (например: время действовать);
- грамматическая категория, определяющая временную соотнесенность речевого акта с описываемым (например: будущее время).

Кроме того, дифференцируются различные аспекты понимания времени:

- время концептуальное (абстрактное, математическое, моделирующее пространственно-временные отношения);
- топологическое время (выражает временные отношения через свойства: постоянство, непрерывность, связность, порядковость, направленность);
- время физическое (реальное – выражает долготу и продолжительность в пространстве-времени);
- время психическое (представленность времени в психике – собственно, предмет психологии времени)

Особого внимания заслуживает то, что на основе всей совокупности результатов можно выделить несколько основных уровней темпоральной организации психики [378, 401, 700]:

- время как продукт функционирования организма на психофизиологическом уровне (время как биологический механизм);
- время как продукт когнитивной переработки информации (время как когнитивные процессы);
- время как продукт динамической самоорганизации личности (время как жизненная стратегия);
- социальное (групповое) восприятие и конструирование времени (социальное время)

Наконец, целесообразно, на наш взгляд, отметить еще один аспект рассматриваемой проблемы, учет которого также будет необходим при ее последующем анализе. Он состоит в том, что в психологии субъективного времени сложился целый ряд понятийных стереотипов и штампов, терминологических оборотов и даже своего рода «мифов» не только не способствующих ее разработке, но и препятствующих ей. Отметим некоторые из них. Так, прежде всего, уже сам базовый конструкт – восприятие времени отнюдь не лишен ме-

тафоричности и отчасти парадоксальности, которая, впрочем, давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений. Она состоит в том, что именно время является такой сущностью, которая носит принципиально вневещественный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть трудности состоит в том, что, несмотря на невосприимчивость, оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального и загадочного свойства психики, которое состоит в способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивность к идеальному. Данная проблема будет подробно рассмотрена в параграфе 5.6.1.

То же самое следует констатировать и по отношению к еще одному терминологическому стереотипу – «отражению времени». В его адрес должны быть высказаны все те возражения, которые существуют по отношению к предыдущему термину, но с еще одним дополнением. Оно состоит в том, что именно по отношению к времени парадигма отражения (как исходно реактивная и потому – относительно пассивная) обладает наибольшими ограничениями. Субъективное время – и в каждом индивидуальном случае, и время вообще – как надындивидуальная реальность, как категория вовсе не отражается, а порождается – и в онтогенезе, и в еще более очевидной форме – в социогенезе. Впрочем, это также классическая проблема, связанная с оппозицией конструктивизма и объективного реализма в трактовке времени, равно как и иных категорий и понятий. Она же восходит и к известным взглядам И. Канта – к понятию априорных категорий, которые вовсе не конституируются реальностью, а конструируют ее. Данный аспект проблемы субъективного времени также нуждается в специальном рассмотрении, которое представлено в параграфе 6.5.

Метафоричен и термин «приспособление ко времени». Дело в том, что адаптация в любом случае осуществляется вовсе не по отношению к самому времени, а к той среде – к ее содержанию, в которой функционирует личность, к тем параметрам, которыми она характеризуется. В этом термине также воплощается одна из проблем

психологии времени – опосредствованная представленность в нем многих иных качественных, содержательных параметров реальности, отягощенность идеального материальным. Можно сказать, что время не *дано*, а *задано* организацией тех материальных сущностей, которые, в свою очередь, непосредственно даны. Среда задает не только информационные, но и временные аффордансы, которые и составляют перцептивное поле для восприятия времени (на самом деле, конечно, не его, а тех носителей информации, диахрония – темпоральная организация которых лежит в основе феномене времени).

Можно отметить и более частные терминологические стереотипы – планирование времени, контроль времени и пр. Конечно, и в этом случае ни о каком планировании, контроле и т. п. времени непосредственно речь идти не может. Все это имеет место по отношению к тем событиям и к той активности, которая разворачивается в каждом конкретном случае. В итоге эти понятия выступают как удобные, но все-таки абстракции – как конвенциональные средства фиксации тех или иных феноменов, но отнюдь не сущностей (ноуменов), лежащих в их основе.

И уж совсем метафорическими являются те обороты, которыми пестрит «народная психология»: время – судья, время лечит и пр. Конечно, судит и лечит не время, а все то, что оно вмещает. Далее, это и неопределенность самого словосочетания «проблема времени» в психологии. В действительности, никакой проблемы (в единственном числе) времени не существует, а имеет место огромное *множество* самых разнообразных проблем, которые и составляют содержание хронопсихологии. В итоге и сам этот термин утрачивает свое исходное значение, поскольку оно трансформируется в обозначение им не проблемного поля, а области исследований, причем, представленной достаточно аморфно.

Наконец, отметим и еще один аспект понятийного плана. Время является единственным из атрибутов материи, по отношению к которому в психологии сложилась претензия на то, что он может составить предмет специального направления – психологии времени. По отношению ко всем другим атрибутам вопрос об этом даже не возникает – не известны попытки создания психологии пространства, психологии энергии, психологии движения. Однако такой – общий и традиционный взгляд не распространяется на время.

1.1.2. Основные особенности современного состояния проблемы субъектного времени и перспективы ее развития

В предыдущем параграфе были рассмотрены некоторые основные результаты исследований проблемы субъективного времени в психологии, полученные в главных – сложившихся сейчас направлениях ее разработки. При этом подчеркнем еще раз, что цель проведенного обзора заключалась отнюдь не в том, чтобы провести сколько-нибудь полное и, тем более, исчерпывающее рассмотрение этих результатов. Она состояла в том, чтобы на материале некоторых – именно основных и, следовательно, наиболее репрезентативных результатов показать основной смысл и принципиальное значение существующих сегодня представлений по главным и определяющим аспектам проблемы субъективного времени. Показательно также, что даже такое – априорно фокусированное рассмотрение позволяет выявить целый ряд характерных особенностей данной проблемы, а также логики и истории ее развития, учет которых, в свою очередь, необходим для ее дальнейшей разработки.

Так, прежде всего, проведенный анализ содержания исследований в каждом из представленных выше направлений показывает, что по мере их развития имеет место *расширение* и дифференциация того спектра вопросов и проблем, которые, собственно говоря, и составляют содержание каждого из них. В частности, то направление, которое обозначается как социальная психология времени, дифференцируется на относительно самостоятельные важные направления исследований, связанные, во-первых, с его собственно групповым аспектом и, во-вторых, со своего рода организационной психологией времени – с исследованиями отношения к нему в организационном контексте. Еще одно важное направление, которое традиционно обозначается (причем, по нашему мнению, не вполне удачно) как психофизиологическое также дифференцируется на два поднаправления. Первое связано с традиционной проблематикой специфики оценивания микроинтервалов времени, а второе – с исследованием существенно более сложных когнитивных средств и процессов, обеспечивающих приспособление ко времени в целом – с тем, что также условно можно обозначить как когнитивная психология времени.

Далее, имеет место и возникновение *новых* направлений разработки данной проблемы, отсутствующих в их классическом перечне. Например, это исследования субъективного времени в контексте проблематики дефолт-системы мозга (системы пассивной работы мозга – СПРМ) [405]; в связи с особым классом психических процессов – метакогнитивными процессами [639, 657, 698, 763]; с понятием возможного как временной категорией [220]; с относительно новым для психологии предметом изучения – прокрастинацией как специфически временным феноменом [54, 106]. Значимой тенденцией развития представлений о субъективном времени является и имеющая место в ряде случаев *конвергенция* исследований в различных направлениях. Так, наиболее показательной в этом плане является все более явная конвергенция исследований когнитивных средств оценивания времени с изучением их нейрональных основ и психофизиологических механизмов, что является одним из проявлений важного тренда развития наук о мозге и психике – становления когнитологии как междисциплинарного направления [113, 395]. Следует отметить также цикл исследований, содействующий синтезу проблемы субъективного времени с базовой социально-психологической проблематикой [401].

В результате отмеченных выше процессов кумуляции, дифференциации и интеграции основных направлений изучения, а также получаемых в них результатов общий спектр исследований по проблеме субъективного времени еще более расширяется и обогащается, причем, в очень выраженной степени. Однако, еще более существенным, по нашему мнению, является то, что речь при этом идет отнюдь не только и даже не столько о, так сказать, чисто количественном – экстенсивном развитии данной проблемы. Дело в том, что за этим расширением, точнее – в его основе лежит обстоятельство гораздо более принципиального плана, имеющее, в свою очередь, двуединый характер. С одной стороны, последовательное и все более полное изучение данной проблемы приводит к тому, что, фактически, не остается ни одной сколько-нибудь значимой сферы психического – процесса и структуры, образования и свойства, феномена и качества и пр., который не оказался бы вовлеченным в нее. Все аспекты этой сферы, начиная с базовых и относительно наименее сложных и заканчивая максимально интегративными и обобщенными, оказываются представленными

в ней. Более того, даже те из них, которые пока явным образом не охвачены этой проблематикой при их внимательном рассмотрении достаточно естественным и очевидным образом эксплицируют их собственно временной аспект. Так же, как невозможно бытие любого «фрагмента реальности» (и объективной и субъективной) вне времени, само время, точнее – связанная с ним временная организация неотрывна от них самих – составляет атрибут каждого из них. Так, например, одна из фундаментальных проблем общей и прикладной психологии – исследование процессов принятия решения традиционно не только не включает в себя временной аспект, но даже сама его постановка в ней полностью не представлена. Однако, даже несложный анализ данной проблемы показывает, что именно временной аспект выработки решений и особенно тех процессов, которые обеспечивают его в общедеятельностном контексте, объективно приводит к установлению новых и очень значимых феноменов этих процессов – в частности, феномена *элиминативного* поведения⁵.

В свою очередь, это приводит и к тому, что, фактически, все содержание самого предмета психологии – его состав и структура оказывается представленным в одном из ее, хотя и парциальных, но комплексных разделов – в психологии времени (хронопсихологии). Он мультиплицируется в ней – как в аспекте своего состава и содержания, так и в аспекте структуры и организации. Поэтому, несколько схематизируя, можно заключить, что психология времени выступает отображением и alter ego всей психологии, а предмет первой эксплицируется как превращенная форма предмета второй⁶. Разумеется, такой харак-

⁵ Напомним, что сущность элиминативного поведения состоит в достаточно сильной субъективной тенденции к исключению процессов принятия решения из деятельности, к уходу от них, точнее – от необходимости их осуществления. Эти процессы обладают своего рода «отрицательной валентностью», а субъект стремится к минимизации их функциональной роли в деятельности и поведении в связи, в основном, с сопряженной с ними ответственностью и риском и к замене другими – более надежными средствами организации деятельности [251]. Данное явление составляет также предмет изучения в одном из весьма интересных направлений психологических исследований – в психологии уходов.

⁶ В этом плане предмет хронопсихологии может быть уподоблен специфическому типу систем гносеологического плана – распределенным, наложенным системам.

тер ее предмета создает не просто очень большие, но и, фактически, беспрецедентные сложности синтеза полученных в ней результатов и их систематизации, а также разработки обобщающих представлений. Кстати говоря, в этом она не является уникальной, поскольку принципиально аналогичная картина характерна, например, для современного метакогнитивизма. Действительно, как показано нами в работах [256, 261, 268], специфика его предмета состоит именно в том, что он носит распределенный, наложенный характер по отношению к предмету психологии в целом. В самом деле, в содержании предмета современного метакогнитивизма воплощается и «повторяется», точнее, мультиплицируется содержание предмета психологии *в целом* – дифференциация психики на основные классы психических процессов, ее дифференциация на еще более общую триаду компонентов (процессы, свойства, состояния) и др. Такая интерпретация, развивая и углубляя представления, зафиксированные в указанной триаде, показывает, что, наряду с первичными процессами, свойствами и состояниями, существуют еще и *вторичные* процессы, свойства, состояния. То же самое относится и к еще одному важнейшему компоненту психического – знаниям. В самом деле, они выступают в психике не только в своем прямом, но и в своем «удвоенном качестве» – не только как операнды, но и как операторы, то есть не только в качестве декларативных знаний, но и знаний процедуральных – в том числе, реализуемых по отношению к ним самим же. Тем самым, они трансформируются в метазнания и также входят в состав предмета метакогнитивизма. Аналогичные закономерности существуют и в отношении практически всех иных основных компонентов психического.

Таким образом, предмет метакогнитивизма включает в себя, по существу, все основные «составляющие» предмета психологии в целом, но с одним очень существенным условием. Он включает их в себя (и, более того, – выступает как образованный ими), конечно, не в полном объеме, а лишь в определенном и вполне конкретном аспекте. Практически все основные «составляющие» психики, равно как и она в целом, обладают фундаментальным свойством (фактически, – атрибутом) – самосензитивностью, саморепрезентируемостью. Его суть состоит в том, что все они могут «оборачиваться» сами на себя. Они могут «удваиваться» и выступать не только в своем первичном статусе, но и во вторичном статусе. Конкретные

проявления этого общего механизма, как показано в [258], могут быть различными и зависят от специфики той или иной «составляющей» психики. По отношению к когнитивным процессам он представлен как механизм операндно-операторной обратимости; по отношению к знаниям – как механизм их декларативно-процедуральной обратимости и т. п. Однако, наиболее общим итогом – эффектом данного механизма как раз и выступает формирование определенной *мета-плоскости* а точнее, – по-видимому, метауровня организации каждой из «составляющих», равно как и психики в целом. Наиболее очевидным и феноменологически бесспорным проявлением этого – именно по отношению к психике в целом является, разумеется, то «удвоение реальности», которое столь характерно для сознания – сплав в нем двух реальностей (объективной и субъективной).

Тем самым, предмет метакогнитивизма эксплицируется как распределенный по содержанию всей психики в целом; он предстает как вся она, но взятая лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Это предназначение состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, а «внутренней» реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной – внешней. Метакогниции лежат в основе того, что в свое время было обозначено как *эндопсихика* – как все то, благодаря чему психика управляет собой и репрезентирует себя [317]. Предмет метакогнитивизма повторяет в себе предмет психологии и в целом, но в обращенном на себя и потому – «удвоенном» виде. В связи с этим, становится понятным, что не нужно никаких искусственных критериев для классификации основных структурных частей предмета метакогнитивизма. Он просто повторяет в себе – мультиплицирует предмет психологии в целом, но в его вторичном – «самонаправленном» модусе. Все это, в конечном счете, не только эксплицирует, но и в известной мере и объясняет, пожалуй, наиболее фундаментальное и наиболее специфичное свойство психического в целом – атрибут его самосензитивности, саморепрезентированности. Однако предмет обретает через такого рода мультипликацию комплексное и столь же естественное основание для его дифференциации и интерпретации.

Мы достаточно подробно остановились на специфике предмета современного метакогнитивизма по причине того, что принципиально аналогичная картина имеет место и по отношению к предмету психологии времени: он также «повторяет» – мультиплицирует особенности психологии в целом не только в предметном плане, но и в плане *истории* и логики развития. Так, уже отмечалось, что она, подобно психологии в целом, имеет очень длительную предысторию и весьма короткую историю. Важнейшей особенностью ее развития является и то, что на определенном его этапе она начинает разрабатываться и как одно из направлений *экспериментально-психологических исследований*. Тем самым возникают предпосылки для становления экспериментальной психологии времени, которая в известной мере преодолевает практически полностью интроспективный характер ее предшествующей разработки. Наконец, в ней происходит и принципиально та же дифференциация основных направлений, которая присуща всей психологии – на интроспективные, феноменологические исследования, психофизиологические – объективистские исследования, гуманистические, когнитивные и т. п. Конечно, при этом возникает обоснованный вопрос – является ли это следствием внутренней логики развития самой психологии времени или же такая дифференциация обусловлена уже имеющим место существованием основных направлений психологии? Скорее всего, здесь действуют оба этих фактора в их взаимовлиянии и опосредствовании.

Однако есть и вторая – еще более значимая черта этой особенности. Она состоит в том, что предмет психологии в целом «повторяется» и воплощается – мультиплицируется в предмете психологии времени не только содержательно, то есть, так сказать, суммативно, агрегативно – как совокупность аспектов, но и *структурно*. Отдельные аспекты этого предмета, соотносящиеся с изучением тех или иных «составляющих» психики и, следовательно, с ними самими, подвергаются столь же объективной и закономерной организации, которая присуща им самим. Впрочем, это – проявление старого и хорошо известного методологического правила: представления о предмете на гносеологическом уровне отображают ту реальную, то есть онтологическую структуру и организацию, которая присуща ему самому. Только при этом условии данные представления вообще могут быть адекватными реальной онтологии предмета исследования.

Отсюда вытекает еще одно следствие принципиального плана: предмет психологии времени – это не только единство *разнообразного*, но и *единство* разнообразного. Кстати говоря, установление принципов, лежащих в обеспечении этого единства, постулировано и отмеченом выше перечне основных проблем самой психологии времени. В параграфе 1.2. мы отмечали, что в качестве одной из основных среди них выступает определение того, являются ли различные аспекты этой проблемы лишь их аддитивным множеством, или же они отображают некоторую лежащую в их основе структуру самого субъективного времени. Кроме того – и это также постоянно подчеркивалось по ходу изложения – вся совокупность получаемых в психологии времени результатов систематически приводит к необходимости их интерпретации с позиций уровневых представлений. Многие из устанавливаемых конкретных результатов – новых закономерностей и эффектов выступают не только как *части* целого, то есть не только как части ее эмпирического базиса, но именно как *частные* случаи некоторого органического целого – общей системы, обеспечивающей взаимодействие психики с временным модусом реальности.

Таким образом, на основе констатации всех этих основных особенностей можно сделать заключение наиболее общего и принципиального плана. Оно состоит в том, что с одной стороны, вся совокупность сложившихся сегодня направлений разработки проблемы субъективного времени образует в своей совокупности ее специфический предмет. С другой стороны, этот предмет и содержательно и структурно во многом повторяет и отображает – мультиплицирует предмет психологии в целом. Однако и он, в свою очередь также является адекватным гносеологическим отображением некоторой онтологии, то есть содержания и структуры самой психики. Отсюда с логической необходимостью следует, что этот предмет и, следовательно, все содержание психологии времени, может быть адекватно и корректно эксплицировано лишь в том случае, если он будет учитывать реальные – именно онтологически представленные принципы и закономерности организации самой психики, в особенности, базовые, определяющие. В таком случае, однако, возникает вопрос о том, какие же из них следует рассматривать в качестве таковых? По-видимому, ответ на него вполне очевиден и в максимально обобщенном виде состоит в том, что ими следует считать аналогичные по статусу

су принципы и закономерности – однопорядковые и равномошные с организацией психики как системы, то есть те, которые заложены именно в *системности* ее организации. В свою очередь, она имеет, как известно, целый ряд основных модусов – принципов, закономерностей и механизмов. При этом очень показательно, что именно они и именно как общие уже частично зафиксированы в результатах, полученных в психологии времени. Так, в частности, это положение об *уровневом* принципе организации основных средств приспособления к времени, включающей как базовые – физиологические и даже биологические средства и уровни, так и высшие уровни – личностный, социальный. Далее, это и одна из важнейших собственно темпоральных закономерностей организации психики, заключающаяся в *синхронизации* функционирования разнопорядковых структур психики как базового средства их соорганизации. Наконец, в наиболее общем плане это и принципиальная несводимость психического в целом только к его синхроническому, статическому модусу и императивность включения в его онтологию *диахронии* как способа его бытия⁷.

Следовательно, и этот вывод с необходимостью приводит к тому, что наиболее общей и адекватной методологией разработки данной проблемы, причем – вытекающей из самой природы предмета хронопсихологии, должна выступить методология *системности*, системный подход в целом. Причем, мы пока оставляем без рассмотрения те вопросы, которые сразу же возникают вследствие этого вывода. В частности, это следующие вопросы: насколько оправданно обращение к такому подходу как отнюдь не самому модному сегодня – хорошо это или нет? Не избыточно ли и не излишне ли методологично такое обращение? Что конкретного оно может дать? Насколько этот подход обладает эвристическими возможностями и не исчерпал ли он себя, в том числе, и по отношению к проблеме субъективного времени? Обладают ли его традиционные варианты необходимыми средствами объяснения темпоральных закономерностей или же они нуждаются в их коррекции и трансформации? Все эти вопросы станут предметом специального рассмотрения в ходе последующего

⁷ Показательным в этом плане является, известный тезис И. М. Сеченова, указывавшего, что «мысль о психическом как процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» [501].

анализа. Пока же отметим лишь, так сказать, максимально нейтральный факт – вывод из проведенного анализа: вся история и логика развития психологии времени приводит к необходимости реализации по отношению к ней системной методологии, ее разработки на основе системного подхода. Причем, главным аргументом в пользу этого выступает как раз то, что лишь при этом условии предмет психологии времени в целом адекватно и полно, комплексно, но и дифференцированно сможет отобразить действительную онтологию изучаемой реальности – структурную, точнее – системную организацию самой психики как носителя всей совокупности временных закономерностей. Данное заключение следует рассматривать как одно из важных и определяющих оснований для необходимости обращения к данной методологии – как своего рода онтологическое основание. Вместе с тем, сколь бы важным оно ни было, оно не является единственным, так как существуют и другие – также определяющие обстоятельства, предписывающие необходимость обращения к этой методологии, к которым теперь и необходимо перейти.

Действительно, вся совокупность представленных выше материалов выявляет в итоге обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Оно заключается в том, что, по существу, вся логика и история развития проблемы субъективного времени в психологии приводит сегодня к такой экспликации ее предмета, которая, фактически, императивно предписывает необходимость реализации по отношению к его изучению системной методологии. Причем, подчеркиваем еще раз, данное обстоятельство сопряжено с логикой развития представлений именно о предмете исследования; с тем, что составляет содержание самого главного в ней – ее предмета, выступающего, в свою очередь, как реально представленная онтологии, то есть имеет собственно онтологический характер. Вместе с тем, наряду с ним, не менее важным является и еще одно – столь же общее и принципиальное обстоятельство, имеющее, однако, существенно иной характер – уже не онтологический, а подчеркнуто *гносеологический*. Оно обусловлено не спецификой экспликации предмета исследования, а основными особенностями того состояния, которое характерно для проблемы субъективного времени сегодня. Данные особенности (как исходный пункт анализа) столь же разнообразны и разноплановы, сколь гетерогенен и многомерен сам феномен субъективного времени.

В самом деле, представленные в предыдущем параграфе материалы позволили дать достаточно полную и развернутую характеристику феномена субъективного времени, эксплицировать его основные психологические особенности, а также выявить главные черты современного состояния исследований в данной области. При этом мы, с одной стороны, стремились именно к такому – комплексному и многоплановому раскрытию данного феномена, поскольку лишь оно может обеспечить необходимые по степени разнообразия и достаточные по мере полноты основания для его дальнейшего теоретического осмысления. С другой стороны, проводя анализ, необходимо было учитывать и еще одно – не менее существенное обстоятельство. При всей комплексности и разноплановости проведенного анализа, а также при выраженном разнообразии и гетерогенности представленных в нем материалов, необходимо помнить о том главном, ради чего он и проводится, – о его целевом назначении. Оно, в свою очередь, заключается в том, чтобы выявить и проинтерпретировать основные особенности современного состояния данной проблемы, а затем на этой базе определить главные трудности ее разработки и эксплицировать их в качестве ведущих проблем, подлежащих приоритетному изучению. На наш взгляд, решение именно этой – по существу, триединой задачи может в значительной степени содействовать интенсификации исследований в данной области, преодолению ряда принципиальных трудностей, сдерживающих в настоящее время ее разработку. Кроме того, попытки ее решения задают вполне определенные и содержательно обоснованные ориентиры для определения тех направлений, в которых должны проводиться эти исследования.

Итак, общая логика проводимого далее анализа должна быть следующей. Вначале необходимо определить основные *особенности* современного состояния проблемы субъективного времени. Затем – на этой основе попытаться эксплицировать главнее *трудности*, которые возникают сегодня в плане его изучения и которые, собственно говоря, проявляются в особенностях ее современного состояния. Далее, на основе методологического осмысления этих трудностей следует сформулировать комплекс приоритетных теоретических *задач*, вытекающих из их содержания и направленных на их преодоление (или, по крайней мере, на минимизацию). Наконец, сами эти задачи необходимо проинтерпретировать в качестве главных *направлений*

разработки данной проблемы, определяющих в своей совокупности общий «вектор» этой разработки на ближайшую перспективу.

Переходя к анализу основных особенностей проблемы субъективного времени, следует учитывать, что одни из них являются относительно более очевидными и несложными – представленными в эксплицированном виде; они, соответственно, систематически отмечаются и обсуждаются в литературе. Другие носят более имплицитный и глубинный характер и, в силу этого, значительно реже становятся (точнее – как правило, не становятся) предметом специального методологического осмысления. Такое наличие особенностей у совокупности самих особенностей, то есть, так сказать, особенностей второго порядка, создает определенные сложности в плане их систематизации и рассмотрения (например, в последовательности анализа). Сознвая это, мы будем далее придерживаться такого принципа изложения, который как раз и вытекает из отмеченного выше обстоятельства – сравнительной степени очевидности и простоты тех или иных особенностей; перехода от относительно более эксплицитных и очевидных из них к более имплицитным и еще требующих своего осмысления. Оправданность такого принципа проявляется вполне непосредственным образом, поскольку, действительно, позволяет выявить достаточно развернутый симптомокомплекс особенностей современного состояния данной проблемы. Он сочетает в себе как общеизвестные из них, так и те, которые носят не вполне очевидный характер и в целом пока не становились предметом специального анализа. Главными из них являются на наш взгляд, следующие особенности.

Первая и относительно наиболее очевидная особенность, лежащая, так сказать, «на поверхности» рассмотрения и представленная весьма рельефно, состоит в существовании широкого спектра различных аспектов – направлений, походов, приоритетных сфер изучения и пр., в которых осуществляется разработка данной проблемы. Такая *аспектность* проявляется в ряде основных планов. В частности, она представлена в ее, так сказать, классическом выражении, и состоит в том, что в исследованиях субъективного времени доминирует установка на изучение не столько общих (то есть именно обобщающих, а потому – не частных) характеристик предмета исследования, а на раскрытие его *частных* сторон, то есть на его парциальное изучение. Это приводит к тому, что, фактически, по каждому аспекту

существуют весьма различные точки зрения. Безусловно, у этой – традиционной особенности есть столь же традиционная и вполне естественная причина. Она состоит, прежде всего, в уже констатированной сложности предмета исследования и, в силу этого, – в практической невозможности его целостного раскрытия на современном уровне представлений в данной области.

Данное обстоятельство является, фактически, прямым следствием другой важной черты проблемы субъективного времени, которая также отмечена выше – ее не просто комплексного характера, но и, по существу, *междисциплинарного* статуса (как в общенаучном, так и во внутриспсихологическом плане). Мы пока оставляем без оценки данную особенность и фиксируем лишь сам ее факт. Дело в том, что эта оценка не столь проста и однозначна, как представляется на первый взгляд и как это следует из преимущественно негативной коннотации самого понятия аспектности (как частности, неполноты и фрагментарности). С определенной точки зрения сама аспектность может быть понята и как множественность различных – существующих подходов и способов исследования, а вследствие этого и как аналогичная множественность, то есть богатство получаемых результатов, что имеет уже подчеркнуто позитивную коннотацию. Причем, спектр такого рода аспектов – направлений исследований данной проблемы не только достаточно широк, но и очень гетерогенен – он охватывает, фактически, все уровни организации личности, начиная от биологического и заканчивая социальным. Кроме того, аспектность существует и проявляется также и в ином – уже не макромасштабном, а микромасштабном плане: она свойственна данной проблеме не только в целом, но и практически каждому из основных направлений ее рассмотрения. Так, наиболее явно это представлено, например, по отношению к тому направлению, которое обозначается традиционно (хотя не вполне удачно, по нашему мнению) как психофизическое. По своему смыслу оно направлено на то, чтобы определить особенности восприятия и оценки времени – ее адекватности, точности и пр., от тех или иных факторов эндогенного и экзогенного плана, то есть, другими словами, выявить те аспекты внешней и внутренней реальности, которые выступают ее детерминантами. То же самое можно констатировать и в плане дифференциального подхода к данной проблеме: он также связан с определением индивидуаль-

ных качеств, выступающих, в свою очередь, именно аспектами личностной организации в целом, которые наиболее явно детерминируют различия в субъективном времени.

Далее, необходимо дифференцировать и еще одно – также достаточно имплицитное проявление аспектности. Выше отмечалась не только беспрецедентная сложность предмета исследования в психологии субъективного времени, но и те причины, которые ее обуславливают. Одной из главных среди них является чрезвычайно высокая степень *гетерогенности* феномена субъективного времени, представленная в двух существенно разных планах – «горизонтальном» и «вертикальном». Так, гетерогенность «по горизонтали» состоит в разнообразии видов и форм репрезентации субъективного времени в пределах того или иного – отдельно взятого уровня его организации и способов регуляции активности на его основе. Например, на том уровне, который обозначается как психофизический, способы оценки времени существенно, то есть именно качественно отличаются в зависимости от такого несложного параметра, как длительность оцениваемого интервала, а также от его содержательной наполненности. Гетерогенность «по вертикали» состоит в еще большем разнообразии и еще более значимых различиях форм репрезентации отношения к субъективному времени на этих – качественно разных уровнях его организации. Тем самым, открывается еще одно «измерение» для дифференциации теоретических построений, то есть для разработки концепций, направленных на объяснение феномена субъективного времени на разных уровнях его организации.

В результате этого сам предмет психологии субъективного времени выступает, скорее, не как некоторое унитарное образование – выступает не в качестве, так сказать, монопредмета, а в качестве *полипредмета*, поскольку он является существенно – качественно гетерогенным в зависимости от уровня его организации. Он образован целым рядом, а точнее множеством его парциальных экспликаций, которые очень существенно – именно качественно отличаются друг от друга. В силу этого, по-видимому, субъективное время не вполне конструктивно изучать только в целом – как нечто общее и унитарное. Скорее, наоборот, исходя из парциальности предмета, его раскрытие также должно быть аналогичным – парциальным, то есть по необходимости аспектным.

В действительности, однако, ситуация еще сложнее, поскольку необходима, по-видимому, дифференциация двух уровней самого предмета. На одном из них (базовом) локализованы наиболее глубинные и, действительно, *общие* закономерности субъективного времени как таковые – инвариантные по отношению к ее различиям и по «горизонтали», и по «вертикали». На другом уровне локализованы горизонтально- и вертикально-*специфические* особенности, то есть такие черты, которые обусловлены либо различиями в уровне его организации, либо в содержании ситуаций, с которыми оно связано. В любом случае, однако, этот – второй уровень нельзя не учитывать, поскольку при этом теряется существенная часть общего содержания предмета изучения. Тем самым, исследование субъективного времени не только может, но и с необходимостью должно быть также и аспектным – парциальным. Лишь в этом случае предмет исследования будет воссоздан на уровне его гносеологического отображения адекватным образом. Можно видеть, что здесь имеет место явление, которое можно обозначить как «удвоения статусов» особенностей. Аспектность из негативной характеристики трансформируется не только в позитивную, но и, фактически, – объективно необходимую характеристику предмета исследования, а также нынешнего состояния этих исследований.

Наконец, аспектность имеет и еще одно проявление. Дело в том, что по отношению к проблеме субъективного времени продолжают доминировать методы не экспериментального, а внеэкспериментального плана (что уже отмечалось выше). Они, однако, как правило, обладают достаточно ограниченной разрешающей способностью и не вполне адекватны задачам раскрытия глубинных – имплицитных, то есть определяющих, но и относительно наиболее сложных аспектов и сторон, закономерностей и механизмов организации субъективного времени. Однако нельзя не отметить и то, что такие внеэкспериментальные – эмпирические, а чаще и просто феноменологические, описательные процедуры и схемы анализа весьма ограничены в их возможностях проникновения на уровень закономерностей и механизмов – то есть тех общих и инвариантных детерминант и факторов, которые и лежат в основе организации субъективного времени. В результате и само исследование ограничивается, так сказать, аспектным видением предмета – выявлением в нем лишь

тех или иных частных сторон, а не экспликацией общих, то есть глубинных закономерностей и механизмов предмета.

Далее, следует иметь в виду, что аспектность вообще могла бы выступать как безусловно позитивная черта при условии согласованности – сопряженности исследований и их результатов в каждом из основных направлений разработки данной проблемы. Однако, именно это как раз и не является пока характерным для проблематики субъективного времени. Наоборот, существенно более представлена известная и даже – вполне очевидная автономность исследований, проводимых в каждом из основных направлений. Они вообще достаточно слабо контактируют друг с другом, а те результаты, которые получены в каждом из них, явно недостаточно используются в других направлениях. Однако такое положение эксплицирует еще одну – также очень характерную особенность современного состояния данной проблемы – *аналитичность*. В общем плане она как раз и состоит не только в наличии целого ряда подходов и парадигм, направлений и исследовательских традиций, но и в том, что между ними недостаточно раскрыты их связи и отношения. Исследования, реализуемые внутри каждого из них, представлены достаточно полно; однако этого никак нельзя сказать про исследования, реализуемые на их «стыке». Конечно, говоря об этом, мы не склонны упрощать ситуацию, поскольку, в действительности, такого рода попытки все же существуют; дело в другом – они явно уступают и по количеству и по результативности тем исследованиям, которые выполнены внутри каждого из направлений.

Аналитичность, равно как иные особенности, также имеет ряд основных проявлений. Во-первых, она заключается в том, что в общей структуре проблематики субъективного времени продолжают доминировать традиции, так сказать, экстенсивной разработки (а не интенсивного изучения). Накопление эмпирического материала, установление тех или иных фактов и феноменов, а в результате – расширение общего массива данных остаются все еще приоритетными по отношению к их систематизации, а также к целостному осмыслению и обобщенной интерпретации.

Во-вторых, продолжает доминировать и такой способ изучения, когда те или иные – частные, хотя, безусловно, и важные аспекты данной проблемы, отдельные стороны организации субъективного времени и реализующие их психологические средства исследуются,

так сказать, по отдельности. Они исследуются «сами по себе», то есть в их аналитической экстирпации от многих других сторон. Известно, что это вообще является наиболее характерным и демонстративным атрибутом анализа как принципа и способа исследования. Однако известно и другое: данный способ потому и является доминирующим, что он в значительной степени упрощает и облегчает исследование, делая его зачастую вообще принципиально реализуемым. Однако за все это приходится платить дорогой ценой – утратой в исследовании многих важнейших сторон изучаемого явления⁸. В силу этого, аналитичность, рассматриваемая как, безусловно, отрицательная характеристика тех или иных проблем, является, однако, необходимым и неизбежным условием их разработки на вполне определенных – относительно менее продвинутых фазах их развития.

В-третьих, аналитичность проявляется (и заключается) еще и в том, что те или иные важнейшие и системные по своей природе образования изучаются, по преимуществу, не в их исходном, то есть именно системно-организованном виде, а существенно иначе – аналитически; поясним сказанное. Так, скажем, общая совокупность психических процессов, естественно, организована и функционирует на основе собственно системных закономерностей. Она является именно системой и характеризуется, в силу этого, атрибутивными свойствами систем как таковых. Тем самым, она допускает свое полное и методологически корректное раскрытие именно как таковая – в ее атрибутивной целостности. Однако если обратиться к тому, каким образом психические процессы изучаются в психологии субъективного времени, то оказывается, что именно это требование и не соблюдается: практически всегда изучаются отдельные психические процессы в их относительной изолированности друг от друга и, что еще более негативно, вне их реальной целостности, вне их системной организации. В результате этого остается практически не раскрытым то, по каким закономерностям осуществляется их структурная организация. Наконец, еще одной иллюстрацией этого может служить и доминирующая установка на изучении тех или иных типов и форм, уровней и способов репрезентации субъективного времени по отдельности, а не на то, как они взаимосвязаны и взаимодей-

⁸ Как отмечал в данной связи В. Гете, «Анализ убивает целое» [141].

терминированы. В результате и сам феномен субъективного времени рассматривается не системно, а парциально – аналитически, то есть на уровне аддитивной совокупности его частных проявлений.

В-четвертых, еще одним – пожалуй, основным проявлением аналитичности современного состояния проблемы субъективного времени является следующая достаточно общая черта. В ней закрепились и стало своего рода словесным штампом выражение «феномен субъективного времени». В ходе предшествующего изложения мы, следуя данной традиции, также использовали это словосочетание⁹. Однако, данное словосочетание вполне уязвимо для критики и нуждается в уточнении. Дело в том, что в результате его использования вольно или невольно складывается впечатление (являющееся, конечно, иллюзорным), что данный феномен изучается именно как таковой – в его целостности и самодостаточности, в его качественной определенности, присущей ему именно в целом и дифференцирующей его от всех иных предметов психологического изучения. Отсюда с логической необходимостью следует, что такая качественная определенность, по крайней мере, существует и является инвариантной для всех проявлений – частных экспликаций данного феномена. Вместе с тем, на деле оказывается, что именно это и является вообще очень не характерным для данной предметной области, а феномен субъективного времени как раз и не исследуется в должной мере именно как нечто целостное, унитарное и инвариантное. Вопреки словосочетанию «феномен субъективного времени», в психологии изучается не он в целом, не эффекты целостности (что наиболее типично для системного подхода), а лишь те или иные его, хотя и важные, но все же частные, парциальные стороны, аспекты и проявления. Это – как раз тот случай (впрочем, нередкий), когда традиционно сложившийся термин не столько раскрывает содержание обозначаемых им явлений, сколько скрывает его, «маскирует» истинное положение дел.

Прямым следствием предыдущей особенности – аналитичности выступает еще одна характерная черта современного состояния данной проблемы, заключающаяся в том, что всей совокупности сложив-

⁹ Подчеркнем специально, что оно было использовано нами в качестве термина, призванного лишь дифференцировать и обозначить определенную предметную область исследований и ничего более.

шихся в ее рамках представлений присущи отчетливые черты *фрагментарности*. Аспектный способ исследования и, соответственно, получаемое при этом так называемое «аспектное знание» может быть либо менее, либо более полным (именно в зависимости от количества аспектов, охватываемых исследованием в предмете изучения). Тем самым предмет раскрывается не полно, а частично – парциально, что обуславливает еще одну особенность, обозначаемую понятием фрагментарности. Она заключается в том, что предмету дается не полное, а, так сказать, локально-парциальное раскрытие. Одни его стороны оказываются изученными и объясненными, а другие – как правило, более сложные, но и более имплицитные аспекты, остаются неизученными. В результате и сам предмет эксплицируется не в его полном и значит – адекватном виде, а фрагментарно. Данная особенность также характерна для того состояния, в котором сегодня находится проблемы субъективного времени. Многие ее важные вопросы и даже целые области изучения оказываются представленными в ней именно так – фрагментарно, неравномерно в плане раскрытия тех или иных их сторон. В своем общем виде фрагментарность является, как известно, надежным индикатором переходного, развивающегося (а не уже достаточно высокого) уровня развития представлений по тем или иным научным проблемам.

Так, например, это проявляется по отношению уже к наиболее общей дифференциации психики на так называемую классическую триаду ее составляющих – процессов, свойств и состояний в аспекте их взаимосвязи с феноменом субъективного времени. Действительно, роль в его обеспечении психических процессов, а также влияние на него психических состояний раскрыты достаточно полно, тогда как третий член этой триады – индивидуальные свойства, качества изучены в связи с ним в значительно меньшей степени.

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что и аспектность и фрагментарность как особенности современного состояния проблемы субъективного времени (и вообще – как черты, характеризующие состояние, фактически, любой эмпирической проблемы) достаточно близки по смыслу уже рассмотренной их особенности – аналитичности, хотя, разумеется, последняя не тождественна им. Фрагментарность и, как следствие этого, – несистематизированность накапливаемых внутри различных направлений исследования результатов приводит к их

разрозненности, а общая картина субъективного времени предстает не как таковая – общая, а как мозаика множества фактов и закономерностей. Данная особенность, как известно, обозначается термином *мозаичности* исследований. Кроме того, следует принимать в расчет и еще одно проявление фрагментарности как особенности данной проблемы. Дело в том, что далеко не все направления и вопросы, входящие в ее содержание, разработаны с должной или приемлемой степенью полноты. Для многих из них характерна, напротив, как раз неполнота их разработки. Однако, именно она в значительной степени и тождественная фрагментарности как таковой.

Фиксируя аспектность, аналитичность и фрагментарность как характерные особенности проблемы субъектного времени, подчеркнем еще раз, что их недопустимо рассматривать как только негативные черты и вообще подходить к ним с сугубо оценочных позиций. Этому есть целый ряд причин, и они еще станут предметом специального рассмотрения в ходе дальнейшего изложения. Пока же подчеркнем лишь одно обстоятельство, которое также способствует определению основных особенностей данной проблемы. Как свидетельствует история развития большинства эмпирических проблем и направлений психологии, их разработка в течение продолжительного времени, осуществляемая именно по аналитическому – кумулятивному пути, приводит в итоге к установлению очень большого числа конкретных результатов и фактов, феноменов и закономерностей. Это означает, что их эмпирически базис также становится весьма обширным и разнообразным – причем, в ряде случаев настолько, что возникают существенные трудности просто в его систематизации, в придании ему обзримого характера. Однако именно это как раз и присуще современному состоянию рассматриваемой проблемы – ее эмпирический базис предельно широк и разнообразен. С одной стороны, это весьма позитивно, поскольку содействует все более полному раскрытию предмета исследования. С другой стороны, это же создает трудности принципиального плана, связанные с установлением тех инвариантов, которые лежат в основе всей эмпирически выявляемой картины и которые являются более существенными в плане получения собственно теоретического знания о предмете исследования. В итоге собственно теоретический уровень разработки данной проблемы далеко не всегда «успевает» за эмпирическим уровнем, не всегда соответствует ему.

Таким образом, можно видеть, что с отчетливостью эксплицируется еще одна характерная особенность проблемы субъективного времени – преобладающий *эмпиризм* ее разработки. Вместе с тем, фиксируя ее, ни в коем случае нельзя упрощать реально складывающуюся ситуацию. Эмпиризм вовсе не означает, что в рамках данной проблематики слабо представлены собственно теоретические исследования: как раз наоборот – такого рода исследования, связанные с разработкой объяснительных концепций, представлены в достаточной степени, а выше уже отмечались основные из них. Дело в другом – в сравнительной мере представленности исследований эмпирического и теоретического плана; в степени развернутости исследований, соотносимых с эмпирическим и теоретическим уровнем разработки данной проблемы. В целом можно говорить, в силу этого, что данная проблема находится пока на преимущественно эмпирической стадии своего развития.

Эмпиризм традиционно рассматривается как такая особенность, которая заключается в преобладании эмпирического уровня разработки данной проблемы над теоретическим уровнем. Вместе с тем, хотя, конечно, такое понимание и является в целом правильным, его все же не совсем корректно рассматривать как полное и исчерпывающее. В действительности, данная черта сама нуждается в детализации – в особенности, по отношению к специфике предмета исследования, то есть к феномену субъективного времени. На наш взгляд, в этом плане могут быть сформулированы следующие положения, способствующие детализации данной особенности.

Во-первых, естественно, должна быть сохранена исходная и, более того, основная трактовка данной особенности, смысл которой, действительно, состоит в явном преобладании эмпирического способа (и уровня) разработки данной проблемы по отношению к собственно теоретическому уровню. При этом, повторяем, данную особенность нельзя трактовать упрощенно – только в том смысле, что теоретических разработок мало, а эмпирических исследований много (или, по крайней мере, намного больше). Суть дела состоит в том, что существует достаточно большое количество и собственно теоретических исследований (что, кстати говоря, проявляется и в еще одной особенности данной проблеме – эклектизме, о чем будет подробнее сказано далее). Вместе с тем, оно не идет в сравнение

с объемом и гетерогенностью и разноплановостью того эмпирического материала, который получен в настоящее время. В связи с этим, можно сказать, что данная особенность состоит не в преобладании многого над малым, а в преобладании *очень* многого над *просто* многим.

Кроме того, следует учитывать, что в последнее время наметилась и, к сожалению, стала вполне традиционной еще одна тенденция, суть которой заключается в снижении интенсивности теоретических разработок по данной проблеме, в определенной утрате интереса к ее собственно теоретическим аспектам. В результате этого, разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями ее разработки не только не уменьшается, а, напротив, возрастает. Тот – преимущественно экстенсивный путь ее разработки, который сложился исторически и закрепился традиционно, проявляется с весьма высокой степенью отчетливости и очевидности.

Далее, с эмпиризмом как особенностью современного состояния проблемы субъективного времени тесно связана, хотя, конечно, имеет и вполне самостоятельное еще одна характерная в настоящее время черта данной проблемы – достаточно выраженный *эklekтизм* в ее разработке. Он, равно как и эмпиризм, имеет ряд проявлений и специфических черт по отношению именно к данной проблеме, главные из которых состоят, по нашему мнению, в следующем. Так, наиболее очевидной и традиционной среди них является, разумеется, особенность, на которую обычно принято указывать в первую очередь. Она состоит в том, что по отношению к этой проблеме сформулирован ряд частных, специальных теорий. Они дают объяснение тех или иных ее аспектов, приводят к тому или иному приближению к его объяснению, но не раскрывают его в целом – непротиворечиво, комплексно и с единых теоретико-методологических позиций.

В связи с этим, можно сказать, что сегодня существует множество *теорий* субъективного времени, но отсутствует единая или просто *обобщающая* теория субъективного времени. Сами эти частные, специальные теории зачастую слабо синтезированы друг с другом. Они нередко характеризуются и известной противоречивостью как в их исходных методологических основах, так и в интерпретационных средствах, а также в их итоговых теоретических выводах и положениях. Тем самым *эklekтизм* находит свое проявление, так сказать, на его макроуровне, то есть на уровне проблемы субъективного времени

в целом. У этого проявления эклектизма имеются достаточно веские и вполне объективные причины, которые нельзя не учитывать при выявлении специфики современного состояния проблемы субъективного времени. Прежде всего, это, конечно, выраженная гетерогенность самого феномена субъективного времени, состоящая в существовании очень многих и весьма разных репрезентаций времени и оперирования с ним. Вполне закономерно поэтому, что при этом открываются широкие возможности для того, чтобы акцентировать внимание на тех или иных из них (существенно отличающихся друг от друга). Тем самым создаются объективные условия для разработки аналогичных, то есть также существенно разных и достаточно многочисленных теорий. Еще одна причина данного проявления эклектизма состоит в том, что сама гетерогенность феномена субъективного времени представлена в двух основных и также – очень разных планах. Напомним, что, первая состоит в разнообразии типов, видов, форм и пр. субъективного времени в пределах того или иного – отдельно взятого уровня его репрезентации и способов организации активности на его основе. Вторая состоит в еще большем разнообразии и еще более значимых различиях форм репрезентации отношения к нему на самих этих – качественно разных уровнях его организации. Тем самым, открывается еще одно «измерение» для дифференциации теоретических построений, то есть для разработки концепций, направленных на объяснение феномена субъективного времени на разных уровнях его организации. Эти концепции, соответственно, также характеризуются существенно разными и вполне объяснимыми особенностями.

Наконец, феномен субъективного времени выступает предельно сложным и внутренне дифференцированным, объективно включая в себя очень разные аспекты. Наиболее важно то, что они зачастую являются предметом изучения в разных дисциплинах, а проблема субъективного времени с очевидностью эксплицирует междисциплинарный статус. При этом привлечение данных различных дисциплин для интерпретации тех или иных закономерностей субъективного времени отнюдь не всегда, а точнее – редко характеризуется гармоничностью и непротиворечивостью. Напротив, они нередко используются рядоположенно друг другу, что и приводит к эклектизму в ее разработке. Это – уже не внутриспсихологический, а своего рода междисциплинарный эклектизм.

Естественно, что эклектизм в целом и отмеченные выше его, так сказать, частные проявления отнюдь не способствуют интенсификации исследований по проблеме субъективного времени. В особенности, они негативны в плане разработки обобщающих, то есть собственно теоретических – концептуально непротиворечивых схем. Вместе с тем, следует учитывать и две разные трактовки самого этого термина, дифференциация которых становится сегодня все более отчетливой и которые были указаны выше. С одной стороны, эклектизм интерпретируется в его традиционном смысле – как недостаточная степень синтезированности, непротиворечивости увязки тех или иных частных аспектов и результатов, методологических оснований и итоговых положений. Как следствие этого, в рамках одних и тех же теорий нередко имеет место «соединение несоединимого» – объяснение тех или иных феноменов и результатов, устанавливаемых в них, с различных теоретико-методологических позиций. Однако, с другой стороны, получает все более широкое распространение несколько иная трактовка данного понятия (и, соответственно, – самой этой особенности). Она носит уже не подчеркнуто негативный, а преимущественно позитивный характер и состоит в том, что эклектизм трактуется как необходимое следствие и адекватное отображение реальной многомерности самого предмета исследования, а также множественности полученных при его рассмотрении результатов. Тем самым, он, фактически, во многом сближается с *комплексностью* и многомерностью раскрытия предмета, которые, как известно, являются особенностями подчеркнуто позитивного плана. Вполне закономерно поэтому, что во многих, особенно – зарубежных исследованиях (естественно, не только субъективного времени, но и во многих иных областях знания) сам эклектизм трактуется не только как позитивная, но и как, фактически, императивная особенность развития тех или иных научных дисциплин.

На наш взгляд, все отмеченные выше аспекты эклектизма свидетельствуют о наличии у него в целом следующей принципиальной закономерности. В ней находит свое отражение и проявление та же самая глубинная черта, которая уже была констатирована по отношению к эмпиризму и которая состоит в следующем. Обычно – согласно традиции, те или иные особенности состояния какой-либо проблемы принято соотносить с причинами и факторами преимущественно

гносеологического плана и объяснять ими. Тем самым эти особенности интерпретируются именно в качестве определенных черт состояния проблемы. Это – особенности, которые существуют на тех или иных этапах ее развития, но которые затем могут быть преодолены и носят, так сказать, преходящий характер. Вместе с тем, – и это вполне очевидным образом проявляется именно по отношению к проблеме субъективного времени – следует дифференцировать и причины иного, более глубинного порядка, связанные с атрибутивными чертами самого предмета изучения. Они обусловлены факторами уже не гносеологического, а собственно онтологического плана и, как правило, носят такой характер, который требуют иной трактовки самого понятия «черты проблемы» и, более того, – изменения их общей оценки. Именно так обстояло дело по отношению к эмпиризму; однако то же самое очень характерно и по отношению к эклектизму. В нем, фактически, находит свое адекватное отражение и проявление не просто предмета исследования – его беспрецедентная, принципиальная гетерогенность. Причем, как уже отмечалось, она существует в двух различных аспектах – горизонтальном и вертикальном. Совершенно понятно, что при дополнении первого аспекта вторым общая мера гетерогенности резко возрастает. Кроме того, она устанавливается в наиболее важном – сущностном аспекте, то есть в плане качественных трансформаций содержания и уровня сложности собственно психологических средств и механизмов субъективного времени. Безусловно, что столь выраженная гетерогенность ставит принципиальные, а зачастую – труднопреодолимые барьеры на пути теоретически непротиворечивого синтеза предельно разнородных материалов. Это и дает в итоге эклектизм как объективное следствие сказанного.

Более того, если доводить развитие данного тезиса до его логического завершения, то можно, по всей вероятности, высказать следующее предположение, носящее пока по необходимости гипотетический характер. Не исключено, что в указанной особенности находит свое проявление и одна из наиболее принципиальных особенностей самого феномена субъективного времени, состоящая в следующем. Он, как уже отмечалось, – реально, то есть онтологически, не является, так сказать, монопредметом, а представляет собой, скорее, *полипредмет* психологического изучения. Это означает, что степень разнородности отдельных его форм и, соответственно, – частных экспликаций

самого предмета, по-видимому, превышает меру их общности. Данное обстоятельство особенно отчетливо проявляется в плане указанной выше вертикальной гетерогенности данного феномена. В итоге это приводит к принципиальной множественности тех объяснительных средств, с помощью которых и может быть раскрыт предмет в целом.

Далее, преимущественно эмпирический характер, являясь следствием аспектности и аналитичности, в то же время, сам выступает причиной для еще одной и также важной особенности рассматриваемой проблемы. Действительно, прямым следствием определенного отставания теоретического уровня от эмпирического, то есть отставания объяснительных результатов от описательных, выступает особенность, обычно обозначаемая как описательность, констатационность, а в более общем плане – как *феноменологизм*. В исходном и основном смысле он, как известно, состоит в отставании объяснительных и интерпретационных средств от констатации тех или иных феноменов – частных результатов, фактов, явлений и пр. По существу, речь идет о том, что уровень сущности «не успевает» за уровнем явления. Теория (как средство проникновения в сущность) оказывается не вполне способной преодолевать сопротивление явлений их объяснению. Фиксируя данную особенность, подчеркнем, однако, что сам этот термин имеет, причем, именно по отношению к проблеме времени и ряд иных – не менее, а пожалуй, более значимых смыслов. Они напрямую связаны с наиболее традиционным для собственно философского видения этой проблемы подходом – феноменологическим, некоторый станет предметом рассмотрения в следующем параграфе. Кроме того, говоря о феноменологизме как показательной особенности рассматриваемой проблемы, опять-таки недопустимо схематизировать ситуацию и поддаваться сложившимся традициям негативного отношения к данному термину. Действительно, нередко – особенно на уровне конкретно-научного (а не философского) познания феноменологиям трактуется в подчеркнуто негативных тонах – как нечто, соотносимое только с уровнем явления, а не сущности и, следовательно, не глубоким, а потому и не вполне научным и интересным с точки зрения собственно исследовательских задач.

Вместе с тем, именно по отношению к проблеме субъективного времени – к специфике субъективной репрезентации времени в целом складывается несколько иная картина, поскольку сама его фе-

феноменология не только необычайно многогранна и ярка, развернута и глубока, но и во многом составляет важнейшую часть всего содержания субъектности как таковой. На неразрывную связь феноменологии субъективного времени личности с самой личностью, на репрезентированность в первой содержания второй многократно и систематически указывается в соответствующей литературе – причем, не только и даже не столько психологической, а философской. Лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы сказать так: феноменология субъективного времени – это и есть феноменология психического в целом в его актуальной данности (причем, не только актуальной, но и ретроспективной, и перспективной). Данное обстоятельство, подчеркивающее определяющий характер феноменологии субъективного времени и эксплицирующее ее отнюдь не вторичную роль как лишь эпифеномена психической и личностной организации, а роль, во многом определяющую, также станет предметом рассмотрения в ходе последующего рассмотрения.

Еще одной особенностью современного состояния рассматриваемой проблемы, оформившейся относительно позже иных и также в известной степени выступающей следствием эмпиризма и феноменологизма, является становящийся все более отчетливым *прагматизм* в ее разработке. Действительно, как показано выше, усложнение социальной организации общества и сферы профессиональной деятельности приводит к повышению требований и к организации личности своей жизнедеятельности во временном аспекте. Эти требования многогранны – начиная от социальных императивов и норм (тайм-фреймов) и заканчивая элементарными временными параметрами режимного плана [22, 31, 89, 191, 206, 292, 3888, 389, 391, 470, 673]. Причем, для эффективной организации такого плана далеко не всегда необходимо знать закономерности и механизмы субъективного времени: вполне достаточным являет просто установление и реализация оптимальных «рецептов» – способов и средства чисто исполнительского плана¹⁰. В связи с этим, в последнее время получило

¹⁰ В этом плане достаточно простого указания на то, что практически все аспекты организации такой важнейшей и определяющей сферы, как сфера профессиональной деятельности, атрибутивно сопряжены именно с временным параметром – с тем, каким образом она регламентирована во временном аспекте.

широкое распространение направление исследований и прикладных разработок – тайм-менеджмент. Если же вспомнить недавнее прошлое, то аналогичные задачи решались в более традиционном направлении, обозначаемом полузабытыми сегодня понятиями режима труда и отдыха, культуры организации труда и пр. Причем, к прагматизму как особенности рассматриваемой проблемы также недопустимо относиться как к чему-то второсортному – не вполне теоретическому и потому не научному. В действительности, прагматизм связан с ориентацией на получение также знания, но иного типа – не декларативного, а процедурального, то есть знания не по типу «что?», а по типу «как?». Оно в ряде случаев не только не менее, а более ценно, чем первое – по крайней мере, в плане решения сугубо прозаических, деятельностных и адаптационных задач.

Подводя промежуточные итоги проведенному анализу, можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Современному состоянию проблемы субъективного времени, действительно, присущ целый ряд характерных особенностей. Все они могут быть структурированы в три основные группы, в три, так сказать, симптомокомплекса. Первая группа включает такие особенности, как аспектность, фрагментарность и аналитичность; вторая – описательность, констатационность и феноменологизм; третья – эмпиризм, эклектизм и прагматизм.

В связи с этим, однако, возникает важнейший в методологическом отношении вопрос: в чем заключается общий *смысл* наличия всех этих особенностей у современного состояния проблемы субъективного времени? Почему они присущи ему и о чем они свидетельствуют – как по отдельности, так и особенно в их совокупности? Какова должна быть общая оценка ее современного состояния именно сквозь призму этих особенностей?

Необходимо особо подчеркнуть, что принципиальный характер вопросов, к постановке которых привел проведенный выше анализ, связан с тем, что они подводят и к важнейшей черте общей логики развития проблемы субъективного времени в целом. Дело в том, что они эксплицируют принадлежность ее развития к тому же самому принципиальному типу, по которому осуществляется развитие многих иных – также важнейших эмпирических проблем и целых научных направлений; поясним сказанное.

Действительно, из методологии научного познания известно, что все установленные выше особенности характерны для *аналитической* стадии разработки тех или иных эмпирических проблем и целых научных дисциплин. На данной стадии доминирующим средством (и способом) познания выступает аналитический подход со всеми присущими ему атрибутами и особенностями – в том числе, и негативного плана. Кроме того, на ней доминирует и так называемая *предметоцентрическая* призма видения. Ее суть заключается в исследовании предмета, в основном, «самого по себе», то есть вне тех реальных – объективно представленных метаконтекстов (метасистем), в которые он включен и в которых он обретает свое истинное бытие и полноту содержания. В их составе он выступает не как гносеологическая абстракция, а как онтологическая реальность. Не менее известно и то, что на смену аналитической стадии, а соответственно, и предметоцентризму приходит иная – *системная* стадия, системный подход. Соответственно, в изучении предмета начинает доминировать *системоцентризм* [311]. Все это и лежит в основе развертывания общей логики научного познания, то есть в основе трансформации аналитической парадигмы в системную, точнее – составляет самую суть этой трансформации.

В контексте этого магистрального вектора развития эмпирических проблем вполне очевидно следующее – наиболее принципиальное обстоятельство. Наличие рассмотренных особенностей у современного состояния проблемы субъективного времени свидетельствует о том, что она находится на преимущественно аналитической стадии ее разработки. В ней еще достаточно отчетливо сохраняется преобладание аналитического подхода к ее развитию. Иной – более совершенный и мощный методологический подход – системный все еще явно недостаточно востребован данной проблемой. Вместе с тем, важно учитывать и другое обстоятельство, состоящее в том, что все рассмотренные особенности данной проблемы неправомерно трактовать в качестве «ярлыков» – оценочных средств лишь негативного плана. Напротив, все они должны быть поняты как объективные особенности, свидетельствующие о недостаточном пока уровне теоретической зрелости данной проблемы, о ее переходном состоянии и о наличии у нее больших и вполне определенных перспектив дальнейшего развития. Их общий смысл и основное содер-

жание заключается в необходимости трансформации аналитической парадигмы ее разработки в системную парадигму.

Кроме того, важно учитывать, что именно такая смена парадигм является необходимым и во многом достаточным условием для перевода тех или иных проблем и целых научных направлений с преимущественно эмпирической – претеоретической фазы их развития на собственно *теоретическую*, концептуальную фазу. Дело в том, что лишь будучи раскрытым и объясненным во всей полноте его базовых закономерностей (то есть именно системно), сам предмет исследования обретает соответствующую полноту и завершенность его раскрытия. Он эксплицируется не частично и аспектно – не аналитически, а именно системно, то есть в том виде, который и характерен для его онтологического – объективного существования как некоторой качественной определенности. Это является необходимым условием для того, чтобы знания о нем обрели такую степень полноты, которая обеспечила бы его целостную и непротиворечивую, то есть собственно концептуальную – теоретическую экспликацию. Именно в этом, по нашему мнению, и заключается наиболее общий «вектор» – главная перспектива развития проблемы субъективного времени в целом. Она носит не внешне обусловленный, а потому – искусственный характер, а определяется собственной логикой развития данной проблемы теми главными особенностями, которые присущи ей сегодня.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать и наиболее принципиальный вывод: общий смысл современного состояния проблемы субъективного времени состоит в том, что она находится, преимущественно, на аналитической стадии ее развития, а в ее разработке продолжает доминировать аналитический подход. Однако это же означает, что ведущим и определяющим направлением ее дальнейшего развития является трансформация данной стадии в иную – системную и, соответственно, возможно более полная реализация по отношению к ней системного подхода, методологии системности в целом. В связи с этим, формулируется еще одна – важнейшая в методологическом отношении задача: каким образом может и должна быть осуществлена такая трансформация? Каковы контуры реализации системного подхода по отношению к проблеме субъективного времени и в чем заключается содержание общей стратегии его реализации? Попытка ответа на эти – определяющие

вопросы также должна соответственно, составить предмет специального рассмотрения. Подчеркнем также что выявление и осмысление основных – зафиксированных выше особенностей современного состояния проблемы субъективного времени, то есть ее собственно гносеологическая экспликация, привела к тем же самым заключениям, что и ее экспликация в другом и также определяющем аспекте – онтологическом. Их общий смысл как раз состоит в принципиально идентичном выводе о том, что доминирующим вектором развития данной проблемы и, соответственно, главной перспективой ее развития должна стать трансформация общего методологического подхода к ее разработке – преимущественно аналитического в преимущественно системный; переход от предметоцентрической стадии ее развития к системоцентрической стадии. Тем самым, можно и нужно говорить о наличии не только, так сказать, *онтологических* оснований для той трансформации (которые вытекают из специфики содержания данной проблемы – из его онтологии), но и о ее *гносеологических* основаниях. Они связаны уже не с содержанием *предмета*, а с *методом*, точнее – с методологией его исследования.

Вместе с тем, данное заключение приводит к постановке весьма принципиального вопроса, сущность состоит в следующем. Почему методология системного подхода, равно как и общая идеология системности даже в период их наибольшей популярности и в психологии, и в научном познании в целом (70–80-ые гг. прошлого века), оказались, фактически, невостребованными психологией субъективного времени и проблемой времени в целом? Почему эта методология, приведшая к крупным, а нередко – и прорывным результатам во многих иных областях психологического знания, а особенно – в психологии деятельности, не была конструктивно использована при ее изучении? Почему базовые методологические императивы и методические средства системного подхода как такового реализованы очень слабо – практически, в исключительных случаях? По каким причинам традиции и средства системного исследования воспринимаются и ассимилируются психологией субъективного времени с большим трудом, а в целом – не характерны для нее? В результате этого достаточно мощные средства методологии системности оказываются, фактически, не эксплицированными в психологии субъективного времени. В ней продолжают доминировать традиции

иного – аналитического способа исследования. Это, повторяем, уже не просто «еще одно», а по всей вероятности, наиболее важное и наиболее глубинное проявление аналитичности как таковой. Взятое в целом, данное обстоятельство в дальнейшем должно стать предметом специального науковедческого и историко-психологического анализа. Вместе с тем, уже сейчас оно должно быть уже не только зафиксировано, но и подвергнуто необходимой методологической рефлексии. Иначе говоря, должны быть выявлены те основные особенности данной проблемы, а также специфические черты самого предмета изучения и, соответственно, порожденные ими трудности ее разработки, которые явились главными причинами нереализованности по отношению к ней методологии системности.

Итак, представленные выше материалы, взятые в своей совокупности и во взаимодополнении друг с другом, с достаточно высокой степенью очевидности вскрывают обстоятельство принципиального плана. Оно состоит в том, что существует целый ряд причин и факторов, носящих как онтологический, так и гносеологический характер, которые обуславливают необходимость реализации по отношению к проблеме субъективного времени методологии системности, системного подхода в целом. Вместе с тем, несмотря на многоплановость и комплексность такого рода причин, специфика сложившейся сегодня в этой области исследований ситуации такова, что данная методология реализована по отношению к данной проблеме в явно недостаточной степени. Более того, можно констатировать и определенную *невосприимчивость* проблематикой субъективного времени этой методологии, равно как и аналогичное «невнимание» со стороны самой этой методологии по отношению к проблеме субъективного времени. В результате имеет место не только отсутствие концептуального синтеза, но и, по существу, ощутимый разрыв этой методологии и психологии субъективного времени (и проблемы времени в целом). Безусловно, данное обстоятельство заслуживает специальной методологической рефлексии, поскольку оно, с одной стороны, является не вполне ожидаемым, так как, напротив, проблематика субъективного времени, выступая очень общей по своему характеру, казалось бы, напротив, должна была естественным образом сопряженной с аналогичной по степени общности методологией – методологией системности. С другой стороны, и сама эта методологии, являясь не только общей, но и очень

значимой в гносеологическом плане, также не должна была обходить стороной аналогичную по степени значимости область исследования – проблематику времени в целом и субъективного времени, в частности. Тем не менее, такая ситуация, все же имеет место, а ее причины должны быть эксплицированы и объяснены. Причем, их выявление и осмысление важно не только и не столько само по себе, сколько в плане экспликации ключевых особенностей этой проблемы и определения перспектив ее дальнейшей разработки.

Предпринимая попытку этого, отметим, прежде всего, что существует несколько альтернативных вариантов объяснения сложившейся ситуации разрыва – несинтезированной методологии системности и проблематик субъективного времени. Во-первых, возможно самое простое объяснение, состоящее в том, что это – просто своего рода ошибка, недоработка, некоторое гносеологическое недоразумение, которое может быть относительно легко ликвидировано. Это, однако, очень маловероятно, поскольку вряд ли одну и ту же «ошибку» могло допустить столь большое количество исследователей, работающих в русле данной проблематики и тем более – методологов, разрабатывавших сам системой подход. Во-вторых, возможно объяснение, состоящее в том, что эта методологии, в действительности, вполне релевантна данной проблеме, но она еще, так сказать, «не добралась» до нее, еще не успела вовлечь ее в свою сферу. Такое объяснение, хотя и возможно, но также маловероятно, поскольку методология системности имеет уже очень длительную историю своей реализации и вполне могла бы успеть реализоваться и по отношению к этой проблеме. В-третьих, возможно объяснение, состоящее в том, что содержание и специфика – общий смысл данной проблемы таковы, что они, наоборот, не релевантны этой методологии, а она, в свою очередь, столь же не релевантна проблеме субъективного времени. Такое объяснение также, по-видимому, не вполне обоснованно, поскольку и сама эта проблема, и методология системности, напротив, обладают очень высокой степенью обобщенности и, следовательно, конгруэнтностью по отношению друг к другу. В-четвертых, возможно и объяснение, смысл которого состоит в том, что методология системности, являясь, в действительности, весьма конструктивной в целом, тем не менее, по отношению к проблеме субъективного времени является избыточной, и она вполне может обойтись без нее, опираясь

на иные гносеологические средства. В-пятых, возможно объяснение и, так сказать, противоположного плана: эта методология имеет такие ограничения и даже недостатки принципиального плана, которые не позволяют ей быть адекватной и достаточно конструктивной основой для разработки такой предельно сложной проломы, как проблема субъективного времени. В-шестых, возможно объяснение, состоящее в том, что эта методология, все же, конгруэнтна данной проблеме, но с условием ее дальнейшего развития и совершенствования. Смысл этого объяснения состоит, следовательно, в осознании возможной ограниченности не самого системного подхода как такового, а тех традиционных – классических версий, в которых он представлен в настоящее время. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, подчеркнем, что, скорее всего, именно данный вариант объяснения наиболее вероятен и, кроме того, наиболее конструктивен. Дело в том, что он не только не отрицает возможность реализации богатого потенциала методологии системности по отношению к данной проблеме, а сохраняет эту возможность, предписывая, тем не менее, необходимость ее качественной трансформации и приведения к такому виду и уровню, который был бы необходимым и достаточным средством для конструктивной разработки данной проблемы

Можно видеть, что в свете отмеченных вариантов и необходимости обоснованного выбора того или иного из них как средства исследования проблемы субъективного исходный вопрос должен быть конкретизирован следующим образом. С одной стороны, необходимо выявить, какие особенности самого предмета исследования – субъективного времени выступают факторами, сдерживающими или даже блокирующими реализацию методологии системности по отношению к данной проблеме? Что именно мешает субъективному времени быть типичным и полноправным предметом приложения системного подхода? С другой стороны, не менее, а быть может и более важно попытаться определить, какие особенности современного состояния самого системного подхода – особенности его традиционных, классических вариантов выступают ограничительными факторами его конструктивной реализации по отношению к этой проблеме? Как, следовательно, он может и должен быть усовершенствован в целях обретения им должного объяснительного и эвристического потенциала по отношению к столь сложной и специфической во многих отношениях проблеме?

Предпринимая попытку решения этих вопросов, отметим, прежде всего, обстоятельство исходного в гносеологическом плане характера, являющемся одновременно и отправным пунктом, а также главным условием и даже залогом реализации системной методологии по отношению практически к любому предмету исследования. Оно состоит в том, что эта реализация предполагает и даже требует, в первую очередь, трансформации общего способа видения предмета изучения, общей парадигмы его исследования – предметоцентрической в системоцентрическую. Если с точки зрения первой он изучается преимущественно сам по себе – в его качественной определенности, то с позиций второй он раскрывается уже в плане его включенности в более широкие и онтологически представленные метаконтексты. В их составе он приобретает уже не только качественную *определенность*, но и качественную *специфичность*. В результате этого порождается фундаментальное явление и, более того, по-видимому, – механизм *удвоения качеств*, состоящий в дополнении качественно определенной качественной специфичностью (точнее – несколькими качественными спецификациями, поскольку предмет включается обычно в состав не одной, а нескольких систем одновременно). Следует иметь в виду, что все это равнозначно также и смене собственно аналитической стадии и идеологии исследования иной и более совершенной стадией – собственно системной. В свою очередь, реализация этого базового гносеологического императива требует решения трех главных вопросов.

Во-первых, вопроса об определении собственно *системного статуса* изучаемого предмета, который дифференцируется на два подвопроса. Первый: что представляет собой предмет исследования уже не как суммативное образование – не как аддитивная совокупность выявленных на аналитической стадии его сторон и аспектов, особенностей и черт, а как организованная и структурированная целостность – не как их агрегация, а как их интеграция? Второй и ряде случаев более сложный вопрос состоит в определении того, является ли вообще изучаемый предмет самостоятельной системой – обладает ли он этим статусом, или же выступает не как автономная система, а лишь обладает свойствами системности, поскольку входит как аспект, сторона, в состав какой-либо иной системы? Тем не менее, и в этом случае, он, хотя онтологически и не выступает как самостоя-

тельная система, гносеологически может быть рассмотрен как образование системного типа.

Во-вторых, необходимо решение и еще одного ключевого вопроса, смысл которого состоит в определении и объяснении тех качественных *спецификаций*, которые обретает предмет в составе более общих и онтологически представленных целостностей – систем, в которые он реально включается и в которых он обретает свое внутрисистемное бытие. В свою очередь, он также дифференцируется на два подвопроса. Первый: какие спецификации самого предмета возникают вследствие такого включения в более общие целостности? Как специфицируется сам предмет исследования? Второй: какие спецификации возникают в результате этого у самой этой более общей целостности? Какие новые качественные характеристики и какое новое содержание обретает она сама под влиянием вхождения в нее того или иного компонента. В связи с этим, следует считать, что сам феномен «удвоения качеств» также обладает двуединством. С одной стороны, он присущ тому, *что* включается в более общие целостности. С другой стороны, он присущ и тому, *куда* происходит такое вхождение, то есть самим этим целостностям.

В-третьих, это вопрос о тех закономерностях, которые характеризуют возникающие при этом *отношения* и взаимодействия предмета исследования (части целого) и самого целого. Они также дифференцируются обычно на два типа. Первый – это отношения «сверху-вниз», то есть носящие характер детерминации частей целым – предмета исследования самой целостностью. Второй – это отношения «снизу-вверх», то есть те детерминационные влияния, которые сам предмет оказывает на организацию целостности. Кроме того, специально отметим, что в методологии системности явно доминирует точка зрения, принявшая характер своеобразной аксиомы, согласно которой между целым и частями существуют отношения включения – первое *состоит* из вторых, а они, в свою очередь, организуясь, это целое и порождают. На первый взгляд, представляется, что она является единственно возможной, хотя, в действительности, она также не лишена ограничений и не является универсальной.

Итак, суммируя смысл трех основных вопросов, можно заключить, что они сводятся к необходимости определения системного статуса предмета исследования, его метасистемного модуса, а также

отношений между первым и вторым. Показательно, что именно по отношению к этим трем – определяющим вопросам как раз и выявляются те наиболее принципиальные трудности и даже барьеры реализации методологии системности, которые обусловлены природой и спецификой предмета исследования в психологии субъективного времени. По нашему мнению, главные из них заключаются в следующем.

Первая трудность, имеющая наиболее общий и даже всеобщий характер, состоит в очевидной неопределенности природы и границ, а также исходного смысла и онтологического статуса самого предмета исследования – того, что именно следует рассматривать в его качестве. В наиболее общем виде таковым следует считать, по всей вероятности, не само субъективное время как таковое, а то, что обозначается как объективное время. Дело в том, что исходным пунктом любого познания в целом и научного, в частности, является не то, как отображается на гносеологическом уровне изучаемая сфера, а то, что она представляет собой объективно – не как предмет, а как объект. Однако уже здесь и возникают наиболее принципиальные – максимально характерные и очень своеобразные именно для категории времени сложности и противоречия – причем, такие, которые практически не свойственны ни одному иному предмету научного познания. Они, кроме того, являются и одними из главных предметов не только конкретно-научных, но и философских дискуссий. Общий смысл этих трудностей зафиксирован, как известно, в «вечной» проблеме, состоящей в том, *существует* ли время как таковое, а ее содержание как раз и сводится к тому, чтобы обосновать онтологический статус самой реальности, которая зафиксирована в этой категории. Существует ли время как нечто объективное – внесубъектное, а категория времени – это отражение и фиксация данной объективной реальности; или же оно – не *отражение* реальности, а продукт *порождения* со стороны самого субъекта, то есть реальность исходно не объективная, а субъективная. Она, к тому же, может не только выступать продуктом субъектного конструирования, но и лежать в основе этого конструирования (что зафиксировано в понятии априорных категорий познания И. Канта). Известно также, что эта проблема является источником дифференциации двух основных групп концепций времени – *объективистских* и *релятивистских*. В этом плане, как отмечалось, используются даже выражения «устранение

времени», «элиминация времени», «исчезновение времени», «фиктивность времени» и т. п. В итоге уже здесь порождается, так сказать, глубинная, корневая неопределенность предмета: она связана уже не с тем, что именно им считать, а с тем, существует ли он вообще.

Кроме того, если признать правоту всей истории познания времени и принять, что оно все же существует как определенная реальность, то и здесь возникает новый источник неопределенности. Что именно представляет собой эта реальности в принципе – по своей природе: либо она носит объективный характер, либо же она представляет собой реальность, но субъективную и существует лишь как нечто идеальное, конвенциональное (как идея времени)? Либо же оно выступает как своего рода синтетическая реальность, возникающая во взаимодействии объективной и субъективной реальности и «снимающая» их в себе – сохраняющая их, но трансформирующая их в новую качественную определенность? В этом проявляется главная «хитрость» категории времени и той реальности, которая в ней зафиксирована. Оно одновременно и объективно и не-объективно; оно лишено самостоятельной субстанциональности (тем более материальной), но все же имеет ее, хотя и в опосредствованном виде, поскольку всегда связано и сопряжено – сцеплено с тем или иным своим носителем, то есть с тем, по отношению к чему оно существует. Оно, используя известное выражение, всегда «отягощено» материальностью (субстанциональностью), но не состоит в ней и к ней не сводится. В связи с этим, и возникает принципиальная трудность: как может быть системой то, что лишено самостоятельной субстанциональности? Время – атрибут субстанциональности, но не сама она. Следовательно, можно констатировать несоответствие между его статусом как атрибута системы и самой системой; в результате возникает принципиальное противоречие, связанное с тем, что атрибут системы не может иметь статус системы.

Причем, имеющая место при этом ситуация является еще более сложной для осмысления категории времени с позиций понятий системы и системности. Дело в том, что даже сами термины производности, вторичности, сцепленности не вполне точно и глубоко передают суть отношений параметра времени как атрибута некоторой субстанциональной основы и его самого. Оно не столько производно, вторично, не-автономно и пр., сколько составляет неотъемлемую сторону,

аспект – момент собственной организации этой основы; оно составляет организацию как таковую, но взятую не в ее субстанциональном – «вещном» плане, а в плане *процесса* – бытия этой субстанциональной основы. Это – организация как нечто, соотносящееся с упорядоченностью самого развертывания субстанциональной основы, с ее, по выражению М. К. Мамардашвили, бытийствованием, а не бытием как таковым [351]. Оно – проявление, воплощение и отображение организации процесса, то есть собственно *диахронического* модуса реальности и ее отдельных составляющих, но не организации их *синхронического*, собственно субстанционального модуса. Вместе с тем, истинная сложность таких отношений состоит в том, что первая – временная, процессуальная организация, не являясь второй, все же практически полностью ей и детерминируется; более того, первая и является непосредственным следствием второй, а потому и неотделима от нее.

В этом плане, по всей вероятности, следует различать понятие системы и системности. Нечто – скажем, временная организация, то есть организованный в диахроническом плане процесс бытия системы, может обладать очень явными чертами упорядоченности организованности и пр., то есть, фактически, системности, но не быть системой в непосредственном смысле слова. Именно так и обстоит дело с параметром времени как аспектом организации – но уже не синхронической, а диахронической: оно может отражать и реально отражает организацию как системность, но не организованность как систему. Оно соотносится с диахронией организации, но не с ее синхронией, хотя, повторяем, первая во многом, если не во всем, в конечном счете, детерминирована второй. Несколько схематизируя ситуацию, можно сказать так: время и любой его локус – это, конечно, не система, но некоторая поле возможностей для того, чтобы порождался иной тип организации – не синхронический, а диахронический, могущий, в свою очередь, обретать черты системности. Поэтому и о временной организации следует говорить только как о ее возможной системности, но, конечно, не как о системе. В этом, повторяем, заключается основная трудность связей категорий времени и системы и отнесения первой ко второй. Кроме того, можно видеть, что, как говорится в подобных случаях, легче всего просто отказать времени в возможности распространения на него собственно системного статуса; труднее, но и гораздо про-

дуктивнее все же видеть в нем связь с ней – связь, являющуюся, однако, существенно более сложной и опосредствованной.

Далее, при рассмотрении вопроса о возможности существования у времени собственно системного статуса следует учитывать и еще одно основное положение методологии системности, заключающееся в следующем. Как известно, в ней существуют два основных подхода к решению ключевой проблемы, связанной с тем, что именно следует считать истинными системами, а что нельзя рассматривать в качестве таковых. Согласно первому – более распространенному подходу, в качестве критерия отнесения того или иного объекта к собственно системным образованиям выступает наличие у него самостоятельной, относительно автономной *цели* функционирования. Если она имеет место, то объект рассматривается как самостоятельная система со всеми ее атрибутами; если же она отсутствует, то объект размаривается не как истинная система, а как аспект, сторона, часть иной – имеющей такую цель системы и выступающей более общей по отношению к исходному объекту. В этом плане понятия *цели* и *целостности* (как важнейшего атрибута и даже воплощения системности) во многом взаимополагаемы, что, собственно говоря, отражено даже в их этимологическом тождестве, которое, конечно, нельзя считать случайным. Согласно второму подходу, в качестве такого критерия рассматривается наличие или отсутствие у какого-либо объекта интегральных свойств – *системных качеств*. Если они имеют место, то их наличие выступает достаточным основанием для отнесения объекта к системным образованиям, для системного статуса как такового. В связи с этим, возникает вопрос – каким образом два указанных варианта определения системного статуса могут быть реализованы по отношению к параметру времени?

Так, обращаясь к первому из них, следует констатировать, что ни время в целом, ни каждый отдельный его локус – фрагмент (каким бы по величине он ни был), ни любое иное его проявление не только не имеют, но и не могут иметь какую-либо самодостаточную цель. Ее может иметь только то, что представлено – разворачивается в нем. Впрочем, и здесь проявляется действительная «хитрость» времени и временной организации. Она все же детерминирована определенной целью (и в этом смысле имеет ее), но такой, которая соотносима не с ней самой, а с организацией того объекта (субстанциональной

основы, носителя), который и подлечит темпоральной упорядоченности – организации. Цель самой субстанциональной основы – носителя времени детерминирует и временную организацию, но не прямо и непосредственно, а опосредствованно – через организацию иного, именно субстанционального плана. В этой связи можно видеть, что диахроническая – темпоральная организация производна от синхронической – субстанциональной организации, в основе чего лежит, в конечном счете, детерминация и первой и второй целью системы как ее конституирующим фактором. Она определяет все атрибуты субстанциональной организации систем, а через них – опосредствованно – и специфику собственно временной организации.

В связи с этим, важно подчеркнуть и то, почему именно данный критерий столь значим для решения вопроса об определении системного статуса изучаемых объектов, и почему он получил столь широкое признание. Дело в том, что именно он рассматривается в системном подходе не только как критерий определения системного статуса, но и как решающий – *системообразующий* фактор для ее конституирования в целом. Он же выступает и конкретизацией базового принципа организации сложных образований – принципа целевой (а не каузальной) детерминации. Именно наличие цели и, соответственно, реализация ей специфических системообразующих функций лежит в основе не только дифференциации системы из среды – обретения системного статуса, но и в основе конституирования всех атрибутов системной организации: цель определяет компонентный состав системы, ее структурную организацию, особенности функционирования и генезиса. Если она существует, то возникает и состав, и структура, и функциональная организации, и специфическая разновидность генезиса – системогенез. Если же ее нет, то эти атрибуты просто не возникают и о них применительно к объектам внесистемной природы просто не приходится говорить. Именно так обстоит дело по отношению к времени как к возможному кандидату на его принадлежность к собственно системным образованиям. У времени нет и не может быть самостоятельной цели; она есть у тех объектов, которые бытийствуют в нем. Вместе с тем, регулируемая ей их организация все же проявляется и во временной организации. Отсутствие у времени самостоятельной и оформленной цели как раз и приводит к феноменологически очень явному отсутствию у него

каких-либо компонентов, к его аструктурности, к трудности экспликации по отношению к нему каких-либо специфических функциональных закономерностей, поскольку само оно и является воплощением функционирования. Однако, именно эти базовые закономерности – структурные, функциональные, генетические выступают главными в методологии системности, а их раскрытие во многом составляет ее содержание. Другими словами, отсутствие цели как системообразующего фактора приводит и к отсутствию системности организации как таковой в ее субстанциональном, непосредственном виде. В этом, собственно говоря, заключается еще одна – причем, весьма принципиальная сложность реализации традиционных вариантов системного подхода к категории времени и даже – барьер на пути его применения к ней. Это проявляется в неустребованности системным подходом данной категории, и соответственно – в слабой реализации этой методологии по отношению к ней. И именно это было констатировано выше как несинтезированность и даже как концептуальный разрыв методологии системного подхода и категории времени.

Второй возможный вариант определения системного статуса у исследуемых объектов предписывает выявление у него особой категории качеств – системных. Если они обнаруживаются, то объект рассматривается как имеющий собственно системный статус; если они не обнаруживаются, то делается вывод об отсутствии такого статуса. И хотя этот вариант менее распространен, он также имеет смысл, приводя, однако, при попытках его реализации по отношению к категории времени и временной организации к новому и весьма сложному вопросу. Он заключается в том, можно ли говорить и, если да, то в каком именно плане, о наличии особой разновидности самих системных качеств – о временных системных качествах. Этот вопрос не только не решен, но и, фактически, пока даже не поставлен в качестве самостоятельного. Однако, без его решения реализация этого – второго варианта определения системного статуса объектов, фактически, невозможна. В силу этого, возникает важнейшая в методологическом плане задача изучения этого – нового для системной методологии и особого во многих отношениях типа системных качеств – временных. Поэтому он также должен быть подвергнут специальному и детальному изучению, что и будет реализовано в ходе дальнейшего изложения.

При рассмотрении вопроса о соотносимости категории времени с понятием системного статуса, с возможностью его трактовки с позиций такого статуса нельзя не затронуть еще один его важный аспект. Дело в том, что традиционно – и в самом системном подходе, и даже на уровне обыденных представлений понятие системности ассоциируется (причем, во многом обоснованно) с некоторой завершенностью и законченностью, с обретением тем или иным объектом «хорошей организации», с выраженной стабильностью и устойчивостью и т. п. Иными словами, сама системность ассоциируется, прежде всего, именно со статическим, синхроническим измерением реальности, но не с ее диахроническим срезом, не с динамикой, не с ее процессуальным «измерением». И хотя, конечно, в этом плане ситуация является более неоднозначной, поскольку существует понятие динамических систем и поскольку сам параметр времени учитывается при их описании, все же доминирует именно указанная точка зрения. Соответственно, весь эвристический потенциал и методологический арсенал системного подхода ориентирован, прежде всего, именно на раскрытие статического среза организации систем. Однако, время как таковое и любой его локус, фрагмент, акт бытия – это подчеркнуто динамическая, процессуальная, то есть диахроническая сущность, что в принципе противоположно синхронии как таковой, антагонистично статическому аспекту реальности. И в этом смысле время как возможный кандидат на системный статус не просто принципиально не-системно, но в известном смысле асистемно. Оно по своей сути есть нечто противоположное системности в той ее форме, которая наиболее традиционна для классических версий системного подхода, поскольку для них характерна ориентация на иную форму системности – субстанциональную, статическую, синхроническую. Сама системность рассматривается, в основном, в связи со структурной организацией изучаемых объектов, но не с их функциональной организацией, с их синхроническим срезом, а не диахроническим планом.

В этой связи следует отметить еще одну важную и очень специфическую особенность феномена времени в целом. Дело в том, что, как мы отмечали выше, оно, действительно, в очень существенных чертах не только не является собственно системной сущностью, но и вообще как бы противоположно самой сути системности, так сказать, асистемно. Однако, оно, все же атрибутивно сопряжено с си-

стемностью, поскольку в каждый конкретный его момент, в каждом его интервале представлена вся совокупность тех «составляющих», из которых конституируется сама организованная в нем система. Любой его фрагмент – временной локус содержит все эти «составляющие» в их полной совокупности, что является атрибутивной основой для их столь же полного синтеза, для обретения ими черт и атрибутов системности, в том числе и главного – атрибута целостности. Время в любом его локусе, так сказать, «чревато системностью», поскольку в нем представлена вся полнота тех онтологических, субстанциональных основ, на базе которых реализуется та или иная система. Ни одна из этих «составляющих» не может быть исключена из временного «измерения» реальности и, следовательно, из того синтеза, который может быть осуществлен на их множестве и которое, следовательно, не может не являться полным и исчерпывающим. Время и любой его локус можно уподобить своеобразному полю аффордансов – возможностей для системности, но, конечно, не самой системности¹¹.

Далее, в связи с этим эксплицируются дополнительные грани очень важной – интегративной функции и даже – природы времени в целом и одного из его модусов (настоящего), в особенности. Именно в нем – в настоящем, причем, только в нем все содержание, равно и как и вся организация любой сущности, представлена в ее полноте и в реально существующем единстве – во всей их системности, а значит и во всей целостности и завершенности. Однако, само это «настоящее», как известно еще со времен Августина «исчезающее» мало – оно, строго говоря, является некоторой абстракцией и в этом смысле искусственно сконструированным понятием, прерывающим объективную непрерывность «оси» времени и являющимся определенным упрощением и огрублением реальности. Оно – объективно, фактически, столь же неуловимо – именно в качестве некоторой «точки» или фиксированного интервала, Однако, именно отсюда следует и то, что сама объективно представленная интеграция – системность организации любой сущности, придающей ей онтологический статус, также не может быть представлена как нечто статическое, но лишь как принципиально динамическая сущность. В свою очередь,

¹¹ Ниже – в параграфе 3.2. этот очень значимый, по нашему мнению, аспект данной проблемы будет рассмотрен более подробно.

отсюда следует и то, что сама синхрония и, соответственно, синхроническая системность – это также определенная абстракция и «вторичное» образование по отношению к иной системности – диахронической темпоральной. Интеграция, лежащая в основе системности как базы для любой онтологии, не может реализовываться как нечто статическое – она всегда представлена как некоторая динамика. Поэтому и само лежащее в основе этой интеграции бытие обладает свойством, так сказать, неостановимости – оно, причем, принципиально, может существовать как только динамическое, постоянно «становящееся», изменяющееся. Данное обстоятельство, правда, только на феноменологическом уровне давно зафиксировано в идее «стрелы времени», в его необратимости, которая, однако, должна быть дополнена и моментом его неостановимости и в основе которого лежит непрерывность и неостановимость бытия как такового. Понятно, что, фиксируя все эти следствия, вытекающие из соотношений субстанциональной и темпоральной системности, мы вторгаемся в очень абстрактную сферу собственно философского плана. Тем не менее, это позволяет лучше понять базовые – атрибутивные закономерности системной формы организации как таковой в целом и субъективного времени, в частности – в особенности его интегративных функций по отношению к организации психики.

Кроме того, при рассмотрении вопроса о собственно системном статусе времени как объекта исследования нельзя не обратиться к еще одному его аспекту. Дело в том, что до сих пор весь проводимый анализ соотносился, в основном, с этой категорией в целом – без ее дифференцировки на субъективное и объективное время. Более того, мы пока вполне осознанно оставляли в стороне и обращение к той конкретизации, которую получает первое в современных исследованиях данной проблемы – его воплощенность в совокупности разноуровневых репрезентаций, лежащих в основе самого субъективного времени. Однако теперь необходимо обратиться к этому аспекту и включить его в проводимый анализ. Действительно, если рассматривать только субъективное время – как результат и продукт репрезентации объективного времени, то следует учитывать данные, которые получены в отношении самих этих форм и типов, видов и уровней репрезентации времени. Доминирующий вектор развития этих представлений заключается в двуединой экспликации всего множества таких репрезентаций.

Во-первых, они выделяются именно как множественные – представленные в большом количестве: например, только биологических ритмов как носителей базовых форм репрезентации времени насчитывается более ста. Во-вторых, они рассматриваются и как качественно различные, а также организованные на основе *уровневого* принципа (данное обстоятельство уже рассматривалось выше). В результате этого, однако, складывается следующая ситуация. С одной стороны, поскольку субъективные репрезентации соорганизованы между собой на основе важного принципа – *уровневого*, то все их множество вполне допустимо рассматривать как некоторую упорядоченную и организованную систему. Однако, с другой стороны, она включает в себя очень различные практически во всех отношениях формы и типы репрезентаций, которые обуславливают принципиальные сложности их организации, действительно, в единое целое. Еще более принципиально, что, фактически, каждый уровень включает в себя такие репрезентации, которые не только существенно и даже кардинально отличаются друг от друга, но и сами по себе представляют очень сложные – собственно системные образования, вполне автономные и самодостаточные для реализации их функций. Складывается такая ситуация, которая была зафиксирована ранее для ряда иных суперсложных и внутренне разнородных образований. Она состоит в том, что эти образования в гносеологическом плане выступают не в качестве унитарного и принципиально гомогенного образования – не в качестве монопредмета, а в качестве полипредмета. В онтологическом же плане они эксплицируют свой статус не как собственно системных образований классического типа – не как истинных систем, а в качестве *системных комплексов*. Известно, однако, что методология исследования системных комплексов разработана существенно менее полно, чем это сделано для истинных систем. Это также создает существенные трудности для решения вопроса о наличии у субъективного времени собственно системного статуса и еще более выраженные сложности для его последующего изучения.

Действительно, выше отмечалась не только беспрецедентная сложность предмета психологии субъективного времени, но и те причины, которые ее обуславливают. Одной из главных среди них является чрезвычайно высокая степень гетерогенности субъективного времени, представленная в двух существенно разных планах –

горизонтальном и вертикальном. Напомним, что первый из них фиксирует большое количество видов, типов, форм и т. д. репрезентации времени в пределах одного и того же уровня. Второй фиксирует гетерогенность уже, так сказать, в ее межуровневом «срезе», то есть беспрецедентные по своему масштабу качественные различия репрезентаций на разных уровнях. В результате этого степень различий в качественной определенности репрезентаций оказывается либо сопоставимой, либо даже превосходит меру их общности. И именно поэтому сам предмет психологии субъективного времени выступает, скорее, не как некоторое унитарное образование – выступает не в качестве, так сказать, монопредмета, а в качестве полипредмета. Он образован целым рядом, а точнее множеством его парциальных экспликаций, которые очень существенно – именно качественно отличаются друг от друга. В силу этого, по-видимому, субъективное время не вполне конструктивно изучать «в целом» – как нечто общее и унитарное. Исходя из полипредметности субъективного времени, его раскрытие, по всей вероятности, также должно быть аналогичным – парциальным, что создает дополнительные трудности для его целостной, то есть собственно системной экспликации.

Наконец, при рассмотрении вопроса о возможном собственно системном статусе категории времени и его частных экспликаций, необходимо затронуть и еще один – пожалуй, наиболее сложный вопрос, который является и собственно психологическим и философским, поскольку носит очень общий характер и состоит в следующем. Когда речь идет об определении у времени как объекта исследования его возможного системного статуса, то о каком именно времени идет речь – объективном или субъективном? Выше мы достаточно подробно остановились именно на втором, а первое пока оставалось раскрытым лишь частично. Насколько это правомерно – насколько вообще объективное время может составлять предмет собственно психологического изучения? Как по отношению к нему пытаться определить его системный статус именно как образования психологического плана? Можно ли к нему как к объективному вообще пытаться реализовывать собственно психологические подходы, поскольку оно является такой реальностью, которая принципиально противоположна субъективной реальности? Подчеркнем, что здесь эти вопросы представлены в намеренно заостренной формулировке,

дабы показать их действительно принципиальный и сложный характер, от которого, однако, ни в коем случае нельзя уходить, а, наоборот, предпринять попытку преодоления создаваемых им трудностей. В этом плане можно предложить следующий вариант, который базируется как на собственно психологических данных, так и тех результатах, которые получены при его философском осмысления.

Действительно, как это может показаться на первый взгляд неправомерным и даже неправдоподобным, само разделение времени на объективное и субъективное является в значительной степени условным и относительным. Более того, в известном смысле они представляют собой вообще одну и ту же реальность (говоря об этом, мы вполне осознаем опасность такого утверждения и необходимость его обоснования). В самом деле, как постоянно указывается в литературе – особенно философской, причем, очень давно – фактически, начиная с И. Канта, важнейшей и наиболее специфической чертой времени как предмета познания как раз и является то, что оно выступает такой реальностью, которую нельзя однозначно отнести ни к категории объективной, ни к категории субъективной реальности. Оно вообще не существует как реальность вне его субъективной репрезентации, а репрезентирование субъектом временной организации во многом и *конституирует* само время. Впрочем, это очень старая и традиционная для философии дискуссия о самостоятельности или несамостоятельности времени, о его статусе как порождающего субъективную реальность или порождаемой субъектом. В наиболее полном виде все это получило отражение в понятии априорных категорий, одной из которых и является категория времени. В этом плане вполне очевидно, что само объективное время во многом существует именно потому, что оно конституируется и даже конструируется самим субъектом, а потому исходно является именно субъективным.

Однако, справедливо и обратное: субъективное время не может быть произвольным по отношению к темпоральной организации внесубъектной – объективной реальности уже хотя бы потому, что сама психика субъекта, подчиняясь определенным базовым и потому – объективным закономерностям, уже воплощает их в себе, в том числе и в аспекте их временного измерения. Время – это такая реальность, которая лежит по ту сторону фундаментальной дихотомии реальности на объективную и субъективную; оно – «третий» компо-

нент, третья реальность, производная от первых двух и образованная их взаимодействием – причем, таким, который *не допускает* установления отношений первичности-вторичности между ними. В этом – еще одна специфическая и, пожалуй, важнейшая черта времени и как реальности и как предмета исследования. Однако, если это так, то что же составляет *инвариантное* ядро – то общее, что входит в содержание данной категории и как объективной и как субъективной? Этот вопрос важен еще и потому, что в аспекте своего «носителя» объективное и субъективное время все же глубоко различны и даже противоположны. Однако как раз в связи с этой противоположностью и возникает данный вопрос – что же их все-таки роднит, несмотря на принципиальные различия и даже противоположность их субстанциональных основ? По нашему мнению, этим общим и инвариантным для них как раз и является то, каким образом эти различные субстанциональные основы организованы – но не в их статическом, синхроническом плане, а в плане их диахронического развертывания. Другими словами, общность состоит в том, как они организованы не в плане их бытия как уже *ставшего*, оформленного существования, а в плане их бытийствования как существования *становящегося*, разворачивающегося – *происходящего*, а не *произошедшего*. Для того, чтобы зафиксировать этот организационно-временной инвариант, который практически изоморфно воспроизводится и в объективном и в субъективном времени, наиболее целесообразно, по всей вероятности, использовать термин *темпоральности* как такой организации, которая отражает в себе не ее субстанциональную приуроченность, а соотносимость именно с временным измерением реальности – и объективной и субъективной. Темпоральность – это, так сказать, «экстракт» организации реальности в ее собственно временном модусе – организации, экстрагированной от содержания той субстанциональной основы, которая ей подлежит. В свою очередь, сама темпоральность как специфический модус организации, по всей вероятности, также может быть представлена с разной мерой совершенства. Это может быть и относительно простая упорядоченность как аналог элементарной структурированности. Но это может быть и очень совершенная организация, приближающаяся к тому, что зафиксировано в понятии собственно системной организации. Другими словами, можно предположить, что сама темпоральность

также может достигать уровня системности и выступать как проявление самой системности, то есть как аналог системы, но специфического – темпорального типа.

Кроме того, подчеркнем, что такое заключение с необходимостью вытекает из всего представленного анализа, являясь его логическим следствием. Вместе с тем, напомним, что его целевое назначение как раз и заключалось в попытке решения вопроса о возможном собственно системном статусе предмета исследования – категории времени. Это означает, что, скорее всего, на этот статус может претендовать не само время – как объективная реальность и даже не субъективное время, а именно темпоральность как, возможно, особый и пока слабо изученный тип системности или даже система особого типа – *темпоральная система*. Данное предположение станет в дальнейшем предметом специального рассмотрения, а в плане его развития можно допустить также и целесообразность дифференциации понятий системы и системности. Время, не являясь онтологически представленной сущностью и потому не выступая в качестве субстанциональной системы, тем не менее, репрезентирует специфическую – диахроническую организацию всех иных собственно субстанциональных систем. Она, в свою очередь, может воплощать специфически системные принципы и закономерности, поскольку в ней эксплицируется системность организации самих его носителей. Это означает также, что посредством исследования темпоральной организации систем открывается возможность исследования и собственных закономерностей организации этих систем – субъективное время выступает не только как *предмет* исследования, но и как его *метод*.

Далее, как отмечалось выше, реализация основных императивов системного подхода после определения собственно системного статуса изучаемого объекта предполагает решение еще одного ключевого вопроса. Его смысл состоит в определении и объяснении качественных спецификаций, получаемых им в составе более общих – онтологически представленных систем, в которые он реально включается и в которых он обретает свое внутрисистемное бытие. В свою очередь, он также дифференцируется на два подвопроса. Первый: какие спецификации самого предмета возникают вследствие такого встраивания – включения, вхождения в более общие целостности? Как специфицируется сам предмет исследования? Второй: какие

спецификации возникают в результате этого у самой этой более общей целостности? Какие новые качественные характеристики, какое новое содержание обретает она сама под влиянием вхождения в нее того или иного компонента. В связи с этим, сам феномен «удвоения качеств» также обладает двуединством: он присущ и тому, что включается в более общие целостности, и тому, куда происходит такое вхождение, то есть самим этим целостностям. Подчеркнем также, что этот вопрос в известном смысле является еще более специфичным системной методологии, нежели предыдущий. Дело в том, что именно он в наибольшей мере олицетворяет саму трансформацию базовой парадигмы исследования, предписываемой ей – предметно-центрической, то есть аналитической, в системноцентрическую.

Переходя к попытке его решения, следует, прежде всего, учитывать явную специфичность самого предмета исследования, эксплицированную выше: он представляет собой не онтологически представленную систему, а специфическую – темпоральную организацию иных систем, взятых в их диахроническом развёртывании. Однако это означает, что он предстает не как онтологически представленная система, а как один из ее атрибутов, как один из ее модусов – в данном случае динамический, эксплицирующий их диахроническую организацию. Тем самым, однако, выявляется и еще одно обстоятельство: будучи таковым – атрибутом, модусом иных онтологически представленных систем, темпоральная организация выступает всегда в своего рода *связанном*, сцепленном с ними виде, в столь же атрибутивно сопряженной с ними форме. Можно видеть, что в контексте этого заключения исходный вопрос (об определении базовой онтологически представленной по отношению к предмету исследования системы), с одной стороны усложняется, а с другой – получает своего рода подсказку для решения.

Действительно, он усложняется за счет того, что при его решении речь идет не об установлении классических отношений между частью и целым как именно субстанциональными, материальными сущностями, которые обладают онтологическим статусом и самостоятельным бытием, а об отношениях другого рода. Это – отношения между системой и одним из ее атрибутов, между онтологически представленной сущностью – носителем организации и самой организацией. Причем, не всей, а только вполне определенной – темпораль-

ной, эксплицирующей ее диахронический аспект. Однако именно посредством этого данный вопрос и получает вполне определенное направление своего решения, поскольку именно такая – атрибутивная, причем и в этимологическом плане сопряженность темпоральности как аспекта организации систем с самими системами служит критически важным аргументом и даже – средством определения тех целостностей, в которые включается предмет исследования. Ими как раз и выступают те носители, по отношению к которым он выступает как их атрибут. Темпоральность именно как атрибут систем онтологически *уже включена* в их общую организацию, в силу чего излишни какие-либо дополнительные гносеологические процедуры их поиска и определения. Основная трудность ее изучения как их «составляющей», которое предписывается системоцентрической парадигмой, состоит поэтому не в их поиске, а в том, чтобы определить специфику и содержание тех особенностей и закономерностей, равно как и содержания в целом, которые обретают системы под влиянием такой – темпоральной организации. Темпоральность как атрибут системы онтологически уже включена в нее; тем самым исходный вопрос не только получает свое естественное решение, но и практически даже не возникает как особый и самостоятельный. Дело в том, что в свете этого обстоятельства для реализации второго основного императива системной методологии (трансформации предметоцентрического изучения в системоцентрическое) необходимо просто исследование спецификаций самой системы, которые имеют в ней место под влиянием ее же собственной темпоральной организации. Кроме того, вполне очевидно, что по отношению к темпоральности как основному предмету психологического исследования в качестве такой – базовой системы как раз и выступает психика в целом. Она и эксплицируется тем самым в качестве той более общей и онтологически представленной целостности, в составе и содержании которой, согласно второму императиву системности, необходимо изучение предмета для того, чтобы оно обрело статус не предметоцентрического, а системоцентрического.

Таким образом, на основе проведенного выше рассмотрения можно сделать заключение, которое имеет, на наш взгляд, достаточно принципиальный характер для рассматриваемых здесь вопросов. Оно состоит в том, что для трансформации предметоцентрической

парадигмы разработки проблемы субъективного времени в системноцентрическую необходимо качественное преобразование общего способа видения самого предмета этой проблемы. В его качестве должно выступать не только и не столько оно как некоторый *результат* и продукт функционирования психического, а оно же, но в качестве атрибута и, возможно, *средства* собственной организации самого психического. Темпоральность как особый тип организации должна быть рассмотрена и реализована по отношению к самому ее носителю – к психике. Должны быть выявлены и объяснены те особенности и закономерности, те механизмы и иные средства, которые порождаются в ней самой под влиянием обретения ей темпоральной, диахронической организации. Более того, необходимо и установление того, каким образом все основные аспекты и уровни организации психики воплощают в себе принципы темпоральной организации; как вплетен – встроена сама параметра времени в ее общую организацию. Можно видеть, что посредством такого заключения обнаруживается и истинный смысл трансформации аналитической (предметоцентрической) парадигмы разработки проблемы субъективного времени в системноцентрическую. Оно само – как результат и продукт эксплицируется в виде *феномена*, производного от темпоральности как специфически системной организации, выступающей поэтому как основа для него, то есть как *ноумен*.

Однако, именно в качестве такового – имплицитного и базового фактора организации психики, темпоральность эксплицируется в ее истинном смысле и значении, в той ее роли и в тех функциях, которые она реализует по отношению к организации психического в целом. Она раскрывается как механизм этой организации, как носитель и реализатор комплекса ее средств. В связи с этим, можно видеть также, что трансформация способа видения исходного предмета исследования требует еще одного гносеологического шага. Субъективное время как феномен раскрывается не только как продукт репрезентации психикой временных параметров реальности – не только как некоторый результат, но и как механизм, лежащий в основе ее организации и функционирования. Оно эксплицируется не только как то, что, порождаясь психикой, выступает затем для нее же самой в качестве предмета взаимодействия со средой – своего рода *операнда*. Наряду с этим, оно же выступает и как то, что лежит в основе самого этого

взаимодействия в качестве механизма и средства ее собственной организации и функционирования – в качестве *оператора*.

В связи с этим заключением несколько иначе, нежели это принято традиционно, эксплицируется и еще одно основное положение системного подхода, зафиксированное в феномене «удвоения качеств». Оно, напомним, состоит в том, что, включаясь в систему, то или иное явление, наряду с сохраняем качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Кроме того, данное положение в более современной трактовке, фактически, трансформировалось в тезис об «умножении качеств», поскольку, как парило, практически любой объект реальности включен в состав не одной, а нескольких или многих целостностей, в составе которых он обретает целый ряд качественных спецификаций и которые в своей совокупности составляют его качественную специфичность. Вместе с тем, в свете представленных выше материалов можно видеть, что по отношению к темпоральности как предмету специфицирования имеет место несколько иная картина – причем, картина даже в известном смысле противоположная исходному тезису, но не отрицающая, а дополняющая его. Дело в том, что сама темпоральность, рассматриваемая в ее системоцентрическом модусе, то есть эксплицируемая в качестве атрибута диахронической организации психического, обретает (вернее – обнаруживает) свой принципиально новый статус, свое новое и очень комплексное содержание. Она раскрывается как основа для функциональной, то есть временной организации психического, то есть как комплекс реализованных в ее функциональной организации средств и принципов. Тем самым исходная качественная определенность предмета психологии субъективного времени, состоящая в его понимании как продукта отражения временных параметров реальности, дополняется новым содержанием. Оно выступает следствием его спецификации за счет рассмотрения как атрибута диахронической организации психического и состоит в принципиально новой роли – *операторной*, а также в порождении качественно нового содержания, сопряженного с ней. Поэтому можно заключить, что и само явление «умножения качеств» также трансформируется – в явление *порождения качеств*. Субъективное время, взятое не как феномен, не как явление и субъективная реальность, а как следствие и результат лежащей в его основе объективно представленной темпоральной организации, образует

саму сущность функционирования психического, его диахроническую основу. Более того, именно это порождаемое качество и является базовым, основным для всей временной организации психического; оно является не следствием, а детерминантой этой организации. Однако, для того, чтобы его обнаружить, потребовался путь от его феноменологических референтов (субъективного времени) к тому, что за ними лежит, то есть к самой темпоральности как основы для комплекса средств и структур диахронической организации.

Кроме того, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Рассмотрение вопроса о собственно системном статусе субъективного времени привело к тому, что он был эксплицирован как весьма специфический и во многом отличающийся от традиционных для системных представлений. Дело в том, что ни объективное, ни субъективное время не только не является, но и в принципе не может являться сущностью, обладающей собственно системным статусом. Более того, их природа во многом такова, что она даже противоположна такому статусу. Однако их специфичность и даже уникальность состоит в том, что они, не являясь так называемыми истинными системами, все же воплощают в себе их базовые атрибуты – прежде всего, основные принципы собственно системной организации. Они поэтому могут и должны быть поняты как образования системного типа, но специфического – временного, диахронического, как темпоральные системные образования. Они, не являясь системами, тем не менее, воплощают в себе системность организации. В связи с этим, как отмечалось, необходимо дифференцировать понятия *системы* и *системности*. Нечто может и не быть системой, но воплощать в себе некоторые черты, присущие системной форме организации и выступать как квазисистема. Вместе с тем, точно так же и проведенный выше анализ второго основного императива системного подхода – необходимости преобразования исходной предметноцентрической парадигмы в системноцентрическую привел и к аналогичному по степени существенности заключению. Это преобразование обуславливает кардинальное изменение общего видения, то есть принципиальной постановки и последующей разработки проблемы субъективного времени в целом – с его трактовки как некоторого феномена на его понимание как системы операционных средств и даже механизмов функциональной организации психики, то есть

как оператора. Тем самым еще одно базовое положение системной методологии – явление удвоения качеств также радикально трансформируется. Оно преобразуется вначале в явление умножения качеств, а затем в явление *порождения* качеств, которое еще более отличается от исходного. Оно состоит в том, что субъективное время как феномен эксплицируется в принципиально ином статусе, в иной качественной определенности – не только как феномен, но и как ноумен, то есть как реальная детерминанта функциональной организации психики.

Наряду с этим, реализация основных императивов системного подхода по отношению к любому предмету исследования – в особенности, к столь сложному, каковым является феномен времени, предполагает решение еще одного принципиального вопроса. Действительно, после того, как определен системный статус изучаемого объекта и выявлены его спецификации, возникающие под влиянием его включенности в более общие целостности (а также спецификации самих целостностей под влиянием встроенности в них объекта), необходимо выявить и проинтерпретировать еще одну категорию закономерностей принципиального характера. Она характеризует возникающие при этом отношения и взаимодействия предмета исследования (части целого) и самого целого. Эти взаимодействия обычно дифференцируются на два типа. Первый – это отношения «сверху-вниз», то есть носящие характер обусловленности частей целым – предмета исследования самой целостностью. Второй – это отношения «снизу-вверх», то есть те детерминационные и иные влияния, которые сам предмет оказывает на организацию целостности. Кроме того, как отмечалось выше, в методологии системности явно доминирует точка зрения, согласно которой между целым и частями существуют отношения *включения* – первое именно состоит из вторых, а они, в свою очередь, организуясь, это целое и образуют. Реализуя этот императив по отношению к рассматриваемому здесь вопросу, можно сформулировать следующие положения.

Так, прежде всего, представляется очевидным, что анализируемые отношения между частями и целым для темпоральности и той целостности, в которую она онтологически включена как ее аспект, сторона – самой психикой, не могут быть с достаточной степенью полноты и корректности поняты и раскрыты как отношения *компонента и системы*. Это вовсе не отношения некоторой более простой

и более сложной сущности. Между тем, в системном подходе сама суть предметоцентрической парадигмы как раз и состоит в том, что предмет исследования рассматривается именно как заведомо более простое образование, нежели сама она. Далее, согласно традиции, рассмотрению подвергаются сами имеющие место их отношения – отношения компонента и системы; это так называемый системно-компонентный способ исследования. Однако, ни объективное, ни субъективное время, ни темпоральность как их глубинный инвариант – причем, независимо от того, как их трактовать и с каких позиций рассматривать, не могут быть адекватно поняты и проинтерпретированы в качестве компонента, то есть образования относительно несложного плана. Напротив, они представляют собой, как показано выше, весьма сложные образования, воплощающие в себе черты системности организации, – причем, настолько, что даже возникает предположение относительно их возможной принадлежности к постсистемным образованиям – к системным комплексам. Такой статус предписывает необходимость трактовки ее взаимодействий с более общей целостностью, в которую она онтологически включена – психикой и личностью, не как отношения компонента и системы, а как отношения *системы* и *метасистемы*. Причем, эти отношения осложняются еще и тем, что их собственно системный статус также весьма специфичен. Они, как показано выше, не являясь истинными системами, в то же время, воплощают в себе черты системности и, следовательно, могут быть рассмотрены с позиций системной методологии. Другими словами, они, конечно, не являются системами в онтологическом смысле данного понятия – причем, как показано выше, даже не только потому, что не удовлетворяют критериям, которые существуют в отношении дифференциации таковых, но и просто потому, что принципиально не являются онтологическими сущностями как таковыми, а выступают как атрибуты этих сущностей.

Однако, именно потому, что они выступают как такого рода атрибуты этих онтологически представленных сущностей, которые организованы на основе принципов системности, они воплощают в себе и их собственные черты. Это и приводит к тому, что они также характеризуются определенными чертами системности и, следовательно, могут быть рассмотрены как носители системности – эксплицированы с системных позиций, то есть в собственно гносеологиче-

ском плане. Это – достаточно радикальная трансформация исходного вопроса, поскольку, как показано в целом ряде исследований, отношения второго типа (системы и метасистемы) достаточно существенно – принципиально отличаются от отношений первого типа (системы и компонента). Они значительно более сложны, а нередко необычны и непривычны, даже отчасти парадоксальны с точки зрения классических вариантов системного подхода. Так, в частности, это могут быть отношения по типу мультипликативности, состоящие в том, что та или иная часть системы (компонент) транспонирует на себя практически все основные качества самой системы – переносит на себя ее системные качества. Именно это лежит в основе очень важного, на наш взгляд, феномена *мультиплицирования*, при котором потенциал психики в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию – прежде всего, на их структуру основные особенности своего функционирования¹². Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не *состоит* из частей (компонентов), а *реализуется* в некоторой совокупности основных функций и иных парциальных проявлений (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься (транспонироваться) потенциал системы в целом. Такой перенос и позволяет ей резко расширять – по существу, *умножать*, то есть именно *мультиплицировать* (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности.

Очень сложным является и другой тип отношений – отношения *включения*. Для того, чтобы проиллюстрировать их смысл, целесообразно прибегнуть к тому как они воплощены, например, по отношению к организации *сознания*. Действительно, по отношению к нему следует, прежде всего, констатировать следующий неоспоримый факт: психика в ее полном объеме (и, соответственно, понятие психического) шире, нежели сознание. Она выступает как «целое»

¹² Физическим аналогом этого является принцип голографичности [778].

по отношению к нему как своей «составляющей», то есть как метасистема по отношению к сознанию. Вместе с тем, нельзя не видеть и другого – столь же неоспоримого факта. Дело в том, что сказанное является справедливым с точки зрения, так сказать, *внешнего* наблюдателя, то есть с *объективной* точки зрения. Однако, с *субъективной* точки зрения, то есть с позиций *внутреннего* наблюдателя (самой личности), сознание как часть («составляющая», подмножество) всего содержания психического репрезентируется как очень специфическая, если не сказать – уникальная его часть. Суть этой специфики состоит в том, что *только* через эту часть сама психика в целом ей самой (то есть психике) лишь и доступна, презентуется (точнее – самопрезентируется) ей, а поэтому – в определенном смысле вообще *существует* как «для-себя-бытие». Целое (психика) существует субъективно лишь посредством ее *воплощенности* в одну из своих частей, а последняя есть подлинно субъективная форма существования психики (внутреннего мира, субъектности и пр.). Тем самым складывается ситуация, при которой целое и часть оказываются (подчеркиваем – субъективно) не только равномошными и равнозначными, но при которой часть (сознание) выступает даже более значимой для конституирования внутреннего мира и «чувства Я», чем все целое. Можно сказать и более категорично: часть (сознание) выступает не просто как более значимая для всего этого, но и вообще – как *единственно* «ощущаемая» и потому – субъективно существующая реальность.

В действительности, ситуация, конечно, является еще более сложной, поскольку то, что репрезентируется в сознании, непосредственно детерминируется всем остальным содержанием психического и выступает, в конечном итоге, его продуктом. Сознание как часть отнюдь не *произвольно*, а, напротив, – *производно* от содержания психики в целом, порождено им. В нем это содержание определенным образом воплощается, *мультиплицируется*, а затем – феноменологически проявляется; точнее – *образует* саму феноменологию сознания, составляет ее суть. Более того, чем полнее является такая мультиплицированность, тем адекватнее и полнее, точнее и богаче содержание самого сознания, тем более произвольный и осознанно контролируемый характер носит поведение, полнее ощущение реальности – реальности, прежде всего, субъективной, а *через нее* и объективной. Если доводить этот тезис до его логического заверше-

ния, то можно сделать и следующее заключение. Чем в большей степени сознание (как часть) доминирует, превалирует над целым, тем выше степень произвольности, осознанности, свободы поведения личности. Складывается достаточно парадоксальная и необычная с точки зрения классических системных представлений картина, при которой, чем в большей степени часть превосходит целое и, более того, – управляет этим целым, тем более адаптивным, эффективным, опосредствованным и организованным является все поведение личности. Фактически, имеет место *инверсия* нормальных (точнее – общепринятых, традиционных и только поэтому *считающихся* нормальными) отношений между частью и целым; парадоксальное «оборачивание» канонических представлений об их статусе. Причем, следует особо подчеркнуть, что все это не какое-то «нарушение» – исключение, а *правило*: чем более выражена данная инверсия, тем более организованный и осознанный характер носит поведение личности, тем полнее и объективнее ей ощущение реальности и своего внутреннего мира.

По-видимому, столь необычные с традиционной точки зрения отношения между частью системы и ей как целостностью уже не могут быть адекватно поняты и объяснены с позиций классического системного подхода и требуют иных методологических средств. Вместе с тем, еще раз повторяем, что эта картина отношений существует лишь во вполне определенной системе координат – субъективной; в иной системе координат – объективной сохраняются классические отношения между ними. Однако суть дела в том и состоит, что в реальности обе эти системы координат представлены *одновременно*, сосуществуют друг с другом, определяя истинную сложность детерминации поведения личности и репрезентации ей своего внутреннего мира.

Следовательно, адекватная экспликация и более полное объяснение этой сложности возможны лишь на основе *принципа дополнителности* как гносеологического средства раскрытия психологической природы сознания. Оно *одновременно* выступает и как система, включенная в метасистему психики в целом (объективно), и как система, включающая эту метасистему в себя (субъективно) [247, 249]. Оба этих модуса сознания «как системы» представлены одновременно, они синхронизированы, что и порождает сложнейшую картину организации и сознания и психики в целом, а также принципиальные трудности дифференциации их содержания. Благодаря этому, созна-

ние обретает свои основные атрибутивные характеристики, составляющие суть и «ядро» его феноменологии

Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим также, что все отношения этих – более сложных типов установлены и с наибольшей полнотой раскрыты в одном из постнеклассических вариантов принципа системности – в метасистемном подходе. К этому важному положению мы возвратимся в ходе последующего рассмотрения; пока же зафиксируем сам факт того, что представления именно об этих типах отношений не исключено, могут содействовать разработке проблемы субъективного времени в целом и с позиций системного подхода, в частности.

Итак, подводя промежуточные итоги проведенному анализу, можно сделать следующее заключение. Все три базовых императива системной методологии, соблюдение которых необходимо и достаточно для того, чтобы считать этот подход реализованным, встречаются на пути их воплощения по отношению к проблеме субъективного времени принципиальные трудности, обретают явное своеобразие. Так, реализация императива, связанного с необходимостью определения собственно системного статуса предмета исследования, не просто тормозится, но и, фактически, во многом блокируется явной специфичностью самого этого предмета, а также традициями, сложившимися в системной методологии. Субъективное время и темпоральность в целом – это такие сущности, которые являются во многом не просто другими, но и противоположными объектам, традиционно изучающимся в системном подходе – субстанциональным. Время – и объективное и субъективное не имеет собственной, самостоятельной субстанциональности, хотя и воплощает в себе, так сказать, высвечивает такую организацию, присущую всем иным сущностям, в том числе и психике. Они не являются истинными системами, хотя и воплощают многие важнейшие черты собственно системной организации, выступая квазисистемами или – парасистемами. В результате порождается принципиально новый тип системности – временная, темпоральная и, не исключено, новый класс самих систем – темпоральные системы.

Далее, реализация второго основного и во многом вообще решающего императива, предписывающего смену предметоцентрического видения объекта на системоцентрическую, то есть его включение в более общие целостности и выявление его спецификаций в них,

также сопряжена с существенными сложностями. Их смысл состоит в том, что, во-первых, связь и соответственно, сопряженность предмета исследования – субъективного времени с такими более общими целостностями весьма специфична. Это отнюдь не связь по субстанциональному или морфологическому типу, а связь между атрибутом системы и самой системой. Во-вторых, сложность его реализация сопряжена и с тем, что по отношению к категории времени как предмету исследования в целом и к понятию субъективного времени как его психологической конкретизации эксплицируется качественно новое, но также специфически системное явление. Установленные ранее феномены удвоения качеств и умножения качеств дополняются здесь еще феноменом порождения качеств. Его суть состоит в том, что при включении объекта в более общую по отношению к нему целостность качественные спецификации порождаются не только у него, но и у самой этой целостности. Причем, они затрагивают не какой-либо ее локальный аспект, а общую организацию – в данном случае темпоральную, точнее – порождают ее.

Наконец, показательно и то, что реализация еще одного базового императива системной методологии – установление взаимосвязей и взаимодействий предмета исследования с более общими целостностями также обретает явное своеобразие и приводит к новым трудностям. Оказывается, что по отношению к данной проблеме, во-первых, эти отношения качественно трансформируются из связи компонентов и системы в связи отношений системы и метасистемы. Во-вторых, эти два понятия становятся здесь не абсолютными, а относительными, поскольку они могут выступать и как части, и как сами целостности, эксплицируя их взаимообратимость. Другими словами, они могут выступать и частями друг друга, и целостностями по отношению друг к другу; более того, они могут и функционально включаться в состав друг друга.

Таким образом, на основе этого можно констатировать следующее обстоятельство наиболее общего плана. С одной стороны, как следует из всей совокупности представленных материалов, существуют многочисленные и весьма убедительные аргументы самого разного плана – и онтологические, и гносеологические, и методологические в пользу настоятельной необходимости реализации по отношению к проблеме времени системной методологии. Эта необходимость

вообще составляет доминирующее направление логики развертывания данной проблемы. С другой стороны, до сих пор не только сохраняется, но и становится все более явной их фактическая несинтезированность, отсутствие их концептуального синтеза. Проблематика времени весьма слабо ассимилирована системной методологией, а та, в свою очередь, слабо опирается на категорию времени. У этого обстоятельства могут быть два основных способа объяснения. Первый состоит в том, что методология системности недостаточно реализована по отношению к проблеме времени в целом и субъективного времени, в частности, потому, что она в своих сущностных чертах, в принципе малопродуктивна в этом плане. Другими словами, она недостаточно эвристична и потому не приводит к осязаемым результатам, не приживается по отношению к ней. Второй способ заключается в том, что, напротив, она не только вполне релевантна данной проблеме, но и является, по существу, незаменимой для ее разработки, но с одним условием. Она, однако, должна быть развита и усовершенствована – должна обрести новые и, возможно, качественно иные варианты своей реализации, в большей степени учитывающие реальную сложность и даже необычность предмета исследования. В связи с этим, возникает еще более принципиальный вопрос: что представляют собой эти варианты? Как может и должен быть развит традиционный системный подход и его канонические варианты для того, чтобы стать релевантным специфике данной проблемы? Данный вопрос поэтому должен составить предмет специального анализа, что и будет осуществлено в главе 2.

1.2. Проблема времени в философии

Как уже отмечалось в параграфе 1.1.1, именно категория времени в целом и проблематика субъективного времени, в частности, является одной из наиболее «нагруженных» философским наследием, а сама психология времени в наибольшей мере испытывает на себе значимое влияние собственно философских воззрений и является поэтому максимально философизированной. Она подробно рассматривается, например, в работах [2, 34, 43, 50, 70, 86, 131-133, 144, 151, 157, 158, 193, 209, 221, 341, 344, 407, 412, 464, 465, 491, 517, 518, 564, 565, 594, 616, 628, 647, 768, 776]. Более того, именно по отношению к ней роль и значение тех результатов, которые получены в филосо-

фии, не только сопоставимы с результатами собственно психологически исследований, но в целом ряде случаев даже превосходит их. Это относится и к глубине полученных результатов, и к степени их обобщенности, и иногда даже к собственно содержательным параметрам, связанным с конкретными закономерностями субъективного времени. Важно и то, что эта связь философского уровня познания с психологией времени и его влияние на нее отнюдь не исчерпывается только, так сказать, историческим аспектом, связанным с тем, что первое во многом подготовило второе. Дело еще и в том, что оно продолжается и впоследствии – на всем протяжении его развития, обогащая его новыми обобщениями и концептуализациями и во многом определяя его общее видение в целом, равно как и направленность этих исследований. Философия времени – это отнюдь не только прошлое психологии времени и ее предпосылка, но и его настоящее и, возможно, будущее. Характерно и то, что такая связь очень многопланова и комплексна; она не может быть, в силу этого, проанализирована сколько-нибудь полно в одном, отдельном исследовании – в том числе, и в этом. Сознвая данное обстоятельство, необходимо, тем не менее, попытаться выявить наиболее общий смысл такого влияния и, главное, то, каким образом оно должно быть эксплицировано именно с позиций современного состояния этой проблемы и определения перспектив ее дальнейшей разработки.

В этих целях необходимо, по нашему мнению, из всего обширного и крайне разнородного спектра философских подходов и полученных в них результатов выделить те, которые являются, с одной стороны, наиболее *репрезентативными* для них, а с другой, – выступают наиболее *релевантными* собственно психологическому аспекту субъективного времени. Очень характерно и показательно, что при такой постановке проблемы сразу же и вполне непосредственно эксплицируется обстоятельство принципиального плана. Оно заключается в том, что именно те результаты философского характера, которые являются наиболее репрезентативными – важными и определяющими для него в целом, одновременно выступают и наиболее психологически-ориентированными – наполненными собственно психологическим смыслом и содержанием. Пожалуй, нигде более разработка философской проблематики не приводит столь непосредственно и настоятельно к необходимости обращения к собственно

психологическому уровню познания, как в проблеме времени. Вместе с тем, мало где сама разработка конкретной психологической проблемы требует столь же широкой опоры на данные философского плана, как по отношению к проблеме времени. Именно в ней в наибольшей мере конвергируют два уровня познания – собственно философский и конкретно-научный (психологический). И именно поэтому результаты, соотносящиеся с философским уровнем, должны быть актуализированы и привлечены к решению задач конкретно-научного – психологического изучения данной проблемы. Яркой особенностью философии времени является то, что она приводит, в конечном итоге, к необходимости обращения в качестве основных и определяющих к таким проблемам и аспектам данной проблемы, которые являются максимально психологизированными и выступают как атрибутивно психологические – причем, отнюдь не как рядовые, а как важнейшие и определяющие для психологии в целом. Более того, они непосредственно связаны с такими сферами и аспектами организации самого психического, которые также являются максимально обобщенными и синтетическими, эксплицирующими в себе психику в целом – в ее интегративных формах и модусах. Проявления и свидетельства этого многоплановы и широко известны; остановимся на некоторых – наиболее характерных из них.

Так, уже в работах И. Канта, с которыми, как отмечалось выше, вообще принято связывать начало разработки данной проблемы, она формулируется, фактически, в синтетическом и даже «пограничном» между этими двумя уровнями познания виде: она эксплицируется как столь же философская, сколько и психологическая [238]. Относя понятие времени к разряду априорных категорий, он, фактически, первым поставил вопрос фундаментальной важности, надолго определивший и продолжающий определять ее основу трудность и способы ее разработки. Либо время *отражается* субъектом, либо оно *порождается* им – причем, не абстрактно, а конкретными особенностями и закономерностями организации психики [239]. Следовательно, главным является именно вопрос о том, как особенности и закономерности организации самого субъекта и его психической организации детерминируют и возникновение времени, и его содержание, и все его атрибуты. Фактически, речь идет о том, что данная проблема как философская вообще не может быть не только решена,

но и адекватно поставлена без ее связи с ее же разработкой, но уже как собственно психологической. Тем самым уже здесь намечается главный вектор ее разработки: поставленная как философская, она как только таковая не может быть разрешена. Это возможно лишь при условии ее трансформации в эпистемологическую, а затем и в собственно психологическую. Проблема субъективного времени, являющаяся конкретизацией философского уровня разработки проблемы времени, трансформируется в проблему раскрытия порождающей его сущности – самой психики. Как и почему эта структура обуславливает состав и содержание базовых «инструментов» ее функционирования – априорных категорий в целом и времени как одной из них – вот ключевой вопрос, который вытекает из специфики подхода И. Канта и который является столь же философским, сколько и психологическим. Он первым указал, что для обоснования возможности знания следует исходить из того, что не наши познавательные способности соответствуют миру, а мир должен сообразовываться с нашими способностями, чтобы вообще могло состояться познание. Иначе говоря, сознание не просто пассивно постигает мир как он есть на самом деле, но, скорее, наоборот, мир сообразуется с возможностями познания, а именно: разум является активным участником становления самого мира, данного нам в опыте. Опыт, по сути, есть синтез того чувственного содержания («материи»), которое дается миром (вещей в себе) и той субъективной формы, в которой эта материя («ощущения») постигается сознанием. Именно поэтому И. Кант различает мир, как он есть сам по себе (то есть вне формирующей деятельности разума) – вещь-в-себе; и мир как он дан в явлении, то есть в опыте. «Следовательно, – писал И. Кант, – мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, и их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [238]. Так возникают трансцендентальные – находящиеся за пределами возможного опыта иллюзии. Но «источником трансцендентальной иллюзии является не рассудок, а разум. Иллюзия состоит в сверхопытном расширении рассудка, однако к этому расширению рассудок побуждается не сам собою, но повинуюсь руководству и требованиям разума» [238].

Важнейшее значение имеет, по нашему мнению, и одно из наиболее общих положений учения И. Канта, состоящее в том, что чело-

век относится к миру лишь принципиально опосредствуясь своими познавательными способностями и не может воспринимать мир так, как он существует. Законы и принципы рациональной и чувственно-созерцательной деятельности предопределяют, что человек может найти в природе. Это не значит, что он находит в природе такие законы, которые имеются до познания в разуме; но это значит, что субъективный фактор активно организует познание. Единство восприятий субъекта, созерцающего объект, обеспечивается единством внутреннего самосознания. Предметы опытного познания должны соотноситься с сознанием, нашими понятиями, которые не просто соответствуют предметам. Разум – это не зеркало, бесстрастно отражающее внешний мир, а устройство, которое активно берет из внешнего мира то, что в состоянии взять. Итак, если знание не получается в результате воздействия внешнего мира на человека (на его познавательные способности), то остается принять предположение о том, что знание есть результат воздействия познающего субъекта на внешний мир. Здесь следует иметь в виду, что многие вещи определяются привычкой, которая в определенный момент становится бессознательным регулятором поведения, включая познавательное отношение к миру; создается определенная традиция. Выход за ее пределы связан с тем, что и называет И. Кант революцией в способе научного мышления. В теории познания такой революцией было принятие точки зрения, что знание есть результат воздействия человека на внешний мир. Законы разума подчиняют природу, они, наряду с чувственностью, обуславливают то, что человек, следуя им, оказывается в состоянии взять у природы [238].

Эти положения легли в основу его учения о схематизме, смысл которого состоит в следующем. Схематизм – это понятие, введенное И. Кантом, для обозначения действия, обеспечивающего возможность применения категорий к опыту [239]. Поскольку категории – это чистые рассудочные понятия, а феномены опыта – эмпиричны, то надо найти между ними опосредствующее звено, позволяющее связывать одно с другим, то есть осуществлять синтез. Действие по его осуществлению он и обозначил схематизмом. «Схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» [238].

Согласно И. Канту, время есть форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния; время есть априорное формальное условие всех явлений вообще. Она не возникает из чувств, а предполагается ими. Последовательность идей в душе не порождает понятия времени, а только указывает на него. «Я не понимаю, что обозначает слово «после», если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно после другого есть то, что существует в разное время, так же как существовать совместно – значит существовать в одно и то же время» [238].

Время трактуется и в качестве продуктивной способности воображения, или трансцендентальной схемы как своеобразного аналога интеллектуальной интуиции. Схему продуктивного воображения И. Кант отличает от образа, производимого эмпирическим репродуктивным – воображением. Схема дает как бы наглядный образ построения предметности вообще, или, как говорит И. Кант, она «представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще» [239]. Схема – это образ понятия, а поскольку понятие, по И. Канту, есть не что иное, как чистая функция объединения, то время есть наглядный образ такого объединения, образ деятельности по объединению многообразия. Как она это делает, по мнению И. Канта, всегда останется скрытым от нас.

Время не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, не акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону. Отметим также, что во взглядах И. Канта содержатся предпосылки для собственно темпоральной трактовки субъективной репрезентации самого времени: время, есть созерцание (то есть процесс), а не понятие (то есть структура).

Важно и то, что именно время является необходимым условием для обретения всеми иными категориями их качества, для их «качествования». Этот важнейший момент его воззрений станет в дальнейшем предметом нашего специального рассмотрения, поскольку оно играет определяющую роль в понимании истинного смысла категории времени как в философии, так и в психологии. Причем, по отношению ко второй масштаб этой роли был предвосхищен именно И. Кантом, отмечавшим, что возможно создание даже своего

рода *темпоральной теории* рассудка как синтеза базовых категорий познания, взятых в их временном аспекте [238].

Следует подчеркнуть, что время является также и формой внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Самосознание (равно как и сознание объекта) возможно только при определенной структуре упорядочения представлений. Для человека такой формой структуризации элементов внутреннего чувства, в котором он осознает себя как «я», «субъект» (относительно элементов – своих представлений), является время. «Внутреннее чувства есть определенная форма, при которой единственно возможно созерцание ее (души) внутреннего состояния, так что все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется во временных отношениях». «Время есть не что иное, как субъективное условие, при котором единственно имеют место в нас созерцания». Осознавая себя как бытийствующих в мире, мы одновременно осознаем себя как погруженных во временное измерение. Время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект. Но если бы я сам или какое-нибудь другое существо могли созерцать меня без этого» [239].

То, что мы называем временем, таким образом, является всего лишь одним из способов полагания в сознании представлений, необходимого для конституирования самосознания, правда, способом, единственно известным нам, заключенным в границах своего познания. Представления чувственности заведомо имеют наряду со своей материей форму, которая для нас известна как время. Таким образом, очевидна глубинная связь воззрений И. Канта с фундаментальными понятиями психологии – сознанием, рефлексией, внутренним миром и др. К этому важному обстоятельству мы также возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения; пока же зафиксируем его как таковое.

Итак, выше мы относительно подробно остановились на характеристике философских представлений И. Канта в силу того, что именно они, раскрывая новые грани самой категории качества, в то же время, имеют и существенное – причем, вполне непосредственное отношение к собственно психологической проблематике. Дело еще и в том, что в них данная категория органично включается в контекст очень общих – по существу, фундаментальных гносеологических проблем, раскрывается ее генезис, ее сущность, а также

сфера и границы действия, равно как и определяющая роль в познании в целом, в том числе – и научном. Более того, в нем «красной нитью» проходит положение не только о зависимости, но и, фактически, о производности познания от базовых особенностей и закономерностей психической организации субъекта, о производности результатов и процесса познания (и даже самого познаваемого объекта) от познающего.

Далее, в плане тесной сопряженности развития проблемы времени в философии с важнейшими и наиболее интегративными феноменами и структурами психики очень показательны и те представления, которые разработаны в русле феноменологизма в целом и в работах Э. Гуссерля, в особенности [163, 164]. Все они, взятые в своей совокупности, разумеется, выходят за пределы задач проводимого здесь анализа, тем более, что эта совокупность весьма обширна и комплексна как по содержанию, так и по степени гетерогенности. Однако наиболее специфичные из них именно по отношению к его основным задачам должны быть отмечены и зафиксированы. Так, при обращении к взглядам Э. Гуссерля обычно принято указывать на то главное и исходное положение, из которого вытекают все иные взгляды относительно сущности субъективного времени [164]. Оно состоит в единстве трех введенных им понятий – праимпрессии (*die Urimpression*), ретенции (*die Retention*) и протенции (*die Protention*). Исходить надлежит из первого чувственного впечатления, которое Э. Гуссерль называет праимпрессией. Праимпрессия соответствует временному теперь, настоящему моменту. За первыми праимпрессиями следуют дальнейшие. Согласно Э. Гуссерлю, в ряду праимпрессий образуется связь [163]. Ее можно было бы выразить обыденным языком в формулах «пока еще присутствует», «только что прошло, но еще существует в сознании». В этих формулах проявляется трудность языковой фиксации того, что «теперь-момент» только что прошел, но в этом «только что» теперь-момент присутствует и впредь. Для описания соразмерных сознанию данностей Э. Гуссерль использует формулу «удерживающее еще-сознание» (*zurckhaltendes Noch-Bewusstsein*). В словах «только что» и «как раз-таки уже не...» артикулируется такое сознание, которое он, в конце концов, фиксирует понятием «ретенция». То, что в сознании ретенционально осаждается, одновременно просматривается в ожидании момента,

тотчас же за данным теперь-моментом приходящего. Ретенциональное сознание делает возможной перспективу ожидания, которую Э. Гуссерль обозначает протенцией. Три эти момента в их взаимных связях Э. Гуссерль обозначает как «конкретное живое настоящее» (*konkrete Lebensgegenwart*), как «оригинальное временное поле» («*originres Zeifeld*»). Сознание постоянно соединяет теперь-момент с ретенциями и протенциями, из чего возникает временной ряд. Ретенция образует ретенциональную цепь, «континуальное друг-в-друга (*Ineinander*) ретенций». Ни восприятие, ни сознание вообще не могут быть редуцированы к одной фазе. Напротив, они находятся в постоянном изменении, в потоке сознания. Следовательно, необходимо исходить из того, что и первоначальное временное поле пребывает в постоянном изменении. Чтобы характеризовать его в отношении объекта восприятия, Э. Гуссерль говорит о «временном ореоле» (*Zeithof*), связанном с временным восприятием объекта [163]. Таким образом, порождение временного ряда и сознание, взятое в его процессуальности («поток») оказываются не просто взаимополагаемыми, но и взаимопорождающимися.

Аналогичную – основополагающую роль играет в его взглядах и другое базовое и столь же интегративное психологическое понятие – рефлексия. Это закономерно, поскольку она является единственно возможным методом феноменологического исследования сознания в целом. Рефлексивный метод является одновременно процедурой изучения сознания и свойством самого сознания [164]. Главное, согласно Э. Гуссерлю, состоит в том, что, необходимым условием возникновения самой рефлексии является именно временное протекание.

Иными словами, дескриптивное описание феноменологического поля сознания базируется на рефлексивной структуре сознания, которая неотъемлема от самого сознания. Феноменология это процедура схватывания и описание процесса схватывания одновременно. Феноменологическое сознание рефлексивно, и основанием этой рефлексии является именно временное протекание. В этом плане выделяет три уровня рефлексии, которые в дальнейшем Э. Гуссерль, так или иначе, дифференцирует в своих поздних работах (по [384]).

– Рефлексивность сознания как временного процесса осуществляется уже в самом акте удержания временного объекта, поскольку мы имеем дело с ретенциальным шлейфом восприятия.

– Рефлексивность сознания проявляется и в воспоминаниях. В каком-то смысле эта структура лучшим образом соответствует классическому определению рефлексии, основанному на этимологическом смысле слова *re-flexio* как «обращение назад».

– В структуре сознания, имеющей двойную интенциональность, работает та же схема рефлексивности, поскольку поперечная интенциональность (*Querintentionalität*) сознания конституирует временной объект и обеспечивает синхронизацию актов сознания и имманентного временного объекта. Продольная же интенциональность (*Langintentionalität*) является гарантом идентичности самого сознания в различные временные моменты.

Итак, живое настоящее оказывается центральным моментом для анализа сознания времени и, как следствие, основным принципом рефлексивности сознания. Это достаточно абстрактное определение еще раз подчеркивает временную природу феноменологического сознания и связь его с рефлексией. Рефлексивность – основное свойство феноменологического восприятия, атрибутивно связанное с временной проблематикой. Более того, именно благодаря ретенциональному ряду как базе темпоральности сознание в целом и его процессуальная основа – рефлексивность во многом и конституируются, что в известном смысле требует рассматривать время как их определяющую детерминанту или даже основу. Однако, с другой стороны, и само сознание также является детерминантой порождения времени, поскольку его рефлексивная структура как раз и является обобщенным механизмом порождения субъективного времени. Фактически речь идет о том, что эти понятия (сознания, рефлексии, субъективного времени) вообще невозможно разделить, поскольку они образуют основные атрибуты феноменальности как таковой, выступающей, в свою очередь, основой для всего внутреннего мира личности.

Здесь прослеживается, хотя пока и в зачаточной форме, связь с очень важной закономерностью, лежащей в основе порождения субъективного времени – с его возникновением. Это необходимость своего рода *расщепления* актуального, как минимум, на два фрагмента – на то, что и образует некоторую ось (временную). Напомним, что с аналогом этого мы уже встречались при анализе взглядов П. Жане – с понятием дискриминации, то есть, фактически, также расщепления. Без него никакого течения, никакого континуума про-

сто не может быть. Так и Э. Гуссерль дифференцирует два фрагмента, вводя понятия «только что» и «сейчас». К данному, повторяем, очень важному положению мы возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения. Показательно, что и у Ф. Brentano эта же мысль также представлена как дифференциация в восприятии мелодии «слушаемого» и «неслышаемого» в их взаимосвязи и синтезе [99].

Следует иметь в виду, что временная концепция Э. Гуссерля сформировалась под заметным влиянием именно взглядов Ф. Brentano, которые также показательны в плане связи философского понятия времени с психологической проблематикой [99]. Так, он, прибегая к излюбленному для исследователей времени примеру восприятия мелодии, указывает, что целостное восприятие всего процесса или процессов (прослушивание музыкального произведения) возможно только потому, что осуществляется процесс взаимодействия пространственно-временного континуума в целом с сознанием. Существуют восприятия без наличия положительного объекта, поскольку отсутствие слышания очевидно, не является положительным объектом. Он отмечает, что «Когда мы обладаем представлением паузы и представлением продолжительности паузы, нам являются звуки, которые ограничивала пауза, с их различными временными определенностями; ведь каждый звук, явившись в качестве настоящего, еще некоторое время представляется в качестве прошедшего – прошедшего в большей или меньшей степени» [99]. Он вводит такие понятия, как «реакция на тишину», на продолжительность во времени «отрезка, если можно, так сказать, самой тишины», или на факт ее наличия «особое восприятие неслышания», «процесс сращенности» психики человека со временем. Иными словами, организация психики в целом во многом лежит в основе конституирования субъективного времени. Отметим также, что в работах Ф. Brentano, по существу, впервые формулируется проблема, которая станет в дальнейшем предметом нашего специально рассмотрения – проблема «данности неданного», «восприятия не существующего» (актуального), сензитивности к тому, что отсутствует в стимуле непосредственно. Дело в том, что без попыток ее решения, фактически, очень трудно рассчитывать на сколько-нибудь полное объяснение феномена субъективного времени. Итак, можно видеть, что и в работах Ф. Brentano прослежи-

ваеется та же атрибутивная связь и взаимопроизводность философских воззрений по проблеме времени с собственно психологической проблематикой в целом и исследованиям механизмов перцепции, в частности [99].

Если взгляды Ф. Brentano предшествовали формулировке временных представлений Э. Гуссерля, то творчество М. Хайдеггера, напротив, базировалось на них, поскольку он был его учеником. В плане задач проводимого здесь анализа необходимо подчеркнуть, что и у него прослеживается та же линия – установление связей временных понятий с максимально обобщенными понятиями и категориями как философии, так и психологии, причем, эксплицированная в явной форме. Дело в том, что главное положение его воззрений состоит во взаимоотношении времени и бытия вообще, а не только тех или иных его модусов, аспектов, сторон. Причем, речь идет о бытии в целом – как о внешнем, объективном, так и о внутреннем, субъективном. Бытие и время – это также бытие «внутреннего» и времени, что вновь фиксирует атрибутивную взаимоотношаемость времени и всего «присутствующего» (термин М. Хайдеггера) в нем, в том числе и «бытия внутреннего». Можно видеть, что и в главном труде М. Хайдеггера («Бытие и время» [574]), и в его взглядах в целом категория времени была предельно максимизирована, поскольку она выступила как акт бытия, являющегося, в свою очередь, именно максимально обобщенным понятием всей философии. Подчеркнем, что речь идет не о бытии в его онтологическом и, тем более, материалистическом смысле, а о нем как о категории экзистенциализма. В ней оно, как известно, трактуется существенно более многопланово и включает сложнейшие взаимоотношения объективного и субъективного.

Очень показательна и наиболее общая логика развития всего подхода М. Хайдеггера к проблеме времени – последовательное сближение категории времени с предельно общей категорией бытия (что отражено и в названии его главного труда – «Бытие и время»). Вновь имеет место все та же направленность осмысления категории времени: это неразрывная сопряженность двух детерминационных отношений. С одной стороны, время выступает как «сращенное» с бытием, как производное от него и неотделимое – порожденное им. С другой стороны, оно же выступает и его условием, «рамкой» и формой – условием для него; благодаря ему, субстанция не просто

«есть» – конституирует свое бытие, но и бытийствует – сохраняет это бытие, а потому и существует как онтологически представленная [574]. Очень показательно также, что все это вполне транспонируемо и на «иную онтологию» – онтологию самого психического. Она, равно как и онтология материального – объективного, также требует временной основы. В свою очередь, она выступает непреложным условием для его существования. Собственно говоря, именно это и отражено в рассмотренных выше подходах и, в особенности, в подходе феноменологического направления, с позиций которого психическое (то есть сама онтология субъективной реальности) существует только постольку, поскольку она рефлексивируется сознанием, имеющим, в свою очередь, атрибутивно временную природу.

Столь же общей является трактовка времени у другого выдающегося представителя экзистенциализма – Ж.-П. Сартра [488, 489]. Он рассматривает время как структуру «бытия–для-себя», то есть, по сути, оперирует понятием психологического времени. Человеческая реальность («бытие–для-себя») непрерывно меняется, что дает возможность знать свое прошлое, видеть свое настоящее, полагать свое будущее. Это обуславливает единую длительность, целостность человеческой жизни, а отсюда и непрерывность времени. Из трех моментов время превращается в единство. Экзистенциальное исследование прошлого, настоящего и будущего показывает, что «для-себя» (настоящее) может существовать не иначе, как в форме времени. Появляясь в бытии как ничтожение «в-себе» (прошрое), настоящее конституируется одновременно во всех возможных измерениях ничтожения, оно является бытием, которое удерживается в себе самом только посредством течения, или, более точно – это бытие, которое, являясь, делает существующими все возможные измерения своего ничтожения (néantisation). Следовательно, временность нельзя определить как универсальное время, содержащее все существующие вещи, в частности, человеческую реальность. Она не является законом развития, но определяет единство внутренней структуры бытия. «Истинный смысл настоящего и, тем более, прошлого человека можно понять только с точки зрения будущего. Человек – это всегда выбор. Стояние перед лицом будущего и то, что человек – это всегда возможность, прежде всего, осуществляются в том, что человек всегда ощущает себя перед лицом выбора» [488].

По мнению другого выдающегося философа – А. Бергсона, прошлое не предопределяет настоящее, ибо человек самопроизвольно меняется в настоящем и потому свободен. Человеческий опыт он считал применимым ко всему живому [66]. Материалистическая схема приложима ко всему, что имеет протяжение в пространстве, однако имеется и другой важный аспект реальности – длительность. Задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. А. Бергсон писал: «Интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания, вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, и таким образом одновременностей, о которых нельзя даже сказать, что они следуют друг за другом объективно» [67]. Причем он различал «физическое время», которое имеет пространственное выражение, и длительность – «время сознания». Последнее содержит в себе развитие. События, которые создают его, неповторимы и потому время, понимаемое как единство прошлого, настоящего и будущего, попросту исчезает: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее есть неуловимое мгновение, которое поймать невозможно [68, 69]. Это переживание времени А. Бергсон назвал длительностью. Проживаемое время, которое автор именовал термином *durée*» (длительность), могло быть воспринято только интуитивно, причём его воздействие слишком трудноуловимо и объёмно, чтобы измерить его с помощью аналитических методов позитивизма. Длительность есть тот самый материал действительности, который находится в вечном становлении, никогда не являясь чем-то законченным. Концепция А. Бергсона, возрождавшая очень давние философские традиции трактовки времени (к примеру, представления о времени Августина), стала стимулом и для разработки этой проблемы другими философскими течениями, в том числе, феноменологией Э. Гуссерля, фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, католическим модернизмом. «Длительность, которая не является сменяющимися друг друга моментами, есть взаимопроникновение состояний сознания; они непротяженны и поэтому не могут быть расположены рядом друг с другом; они различаются не количественно, а качественно и потому не поддаются измерению и исчислению как материальные объекты» [67]. Длительность, а стало быть, жизнь имеет, по А. Бергсону не пространственный, а временной характер. Это «качественное»,

«живое» время радикально отличается от того понятия механическо-физического времени, которое, по мнению автора, возникает в результате разложения интеллектом длительности.

Итак, выше были рассмотрены некоторые основные и наиболее репрезентативные собственно философские концепции времени, равно как и взгляды относительно данной проблемы, сформулированные в русле более широких теоретико-философских представлений (экзистенциализма, феноменологизма). И хотя, разумеется, существующее философское наследие отнюдь не исчерпывается только рассмотренными подходами и концепциями, они все же позволяют с достаточно высокой степенью очевидности эксплицировать ряд положений, имеющих непосредственное и наиболее принципиальное значение для собственно психологической разработки проблемы времени в целом и субъективного времени, в частности. Так, с высокой степенью рельефности выявляется то, что логика развития данной проблемы в русле философского познания последовательно и неуклонно приводит к необходимости обращения и к психологическим понятиям в целом, и к наиболее *общим* и фундаментальным из них, фиксирующие наиболее *интегративные* проявления и структуры, процессы и феномены психического. Очень показательными в данном отношении являются уже первые из сформулированных в этом плане представлений – концепция времени И. Канта. Ее основной смысл, равно как и вся гносеологию этого философа, базируется на понятии априорных категорий, которые, в свою очередь, предписывают необходимость решения следующего фундаментального вопроса. Тем самым, и общий подход И. Канта к разработке теории познания, и его взгляды относительно времени как одной из категорий объективно ставят целый ряд проблем как эпистемологического, так и психологического плана. Проблема времени, поставленная как философская, «движется» в направлении вначале эпистемологизации, а затем – и психологизации. В этом, собственно говоря, заключается и логика развития ряда иных важнейших категорий и положений (например, категории качества).

Далее, это движение имеет и другой – вполне определенный вектор. Оно состоит во включении в сферу рассмотрения именно наиболее *общих* и фундаментальных психологических понятий – таких, как сознание, рефлексия, идеальное, внутренний мир и др.

Причем, это те понятия, которые фиксируют в себе именно наиболее интегративные «измерения» психического, его как целостность в полноте состава и содержания, структуры и функций. Характерно и то, что сама суть формулируемых при этом проблем также требует обращения к данным собственно психологического плана. Так, очень показательна в этом отношении уже главная их них и состоящая в следующем. Является ли время вообще некоторой действительно представленной сущностью – существует ли оно как реальность, или же носит сугубо формируемой психикой характер – выступает некоторой «идеей времени» и не существует вне и независимо от субъекта? Отражается ли оно им или порождается им? Объективно ли оно, существуя как первичная данность, или же оно субъективно, выступая определенной априорной схемой, вносящейся субъектом в реальность и упорядочивающей ее? Понятно, что все эти вопросы носят столь же гносеологический характер, сколько и имеют собственно психологическое содержание, поскольку они нерешаемы без раскрытия закономерностей структуры и организации психики в целом и ее когнитивных процессов, в частности.

Наряду с этим все вопросы такого рода приводят и к формулировке еще более общих проблем как философского, так и психологического характера. И главная из них состоит в том, какова вообще роль времени в конституировании психического и даже существует ли она как таковая? Действительно, с одной стороны, только благодаря «существованию во времени» – на основе временной координаты сознание, равно как и репрезентированность в нем психики, становятся возможными – обретают, пусть и субъективную, но именно реальность, свое бытие. Данное положение отражено уже в самом термине – рефлексия, поскольку в его этимологии уже отражена идея времени: рефлексия – это, в том числе, *ре-флексия*, то есть нечто предполагающее ретроспекцию и, следовательно, обращенность в прошлое. Поэтому время выступает как то, что конституирует сознание, а через него и внутренний мир личности. Вместе с тем, только благодаря ему самому, время как таковое и порождается, становится также – хотя и субъективной, но все же реальностью. Налицо взаимопорождающие отношения между психическим в целом и сознанием, между рефлексией, идеальным, в частности, с одной стороны, и временем, с другой. Более того, в этом плане оно выступает как необходимое

промежуточное звено между материальным (психикой в ее субстанциональном проявлении) и идеальным. Последнее генерируется на основе первого посредством его временной организации – «во времени» и на основе временной развертки. Сознание и психика в целом обретают онтологический статус только «во времени» и благодаря ему. Оно же само становится также реальностью лишь будучи репрезентированное сознанием, обретая статус идеального – идеи времени. Тем самым, фактически, время входит как необходимое звено в решение *основного* вопроса философии; оно лежит по ту сторону оппозиции материального и идеального, выступая «третьей сущностью», которая опосредствует их взаимопроявляющие интенции и потенции.

Столь же велика и психологична роль времени в несколько ином и также важнейшем аспекте – собственно личностном. Дело в том, что именно *в* нем – *через* него, но уже как биографическое, личность в целом и ее основные атрибуты, в частности, складываются и формируются, обретая содержание и «самость», а личность в целом становится тем, чем она может быть – происходит процесс ее не только развития, но и самоактуализации. Наиболее полно это представлено в экзистенциалистских концепциях времени. Тем самым отмеченный выше фундаментальный вопрос обретает новое звучание: либо личность – продукт времени, либо оно само, но как биографическое – продукт личности, то есть нечто, конструируемое ей.

Далее, очень важно и то, что посредством понятия времени в целом и субъективного времени, в частности, реализуется обращенность философского познания именно к наиболее интегративным «измерениям» психического – сознанию, рефлексии, идеального и пр. В конечном счете, это обусловлено тем, что именно оно, точнее – *через* него и *в* нем наиболее явно и полно реализуются собственно интегративные функции и закономерности психики: оно в каждый момент его протекания репрезентирует и включает в себя не какой-либо аспект психического, а его всего – во всей полноте содержания и организации. Оно тем самым выступает как «верховный интегратор», посредством которого оно репрезентировано как абсолютное целое, как полносвязная система и пр. Разумеется, во всем этом есть немалая доля схематизации и даже метафоричности, поскольку интегративные функции реализует не само время, а все то, что представлено – развертывается в нем. Тем не менее, *синхрония*

как атрибут времени является объективным условием для любых средств синтетического типа и, следовательно, для механизмов интеграции. Диахрония же как еще один временной атрибут является основой для темпоральности организации как объективной базы для процессуальной развертывания всей системы закономерностей организации психики.

Все отмеченные – очень явные и демонстративные особенности проблемы времени, характерные для ее философской разработки, свидетельствуют, по нашему мнению, и о некоторых иных – более имплицитных, но не менее значимых ее особенностях весьма общего плана. Первая из них как раз и состоит в том, что логика ее разработки в качестве философской приводит к необходимости включения в сферу исследования наиболее общих, максимально интегративных психологических понятий и, соответственно, той реальности, которая в них зафиксирована – сознания, рефлексии, внутреннего мира, онтологии психического, субъекта. Однако именно это означает, что столь же необходимым является и реализация в исследовательских целях такой методологии, которая была бы релевантна им – их максимально интегративному характеру, фиксации в них наиболее обобщенных и целостных «измерений» психического. Понятно, что в ее качестве, прежде всего, должна быть рассмотрена и реализована методологии системности, системный подход в целом. Кроме того, если просто не нарушать логику развертывания психологического познания практически во всех иных его сферах, а следовать ей, то и развертывание проблемы субъектного времени, как показано в предыдущем параграфе, также предполагает необходимость обращения к этому подходу.

Иными словами, все констатированные выше особенности проблемы времени как философской диктуют ту же необходимость, которая была констатирована в результате ее анализа как собственно психологической – необходимость ее разработки на основе системной методологии. Вместе с тем, при рассмотрении того, насколько эта необходимость оказалась реализованной и к каким конкретным результатам она привела в действительности, возникает ряд вопросов, требующих методологической рефлексии. Их сущность состоит в том, что и по отношению к этим понятиям (сознания, рефлексии, внутреннего мира), равно как по отношению ко многим иным теоретическим проблемам психологии, в последнее время наметился

ощутимый спад – как в количественном плане, так и в плане глубины проводимых исследований. В итоге порождается определенный скепсис в отношении эвристических возможностей данного подхода. Другими словами, возникает тот же вопрос, к которому привела и логика развития данной проблемы в собственно психологическом плане. С одной стороны, проблема времени как философская на определенном этапе ее развития приводит к необходимости обращения к собственно системной методологии. Однако, с другой стороны, последняя по отношению к ней отнюдь не всегда оказывается конструктивной, не приводит к «прорывным» результатам и становится все менее распространенной. С другой стороны, это входит во все более явное противоречие с атрибутивной природой самого предмета познания – с временем, а также с его максимально интегративным характером и его сопряженностью со столь же обобщенными структурами психического, зафиксированными в фундаментальных психологических понятиях. У данной ситуации существуют два способа объяснения. Либо системный подход, действительно, не является конструктивным средством ее разработки и не может рассматриваться как магистральное направление ее развития, то есть он как таковой исчерпал свои возможности. Либо же исчерпал себя не он сам, а те его версии, которые доминируют до сих пор и которые являются нередко упрощенными и недостаточно учитывающими многие современные данные, содержащиеся как в теории систем, так и целом ряде конкретных наук – в том числе, в психологии. Иными словами, исчерпал себя не он, а упрощенные представления о нем. Следовательно, возникает необходимость в его собственном развитии, в формулировке таких вариантов, которые бы преодолевали ограничения его канонических версий. Очень показательно, что именно к этому выводу привело проведенное выше рассмотрение проблемы времени и в собственно психологическом аспекте.

Наряду с этим, показательно и то, что аналогичная необходимость развития системной методологии уже была не только эксплицирована, но и реализована по отношению к некоторым из отмеченных выше образований. Так, она была реализована по отношению к исследованию проблемы *сознания* в специальном цикле работ [248, 256, 257]. Его основным итогом явилось то, что наиболее конструктивным методологическим средством разработки проблемы сознания

является реализации не классических вариантов системного подхода, а одного из его постнеклассических вариантов – метасистемного подхода, характеристика которого также представлена в указанных работах. Аналогичным образом, эта необходимость была реализована и по отношению к еще одной фундаментальной проблеме – проблеме *деятельности* в целом и ее структурно-уровневой организации, в частности [251, 257]. Иными словами, по отношению к проблеме субъективного времени формулируется та же задача, необходимость постановки и реализации которой констатирована по отношению к разработке многих иных проблем. Она состоит в необходимости качественной трансформации самой методологии системности, ее совершенствования и приведения к виду, более релевантному реальной сложности многих важнейших предметов психологического познания. По-видимому, эта же логика должна быть реализована и по отношению к проблеме субъективного времени.

Вторая и, пожалуй, еще более значимая, хотя и более имплицитная особенность данной проблемы, выявляющаяся на основе рассмотрения логики ее развития как философской, состоит в следующем. Как можно было видеть из результатов проведенного анализа, эта логика приводит к необходимости обращения к таким понятиям, которые носят не только максимально обобщенный характер, но и которые характеризуются определяющей общей чертой. Все они, так или иначе, в том или ином виде, аспекте и форме сопряжены с тем, что в них фиксируется то, каким образом и в каких модусах психическое дано ему же самому – как оно саморепрезентируется и на основе чего и «в чем» оно обретает статус нескорой реальности. И рефлексия как процессуальное средство, и сознание как ее результативный эффект, и идеальное как базовый модус и того и другого, и внутренний мир как метафора самоданности всех их в целостности и единстве и пр. – все это средства фиксации определенной реальности – бытия психического. В них фиксируется именно это бытие в его качественной определенности – как нечто феноменологически данное, обретенное самостью посредством рефлексивных механизмов и эксплицированное как содержание сознания. Иными словами, это – именно то, что и составляет по отношению к психическому его «бытие-для-себя», его подлинную онтологию – его, хотя и субъективную, но именно реальность, взятую в ее качественной определенности. Само же по-

нятие субъективной реальности как этой онтологии лучше и полнее всего отражает всю совокупность тех понятий, к которым приводит развитие проблемы времени как философской – прежде всего, сознания и рефлексии. Действительно, при максимально обобщенном взгляде на содержание и характер тех понятий, к которым приводит логика развития проблемы субъективного времени, можно видеть, что этими понятиями выступают, фактически, те или иные экспликации и модусы некоторой *базовой* сущности, лежавшей в их основе и проявляющейся в них. Этой сущностью и является, собственно говоря, психика в целом, но взятая не в тех или иных ее гносеологических идеализациях и теоретических концептуализациях, а в ее онтологическом статусе – в том, что она представляет собой именно как, хотя и субъективная, но все же именно реальность.

В свою очередь, эта реальность может конституироваться лишь будучи презентированной субъекту, то есть как данная ему, а иначе говоря, – как базирующаяся на фундаментальном и все еще сохраняющим свою загадочность свойстве самосензитивности психики – чувствительности к самой себе. Собственно говоря, именно она – субъективная реальность и составляет истинный предмет психологии – предмет не того, что обозначается в последнее время как «психология психологов» (то есть не те или иные гносеологические экспликации психики, даваемые исследователями), а предмет «психологии человека». Для обозначения этой базовой – корневой, сущностной основы, то есть для терминологической фиксации субъективной реальности сложилось, как известно, достаточно большое количество понятий. Это, в частности, понятия внутреннего мира, чувственной ткани сознания, онтологии психического, души, мира внутренней жизни, картины мира, образа мира, содержания сознания и др. [6, 20, 107, 124, 215, 289, 293, 297, 366, 372, 413, 451, 503, 509, 540, 566, 603, 604, 644, 694]. При всем очень высоком уровне обобщенности этих понятий, а также при наличии многих важнейших особенностей и качеств у обозначаемых ими сущностей, они обладают двумя общими – базовыми и во многом определяющими атрибутами. Во-первых, это атрибут их непосредственной *данности* субъекту, причем, такой, которая не только не требует никаких дополнительных, так сказать, вспомогательных средств для того, чтобы стать «реальностью-для-субъекта», но и такой, которая, собственно

говоря, сама и является этой реальностью. Во-вторых, и в значительной мере – в связи с первым атрибутом, эта реальность не просто и не только дана субъекту, но она и столь же непосредственно ощущается им – *чувствуется* им. Иначе говоря, она обладает еще и непосредственной чувственной данностью, причем не просто обладает, но и во многом также является ей. Другими словами, она как раз и является тем, что обеспечивается фундаментальным свойством психики в целом – свойством ее сензитивности к самой себе, то есть самосензитивности. Фактически, эти два атрибута, наряду, естественно, с иными свойствами, как раз и обеспечивают то, что именно субъективная реальность во многом выступает не только основой Я, но и самим Я. Они конституируют то, в чем личности репрезентируется она сама и ее внутренний мир; более того, – что ее порождает, то есть чем она фактически и является. Перефразируя известное выражение М. Монтеня, можно сказать, что субъективная реальность – это «и есть мы сами»¹³. В связи со всем этим, собственно говоря, и эксплицируется важнейшая – по существу, фундаментальная значимость исследования субъективной реальности, а также раскрытия и объяснения тех закономерностей и механизмов, которые лежат как в ее основе. Они обеспечивают ее определяющую роль и во всех иных – также важнейших, но все же производных модусах общего предмета психологических исследований.

Другими словами, речь идет и о том, чтобы попытаться выявить и проинтерпретировать базовые атрибуты (и детерминанты, их конституирующие) этой реальности, то есть о том, чтобы эксплицировать ее в присущей ей качественной определенности. Именно она – эта определенность и, соответственно, образующие ее базовые типы качеств и должны поэтому стать предметом специального и по возможности детализированного анализа. В связи со всем этим эксплицируется важнейшая – по существу, фундаментальная значимость исследования этой реальности. Фактически, речь идет и о том, чтобы попытаться выявить и проинтерпретировать базовые атрибу-

¹³ Хотя в оригинале эта мысль М. Монтеня формулируется несколько иначе («Мышление – это и есть мы сами» [386]), принципиальный смысл данного выражения не меняется, поскольку, как известно, сам термин мышления использовался им в очень обобщенном, широком плане – фактически, как эквивалент сознания и даже содержания психического.

ты (и конституирующие их детерминанты) этой реальности, то есть о том, чтобы эксплицировать ее в присущей ей *качественной определенности*. Именно она – эта определенность и, соответственно, образующие ее базовые типы качеств должны быть поэтому предметом специального углубленного рассмотрения.

Значимость этого связана еще и с тем, что в русле самого традиционного системного подхода парадоксальным образом пока наименее развитым остается именно тот его аспект, который выступает объективно наиболее важным для раскрытия того основного, что есть в предмете – его качественной определенности. Как известно, он рассматривается в этой методологии как завершающий этапа общего алгоритма системного исследования и обозначаемый понятием интегративного этапа. При его реализации, однако, главным и, фактически, единственным предметом изучения выступает лишь один из типов качеств – *системные* качества, интегративные свойства предмета. Другие же их типы – в особенности те новые, которые установлены в метасистемном подходе – виртуальные и метасистемные качества, практически не включаются в сферу изучения. Разумеется, эта ситуация должна быть преодолена, что вновь выводит на первый план необходимость обращения к категории *качества*. Причем, она должна быть взята не только в одном из его типов, а во всей их реальной, онтологически представленной комплексности и многомерности, а за счет этого существенно расширены интерпретационные возможности и гносеологический потенциал категории качества в целом.

Иначе говоря, логика ее развития приводит к необходимости первоочередного рассмотрения природы и сущности, структуры и содержания именно субъективной реальности как подлинной онтологии психического. Причем, она очень специфична именно как онтология: как таковая – как нечто объективированное она может существовать, только будучи максимально субъективированной. Она обретает онтологический статус и эксплицируется объективно только за счет ее субъективизации. Несколько упрощая, можно сказать, что она объективна (онтологична) только постольку, поскольку она субъективна.

Разумеется, необходимость в такой логике дальнейшего развития проблемы субъективного времени еще более усложняет ее, хотя, повторяем, и является подготовленной всем предшествующим ее развитием. Вместе с тем, характерно и то, что именно при такой

ее постановке обнаруживаются и некоторые – существенные средства, способствующие ее разработке. Причем, очень показательны и то, где именно они содержатся и что именно выступает в их качестве. Действительно, все базовые понятия, к необходимости включения которых в разработку проблемы времени привела логика ее развития, характеризуются важнейшей атрибутивной чертой. В них отражено базовое и наиболее фундаментальное, а одновременно и наиболее специфическое свойство психического – свойство самосензитивности, самоданности. Это свойство, благодаря которому она обретает способность к саморепрезентации, к отображению ей своего же собственного содержания. И рефлексия, и сознание, и внутренний мир, и субъективная реальность – это всегда «удвоенная реальность», то есть и определенное содержание, и некоторое новое содержание, в которое оно же, но как исходное включено как его компонент. Однако, известно и то, что все это – «удвоение», саморепрезентация, отображение и пр. может быть реализовано только в том случае, если в них представлены достаточные для осуществления этого операционные средства. Это средства, имеющие познавательную направленность, но не внешнюю, а внутреннюю. Иными словами, это то, что реализует не познание, а самопознание.

Вместе с тем, столь несложное, но важное следствие предписывает постановку достаточно «наивного» вопроса: что именно выступает основным из такого рода средств? Что именно является, так сказать, базовым инструментом такого самопознания – причем, средством максимально обобщенным – настолько, что оно имеет не только психологическое содержание, но и философский смысл. Несмотря на, казалось бы, абстрактность постановки этого вопроса, он, в действительности, имеет вполне конкретный характер и даже определенный, известный в гносеологии вариант решения. В самом деле, как известно из гносеологии, основным средством познания выступает *категория качества*. Это – базовое гносеологическое понятие, имея давнюю историю, фактически, совпадающую по времени с историей развития познания в целом, характеризуется и максимально высоким уровнем обобщенности, а соответственно, сложности и комплексности [28, 37, 50, 94, 258, 298, 560, 637]. Именно этим, то есть высочайшей степенью сложности данной категории – степенью, истинные масштабы которой поняты и осознаны пока еще не в полной степени, объясняется, на наш

взгляд, та ситуация, которая сложилась относительно нее в настоящее время. Она характеризуется тем, что до сих пор данная категория – и на уровне философского, и на уровне конкретно-научного (в том числе, и психологического) познания остается все еще явно недостаточно раскрытой и реализованной. Более того, складывается такое ощущение, что степень сложности категории качества как понятийного средства познания все еще намного превышает возможности самого познания, реализуемого в отношении нее. В итоге всего этого эксплицируется обстоятельство наиболее принципиального плана, которое в свое время удачно сформулировал В. П. Кузьмин, и которое было предметом нашего комплексного анализа в [258]. Оно состоит в том, что категория качества остается до сих пор «едва ли не самой бедной в содержательном отношении» [311].

Итак, тем самым на первый план – причем, вполне закономерным и естественным образом выходит общая гносеологическая категория качества. Она, как известно, играет не просто важнейшую, но, по существу, определяющую роль и в гносеологии в целом, и в конкретно-научном познании, в том числе – и в психологическом. Подчеркнем еще раз, что она вообще рассматривается как основная «единица познания». Это совершенно оправданно, поскольку, как гласят общепhilософские определения качества, оно является тем, «благодаря чему нечто становится тем, чем оно является»; качество – «тождественная со своим бытием сущность» [139]. Все это как раз и указывает на нерасторжимую связь и взаимополагаемость исследования субъективной реальности как подлинной онтологии психического и категории качества как главного гносеологического средства. Раскрытие субъективной реальности в ее подлинном и «корневом» – онтологическом статусе, фактически, равнозначно выявлению ее качественной определенности, а она, в свою очередь, может быть установлена лишь на основе базовой категории качества. Тем самым, со всей очевидностью эксплицируется важнейшая, определяющая роль категории качества как базой для раскрытия механизмов конституирования субъективной реальности, а также ее экспликации как такой самому ее носителю – субъекту.

Все это обязывает учитывать также явную и очень глубинную – фактически, сущностную взаимосвязь онтологического плана исследования, равно как и самого понятия онтологии, с базовой общенаучной категорией качества. Раскрытие онтологических оснований

любого предмета как своего рода терминальные аспекты изучения, направлены на выявление его, так сказать, «основы основ» – тех объективно представленных и определяющих его характеристик, которые эксплицируют его сущностные черты. Известно, однако, что именно категория качества и является средством, фиксирующим черты именно такого рода – сущностные характеристики, составляющие качественную определенность любого предмета исследования. Именно она это и есть та сущность, раскрытие которой, собственно говоря, и является главной целью исследования любого фрагмента объективной реальности (и субъективной тоже). Как уже отмечалось, качество это и есть «тождественная со своим бытием определенность». К сожалению, до сих пор глубинная и, по существу, атрибутивная взаимосвязь и даже взаимопологаемость онтологического плана исследования и категории качества осознается, а тем более – реализуется в исследовательской практике явно недостаточно. Если в философском отношении эта связь в общем плане все же зафиксирована как определенный методологический императив, то по отношению к психологическим исследованиям дело обстоит совершенно иначе. Постановка и разработка проблемы онтологии психического до настоящего времени вообще пока, фактически, не сопряжена ни с категорией качества, ни с методологией качественного анализа. Онтологический план исследования как таковой обходит стороной данную категорию. Представленные в психологических исследованиях попытки его реализации по отношению к тем или иным проблемам осуществляются вне должной связи с этой категорией. Данная ситуация является, конечно, не вполне естественной и даже труднообъяснимой с гносеологической точки зрения; она, разумеется, должна быть каким-либо образом преодолена. Для этого в содержание онтологического плана исследования и должна быть обязательно включена категория качества. Более того, она должна выступить одним из базовых средств реализации онтологического плана психологических исследований.

Другими словами, онтологический план как один из важнейших должен быть синтезирован с соответствующей его рангу (то есть значимости и степени обобщенности) методологией – с методологией *качественного анализа*. Причем, она должна быть реализована в том варианте, который наиболее полно соответствует современным представлениям в этой области. Данный вариант был обозначен нами как

интегративно-поликачественный и подробно обоснован в ряде предшествующих работ [256, 258–260]. Напомним, что он базируется на двух основных положениях методологического плана. Во-первых, на том, что качественная определенность любого предмета исследования решающим образом детерминируется его наиболее обобщенными, то есть интегративными характеристиками и, соответственно, аналогичными по природе феноменами и эффектами, механизмами и закономерностями – интегративными, синергетическими. Во-вторых, – на том, что обязательным условием раскрытия качественной определенности является опора не только на выявление традиционно используемых в этих целях качеств – системных, а на все их реально существующие типы, взятые в их взаимосвязи. Раскрытие качественной картины психического, то есть того, что и составляет его качественную определенность, невозможно без обращения к тому, в чем эта определенность и состоит – к его базовым качествам.

Итак, можно констатировать, действительно, основополагающую и пока слабо реализованную в плане ее использования по отношению к экспликации субъективной реальности роль категории качества. В свою очередь, это требует определения тех методологических средств, на основе которого эта роль может быть адекватно раскрыта и объяснена. И именно при такой постановке проблемы выявляется наиболее принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что в ее роли не только может, но и должна выступить не какая-либо новая методология – тем более, специально сконструированная в этих целях и потому не вполне органичная и втекающая их естественной логики развития данной проблемы. Ей, по нашему мнению, должна быть такая методология, которая не только уже существует, но со всей очевидностью уже была эксплицирована по отношению к иным общепсихологическим проблемам – методология *качественного анализа*, но с условием ее развития и модификации. Действительно, как хорошо известно – правда, лишь в общем плане, сам системный подход является частным случаем еще более общей методологии качественного анализа. Она, в свою очередь, не только и не просто базируется на категории качества, но и фактически является формой и обобщенным способом реализации того гносеологического потенциала, который заложен в ней. Следовательно, и в этом плане со всей очевидностью и остротой вновь эксплицируется настоятельная необ-

ходимость обращения к категории качества в целом и к ее реализации по отношению к психологической проблематике, в частности.

Все сказанное вновь выдвигает на первый план – причем, вполне закономерным и естественным образом общегносеологическую категорию качества. Она, как отмечалось, играет не просто важнейшую, но, по существу, определяющую роль и в гносеологии в целом, и по отношению к уровню конкретно-научного познания, в том числе, психологического. Известно и то, что она вообще рассматривается как основная «единица» познания, что совершенно оправданно, поскольку качества, это то, «благодаря чему нечто является тем, что оно есть» [138]. Все это как раз и указывает на нерасторжимую связь и, более того, взаимопологаемость исследования субъективной реальности как подлинной онтологии психического и категории качества. Раскрыть субъективную реальность в ее подлинном и «корневом», то есть онтологическом статусе означает выявить ее качественную определенность. Однако она, в свою очередь, может быть установлена лишь на основе базовой категории качества. Таким образом, можно видеть, что три важнейшие категории – субъективной реальности, качества и системности, фактически, синтезируются воедино. Они стягиваются в один проблемный «узел», а тем самым, получают потенциальную возможность выступать и как объяснительные средства по отношению друг к другу.

Следовательно, важнейшим направлением совершенствования и углубления самого системного подхода должно выступить первоочередное изучение категории качества, равно как и их основных разновидностей, а также выявления его эвристического потенциала по отношению к раскрытию структуры и сущности субъективной реальности. Именно это, следовательно, также должно составить одна из основных направлений развития психологии субъективного времени и, следовательно, выступить в качестве таковой и в данном исследовании, что и будет реализовано в главе 6.

1.3. Заключительные замечания

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие основные заключения обобщающего плана. Одной из основных особенностей проблемы субъективного времени, проявляющейся как в плане истории ее становления и развития, так

и в плане общей логики ее разработки, является постепенное складывание предпосылок – необходимых условий, которые не только позволяют, но и требуют преобразования общего подхода к ее разработке – аналитического в системный. Это равнозначно и необходимости трансформации общей парадигмы исследований в данной области – предметоцентрической в системоцентрическую. Причем, все эти предпосылки и иные – многочисленные факторы, обуславливающие необходимость в такой трансформации, складываются не только в русле собственно психологических исследований, но и в рамках философского знания, а также в ряде иных конкретно-научных дисциплин. Вместе с тем, эта трансформация сталкивается с целым рядом трудностей и препятствий, не реализуется, так сказать, гладко и безболезненно и не приводит пока к сколько-нибудь ощутимым результатам. Системный подход отнюдь не занимает пока доминирующего положения в общей методологии разработки данного направления, хотя необходимость именно в нем обусловлена ее основными особенностями, равно как и атрибутивными чертами самого предмета исследования – субъективного времени.

В свою очередь, главной причиной такой ситуации выступает все не соответствие этого подхода данной проблеме и ее предмету; напротив, они в целом весьма конгруэнтны друг другу. Этой причиной является то, что сложившееся к настоящему времени варианты самого системного подхода – его классические версии обладают целым рядом ограничений, своего рода «несовершенств», которые не позволяют ему выступать эффективной методологической основой ее разработки. Он в целом не может и не должен рассматриваться как полностью сформировавшийся и окончательно развившийся, как достигший высшей стадии этого развития. Напротив, он не только допускает, но и требует его дальнейшего совершенствования и приведения к виду, который обладал бы большими эвристическими возможностями, нежели эти канонические варианты. Показательно и то, что главные направления такого развития и его базовые детерминанты сопряжены с его же собственным содержанием; они носят внутренний – аутохтонный характер и являются поэтому фундаментальными и определяющими. Все они дифференцируются на два типа и, соответственно, обуславливают два основных «вектора» его совершенствования. Первый ориентирован, так сказать, «вверх», то есть в направлении того, какие новые

и не менее фундаментальные, нежели традиционные для системной методологии закономерности, конституируются во взаимодействии тех или иных систем с более широкими и общими по отношению к ним целостностями – метасистемами. Иными словами, он требует преобразования общего подхода, сложившегося в рамках методологии системности и обозначаемым как системно-компонентный, в иной подход, с позиций которого главным предметом изучения должны выступить не соотношения компонентов целого и самого целого, а существенно более сложные соотношения систем и метасистем. Дело в том, что во втором случае возникают многочисленные и очень значимые – принципиально новые закономерности такого взаимодействия, которые не эксплицируются с позиций системно-компонентного подхода. Системоцентрическая парадигма должна быть трансформирована в метасистемоцентрическую. Фактически, это означает, что классический системный подход может и должен подвергнуться своего рода «вершинному» развитию и трансформироваться в его новые – постнеклассические варианты. Поэтому, используя метафору Л. С. Выготского, можно сказать, что сам метасистемный подход может и должен трактоваться как своего рода «вершинное» развитие традиционных вариантов системного подхода. В результате такого развития в русле разработанного нами метасистемного подхода, действительно, оказалось возможным выявить и проинтерпретировать целый ряд новых и достаточно существенных закономерностей системного типа, позволяющих более глубоко понять некоторые достаточно значимые закономерности организации структурных «составляющих» психики и ее организации в целом.

Второй вектор ориентирован уже не «вверх», а «вглубь», поскольку, как показал проведенный анализ, системный подход должен подвергнуться не только *вершинному*, но и *глубинному* развитию. По мере его развития все более полно и многогранно вырисовывается фундаментальная роль в системной (и метасистемной) организации психики и ее основных структурных «составляющих» базовой гносеологической категории *качества*. Действительно, какие бы проблемы не рассматривались и какие бы предметы не исследовались посредством этой методологии, практически всегда как главный и определяющий встает вопрос об их сущности – об их содержании и организации. Фактически, это и есть вопрос об их качественной определенности, о выявлении и объяснении тех основных качеств,

которые ее и составляют. Вместе с тем, суть дела заключается еще и в том, что именно в русле этого же, то есть метасистемного подхода оказалось возможным дополнить традиционные представления о самих качествах – так называемую «триаду» их основных типов (материальных, функциональных, системных). Конкретно это означает, что были дифференцированы новые их типы – виртуальные и метасистемные качества, а за счет этого существенно расширены интерпретационные возможности и гносеологический потенциал категории качества в целом. Тем самым, развитие принципа системности в направлении его трансформации в принцип метасистемности с необходимостью предполагает и фокусировку на изучении того, что составляет основу – онтологическую базу содержания и организации любого предмета познания – его качественной определенности в целом и выявлении роли отдельных категорий качеств, в особенности.

Другими словами, это необходимость обращения к наиболее глубинным и определяющим аспектам такой организации, то есть к тому, что лежит в основе, так сказать, «в глубине» такой организации. В силу этого, а также по многим иным причинам, метасистемный подход и должен быть подвергнут, так сказать симметричному развитию не только «вверх», но и «вниз», точнее, вглубь. Лишь при этом условии он может обрести свойства концептуальной полноты и методологической завершенности, а это, в свою очередь, вновь объективно требует первостепенного внимания к категории качества. Значимость этого связана еще и с тем, что в русле самого традиционного системного подхода парадоксальным образом пока наименее развитым остается именно этот его аспект – аспект, который имеет объективно наибольшую значимость для раскрытия того основного, что есть в предмете – его качественной определенности. Как отмечалось, данный аспект рассматривается в этой методологии как завершающий этапа общего алгоритма системного исследования, обозначаемый понятием интегративного этапа. При его реализации, однако, главным и, к сожалению, единственным предметом изучения выступает только один из типов качеств – системные качества, интегративные свойства предмета. Другие же их типы, в особенности те новые, которые установлены в метасистемном подходе, практически не включаются в сферу изучения. Разумеется, эта ситуация должна быть преодолена, что вновь выводит на первый план необ-

ходимость обращения к категории качества, взятой не только в одном из его типов, а во всей их реальной, онтологически представленной комплексности и многомерности. Дело в том, что какие бы предметы ни изучались посредством этой методологии, практически всегда как главный и определяющий встает вопрос об их сущности – об их содержании и организации, то есть вопрос об их качественной определенности, о выявлении и объяснении тех основных качеств, которые ее и составляют. Тем самым, развитие принципа системности с необходимостью предполагает фокусировку на изучении того, что составляет основу – онтологическую базу содержания и организации любого предмета познания – его качественной определенности в целом и выявлении роли отдельных категорий качеств, в особенности. Однако именно это и означает, что традиционный системный подход должен быть развит и в направлении его конвергенции с еще более широкой методологией – методологией качественного анализа. Лишь на основе дополнения классических вариантов системного подхода методологией качественного анализа, причем, взятой в ее наиболее современных вариантах, можно рассчитывать на раскрытие того главного, что составляет содержание предмета психологии в целом и психологии субъективного времени, в частности, – его качественной определенности, то есть экспликации структуры и сущности субъективной реальности как таковой.

В этом плане следует подчеркнуть важную, по нашему мнению особенность самого системного подхода, которая обычно не становится предметом самостоятельного рассмотрения. Она состоит в том, что основные направления его развития и совершенствования, а также из причины, носят, как было показано выше, внутренний характер, они сопряжены с собственной логикой его развития в целом. Это – его развитие «вверх», то есть в направлении трансформации в метасистемный подход, и развитие «вглубь», то есть в направлении его конвергенции с качественным анализом, с реализацией всего потенциала базовой гносеологической категории – категории качества. Вместе с тем, подчеркнем, что такого развития просто не могло быть, если бы у него не существовали те несовершенства, на преодоление которых оно и направлено. Иными словами, для того, чтобы он мог развиваться и усовершенствоваться, он должен обладать определенными негативными моментами как источниками и детер-

минантами такого совершенствования. В этом плане можно, по-видимому, сформулировать и положение более общего плана. По всей вероятности, наиболее конструктивные средства методологического плана не только не могут (что вполне естественно), но и не должны быть, так сказать, безупречными или даже – просто лишенными сколько-нибудь значимых несовершенств. Напротив, они их должны включать как необходимый элемент и как важнейший фактор их же собственного развития. Они должны быть внутренне противоречивыми, поскольку, как известно, именно противоречия и являются главными детерминантами и даже источниками любого развития. Причем, чем более фундаментальными они являются, тем более кардинальным является их преодоление и, следовательно, масштабнее само развитие как таковое. Все это, собственно говоря, и проявляется в масштабности тех трансформаций, которые имеют место при преобразовании системного подхода в метасистемный, поскольку они сопряжены именно с фундаментальными, атрибутивными ограничениями самого традиционного системного подхода, а не с его частными аспектами. Попытка такого дополнения также была осуществлена нами ранее в специальном цикле исследований, направленных как раз на то, чтобы осуществить экспликацию и объяснение субъективной реальности на основе фундаментальной философской и общенаучной категории качества, то есть на основе именно методологии качественного анализа.

Итак, можно заключить, что оба основных направления – оба «вектора» развития системной методологии, равно как и сформулированные в итоге этого его новые варианты, и должны выступить в качестве методологических оснований для разработки проблемы субъективного времени. Вместе с тем, для того, чтобы их реализация оказалась возможной, необходимо специально остановиться на том, как именно может быть развита сама методологии системности и какой вариант ее совершенствования является наиболее обоснованным. В силу этого, в следующей главе будет рассмотрен тот из них, который, по нашему мнению, является таковым – метасистемный подход.

Глава 2

Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы субъективного времени

2.1. Общая характеристика метасистемного подхода как методологического принципа

Решение основной задачи, которой посвящена данная глава, связано со сложностью композиционного плана, обусловленной необходимостью выбора *степени детализации* изложения представленных в ней материалов. Дело в том, что, с одной стороны, общая и достаточно развернутая характеристика метасистемного подхода уже была осуществлена в ряде наших работ (см., например, [248, 256, 258]). Это делает излишним дублирование детального описания данного подхода в этой работе. Однако, с другой стороны, поскольку именно он не только является *общим* методологическим подходом для всей данной книги, но и включает в себя достаточно широкий спектр *конкретных* теоретических положений, которые непосредственно реализуются по ходу проводимого в ней анализа, то экспликация его положений должна быть, все же, относительно развернутой. Кроме того, следует учитывать, что сам этот подход не является полностью оформившимся и окончательно развившимся; он, напротив, находится в состоянии постоянного и совершенствования, что вполне объяснимо и даже – необходимо в связи с его относительно молодостью. Вследствие этого он, разумеется, обогащается все новыми результатами и положениями, часть из которых еще не была освещена и, следовательно, также должна быть представлена в его обзоре. В связи со сказанным, наиболее обоснован, так сказать, компромиссный вариант степени детализации той характеристики данного подхода, заключающийся в следующем. Во-первых, он предполагает характеристику не всех, а лишь наиболее важных и принципиальных положений метасистемного подхода, репрезентирующих его общий смысл и главное содержание. Во-вторых, эти положения должны быть освещены, все же, относительно развернуто, без потери их смысла. Наконец, в-третьих, они

должны быть представлены и с учетом современных данных как методологического, так и теоретико-экспериментального плана¹⁴.

В наиболее общем виде необходимость разработки данного подхода – и в целом, и по отношению к проблеме субъективного времени, в частности, обусловлена теми принципиальными трудностями, к которым в настоящее время приводят попытки реализации его традиционных вариантов. Действительно, с одной стороны, в различные психологические направления и проблемы уже достаточно давно и прочно вошла трактовка многих базовых предметов исследования в качестве специфически системных образований; причем, – представленных в очень явном и развернутом виде, в их наиболее типичном и максимально репрезентативном проявлении. В частности, отношение к такому фундаментальному предмету психологического исследования, во многом олицетворяющему содержание многих иных предметов – *деятельности* именно «как к системе» стало своего рода общим местом, если не одной из аксиом всей психологии деятельности. То же самое можно констатировать и по отношению к еще одному фундаментальному предмету психологического исследования – *сознанию*. Однако, с другой стороны, эта же общая трактовка приводит к очень существенным и зачастую принципиальным трудностям. Причем, они носят достаточно общий характер и проявляются, конечно, не только по отношению к проблеме деятельности и сознания, но и ко многим иным фундаментальным психологическим проблемам. Подчеркнем также, что все эти трудности связаны не только, а зачастую и не столько с недостатками, так сказать, с «ошибками» *применения* системного подхода, сколько с собственными ограничениями *самого* системного подхода (точнее – его традиционных и ставших классическими и «каноническими» его вариантов). В свою очередь, эти причины обусловлены тем, что системный подход – в его современном виде, как мы уже отмечали, не является чем-то полностью сформировавшимся и окончательно развившимся. Поэтому наиболее конструктивной является его трактовка как *развивающегося* принципа, подхода. В силу этого, многие недостатки,

¹⁴ Подчеркнем также, что в данной главе использованы материалы одной из наших работ [258], в которой представлена достаточно подробная характеристика этого подхода.

проявившиеся в ходе его реализации, должны быть поняты не как порожденные его атрибутивными ограничениями, а как обусловленные недостаточным уровнем его собственного развития.

В качестве базовых гносеологических ограничений системных исследований, в первую очередь, необходимо отметить следующие трудности.

– Внутреннюю противоречивость базовых принципов системной организации – в частности, иерархичности и гетерархичности. В самом деле, существует острое противоречие, даже – антагонизм между этими двумя несовместимыми (по крайней мере, с точки зрения формальной логики) принципами. Традиционные варианты системного подхода оставляют необъясненным и непонятым то, как конкретно два *взаимоисключающих* даже с логической точки зрения принципа могут быть объединены и «примирены» в рамках одной и той же системы? Как они вообще могут «уживаться» друг с другом? Как одна и та же система предполагает в своей организации существование (и, более того, достаточно эффективное *сосуществование*) таких организационных средств, которые, фактически, взаимоотрицают друг друга? Это – реальное и фундаментальное противоречие, а одновременно и одна из наиболее принципиальных трудностей теоретико-методологического плана, к которым привела логика развития системного подхода в целом и его реализации в психологических исследованиях, в особенности.

– Неадекватность распространения понятия системы на все существующие объекты сложной природы, в том числе и на объекты с дезинтегрирующими и иррациональными типами связей и взаимодействий.

– Недостаточный учет влияния на существование систем межсистемных взаимодействий.

– Положение об априорности системы по отношению к внешней среде: полагается, что система существенно превосходит окружающую среду и выступает своего рода «островом организованности» в относительно мало организованном окружении.

– Системный подход оставляет открытым вопрос и о том, что именно онтологически представляет собой объект, распадающийся по каким-либо причинам на несколько самостоятельных систем. Они, оставаясь в рамках этого объекта, взаимодействуют между собой непредсказуемым образом.

– Традиционный системный подход оставляет нерешенным и один из наиболее принципиальных вопросов: является ли совокупность всех уже *известных*, установленных типов и классов систем их *полной* совокупностью? Все ли реально существующие типы и классы систем уже известны в настоящее время? Или же, напротив, возможно, существуют еще и такие их типы и классы, которые, хотя онтологически представлены, но пока не установлены и не объяснены. Другими словами, *достаточно* ли наши современные представления о разнообразии «мира систем» для реального раскрытия его многообразия? Например, к какому типу систем относится деятельность или сознание? Являются ли они истинными системами или же представляет собой системные образования какого-либо качественно иного типа? Каким образом с позиций системного подхода следует интерпретировать еще одно важнейшее психологическое понятие – понятие личности?

– Далее, это и трудность, связанная с тем, что такая базовая и фундаментальная категория, каковой является *категория времени*, и такое основополагающее измерение реальности, такая ее координата, как временная, фактически, выпадают из сферы методологии системного подхода. Тем самым формулируется важнейший по своей теоретической значимости вопрос: как могут и должны быть распространены идеи системности на временную координату реальности (и объективной и субъективной)? Существует ли особый тип системности как таковой – временная, то есть *темпоральная* (диахроническая) системность?

– Наконец, в качестве еще одной принципиальной трудности реализации традиционных вариантов системной методологии следует отметить и его явно недостаточную способность раскрыть и, главное, – объяснить то, каким же образом (не формально, а именно содержательно) система оказывается в состоянии генерировать то *главное*, что и определяет ее сущностные особенности – *системные качества*. Каким образом – именно в содержательном плане действуют интегративные механизмы, приводящие на уровне целостности к генерации синергетических эффектов (эффектов супераддитивности)? Как в системе возникает то новое, что несводимо к аддитивной совокупности ее компонентов (частей)? Каким образом данная категория может содействовать раскрытию атрибутивной природы психических качеств?

На наш взгляд, возможные пути выхода из этой – действительно, сложной ситуации, характеризующейся принципиальными трудностями, должны быть адекватными ее истинной сложности, то есть также быть достаточно общими и, возможно, не вполне традиционным. В самом деле, реализация принципа системности по отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме субъективной реальности (и субъективного времени), в частности, является и настоятельно необходимой, и наиболее перспективной. Вместе с тем, она уже не приводит в настоящее время к осязаемым результатам в данной области. Отсюда, однако, с необходимостью следует, что, возможно, сам системный подход (в том виде, в котором он представлен сегодня) не только может, но и должен быть подвергнут дальнейшему развитию и совершенствованию. По-видимому, лишь при условии качественной трансформации самого системного подхода как общей методологии разработки проблемы деятельности и экспликации в нем новых эвристических возможностей, он может выступить адекватным и конструктивным средством такой разработки.

Другими словами, логика развития наиболее важных – в частности, отмеченных выше психологических проблем в целом, а также их разработка с позиций принципа системного подхода, в особенности, диктуют настоятельную необходимость дальнейшего развития самого этого принципа. Они вскрывают необходимость его качественной трансформации в целях приведения к виду, более адекватному сложности и специфичности самой деятельности как предмета психологического исследования. Следовательно, одна из важнейших и приоритетных задач разработки целого ряда наиболее общих и значимых психологических проблем как раз и заключается в необходимости дальнейшего развития общенаучного принципа системного подхода. Становится все более настоятельной разработка такого его варианта, который обладал бы большими эвристическими возможностями и в большей степени соответствовал специфике и степени этих проблем.

Итак, подчеркнем еще раз: поскольку все указанные выше проблемы и вопросы носят достаточно общий характер, то и попытка их решения также предполагает необходимость обращения к аналогичным – то есть так же общим, базовым и исходным положениям системного подхода. И, пожалуй, наиболее общими, а в чем-то

даже прототипическими среди них являются две группы положений. Во-первых, это совокупность взглядов о соотношении *целого* и его *частей* – системы и ее компонентов; о несводимости первой к аддитивной совокупности вторых (то есть о системных качествах, эмерджентных свойствах), о специфике частей в рамках целостности и т. д. Во-вторых, это общие представления и соответствующие им методологические установки, вытекающие из общей логики развития форм научного познания и предполагающие наличие двух его основных стадий, – предметоцентрической и системоцентрической. На второй из них предмет исследования раскрывается уже не только «сам по себе» (в аспекте его *качественной определенности* и вне связи с теми более общими системами, в которые он реально включен), но и в его «конкретном» – внутрисистемном бытии, в его *качественной специфичности* (как компонент определенной метасистемы). Иными словами, проблема соотношения части и целого, являясь базовой, исходной и наиболее общей проблемой системного подхода, получает двуединую конкретизацию. Первый ее аспект предполагает движение познания «вглубь» объекта и требует раскрытия механизмов интеграции компонентов (частей) системы в целостность. Второй аспект предполагает раскрытие самой изучаемой системы, как части еще более общей и широкой целостности, которая выступает по отношению к ней как метасистема. В этом случае между системой и метасистемой имеют место определенные отношения и взаимодействия, которые в принципе подобны общим связям частей и целого. Однако, это – уже внешние по отношению к системе взаимодействия.

Таким образом, любая система объективно находится во взаимодействии с определенной – внешней по отношению к ней системой (точнее, со многими системами). В этих взаимодействиях она обретает уже не только свою качественную *определенность*, но и качественную *специфичность*; лишь с учетом последней она может быть адекватно понята и достаточно полно раскрыта. В этих же взаимодействиях система проявляет себя не только и даже не столько как автономная целостность, сколько как компонент, как часть более общих метасистем – как зависящая от них и определяемая ими. Все это, повторяем, своего рода аксиомы – наиболее общие положения системного подхода; они, именно в силу их аксиоматичности, обычно принимаются как данность, а потому – не обсуждаются. Вместе

с тем, при их специальном анализе возникают определенные вопросы, имеющие непосредственное отношение к целям данной работы.

Так, простое объединение двух указанных – прототипических положений приводит к необходимости дифференциации двух классов процессов взаимодействий (и, соответственно, закономерностей, которым они подчиняются). Во-первых, – внутрисистемных, то есть тех, которые объективно интегрируют систему в целостность, «отличную от среды», обладающую автономностью и «самостью». Во-вторых, – внешнесистемных, то есть тех, которые обеспечивают ее взаимодействие со средой, точнее – с иными, более общими системами (метасистемами), в которые реально включена любая система. При этом постоянно подчеркивается, что указанные классы взаимодействий находятся между собой в тесной связи и взаимоопосредствованности; первые определяют собой вторые, но в значительной мере и сами определяются ими. Классическим и наиболее показательным примером их взаимосвязи и взаимоопосредствованности является известное положение С. Л. Рубинштейна о диалектике «внешнего и внутреннего» в детерминации и функционировании психического [479], а также полемика с ним А. Н. Леонтьева, «обернувшего» исходный тезис С. Л. Рубинштейна (не «внешнее через внутреннее», а «внутреннее через внешнее») [331]. Это, впрочем, не только не меняет суть дела, но с еще большей степенью подчеркивает взаимосвязь и взаимопроникновение внешних и внутренних взаимодействий. Полагается, далее, что внешнесистемные связи и взаимодействия, в отличие от внутрисистемных, представлены не в *интрасистемном*, а, так сказать, в *экстрасистемном* плане, то есть являются именно внешними по отношению к той или иной системе.

Вместе с тем, как показывает история развития научного познания в целом и психологического познания, в особенности, любая дихотомия, а тем более – дизъюнкция является, как правило, не абсолютной, а относительной. Кроме того, можно констатировать и интересную закономерность, согласно которой, чем сложнее система, тем более условным, относительным и трудноразличимым становится само разделение на внешне- и внутрисистемные процессы, тем менее определенной становится грань между ними и тем в большей степени усиливается мера их взаимозависимости. Психология как наука, имеющая дело с системами, которые являются, пожалуй,

наиболее сложными из всех существующих, постоянно демонстрирует условность и относительность дизъюнкции указанных категорий взаимодействий. Последовательная реализация данной закономерности позволяет высказать предположение, согласно которому межсистемные взаимодействия могут быть представлены не только в *экстрасистемном* плане, но также и в *интрасистемном* плане¹⁵. Если это, действительно, так, то система, воплощающая в себе эти взаимодействия (вопрос о форме их существования мы пока оставляем открытым), становится и качественно иной, и более совершенной.

Далее, не менее очевидным и аксиоматичным для методологии системности является положение о необходимости дифференциации качественной *определенности* и качественной *специфичности* любых систем (объектов, явлений, процессов и пр.). Качественная определенность – это совокупность качеств, характеризующих систему «саму по себе», в ее относительной автономности от иных, более общих систем, в которые она, в действительности, включена. Качественная специфичность – это совокупность свойств, которые возникают в результате взаимодействия системы с этими более общими системами, то есть в результате включения в них. При этом качественных спецификаций может быть, как правило, несколько или даже – много, поскольку один и тот же объект (явление, процесс) может включаться в большое количество более общих систем одновременно. Очень существенно, однако, что при дифференциации понятий качественной определенности и качественной специфичности исходным и аксиоматичным является следующее допущение. Качественная специфичность возникает и существует исключительно как результат взаимодействия объекта с более общей системой; она имеет место лишь в процессе этого – актуального взаимодействия, а за его пределами не обнаруживается и, фактически, утрачивается.

Вместе с тем, очевидно, что определенные системы, особенно сложные сохраняют свою качественную специфичность (причем, множественную) и в *отсутствии* актуального взаимодействия с дру-

¹⁵ На первый взгляд, данное предположение может показаться не вполне обоснованным и даже – неправдоподобным. Не будем, однако, торопиться с оценками и выводами, помня, например, о том, какую роль сыграли в психологии еще менее очевидные и «понятные» представления о механизме опережающего отражения и акцепторе результатов действия [25, 76].

гими системами. В связи с этим, возникает вопрос – как же это возможно? Есть основания допустить (пока – именно допустить), что такая возможность может быть обеспечена лишь за счет того, что «внешние» системы, по отношению к которым и во взаимодействии с которыми объект обретает качественную специфичность, в какой-либо форме входят в его собственный состав и содержание.

Еще одной теоретической трудностью, преодоление которой, на наш взгляд, в очень существенной степени может способствовать развитию представлений в области системной методологии, является весьма своеобразный феномен, который можно обозначить как «парадокс высшего уровня системы». Его суть заключается в следующем. С одной стороны, высший уровень в иерархической организации любой системы, находясь внутри нее, но не исчерпывает ее содержание (по определению) и является тем самым *частью* этой системы. Это – важнейшая, решающая, доминирующая и пр., но все же именно часть системы. Она осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к остальным частям системы. С другой стороны, любая система (в особенности – сложная) может быть эффективно организована лишь в том случае, если ее координирующий и управляющий центр имеет в качестве объекта своего управления не какую-либо часть системы, а *всю* ее, *все* ее содержание – в том числе, разумеется, и все уровни, включая и высший. Тем самым, складывается внутренне противоречивая ситуация, состоящая в следующем. Высший уровень системы должен входить в ее состав, но одновременно – быть как бы *за* и *вне* этого состава, точнее – *над* ним. Это, впрочем, достаточно давняя и традиционная трудность, попытки преодоления которой приводят, например, к выделению в той или иной системе некоторой управляющей суперсистемы (которая, однако, сама нуждается в «верховном» управлении»), в результате чего возникает типичная ситуация «дурной бесконечности». В психологии эта же трудность является, в конечном итоге, главной причиной известной проблемы гомункулуса (см. ниже). На наш взгляд, наиболее естественным, хотя и достаточно радикальным способом снятия указанного парадокса может быть предположение, согласно которому в содержании системы может существовать такой уровень, который *одновременно* является и ее собственным уровнем, и уровнем,

выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле – локализованным вне ее.

Продолжая анализ некоторых теоретических трудностей, характеризующих современное состояние системного подхода, а также намечая пути их возможного преодоления, мы считаем, далее, необходимым обратить внимание на очень важное понятие (и, соответственно, на реальность, обозначаемую им) – на понятие *метасистемного уровня*. Уже в ранних работах по общей теории систем (Л. фон Берталанфи) происходит дифференциация данного уровня от иных уровней и указывается, что метасистемный уровень является не только высшим, но и *открытым* [78, 651]. Это, в частности, означает, что через него система взаимодействует с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Вместе с тем, приходится констатировать, что понятию метасистемного уровня явно «не повезло» в плане внимания к нему со стороны исследователей и, соответственно, – в плане его изученности. Этому, конечно, в значительной степени способствовала реальная сложность и противоречивость, а в чем-то даже и парадоксальность данного уровня. Причем, эта противоречивость и определенная двойственность заложена даже в самой этимологии понятия «метасистемный»: она указывает на то, что некая сущность (в данном случае – уровень) *и* принадлежит системе, *и* лежит вне ее. Но тогда возникает вопрос, где же «на самом деле» локализуется данный уровень? Обычно принимается второй из указанных вариантов, причем – в упрощенной форме: понятием метасистемности обозначается сам факт включенности той или иной системы в иные системы более высоких порядков, а также ее взаимодействия с ними. Такая упрощенная трактовка не исчерпывает собой всей специфики понятия метасистемного уровня и тем более – никак не объясняет его, а фиксирует лишь тривиальный факт взаимодействия системы и метасистемы. На наш взгляд, для того, чтобы более адекватно и конструктивно раскрыть его специфику, необходимо допустить, что метасистемный уровень может локализоваться внутри самой системы. Он, по-видимому, вообще имеет двойную локализацию – и вне, и внутри системы, в связи с чем формы, механизмы и способы его существования также могут быть принципиально гетерогенными.

В контексте сказанного целесообразно сделать и еще одно замечание. Анализ истории развития идей системности свидетельству-

ет о том, что явный акцент на всем ее протяжении делался на факторах и механизмах, объединяющих ее в целостность и выделяющих ее из среды – на механизмах и способах интеграции, автономизации, обеспечения автономности – «самости» систем. И это вполне понятно, даже – естественно с точки зрения господствующей системоцентрической парадигмы. Вместе с тем, реальный факт включенности любой системы в более широкий и онтологически представленный контекст, хотя, конечно, осознавался и учитывался в общем плане, но получал значительно меньшее раскрытие. Иными словами, доминировала и продолжает доминировать не только системоцентрическая парадигма как таковая, но и своего рода абстракция системы, «системная аналитичность». Она означает выделение системы из среды (метасистемы) и изучение первой в относительной самостоятельности от второй. Аналитическая парадигма, «изгнанная системным подходом в дверь», вернулась через «окно системной аналитичности». Более того, в результате этого невольно складываются представления, согласно которым, чем более автономной и самодостаточной является система, тем она более совершенна и эффективна. Мы считаем, что от этих взглядов необходимо отказаться, поскольку дело обстоит прямо противоположным образом: чем в большей степени система включена в метасистему и согласована с ней, тем выше и ее сложность, и ее возможности, и ее адаптивность. Однако достичь этого она может, по-видимому, лишь в том случае, если в ее *собственной* структуре будет представлен соответствующий уровень – уровень, обеспечивающий такое включение, то есть метасистемный уровень.

Итак, выше были рассмотрены некоторые достаточно общие положения системного подхода и те трудности, к которым приводит их последовательная реализация при современном уровне развития методологических представлений в данной области. Эти трудности уже сами по себе свидетельствуют о том, что системный подход как методологический принцип не является чем-то окончательно сформировавшимся, но, напротив, сам находится в развитии, в становлении. Он поэтому не только допускает, но и требует специальных усилий в данном направлении. Об этом же свидетельствует и тот факт, что выявленные выше теоретические трудности одновременно могут быть поняты и как ведущие *направления* развития самого принципа системности. Более того, внутри каждой из них, как можно было

видеть из проведенного выше анализа, имеются существенные *предпосылки* и даже – своего рода подсказки для такого развития.

Все они, так или иначе, свидетельствуют о важной, но пока не реализованной роли, которая может принадлежать в развитии системного подхода понятию *метасистемного уровня* организации. Действительно, все констатированные выше трудности как бы «стягиваются» в один проблемный узел, связанный с данным понятием. В самом деле, как было показано выше, до сих пор данное понятие остается одним из наименее раскрытых в методологии системности¹⁶. Более того, оно остается и одним из самых противоречивых и непонятных, а отчасти – и парадоксальных. Эта парадоксальность связана, прежде всего, с тем, что метасистемный уровень, рассматриваясь как принадлежащий той или иной системе и, более того, трактуясь как *ее* высший и ведущий уровень (по определению), обычно не включается в состав и содержание этой системы. Он локализуется *вне ее* – в плане ее взаимодействий с более общими целостностями – метасистемами. Исторически сложившиеся, традиционно закрепившиеся и ставшие аксиоматическими представления в данной области предпочитают «не замечать» (для сохранения концептуального комфорта исследователей) эту противоречивость и парадоксальность понятия метасистемного уровня. Вместе с тем, как показывает проведенный выше анализ, эти представления не только могут, но и должны быть существенно уточнены, а частично и скорректированы. Без такой коррекции вряд ли возможно развитие самого системного подхода в целом.

Сущность этих – канонических представлений может быть резюмирована следующим образом. При изучении некоторого объекта с позиций принципа системности в ней дифференцируется ряд иерархически соподчиненных уровней. Кроме того, система характеризуется двумя классами взаимодействий – внешне- и внутрисистемными. Первые обеспечивают ее включенность в контекст более общих по отношению к ней систем, обозначаемых понятием метасистем. Эти взаимодействия составляют содержание – своего рода

¹⁶ Можно, по-видимому, сказать и более категорично: степень его изученности подобна этимологии самого этого понятия (метасистемный – в смысле *внесистемный*), то есть такова, что оно практически *вынесено за пределы* принципа системности, имеет поэтому своего рода метасистемную локализацию и в гносеологическом плане.

«ткань» метасистемного уровня. Они, а, следовательно, и сам метасистемный уровень (по определению) представлены поэтому, так сказать, в экстрасистемном плане. Иначе говоря, эти представления фиксируют, в основном, *факт* существования взаимодействий системы с более общими метасистемами и их определяющую роль для функционирования самой системы. В связи с этим, возникает вопрос о корректности и универсальности – о всеобщности указанных представлений, об их достаточности для характеристики всего многообразия существующих систем.

По нашему мнению, для того, чтобы попытаться ответить на сформулированный выше вопрос, его целесообразно намеренно заострить и сформулировать в следующем виде. Является ли положение о том, что метасистемный уровень может локализоваться только *вне* самой системы, всеобщим и универсальным для всех типов реально существующих систем? Или же такая – экстрасистемная локализация является, хотя и наиболее типичной и распространенной, но все же *частной*, а не *общей* закономерностью организации систем?

Очевидно, что в случае позитивного ответа на данный вопрос надо будет признать возможность включения метасистемного уровня в структуру и содержания самих систем, то есть его существование не только в экстрасистемном, но и в интрасистемном плане. Причем, следует помнить, что речь должна идти о возможности именно *существования в той или иной форме*, но, конечно, не только об онтологической представленности как одной из таких форм и даже не столько о ней.

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее. Вся история развития психологии, все ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено, – и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл. Внешняя – *объективная реальность* (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде *субъективной реальности* – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная

реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен¹⁷. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т. д. Приведем лишь некоторые из них: внутренняя информация, знания, ментальные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, образ мира, внутренний мир, модель ситуации, субъективные репрезентации, фреймы, скрипты и др. [6, 13, 20, 54, 100, 290, 335, 337, 366, 417, 435, 512, 567, 586, 664, 670, 699, 718, 743, 763].

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее отражательная природа) такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем большие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению *должна* быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, *как* именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений. Причем, – «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный

¹⁷ Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин.

факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он очень слабо учитывается и в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также – что еще более негативно – в содержании самого системного подхода.

Итак, сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Повторяем, что речь идет именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике. Причем, чем более полным, адекватным и, так сказать «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем «лучше для нее самой» – тем выше ее адаптационные и многие иные возможности.

Прямым логическим следствием этого является то, что взаимодействие психики (как системы) с метасистемами, в которые она исходно включена, первично может осуществляться и при *отсутствии актуального контакта* с ними. Реальность, которую очень трудно оспаривать, такова, что любое внешнее взаимодействие с миром многократно опосредствуется «внутренними представлениями» о ней. Человек взаимодействует не столько с «миром» непосредственно, сколько со своими представлениями о нем, с его субъективной моделью. Вместе с тем, данный факт обычно не осознается и субъективно не репрезентируется. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «перед человеком – мир, а не «мир и картина мира» [332]. Понятно, что системы, которые могут взаимодействовать со средой и вне актуального контакта с ней, получают огромные преимущества. В частности, оказывается возможной подготовка к возможным вариантам будущих реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации возможных взаимодействий, получения временного ресурса для обработки больших массивов информации и мн. др. Известные феномены «рефлексивной паузы», а также уже упомянутого выше «опережающего отражения» – одни из наиболее показательных и известных примеров сказанного.

Все рассмотренные выше вопросы являются очень общими и базируются на фундаментальных, отправных общепсихологических представлениях. Вместе с тем, все они в очень слабой степени ассими-

лированы в настоящее время методологией системности. Представляется парадоксальным и даже удивительным тот факт, что системный подход, то есть методология, ориентированная на решение наиболее *общих* вопросов, до сих пор не уделяет должного внимания этим, повторяем, фундаментальным проблемам. И наоборот, попытка их синтеза с методологией системного подхода позволяет сделать ряд значимых, на наш взгляд, заключений. Причем, следует особо подчеркнуть, что этот синтез отнюдь не является формальным – «механическим» и внешним. Он, напротив, обусловлен внутренней логикой развития системного подхода и основными тенденциями развития общепсихологических представлений о структурно-функциональной организации психики. Об этом свидетельствует уже самый первый, но одновременно – и главный, наиболее общий вывод, который оказывается возможным сделать на основе такого синтеза. Это – вывод, согласно которому следует признать, что структурно-функциональная организация психики предполагает *включенность* метасистемного уровня в само ее содержание, в ее собственную структуру.

По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только экстрасистемную представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и интрасистемную представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает, в конечном итоге, вся внешнеположенная ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью) получает в содержании самой психики свое «двоенное бытие, свое «второе существование». Оно, разумеется, не тождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от исходного бытия метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а *идеальную* природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий. И наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является *родовым* по отношению к каждому из них как *видовому*.

Следует обязательно иметь в виду, что исследование этих форм субъективной репрезентации объективной реальности по праву является в настоящее время одной из *главных* тенденций развития

общепсихологических исследований, особенно явно представленной в современной когнитивной психологии и в метакогнитивизме. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов и закономерностей структурно-функциональной организации ментальных репрезентаций, систем знаний и т. п. Вместе с тем, важно понимать не только эти механизмы и закономерности, но и *общий* смысл, психологический *статус* указанных образований в общей структуре психического. А статус их как раз и определяется принадлежностью к особому – метасистемному уровню, представляющему по своему содержанию «инобытие» объективной реальности в форме реальности субъективной, в форме ее идеальных моделей и репрезентаций.

Развитая выше трактовка, предполагающая возможность включения метасистемного уровня в содержание и структуру самой системы с необходимостью приводит к еще одному следствию. Дело в том, что, с одной стороны, метасистемный уровень по своим содержательным, информационным характеристикам является ничем иным, как «повторением» объективной реальности, ее отражением. Более того, чем более полным, адекватным, а в идеале – изоморфным он будет по отношению к объективной реальности, тем лучше для всей системы – психики. С другой стороны, являясь по своему содержанию информационным и выступая как совокупность знаний о мире (в широком смысле), метасистемный уровень является именно уровнем; он имеет *статус уровня* и включен в общую иерархическую структуру уровневой организации системы – психики. Важно и то, что метасистемный уровень (по определению) является не рядовым уровнем, а уровнем иерархически *высшим*.

Отсюда вытекает важное следствие. Знания, «субъективная информация», ментальные репрезентации, вообще – все *содержательно-информационные* образования психики, выступая отражением объективной реальности, не являются, однако, *чисто* информационными, содержательными образования; они имеют в своей совокупности статус *структурного уровня* в общей организации психики. Этот уровень взаимодействует со всеми иными ее иерархическими уровнями. Тем самым, система знаний (повторяем – в широком смысле, то есть все информационное содержание психики) сама начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям. Не-

сколько упрощая реальность можно сказать так: знания оказываются в состоянии управлять структурой, содержание получает статус детерминанты функциональной динамики.

Предложенная выше трактовка метасистемного уровня как «встроенного» внутри системы и, более того, локализованного на вершине ее структурно-уровневой иерархии, позволяет сформулировать и еще одно предположение. По-видимому, те представления о «мире систем», которые исторически сложились и являются традиционными в настоящее время, не могут считаться достаточными. Согласно им, как известно, высшим внутренним, то есть собственным уровнем организации является общесистемный уровень, а метасистемный уровень рассматривается как внешний, локализованный во взаимодействиях самой системы с другими системами (метасистемами). Эти представления справедливы для очень многих и, более того, для подавляющего большинства типов и классов реально существующих систем. Они, однако, не универсальны и потому – не абсолютны. Дело в том, что, как показано выше, существует, как минимум, еще один класс систем, для которых указанное условие – условие внешней представленности метасистемного уровня не выполняется. В этих системах он, напротив, включен в содержание их самих и, более того, локализуется на вершине их общей структурно-уровневой иерархии. Отсюда с необходимостью следует, что и общая теория систем и системный подход – в их современном виде, то есть в виде, сформировавшемся на основе представлений об универсальном и абсолютном характере систем только с внешним метасистемным уровнем, также не являются общими. Они – частный, хотя и важнейший случай более общих представлений, учитывающих существование *всех* классов систем – в том числе и систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Дополнительным и немаловажным аргументом обоснованности развитых выше положений является то, что с их позиций в значительной мере преодолевается комплекс теоретических трудностей и проблем, которые характерны для современного состояния системных исследований и которые были сформулированы выше. Причем, очень показательным то, что эти представления содействуют решению именно *комплекса* проблем, а не какой-либо одной из них. Напомним, что эти проблемы являются одновременно и важнейшими направле-

ниями развития системного подхода в настоящее время, в силу чего предложенный вариант их решения содействует и развитию представлений о принципе системности в целом.

Действительно, с позиций развитых представлений получает свое естественное решение проблема соотношения внешнесистемных и внутрисистемных взаимодействий, которая, как было подчеркнуто выше, особенно остро стоит именно в психологии. Поскольку, согласно этим представлениям, метасистемный уровень может быть «встроен» в содержание и структуру самой системы, то и внешнесистемные взаимодействия могут принципиально менять локализацию – становиться внутрисистемными. Отсюда, в частности, вытекают достаточно далеко идущие следствия. Так, взаимодействия с метасистемой (со средой, с объективной реальностью) становятся возможными и в том случае, когда их – этих взаимодействий в физическом смысле просто нет. Именно такое взаимодействие – не с реальностью непосредственно, а с ее моделями, с ее репрезентациями составляет, как известно, наиболее типичный и характерный случай взаимодействия «личности с миром». И именно такие системы – системы, которые могут взаимодействовать со средой и, так сказать, без актуального взаимодействия (представленного в эксплицитной форме) получают огромные преимущества. В частности, становится принципиально возможной заблаговременная подготовка к возможным вариантам последующих реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации возможных взаимодействий, создание временного ресурса для обработки больших массивов информации, связанной с организацией реальных взаимодействий и т. д.

Далее, столь же естественным способом решается и проблема механизмов сохранения качественной специфичности систем в отсутствии ее реального контакта с иными системами (метасистемами). Выше мы предположили, что такое сохранение может иметь место лишь в том случае, если в содержании самой системы будет представлена та – более общая метасистема, которая и обуславливает возникновение ее качественной специфичности. Нетрудно видеть, что именно это и обеспечивается в случае «встроенности» метасистемного уровня в содержание и структуру самой системы. И именно этот механизм обеспечивает сохран-

ность многих качественных спецификаций в условиях отсутствия реального контакта системы с метасистемами. По отношению и к психике, и к личности этот механизм лежит в основе сохранения многомерности и многокачественности внутреннего мира, в основе синхронизации и синтезирования многих качественных спецификаций личности, психики (а также ее отдельных компонентов). Он же обеспечивает уже не просто целостность психики, но именно дифференцированную целостность, а также сохранение ее самоидентичности на протяжении длительных интервалов времени.

С позиций сформулированных представлений могут быть преодолены и некоторые другие теоретические трудности – в частности, та из них, которая была обозначена выше как «парадокс ведущего уровня систем». Нетрудно видеть, что развитая нами выше трактовка метасистемного уровня как принципиально *двойственного* и имеющего две основные формы существования как раз и позволяет дать вполне естественное и даже – необходимое разрешение указанного парадокса. Действительно, как показано выше, по отношению к организации психики данный уровень «встраивается» в ее собственную структуру и, более того, обретает в ней статус ведущего, высшего. Тем самым он получает в ней свое внутрисистемное бытие; он выступает именно как уровень в общей структурно-уровневой организации психики. В этом своем статусе он представлен, как мы уже отмечали выше, в форме многих образований, давно и подробно изучающихся в психологии, особенно – в когнитивной психологии и в метакогнитивизме.

Вместе с тем, по своим содержательно-информационным характеристикам (по своей, так сказать, наполненности) данный уровень является своеобразным «дубликатом» объективной реальности. Он выступает продуктом и результатом ее отражения, точнее воссоздания – порождения. Причем, подчеркнем еще раз, что чем более точным, полным и адекватным является соответствие этих содержательно-информационных характеристик объективной реальности, тем эффективнее функционирует и сам этот уровень, и все иные – соподчиненные ему уровни, и вся психика в целом. Будучи *объективно* представленным в интрапсихической плоскости, данный уровень, однако, локализуется самим *субъектом*,

вне ее, то есть в объективной реальности¹⁸. Тем самым, данный уровень *субъективно* выносится за пределы психического, *объективно* оставаясь, естественно, внутри него.

Для своего собственного развития принцип системного подхода должен ассимилировать и те основные результаты и теоретические представления, которые содержатся в современных психологических данных. Реализуя данный тезис, мы сформулировали следующее общетеоретическое предположение. Психика представляет собой такую – особую и качественно специфическую систему, которая не может быть адекватно и полно понята с позиций классических представлений, сложившихся к настоящему времени в системном подходе. Ее качественное своеобразие определяется тем, что она является системой со «встроенным» метасистемным уровнем; это требует новых – дополнительных по отношению к уже существующим подходов и гносеологических средств ее исследования.

Конкретно это означает, что та метасистема, в которую исходно – онтологически включена психика (то есть метасистема объективной реальности), оказывается представленной в содержании и структуре самой психики – в форме субъективной реальности, в модусе идеального¹⁹. Подчеркнем, что речь идет, разумеется, не об онтологической представленности метасистемы в системе (психике). Имеется в виду совершенно иной тип, иная форма этой представленности – форма идеальных моделей, «дубликатов», репрезентаций и пр., то есть представленность *функциональная*. Вместе с тем, сам факт такой представленности, безусловно, имеет

¹⁸ Одним из проявлений этой общей особенности, изученным Л. М. Веккером на материале перцептивных процессов, является, как известно, сформулированный им «онтологический парадокс психики». Его суть состоит в следующем. То, что реально – онтологически представлено в содержании психики (например, перцептивный образ), субъективно вынесено за ее пределы и локализуется там, где расположен объект, то есть в «пространстве» самого объекта [110].

¹⁹ Во избежание недоразумений и неправильного понимания сути развиваемого здесь похода, необходимо, конечно, подчеркнуть следующее обстоятельство. Говоря о том, что метасистема объективной реальности оказывается функционально представленной в содержании психики, мы имеем в виду, разумеется, не всю ее, а лишь тот ее – очень ограниченный фрагмент, с которым реально взаимодействует сам субъект.

место, и он кардинальным образом меняет закономерности функционирования систем со «встроенным» метасистемным уровнем по сравнению с классическими системами.

Сформулированные представления должны обязательно учитываться, на наш взгляд, в психологических исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода. Они, приводя к постановке множества новых вопросов, позволяют сформулировать и наиболее общий из них. К каким следствиям ведет включение в структурно-уровневую организацию психики метасистемного уровня именно как *ее собственного* уровня, а не только как уровня, локализованного вне ее – в ее взаимодействиях с метасистемами, в которые она сама объективно включена? Главное из этих следствий состоит, по нашему мнению, в том, что именно благодаря такой «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения качественно новых, очень своеобразных механизмов и принципов структурной организации и функционирования психики.

Так, благодаря данному уровню (как уровню, одновременно и включенному в содержание системы и «вынесенному» за ее пределы), открывается принципиальная возможность для своего рода *объективации* системой самой себя в качестве *предмета* организации и управления. Система, не нарушая рамок своей целостности и онтологической ограниченности, в то же время, оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий, своей активности. Наиболее четким и несомненным феноменологическим индикатором этой особенности является вся совокупность так называемых рефлексивных явлений.

Другими словами, возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного» – пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *новым принципом* функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню – как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее, – система обретает *принципиально* новую способность. Она состоит в том, что становится возможным делать саму себя *в целом* объектом своего же собственного воздействия; становится возмож-

ным управления своей собственной организацией (посредством своеобразного выхода на этот – внешний по отношению к ней уровень)²⁰. Можно видеть, таким образом, что данное заключение полностью созвучно основным – атрибутивным характеристикам организации психики в целом. Действительно, на высшем уровне ее организации локализуется *сознание* как таковое. Однако, известно, что его важнейшей – именно *атрибутивной* и определяющей чертой как раз и является свойство *трансцендентности*, то есть возможность «выхода за пределы» наличного, возможность оппозиционирования к своему собственному содержанию.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип функциональной организации* психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно *общий* характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы *в целом*, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и *более частные* аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к *общему*, может, вместе с тем, мультиплицировать его и в своих *частных* проявлениях. Этот – достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данным и результатами, в том числе и полученными нами (см. ниже).

Далее, именно благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена (точнее – механизма), который можно условно обозначить как механизм *метасистемной обратимости*. Его суть столь же проста и понятна феноменологически, сколь трудна для конкретно-научного объяснения и состоит в следующем. Благодаря ему, система со «встроенным» метасистемным уровнем

²⁰ В связи с этим можно видеть, что сформулированный в данной работе подход по-новому ставит (и в определенной мере решает) традиционную проблему *самоорганизации*.

оказывается в состоянии объективировать себя для своей же собственной активности. Она делает саму себя в целом объектом регуляции и организации, координации и управления. В самой системе (психике) складывается такой «функциональный орган» и такие ее механизмы, которые позволяют ее *части* (то есть метасистемному уровню) как бы оппозиционировать себя по отношению к ней *в целом*; относиться к самой себе как к «целостности». В результате этого любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, становится направленным не на «внешнюю среду», а на внутреннее содержание психики (а часто – и сам на себя). В результате этого возникают известные явления и процессы, которые обозначаются, например, как мышление о мышлении (метамышление), память о памяти (метапамять), самонаправленное внимание, метакогнитивный мониторинг, то есть как метакогнитивные процессы, а более традиционно – как рефлексивные процессы и феномены [244, 255, 269, 305, 335, 396, 728, 739 и др.]. Другими словами, те процессы и механизмы, которые заложены в психике исходно и реализуются на всех иных (кроме метасистемного) уровнях, могут переноситься и на этот – метасистемный уровень. Но тогда они в известном смысле оппозиционируются и объективируются по отношению к ней; они становятся направленными на *всю систему* психики в целом, а также на ее отдельные компоненты. В результате этого все внутрисистемные процессы, механизмы, закономерности и феномены сами становятся объектами активных воздействий со стороны их же самих, а также объектом «отражения» (если использовать традиционную терминологию) с их стороны, но представленных на метасистемном уровне. Очевидно потому, что механизм метасистемной обратимости является главным средством, обеспечивающим возможность такого фундаментального класса процессов, каковыми являются *рефлексивные процессы*, возможность рефлексии как уникального психического феномена в целом. На наш взгляд, рефлексия – это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов, то есть максимально обобщенного уровня, на котором представлена *вся* их совокупность, и метасистемного уровня организации психики.

При формулировке представлений о метасистемном принципе (и уровне) организации психики следует учитывать и данные, полученные в настоящее время в одном из важнейших направлений совре-

менной психологии – метакогнитивизме. Основной пафос и главные достижения метакогнитивизма как раз связаны с тем, что в нем доказана недопустимость ограничения «сферы приложения» когнитивных психических процессов только *внешней*, объективной средой. Данные процессы, могут быть направлены и на иную реальность – реальность *субъективную*, в том числе и сами на себя. В этом своем проявлении они обретают новые качественные характеристики, особенности и свойства. Однако именно эти их проявления выступают следствием того, что психические процессы по отдельности, а также вся их система в целом могут выходить за свои собственные пределы» и обретать метасистемный статус. Тем самым становится очевидным, что обобщенная концептуализация основных положений метакогнитивизма не только позволяет, но и требует обращения именно к представлениям о метасистемном уровне (и принципе) организации психики.

Кроме того, принадлежность к метасистемному уровню является фундаментальной, общей особенностью многих очень важных для современных представлений и понятий психологии – таких, в частности, как понятия ментальных репрезентаций, когнитивных представлений, схем, сценариев (скриптов), структур субъективного опыта, информационных моделей, а в более общем плане – знаний как таковых. Все они характеризуются определенной двойственностью: являясь по своему психологическому обеспечению – по своему *носителю* внутрисистемными (и реализуясь поэтому за счет внутрисистемных уровней), по своему *содержанию* они как бы выходят за пределы системы субъективной реальности. Они выступают превращенной формой объективной реальности – своего рода «слепком» с нее, точнее, продуктом ее активного воссоздания и в этом смысле – *порождения*, а не только отражения. В данном отношении метасистемность является атрибутивным качеством всех указанных (и иных – подобных им) образований, *родовым* их свойством. В свою очередь, каждое из них предстает с этих позиций как *видовое* образование в пределах самого метасистемного уровня.

Именно понятие метасистемности позволяет органично включить в содержание и состав самой системы психического то, что ей не только не принадлежит, но и что ей в определенном смысле *противоположно* – объективную реальность. Более того, объективная реальность не просто включается в систему психического посред-

ством своей трансформации в свою превращенную форму, но и занимает при этом ведущий уровень, выступая на нем как субъективная реальность. И в этом плане можно сформулировать следующее предположение. С одной стороны, очевидно, что все психические образования и структуры, локализующиеся на метасистемном уровне, обладают свойством *идеальности*. Именно это свойство соединяет в себе, казалось бы, «несоединимое» – обязательную связь с материальным носителем, «отягощенность духа материей» и, в то же время, – выход за нее; принадлежность системе (носителю) и преодоление границ этой системы. Но с другой стороны, менее очевидно, но более существенно то, что сам метасистемный уровень, а также его формирование – сначала в фило-, а затем и в онтогенезе, является важнейшей и, не исключено, решающей причиной, *предпосылкой* для возникновения свойства идеальности как такового в целом. Лишь те системы, которые достигают в своем развитии возможности «встраивания» метасистемного уровня в свое собственное содержание и структурно-функциональную организацию, обретают способность к генерации свойства идеальности. Они получают возможность доступа к идеальному, а также к организации своего функционирования на основе такого доступа. Само идеальное раскрывается с этой точки зрения в его собственно *операционной* функции, то есть в качестве средства и механизма самоорганизации систем.

Наряду с этим, следует учитывать и еще одно обстоятельство. Многочисленные исследования, выполненные в последние годы на основе метасистемного подхода, действительно, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что не только психика в *целом*, но также и ее основные «*составляющие*» также организованы на основе данного принципа [243, 251, 253, 254, 258, 259, 264, 276, 277, 526]. Так, в частности, данный принцип реализован в структурно-уровневой организации системы психических процессов [249], способностей [273], деятельности [251], сознания [256], процессов принятия решения [253, 254], мотивационной сферы личности [277], а также и в организации личности в целом [247]. Следовательно, данный принцип характеризует и организацию психики в целом, и организацию ее важнейших «составляющих»; он является поэтому своего рода *сквозным* для нее.

Можно видеть, что и «парадокс высшего уровня организации», и проблема неопределенности понятийного и концептуального ста-

туса термина «метасистемный уровень», действительно, могут быть разрешены лишь в том случае, если для этого привлечь общенаучный принцип *дополнительности*. Как было продемонстрировано выше, сущность и специфичность метасистемного уровня в целом такова, что он не может быть интерпретирован по принципу «или – или», то есть как локализованный *или* вне психики, *или* внутри нее. Он может быть адекватно и корректно раскрыт и объяснен лишь по принципу «и – и», то есть как имеющий двойную локализацию. В этом вообще состоит его атрибутивная природа. Такая двойная локализация метасистемного уровня означает, кроме того, существование двух его основных форм, модусов – материального и идеального.

Таким образом, подводя предварительные итоги проведенному анализу, мы хотели бы подчеркнуть главное. Он показал, что существующие традиционные взгляды относительно понятия метасистемного уровня, а также его места и роли в организации психики нуждаются в существенной корректировке и даже – в определенном пересмотре. Наиболее важным шагом в данном направлении является отказ от традиционных представлений, согласно которым метасистемный уровень локализуется только вне системы. Такая – внешняя представленность, хотя, разумеется, имеет место и, более того, является *основной*, в то же время, не может считаться *единственной* и потому *абсолютной*. Данный уровень может быть «встроен» в собственную структуру системы, получая при этом, однако, качественно новые – иные по сравнению с его экстрасистемной представленностью формы существования. Кроме того, появляются основания для дифференциации особого, специфического класса систем как таковых – тех, которые характеризуются рассмотренными выше особенностями; данный класс образован системами со «встроенным» метасистемным уровнем. И, разумеется, психика, рассмотренная с системных позиций, является наиболее характерным и показательным представителем данного класса.

Итак, можно заключить, что важную, а не исключено, – и определяющую роль в преодолении трудностей современного состояния системного подхода, а также в его дальнейшем развитии в целом может, а, на наш взгляд, и должно, сыграть понятие метасистемного уровня организации систем. Как было показано выше, подавляющее большинство теоретических и методологических трудностей современно-

го состояния системных исследований связано с неопределенностью категориального и концептуального статуса понятия метасистемного уровня, с его очень слабой включенностью в методологию системности, а тем более – в конкретно-научные, особенно психологические исследования, базирующиеся на его основе. Представления, сложившиеся к настоящему времени относительно сущности метасистемного уровня характеризуются недостаточной степенью зрелости и развитости. Они не учитывают в должной мере многие современные научные результаты, полученные, прежде всего, в психологических исследованиях. Вместе с тем, именно их учет показывает, что существует не только возможность, но и настоятельная необходимость достаточно радикального изменения понимания сути данного уровня, необходимость в иной его общей трактовке. Лишь в этом случае могут быть сняты те парадоксы и устранены те трудности, к которым привело развитие системного подхода на современном этапе.

Решающим шагом при этом должно стать, как было показано выше, признание того факта, что метасистемный уровень может быть «встроен» в структуру самой системы, включен в ее собственное – внутреннее содержание, а не только проявляется во внешних взаимодействиях системы и метасистемы. Психика как раз и является одним из наиболее типичных и сложных представителей такого рода систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В свою очередь, осознание данного обстоятельства позволяет адекватно объяснить и по-новому проинтерпретировать ряд общепсихологических закономерностей и новейших данных, полученных, в частности в когнитивной психологии и в метакогнитивизме, а также в психологии сознания и в психологической теории деятельности. В связи с этим, следует констатировать, что современные представления о «мире систем» в целом, по-видимому, неполны: они не учитывают существования особого класса систем – систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Последние достаточно существенно отличаются от систем с внешним метасистемным уровнем и не могут быть сведены только к эффектам их усложнения.

Отсюда следует, что главным направлением и основным условием развития системного подхода в целом должна выступать его эволюция в направлении ассимиляции им категории метасистемного уровня. Такая его трансформация создает необходимые основания для изуче-

ния и объяснения всех *реально* существующих классов систем – в том числе и системы со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим, предложенная трактовка понятия метасистемного уровня, а также развитые представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем и обоснование принадлежности к ним психики показывают, что современные варианты системного подхода не вполне адекватны самой атрибутивной природе психики. Они – в любой своей разновидности базируются на признании факта лишь внешнего существования метасистемного уровня, тогда как специфика и даже уникальность психики состоит в том, что она является системой со «встроенным» метасистемным уровнем. При этом следует подчеркнуть, что психология как наука выступает уже не только в качестве «пользователя» системного подхода, но и в качестве активного, продуктивного начала его собственного развития. Она не только вскрывает ограниченность его современного состояния, но и указывает на конкретные направления его развития, эволюции.

Итак, на основе развитых выше представлений открываются новые возможности не только для адекватной концептуализации, обобщения и объяснения ряда достаточно общих результатов, феноменов и закономерностей. Не менее значимо и то, что вполне отчетливо вырисовываются реальные и вполне конкретные направления развития самого системного подхода, определение главного «вектора» его эволюции. Этот «вектор» предполагает необходимость (а в свете материалов данной главы – и возможность) *трансформации системного подхода в метасистемный подход*. Второй выступает по отношению к первому не только как закономерный продукт его развития, как его новый этап, но и как своеобразное диалектическое снятие. Дело в том, что ряд весьма общих закономерностей, описанных в системном подходе и получивших в нем статус методологических императивов, как правило, представлены в метасистемном подходе существенно иначе, а в ряде случаев – и в инверсионном виде²¹.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Те основные трудности и противоречия традиционных вариантов системного под-

²¹ По ходу дальнейшего изложения будут рассмотрены конкретные проявления действия этой общей закономерности.

хода, к которым привело его развитие и которые свидетельствуют об ограниченности его гносеологических возможностей, могут быть в значительной мере преодолены при условии концептуального расширения содержания самой категории «система». Такое расширение не только предполагает, но и объективно требует дифференциации особого, качественно специфического класса систем, обладающих уникальной – атрибутивной для них особенностью «встроенностью» в их состав и содержание метасистемного уровня их организации. Их, как следует из вышеизложенного, целесообразно обозначить понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

В данной связи необходимо напомнить положение, которое также отмечалось выше. Как показывают многочисленные исследования, выполненные к настоящему времени, метасистемный принцип лежит в основе организации не только психики *в целом*, но и многих, причем, – важнейших «составляющих» психики. К ним относятся, как мы уже отмечали, система психических процессов, общая совокупность способностей личности, процессы принятия решения, система психологических защит личности, феномен организационной культуры, мотивационная сфера личности, психологическая система деятельности и др. (см. обзор этих исследований в [261, 262]). Тем самым получает свое обоснование и содержательное наполнение общий тезис, согласно которому и психика в целом, и ее основные «составляющие» базируются на основе принципа метасистемной организации. Следовательно, они должны быть проинтерпретированы как принадлежащие к особому и качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот общий для психики принцип воспроизводится – *мультиплицируется* и в основных ее «составляющих». В связи с этим, становится очевидным, что, реализуясь в целом ряде (точнее – во многих) подсистемах, данный принцип, действительно, демонстрирует свой статус как именно *общего* принципа организации.

Обоснованность и конструктивность такого подхода (а по нашему мнению – и необходимость в нем) обусловлена еще и тем, что с его позиций может быть более полно решены две следующие задачи. Во-первых, с этих позиций достигается большее приближение к раскрытию реальной сложности и многомерности, полиструктурности и многокачественности психического, к выявлению закономерностей и механизмов ее самоорганизации. Во-вторых, с этих

позиций удастся не только в существенной степени преодолеть некоторые из сформулированных к настоящему времени в методологии системности трудностей. Важно и показательно также то, что становится возможным выявление целого ряда *новых* фактов, закономерностей и механизмов в различных и притом – важнейших сферах психологической проблематики.

Можно видеть, что развитие представлений о *предмете*, достигаемое посредством реализации по отношению к нему усовершенствованного *метода*, не только позволяет, но и настоятельно требует дальнейшего совершенствования самого метода, создает для этого необходимые предпосылки. В свою очередь, сам – усовершенствованный метод позволяет расширить и углубить представления о предмете исследования. Во всем этом находит свое конкретное проявление общая диалектика *предмета и метода* познания в целом и психологического познания, в частности, взаимообусловленность и взаимодетерминированность их эволюции. Эта диалектика предполагает необходимость достаточно существенных концептуальных трансформаций самого системного подхода и его эволюции в направлении преобразования в *метасистемный подход*.

Вместе с тем, данное заключение с логической необходимостью приводит к постановке, как минимум, двух – первоочередных групп вопросов методологического плана. Первая из них состоит в следующем: каков *объем* самого *понятия* систем со «встроенным» метасистемным уровнем»? Какие *разновидности* этих систем существуют и вообще – существуют ли эти разновидности как таковые; или же психика является единственным и потому – уникальным их представителем? Какова предметная сфера отнесенности метасистемного подхода? Смысл этих вопросов можно сформулировать и несколько иначе. Образуют ли системы со «встроенным» метасистемным уровнем некоторый *класс*, внутри которого они дифференцируются на виды, типы? Или же это – не класс систем, а одна – специфическая и уникальная система, в качестве которой выступает психика? В известном смысле данный вопрос вообще является ключевым, поскольку именно от него зависит определение границ действия, ограничение сферы применимости метасистемного подхода как такового. Тот или иной вариант ответа на него будет определять *меру обобщенности* всех положений, составляющих содержание метасистемного

подхода в целом. Или данный подход справедлив для определенно-го *класса* систем. Или же он адекватен природе лишь *одного*, хотя и уникального по своей значимости, *вида* систем – для психики?

По всей вероятности, на современном уровне развития теоретических представлений пока нельзя дать полный и исчерпывающий ответ на данный вопрос. Вместе с тем, можно предложить следующий вариант его решения. Есть основания считать, что такого рода системы, действительно, представляют собой определенный *класс*, внутри которого могут дифференцироваться, как минимум, *три* их основных типа.

Во-первых, как мы показали выше, психика *в целом* представляет собой такого рода систему – причем, в ее максимально полном и развернутом проявлении. *Во-вторых*, поскольку метасистемный принцип, как было установлено в достаточно большом количестве исследований, действительно, воплощается – мультиплицируется в организации основных подсистем, «составляющих» психики, то и их – эти *базовые подсистемы* также необходимо включить в данный класс. Более того, на наш взгляд, именно их совокупность составляет основную часть всего объема данного класса. Он как раз и образован в значительной своей части базовыми подсистемами психики, из которых синтезирована мегасистема психического. Можно предположить также, что именно наличие «встроенного» метасистемного уровня должно рассматриваться как общее – *родовое* и, возможно, главное свойство отдельных «составляющих» психики, а также и всей ее в целом. В-третьих, не только возможен, но и, по нашему мнению, – необходим еще один способ дифференциации рассматриваемых систем. Он, однако, имеет противоположный по своей ориентации «вектор» и направлен, так сказать, не *вглубь* психики, а *вне* ее. Он требует перехода в плоскость *интериндивидуальных взаимодействий*, то есть в сферу межличностных отношений и intersубъектной организации; поясним сказанное.

Дело в том, что, как показывают специально выполненные исследования, *групповая* форма организации также наиболее полно раскрывается с позиций метасистемного принципа [162, 166]. Действительно, трудно не видеть того – очевидного и явного, но именно поэтому и важнейшего обстоятельства, смысл которого заключается в следующем. *Общая* организация этой – групповой формы по своему *содержанию* определяется и даже просто во многом *состоит* из всего того, что имеет исходно *внегрупповую* локализацию. Эта

организация именно *в целом*, то есть именно на ее *общесистемном* уровне образована тем, что «не выводится» из характеристик, включенных в нее индивидов и «не сводится» к ним, а принадлежит к метасистеме – к социальному метаконтексту, в котором и формируется сама группа. Групповое функционирование разворачивается на основе факторов и детерминант именно социального, общественно-выработанного плана. Они носят надличностный – надиндивидуальный характер и не могут быть редуцированы до аддитивной совокупности, до рядоположенного множества характеристик интраиндивидуального, интраличностного плана. Кроме того, важнейшими и определяющими среди них являются очень общие факторы и детерминанты, которые и составляют суть и основное содержание *социального* как такового. Это, прежде всего, нормы и ценности, роли и правила, установки и стереотипы, императивы права и морали, экспектации и мн. др.

Следовательно, метасистема (социум или его локальные «составляющие») оказывается тем самым функционально включенной – «встроенной» в групповую организацию. Причем, она представлена именно на ее высшем, то есть общесистемном уровне групповой организации. Сам же этот уровень обретает уже не раз констатированную выше двойственность, точнее – двуединство своей атрибутивной природы. С одной стороны, он характеризует систему в целом (в данном случае – группу), является носителем ее собственных содержательных характеристик. С другой стороны, он – именно содержательно – выступает и как производный от содержания метасистемы в целом, *образован* этим содержанием. Благодаря такому двуединству, данный уровень соотносится и с системой, и с метасистемой *одновременно*: он локализован и внутри, и вне самой системы. Имеет место все тот же – общий механизм «встраивания» метасистемы в структурную организацию самой системы. Метасистемный уровень одновременно принадлежит и метасистеме (социуму) и системе (группе); в результате этого возникает и еще один базовый механизм, описанный выше, – механизм *метасистемной обратимости*, а также те следствия, которые им порождаются. Сама же групповая форма организации с необходимостью раскрывается с этих позиций как принадлежащая к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Тот уровень, который исходно и объективно (онтологически) локализован вне самой группы и который образо-

ван ее взаимодействиями с метасистемой – социумом, оказывается, действительно, функционально представленным, репрезентированным, то есть «встроенным» в содержание и структурную организацию группы. Более того, он локализуется на высшем, то есть именно общесистемном уровне ее организации.

Необходимо подчеркнуть, что все – рассмотренные выше положения относительно групповой формы организации справедливы, как показано в [247], и по отношению к *организациям* различного масштаба. Другими словами, *третьим* подклассом систем со «встроенным» метасистемным уровнем могут считаться те системы, которые формируются посредством синтеза базовых представителей такого рода систем – индивидуальных психик (то есть группы и целые организации). Они в своей совокупности составляют содержание того макрокласса систем, которые традиционно обозначаются в науке как *рефлективные системы* [253, 335].

Итак, выше мы остановились на некоторых основных положениях, раскрывающих сущность метасистемного подхода как методологического принципа психологических исследований. При этом, разумеется, именно в силу достаточно общего характера рассматриваемой проблемы, проведенный анализ потребовал обращения к вопросам, действительно, общего – методологического характера. Вместе с тем, это необходимо, поскольку без решения наиболее общих и принципиальных вопросов крайне затруднительно и не вполне конструктивно решение вопросов более частного, хотя и также очень важного плана. И наоборот, сформулированный выше вариант решения этих общих вопросов, состоящий в обосновании самого принципа метасистемного подхода, создает новые – необходимые и во многом достаточные условия для их раскрытия. В частности, с его позиций открываются новые возможности для решения основных задач данной работы и главной из них, состоящей в необходимости раскрытия сущности и структуры субъективного времени.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие промежуточные заключения, необходимые для осуществления дальнейшего анализа основной проблемы данной главы.

Во-первых, к настоящему времени сложились необходимые и достаточные – объективные предпосылки, а также адекватные гносеологические средства для трансформации системного подхода

в качественно новый его вариант – в метасистемный подход. Он обладает большими эвристическими возможностями и в существенно большей степени адекватен атрибутивной природе предметов психологического исследования. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что метасистемный подход ни в коей степени не противоречит базовым и фундаментальным положениям традиционного системного подхода, а является его дальнейшим развитием, выступая поэтому преемственным по отношению к нему.

Во-вторых, реализация метасистемного подхода по отношению к собственно психологической проблематике делает необходимой дифференциацию особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. И психика в целом, и ее базовые «составляющие» допускают свое более адекватное и полное раскрытие именно в качестве систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Тем самым получает свое решение двуединая задача. С одной стороны, получает свое обоснование наше общее предположение о существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а с другой стороны, эти системы обнаруживают и свою множественность, то есть раскрываются как представители, действительно, особого класса, объединяемые общей категорией. Они являются *видовыми* представителями, характеризующиеся общей *родовой* принадлежностью.

В-третьих, если теперь синтезировать два предыдущих заключения в плане основных задач проводимого здесь анализа, то можно сделать и еще одно заключение. Напомним, что эти задачи как раз и состояли в необходимости верификации двух общетеоретических предположений – о возможности качественного совершенствования самого системного подхода в плане его дальнейшего развития и о возможности существования качественно специфического класса систем, не описанного пока в традиционном системном подходе. Как можно видеть из представленных выше результатов, оба этих общетеоретических предположения получили свою верификацию и подтверждение. Причем, обоснование тезиса о существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем явилось прямым и непосредственным результатом реализации по отношению к психологической проблематике самого метасистемного подхода. Тем самым вновь проявляется общая диалектика развертывания отношений

предмета и метода исследования, согласно которой новый *метод* (метасистемный подход) позволяет обнаружить новые закономерности *предмета* исследования.

2.2. Содержание метасистемного подхода

Сформулированные выше положения о системах со «встроенным» метасистемным уровнем и тех теоретических следствиях, которые из них вытекают, выступают методологической основой всего анализа, представленного в последующих главах данной работы. Вместе с тем, *прежде чем* перейти к такому анализу и *для того, чтобы* он стал и возможным и обоснованным, необходимо уделить специальное внимание решению еще одной задачи. Она связана с более подробной и развернутой экспликацией основных положений самого метасистемного подхода, с характеристикой его специфических черт и его дополнительных возможностей по сравнению с традиционными вариантами классического системного подхода.

Данная задача предполагает необходимость решения целой группы основных вопросов, к постановке которых, собственно говоря, и приводят результаты проведенного выше анализа. Главные из них заключается в следующем. Каковы общие по своему методологическому смыслу, но конкретные по содержанию направления эволюции и, возможно, трансформации системного подхода в метасистемный? Какие новые особенности и потенциальные возможности содержит в себе метасистемный подход? В каких отношениях он находится с традиционным – «классическим» системным подходом? Почему и как конкретно он должен быть понят в качестве продукта его развития и эволюции, но в то же время – и своеобразного диалектического снятия и преодоления ряда упрощенных представлений о «мире систем», сложившихся в нем? Естественно, нет необходимости специально подчеркивать чрезвычайную сложность всех этих вопросов и практическую невозможность их исчерпывающего решения в рамках одного исследования (тем более, – на современном, то есть недостаточно развитом уровне разработанности представлений в данной области). Однако эта сложность не должна все же полностью блокировать любые попытки их решения, поскольку, как показано выше, дальнейший прогресс в развитии системной методологии

без этого вряд ли возможен. В связи с этим, отдавая полный отчет в истинной сложности всех этих вопросов, ниже мы предпримем, тем не менее, одну из возможных попыток, содействующих их решению.

Высокая степень сложности ее реализации проявляется практически с самых первых шагов ее осуществления. Так, в силу очень высокой степени обобщенности системного подхода как методологического принципа сразу же возникает принципиальная трудность, связанная с *определением* тех ключевых *направлений* и аспектов, в русле которых необходимо проводить сопоставление системного и метасистемного подходов. Вместе с тем, есть основания считать, что за своеобразную точку отсчета целесообразно взять сложившиеся в системном подходе представления об определенной – достаточно инвариантной совокупности методологических императивов, соблюдение которых диктуется данным подходом. Как известно, эта совокупность, взятая в ее «хронологической развертке» составляет содержание *алгоритма системного исследования* [248, 255, 256]. Он предполагает реализацию следующих шагов – этапов системного исследования.

1. Изучение системы в аспекте ее включенности в более общую целостность – метасистему и определение тех характеристик, которые она обретает в ней; это – *метасистемный план* исследования. В ряде случаев он обозначается и понятием *онтологического* плана исследования, поскольку предполагает исследование той или иной системы не как гносеологической абстракции, а как реальной – онтологически представленной целостности. Она при этом рассматривается как включенная в состав некоторой объективно существующей системы более высокого порядка сложности и степени обобщенности, то есть метасистемы.

2. Изучение системы в плане основных закономерностей *структурной* организации. Данный – во многом определяющий этап дифференцируется, как правило, на ряд подэтапов, каждый из которых также имеет важное методологическое значение. В своей совокупности они образуют второй – *структурный план* исследования, а основными при этом выступают следующие подэтапы.

2.1. Определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной цели как *критерия* ее дифференциации от среды.

2.2. Выделение системы из среды в качестве *относительно самостоятельной* на основе определенного критерия.

2.3. Установление *компонентного состава* системы на основе «критерия взаимосодержимости» (П. К. Анохин [25]), согласно которому компонентами системы считается все то, что, так или иначе, содействует достижению ее цели.

2.4. *Собственно структурное* изучение системы, то есть определение совокупности связей между компонентами, установленными на предыдущем этапе.

3. Раскрытие особенностей *функциональной* организации системы (функциональный план исследования).

4. Определение *генетических* особенностей и закономерностей *развития* системы (генетический план исследования).

5. Определение наиболее обобщенных свойств изучаемой системы – ее *системных качеств*, интегративных свойств (интегративный план исследования).

Именно эти представления, являющиеся базовыми и исходными в методологии системности и подтвердившие свою конструктивность всей историей ее развития, составляют своей совокупности основное содержание метасистемного подхода. Вместе с тем, они составляют именно *основное* содержание данного подхода, он не исчерпывают его в целом. Дело в том, что все указанные исследовательские планы ориентированы, прежде всего, на раскрытие базовых категорий закономерностей, которым реально подчиняется предмета исследования, по которым он «живет», «бытийствует» (термин М. К. Мамардашвили [351]). Иными словами они направлены на раскрытие закономерностей, лежащих в основе его реальной *онтологии*. Тем самым они составляют один из двух основных вариантов метасистемного подхода – *онтологический*.

В своем онтологическом варианте системный подход направлен, прежде всего, на выявление и раскрытие *объективно* представленных (то есть именно онтологически данных) закономерностей и эффектов особого типа – интегративных, синтетических по своей сути. Наряду с этим, он направлен и на раскрытие аналогичных, то есть также объективно присущих системной форме закономерностей ее структурной и функциональной организации, а также генетической динамики. Иными словами, этот вариант принципа системности ориентирован на раскрытие реальной онтологии предмета исследования как системы, на экспликацию интегративного «измерения» его существования. Кроме того, как отмечалось выше, предполагает

реализацию по отношению к изучаемому предмету определенной совокупности методологических средств, обозначаемых как алгоритма системного исследования²².

Вместе с тем, в общем содержании данного подхода представлен и второй основной вариант – *гносеологический*. Он, будучи теснейшим образом связанным с онтологическим вариантом и, более того, – являясь во многом производным от него, имеет все же несколько иную ориентацию и, соответственно, содержание. Наиболее важная его черта – важнейшая его специфическая особенность заключается в том, что предмет исследования может и не быть «истинной» системой, а *рассмотрен* как таковая. И, хотя, безусловно, оба этих варианта теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены, они все же имеют достаточно значимые различия, связанные с их специфической фокусировкой.

Дифференциацию принципа системности на два его основных варианта необходимо, на наш взгляд, учитывать и при решении основных задач данной работы. Кроме того, наиболее целесообразным представляется *сочетание* этих подходов, поскольку именно оно позволяет осуществить наиболее полную и многомерную экспликацию изучаемому предмету. В силу этого, ниже характеристика этих двух вариантов будет представлена именно в дифференцированном виде: вначале будет рассмотрен онтологический вариант метасистемного подхода, а затем – его гносеологический вариант.

2.2.1. Метасистемный план исследования

Оправданность и конструктивность сделанного выбора основных направлений анализа проявляется достаточно непосредственно – уже в плане первого из сформулированных выше направлений, причем, в весьма отчетливой форме. Более того, именно этот первый аспект, предполагающий изучение метасистемного бытия объекта исследования, является одним из наиболее показательных в плане рассматриваемой проблемы. Действительно, как известно из методологии системного подхода, в структуре научного познания дифференцируются два подхода, две парадигмы (две «призмы видения») любого объекта познания – аналитическая (предметоцентрическая) и системная (си-

²² Содержание его основных этапов будет охарактеризовано в параграфе 2.3.

стемоцентрическая). Они же выступают и двумя основными этапами развертывания познания. Первая создает необходимые эмпирические (и иные) предпосылки для второй, подготавливает ее возникновение; вторая же, в свою очередь, дает более адекватное и приближенное к реальности объяснение изучаемого объекта. С точки зрения предметоцентрического подхода объект должен быть изучен, раскрыт, главным образом, «сам по себе», в относительной изолированности от его связей с иными объектами, в возможно более «чистом» и аналитически экстирпированном виде. Цель такого познания – установление качественной определенности изучаемого предмета; выявление совокупности его внутренних – аутохтонных закономерностей.

Вместе с тем, на определенной стадии развертывания такого познания оно постепенно приходит к осознанию собственной ограниченности и к необходимости перехода к иной парадигме, к иной «призме видения» исходного объекта исследования. Это – стемоцентрическая парадигма, предполагающая изучение объекта уже не в относительной изолированности от иных объектов, с которыми онтологически взаимодействует изучаемый объект и в «сеть» которых он реально включен, а, наоборот, – в их системе. Прежде всего, при этом возникает фундаментальная проблема определения ближайшей – онтологически представленной *метасистемы*, в которую реально включен изучаемый объект. Важность такого способа познания определяется, в первую очередь, тем, что именно во взаимосвязях с метасистемой, объект обретает совершенно новые особенности, закономерности и свойства, которые не обнаруживаются у него в аналитически изолированном от нее виде²³. Метасистемное бытие раскрывает уже не только качественную *определенность* объекта, но и его качественную *специфичность*. Важно и то, что объект может входить и реально входит в несколько метасистем одновременно. Следовательно, он приобретает множественные качественные спецификации. Тем самым любой объект реальности (в том числе, и субъективной) обретает свою многокачественность и многомерность, а факт полисистемности бытия любого объекта как раз и выступает ключом к его познанию.

²³ В этой связи уместно обратиться к известному положению С. Л. Рубинштейна, указывавшего, что «...с возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [483].

Все это, повторяем, – своеобразные аксиомы классического системного подхода, его исходные положения. Подчеркнем также, что их определяющим моментом является необходимость установления метасистемы по отношению к изучаемому объекту. Лишь после этого и на этой основе выявляются те спецификации – те новые характеристики объекта, которые он получает, *включаясь* в нее. Иными словами, речь идет именно о *включении* объекта познания в метасистему, которая по отношению к нему (по определению) рассматривается как макрообразование, что, собственно, и зафиксировано в самом понятии *метасистемы*.

Каким же образом представлены эти, повторяем, – базовые и исходные положения методологии системности по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем? Принципиальный характер данного вопроса определяется следующим. Если по отношению к указанным системам, действительно, обнаружится специфичность проявления системных закономерностей, то эти новые закономерности, обязательно должны быть учтены в самой методологии системности и могут служить направлениями развития системного подхода в целом. Причем, вначале, как это и предписывается «алгоритмом системного исследования», мы рассмотрим этот важный вопрос в связи с соотношением системного и метасистемного модусов, а затем – в связи с другими аспектами, предписанными данным «алгоритмом». Подчеркнем также, что, поскольку сама проблема развития и совершенствования методологии системного подхода на основе представлений о системах со «встроенном» метасистемном уровне находится лишь на начальных стадиях разработки то и формулируемые ниже положения следует рассматривать лишь как первый шаг в решении данной проблемы.

Обращаясь к вопросу о специфике взаимосвязи системного и метасистемного модусов по отношению к рассматриваемым здесь системам, мы считаем необходимым, прежде всего, подчеркнуть следующее положение. Оно состоит в том, что по отношению к этому модусу обнаруживается важная и достаточно общая закономерность²⁴. Те ме-

²⁴ Предваряя дальнейший анализ, можно указать на то, что оно справедливо и по отношению ко всем иным методологическим аспектам, предписанным алгоритмом системного исследования.

тодологические императивы и гносеологические установки, которые сформулированы в классическом системном подходе, *сохраняют в целом* и в наиболее общем виде свою справедливость и по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Более того, они совершенно необходимы для их адекватного и полного раскрытия. Вместе с тем, по отношению к системам такого рода обнаруживаются некоторые *новые* – достаточно существенные особенности и закономерности, без учета которых их изучение не может быть ни адекватным, ни полным. Иными словами, классические системные императивы и установки гносеологического плана, являясь *необходимыми* для изучения этих систем, сами по себе еще *недостаточны* для этого. Они должны быть дополнены, а частично – и скорректированы (и в ряде случаев – заменены) новыми представлениями и закономерностями.

Все сказанное очень явно обнаруживается в плане первого из аспектов «алгоритма системного исследования» – в закономерностях взаимодействия системного и метасистемного модусов. В самом деле, как свидетельствует богатейший опыт реализации принципа системного подхода по отношению к психологической проблематике, все основные закономерности и установки классического системного подхода, сформулированные в аспекте данного модуса, сохраняют свою справедливость по отношению к ней. Вместе с тем, не менее важно и то, что *наряду* с ними, а частично – и *вместо* них начинают действовать и некоторые новые закономерности. Так, если в системном подходе явный акцент традиционно делается на поиске метасистемы для изучаемого объекта, а затем – на раскрытии его закономерностей включения в эту метасистему и выявлении дополнительных особенностей, которые он обретает в ней, то по отношению к рассматриваемым здесь системам дело обстоит иначе и существенно сложнее.

С одной стороны, безусловно, психика, личность в целом объективно – онтологически являются «частью мира», то есть выступают как подсистемы по отношению к метасистеме объективной реальности. В ней они обретают свои многообразные качественные особенности, характеристики, свойства и пр. Однако, с другой стороны, как было показано выше, сама психика представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она порождает «внутри» своего содержания модели, «дубликаты» объективной реальности, – «удваивает» эту реальность, а сама метасистема поэтому в значитель-

ной степени включается в состав, содержание и структуру психики. Следовательно, суть вопроса и основная плоскость исследования проблемы определяется уже не тем, как, по каким закономерностям та или иная система включается в метасистему, а наоборот – как онтологически представленная в качестве исходной метасистема сама «встраивается» в систему – в систему психического? Каким образом и на основе каких закономерностей *онтологически* первичная по отношению к психике метасистема объективной реальности *гносеологически*, субъективно сама «встраивается» в систему психического и приобретает в ней свое «удвоенное бытие»? Ранее уже отмечалось, что это – по существу, и есть основной вопрос психологии, и она пока еще не готова дать на него не только исчерпывающий, но и просто – достаточно приемлемый ответ.

Вместе с тем, сам факт того, что все это, действительно, имеет место, что метасистема объективной реальности «встраивается» в содержание, состав и структуру психики в форме порождаемых ей же самой дубликатов (моделей, репрезентаций и пр.) не может быть оспорен. Проще говоря, можно заключить, что имеет место своеобразная *инверсия* «классических» соотношений системного и метасистемного модусов. Не только система «встраивается» в метасистему, но и наоборот, метасистема включается в систему (подчеркнем, лишь в определенном *аспекте* – функциональном, но, конечно, не в онтологическом). Следовательно, и предметом анализа должны стать не только закономерности включения системы в метасистему, но и закономерности включения метасистемы в систему.

Факт включенности, то есть функциональной «встроенности» метасистемы в систему приводит – при его методологическом осмыслении к ряду весьма значимых, на наш взгляд, для развития системного подхода следствий; отметим некоторые из них. При этом, прежде всего, – во избежание недоразумений следует со всей определенностью еще раз подчеркнуть следующее. Говоря о включенности, «встроенности» метасистемы в систему, мы, естественно, не имеем в виду *онтологической* – морфологической включенности. Речь идет лишь о том, что метасистема *определенным образом, в определенной форме*, то есть именно *функционально* начинает быть представленной в системе – системе психического. Тем не менее, чем полнее, адекватнее и совершеннее будет такая функциональная представленность, реали-

зующаяся на уровне психического, в основном как *информационная, идеальная* представленность, тем больше предпосылки появляются для решения психикой общеадаптационных задач, тем более совершенные «модели мира» она строит и тем на более объективной, рациональной основе она функционирует. Отметим также, что действительная сложность данного вопроса связана также еще и с тем, что процесс «встраивания» метасистемы в систему «не отменяет» онтологически первичных по отношению к нему процессов и закономерностей «встраивания» самой системы в метасистему (психики в среду).

Прежде всего, «встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме – функциональной) приводит к тому, что сама метасистема начинает выступать в некотором смысле как локальная «составляющая» психики. В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью – подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей»; метасистема становится *субсистемой*. Кроме того, система, включая в себя метасистему как свой компонент, сама начинает выступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, то есть системного статуса). Другими словами, метасистема, оставаясь таковой, *одновременно* выступает и как система; система же также оставаясь таковой, *одновременно* выступает и как метасистема. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Некоторая реальность может *одновременно* выступать и как метасистема и как система, а сами эти понятия (и реальность, которая ими обозначается) не являются поэтому абсолютными – они *относительны*. По отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют *одну и ту же* реальность. И наоборот, эта реальность с необходимостью для своего полного описания и раскрытия должна быть одновременно представлена и как система и как метасистема, то есть с позиций *принципа дополнительности*.

Итак, на уровне психического понятия системы и метасистемы не абсолютны, а *относительны*; психическое может выступать и в том и в другом статусе и, более того, – соединять в себе оба этих статуса. Такое соединение и такая их *обратимость* составляют действительную сложность и реальную основу для развертывания системных

закономерностей в сфере психического. Эту сложность во всем ее объеме еще предстоит понять и объяснить; однако уже сейчас ее можно и нужно хотя бы осознать. Такое осознание может способствовать более глубокому пониманию ряда достаточно общих психологических проблем и их частичному разрешению. Например, психика, формируя *внутри себя* метасистемный уровень, порождает такую реальность и такие механизмы функционирования, которые, принадлежа ей, вместе с тем, выходят за ее пределы. С позиций этой реальности и этих механизмов – то есть с позиций метасистемного уровня как высшего оказывается возможным практически невозможное (с классической точки зрения). А именно, становится возможным отнестись к самой себе как к *самостоятельной* системе – как к целостному и как бы внеположенному объекту. Другими словами, за счет формирования метасистемного уровня психика *объективирует себя для самой же себя*. Используя традиционную философскую терминологию, можно сказать, что психическая реальность трансформируется из вещи-в-себе в вещь-для-себя. Как уже отмечалось выше, психика тем и уникальна, что в ней как в системе заложен такой механизм, который позволяет преодолевать ей свою собственную системную ограниченность. Он позволяет ей делать саму себя предметом своего же собственного функционирования, а тем самым постоянно выходить за свои собственные пределы (что, собственно говоря, и зафиксировано в феноменологическом плане в таком фундаментальном атрибуте, каковым является свойство трансцендентальности).

Таким образом, можно видеть, что все это имеет непосредственное отношение к решению одной из наиболее острых и давних проблем психологии, обозначаемой иногда как «проблема гомункулуса», а в более общем плане – и к такой важнейшей для психологии в целом проблеме, как проблема *сознания*. Сознание как непосредственная данность психики самой себе – это и есть результативный эффект «встроенности» метасистемного уровня в самоё содержание психического. Функционируя на нем, как на *своем собственном* уровне, но одновременно – и таком, который позволяет объективировать всю психику в целом и отнестись к ней как к своего рода *внеположенному* объекту, психическое обретает фундаментальное свойство *самопрезентированности*. В свою очередь, понять и объяснить данное свойство, вскрыть те детерминанты и механизмы, благодаря которым

оно становится реальностью, крайне затруднительно или даже – невозможно без обращения к метасистемному принципу (и уровню) организации психики. Тем самым можно видеть, что с достаточной очевидностью обнаруживается глубокая и закономерная общность самой сути метасистемной организации и атрибутивной природы психики, высшим и определяющим уровнем организации которой как раз и выступает уровень ее осознаваемой регуляции. Следовательно, именно данный принцип и реализуемый на его основе метасистемный подход должны быть рассмотрены и использованы в качестве достаточно общей – собственно методологической основы разработки психологической проблематики в целом.

Понятие метасистемности, а также развиваемые здесь представления о психике как о системе со «встроенным» метасистемным уровнем организации позволяют, далее, дополнить и углубить взгляды о соотношении двух важнейших категорий – качественной *определенности* и качественной *специфичности*. Как уже отмечалось выше, эти категории играют очень большую роль в методологии системного подхода; они, кроме того, опосредствуют его связь с методологией *качественного анализа* как особой и общей общенаучной парадигмой познания. Согласно каноническим представлениям, традиционно сложившимся в системном подходе, объект (явление, процесс и пр.), взятый в относительно самостоятельном виде, обнаруживает свою качественную *определенность*. Однако, он же, но взятый в контексте той реальной метасистемы, в которую он онтологически включен и в которой обретает свое истинное – «внутрисистемное» бытие, обнаруживает и свою качественную *специфичность*. При этом имеет место известный и фундаментальный по своей значимости феномен «удвоения качеств». Причем, как мы уже отмечали, поскольку любой объект (явление, процесс) одновременно входят не в одну, а в несколько (точнее – в множество) систем, то они приобретают множество качественных спецификаций. Поэтому и феномен (лучше сказать – механизм) «удвоения качеств», в действительности, представлен во множественном числе и предстает уже как феномен «умножения качеств».

Все сказанное, разумеется, справедливо и в отношении систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Соотношение качественной определенности и качественной специфичности (а также взаимо-

действие их онтологических носителей) – это необходимый атрибут такого рода систем. Однако – именно необходимый, но не достаточный. Дело в то, что в них возникают совершенно новые и даже «инверсионные» особенности взаимосвязи «двух рядов» качественных характеристик. Действительно, в них имеет место не только включенность системы в метасистему, но и в определенной степени – наоборот, включение метасистемы в систему. Следовательно, складывается уникальная ситуация, при которой метасистема как источник и своеобразное «поле качественных спецификаций» системы (то есть как то, что специфицирует систему) *сама* включается в систему и поэтому сама *подвергается спецификации*. Другими словами, имеет место ситуация, не только отличная от традиционных представлений, сложившихся в системном подходе, но в некотором смысле – и *противоположная* ей. Не метасистема специфицирует систему, а наоборот. *Внутри* системы поэтому возникают *новые* качественные характеристики самой метасистемы, что – с точки зрения классического системного подхода не удастся не только раскрыть, но даже поставить вопрос об этом. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому: не только система обретает новые – качественно *специфические* особенности, включаясь в метасистему, но и последняя также обретает новые характеристики, включаясь («встраиваясь») в систему, которая, однако, сама является ее компонентом. Такая картина достаточно необычна и непривычна, по крайней мере, – на первый взгляд. Вместе с тем, она представляет собой важнейший атрибут систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Данное методологическое положение имеет наиболее непосредственное отношение именно к психологической проблематике. Действительно, включенность психики как системы в метасистему объективной реальности позволяет раскрыть базовые, фундаментальные закономерности организации самой психики. Только в соотношении психики с этой метасистемой – в ее взаимосвязи и взаимодействии с объективной реальностью и через нее становится возможной и сама психология как объективная наука. Вместе с тем, поскольку по отношению к психике имеет место и встречный процесс – процесс своеобразного включения самой метасистемы (объективной реальности) в нее, то возникает и еще одна группа явлений и закономерностей. Объективная реальность как метасистема для психики в опре-

деленной форме и степени функционально «встраивается» в систему психического; сама начинает выступать как ее подсистема – как ее уровень, ее «составляющая». Она поэтому обретает в ней – но уже как в целостности по отношению к ней – новые черты и особенности, то есть подвергается качественным спецификациям. Все это и ведет в своей совокупности к тому, что объективная реальность, репрезентируясь в психике, предстает в своей превращенной форме – в форме *субъективной реальности*. Другими словами, *инверсия* механизма включения системы в метасистему порождает сам феномен *субъективной реальности* и тем самым в определенной степени конституирует *предмет* психологических исследований как таковой.

В связи со сказанным возникает еще более общий вопрос – вопрос о возможном расширении трактовки самого понятия взаимосвязей системы и метасистемы. С точки зрения традиционных представлений, сложившихся в системном подходе, можно выделить два основных «постулата», лежащих в основе понимания таких взаимодействий. Во-первых, система включается в метасистему (но никак – не наоборот!) и в ней обретает новые особенности. Во-вторых, эти особенности локализуются как бы «на стыке» системы и метасистемы; являются производными от их взаимодействия и самой системе как таковой не принадлежат, не обнаруживаются при ее анализе как относительно самостоятельной (от метасистемы) сущности.

В данном контексте целесообразно подчеркнуть, что в методологии системного подхода в целом сложилась не вполне адекватная и недостаточно обоснованная, но понятная с точки зрения общей логики его развития концептуальная традиция. Она состоит в том, что явный акцент делался и продолжает делаться на попытках раскрытия механизмов *интеграции* частей в целое – на механизмах системобразования как таковых. При этом значительно меньшее внимание уделяется раскрытию механизмам вождения систем в метасистемы. Возникает (но уже в рамках самого принципа системности) своеобразный аналог аналитического подхода. Если в последнем предмет (объект, явление, процесс) изучается «сам по себе», вне контекста тех систем, в которые он реально входит, то в системном подходе система изучается, в основном, в плане механизмов, обеспечивающих ее собственную целостность, но не ее нерасторжимое единство с теми метасистемами, в которые она сама входит. Эту особенность

можно обозначить как «системную аналитичность», как абстракцию отдельной системы. Более того, как уже отмечалось выше, сложилась и такая установка, согласно которой полагается, что, чем более автономной – самостоятельной от метасистемы и самодостаточной от метасистемы выступает система, тем она является и более совершенной, развитой, сложноорганизованной.

Сформулированные выше представления о метасистемности, однако, позволяют (и даже требуют) несколько иной интерпретации указанных – традиционно сложившихся взглядов. Согласно этой интерпретации, раскрытие механизмов вхождения системы в метасистему – это *необходимый*, но еще *недостаточный* для выявления их взаимосвязей аспект. Его обязательно следует дополнить изучением обратного процесса – процесса вхождения, функционального включения – «встраивания» самой метасистемы в систему. Связь системы и метасистемы в *общем виде* не носит, так сказать, «одностороннего характера»; она взаимна – не только система включается в метасистему, но и наоборот. Поэтому и наиболее полное раскрытие данной взаимосвязи может быть достигнуто лишь при учете ее принципиальной двойственности. Особенно важно это, разумеется, по отношению к собственно психологической проблематике. В некотором смысле вся психология – это и есть знание, полученное при попытках изучения того, каким же образом объективная реальность (метасистема) включается в психику (отражается в ней, точнее – порождается ей) и тем самым образует новую – субъективную реальность.

Далее, с этих позиций становится понятным, что взаимодействия системы и метасистемы могут развертываться, во-первых, *вне их непосредственного контакта*; во-вторых, *внутри* самой системы. Действительно, сама метасистема, «встраиваясь» в систему, образует ее *собственный* структурный уровень. Тем самым и связи метасистемы и системы принимают форму *межуровневых взаимодействий* внутри самой системы. В результате этого возникают новые и достаточно специфические явления – например, явление «опережающего взаимодействия», «удвоенного взаимодействия»²⁵. С развитых выше позиций становится очевидной также и ограниченность

²⁵ Эти явления подробно рассматриваются в ряде наших работ (см., например, в [246, 270]).

представлений об относительной автономности, самодостаточности той или иной системы как признаке ее совершенства, развитости. На наш взгляд, все обстоит как раз наоборот. Чем в большей степени система организована с метасистемой – причем, не только по типу ее включения в метасистему, но и по типу включения последней в саму систему, тем она более совершенна, более развита, более сложно организована. Наиболее характерна в этом отношении опять-таки психика в аспекте принципов ее взаимодействия с объективными метасистемами. Эти взаимодействия строятся не только по типу ее включения в разного рода объективные метасистемы, но и по типу включения последних в саму психику – в ее высший (метасистемный) уровень организации.

Можно видеть, что развитые выше взгляды демонстрируют более сложную и дифференцированную картину взаимодействий системы и метасистемы (психики и мира), нежели в традиционных вариантах системного подхода. Вместе с тем, только сказанным реальная сложность этой картины еще не исчерпывается. Дело в том, что проводимый анализ должен обязательно учитывать еще один – существенный аспект. Сам генезис метасистемного уровня, его «встраивание» в содержание и структуру психики осуществляется не по принципу *отражения*, а по принципу *порождения*. Объективная реальность отнюдь не является, так сказать, «оригиналом», в котором вся информация, все информационное содержание эксплицировано, объективировано и который подлежит только копированию, дублированию – «отражению». Объективная реальность – это своеобразное «поле аффордансов» – не только, разумеется, перцептивных, но и иных, в том числе и концептуальных. Субъект в значительной мере сам строит, порождает «картину мира», свой внутренний мир – то, что входит в психику как высший, то есть метасистемный уровень ее организации. Иными словами, психика (как система) взаимодействует с такой метасистемой, которая сама в значительной степени является ее порождением. Причем, это порождение никогда нельзя считать законченным – оно представляет собой не только результат, но и процесс, в силу чего субъективная реальность динамична, изменчива, трансформируема. Кроме того, такое порождение – формирование метасистемного уровня происходит отнюдь не под «доминантой рациональности» и строгой объективности.

Этим, собственно, и обусловлены, в конечном итоге, фундаментальные различия объективной и субъективной реальности.

Если, однако, доводить анализ до его логического завершения, то можно констатировать еще более сложную картину. Дело в том, что сама метасистема – в широком смысле (как вся объективная реальность) оказывается представленной в двух формах, в двух модусах. С одной стороны, – как субъективная модель объективного мира, то есть как «встроенный» в содержание психики уровень; причем, – уровень, порожденный самим субъектом и, следовательно, субъективный. С другой стороны, – как объективная реальность, с которой субъект онтологически взаимодействует и в которую он реально включен. Понятно, что эти два модуса не только не совпадают, но и существенно различны; именно их различия являются источником большинства психологических проблем личности, коллизий и дезадаптационных феноменов, но одновременно – и мощным фактором развития самой психики. Человек, естественно, живет не только в своем внутреннем мире, но, прежде всего, в мире реальном. Эти два мира – две метасистемы взаимодействуют между собой сложнейшим образом. Сам же факт их существования и взаимосвязанности предстает как своеобразный феномен «удвоения» принципиально различных модусов метасистемы – объективного и субъективного, внешнего и внутреннего, первичного и вторичного.

Вместе с тем, метасистемный план исследования имеет, на наш взгляд, еще один – достаточно существенный аспект. Как отмечалось выше, сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Тот уровень, на котором осуществляется взаимодействие метасистемы с системой, фактически, транспонируется при этом в содержание последней. В результате она обретает качественно новый статус – становится системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Подчеркнем при этом еще раз, что речь идет именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике.

Кроме того, как показано выше, не только психика в целом, но и иные ее базовые «составляющие» также организованы на основе

указанного выше принципа и являются поэтому *качественно специфическими*, своеобразными системами. Они и были обозначены нами как системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Одной из их очень общих и характерных, а в чем-то и уникальных их черт, которая особенно ярко представлена, например, в организации сознания, является следующая особенность. С одной стороны, та или иная система, безусловно, функционирует по собственным, то есть автохтонным закономерностям. В противном случае ни о каком образовании, процессе, структуре и пр. нельзя было бы говорить именно как о качественно специфической, самостоятельной – онтологически представленной сущности, как об относительно автономной системе. Однако, с другой стороны, она же включает в себя (пусть и лишь функционально) и ту метасистему, в которой она сама представлена. При этом она не перестает быть – но уже онтологически частью этой метасистемы.

Тем самым, как уже отмечалось выше, складывается достаточно уникальная и в чем-то необычная, парадоксальная, но объективная ситуация. Ее суть состоит в том, что система оказывается в состоянии *взаимодействовать сама с собой*, не нарушая при этом никаких собственных объективных закономерностей; возникает феномен *автовзаимодействия*. В связи с этим, можно предположить, что именно он является *родовым* по отношению к свойству самосензитивности психики как *видовому*. Однако, именно оно, как известно, наиболее релевантно психологической природе и специфике организации психики, неотъемлемым атрибутом которой как раз и вступает включенность в ее организацию процессов и механизмов сознания, сама суть которого и состоит в этой самосензитивности. Следовательно, феномен автовзаимодействия может и должен быть привлечен в качестве базового объяснительного средства исследования и самого сознания, и психики в целом²⁶. Его существование (и очень важная роль в организации психики) с еще большей убедительностью вскрывают то, что ни она в целом, ни ее основные «составляющие» не могут быть адекватно, полно и корректно раскрыты и объяснены с точки зрения

²⁶ Безусловно, при этом возникает, быть может, наиболее принципиальный вопрос, связанный с раскрытием механизмов, лежащих в основе феномена *автовзаимодействия*; к его рассмотрению мы специально обратимся в ходе последующего изложения.

сложившихся к настоящему времени представлений о классических типах систем. Именно этим, кстати говоря, во многом и обусловлены те кризисные моменты в развитии системного подхода, которые были рассмотрены выше. Они представляют собой качественно иной, глубоко своеобразный класс систем. Это своеобразие обусловлено важнейшим и наиболее специфическим, по существу, атрибутивным свойством психики – свойством *самосензитивности* и, следовательно, самопрезентированности в ней результатов и продуктов, а частично – и процессов своего собственного функционирования. Данное свойство является сквозным и пронизывает все уровни структурной организации психики – начиная от элементарного самоощущения и заканчивая рефлексивными процессами и сознанием в целом. Необходимым следствием этого, является то, что, фактически, любые психические образования и процессы обретают способность делать самоё себя в целом специфическим предметом репрезентации и активных воздействий. Тем самым, психические образования, структуры, процессы объективно обретают специфическую способность своеобразного выхода за свои собственные пределы, то есть за пределы общесистемного уровня своего функционирования. Другими словами, они обретают способность к порождению нового уровня – метасистемного. На этом уровне они же *сами* в целом становятся объектом управления и организации со стороны *самих* же себя. За счет этого преодолевается их «системная ограниченность», реализуется выход в качественно иную плоскость, на качественно иной уровень функционирования – метасистемный.

Данная фундаментальная закономерность имеет множественные и важные проявления; отметим лишь два из них. Во-первых, это, разумеется, атрибут осознаваемости, сам феномен *сознания* в целом, суть которого как раз и заключается в перманентном и атрибутивном «выходе» за пределы самоё себя (трансцендентности); в «отражении отраженного»; в способности психики к самопрезентации себя в целом. Во-вторых, столь же естественным, а одновременно очень важным проявлением данной закономерности является основной объект исследований одного из очень важных и развитых направлений современной когнитивной психологии – метакогнитивизма, то есть *сами метакогнитивные процессы*. Их атрибутивная, сущностная особенность заключается в том, что они представляют собой «процессы по орга-

низации процессов». Все они являются итоговыми эффектами общепсихологического свойства самосензитивности, в результате чего когнитивные процессы подвергаются своеобразному «удвоению». Они выходят за пределы самих себя, в результате чего и порождаются новые – по существу, метасистемные образования, то есть метакогнитивные процессы (метапамять, метамышление и др.). Таким образом, психические образования могут выступать и в качестве метасистемы по отношению к самим себе. Более того, итоговые эффекты – результаты их функционирования, достигнутые за счет выхода на метасистемный уровень, вновь используются в их последующем собственном функционировании, то есть фактически, «встраиваются» в их общесистемный уровень. Поэтому психические образования и выступают системами со «встроенным» метасистемным уровнем.

При характеристике метасистемного плана исследования необходимо подчеркнуть, что существует еще целый ряд его достаточно важных аспектов, которые, будучи значимыми сами по себе, одновременно выявляют и общий характер его отношений с системным подходом²⁷. Причем, показательно, что это относится уже к наиболее важному и, по существу, основному положению, составляющему саму суть метасистемного подхода. Речь идет о положении, согласно которому метасистема может функционально «встраиваться» в систему и образовывать высший, то есть метасистемный уровень ее организации. Дело в том, что оно, в действительности, является частным случаем более общей и в большей мере отвечающей реальности закономерности; своего рода – некоторой абстракцией, лишь в определенной мере приближающейся к раскрытию реальной сложности объективной ситуации. В действительности, та или иная система, принадлежащая к описываемому здесь классу, реально – онтологически, как правило, включена не в одну, а одновременно в *несколько* метасистем. Например, личность, понятая как сверхсложная система, а также проинтерпретированная в наших работах как система со «встроенным» метасистем-

²⁷ Напомним, что суть этих взаимоотношений состоит в диалектической преемственности метасистемного и системного подходов, означающей, что в первом в целом *сохраняются* наиболее значимые положения второго. Однако ряд положений системного подхода подвергается в нем существенной *трансформации* и, более того, может быть представлено в нем в, так сказать, инверсионном – противоположном по отношению к исходно установленному виде.

ным уровнем [247], включена одновременно в целый ряд метасистем (социального микро- и макроокружения, производственных отношений, в разного рода группы и пр.). Последние и получают в результате развертывания процессов социализации и социальной детерминации всех сторон бытия личности очень полную репрезентацию в содержании самой личности. Они вообще составляют ее важнейшую сторону, образуют *личностность* – ее социальное качество как таковое²⁸. Тем самым, в составе и содержании, в структуре и функциональной организации личности оказывается представленным целый ряд метасистем. Личность предстает уже не только как система со «встроенным» метасистемным уровнем, а как *полиметасистемное* образование. Сам же принцип метасистемности раскрывается в его более общем виде – как принцип *полиметасистемности*. Согласно ему, гетерогенные и множественно представленные в той или иной системе метасистемы получают в составе первой столь же множественные спецификации, совокупность которых в значительной степени образует ее качественную определенность как таковую. Если доводить данное положение до логического завершения, то можно сказать (конечно, с определенной долей условности), что не только целое, то есть метасистема, состоит из своих частей, но и наоборот, часть (личность) состоит из множества целостностей – метасистем, в которые она сама онтологически включена. При этом сама часть (в данном случае – личность) выступает *эффектом конвергенции* многих целостностей (метасистем), в которые она объективно входит. Подчеркнем также, что, как уже отмечалось выше, между ними складываются достаточно необычные, во многом противоречащие традиционным представлениям, отношения, смысл и механизмы которых еще предстоит понять и раскрыть.

Своего рода инверсионной по отношению к рассмотренной является и еще одна – важная, на наш взгляд, закономерность, обнаруживающаяся при реализации метасистемного плана исследования характеризуемого здесь класса систем. Дело в том, что какая-либо – действительно, сложноорганизованная метасистема включает в свой состав (именно по причине своей сложности) не одну, а целый ряд систем. Последние могут существенно различаться по многим па-

²⁸ Это – очень глубокое, а одновременно и емкое понятия было предложено и подробно проанализировано Т. Шибутани в работе [613].

раметрам, что и лежит в основе гетерогении метасистемы, а также высокой степени ее сложности. Вместе с тем, как это было показано на материале анализа структурной и функциональной организации базовых подсистем психики все они, а не только психика в целом, также являются системами со «встроенным» метасистемным уровнем (см. обзор в [148]). Следовательно, возникают основания для предположения, согласно которому, одна и та же метасистема «встраивается» в целый ряд (а не исключено, и во все) системы, которые сами онтологически входят в ее состав и образуют ее содержание, мультиплицируются в них. Тем самым метасистема получает *множественную экспликацию* во всех своих базовых составляющих (системах); она «умножается» в них – многократно воспроизводится, хотя, конечно, и в специфическом виде по отношению к каждой системе²⁹.

В свете изложенного появляются основания для несколько иной, нежели это принято традиционно, интерпретации трех важнейших очень характерных – даже атрибутивных особенностей организации психики в целом. Первая из них заключается, как известно, в том, что психика представляет собой так называемую *полносвязную* систему, или же «абсолютное целое», для которых характерна, по существу, тотальная взаимосвязь всех ее компонентов друг с другом. Они, фактически, не могут существовать в автономном виде, а напротив – их бытие возможно бытия лишь «в сцепленной» со всеми иными образованиями форме. На наш взгляд, в основе такой тотальной взаимосвязи лежит не только, и быть может, не столько то, что все компоненты – «составляющие» психики *напрямую* и непосредственно взаимодействуют друг с другом (и, соответственно, взаимосвязаны, так сказать, попарно). Иными словами, в основе их соорганизации отнюдь не лежит некоторая «матрица взаимодействий» локального, то есть попарного типа (каждый с каждым), а существенно иной механизм, состоящий в следующем. Все базовые «составляющие» психики, являясь системами со «встроенным» метасистемным уровнем,

²⁹ Подчеркнем, что с позиций данного заключения, которое, в свою очередь, выступает непосредственным следствием наиболее общих особенностей рассматриваемого класса систем, достаточно широко использующийся в современных исследованиях термин мультипликации получает свою очень естественную и полную экспликацию. Он раскрывается не только в переносном смысле и не только как метафора, но и в прямом – непосредственном его значении.

воспроизводят, мультиплицируют в себе основные характеристики метасистемы в целом, то есть психики – в том числе и ее атрибутивную, исходно представленную и онтологически данную целостность. В результате этого, в каждой основной «составляющей» психики уже исходно – онтологически оказывается представленной (хотя, разумеется, лишь в определенном аспекте – функциональном) вся она – в ее целостности, то есть во взаимосвязанности всех ее частей. Другими словами, некоторая целостность (в данном случае – психика) организует свои части – «составляющие» не путем их непосредственной «увязки» и согласования друг с другом, а существенно иначе. Сами части мультиплицируют в себе наиболее *общие*, основные принципы и механизмы организации целостности (той системы, частями которой они и являются). В свою очередь, эта общность и обеспечивает согласованность, соорганизованность их структурирования и функционирования в рамках самой целостности, обеспечивает ее как таковую.

Вообще говоря, в этой связи, по-видимому, можно предположить, что определенной корректировке и, возможно, концептуальному расширению нуждаются и сами традиционно сложившиеся представления о структуре как таковой, а также содержание самого этого понятия в целом. Действительно, в его классическом и каноническом виде понятие структуры означает всю совокупность связей между компонентами системы. Вместе с тем, в свете сказанного становится совершенно очевидным, что компоненты могут обретать организацию – прежде всего, именно структурную, и не вступая друг с другом в какое-либо эксплицированное взаимодействие, то есть без установления каких-либо *непосредственных* связей между ними. Структурированность, а впоследствии и общая организованность компонентов может достигаться и принципиально иным путем. Сами эти сущности (потенциальные, а затем – и реальные компоненты структуры) могут либо вообще никак не взаимодействовать друг с другом, либо это взаимодействие является пренебрежимо малым в аспекте его структурного потенциала. Эти связи складываются и устанавливаются между всеми сущностями, которые впоследствии и составят структуру некоторой целостности, с одной стороны, и *целью* функционирования самой складывающейся целостности (целевой функцией), с другой.

Иными словами, связи устанавливаются между целью и каждым из компонентов, а не между последними непосредственно, так ска-

зять, напрямую. При этом каждый из компонентов «окрашивается» качественными характеристиками самой цели, уподобляется ей в том или ином отношении. Такое уподобление является принципиально общим для всех компонентов. В свою очередь, именно эта общность и придает согласованность, организованность самим компонентам. Данный тип структурообразования можно обозначить как *целеобусловленная структура* или как целеопосредствованная структура. Можно привести большое число примеров такого рода структурообразования, которые наиболее очевидны, скажем, в процессах группообразования, то есть группового структурирования. Группа может складываться не только в силу того, что между ее членами *непосредственно* устанавливаются те или иные отношения, связи, а и по иной причине. Множество индивидов (которое впоследствии и составит группу) объединяется *общим* лидером (как носителем целей и ценностей): они непосредственно подражают ему, «увлекаются» им и тем самым воплощают в себе некоторую совокупность общих для всех них норм и правил, носителем которых он является. И именно эта общность делает из их множества также общность, но уже межличностную, то есть конституирует саму группу. Целостность и единство группы достигается, таким образом, не за счет того, что устанавливаются взаимосвязи и проводится соорганизация «каждого их члена с каждым» (то есть не по принципу локального, попарного согласования), а существенно иначе – на основе представленной выше закономерности. Понятно также, что особую, фактически, – незаменимую роль она играет по отношению к структурированию *больших* групп и тем более – *организаций* (любого типа).

Таким образом, целостность, «единство» какой-либо группы, а тем более организации, в особенности – достаточно большой, как правило, достигается не за счет того, что устанавливаются взаимосвязи и проводится соорганизация каждого их члена с каждым (то есть не по принципу локального, попарного согласования), а существенно иначе. *Все* члены группы (или организации) воспроизводят в себе, мультиплицируют некоторую совокупность общих – общегрупповых (общеорганизационных) императивов, конвенциально разделяют их, что, собственно говоря, и обеспечивает саму целостность и организованность. При этом некоторые их члены вообще могут никак не контактировать друг с другом непосредственно. В связи с этим,

можно сказать и так: система обеспечивает свою целостность не путем интеграции частей, а путем мультипликации себя в них. Подчеркнем при этом также, что данный механизм структурообразования непосредственно воплощает в себе известный тезис системной методологии, согласно которому именно цель вступает главным системообразующим фактором системы.

Кроме того, именно данный тип структурообразования непосредственно и очень естественным образом реализует основное положение развиваемого в данной работе метасистемного подхода, придавая ему дополнительные содержательные грани. Действительно, сама суть цели как таковой состоит в том, что она по определению локализуется *вне* системы, *вне* процесса. Однако она, несмотря на это, может придавать общность самим компонентам системы, функционально мультиплицировать свои характеристики в них, что и обеспечивает их структурированность. Тем самым, можно видеть, что целеобусловленное структурирование попросту невозможно без механизма функционального «встраивания» параметров самой цели в определенное множество компонентов, которые и подлежат структурированию.

Очень демонстративной и относительно наиболее простой, понятной, хотя и несколько схематизированной иллюстрацией данного принципа может служить следующий пример. Та или иная общность индивидов (группа, коллектив, организация и пр.), а тем более – и общество как таковое, проинтерпретированные в качестве определенной целостности, безусловно, имеет очень сложную и развернутую совокупность своих специфических особенностей и характеристики. Это – системы норм, правил, этических императивов, социальных эталонов, надындивидуального опыта и мн. др. Все это, собственно говоря, и образует уровень, который обычно обозначается как уровень социальной организации. Вместе с тем, будучи, повторяем, чрезвычайно сложным сам по себе, он обязательно интернализуется любой из входящих в эти общности личностей. Более того, такая интернализация как раз и составляет сущность процесса социализации, приводя в итоге к формированию *личности* как социального качества индивида и, соответственно, к формированию самой личности. Однако эти процессы интернализации имеют именно *множественный* характер, поскольку реализуются на целом ряде или – точнее на множестве индивидов. Тем самым столь же существенно *умножается* и общий

потенциал, которым характеризуется эти объединения индивидов (например, группы, организации). В свете этого несколько по-новому раскрывается и истинная природа любой социальной общности, точнее – природа и механизмы ее *сложности*. Она сложна не только и не столько потому, что сложной является система собственно социальных ее регуляторов и детерминант, а потому, что они сами получают в этой общности свое многократное воплощение и, более того, в определенной мере начинают взаимодействовать сами с собой, поскольку они же и обуславливают взаимодействия членов этих общностей.

Вся совокупность представленных выше материалов, раскрывающих основные положения метасистемного плана исследования, позволяет высказать и ряд соображений более общего характера относительно корректности традиционных представлений о соотношении частей и целого, компонентов и системы. Действительно, в их свете становится достаточно очевидным, что далеко не всегда и вовсе не обязательно часть является более простым образованием, нежели само целое. Показательно, что к сходным представлениям приходит, например, современная биология, рассматривающая клетку (часть) как более сложную по своей внутренней организации, нежели организм (целое). Однако еще более очевидными и понятными являются иллюстрации собственно психологического плана. Так, например, личность, являясь, безусловно, частью группы (как целого), то есть в известном смысле – именно системой, включенной в метасистему, совершенно явным и очевидным образом выступает существенно более сложной, нежели само это целое. На наш взгляд, уже давно пора отказаться от традиционных и, казалось бы, само собой разумеющихся и отвечающих так называемому здравому смыслу представлений, согласно которым целое всегда сложнее своих частей; что оно всегда является бóльшим, чем второе.

В свете изложенных выше представлений о механизме «встраивания» метасистемы (целого) в систему (часть) вскрывается совершенно естественный характер и *противоположных* отношений. Часть нередко (а, быть может, и *как правило*) является более сложноорганизованной, нежели само целое. Впрочем, у данного обстоятельства существуют и более традиционные причины. Так, известно, что на уровне целого возникают не только эффекты *супераддитивности*, но и эффекты *инфрааддитивности*, то есть имеет место

не только приращение организации и не только увеличение сложности, но и их потери. Кроме того, как мы уже отмечали, не только целое может состоять из своих частей, но в известном смысле и сами части также могут быть эффектами конвергенции многих целостностей.

Наконец, в свете изложенного появляются возможности для преодоления (конечно, лишь в определенной степени) и одного из констатированных выше противоречий, сформулированного, но не разрешенного в традиционном системном подходе и доходящего по своей остроте до степени парадокса. Оно, затрагивая самые фундаментальные аспекты системного подхода, его «основы основ», состоит в следующем. Традиционно полагается, что главное понятие всего системного подхода – понятие *системного качества* является достаточно очевидным по своему смыслу. Действительно, системное качество – это такое свойство системы, которое присуще ей в целом, но которое отсутствует у любой ее части и у аддитивной совокупности частей. Однако, как известно, существует и другое базовое положение методологии системности, состоящее в том, что атрибутивная природа любого компонента системы заключается в том, что это такая часть целого, которая воспроизводит в себе все базовые характеристики самого целого. Однако, к числу последних, то есть базовых особенностей, в первую очередь, относятся именно главные свойства системы – ее системные качества. Но тогда и возникает объективное противоречие между двумя этими положениями. С одной стороны, системные качества – это свойства лишь системы в целом, но никак не ее частей, то есть ее компонентов. С другой стороны, *они же* объективно должны быть присущи и частям – компонентам системы.

На наш взгляд, преодоление этого, действительно, объективного – очень важного и острого противоречия может быть осуществлено опять-таки на основе изложенных выше представлений о метасистемном принципе организации определенного класса систем. Дело в том, что в свете этих представлений существенному переосмыслению нуждается сама – обычно не дифференцируемая и концептуально очень аморфная трактовка понятия «часть». В результате такого переосмысления и конкретизации оказывается, что целое (метасистема) обязательно включает в свой состав существенно, *кардинально различные* части (подсистемы, компоненты, элементы и др.). Одни из них являются столь «дробными», что, действительно, утрачивают

характеристик всего целого (это – на язык» теории систем ее *элементы*). Другие же части, напротив, не только могут воспроизводить, мультиплицировать все базовые характеристики целого. Причем, именно такое «встраивание» этих характеристик в их собственное содержание как раз и составляет самую их суть (это «на языке» теории систем ее *компоненты*).

Таким образом, сформулированное выше противоречие оказывается преодоленным, а сам механизм «встраивания» вскрывает важнейшее обстоятельство, состоящее в следующем. Системные качества целого могут транспонироваться и на его компоненты. Тем самым эти качества оказываются воплощенными и в отдельных составляющих системы, что резко повышает функциональный потенциал последних. Показательно также, что одним из наиболее ярких подтверждений этого как раз и является один из главных предметов психологического исследования – деятельности. Действительно, в этом плане очень демонстративным является известное положение, сформулированное С. Л. Рубинштейном, согласно которому «В действии как подлинной «единице», «клеточке» психологического изучения объективируются *все* компоненты психического» [481] (выделено нами – *А. К.*)³⁰. К этому – наиболее имплицитному, а одновременно и важному механизму (транспонированию системных качеств с уровня целого на уровень частей) мы еще возвратимся в ходе дальнейшего анализа, поскольку оно является очень важным специфически системным механизмом.

Итак, на основе проведенного выше анализа можно сделать заключение, согласно которому подтверждается сформулированное в начале данной главы предположение. Действительно, учет тех новых особенностей, которыми обладают системы со «встроенным» метасистемным уровнем, способствует развитию самого системного подхода как методологического принципа. Причем, уже в первом из аспектов, предписываемым «алгоритмом системного исследования» (метасистемном, онтологическом), проявляется и наиболее общая закономерность, состоящая в следующем. В системах данного

³⁰ Действительно, при анализе основных психологических особенностей действия оказывается, что в нем представлены не только «все компоненты психического», на что указывает С. Л. Рубинштейн, но также и все базовые атрибуты деятельности – свойства целенаправленности, осознаваемости, активности, предметности, продуктивности, адаптируемости, корректируемости (корригируемости) и др.

класса, с одной стороны, в целом могут *сохраняться* некоторые наиболее общие и значимые закономерности систем всех иных классов. Однако, с другой стороны, по отношению к ним имеют место и такие феномены и свойства, которые не только не могут быть описаны в традиционных вариантах системного подхода, но и в ряде случаев как бы противоположны им, принимая своеобразную – инверсионную форму. Понятно, что представленный выше анализ – это лишь начало экспликации такого рода закономерностей. Дальнейшее развитие самого системного подхода в направлении его трансформации в метасистемный подход, вероятно, приведет к установлению новых и, возможно, еще более существенных закономерностей.

2.2.2. Структурный план исследования

Следующий важнейший этап реализации принципа системного подхода, предписываемый алгоритмом системного исследования, требует, как известно, установления закономерностей *структурной* организации изучаемого предмета. Вместе с тем (и это опять-таки предписывается методологией системности) данный этап, в силу его сложности и комплексности, является достаточно дифференцированным и предполагает реализацию целого ряда исследовательских подэтапов. И, безусловно, главным из них является тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление ее *компонентного состава* изучаемой системы. В известном смысле это вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, «архетипический», связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», что собой представляет – в аспекте его *содержания* объект познания.

Известно также, что в методологии системности представлен такой вариант решения данного вопроса, который явно доминирует по отношению ко всем остальным³¹. Мы имеем в виду подход, который был предложен П. К. Анохиным и получил широкое распространение и признание в системных исследованиях [26]. В нем сформулирован

³¹ Подчеркнем, что здесь речь идет, разумеется, не о конкретных способах – «технологии» определения компонентного состава, а о *методологии* разработки таких способов и технологий.

определенный и достаточно строгий *критерий* для определения компонентного состава той или иной системы; это – так называемый «критерий *взаимосодейственности*». Его смысл состоит в том, что в качестве компонентов системы рассматривается любая сущность (предмет, явление, процесс, феномен, механизм и пр.), которая так или иначе, прямо или косвенно *содействует* достижению общей цели системы, по отношению к которой стоит задача определения ее компонентного состава. Всё, что «работает» на достижение цели и *функционально* способствует этому, рассматривается как совокупность компонентов системы. Цель, подобно магниту, «вытягивает» из среды и «притягивает» к себе лишь то, что способствует ее осуществлению и тем самым является универсальным критерием для определения компонентного состава системы. Далее – на последующих этапах становления и развития системы цель выполняет также и функцию перевода компонентов в специфический режим – режим их *взаимосодействия* ее достижению, при котором каждый компонент проявляет себя лишь в том аспекте и в той мере, которые помогают достижению цели.

Естественно, что эти представления, сформулированные на достаточно ранних этапах развития принципа системности, наряду с их четкостью и определенностью (точнее – именно благодаря им), характеризуются некоторой упрощенностью и схематизированностью. Так, например, многие или даже – подавляющее большинство систем имеют не одну, а ряд, точнее – множество целей и являются поэтому *полицелевыми*. В связи с этим, их компонентный состав формируется по более сложным схемам, а сами они выступают как *полисистемные* образования. Далее, отнюдь не всегда цель как критерий определяет системы по, так сказать, «морфологическому» принципу – по принципу структурирования в ней тех или иных онтологически представленных образований. Существует и иной принцип – функциональный и, соответственно, иные типы систем – функциональные и популяционные (включая их частные случаи – распределенные, наложенные и др. системы). Они в целом и их компонентный состав, в частности, формируется по типу временного и частичного включения, на основе ситуационного синтеза компонентов иных систем в рамках необходимости достижения какой-либо цели [369, 443, 444, 543, 576].

Вместе с тем, в любом из указанных вариантов именно признак наличия цели является обязательным и ключевым. Цель как

критерий селекции компонентного состава и как *системообразующий фактор* является определяющей для становления главного в системе – ее содержания (а также для его определения при исследовании системы). Это положение, повторяем, является одним из своеобразных постулатов системного подхода в его классическом варианте. Каким же образом оно может и должно быть осмыслено с позиций развитых выше представлений о системах со «встроенным» метасистемным уровне, вообще – с позиций метасистемного подхода? Понятно, что при современном уровне развития данной проблемы этот вопрос вряд ли допускает окончательное решение; вместе с тем, ряд соображений, содействующих его решению, все же могут быть сформулированы уже сейчас.

Исходным и методологически основным для его решения должно стать, на наш взгляд, следующее положение. Известно, что в филогенетическом аспекте существуют две принципиально разные, даже в известном смысле противоположные линии эволюции форм организации психики – *инстинктивная* и *рефлекторная*. В самом общем виде суть их различий состоит в следующем. Инстинктивная психика базируется на совокупности врожденных паттернов целесообразного реагирования на вполне определенные раздражители и фиксированные ситуации. Иначе говоря, такая психика может быть представлена как совокупность готовых систем целенаправленного реагирования и приспособления к ограниченному набору видо-специфических средовых стимулов. Эти системы, действительно, формируются, так сказать, «под цель», а она, в свою очередь, является для них системообразующим фактором.

Совершенно иной принцип лежит в основе второй – рефлекторной линии, «ветви» филогенеза психики. Это – по существу *ситуационный* принцип, поскольку системы реагирования не «предзадаются, а формируются и, добавим (что не менее важно), – переформируются, трансформируются в ходе онтогенеза. У психики, построенной на рефлекторно-ситуационном принципе, нет и не может быть жестких, предзаданных форм реагирования на ограниченный набор раздражителей – целей. Следовательно, по своему содержанию, по набору своих компонентов они не могут детерминироваться совокупностью такого рода целей. У психики, сформировавшейся в итоге эволюции по «рефлекторной линии», существует не цель (или – цели), а *метацель*:

адаптироваться, «выжить», а для этого строить свое функционирование, повторяем, по подчеркнуто *ситуационному* принципу.

Данный принцип сопряжен, в свою очередь, с двумя важнейшими особенностями. Во-первых, множество ситуаций, которые могут возникать и реально возникают, является *принципиально неограниченным* и практически необозримым. Во-вторых, преодоление любой их такого рода ситуаций должно носить все же *целенаправленный* характер, поскольку лишь при этом условии оно может быть эффективным, адаптивным. Оба этих условия, будучи синтезированными друг с другом, означают следующее. В каждом *отдельно* взятом, *конкретном* случае поведенческой и деятельностной активности цель, действительно, выполняет роль системообразующего фактора, а формирующиеся и функционирующие под ее детерминационным влиянием системы такой активности, действительно, складываются на основе критерия взаимосодейственности, о котором речь шла выше. Однако на более обобщенном уровне – уровне механизмов регуляции этой активности, уровне психики в целом дело обстоит существенно иначе. Для него характерно не наличие какой-либо конкретной цели (как системообразующего фактора этой системы), а *принципиальное отсутствие* такой цели, но при соблюдении одного – важнейшего условия. Оно состоит в том, что априорная непредзаданность какой-либо цели (или, точнее, – совокупности целей) не только не означает нецеленаправленности функционирования, но наоборот, – содержит предпосылки для придания данному свойству новых – более совершенных форм. В психику как систему заложен не набор целей, а метачель, которая в наиболее общем виде состоит в организации адаптивного поведения, а *для этого* в формировании конкретных целей, соответствующих той или иной ситуации. Иными словами, это означает, что обратной стороной и объективным следствием такой организации является *возникновение способности к целеобразованию* как таковой. Именно эта способность является, как известно, одной из наиболее характерных и специфических особенностей психики.

Итак, принципиальная неопределенность и огромная сложность внешней среды приводит к необходимости ситуационного принципа как единственно возможного и эффективного адаптационного средства. Он, в свою очередь, характеризуется столь же принципиальной множественностью форм и способов реагирования на прак-

тически необозримое множество ситуаций. Единственно возможным средством обеспечения этого является не кумулятивное увеличение поведенческих систем с заданной целью, а формирование нового свойства – способности к целеобразованию как таковому и далее – к *ситуационному генезису* систем под конкретную, но всякий раз отличную цель, под *сформированную* цель.

Все это поводит к тому, что на уровне психики в целом наиболее эффективным средством ее организации в аспекте *компонентного состава* является обеспечение заведомой *избыточности* этих компонентов, избыточность ее содержания в целом. Неопределенность среды и неопределенность возникающих ситуаций объективно требует для эффективной адаптации к ним избыточности содержания самой психики и, соответственно, – репертуара возможных способов преодоления ситуаций. Отсюда следует, что собственное содержание – компонентный состав психики как относительно самостоятельной системы должен складываться не по *принципу ограничения* (он состоит в том, что цель как системообразующий фактор *селектирует* и организует компоненты), а по иному принципу. Это, так сказать, принцип «*безграничения*» или – принцип потенциальной неограниченности: чем более содержательным, богатым, гетерогенным будет являться компонентный состав психики, тем в большей степени она будет соответствовать единственно возможному для принципиальной неопределенности среды принципу – ситуационному. Более того, лишь на основе этого становится возможной не просто целенаправленность поведения, а сама способность, обеспечивающая это свойство – способность к формированию целей, способность к целеобразованию.

На основе проведенного выше анализа можно, по-видимому, сделать и ряд заключений более общего порядка относительно организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и психики как одной из них (а также ее базовых «составляющих», также принадлежащих к данному классу). Эти заключения представляются, на наш взгляд, достаточно показательными в плане общей проблемы соотношения системного и метасистемного подходов: они «не отменяя» ключевых положений системного подхода, в то же время, развивают и углубляют их, а в некоторых случаях – и являются их своеобразным диалектическим снятием.

Действительно, как было показано выше, системы со «встроенным» метасистемным уровнем и психика как одна из наиболее характерных среди них, не только не обладает какой-либо конкретной, предзаданной целью, но и *в принципе* не должна обладать ей. Лишь при этом условии обеспечивается возможность для возникновения все новых и каждый раз отличных от других целей, специфичных той или иной актуальной ситуации взаимодействия со средой. Следовательно, по отношению к структурной и функциональной организации психики (и каждой из ее основных «составляющих») любая *конкретная* цель в принципе не может выступать в качестве системообразующего фактора. В этом смысле она не может являться причиной, детерминантой структурирования той или иной психологической системы (как это полагается аксиоматичным в традиционном системном подходе). При этом имеет место совершенно иная и гораздо более сложная картина, суть которой заключается в следующем. С одной стороны, системы со «встроенным» метасистемным уровнем не имеют предзаданных, *фиксированных* целей, но обладают *способностью* к целеобразованию; следовательно, они не могут формироваться под их детерминирующим воздействием как системообразующего фактора. Их актуальное формирование и функционирование наоборот, вначале предполагает поэтому своего рода «обратный» процесс – формирование цели как таковой. Генерация целей – это не исходный момент формирования и функционирования такого рода систем, а определенный – промежуточный этап и *результат*, эффект их функционирования. С другой стороны, уже *после* этого, после генерации цели (целей) последние начинают выступать в том статусе, который подробно и детально охарактеризован в традиционном системном подходе – в качестве системообразующего фактора по отношению ко всему функционированию систем. Проще говоря, системы со «встроенным» метасистемным уровнем (и, повторяем, – психика как наиболее характерный их представитель) синтезирует в себе две базовые функции: реализацию целями функции системообразующего фактора и функцию генерации самих этих целей. Система, продуцируя некоторые цели, затем сама начинает «подчиняться» тому, что она же сама и сгенерировала. Это – один из важнейших аспектов общей проблемы самоорганизации систем.

Другим и также значимым аспектом рассматриваемой проблемы является, на наш взгляд, следующая закономерность. Системы со «встроенным» метасистемным уровнем, обладая *способностью* к целеобразованию, порождают, генерируют некоторые цели. Не они «формируются под цель», а наоборот, сама цель является продуктом и результативным эффектом их функционирования (и уже поэтому цель никак не может реализовывать по отношению к ним функцию их системообразующего фактора). Однако затем сгенерированная системой цель все же начинает выступать в этой функции и определенным, закономерным образом влиять на ту систему, которая ее и спродуцировала. В результате этого сама система трансформируется, меняет свое состояние, режим своего функционирования. Конкретно, это означает, в частности, что из всего – практически неограниченного компонентного состава системы некоторые компоненты, в наибольшей степени содействующие достижению цели, переводятся как бы в актуальное состояние, выходят на первый план, становятся «фигурой», тогда как все иные образования определяют «фон», оказываясь представленными в латентном состоянии. Общее «пространство психического» дифференцируется на *актуальную* составляющую – то его содержание, которое непосредственно содействует реализации цели, и на *латентную*, потенциальную составляющую – на то содержание, которое не отвечает непосредственно требованиям достижения цели.

Итак, можно видеть, что указанная дифференциация, проведенная выше в максимально обобщенном плане, имеет непосредственное отношение к одной из основных проблем психологии – к проблеме сознания. Она фактически, лежит в основе существования двух форм репрезентации информации в психике – осознаваемой и неосознаваемой и, более того, является, по-видимому, объективным фактором дифференциации этих форм репрезентации в целом, а в определенном смысле и ее *механизмом*. Установление данного механизма делает более понятным и даже естественным многократно зафиксированный эмпирически фундаментальный факт атрибутивной связи «цели и сознания», точнее – осознанности всего того, что прямо или косвенно связано с целью, «работает» на нее, лежит в ее русле. Эту связь – в свете сказанного можно проинтерпретировать следующим образом. Психика как система со «встроенным» метасистемным уровнем, обладая практически неограниченным компонентным составом,

вом и отсутствием какого-либо исходного, предзаданного набора целей, но в то же время – способностью к целеобразованию, генерирует цель (цели). Те, в свою очередь, оказывают на компонентный состав активное обратное влияние посредством селекции той их части, которая содействует ее реализации. Тем самым общий компонентный состав дифференцируется на, так сказать, «латентную» и «эксплицитную» формы его репрезентации; на актуальную и потенциальную его составляющие. Первая из них (латентная, потенциальная) соотносится с «информацией бессознательного». Вторая (эксплицитная, актуальная) соотносится с осознаваемой репрезентацией, точнее – *является* ей. Кроме того, если цель оказывается неудачной или же таковым, то есть неудачным является произошедший процесс селекции актуальной, эксплицированной информации из всего компонентного состава, она может переформулироваться, то есть трансформироваться. Соответственно этому, изменяется состав и структура актуализированной (то есть, фактически, осознаваемой) информации, изменяется «фокус сознания». И такого рода трансформации состава и структуры репрезентации продолжаются до тех пор, пока цель не окажется достигнутой. В этом и состоит, по нашему мнению, источник имманентно присущей сознанию динамичности, «текучести», а в более общем плане – и атрибута его трансцендентальности.

Таким образом, очень важным признаком психики как системы является то, что она не подчиняется правилу, согласно которому цель как системообразующий фактор селектирует, а тем самым – ограничивает компонентный состав и затем организует его. Доминирующей здесь является не тенденция к ограничению, а противоположная тенденция – к принципиальной открытости компонентного состава, к обеспечению его возможно большего расширения, к его неограниченности, незамкнутости и перманентной обогащаемости. Лишь это обеспечивает должный «запас информационной прочности», на основе которого становится возможным формирование адекватных целей и конструирование действенных способов преодоления принципиально неограниченного и непредсказуемо изменяющегося множества внешних ситуаций³².

³² Очевидна связь данного вывода с законом необходимого разнообразия, сформулированного У.Р. Эшби [629].

Возвращаясь вновь к метафоре о том, что «цель вытягивает, подобно магниту, из среды все то, что необходимо для ее достижения», мы могли бы сделать уточнение: это справедливо в каждом *конкретном* случае организации поведенческой активности. Однако на уровне психики *в целом* и ее базовых, важнейших подсистем действует иной принцип. Для них существует не цель, а метаяцель, состоящая в обеспечении самого свойства целенаправленности и требующая принципиально открытого, заведомо избыточного компонентного состава. Цель поэтому не «вытягивает» из среды те или иные компоненты, а наоборот, – «втягивает» в систему психического *возможно бóльшую* часть самой внешней среды – в форме информационных моделей, репрезентаций, образов, концептов и пр. Чем более полной – богатой и адекватной будет их совокупность, каковая и образует, в конечном итоге, *субъективную реальность*, тем выше адаптивные и все иные способности психики по отношению к взаимодействию с *объективной реальностью*.

Отсюда, далее, следует, что в качестве компонентов самого содержания психического начинают выступать, а затем занимают доминирующее положение такие образования, которые атрибутивно соответствуют не ее собственному содержанию, а содержанию той метасистемы, в которую она сама включена – объективной реальности. Это внешнее содержание (правда, в превращенной – идеальной форме, то есть в форме информационных дубликатов) становится внутренним содержанием психики, образуя ее компонентный состав. Другими словами, и по своему происхождению, и по своему содержанию компонентами психики становятся такие сущности, которые исходно выступали по отношению к ней как *метакомпоненты* – как части метасистемы, в которую она сама исходно включена. Лишь тот компонентный состав, который «вберет» в себя содержание метасистемы (объективно реальности), может обеспечить самой системе психического необходимый адаптивный и любой иной потенциал.

Таким образом, можно заключить, что для систем со «встроенным» метасистемным уровнем правила, установленные и считающиеся «каноническими» в системном подходе, не вполне достаточны. Более того, можно констатировать даже *противоположные* им закономерности детерминации компонентного состава такого рода систем. Лишь в том случае, когда компонентный состав определяет-

ся не какой-либо *конкретной* целью, а ее принципиальным *отсутствием* при одновременной *способности* к выработке – генерации различных целей (в зависимости от ситуации) сама система переходит на качественно иной уровень своего развития. Данный вывод непосредственно вытекает из общих представлений о системах со «встроенным» метасистемным уровнем в целом, а также из представлений о специфике детерминации их компонентного состава, в частности. Он в определенной степени содействует решению острой и критически значимой для конструктивной реализации системного подхода в психологии проблемы – проблемы механизмов целеобразования как важнейшего процесса (и свойства) психики, проблемы соотношения каузальности и телеологичности в детерминации поведения.

Проведенный анализ показал, что лишь системы со «встроенным» метасистемным уровнем способны к целеобразованию как таковому: не только к *реализации*, но и к *генерации* целей, поскольку их компонентный состав формируется не по критерию «ограничения», а по противоположному критерию («потенциальной неограниченности»). В роли их компонентов выступают превращенные формы компонентов самой метасистемы, то есть метакомпоненты. Данный вывод, содействуя решению одной важной проблемы – проблемы механизмов целеобразования, ставит другую, не менее важную и сложную проблему. Это вопрос о том, посредством каких механизмов системам со «встроенным» метасистемным уровнем (и психике как одной из них) удастся справиться с огромным и, более того, принципиально неограниченным – открытым объемом компонентного состава? Что позволяет этим системам преодолеть противоречие между, фактически, неограниченностью и заведомой избыточностью компонентного состава и необходимостью ограничения этого состава в каждом конкретном случае организации поведенческих актов? К этому вопросу мы специально обратимся ниже. Пока же продолжим рассмотрение структурного плана исследования, предписываемого содержанием метасистемного подхода.

Как известно, в методологии системного подхода в целом и в психологических исследованиях, базирующихся на данном принципе, в частности, именно этот аспект является наиболее традиционным и разработанным. Он рассматривается как базовый, основной.

Это – своего рода «ядро» системного подхода как такового³³. Причем, в ряде случаев имеет место даже терминологическая недифференцированность системного и структурного подходов; возникают затруднения в определении границ понятий системы и структуры. Действительно, сами понятия структуры и структурности являются очень общими, многоаспектными, полисемичными. Это отражает действительную сложность той реальности, которая ими отображается на понятийном и концептуальном уровнях. Вместе с тем, если попытаться выделить то главное и наиболее специфическое именно системному видению содержания понятия структурности, то им, по всей вероятности, будет положение об *уровневом принципе* структурирования систем. В самом деле, именно этот тезис – тезис о *структурно-уровневом принципе* организации систем является базовым и фундаментальным и в теории систем в целом, и в психологии, в частности. В связи с этим, именно его и целесообразно рассмотреть в контексте анализируемой здесь проблемы возможной специфики метасистемного подхода.

Итак, проблема формулируется следующим образом: как представлен базовый принцип организации систем (структурно-уровневый) по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем? Общий ответ на данный вопрос аналогичен тем, которые были даны при анализе двух рассмотренных аспектов – метасистемного и компонентного и которые характеризуют соотношения системного и метасистемного подходов в целом. Соотношение же это заключается в том, что базовые положения системного подхода в значительной степени сохраняют свою правомерность и по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Они *необходимы* для их изучения; однако – именно необходимы, но еще *недостаточны*. Дело в том, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем характеризуются некоторыми *новыми* особенностями и закономерностями, учет которых необходим при разработке мето-

³³ При этом необходимо учитывать, что именно структурный аспект является объективно основным во всем алгоритме системного исследования, поскольку он наиболее тесно связан с выявлением особенностей *содержания* изучаемых систем, их онтологических закономерностей и механизмов. Следовательно, на структурный аспект в наибольшей степени распространяются те выводы, которые были сделаны нами ранее относительно специфики взаимосвязи и взаимодействия целого и частей в системах со «встроенным» метасистемным уровнем.

дологических средств их изучения (то есть при разработке метасистемного подхода). Рассмотрим данное положение более подробно.

Действительно, многочисленные данные как теоретико-методологического, так и эмпирико-экспериментального плана (см., в частности в [243, 251, 253, 254, 258, 259, 264, 276, 277, 526]) убедительно свидетельствуют о том, что и психика в целом, и ее отдельные подсистемы организованы на основе структурно-уровневого принципа. В этом плане классический системный подход (в любом его варианте) абсолютно необходим для раскрытия структурно-уровневых закономерностей объектов психологического изучения. Однако, для того, чтобы стать не только *необходимым*, но и *достаточным* для этого, обязателен учет тех специфических особенностей и закономерностей, которые характерны для систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Основные из них, взятые в аспекте именно структурного анализа, состоят в следующем.

Во-первых, наиболее явная и даже в какой-то степени «формальная» особенность заключается в том очевидном, но одновременно и основополагающем факте, что эти системы включают в свой состав *новый* уровень – метасистемный. Отсюда, в свою очередь, вытекает два важных методологических следствия. Одно из них состоит в том, что в сферу изучения и, соответственно, в арсенал его методологических оснований должен быть включен *новый* предмет (метасистемный уровень) и *новые* процедуры исследования (метасистемный подход). Другое важное следствие заключается в том, что появление в системе какого-либо нового уровня ведет либо к ее реструктурированию, либо к качественным спецификациям всех иных уровней, либо и к тому и к другому [78, 484]³⁴. Следовательно, есть все основания допустить, что возникновение метасистемного уровня трансформирует все иные – нижележащие уровни. Он оказывает не только значимое, но и, не исключено, определяющее воздействие на них (к этому предположению мы возвратимся ниже).

Во-вторых, можно констатировать еще одну значимую и достаточно любопытную особенность. Возникновение в структуре психике нового – метасистемного уровня означает, что сама эта структура как

³⁴ В данной связи опять-таки следует отметить уже упоминавшееся положение С. Л. Рубинштейна о том, что «... с возникновение нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [326].

бы «перерастает себя», выходит за свои собственные границы и становится тем самым *метаструктурой*. Она, сохраняя, естественно, свою онтологическую целостность и свои объективные границы, все же в определенном смысле *выходит* за них – «открывается» объективной реальности как своей метасистеме и включает ее в себя через ее превращенные формы (в виде субъективной реальности). Но это означает, что структура посредством включения в нее метасистемного уровня, *может становиться компонентом для самой себя*. Различия компонента и структуры во многом приобретают относительный характер. При этом, как уже отмечалось, целое и части также могут становиться во многом однопорядковыми и, так сказать, «равномощными»³⁵.

Данная закономерность, в частности, с особой отчетливостью находит свое воплощение по отношению к такой – очень важной и, по существу, фундаментальной проблеме, каковой выступает проблема сознания. Она объясняет тот известный факт, что сознание «упорно сопротивляется» любому структурированию – оно легко преодолевает любые структурные рамки [216], изменяет и трансформирует структуру, «выходит за пределы» какой-либо фиксированной структурной формы. Мы специально акцентируем внимание именно на этой иллюстрации, поскольку именно механизмы и процессы осознаваемой, произвольной регуляции (и саморегуляции) выступают важнейшими атрибутами субъективной реальности. Без них раскрытие собственно психологических закономерностей, лежащих в ее основе, не представляется возможным *в принципе*. Более того, эти процессы и механизмы, разумеется, взаимосвязаны с базовыми средствами и механизмами ее организации отнюдь не «внешним образом», то есть не только и не просто, так сказать, «вливают на нее». Они, по существу, *входят в самую ее суть*, в само ее содержание и, более того, целый ряд из них, собственно говоря, и *являются ей*. Следовательно, их раскрытие, базирующееся, в свою очередь, на экспликации их общих принципов и атрибутивных особенностей, является органической составляющей самих представлений по субъективной реальности.

³⁵ При этом необходимо учитывать и то, что именно структурный аспект является объективно основным во всем алгоритме системного исследования, поскольку он наиболее тесно связан с выявлением особенностей *содержания* изучаемых систем, их онтологических закономерностей и механизмов.

В-третьих, несмотря на всю значимость и очевидное своеобразие двух предыдущих особенностей, все же относительно более важным представляется, соответственно, наиболее общее из анализируемых здесь положений. Это, разумеется, положение о самом существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а также о принадлежности психики в целом и ее основных, базовых «составляющих» к этому классу систем. Из него, в свою очередь, вытекают также два, но уже новых следствия. С одной стороны, психика в целом и ее отдельные – основные «составляющие» построены (структурированы) на базе общего и инвариантного – метасистемного принципа организации. В свою очередь, общность принципов организации целого и его частей позволяет переносить – транспонировать механизмы и закономерности функционирования первого на вторые. Именно это и лежит в основе очень важного, на наш взгляд, феномена *мультиплицирования*, при котором потенциал психики в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию – в том числе и, прежде всего, на их структуру основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не *состоит* из частей (компонентов), а *реализуется* в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься (транспонироваться) потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять – по существу, *умножать*, то есть именно *мультиплицировать* (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности³⁶.

Наряду с этим, необходимо учитывать и существование еще одной, – не исключено, важнейшей в структурном отношении зако-

³⁶ Данное положение в главе 3 станет одним из ключевых объяснительных средств для раскрытия реальных – очень сложных и многоплановых, а при этом и не вполне обычных и привычных отношений между темпоральностью как формой организации и ее носителем – самой структурно-функциональной организацией психики.

номерности организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Явившись исходно результатом теоретического анализа, эта закономерность затем была многократно подтверждена на материале исследований, в том числе – эмпирических и экспериментальных очень разных и достаточно общих предметов психологического исследования (см. обзоры в [248]). В силу особой значимости данной закономерности остановимся на ней более детально. Действительно, сформулированные выше представления позволяют более полно, точно и адекватно учесть и объяснить *важнейшую* – фундаментальную и основополагающую категорию особенностей систем (прежде всего, собственно психических) – особенности их *структурной* организации. Эти представления показывают, что метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и *должен* быть включен в их состав, точнее – в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить *обобщенное решение проблемы структурно-уровневой организации* систем в весьма широком диапазоне различий их собственных характеристик.

Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является сохраняющаяся до сих пор несформулированность четких и обоснованных представлений о *критерии-дискриминаторе* уровней организации систем. Им является такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, то есть именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации. Наряду с ним, существуют и критерии иного типа, которые можно обозначит как *критерии-верификаторы*. Они направлены на то, чтобы обосновать, то есть именно верифицировать существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что общая система критериев уровней дифференциации принципиально *множественна*, то есть предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по *нескольким* основным параметрам. Дифференцируемые уровни должны иметь глубокие качественные различия по своему *содержанию*; выступать различными по характеру интегративных *средств* и механизмов, лежащих в их основе; обеспечивать качественно различные *типы взаимодействия* системы со средой; иметь глубоко различные *феноме-*

нологические проявления; включать специфические и разнородные по отношению друг к другу *компоненты* и др.

Наряду с этим, они должны также воспроизводить и еще одну группу закономерностей – закономерности *межуровневых* взаимодействий, обеспечивающих их целостность в рамках дифференцируемой системы. Главной из них является *иерархический* принцип организации уровней. Вместе с тем, множественность критериев межуровневой дифференциации не исключает, а наоборот предполагает наличие некоторого наиболее *общего*, базового параметра, выступающего главным основанием для их определения. Более того, все важные, но частные критерии дифференциации уровней выступают как следствия этого обобщенного параметра. Он должен быть унитарным (универсальным) в отношении дифференциации всех уровней. В связи с этим, собственно говоря, и возникает необходимость в осуществленном выше разделении всех критериев уровневой дифференциации на два их типа. С одной стороны как отмечалось, это критерии (признаки), репрезентирующие качественную разнородность уровней. Их использование может и должно служить средством проверки наличия качественных отличий между выделяемыми уровнями. Они обозначены как *критерии-верификаторы*. С другой стороны, это обобщенный и унитарный критерий дифференциации, являющийся средством не только верификации, но и поиска, обнаружения (различения) уровней в рамках интегрированного и изначально недифференцированного целого. Он обозначен нами как *критерий-дискриминатор* [253, 255]. Условие сочетания обоих типов критериев является обязательным для уровневой организации объектов.

Опираясь на результаты проведенного выше теоретического анализа, мы считаем возможным предложить следующее решение данной проблемы³⁷. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни.

³⁷ Данная проблема в более развернутом и детализированном виде проанализирована нами также в [258].

Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого.

Далее, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими)³⁸. Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [203]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих

³⁸ Необходимость выделения этих двух уровней, как мы отмечали выше, была обоснована Ф. де Соссюром [515] и развита по отношению к психологической проблематике Л. С. Выготским [128].

систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». Кроме того, эти же пять уровней «исчерпывают» собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит как бы «отрицание» общего качества системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект – *эффект «исчерпанности качеств»* системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, сама выступает как их составляющая и также во многом утрачивает статус автономной. Тем самым диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно – полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве *общего основания* для дифференциации уровней в структурной организации систем. Та мера, с которой предполагаемые в ходе исследования уровни удовлетворяют этим представлениям, является показателем правомерности самого их выделения. На основе этого можно предположить, что данный инвариант из пяти основных макроуровней характеризует, в частности, и структурную организацию деятельности.

Каким же образом должен быть осмыслен этот результат в плане понимания специфики психологических систем и в плане развития методологических оснований метасистемного подхода в целом? Прежде всего, установленная общность структурной организации не может считаться случайной, поскольку она проявляется не только во многих, но и в наиболее существенных, важных подсистемах

психики. Маловероятно также и то, что эти подсистемы развиваются, складываются относительно *автономно*, приобретая в итоге сходную – пятиуровневую структуру. Гораздо более вероятным является другое предположение: само формирование этих пятиуровневых структур по отношению к каждой из основных подсистем является *вторичным*. Оно является следствием того, что именно этот – пятиуровневый инвариант выступает как *общая закономерность* структурной организации психики и ее основных подсистем; как своего рода «латентный фактор» для развертывания частных подструктур психики.

Кроме того, очень важной является непосредственная воплощенность в нем базовой структуры общесистемных уровней организации: ими, как неоднократно отмечалось выше, являются метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный уровни. Отсюда следует, что в своем *основном* – структурном аспекте психика базируется на аналогичной – то есть также *базовой* системной закономерности. Структура психики и ее основных подсистем *реализует* в себе базовый инвариант общесистемных уровней организации. Следовательно, в их организации системность выступает именно как принцип, как *механизм* этой организации, причем, повторяем, – в основном, то есть структурном аспекте. Поэтому системность как принцип и как совокупность механизмов лежит в основе самой *онтологии* психического, а не только в основе гносеологических подходов к ее изучению.

Далее, необходимо отметить еще одно – также значимое, на наш взгляд, следствие из развитых выше представлений и полученных затем на их основе результатов. Оно показывает, что для таких важнейших *подсистем* психики, как подсистемы психических процессов, способностей, деятельности, сознания, процессов принятия решения, мотивационной сферы личности и др. существуют инвариантные по сути, но очень специфические по содержанию уровневые структуры. В связи с этим, нельзя «обойти» вопрос о том, присуща ли эта пятиуровневая структура не только отдельным подсистемам, но и системе в целом? Вообще – может ли быть структурирована психика каким-либо унитарным способом? На наш взгляд, можно дать следующий ответ на этот – действительно, принципиальный вопрос.

С одной стороны, разумеется, в исследовательских, познавательных целях не только можно, но и необходимо предпринимать попытки структурного представления психики именно как целого. Построе-

ние такого рода обобщающих структур и возможно и полезно, даже – необходимо. С другой стороны, вся история развития психологии убедительно свидетельствует о том, что попытки выявления некоей унитарной, всеобщей структуры психики вряд ли конструктивны. И дело здесь не в том, что они – эти попытки сами по себе неудачны или неадекватны. Причины этого, по-видимому, носят более глубокий характер. Они связаны с тем, что психика – именно в силу своей предельной сложности – является принципиально *полиструктурным* образованием: она включает в себя множество структур, суперпозиция которых и образует то «полифоническое», многокачественное целое, которым она является. Однако – и это мы считаем главным – в основе каждой их частных, локальных структур лежит *идентичный инвариант* базовых структурных уровней организации.

Эту же мысль можно сформулировать и по-другому: унитарная – инвариантная структура психики, действительно, существует, но не в том смысле, что эта структура жестко организует ее *в целом*. Эта структура является инвариантной для организации *каждой* из ее базовых подсистем – она воплощена в их множестве (мультиплицирована в нем). Здесь приходится говорить о структуре не как о «каркасе целого», а как об определенном *принципе* организации – принципе, повторяем, общем для всех базовых подсистем психики. Это – *структура как принцип организации*; точнее – структура, настолько обобщенная и принявшая столь генерализованную форму, что ее следует понимать не в «морфологическом» плане, а в плане общеорганизационного принципа³⁹. Причем, этот принцип по самой своей сути является не только *специфически системным*, но и соответствует *важнейшему* аспекту системности как таковому, то есть структурно-уровневому⁴⁰.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо еще раз обратиться к одной из основных задач данного раздела – к задаче раскрытия того, что нового могут дать представления о специфике систем со «встроенным» метасистемным уровнем для развития методологии

³⁹ Понятно, что данное заключение носит пока по необходимости гипотетический характер и нуждается в дальнейшей верификации.

⁴⁰ Отсюда следует, что психика не только *может* быть понята как система и даже не только, что она *является* таковой реально, но и то, что она базируется на объективно *главных* механизмах и закономерностях, установленных в общей теории систем.

системного подхода в целом? С точки зрения классического системного подхода само понятие структуры неразрывно связано со вполне определенным – осязаемым, конкретным «материалом», который, собственно, и подлежит структурированию. Структура и «материал» – вообще своего рода *взаимопологаемые* сущности, взаимовыводимые понятия. Не приуроченная непосредственно к «материалу» (субстрату) структура, с точки зрения этих представлений невозможна.

Естественно, что в первом и наиболее общем приближении эта точка зрения верна. Она, однако, не всегда способствует раскрытию реальной сложности данной проблемы и поэтому должна быть уточнена. Действительно, как было показано выше, для систем со «встроенным» метасистемным уровнем (и в целом и для их основных подсистем) их наиболее общая структура становится таковой – именно общей – благодаря тому, что она обретает статус *инвариантного принципа* организации всех (или большинства) ее частных подсистем. И как таковая – как принцип организации, эта общая структура, естественно, утрачивает *непосредственную* связь с каким-либо *конкретным* субстратом, тем более – морфологическим. Несколько заостряя данное положение, можно сказать, что это – структура, не приуроченная (по крайней мере, непосредственно) к содержанию; и *именно поэтому* она обретает статус общей; более того – становится общим *принципом* организации основных подсистем психики. Подчеркнем, что при этом форма (структура) отнюдь не «отрывается» от содержания (субстрата), а экстрагируется из него и, обобщаясь, закрепляется в совокупности определенных, инвариантных уровней. Иначе говоря, здесь можно констатировать то известное и достаточно раскрытое в методологии научного познания положение, при котором *форма сама становится содержанием*. Представленные выше материалы, далее, содействуют и решению тех ключевых вопросов и проблем, к которым привела логика развития системного подхода и которые были сформулированы в ходе предшествующего анализа, но остаются в нем без должного ответа. Это, в частности вопрос, связанный с необходимостью преодоления явного противоречия между двумя базовыми принципами организации сложных и сверхсложных систем – принципа иерархии и принципа гетерархии; столь же острый вопрос, связанный с необходимостью выявления и обоснования объективного критерия достаточности дифференцируемых в систе-

мах уровней их организации; вопрос о возможном существовании, а также о конкретной соотнесенности и взаимодействии принципов организации системы в целом и принципов организации ее основных «составляющих». При этом оказывается, что попытки решения указанных выше вопросов с привлечением рассмотренных выше материалов позволяют установить ряд новых, не описанных до сих пор закономерностей структурной организации систем.

Так, выше был отмечен и проинтерпретирован эффект «исчерпаемости качеств». Он является непосредственным и объективным следствием охарактеризованного общесистемного инварианта уровней организации систем. Согласно данному критерию, напомним, в структурной организации систем необходима дифференциация пяти базовых уровней ее организации – метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного. В то же время он является и общим, объективным критерием, демонстрирующим *достаточность* указанных пяти уровней для дифференциации наиболее важных и существенных уровней организации систем в целом. Дело в том, что, согласно данному эффекту, «крайние», полярные уровни иерархии, основанные на данном критерии, включаясь в ее состав, одновременно определяют и ее границы, поскольку на них основные качества самой системы подлежат своего рода «отрицанию», а сама система исчерпывает свою качественную определенность.

Далее, достаточно значимым представляется и положение, являющееся, с одной стороны, следствием теоретического анализа, а с другой, уже многократно подтвержденное эмпирически (см. обзоры в [248, 250]). Согласно ему, как мы уже не раз отмечали выше, не только психика в целом, но и ее базовые «составляющие» также представляют собой системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Данное положение имеет двуединый смысл.

Во-первых, оно означает, что определенный класс систем, придя в ходе своей эволюции к метасистемному принципу организации как базовому и наиболее общему для них *в целом*, в то же время, обретает и способность воспроизводить, повторять его по отношению к организации своих основных «составляющих». Тем самым общий принцип расширяет сферу своего действия и соотносится не только с системой в целом, но и с ее основными «составляющими». Он как бы воспроизводится, многократно «повторяется», то есть именно мультиплицируется

в их организации. В результате этого и система в целом обретает очень важную особенность – подобие, достигающее до степени изоморфизма, основного принципа своей организации и принципов организации своих основных «составляющих». И именно это является важным, а не исключено, и определяющим фактором обеспечения ее *онтологического единства* и целостности. Данная закономерность имеет ряд дополнительных следствий, которые будут специально рассмотрены ниже⁴¹.

Во-вторых, воспроизводится, мультиплицируется не только данный принцип в целом, в его общем виде, но и тот базовый инвариант уровней организации, который непосредственно вытекает из данного принципа (принципа метасистемной организации). Другими словами, структурная организация базовых «составляющих» систем со «встроенным» метасистемным уровнем также базируется на общесистемном инварианте, включающем пять основных иерархических уровней. В результате этого появляются основания для дифференциации еще одного принципа организации рассматриваемого класса систем – своего рода принципа «матрешечности», согласно которому основные их «составляющие» рекурсивно «вкладываются» в нее, мультиплицируя при этом ее базовые структурные закономерности. Структура целого изоморфно воспроизводит себя в структуре его частей. Само целое повторяет себя в своих частях именно в главном, то есть в структурном, точнее – в структурно-уровневом отношении, транспонируя на них свое пятиуровневое строение.

Сформулированные выше положения позволяют, далее, несколько иначе, нежели это принято традиционно, проинтерпретировать соотношения двух базовых механизмов организации систем – принципов *иерархичности* и *гетерархичности* в целом, а также содействуют решению конкретной проблемы их внутренней противоречивости, достигающей до степени антагонистичности. В самом деле, если целое, действительно, обладает способностью мультиплицировать себя (точнее – свои базовые характеристики) в своих основных «составляющих», то последние становятся в определенном отношении и в известном смысле «равномощными» самому целому. Целое (ме-

⁴¹ В частности, оно имеет определяющее значение для раскрытия структурной организации субъективной реальности, взятой как в аспекте содержания каждого из ее уровней, так и в аспекте их общей системы – см. главу 6.

тасистема) уже не столько *состоит из* своих частей (отдельных систем), сколько вся *реализуется* в каждой из них. Потенциал целого, как уже отмечалось выше, при этом, фактически, умножается, а сама метасистема резко расширяет свои функциональные иные возможности. Однако еще более значимым является то, что *все* основные части, «составляющие» целого становятся однопорядковыми – подобными по своим характеристикам, то есть практически *паритетными* и одинаково значимыми для его организации. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данный вывод, раскрывающий еще одну важную особенность организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в значительной мере содействует раскрытию структурной организации субъективной реальности.

Другими словами, складывается ситуация, при которой целое начинает координироваться и организовываться – по существу, управляться не одним, а несколькими паритетными центрами, что равнозначно принципу гетерархичности как таковому. Данная особенность очень отчетливо проявляется, например, в структурной организации особого класса специфически регулятивных процессов – *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения [246, 253, 259 и др.]. К этому классу относятся процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, самоконтроля. Действительно, среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся на вершине иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, как раз и свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому принципу*.

Наконец, следует указать, что решению основной задачи (задачи преодоления противоречия между двумя основными принципами структурной организации – принципами иерархичности и гетерархичности) в значимой степени содействует и еще один теоретиче-

ский вывод проведенного выше анализа, состоящий в следующем. Для определенного класса систем, то есть для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в аспекте их структурной организации складывается достаточно своеобразная, если не сказать уникальная, картина. С одной стороны, – *объективно* (онтологически) все они выступают «составляющими» каких-либо более общих целостностей и по необходимости подчиняются их закономерностям и детерминантам. Они локализуются именно на метасистемном уровне. Поэтому именно метасистемный уровень организации данного класса систем является иерархически высшим, ведущим, определяющим и пр. Однако, с другой стороны, – *функционально* данные закономерности и детерминанты (и это является наиболее важным и специфическим для данного класса систем) оказываются представленными в собственной структурной организации и содержании самих этих систем. Они тем самым «встраиваются» в содержание другого – общесистемного уровня их организации. В силу этого, именно последний (общесистемный) уровень также с необходимостью должен быть проинтерпретирован как иерархически высший» ведущий, определяющий. Причем, оба сформулированных вывода являются не альтернативными, а взаимодополнительными, то есть они *справедливы одновременно*. В силу этого, указанный класс систем характеризуется тем, что они организуются, координируются – управляются не одним, а двумя паритетными уровнями – метасистемным и общесистемным. Это и означает, что в основе их организации лежит именно принцип гетерархичности. Однако, еще более значимо то, что очень острый и трудный вопрос о механизмах согласования двух принципов (иерархичности и гетерархичности) обретает при этом совершенно конкретную и уже гораздо более операционализированную и доступную решению формулировку. Он предстает как *частный* случай *общей* и достаточно хорошо разработанной проблемы межуровневых взаимодействий и согласования базовых уровней организации систем.

В заключение, отметим, что, как можно видеть из представленных выше материалов, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем (в аспекте их структурной организации) можно констатировать ту же самую картину, которая уже была отмечена нами выше в иных планах анализа. А именно: по отношению к ним могут изменяться и даже – принимать инверсионный вид базовые положе-

ния самого системного подхода, а также возникать новые характеристики и особенности. Выше мы продемонстрировали это, частности, на примере того, как в них структура может стать, действительно, общей лишь при условии утраты *непосредственной* связи с конкретным, «единичным» субстратом, «материалом» и приобретения ей статуса *принципа организации*. Этот принцип как раз и лежит в основе того, что в основе структурной организации всех систем данного класса лежит общий *структурный инвариант*, образованный пятью основными макроуровнями, характеристика которых была представлена выше.

2.2.3. Функциональный план исследования

Следующим важнейшим этапом общего алгоритма системного исследования является, как известно, выявление и интерпретация функциональных закономерностей изучаемого объекта – реализация *функционального аспекта* его изучения. Данный этап локализуется, таким образом, сразу же вслед за структурным этапом и в значительной мере базируется на его результатах. При реализации функционального аспекта исследования необходимо учитывать одну из основных его особенностей, заключающуюся в следующем. Если структурный этап (аспект) алгоритма системного исследования трактуется обычно как базовый и определяющий, поскольку он направлен на решение *критически* значимого для любой системы вопроса – вопроса о ее «материале» и механизмах структурирования, интеграции ее в целостность, то функциональный аспект имеет иную специфику. Она состоит в том, что именно он является не только предельно общим, но и максимально *многоплановым*, гетерогенным, а само понятие функционирования характеризуется очень выраженной *полисемичностью*. Функциональные закономерности фиксируют в своем общем и исходном значении, по существу, всю совокупность диахронических особенностей того или иного явления, процесса, объекта изучения. Все это создает, конечно, очень большие трудности и для его реализации, и для его методологической рефлексии.

Вместе с тем, очевидная гетерогенность и многоплановость функционального изучения не должны заслонять собой того обстоятельства, что при его реализации существуют определенные – *основные* направления.

Во-первых, любой его частный план, подаспект, так или иначе, связан с бытием системы во *времени* – с ее временной разверткой. Он тем самым онтологически включает «ось времени» в организацию систем, а гносеологически – предписывает дать объяснение формам и модусам такого включения. Как будет показано далее, именно этот наиболее обобщенный – временной «срез» функциональной организации является очень специфическим для дифференциации систем «классического» типа и систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Во-вторых, это раскрытие закономерностей собственно диахронического плана, связанные с *процессуальной* организацией систем, то есть с их своего рода временной структурой, которые, однако, принимают качественно иную форму – форму функциональной организации систем.

В-третьих, это направление, связанное с выявлением и интерпретацией состава, содержания и специфики системы тех закономерностей, по которым функционирует объект исследования, то есть его собственно *функциональных закономерностей*.

В-четвертых, на наш взгляд, не только можно, но и объективно необходимо дифференцировать и еще один – также основной аспект общего функционального изучения. Он направлен на выявление и интерпретацию тех *результативных эффектов*, к которым приводит само функционирование – функциональных новообразований, в которых «кристаллизуются» закономерности и содержательные особенности самого процесса функционирования (иногда для их обозначения используется понятие функциональных органов системы)⁴².

Естественно, указанные – основные направления реализации общего функционального исследования тесно взаимосвязаны между собой; они в значительной степени перекрываются друг с другом и выделяются, прежде всего, в исследовательских целях. Поскольку они являются, как уже отмечалось, основными, то именно они и будут взяты нами в качестве ориентиров для проводимого ниже анализа. При этом общая задача анализа заключается, напомним, в том, чтобы попытаться определить те специфические – новые возможности, особенности и эв-

⁴² В этой связи нельзя, конечно, не вспомнить об известном положении, входящем в «золотой фонд» методологии системности, согласно которому система как органическое целое создает в процессе своего функционирования необходимые ей для обеспечения этого функционирования органы [357].

ристические средства, которые присущи метасистемному подходу. Эту же задачу можно сформулировать иначе: как должны учитываться специфические особенности систем со «встроенным» метасистемным уровнем в методологии их познания в целом и психологического познания, в особенности? Что может дать их учет для более глубокого понимания и объяснения объекта исследования – систем со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и психики как важнейшей из них?

При обращении к первому из трех сформулированных выше планов функционального изучения можно констатировать следующую – значимую, на наш взгляд, закономерность. Она тесно связана с рассмотренной выше спецификой компонентного состава анализируемого класса систем, со статусом их компонентов и с особенностями их структурирования. Эта специфика такова, что по отношению к *сути* функциональной организации психики (как системы со «встроенным» метасистемным уровнем), складывается следующая – фактически, императивная ситуация.

С одной стороны, как было показано выше, компонентный состав метасистемного уровня, а, следовательно, – и всей системы формируется не по принципу «ограничения и *отграничения*» от среды, а по противоположному принципу *включения* ее в себя. Он – компонентный состав является в этом случае принципиально неограниченным – открытым: чем более неограниченным он будет, тем эффективнее будет и вся система. В результате этого он по своим объемным, количественным характеристикам предстает практически всегда как очень большой и даже – фактически, необозримый. К тому же, он находится в состоянии постоянного обогащения, изменения, доработки и т. д.

Однако, с другой стороны, любая система, обладает *конечностью, предельностью* собственных возможностей любого типа (ресурсных, временных, энергетических, информационных и пр.). Это, разумеется, относится и к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. По отношению к психике совокупность такого рода ограничений (так называемых «предельных характеристик психики») хорошо известна и достаточно изучена⁴³. Подчеркнем, что обе указанные особенности –

⁴³ Эти – объективно присущие психике ограничения иногда даже служат основой для обобщенных концептуальных построений, например, для «теории ограниченной рациональности» Г. Саймона [487].

это *объективно* присущие психике черты; они должны быть как-то согласованы, примирены, что, казалось бы, абсолютно невозможно в связи с их очевидной антагонистичностью. Другими словами, возникает объективная необходимость в таком механизме функциональной организации системы, который снимал бы противоречие между принципиальной неограниченностью ее компонентного состава и столь же принципиальной ограниченностью ее функциональных ресурсов.

Поскольку в качестве «единиц» компонентного состава представлены, в основном, информационные сущности – знания, ментальные репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. Возникает необходимость такой формы и механизма функциональной организации знаний, информации, опыта – такой их «упаковки», которая учитывала бы два указанных выше антагонистических обстоятельства. Она должна быть *одновременно* и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере – субъективно). В настоящее время очень трудно ответить на вопрос о том, что представляют собой такие системы *в целом*, каковы их основные типы и пр. Однако по отношению к *психике* как системе со «встроенным» метасистемным уровнем существования и смысл такой формы очевиден и достаточно изучен в психологии.

Действительно, для нее атрибутивно характерна такая форма, такой способ организации (и, соответственно, бытия) их компонентного состава, который предполагает принципиальную двойственность существования самих компонентов. Для понимания этой двойственности, точнее – двух взаимообратимых модусов существования компонентов могут быть применены различные оппозиционные пары понятий: актуальное – потенциальное, реальное – виртуальное, эксплицитное – имплицитное. Это означает, что в любом случае – в любом «акте бытия» содержание систем со «встроенным» метасистемным уровнем не сводится лишь к тем компонентам, которые актуально (реально, эксплицитно) вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что «остается за кадром», образует контекст и фон, что представлено в потенциальной, имплицитной, виртуальной форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем, на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы.

Другими словами, с этой точки зрения системы со «встроенным» метасистемным уровнем раскрываются как системы, которые могут существовать лишь при наличии и взаимодействии двух модусов их компонентов, их содержания в целом – актуального и потенциального; они предстают как системы с эксплицитным и имплицитным, реальным и виртуальным содержанием одновременно.

Вместе с тем, в целях обеспечения этого необходим соответствующий механизм, который представлен по отношению к психике как вся совокупность *мнемических* процессов и механизмов. Иными словами, системы со «встроенным» метасистемным уровнем – это обязательно «системы с памятью». Сам феномен памяти (в широком смысле) раскрывается с этих позиций как *необходимое следствие* функциональной организации компонентного состава такого рода систем. Однако, как свидетельствуют многочисленные и очень глубокие психологические исследования, феномен субъективного времени интимно связан именно с мнемическими процессами. Он атрибутивно связан с памятью как не только процессом, но и как фундаментальной способностью психики⁴⁴. И здесь мы вплотную подходим к очень обширной и крайне значимой проблеме – к проблеме психологии времени, к проблеме субъективного времени (или – в традиционной формулировке к проблеме «отражения времени»).

Наряду с этим, нельзя не отметить и то следствие, которое непосредственно вытекает для разработки данной проблемы из результатов проведенного анализа. Именно системы со «встроенным» метасистемным уровнем, в силу их атрибутивных особенностей и, прежде всего, главной особенности функциональной организации их компонентного состава – двойственностью их существования в актуальной и потенциальной формах, а также обратимости этих форм, содержат предпосылки для возникновения их собственного «внутреннего времени». На уровне психического оно представлено как субъективное время. Благодаря этому, становится возможной существенно более успешная адаптация к параметру времени как таковому, а частично –

⁴⁴ В этом отношении следует, прежде всего, отметить проанализированные выше фундаментальные труды по данной проблеме П. Жане, А. Бергсона, Ж.-М. Гюйо, Э. Гуссерля, Дж. Уитроу, М. С. Роговина и др. [68, 69, 70, 163, 166, 197, 198, 472, 553].

и управление им. Если все иные системы, кроме систем со «встроенным» метасистемным уровнем, *функционируют* во времени, то сами они, наряду с этим, еще и *порождают* свое собственное время. Оно, однако, в конечном итоге, является средством репрезентации объективного времени, способом включения временной «координаты» реальности в организацию психики и регуляцию поведения.

Данный вывод содержит необходимые предпосылки для решения тех вопросов, которые связаны со вторым из сформулированных выше аспектов функционального исследования систем – с выявлением закономерностей их собственно *процессуальной* организации. Действительно, с позиций этого вывода становится понятным, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую (если не сказать – уникальную) способность. Это – способность *распределять* свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Проще говоря, возникновение феномена (и механизма) субъективного времени и, соответственно, – возникновения способности не только *приспособления* ко времени, но и способности *использовать* время как основу для структурирования своего функционирования означает то, что система оказывается в состоянии управлять процессами собственного бытия. Сам *процесс* как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят и как своего рода *временная система* – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

Кроме того, данное заключение находит свои многочисленные эмпирические и экспериментальные подтверждения в целом ряде исследований процессуальной организации основных типов принятия решения, а также некоторых иных интегральных процессов регуляции деятельности (планирования, прогнозирования, самоконтроля и др. [249, 250, 251, 52, 253 и др.]). Главным итогом этих исследований явилось доказательство некоторых базовых закономерностей – *принципов функционального генезиса*, лежащих в основе их собственно процессуальной организации. Среди них главную роль играют следующие принципы: комплексности и синхронности динамики

процессуальных компонентов, их неравномерности, гетерохронности, взаимосодейственного и взаимоптимизирующего типа их динамики, ее нелинейности и немонотонности, принципы «одновременности закладки» и «обеспечения достаточного эффекта», принцип консолидации, целевой детерминации, минимально необходимой дифференциации, а также принципы итеративности и иерархичности [251]. Все они достаточно полно воспроизводят в своем составе специфические системные принципы динамики. Их наличие и их ведущая роль в плане процессуальной динамики позволяют сделать вывод о том, что одной из главных закономерностей функциональной организации психических явлений выступает их ярко выраженная системность этой организации. Сам их процесс есть не что иное, как процесс системного развертывания, «движения» процесса согласно своей собственной, внутренней логике, образованной установленными принципами. Установление этого, обоснование правомерности и даже необходимости распространения принципов системной организации уже не только на структурную, но и на процессуальную организацию психических процессов имеет, на наш взгляд, два следствия более общего порядка.

Во-первых, с этих позиций раскрывается специфика процессуальной организации психических явлений, многократно и подробно описанная в исследованиях и состоящая в единстве, недизъюнктивности процессуального содержания, в искусственности и условности любой их дифференциации на этапы и стадии. Дело в том, что любой процесс, рассмотренный и понятый как система в непосредственном смысле этого понятия, обладает, как и всякая иная система, соответствующими и наиболее важными для нее качествами – системными. Они невыводимы ни из каждого отдельно взятого этапа процесса, ни из их аддитивной совокупности (в данном случае – из линейной последовательности). В любом процессе обнаруживаются качества, особенности, характеризующие его именно как целостность, придающие ему организованность и выступающие в качестве его общих регуляторов. Эти качества, а также порождаемая ими процессуальная «прибавка» по отношению к сумме содержания всех этапов, обнаруживается и экспериментально – в факте существования значимых эффектов взаимодействия всех этапов реализации, например, процессов принятия решения, планирования [249, 253, 259].

Во-вторых, на наш взгляд, с этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной – точнее, *субстанциональной* системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, *темпоральной* (диахронической) *системностью*, эксплицирующей системность организации самого процесса *функционирования*. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. И это функционирование является источником *новой категории* системных качеств – временных, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса⁴⁵.

В связи с этим, необходимо отметить также, что важным результатом одного из основных направлений современной когнитивной психологии – метакогнитивизма как раз и является вывод о том, что суть, специфика и основное функциональное назначение метапроцессов как вторичных заключается в их направленности на регуляцию и организацию всех иных процессов (первичных). Благодаря метапроцессам, субъект оказывается в состоянии не только осуществлять тот или иной первичный процесс, но и активно влиять на него,

⁴⁵ В данной связи следует подчеркнуть следующее – очень показательное, а одновременно и доказательное в плане обоснования этих положений обстоятельство гносеологического плана, связанное с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см. работы [248, 254]); причем эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [254], интегральные процессы психической регуляции деятельности [246], а впоследствии – и деятельность в целом [251], а также сознания [256]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [90].

в том числе – и на его временную, процессуальную организацию. Более того, в рамках метакогнитивизма показано и то, как конкретно это может осуществляться – через формирование и последующее использование *стратегий* метакогнитивной регуляции (что составляет основной предмет исследований в одном из важнейших направлений метакогнитивизма – стратегическом).

Таким образом, системы со «встроенным» метасистемным уровнем оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизмов и средств своей функциональной, процессуальной организации не только субстанциональную, но и *временную системность*. Вместе с тем, данный тип системности до настоящего времени изучен чрезвычайно слабо – совершенно несопоставимо с тем, насколько изучена субстанциональная системность. Однако, как непосредственно следует из проведенного выше анализа, без ее детального изучения невозможно адекватное понимание специфики указанных систем. Следовательно, одним из важнейших направлений дальнейшего развития самого системного подхода в направлении его трансформации в метасистемный подход как раз и должна выступить категория временной – *темпоральной* системности, раскрытие ее специфических – новых по отношению к субстанциональной системности особенностей.

Итак, на основе изложенного становится очевидным, что рассматриваемый класс систем обладает двумя достаточно общими и характерными (даже – атрибутивными) для него особенностями, учет которых необходим при разработке метасистемного подхода как методологического принципа исследований. Первая из этих особенностей состоит в том, что все системы со «встроенным» метасистемным уровнем обладают принципиальной *двойственностью*, точнее – двуединым характером их состава, содержания, а частично – и механизмов. Такое двуединство определяется, в свою очередь, самим статусом, общей природой данного класса систем и заключается в следующем. С одной стороны, они, разумеется, образованы теми сущностями, которые специфичны самим этим системам, образуют их качественную определенность, их «самость». Однако, с другой стороны, в их содержание *функционально* включается – «встраивается» и более общая по отношению к ним целостность (метасистема). Поэтому в них оказываются представленными (хотя, конечно, в специфической форме) и «составляющие» этой метасистемы. Они, хотя, подчеркиваем, и в определенной

форме, в определенном аспекте (именно функциональном) выступают тем самым и в качестве собственных «составляющих» своей системы, образуя тем самым один из двух основных планов ее общего содержания. Общая же функциональная организация систем со «встроенным» метасистемным уровнем в значительной мере как раз и определяется поэтому двуединством их содержания и состава, процессов и механизмов, а также сложными и нередко противоречивыми отношениями, которые развертываются в ходе их функционирования.

Смысл второй обобщенной закономерности функциональной организации, являющейся в значительной мере производной от первой, состоит в следующем. Две формы, составляющие содержание указанного класса систем, не являются, разумеется, автономными; как раз наоборот, взаимодействие между ними составляет суть функционирования этих систем, само их бытие. Следовательно, в целях придания ему закономерно организованного и, по возможности, максимально эффективного характера, также должны существовать определенные закономерности, которым он подчиняется. Суть этих закономерностей, однако, состоит в том, что они выступают собственно *временными, темпоральными* (диахроническими) закономерностями. Они не только лежат в основе «бытия систем во времени», но и в значительной степени конституируют собственное время такого рода систем. На основе этого системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую способность. Это – способность *распределять* свой функциональный ресурс «вдоль оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Они оказываются в состоянии создавать *временные резервы* своего функционирования и соответствующим образом распределять в пределах этих резервов свой функциональный ресурс. Сам *процесс* – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода *временная система* – как продукт «временной упорядоченности» различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Тем самым системы со «встроенным» метасистемным уровнем оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизма своего функциональной, процессуальной организации не только структурно-содержательную (синхроническую) – субстанциональную системность, но и *временную – темпоральную* (диахроническую) системность.

Взаимосвязь и атрибутивная взаимополагаемость этих двух закономерностей заключается еще и в том, что они, фактически, выступают как две грани одного и того же – наиболее общего принципа функциональной организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, взаимообратимый перевод между формами существования этих систем, составляющий суть их функционирования, объективно предполагает необходимость временной организации такого перевода, то есть «наложения» на него собственно временной организации в целом и временной системности, в частности.

Далее, еще одной важной и, по существу, атрибутивной особенностью систем со «встроенным» метасистемным уровнем является следующая – отмечавшаяся выше их черта, характеризующая наиболее общий принцип их отношений с теми целостностями, в состав которых они объективно включены. «Встроенность» метасистемы в систему приводит к тому, что сама метасистема в некотором смысле начинает выступать, как уже отмечалось выше, в качестве локальной «составляющей системы. В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью, подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей» *Метасистема* в известном смысле становится *субсистемой*. Кроме того, система, включая в себя метасистему (как свою «составляющую») сама начинает вступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, то есть собственно системного статуса). Следовательно, некоторая реальность может одновременно выступать и как метасистема, и как система, а сами эти понятия (и реальности, которые ими обозначаются) не являются поэтому абсолютными – они *относительны*: по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют одну и ту же реальность. И наоборот, эта реальность для своего полного описания и раскрытия с необходимостью должна быть одновременно представлена и как система и как метасистема, то есть с позиций *принципа дополнительности*.

Итак, можно видеть, что в данном пункте анализ приводит к выводам, принципиально сходным с теми, которые уже были сформулированы выше, но на основе собственно содержательных особенностей и закономерностей организации психики и ее основ-

ных «составляющих», проинтерпретированных в качестве систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Он также приводит к заключению, согласно которому для данного класса систем сами понятия системы и метасистемы не абсолютны, а *относительны*. Они могут выступать и в том и в другом статусе и, более того, синтезировать в себе оба этих статуса. Отсюда следует, что, будучи «встроенной» в систему, сама метасистема получает свое «удвоенное бытие», определенную форму существования. Все это, однако, имеет место «на фоне» того, что объективно метасистема не утрачивает, конечно, своей исходной формы существования – в качестве более общей и онтологически представленной целостности по отношению к системе. Тем самым в известном смысле метасистема оказывается в состоянии *взаимодействовать сама с собой*; возникает уже рассмотренный выше чрезвычайно своеобразный эффект и феномен *автовзаимодействия*. Напомним также, что именно данный феномен, а также механизмы, обеспечивающие его, лежат в основе такого важнейшего атрибута одного из наиболее значимых предметов психологического исследования, каковым выступает *сознание*, – в основе присущего ему свойства *самопрезентированности*, то есть данности психики самой себе. В результате порождаются многочисленные и хорошо известные феномены, составляющие самую суть сознания – феномены «удвоения» реальности, самоотражения и др.

Кроме того, с этих позиций раскрывается еще одна достаточно важная закономерность функциональной организации рассматриваемого класса систем. Действительно, если та или иная система оказывается в состоянии функционально мультиплицировать в своем собственном составе и содержании некоторую более общую по отношению к ней метасистему, то отсюда вытекает важное следствие. Система получает принципиальные и достаточно широкие возможности для использования присущих самой метасистеме средств и механизмов ее организации, для их реализации в своем собственном функционировании, для транспонирования на себя, по существу, всего потенциала метасистемы. Иными словами, система обретает принципиально новую способность – способность активно использовать (так сказать, эксплуатировать) потенциал той метасистемы, в которую она сама онтологически включена, в качестве операционных средств организации своего собственного функционирования.

В связи с этим, функциональные возможности самой системы резко возрастают, переходят на качественно новый уровень.

Далее, еще одна важнейшая особенность данного класса систем заключается в следующем. Саму «встроенность» метасистемы в систему недопустимо трактовать с «морфологических» позиций, то есть в плане того, что какая-либо часть первой транспонируется во вторую в своем исходном виде – в том же качестве, в котором она представлена в исходной метасистеме. Такая трактовка была бы фактически неверной и невозможной даже с чисто формальных позиций, поскольку содержательно – по своему объему метасистема всегда немного превышает любую из входящих в нее «составляющих», то есть систем. Речь поэтому идет о другом: о том, что такое «встраивание» носит подчеркнuto *функциональный* характер, а потому обязательно предполагает качественные трансформации компонентов метасистемы при их «встраивании» в систему и без такой трансформации объективно невозможно. Поясним сказанное, поскольку данное обстоятельство является принципиально важным, а в известной мере и определяющим.

Действительно, выше было показано, что психика в целом, являясь системой со «встроенным» метасистемным уровнем, обретает этот статус только постольку, поскольку в ней формируются своеобразные *дубликаты* той метасистемы (объективной реальности), в которую она объективно включена, но которая затем (благодаря именно этим дубликатам – идеальным репрезентациям), сама начинает быть представленной в психике. Тем самым компоненты *объективной* реальности подвергаются не только глубочайшей, но и *максимальной* из всех возможных качественной трансформации. Они обретают форму *идеального* и лишь в ней могут выступать как компоненты психического. Аналогичная картина, однако, может быть констатирована и по отношению к взаимодействию самой психики (как метасистемы) и, скажем, сознания (как ее составляющей, трактуемой в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем). Действительно, для того, чтобы любой из компонентов, *объективно* представленный в метасистеме (психике), уже существующий в ней, стал и компонентом сознания, то есть «встроился» в систему сознания, он должен быть осознан, переведен из неосознаваемой формы своего бытия в психике в осознаваемую форму как вторичную. Можно видеть, таким образом, что вновь имеет место

кардинальная и практически предельная, трансформация качественно определенной компоненты – их перевод из неосознаваемой формы в осознаваемую.

Другими словами, для того, чтобы любой компонент метасистемы и вся она оказались в состоянии быть «встроенными» в систему – сознание, они должны кардинально поменять форму своего существования. Более того, можно предположить, что именно эта трансформация, точнее – ее необходимость как механизм функционирования систем со «встроенным» метасистемным уровнем как раз и является одним из базовых механизмов дифференциации психического на два его главных модуса – сознательное и бессознательное. Для того чтобы возник сам феномен сознания, психика как метасистема «строит» дубликаты своего содержания; но это – уже не репрезентации внешнего мира, а саморепрезентации мира внутреннего; эти дубликаты имеют, точнее, порождают новое качество – качество осознаваемости. И лишь на основе обретения этого качества становится возможным сознание как система со «встроенным» метасистемным уровнем.

Вместе с тем, истинная сложность организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем заключается еще и в том, что констатированные выше особенности отнюдь «не отменяют» собой факт наличия других – еще более глубинных и фундаментальных, также объективно представленных особенностей, но носящих уже более традиционный характер. Дело в том, что, как было показано выше, на фоне специфических – отмеченных выше особенностей, сохраняются и многие классические закономерности соотношений метасистемы и системы, частей и целого, согласно которым первые являются более общими, чем вторые. Вся сложность и истинная специфичность систем со «встроенным» метасистемным уровнем как раз и заключается в том, что по отношению к ним справедлива не какая-либо *одна* из этих двух трактовок, а *обе* они одновременно.

В связи с изложенным, необходимо дифференцировать и дополнительную особенность систем рассматриваемого класса, которая также должна учитываться при характеристике метасистемного подхода как принципа психологических исследований. Она состоит в следующем. Как было показано выше, одной из аксиом классического системного подхода является положение, согласно которому метасистема, включая в себя ту или иную систему, придает ей (наряду с сохранением ее

собственной качественной *определенности*), еще и дополнительные качественные *спецификации*. Тем самым она обретает, наряду со своей качественной определенностью, еще и качественную специфичность. Целое, выступая метаконтекстом для части, специфицирует ее, порождая ее дополнительные качественные «измерения», новые ее грани. Вместе с тем, по отношению к рассматриваемому классу систем складывается существенно иная картина. Дело в том, что по отношению к ним сама метасистема оказывается включенной – «встроенной» в них и выступает поэтому как их собственная «составляющая». В результате уже не метасистема специфицирует систему, а наоборот – вторая специфицирует первую. Метасистема, «встраиваясь» в систему, также обретает свои дополнительные качественные спецификации. Данная особенность, как показано в [258], является предельно выраженной, например, по отношению к *сознанию*. Сама его суть и специфичность его психологической природы, с одной стороны, а также атрибутивные характеристики психики в целом, с другой, таковы, что последняя вообще обретает статус субъективной реальности, лишь будучи представленной в сознании, лишь будучи осознанной.

Следовательно, система (сознание) не только специфицирует психику (метасистему), но и в значительной степени вообще *конституирует* ее для субъекта. Лишь благодаря этому психика в целом обретает не только «в-себе-бытие», но и «для-себя-бытие» – формируется субъективная реальность как таковая. По отношению к психике как субъективной реальности – как «реальности-для-субъекта» понятия «быть» и «осознаваться» во многом просто тождественны. Сам внутренний мир конституируется и *порождается* благодаря тому, что его компоненты и «составляющие» оказываются представленными в сознании. Само же сознание проявляет при этом не только свои, так сказать, эксплицирующие – раскрывающие внутренний мир свойства, но и, фактически, *генеративно-порождающие* свойства и потенции. Осознавая себя, особенности своего «внутреннего мира», субъект во многом и порождает их. Итоговым эффектом этого выступают такие фундаментальные интегративные образования, как Я-концепция, образ Я и др.

Далее, с точки зрения проанализированных выше особенностей становится необходимой дифференциация и еще одной существенной особенности систем рассматриваемого класса. Согласно традиционным представлениям, сложившимся в русле системного

подхода, одним из важнейших признаков и даже – критериев степени развитости, совершенства систем как таковых является, как известно, мера ее самодостаточности, автономизированности того, что иногда обозначается как отчлененность от среды, как выделенность из нее. Она, в свою очередь, предполагает доминирование внутриинтеграционных эффектов и механизмов над аналогичными эффектами и механизмами экстрасистемного плана. Другими словами, согласно этой точке зрения, чем более *выделена* система из среды и чем более она автономна, тем она совершеннее и эффективнее; тем в большей степени она выступает именно как отдельная – качественно специфическая и несводимая к иным системам целостность. Естественно, что при этом речь вовсе не идет об умалении значимости механизмов взаимодействия системы с иными системами, в том числе – и более общего по отношению к ней порядка (то есть к метасистеме). Однако они при этом все же отходят на второй план и рассматриваются как вторичные по отношению к внутриинтеграционным механизмам.

Вместе с тем, с развитых выше позиций становится очевидной ограниченность представлений об автономности и самодостаточности той или иной системы как признаке ее совершенства, развитости. На наш взгляд, все обстоит как раз наоборот. Чем в большей степени система организована с метасистемой – причем, не только по типу ее включения в метасистему, но и по типу включения последней в саму систему, тем она более совершенна, развита, более сложно организована. В этом плане наиболее показательным и доказательным то, что их взаимодействие, их взаимная организованность могут развертываться и *внутри* самой системы, а не только между системой и метасистемой. Действительно, как было показано выше, сама метасистема может «встраиваться» в систему и образовывать один из ее собственных структурных уровней. В силу этого, и связи метасистемы с системой принимают форму *межуровневых взаимодействий* внутри самой системы. Отсюда, однако, вытекает важное следствие, способствующее раскрытию общего статуса и действительной сложности содержания многих собственно психических образований. Оно заключается в том, что не только метасистема использует потенциал какой-либо из входящих в нее систем (как это считается аксиоматичным в традиционном системном подходе), но и наоборот. Сама система обретает возможности использовать потенциал метасистемы в целях своей собственной организации и функционирования.

В этом плане уместно вновь обратиться к результатам проведенного нами исследования сознания как одной из систем со «встроенным» метасистемным уровнем [258]. Именно эта особенность делает понятным то, как и почему сознание, рассмотренное в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем, оказывается в состоянии использовать практически весь арсенал возможностей, присущих психике в целом. Становится не только более ясным, но и вполне естественным то, как и почему оно оказывается равномогущим ей; почему возникает субъективное ощущение полноты данности психики в сознании. Наконец, с этих позиций может быть предложено и решение одной из наиболее фундаментальных проблем психологии сознания – так называемой *проблемы отождествления* (психики и сознания). Ее суть напомним, состоит, как известно, в принципиальной трудности их дифференциации и определения границ между ними. И, разумеется, в первую очередь, все сказанное относится к принципиальной возможности использования сознанием всего накопленного и аккумулированного в психике потенциала, представленного как индивидуальный опыт, как система знаний. Собственно говоря, одна из атрибутивных характеристик сознания – это принципиальная и неограниченная возможность использования потенциала психики в целом в аспекте того ключевого феномена, в котором этот потенциал и кристаллизован – в аспекте знаний. Именно это и составляет одну из граней богатой этимологии самого понятия *со-знания*.

С точки зрения развитых выше представлений о системах со «встроенным» метасистемным уровнем и об их взаимосвязях с метасистемой несколько иначе, чем это принято традиционно раскрывается, однако, и сама категория метасистемы. Обычно (с позиций гносеологического варианта принципа системного подхода) в качестве метасистемы трактуется какая-либо более общая целостность, в которую объективно включена изучаемая система. При этом полагается, что она подчиняется тем же самым – основным, описанным в методологии системного подхода закономерностям именно *общего* плана, которые присущи системам как таковым. Другими словами, считается, что и по отношению к метасистеме, и по отношению к системе действуют *одни* и те же закономерности, раскрытые в системном подходе и в общей теории систем. Следовательно, с этой – традиционной точки зрения принимается, что системные и метасистемные закономерности

тождественны, что они являются либо полностью идентичными, либо подобными в принципе. Более того, чаще всего, эти две категории закономерностей даже и не дифференцируются, то есть не ставится вопрос об их возможных отличиях друг от друга. Вместе с тем, не только не исключена, но и наоборот, достаточно обоснована постановка вопроса о правомерности такого мнения. Действительно ли метасистемные закономерности являются в принципе теми же самыми, что и собственно системные закономерности? Не порождает ли сам их *новый*, то есть метасистемный статус какие-либо аналогичные ему – также *новые*, качественно иные закономерности, механизмы и феномены? В дальнейшем эти вопросы станут предметом нашего специального рассмотрения, а пока отметим лишь одно положение.

По-видимому, сама суть и специфичность организации психики стоит не только в том, что по отношению к ней системные закономерности объективно существуют и даже не только в том, что она оказывается в состоянии улавливать и использовать эти закономерности в целях своей самоорганизации. Дело еще и в том, что она – именно как метасистемное образование может *порождать*, а затем – *реализовывать* саму *системность* как механизм своей собственной организации и функционирования. Наиболее ярко, и показательно это проявляется в том, что психика как метасистема порождает в своей собственной структуре такое средство, которое затем использует, фактически, весь ее потенциал и все онтологически заложенные в ней механизмы системности в целях ее же собственной организации. Как показано в [258], именно это очень характерно по отношению к феномену сознания как основному операционному средству *самоорганизации* психики. То же самое можно допустить и по отношению к организации деятельности, базовым атрибутом которой являются атрибутивно системные по своей природе механизмы *саморегуляции*. Поэтому и наиболее высокая степень (и степень) реализации механизмов системности заключается не в том, чтобы максимально полно их *использовать*, а в том, чтобы сгенерировать саму способность к порождению системности и только потом и на основе этого данную способность реализовать.

В целях общей характеристики функционального плана метасистемного подхода необходимо, на наш взгляд, специально отметить еще одну важную особенность систем рассматриваемого класса. Она имеет место, однако, не только по отношению к собственно функцио-

нальному аспекту их организации, но также и к генетическому аспекту (см. далее). Действительно, согласно общепринятой традиции полагается, что сама суть функциональной организации систем направлена, прежде всего, на обеспечение их возможно большей интегрированности и структурированности, упорядоченности и целостности. Иными словам, доминирующий акцент делается на, так сказать, позитивном аспекте функциональной организации, связанном с приданием психическим образованиям системности, интегрированности, упорядоченности. Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем имеет место несколько иная, существенно более сложная картина их функциональной организации.

Действительно, с одной стороны, эта организация осуществляется под мощным и нередко – определяющим детерминирующим воздействием той метасистемы, в которую они онтологически включены. Метасистема (психика) своими собственными функциональными закономерностями и особенностями, действительно, детерминирует развитие тех или иных включенных в нее психологических систем. Тем не менее, она может вносить и реально вносит в процесс их развития и функционирования не только черты организованности и упорядоченности, но и противоположные черты – черты дезорганизованности, так сказать, *асистемности*. Наряду с этим, еще более существенным и специфическим именно для систем со «встроенным» метасистемным уровнем является то, что сама метасистема оказывается функционально представленной в их собственном составе, структуре и содержании, локализуясь на ее высшем уровне. Поэтому и те детерминанты взаимодействия метасистемы и системы, которые по отношению ко всем иным классам систем имеют, так сказать, внешнюю локализацию, транспонируются в их собственное содержание, становятся *внутренними* детерминантами их развития. При этом следует учитывать, что именно метасистемный, высший уровень является, как известно, принципиально *открытым*. Через него система не только взаимодействует с другими системами, но – именно поэтому в нее постоянно вносятся возмущения, элементы неупорядоченности, хаоса, а тем самым и факторы их собственного развития.

Другими словами, это означает, что те объективно складывающиеся противоречия, которые для всех иных типов систем характеризуют *внешнюю* детерминацию их развития, трансформируются

по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем в их собственные *внутренние противоречия*. На основе этого системы данного класса обретают новый и очень мощный источник возникновения противоречий как *факторов развития* в целом. Они – эти ставшие уже внутренними противоречия, элементы дисгармоничности и постоянного внесения дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности (асистемности) становятся тем самым важнейшей категорией факторов функциональной организации данного класса систем. Они характеризуются поэтому не только и даже не столько доминирующей и прогрессирующей тенденцией к нарастанию их организованности, к приданию черт все большей системности, упорядоченности и целостности. Для них очень типичным является и, по существу, перманентное внесение в их функционирование (и развитие) противоположных черт – черт дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности – асистемности. Эти черты, порождаются самой системой, а затем выступают в качестве того, что должно быть преодолено как необходимое условие процесса их функциональной организации и генетического развития. Они тем самым раскрываются в качестве *внутренних* факторов этого развития.

В связи с этим, можно заключить, что система в своем развитии не только «движется» от неорганизованности к организации, но и сама может порождать и реально порождает дополнительную дезорганизацию, асистемность как средство придания ей качественно новых и, по-видимому, еще более совершенных форм самой организации. Порождение, а затем преодоление этой асистемности является поэтому не только атрибутом функциональной организации, но и мощным внутренним стимулом для ее развертывания как такового. Вместе с тем, это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для внутреннего развития системы деятельности. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью придания формирующемуся образованию системности выступает тем самым мощным эмерджентным фактором функциональной организации и генезиса систем. На наш взгляд, осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности как атрибутивной особенности функциональной организации позволяет рассматривать механизм

ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Сказанное наиболее явным и показательным образом проявляется опять-таки в организации одного из наиболее сложных психических феноменов – сознания. Действительно, сама его суть как раз и заключается в том, что сознание – это всегда (причем, по определению) представляет собой «выход за наличное», за уже существующее. Оно, следовательно, характеризуется перманентным внесением в содержание психики новых элементов. Данное обстоятельство, как известно, составляет суть базового атрибута сознания – свойства трансцендентности. Следовательно, уже самим фактом своего существования и функционирования сознание «нарушает» свою собственную системность, поскольку оно всегда, в любой момент времени – уже не то, что было в предыдущий момент. Тем более это справедливо по отношению к бóльшим временным масштабам, особенно – по отношению к собственно онтогенетическому развитию сознания. В связи с этим, можно сказать, что сознание – это такая система, которая не только «стремится быть системой», то есть характеризуется чертами системогенеза. Оно – причем, именно в этих же целях вначале порождает асистемность, а затем преодолевает ее. Внесение, а затем преодоление асистемности – это, следовательно, одно из важнейших средств развития и его самого, и продуктивный механизм развития психики в целом. Активное и, более того, – атрибутивное *порождение* системой в ходе своего генезиса асистемности как *средства* ее собственного развития (и, в конечном итоге, обретения все большей системности) является, следовательно, одной из важнейших и специфических черт метасистемогенеза в целом.

В свете этого, можно предположить, что, по-видимому, и сама системность как форма организации не является, так сказать, «высшей и последней» (по степени совершенства). Над ней, возможно, надстраивается и такая форма организации, которая предполагает продуцирование и порождение ее противоположности – асистемности, но не как средства дезорганизации, а наоборот, – как средства достижения еще большей организованности. Это, собственно говоря, и проявляется в самой сути функционально организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Все рассмотренные выше особенности организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем находят свое результи-

рующее – итоговое и синтетическое проявление в третьем из отмеченных выше аспектов функционального исследования. Он связан с выявлением содержания, специфики и общего статуса, смысла основных *функциональных закономерностей* такого рода систем. При этом исходный и наиболее общий вопрос может быть сформулирован следующим образом. Приводит ли и, если да, то к каким именно следствиям включение – «встроенность» метасистемного уровня в содержание самой системы для специфики ее функциональных закономерностей? Возникают ли вследствие этого какие-либо новые, специфические особенности всей совокупности функциональных закономерностей систем данного класса?

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос и опираясь на материалы теоретического анализа, предпринятого выше, мы считаем возможным предложить следующую рабочую гипотезу. Поскольку сам метасистемный уровень качественно, *принципиально* отличается от всех иных уровней, то его включение в систему на правах ее собственного уровня также должно приводить к аналогичным, то есть *качественным* изменениям всей картины ее функциональной организации и, соответственно, к существенным трансформациям ее функциональных закономерностей. Суть этих трансформаций может быть резюмирована следующим образом. С одной стороны, любой системе присущи объективно свойственные ей функциональные закономерности. Они составляют ее суть, по ним она «живет», функционирует; они действуют именно объективно и носят по отношению к ней, так сказать, «внутренний», то есть аутохтонный характер. Вместе с тем, для определенного класса систем (для систем со «встроенным» метасистемным уровнем) общая картина их функциональной организации кардинально трансформируется и существенно усложняется. В их собственном содержании оказываются представленными еще и закономерности, которым подчиняется та метасистема, в которую включены сами эти системы. Более того, именно эти закономерности локализуются на высшем (метасистемном) уровне их организации оказываются. Поэтому они (по определению) являются более мощными и определяющими по отношению к самой системе.

В результате всего этого складывается ситуация, при которой в функциональной (и любой иной) организации этих систем оказываются представленными две группы качественно различных законо-

мерностей – присущие системе как таковой (ее аутохтонные закономерности) и присущие метасистеме. Причем, повторяем, последние обычно являются доминантными по отношению к первым. Они могут активно влиять и на меру выраженности первых, и, как показывают наши исследования, даже на само их содержание, характер. Причем, как опять-таки показывают исследования, трансформация собственных – аутохтонных закономерностей отнюдь не носит хаотического характера, а сама является вполне упорядоченной и образует определенную таксономию такого рода трансформаций [258, 263]. Другими словами, возникает принципиально новый феномен – существование «закономерностей трансформации закономерностей», то есть наличие своего рода закономерностей «второго порядка» – *метазакономерностей*. Их суть состоит в том, что сложные и сверхсложные системы могут не только *функционировать* по тем или иным закономерностям», но и активно влиять на меру и характер их выраженности, *трансформировать* их. Наиболее очевидный и показательный пример такого рода организации – это рефлексивный (осознаваемый) контроль действия тех или иных психических феноменов. Известно, что такого рода контроль может в очень существенной степени трансформировать действие ряда важных психологических закономерностей и меру проявления многих эффектов и феноменов.

На наш взгляд, можно предложить следующее решение сформулированных вопросов. Суть и содержание этого контроля связана со следующим важнейшим обстоятельством. Многие (а не исключительно – и подавляющее большинство) закономерности психики оказываются «представленными дважды» в ее целостной организации, проходят два этапа своего функционального генезиса. Они, вследствие этого, принимают две формы своего существования и проявления. С одной стороны, они, разумеется, существуют, проявляются и выявляются «сами по себе» – в их объективном бытии, как атрибуты психического. Они существуют и *вне зависимости* от рефлексивной, осознанной регуляции как таковой, вне связи с ней, то есть – именно объективно (а не субъективно – в смысле «произвольно»). Но с другой стороны, эти же закономерности могут «улавливаться» субъектом – подмечаться и фиксироваться им как нечто повторяющееся, стабильное, устойчивое в его «внутренней жизни»; как нечто такое, что может способствовать организации им своего поведения,

а в результате – оптимизации меры его адаптивности, эффективности. Объективные – первичные закономерности сами становятся предметом их «отражения», восприятия субъектом, что и обеспечивается рефлексией как таковой, вообще *составляет ее суть* (а, возможно, и главное предназначение). Но в этом случае открывается принципиальная возможность не только для рефлексивной *фиксации действия* тех или иных закономерностей, но и для *активного воздействия* на них, возможность для регулирования меры их выраженности.

Субъект (повторяем, именно благодаря свойству рефлексивности) оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять на них. Это, собственно, и есть один из механизмов того, что традиционно обозначается понятием произвольной регуляции деятельности. Понятно, однако, что характер такого рефлексивного (произвольного) влияния является уже принципиально иным по сравнению с первичными – объективными закономерностями. Он является именно субъективным, а еще точнее субъектным. Это – своего рода вторичные, субъектные закономерности; они образуют систему собственно рефлексивных закономерностей. Им присущи две основные особенности. Во-первых, это именно «вторичные закономерности», закономерности «второго порядка». Они выступают как закономерности трансформации иных – исходных, базовых закономерностей. Они как бы «накладываются» на другие – первичные, то есть базовые закономерности и видоизменяют их. Во-вторых, это субъектные, а потому – принципиально подверженные субъективным абберациям закономерности. Они характеризуются, в силу этого, значительно меньшей стабильностью, строгостью, инвариантностью и просто – степенью соблюдение принципа «строгой рациональности». Этим, в частности, объясняется существенно бóльшая размытость и менее строгий характер рефлексивных закономерностей. Все это с очевидностью проявляется, в частности, в одной из наиболее важных закономерностей, зафиксированных при исследовании индивидуальных качеств. Она, как известно, состоит в том, что сама мера их выраженности в значительной степени опосредствуется именно факторами рефлексивного плана.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что вторичные – субъектные закономерности, к каковым принадлежит большинство реф-

лексивно-детерминированных закономерностей, не являются субъективными в прямом смысле. Они объективны, но в более сложном плане – в плане того, что они прошли опосредствование субъектом, преломились через систему его рефлексивных механизмов. Более того, эти «вторичные» – субъектные закономерности можно рассматривать и как высшее проявление объективных закономерностей, поскольку они наиболее специфичны и адекватны сложнейшему из всех существующих объектов познания – человеку, а вне их установления и понимания его познание просто невозможно. Эти закономерности, в основе которых лежат генеративная, трансформационная, модерлирующая и иные функции рефлексии [257], и есть в значительной степени содержание субъектности как таковой. Система указанных закономерностей в существенной мере образует содержание функционирования субъекта, содержание его процессуального бытия.

Рассмотренная проблема имеет, разумеется, и более общее – фактически, гносеологическое, философское содержание. Речь при этом идет о соотношении, взаимодействии в функционировании одной и той же системы (психики) двух категорий закономерностей – *объективных* и *субъективных*. Развитые выше представления способствуют ее решению, по крайней мере, в трех основных планах. В дальнейшем мы более подробно рассмотрим то, каким образом в структурно-функциональной организации субъективной реальности в целом и субъективного времени, в частности, представлены эти категории закономерностей. Пока же отметим, что есть все основания для предположения, согласно которому они играют очень важную роль в этой организации. И в первом, и во втором случае они – метазаконмерности выступают частными проявлениями одной из наиболее общих особенностей функциональной организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем – синтезированнойности в их содержании двух качественно различных классов закономерностей. Один класс – это закономерности, присущие самой системе (ее внутренние, аутохтонные закономерности). Второй класс – это закономерности, присущие метасистеме, которая, однако, оказывается представленной, то есть «встроенной» в содержание самих этих систем. Данное положение также должно быть обязательно учтено в содержании метасистемного подхода, составляя значимый аспект функционального плана его реализации.

2.2.4. Генетический план исследования

Следующим основным планом (и этапом) алгоритма системного исследования является, как известно, реализация *генетического* аспекта общего изучения объекта. Его главная цель заключается в установлении и интерпретации особой категории закономерностей организации и развития объекта исследования – собственно генетических. Установление этой категории закономерностей, дополняя собой все иные их категории, позволяет в итоге дать объекту достаточно полное, всестороннее описание и объяснение. Другими словами, данный аспект исследования является обязательным компонентом, своего рода – атрибутом системного подхода в целом, что обуславливает необходимость обращения к нему. Общая задача остается при этом той же, что и при рассмотрении иных – уже проанализированных аспектов (метасистемного, структурного, функционального). А именно, с одной стороны, необходимо рассмотреть вопрос о возможном существовании у систем со «встроенным» метасистемным уровнем новых генетических закономерностей и особенностей, обусловленных их общим статусом – наличием у них специфического уровня (метасистемного). С другой стороны, следует попытаться установить, как конкретно могут содействовать развитые выше представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем развитию системного подхода в целом.

Для того чтобы по возможности более полно рассмотреть эту – двуединую задачу, необходимо, на наш взгляд, базироваться на трех следующих положениях. Они создают своего рода стартовые позиции для ее анализа и поэтому должны быть обязательно учтены в его ходе.

Во-первых, как мы уже отмечали, и в принципе системного подхода (независимо от его конкретных вариантов), и в общей теории систем рассматриваемый – генетический аспект изучения не только практически всегда представлен, но и выступает как один из основных. Вместе с тем, степень его разработанности как в методологическом, так и в конкретно-научном планах заметно *уступает* другим базовым аспектам – прежде всего, структурному и функциональному. Это не может не сказываться на уровне зрелости» методологических и теоретических представлений о генезисе системных образований в целом, а также на уровне развития методологии их познания.

Во-вторых, на фоне предыдущей черты особняком стоят физиологические и собственно психологические исследования, реализующие данный аспект исследования. Дело в том, что именно в этих дисциплинах были сформулированы, а затем получили широкое признание и оказали большое влияние как на развитие собственно теоретических представлений, так и на методологию системности две основополагающие специальные теории. Это – теория функциональных систем П. К. Анохина [25, 26] и теория системогенеза деятельности В. Д. Шадрикова [661]⁴⁶. В первой из них было предложено и обосновано само понятие *системогенеза*, направленное на то, чтобы зафиксировать специфически системные закономерности генезиса и, прежде всего, – его принципы. Во второй из них данное понятие было наполнено собственно психологическим содержанием; вскрыты и изучены принципы, закономерности, особенности системогенеза как деятельности в целом, так и основных «составляющих» психики – в частности, способностей.

В-третьих, необходимо учитывать и то, что в собственно *психологических* исследованиях в целом и в новейших из них (например, выполненных в русле метакогнитивизма), в частности, генетический аспект всегда занимал и занимает очень важное место. Поэтому те концептуальные традиции и тот богатейший материал, который накоплен при реализации принципа развития в психологических исследованиях, должен быть обязательно ассимилирован в целях дальнейшей разработки методологии системного подхода. В этом плане мы считаем необходимым со всей определенностью подчеркнуть следующую – очень важную особенность современных генетических исследований. Именно они, то есть исследования, выполненные в традициях и на основе «идеологии» генетической психологии и восходящие к известным исследованиям Ж. Пиаже, привели, в конечном итоге, к возникновению особого и одного из *наиболее развитых* направлений современного метакогнитивизма – генетического (см. обзор в [268]). Оно, начиная с классических работ Дж. Флейвелла [697, 698], традиционно занимает в общей

⁴⁶ Кроме того, в плане общей разработки представлений о системогенетическом типе развития необходимо, конечно, отметить и работы, которые, правда, носят подчеркнута физиологический характер и выполнены К. В. Судачковым [505] и Ю. И. Александровым [3].

структуре метакогнитивизма ключевое место, а доминирующую роль в общей проблематике метакогнитивизма играют вопросы, связанные с возможностью и конкретными средствами *формирования* и развития метакогнитивных процессов, навыков и умений, а также – формирования так называемого «метакогнитивного пространства» в целом. И это, на наш взгляд, совершенно закономерно, поскольку именно метакогнитивные процессы как вторичны, а потому – в наибольшей степени развиваемые и формируемые, в наибольшей степени доступны осознаваемому контролю. Более того, строго говоря, они во многом и составляют само содержание этого контроля. Поэтому они являются очень конструктивной основой для генетических – формирующих воздействий.

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени в психологических исследованиях сформировались два крупных теоретических направления, реализующих генетический аспект по отношению к развитию психологических систем. Это – концепция системогенеза и генетическое направление в метакогнитивизме. Если в первой из них генетические закономерности раскрыты в их собственно *системном* проявлении, то во втором основной акцент сделан на выявлении закономерностей генезиса психических *мета*-образований. Следовательно, можно заключить, что именно *синтез* указанных направлений не только может, но и должен служить основой для раскрытия специфических особенностей генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Естественно, решение данной задачи *в целом* невозможно в рамках одного исследования. Вместе с тем, *общее направление* ее решения должно, на наш взгляд, заключаться именно в этом синтезе двух концепций – концепции системогенеза и генетического направления метакогнитивизма.

Конкретизируя это, мы хотели бы подчеркнуть и еще одно обстоятельство. До сих пор концепция системогенеза не была рассмотрена в плане проблематики и результатов, полученных в современном метакогнитивизме. Однако и сами метакогнитивные процессы и образования не были предметом изучения в ней. В то же время, и метакогнитивизм как таковой практически пока, фактически, никак не учитывает те традиции и результаты, которые сложились в русле системно-ориентированных психологических исследований. Понятно, что это концептуальное несоответствие является достаточно ощутимым и неестественным; оно поэтому обязательно должно быть устранено.

Учитывая все отмеченные выше особенности современной ситуации, связанной с реализацией генетического принципа в системно-ориентированных психологических исследованиях, возвратимся к исходной задаче проводимого здесь анализа. Действительно, могут ли и, если да, то, как конкретно, способствовать сформулированные представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем развитию самого системного подхода в его собственно генетическом аспекте? Характеризуется ли генезис этих систем дополнительными – новыми по отношению к установленным в концепции системогенеза, закономерностями? Отдавая полный отчет в масштабе данной проблемы, мы все же считаем возможным сформулировать некоторые положения, направленные на ее решение.

Прежде всего, по отношению к генезису систем со «встроенным» метасистемным уровнем в целом можно констатировать следующую, довольно своеобразную, если не сказать – эксклюзивную ситуацию. Дело в том, что важнейшим звеном этого генезиса является, как показано выше, формирование особого – метасистемного уровня организации в общей структуре психики. По своему содержанию, а частично – и по закономерностям он, как опять-таки показано и доказано ранее, представляет собой «удвоенное бытие» метасистемы объективной реальности в целом, ее «превращенную» – идеальную форму. Более того, чем полнее и адекватнее, точнее и детализированнее будет содержательное соответствие метасистемного уровня с ней, тем бóльшие предпосылки складываются для решения индивидом практически любых деятельностных и поведенческих задач, для реализации им общеадаптационных функций.

Следовательно, с собственно содержательной точки зрения генезис метасистемного уровня – это в значительной степени *воссоздание* в психике объективной реальности, построение ее моделей, синтезированных в общую картину мира, в образ мира. Поэтому и сам генезис метасистемного уровня как «встроенного» в структуру психики является в определенном смысле процессом формирования того, что *уже существует*, но одновременно и процессом превращения этого уже существующего в его инобытие – в идеальную форму. В этом процессе имеет место достаточно специфическое соотношение *продуктивных* и *репродуктивных* тенденций генезиса.

Обычно само понятие генезиса (формирования, порождения) принято ассоциировать именно с *продуктивными* процессами, с генеративным началом в развитии психики. Генезис – это и есть создание, порождение, возникновение и развитие (закономерно, что понятия *генезиса* и *генеративности* обладают очевидным этимологическим родством). Вместе с тем, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем традиционная трактовка генезиса должна быть, по-видимому, расширена. Он не только может, но и обязательно должен быть также и *репродуктивным*, воссоздающим. Лишь при условии такой воссоздаваемости, внутренняя модель мира – его репрезентация в психике будет адекватной внешнему оригиналу. Собственно говоря, эта воссоздаемость внешнего мира в мире внутреннем и лежит в основе формирования системы *знаний* о первом во втором, феноменологически представленной как сознание. Однако – и в этом проявляется истинная диалектика и реальная сложность рассматриваемого генезиса – он, в действительности, двойственен. Будучи воссоздающим – *репродуктивным* по содержанию формирующегося метасистемного уровня и по отношению к связи этого содержания с содержанием объективной реальности, он, в то же время, без сомнения *продуктивен*. Более того, именно благодаря репродукции объективной реальности «внутри себя», развитие субъекта и приобретает продуктивный, генеративный характер. Сам же генезис метасистемного уровня поэтому является и продуктивным и репродуктивным, и воссоздающим (объективный мир) и создающим (субъективный мир) *одновременно*. Чем более полно представлены в нем эти два диаметрально противоположные начала, тем он в целом более совершенен. Во всем этом проявляется истинная сложность, противоречивость и своеобразие генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Далее, следующая особенность генезиса такого рода систем является также не просто очень специфической, но и, по существу, уникальной. По ходу всего предшествующего изложения мы постоянно подчеркивали, что «встроенность» метасистемного уровня в содержание и структуру какой-либо системы не означает, конечно, *онтологической* представленности метасистемы в ней. Речь идет лишь о том, что метасистема определенным образом, в определенной форме – *функционально* получает в системе свою *репрезентацию*, отображение. Эти репрезентации множественны и разнотипны; они являются

образными и концептуальными, модальными и амодальными. Однако всем им присуще общее, родовое свойство – свойство *идеальности*. Иначе говоря, процесс генезиса метасистемного уровня возможен только при условии и на основе *радикальной трансформации* исходных компонентов – их превращения из материальной формы в идеальную. Более того, можно видеть, что такого рода трансформации – это вообще *наиболее* радикальная трансформация из всех, которые в принципе возможны. Благодаря ней, генезис метасистемного уровня реализуется не как процесс структурного или морфологического развития, а как специфически *информационный процесс*. Таким образом, еще одна специфическая особенность генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем состоит в том, что в результате этого генезиса исходные компоненты – его «строительный материал» подвергаются наибольшей из всех возможных и по существу – *предельной*, полной трансформации. Они меняют форму своего существования, переходя из материального модуса в идеальный. Ни один иной тип генезиса не предполагает столь радикальной трансформации тех компонентов, тех носителей, на базе которых он разворачивается.

Вместе с тем, сколь бы радикальными ни были указанные трансформации, имеющие место в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем, только ими он все же не исчерпывается. Дело в том, что представленные исходно и первично в виде компонентов объективной реальности (внешнего мира), *они же*, но, принимая идеальную форму, становятся компонентами метасистемного уровня. Тем самым они становятся компонентами субъективной реальности – знаниями, репрезентациями, моделями, «единицами» опыта и мн. др. Наиболее существенно то, что они не просто подвергаются указанной трансформации и становятся идеальными образованиями. Необходимо учитывать также, что, становясь ими, они одновременно составляют содержание – «материал» вполне определенного *структурного уровня* в общей организации системы – психики. Тем самым знания, репрезентации, «модели», вообще – все идеальное, информационное содержание обретает статус *структурного* компонента системы – ее уровня. И в качестве такового – в качестве структурного уровня (причем, высшего, то есть метасистемного) *содержание* оказывается *в состоянии управлять структурой*; идеальное оказывается в состоянии влиять на сами механизмы психики, регулировать их.

Данный аспект анализа имеет, по-видимому, и более общее значение, поскольку он достаточно непосредственно связан с очень общей, фундаментальной и, по существу, общенаучной проблемой, обозначаемой как *психофизиологическая проблема*. Обычно, данная проблема формулируется как проблема трансформации материального в идеальное, «внешнего» во «внутреннее», непсихического в психическое. Тайна «психофизиологического сечения» все еще существует и пока не ясно, как она может быть разгадана. Вместе с тем, нельзя не видеть и другой стороны данной проблемы⁴⁷. Она состоит в том, чтобы выяснить, каким образом осуществляется *обратный* переход – переход идеального в материальное? Этот переход объективно необходим, поскольку без него невозможна регуляция идеальными образованиями вполне материального объекта – организма и в частности, его моторики, поведения и деятельности в целом. Как и где, когда и за счет каких средств идеальное вновь «материализуется» и в этом – материализованном виде осуществляет свои эффекторные функции, в том числе, «моторную», поведенческую и деятельностьную регуляцию? В свете сформулированных представлений о принадлежности психики к системам со «встроенным» метасистемным уровнем данная проблема получает новый импульс к решению. Предпосылки для обратного перехода, то есть для трансформации идеального в материальное возникают тогда, когда само идеальное (знания, репрезентации и т. д.) обретают структурный статус – *статус структурного уровня* и соответствующий ему потенциал. Это происходит тогда, когда «содержание становится структурой», когда знания (как идеальное) становится регулятивным механизмом. Именно это и происходит, благодаря «встроенности» метасистемного уровня в общую структурно-уровневую организацию психики.

В целях выявления специфики генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем необходим, разумеется, также учет тех результатов, которые получены в концепции системогенеза. Мы уже отмечали, что в данной концепции дана наиболее полная, содержательная и концептуально завершенная реализация принципа системного подхода по отношению к собственно психологической проблематике. Так,

⁴⁷ О чем, правда, – лишь в плане постановки данной проблемы, в свое время писал В. Н. Дружинин [186].

в частности, в ней на материале различных психологических образований было установлено, что их развитие осуществляется в соответствии с некоторыми общими генетическими закономерностями – *принципами системогенеза*. Они в значительной мере подобны общим системогенетическим принципам, описанным в теории функциональных систем, хотя и имеют вполне естественную специфику, характеризуются более богатым содержанием. Такими принципами являются, как известно, принципы неравномерности, гетерохронности, обеспечения минимального эффекта целевой детерминации, консолидации и др. В связи с тем, что именно принципы имеют основополагающее значение для характеристики системогенеза как такового, именно они должны быть использованы и для выявления возможной специфичности генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что именно их совокупность наиболее целесообразно использовать в качестве основы для сравнительного анализа генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем и всех иных их типов. Такой анализ был проведен нами, в частности, в [251, 271], а его основные результаты могут быть резюмированы в следующих обобщающих положениях.

Генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем характеризуется тем, что в нем в значительной степени *сохраняются* принципы, описанные в концепции системогенеза. Вместе с тем, наряду с ними, сами эти принципы раскрываются новыми, *дополнительными* гранями; выходят за рамки своего исходно установленного содержания, а иногда и приобретают инверсионную форму; поясним сказанное. Так, в частности, принцип неравномерности генезиса компонентов означает, что общей закономерностью развития систем являются существенно разные темпы формирования тех или иных ее компонентов на всем интервале ее развития. Другой принцип – гетерохронности означает, что различные компоненты системы развиваются наиболее интенсивными темпами на разных временных интервалах ее общего генезиса, а для каждого из них существует сензитивный период. Иными словами, оба этих принципа являются частными аспектами временной дифференцированности, хронологической специализированности общего процесса генезиса. Они, разумеется, сохраняются и в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Вместе с тем, по отношению к ним общий «вектор» генетических тенденций существенно изменяется. Дело в том, что генезис метаси-

стемного уровня и генезис всех иных уровней теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодетерминированы; степень их сформированности напрямую зависит друг от друга. В связи с этим, существенно бóльшую роль в общем процессе генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем играют не механизмы временной *специализации* и *дифференциации* (которые проявляются в принципах неравномерности и гетерохронности), а механизмы *интеграции* – прежде всего, метасистемного уровня со всеми иными уровнями, а также их *взаимодетерминации*. Например, когнитивный потенциал субъекта, развиваясь и совершенствуясь, создает вполне конкретные предпосылки для развития метакогнитивных процессов (которые, в свою очередь, составляют важную часть всех операционных средств метасистемного уровня). Эти процессы, в свою очередь, в зависимости от меры своего потенциала, создают те или иные условия для собственно когнитивного развития. В силу этого, чем более взаимосвязанными и взаимозависимыми будут процессы генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней, тем эффективнее будет и общий генезис психики. Таким образом, в плане обеспечения синергетичности генезиса метасистемного уровня и иных уровней на первый план выступает уже не их неравномерность, а наоборот – *равномерность*; не их гетерохронность, а наоборот, – *синхронность*. Лишь при такой трансформации и даже – инверсии исходного смысла системогенетических принципов неравномерности и гетерохронности возможно обеспечение синергетических отношений метасистемного и иных уровней, итеративность (спиралевидность) их взаимного развития.

Аналогичная по своему общему смыслу ситуация имеет место и по отношению к иным системогенетическим принципам – в частности, по отношению к принципу консолидации. Его смысл общеизвестен и состоит в том, что по ходу генезиса системы имеет место прогрессирующая тенденция к интеграции, к синтезу ее компонентов в плане достижения того или иного результата. Полагается – и не без основания, что чем более интегрированной, консолидированной является система, тем выше уровень ее зрелости, сформированности. Все это *в целом* – в наиболее общем виде справедливо по отношению к генезису структурно-уровневой организации психики и ее отдельных подсистем. Вместе с тем, по отношению к частному, но важнейшему, во многом определяющему аспекту этого генезиса – к генезису межуровневых связей

метасистемного уровня и всех иных уровней имеет место существенно иная закономерность. Она состоит в том, что метасистемный уровень, будучи органично включен в структуру всех остальных уровней, в то же время должен сохранять выраженную *дифференцированность* от всех других уровней. Последнее связано с тем, что именно благодаря метасистемному уровню становится *объективация* психикой самой себя в качестве условно внешнеположенной реальности; обеспечивается ее отношение к себе как бы извне, то есть механизмы рефлексии и феномен сознания как таковые. Поэтому залогом совершенства и критерием развитости психики будет являться как раз то, насколько метасистемный уровень и иные уровни, сохраняя единство, в то же время могут оппозиционироваться друг к другу; насколько они функционально дифференцированы, а не только консолидированы.

Не останавливаясь подробно на анализе других принципов («обеспечения минимального эффекта компонентов в функционировании систем», «одновременности закладки компонентов» системы, целевой детерминации – см. о них в наших работах [253, 269]), подчеркнем, что и по отношению к ним имеет место та же самая общая закономерность. А именно, сохраняясь в своем обобщенном виде, они могут специфицироваться и приобретать новые грани в контексте генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней. Так, в частности, как мы уже отмечали выше, *смысл* генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем состоит в том, что их компонентный состав складывается и эволюционирует на основе принципа заведомой избыточности – принципа *максимизации*, а не принципа обеспечения «*минимальной достаточности*». Другой из отмеченных принципов – целевой детерминации также подвергается своеобразной инверсии, поскольку психика как система со «встроенным» метасистемным уровнем формируется не на основе соответствия какой-либо конкретной цели (или даже – их множества), а на основе иного – *ситуационного* принципа. Он, однако, означает их отсутствие в предзаданной форме и необходимость их формирования всякий раз – в зависимости от конкретно складывающейся ситуации. Этот принцип требует генезиса соответствующей – фундаментальной характеристики такого рода систем, которая обозначается как *способность к целеобразованию*.

Таким образом, можно видеть, что по отношению к основному аспекту сравнительного анализа генезиса традиционных систем и си-

стем со «встроенным» метасистемным уровнем – их принципам имеет место следующая общая закономерность. Основные принципы системогенеза в целом выполняются и по отношению к последним. Вместе с тем, – но уже не «в целом» для генезиса системы психики и ее основных подсистем, а *конкретно* – по отношению к *взаимосвязи* генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней они существенно модифицируются и частично и инвертируются. Неравномерность и гетерохронность развития уступает доминирующую роль итеративности и синхронности развития; консолидация – дифференциации; обеспечение минимального (или даже достаточного) эффекта – максимизации эффекта; целевая детерминация – ситуационной детерминации.

Сформулированные выше представления, а также их методологическое обобщение, проведенное выше, позволяют, далее уточнить, конкретизировать само *понятие системогенеза*, а также конкретизировать, а в определенном смысле и расширить некоторые положения системогенетической концепции. Действительно, как было только что показано, для генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем существенно трансформируются установленные в этой концепции *принципы*. Вместе с тем, сколь бы ни были значимы эти трансформации (а они, действительно, очень значимы, поскольку именно *принципы* по определению являются *основными* закономерностями генезиса) только ими дело не ограничивается. Появление нового уровня, обуславливая, в свою очередь, возникновение качественно иного типа систем, ведет также и к тому, что в определенном смысле изменяется *общий тип* их генезиса, его общий характер. Если по отношению к «классическим» системам, то есть к системам *без* «встроенного» метасистемного уровня, действительно, наиболее обоснованным и конструктивным является понятие системогенеза (и концепция, базирующаяся на нем), то по отношению к рассматриваемому здесь типу систем оно уже недостаточно. При этом выполняется следующее общее правило, которое уже не раз было констатировано в данной главе и которое характеризует отношения системного и метасистемного подходов в целом, а также закономерности соотношения «классических» систем и систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в частности. Выявленные в системном подходе генетические закономерности (то есть закономерности системогенеза) в целом – при известных модификациях и трансфор-

мациях – необходимы и для понимания генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Однако, – именно *необходимы*, но еще *недостаточны*. Последние, наряду с ними, имеют дополнительные – специфические особенности и закономерности генезиса.

Сущность этих – новых закономерностей может быть охарактеризована следующим образом. Возникновение, формирование и развитие систем без «встроенного» метасистемного уровня – это, действительно, процесс системогенеза. Он, протекая по определенным – системогенетическим принципам, имеет свое специфическое содержание, свою закономерную этапность и др. В конечном итоге он приводит к развитию зрелой системы (в частности, психики), которая функционирует по атрибутивно присущим ей закономерностям – также системным по своей природе. Эти собственно системные закономерности структурной и функциональной организации становятся основными, а психика в целом и ее основные подсистемы базируются на них как на своих основных механизмах.

Вместе с тем, как было показано выше, возникновение метасистемного уровня создает условия для того, чтобы стала возможной объективация психики для самой себя – в качестве некоторого оппозиционированного, условно внешнеположенного объекта. Психика становится в состоянии отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на систему – психику; оказывается возможным своеобразный «выход» за ее собственные пределы. Зрелая, сформированная психика – благодаря именно сформированности метасистемного уровня, не только базируется на системных закономерностях, но и активно использует их в отношении себя как *операционные средства*. Управлять собой и регулировать себя (то есть – саморегулировать) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как *средства* саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, и генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем это не просто системогенез в его «классическом» понимании – как развитие системы. Он обязательно предполагает

не только *формирование системы*, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, то есть *развитие системности как механизма* этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения более адекватным, на наш взгляд, является не понятие системогенеза, а понятие *метасистемогенеза*. В своем «широком» значении данное понятие фиксирует общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В его основе лежит формирование и развитие целостной иерархии пяти базовых макроуровней, в том числе и, прежде всего, – метасистемного уровня их организации. В своем более конкретном – «узком» и производном от первого значения данное понятие фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковое, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции – *развитие системности как механизма* этой регуляции. И именно данное понятие и, соответственно, данный тип генезиса должны быть проинтерпретированы как базовые для реализации метасистемного плана исследования в целом. Они позволяют поставить и в определенной мере решить ряд достаточно значимых в теоретическом отношении вопросов, раскрыть новые грани и закономерности развития систем.

Так, традиционно принято считать, что сама суть генетического развития систем (именно как системогенеза) состоит в обретении ей все большей организованности, структурированности, упорядоченности и целостности. Иными словам, доминирующий акцент делается на, так сказать, «позитивном» аспекте системогенеза, связанным с приданием формирующимся образованиям системности и интегрированности, большей организованности. Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя не видеть и того, что по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем имеет место несколько иная, существенно более сложная картина их генетического развития.

Действительно, с одной стороны, их генезис разворачивается под мощным и нередко – определяющим детерминирующим воздействием той метасистемы, в которую они онтологически включены. Ме-

тасистема своими собственными генетическими закономерностями и особенностями, детерминируя развитие включенной в нее системы, тем не менее, может вносить и реально вносит в процесс ее формирования не только черты «организованности и упорядоченности», но и противоположные черты – черты дезорганизованности, асистемности. С другой стороны, еще более существенным и специфическим именно для систем со «встроенным» метасистемным уровнем является то, что и сама метасистема оказывается функционально представленной в их собственном содержании, локализуясь на ее высшем уровне. Поэтому, как уже отмечалось, те детерминанты и взаимодействия метасистемы и системы, которые по отношению ко всем иным классам систем имеют *внешнюю* локализацию, транспонируются в их собственное содержание, становятся *внутренними* детерминантами их развития. При этом следует учитывать, что именно метасистемный, высший уровень является, как известно, принципиально *открытым* – через него система не только взаимодействует с другими системами, но в нее постоянно вносятся возмущения, элементы неупорядоченности, хаоса. Они тем самым становятся и *внутренними* факторами их собственного развития.

Другими словами, те объективно складывающиеся противоречия, которые для всех иных типов систем характеризуют *внешнюю* детерминацию их развития, трансформируются по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем в их собственные *внутренние противоречия*. На основе этого системы данного класса обретают новый и очень мощный источник возникновения противоречий как факторов развития в целом. Эти – ставшие уже внутренними противоречия, элементы дисгармоничности и постоянного внесения дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, то есть асистемности становятся тем самым важнейшей категорией факторов собственного генезиса данного класса систем. Эти системы характеризуются не только, а в ряде случаев и не столько доминирующей и прогрессирующей тенденцией к нарастанию их организованности, к приданию черт все большей системности, скоординированности, упорядоченности, целостности и пр., сколько перманентным внесением в свое собственное функционирование и развитие противоположных черт – дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, то есть асистемности. Такие черты, порождаемые самой системой,

затем, однако, выступают в качестве того, что должно быть преодолено в процессе генетического развития, – в качестве внутренних факторов этого развития. Система тем самым, как мы уже отмечали, движется не только от неорганизованности к организованности, но и сама может порождать и реально порождает принципиальную дезорганизацию, асистемность как средство придания ей качественно новых и, по-видимому, еще более совершенных форм самой организации. Порождение, а затем преодоление этой асистемности является поэтому не только атрибутом метасистемогенеза, но и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового.

Вместе с тем, это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для внутреннего развития системы деятельности. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью придания формирующемуся образованию системности выступает тем самым мощным эмерджентным фактором системогенеза. Вообще говоря, представляется не вполне правомерным, а частично – и парадоксальным то обстоятельство, что фундаментальная категория *противоречия* как объективного и важнейшего стимула развития как такового все еще явно недостаточно привлекает внимание исследователей, занимающихся разработкой проблемы системогенеза. И наоборот, осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности как атрибутивной особенности системогенеза позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность системогенеза.

Вообще говоря, следует подчеркнуть, что в традиционно сложившемся понятии системогенеза акцент делается именно на том, что общим смыслом и своего рода конечной целью всего генезиса является обретение развивающимся объектом черт целостности, организованности, упорядоченности, то есть именно системности. Последняя рассматривается как цель всего генезиса и, так сказать, высшей из возможных форм организации, на достижение которой этот генезис и направлен. Вместе с тем, нельзя не видеть и другого обстоятельства. Наибольшими перспективами и возможностями для развития и для качественных трансформаций обладают те системы, которые не только обладают внутренним потенциалом к становле-

нию самого атрибута системности. Это – те системы, которые характеризуются еще и способностью к постоянному «выходу» за уже достигнутый уровень системности; к продуцированию асистемности и затем к ее преодолению путем достижения новых ступеней системности. Проводя аналогию между известным выражением о том, что «покой относителен, а движение абсолютно», можно сказать, что системность относительна, а асистемность абсолютна. Это, собственно говоря, и проявляется в самой сути метасистемогенеза, в содержании развития систем со «встроенным» метасистемным уровнем. И именно поэтому сам метасистемогенез выступает более общим и более мощным типом развития системных образований.

Безусловно, механизм продуцирования противоречий, возникающих в ходе развития, является характерным не только для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а имеет достаточно общую сферу действия. Однако, именно по отношению к этому классу систем в целом эта, действительно, общая закономерность обретает новый статус. Она трансформируется из *закономерности* (то есть того, чему система объективно подчиняется) в *операционное средство* генезиса: система не только «подчиняется» этой закономерности, но и сама порождает, а затем – *использует* ее в целях своего функционирования и генезиса. Данную особенность генетического развития можно, как мы уже отмечали, обозначить понятием *механизма продуктивной асистемности*. Он является одним из базовых механизмов генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Далее, все представленные выше материалы, раскрывающие специфику метасистемогенетического типа развития в целом, а также само это понятие, в особенности, позволяют сформулировать и еще одно положение, носящее, правда, пока характер *предположения*. Действительно, в свете этих материалов становится очевидным, что по отношению к определенному качественно специфическому *классу* систем со «встроенным» метасистемным уровнем имеет место столь же качественно специфический, фактически, особый и «несводимый» к классическим представлениям, то есть новый *тип* системогенеза – *метасистемогенез*. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Традиционно сложившееся и используемое в настоящее время понятие системогенеза соотносится, в основном, с «классическими» типами систем, то есть с системами

без «встроенного» метасистемного уровня. Вместе с тем, обнаружение и доказательство существования *нового класса* систем – систем со «встроенным» метасистемным уровнем объективно требует дифференциации и *нового типа* самого системогенеза – метасистемогенеза. Однако было бы, по всей вероятности, совершенно неоправданным и преждевременным полагать, что дальнейшее развитие методологии системности не приведет к установлению еще каких-либо – также качественно новых типов системных образований. Соответственно, не только не исключено, но напротив, весьма вероятно и обнаружение качественно новых типов самого системогенеза.

В связи с этим, можно допустить также, что сам системогенез как специфический тип развития имеет два основных плана – два «слоя», уровня. Первый из них образован наиболее *общими* принципами и закономерностями, характеризующими развитие системной формы организации как таковой – безотносительно к различиям ее основных классов. Это – базовый уровень системогенеза. Второй уровень образован теми принципами и закономерностями, которые являются *специфическими* по отношению к тому или иному основному классу систем. Так, например, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем ими выступают основные закономерности и принципы, составляющие содержание понятия метасистемогенеза. Но это же означает, что само понятие метасистемогенеза имеет еще более общее и широкое методологическое значение. Дело в том, что оно, фиксируя качественно особый тип общего системогенетического развития, одновременно создает и своего рода *прецедент*, вскрывающий тот важный факт, что само понятие системогенеза отнюдь не является «унитарным» и единственным для объяснения всего многообразия типов развития систем. По-видимому, существует целое множество типов системогенеза – множество столь же гетерогенное, сколь гетерогенен и сам «мир систем».

Наконец, в свете сказанного можно предложить и вариант решения достаточно острой в теоретическом отношении проблемы, к постановке которой, как было показано выше, привела в настоящее время логика развития системного подхода. Это – проблема *достаточности* уже эксплицированных принципов системогенеза для раскрытия всей полноты их реального множества, а также связанная с ней проблема нахождения *критерия* определения такой достаточности и полноты.

По нашему мнению, их решению могут содействовать два следующих вывода, базирующихся на результатах проведенного выше анализа.

Во-первых, он показал, что те принципы системогенеза, который описаны к настоящему времени, по-видимому, недостаточны для раскрытия всего их реального множества. Дело в том, что все они соотносятся лишь с первым из двух констатированных выше уровней, «пластов» самого системогенеза – базовым. Однако, поскольку существует и второй уровень, образованный новыми и специфическими по отношению к тому или иному классу систем принципами, то совокупность последних также должна входить в общее множество системогенетических принципов. Вместе с тем, они, в основном, остаются пока не раскрытыми и не изученными (за исключением ряда принципов метасистемогенеза, охарактеризованных, в частности, в работах [262, 271]).

Во-вторых, существует и еще одна веская причина, не позволяющая считать совокупность уже известных принципов системогенеза полной и завершенной. В свою очередь, она имеет две важные предпосылки. С одной стороны, вся история развития концепции системогенеза, огромное количество полученного в ней материала, убедительно свидетельствует о фундаментальном и неоспоримом факте – факте явной согласованности, координированности, организованности и вообще – синхронизированности действия всех базовых принципов. У этой важнейшей закономерности (а скорее – даже метазакономерности) объективно должны существовать какие-либо веские и глубинные детерминанты. Другими словами, по-видимому, должны существовать какие-либо средства и механизмы *общего* плана – то есть именно *принципы*, обеспечивающие само это согласование, организацию, координацию. Но это означает, что совокупное развертывание принципов также должно «чем-то сорганизовываться»; что должны существовать своего рода принципы «второго порядка», управляющие развертыванием совокупности уже известных принципов – своего рода *метапринципы*. С другой стороны, приходится констатировать, что та совокупность принципов системогенеза, которая определена к настоящему времени, по каким-то – причем, не вполне ясным и объяснимым причинам не учитывает и не эксплицирует в себе *важнейшую* характеристику практически всех систем как таковых – *иерархичность* их организации, структурно-уровневое их строение в целом. Ни один из существующих принципов не на-

правлен прямо и непосредственно (специально) на раскрытие закономерностей становления и развития иерархичности как «стержня» системных образований как таковых.

Предпринимая попытку компенсации этих концептуальных пробелов, в проведенном ранее цикле теоретических исследований генетического плана (см. обзор в [251]) мы предложили дополнить совокупность известных системогенетических принципов еще двумя принципами. Они непосредственно соотносятся, с одной стороны, с констатированной выше – объективной необходимостью согласования и координации всех иных принципов, а с другой, – с необходимостью учета тех закономерностей, которые обусловлены иерархической организацией систем. Эти принципы были обозначены, соответственно, как принципы *конкордантности* и *иерархизации*. Сущность первого из них состоит в том, что все перестройки генетического плана, осуществляющиеся на разных уровнях организации того или иного формирующегося процесса (или же образования), носят согласованный – именно конкордантный характер и, более того, находятся друг с другом во взаимодетерминационных отношениях. Сущность второго принципа состоит в том, что объективно основным «вектором» всей совокупности генетических процессов выступает становление того, «главного», что есть в любой системе – ее уровневой, то есть, фактически, иерархически организованной структуры. Вместе с тем, будучи значимым само по себе, обоснование существования этих принципов имеет и более широкий смысл. Оно также создает прецедент и вскрывает то обстоятельство, что известная в настоящее время совокупность принципов системогенеза является открытой; что сложившаяся в отношении них «презумпция несуществования» каких-либо иных – дополнительных принципов неправомерна. В этом, в частности, проявляется уже не только объяснительный, но и предсказательный потенциал метасистемного подхода.

Таким образом, в заключение рассмотрения генетического аспекта можно сделать следующий основной вывод. По отношению к генезису систем со «встроенным» метасистемным уровнем традиционно описанные системогенетические закономерности в целом сохраняются и должны быть учтены при их исследовании. Вместе с тем, их учет, хотя, безусловно, необходим, но еще недостаточен для полного и адекватного понимания сути генезиса этих систем.

Наряду с ними, возникают новые – качественно специфические *закономерности* развития, трансформируются *принципы* системогенеза, меняется сам *тип* их генезиса. Все это требует понимания развития такого рода систем уже не как системогенеза, а как *метасистемогенеза*.

2.2.5. Интегративный план исследования

Как известно, согласно сложившейся методологической традиции, заключительный этап изучения, предписываемый алгоритмом системного исследования, направлен, в основном, на установление наиболее обобщенных особенностей предмета – его *интегративных свойств*, характеризующих его именно как целое, как систему. Эти интегративные свойства обозначаются обычно понятием *системных качеств*. Более того, как правило, данная задача рассматривается не только как основная, но и, фактически, как единственная задача данного этапа, плана исследования. Другими словами, при его реализации главным и, фактически, единственным предметом изучения выступает лишь один из типов качеств – системные качества, интегративные свойства предмета. Другие же их типы – в особенности те новые, которые установлены в метасистемном подходе, практически не включаются в сферу изучения. Разумеется, эта ситуация должка быть преодолена, что выводит на первый план необходимость обращения к категории качества, взятой не только в одном из его типов, а во всей их реальной онтологически комплексности и многомерности. В связи с этим, суть данного этапа обычно формулируется как поиск, выявление и интерпретация системных качеств изучаемого объекта. Известно также, что в методологии системного подхода именно эта задача считается одной из самых сложных, а сами системные качества – наиболее трудными для их раскрытия и понимания, а иногда и «загадочными». Не случайно поэтому, например, степень конструктивности тех или иных вариантов, версий системного подхода чаще всего связывается именно с тем, насколько они способны обнаруживать именно эти – системные качества объектов познания, насколько они «чувствительны» к их обнаружению, то есть сензитивны к ним [53].

При реализации интегративного плана исследования необходимо руководствоваться рядом основных методологических требований, сформулированных, в частности, в работе [258]. Они, равно

как и некоторые дополнительные императивы методологического характера станут предметом специального рассмотрения в главе 6. Все они, являясь, именно *общими*, то есть релевантными по отношению ко всем основным классам систем, в то же время, являются достаточно конструктивными и в плане раскрытия закономерностей *специфического* класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Они дают достаточные основания для позитивного рассмотрения, фактически, основного вопроса интегративного плана исследования – вопроса о том, характеризуются системы со «встроенным» метасистемным уровнем какой-либо спецификой в этом плане их собственных интегративных свойств – системных качеств? Возникают ли у них и, если да, то какие именно новые интегративно-качественные «измерения», новые категории качественных характеристик?

В силу этого, представляется необходимым сделать ряд замечаний и пояснений методологического характера относительно сущности и содержания самого интегративного плана (аспекта) исследования как одного из базовых в гносеологическом отношении. Такая необходимость связана с тем, что, к сожалению, несмотря на его кажущуюся очевидность и «понятность», он продолжает до настоящего времени оставаться недостаточно определенным и семантически размытым. Кроме того, и в психологических исследованиях, и в общенаучном контексте в целом он представлен в несопоставимо меньшей степени, нежели иные – основные гносеологические плана (особенно структурный и функциональный). Соответственно, и исследовательский опыт его применения, а также сложившийся при этом методологический арсенал традиций и приемов существенно меньше. Та гносеологическая ситуация, которая сложилась сегодня в отношении него, имеет под собой целый ряд весьма веских и достаточно глубинных причин. Она уже была предметом специального рассмотрения в наших работах, посвященных проблемам *сознания* и *деятельности* [251, 256]. Поскольку все эти причины и факторы, определяющие специфику интегративного плана исследования, носят именно *общий* по отношению к психологической проблематике характер, то они воспроизводятся и при изучении проблемы, являющейся предметом рассмотрения в данной работе – проблемы *субъективного времени*. Кроме того, важно иметь в виду, что она по своему общепсихологическому статусу и степени обобщенности является,

фактически, однопорядковой с проблемой структурно-функциональной организации психики в целом. Поэтому экспликация и учет такого рода причин и факторов совершенно необходимы и для корректной постановки, а также раскрытия проблемы деятельности в ее интегративном плане. Вместе с тем, поскольку они, повторяем, носят *общий* характер, то по отношению к проблеме деятельности целесообразно (и даже необходимо) опираться на результаты того анализа, который уже был осуществлен в указанной выше работе. В силу этого, ниже будут охарактеризованы некоторые из ее основных положений и, в первую очередь, те, которые необходимы для реализации данного плана по отношению к проблеме деятельности.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что общая ситуация, сложившаяся в настоящее время по отношению к интегративному аспекту и в психологии, и в иных дисциплинах, обусловлена двумя основными причинами – формальной и содержательной. Первая из них связана со спецификой локализации данного плана (этапа) в общей структуре комплексной стратегии исследования. Он, как известно, является ее последним, *завершающим* этапом. Такой характер, «венчающий» собой общую реализацию всей процедуры изучения, обуславливает, однако, в ряде случаев его не вполне обоснованную и корректную трактовку. Согласно ей, основной (или даже – исключительной) задачей данного этапа считается реализация *обобщающей* функции по отношению ко всей совокупности данных, полученных при реализации всех предшествующих ему планов исследования. И хотя данная функция, действительно, является *одной* из задач данного этапа, *всё* его содержание не сводится только к ней.

Вторая основная причина – уже не столько формальная, сколько содержательная и имеющая поэтому более глубокий, а одновременно – более важный характер, обусловлена принципиальной двойственностью самого этого плана (этапа). Он по своей направленности и ориентации, по своему, так сказать, «духу» (и даже этимологически), действительно, двуедин. С одной стороны, он предполагает именно интеграцию и концептуальный синтез тех – основных категорий закономерностей изучаемого предмета, которые были установлены при реализации всех предшествующих этапов. Причем, речь идет не о простом суммировании – *агрегации* этих закономерностей, а именно об их *интеграции*, то есть о выявлении их взаимосвязей

и взаимодействий отношений между ними. Однако, с другой стороны, он предполагает необходимость выявления и интерпретации особой, качественно специфической *категории* закономерностей – собственно интегративных, а также ее последующий синтез с иными основными категориями закономерностей. В связи с этим возникает еще более сложный вопрос – о характере и содержании самих этих интегративных закономерностей, а также тех аспектов изучаемого предмета, в которых и «через которые» они проявляются и, следовательно, доступны изучению.

Обе указанные выше причины обуславливают собой неоднозначность трактовки самого понятия интегративного плана изучения. Он представлен в исследованиях в существенно разных вариантах; в связи с этим, следует дифференцировать следующие – основные варианты его реализации.

Во-первых, это вариант, который можно было бы условно обозначить как *резюмирующе-агрегативный*. Его смысл заключается в том, что на нем осуществляется суммирование, обобщение материалов, полученных при реализации всех иных планов и аспектов исследования. К сожалению, именно данный вариант является в настоящее время, пожалуй, наиболее распространенным, чему есть веские причины. Действительно, с одной стороны, именно он относительно менее сложен в реализации, а с другой, наиболее очевидным образом соответствует одному из основных смысловых оттенков понятия «интеграция» – синтезу, обобщению. Вместе с тем, нельзя не видеть и того факта, что при более внимательной оценке данного варианта он в определенной степени противоречит исходному значению понятия «интеграция». В действительности, он означает не столько *интеграцию*, сколько *агрегацию* полученных ранее результатов.

Во-вторых, существенно более адекватным и корректным является такой вариант реализации данного плана (этапа), который можно было бы обозначить как *обобщающе-интегративный*. Его смысл заключается в том, что на нем предпринимается попытка *концептуального* осмысления и обобщения тех основных категорий закономерностей, которые были установлены на предыдущих этапах изучения (метасистемных, структурных, функциональных и генетических). Однако при таком варианте не предполагается раскрытие еще одной базовой категории закономерностей – собственно *интегративных*.

В целом такой вариант направлен на разработку уже значительно более обобщенных и целостных в концептуальном отношении представлений о предмете исследования. Тем самым он в существенно большей степени содействует переходу от эмпирического уровня его изучения на собственно концептуальный, теоретический уровень. Важнейшей гносеологической предпосылкой этого является то, что интеграция отмеченных выше – основных типов закономерностей, как, впрочем, и любая иная интеграция (в отличие от агрегации), приводит к возможности «выхода» за пределы их аддитивной совокупности. Такой «выход», в свою очередь, является объективным условием получения *нового* содержания – новых закономерностей и результатов. Безусловно, этот вариант является существенно более корректным и конструктивным по сравнению с предыдущим. Вместе с тем, его реализация обычно сталкивается с достаточно серьезными трудностями. Они связаны с тем, что указанная выше совокупность основных категорий закономерностей, которые, собственно говоря, и получают систематизацию в его рамках, не является еще полной и потому – достаточной для завершающих концептуальных построений.

В-третьих, необходимо дифференцировать и еще один вариант реализации интегративного плана. Он в значительной степени является следствием и своего рода гипертрофированной реакцией на только что отмеченный недостаток второго варианта (недостаточный учет в нем еще одной базовой категории закономерностей любого системно-организованного объекта – собственно интегративных). Как известно, именно интегративные закономерности и механизмы любого системно-организованного объекта являются определяющими во всей его структурно-функциональной организации, а также в его генезисе. Они являются, так сказать, наиболее специфически системным», а сами понятия интеграции и системы выступают в значительной степени взаимопологаемыми, однопорядковыми. Они и приводят, в конечном итоге, к порождению тех *синергетических* эффектов, которые во многом и определяют *содержание* любой системы. Эти же эффекты во многом являются *критериями* и основаниями для их дифференциации от среды, выступают ведущими детерминантами их существования и функционального предназначения. С этой точки зрения раскрытие именно интегративных механизмов во многом просто *тождественно* раскрытию закономерностей

организации изучаемой системы в целом. Следовательно, содержанием данного плана должно выступать с данных позиций изучение и интерпретация тех – специфически интегративных механизмов и средств, которые присущи изучаемой системе. Кроме того, данный вариант достаточно отчетливо вскрывает и еще одно обстоятельство. Оно имеет общий характер и состоит во взаимосвязи различных вариантов реализации интегративного плана исследования. Эти варианты являются не столько *альтернативными*, сколько *взаимодополнительными*. Одновременно они выступают различными *уровнями* приближения к раскрытию всей сложности собственно интегративных закономерностей изучаемого объекта.

В-четвертых, наряду с указанными, следует, конечно, дифференцировать и такой вариант реализации интегративного плана изучения, который наиболее строго и точно соответствует смыслу, предписываемому методологией системного подхода в целом. Как известно, с позиций методологии системности, интегративный план (аспект, этап) изучения какого-либо объекта должен быть направлен, прежде всего, на раскрытие и интерпретацию их наиболее обобщенных – именно интегративных свойств и проявлений. В роли таковых, однако, выступает особый *тип* качеств – собственно *системные качества*. Тем самым наиболее общей и основной, исходной задачей интегративного плана выступает экспликация и интерпретация именно этой – особого типа качеств изучаемого объекта. Они, являясь наиболее обобщенными и воплощая в себе основные характеристики и атрибуты изучаемой системы, наиболее значимы для ее познания и объяснения. Кроме того, еще более существенно то, что именно системные качества, воплощая в себе основные характеристики системы, наиболее полно отражают в себе ее *качественную определенность* в целом. Поэтому раскрытие, прежде всего, системных качеств в *решающей* степени определяет эффективность и конструктивность реализации *основной* гносеологической задачи – задачи раскрытия качественной определенности системы. Одновременно с этим, следует учитывать, что именно системные качества являются результирующими, итоговыми проявлениями и эффектами действия собственно интегративных закономерностей. Потому в них и «через них» максимально полно и рельефно проявляются и сами закономерности интегративного плана.

Следовательно, реализация интегративного плана изучения именно в данном его варианте является объективно необходимым условием его осуществления в предыдущем (третьем) варианте. Дело в том, что лишь после раскрытия еще одной категории закономерностей (собственно интегративных) вся их, реально существующая совокупность оказывается, действительно, учтенной в достаточно полной мере. Данное обстоятельство еще более зримо показывает определяющую роль именно этого – четвертого варианта реализации интегративного плана как наиболее конструктивного и адекватного природе системных образований способа его реализации в целом.

Вместе с тем, при его осмыслении и общей оценке следует, на наш взгляд, учитывать еще два обстоятельства методологического характера. С одной стороны, основополагающее значение данного аспекта связано не только и даже не столько с тем, что именно он наиболее полно и строго, то есть непосредственным образом соответствует «духу» системной методологии. Дело еще и в том, что он ставит и в значительной мере решает основной гносеологический вопрос – вопрос о *качественной определенности* изучаемой системы. Последнее столь же непосредственно объясняется тем, что именно системные качества изучаемого объекта как раз и являются «ближайшими носителями» – наиболее полными воплощениями его качественной определенности. Кроме того, через обращение к понятию системных качеств в концептуальный аппарат психологического исследования, базирующегося на методологии системности, органически включается и одна из фундаментальных гносеологических и даже общепhilософских категорий – категория *качества*, что имеет, как будет показано далее, весьма существенные следствия. Однако, несмотря на всю – уже эксплицированную выше значимость данного варианта, а также его определяющую роль в общей реализации интегративного плана, все же есть основания считать, что истинный его потенциал не является пока полностью реализованным. Он поэтому не только может, но и должен быть детализирован и углублен, в результате чего, не исключено, у него обнаружатся новые, дополнительные эвристические возможности. В этом отношении представляется необходимым, на наш взгляд, зафиксировать следующие основные особенности данного варианта реализации интегративного плана исследования, а также возможные направления его развития и совершенствования.

1. Прежде всего, следует учитывать то важнейшее в методологическом плане обстоятельство, согласно которому данный вариант ставит во главу угла изучение и интерпретацию наиболее обобщенных, интегративных – системных качеств объекта. Тем самым он органично включает в его изучение базовую гносеологическую категорию – категорию качества. Фундаментальная значимость данной категории связана с тем, что именно раскрытие качеств, качественных характеристик изучаемого объекта – это, по существу, *главный* исследовательский вопрос, возникающий при изучении того или иного объекта, явления, процесса и пр. В известной мере качества это и есть не просто «главное в объекте» исследования; это и есть сам объект. Дело в том, что, как известно, качества – это то, благодаря чему «нечто является тем, чем оно является». Другими словами, качества – это то в системе, на основе чего она обретает и свое содержание, и свою определенность («самость»)⁴⁸. Поэтому и задача раскрытия закономерностей, свойств, особенностей и пр., присущих изучаемой системе, обобщается до задачи раскрытия ее базовых и атрибутивных характеристик, то есть до задачи установления и интерпретации ее *качественной определенности*. Именно в качественной определенности и сам объект исследования, и его гносеологическая экспликация как *предмета* изучения получает свое наиболее полное и адекватное воплощение. В силу этого, характеристики качественной определенности составляют самую *сущность* изучаемого предмета. Их постановка в центр исследования решающим образом содействует поэтому раскрытию его сущности.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что, согласно данному варианту интегративного плана, в центр исследования, равно как и в основу всей его реализации, должны быть положены именно системные качества и *только* они. Сам интегративный план изучения связывается именно с этим типом качеств, тогда как иные типы качеств являются предметом рассмотрения на других этапах исследования. Однако, данная ситуация представляется, все же, по-видимому, не вполне корректной в силу по крайней мере, двух основных причин.

⁴⁸ Одно из философских определений категории качества, как отмечалось выше, заключается в том, что качество – это и есть тождественная своей определенности сущность.

Первая из них заключается в том, что носителями качественной определенности объекта (явления, процесса, системы и пр.) выступают, разумеется, не только их системные качества, хотя, разумеется, именно они наиболее полно и рельефно воплощают ее в себе. Все иные их типы, классы и категории также являются носителями качественной определенности. Они могут либо непосредственно проявляться в качественных характеристиках системы, либо делать это опосредствованно, то есть через становление на их базе обобщенных, интегративных качеств (системных). В любом случае, однако, качественная определенность системы складывается не только из ее системных качеств, но и из качеств иных классов, иных «порядков сложности». Если бы это было не так и если бы, в конечном итоге, качественная определенность систем допускала свое полное и исчерпывающее раскрытие только через совокупность системных качеств, то все иные качества были бы просто несущественны, что, разумеется, неправомерно. Следовательно, необходимо отказаться от традиционной и достаточно распространенной, но все же не вполне корректной традиции связывать раскрытие качественной определенности систем с преобладающим изучением только одного типа их качеств – системных. Необходимо расширить сам предмет исследования качественных характеристик систем до включения в него всех иных типов и категорий качеств.

Вторая причина заключается в том, что мера разнообразия самих типов качеств систем является, по-видимому, пропорциональной сложности этих систем и она, следовательно, повышается при их усложнении. В силу этого, по отношению к *наиболее* сложным системам, к каковым, по-видимому, принадлежит деятельность, мера разнообразия их качественных характеристик также должна быть *максимальной*, что также необходимо учитывать при реализации по отношению к ней интегративного плана исследования.

2. Еще одно – впрочем, тесно связанное с предыдущим, положение заключается в следующем. Постановка в центр исследования категории качеств способствует не только углублению и расширению представлений о *предмете* исследования, но и содействует аналогичной трансформации самого *метода* исследования (в широком – собственно методологическом смысле). Дело в том, что посредством такого шага обнаруживается очень важное в методологическом отношении обстоятельство, связанное со статусом самого системного подхода и как ме-

тодологического принципа, и как методологического подхода в целом. Действительно, из методологии науки известно, что сам этот подход, несмотря на то, что он является очень общим, выступает все же, как частный случай еще более общей методологии познания – методологии *качественного анализа* [311]. Данная методология, представления о которой разработаны в гносеологии как одном из фундаментальных направлений общеприкладного знания, получила в настоящее время достаточно широкое распространение и показала свою конструктивность. В этом отношении системный подход, несмотря, повторяем, на свою очень высокую степень обобщенности, также должен быть рассмотрен как одна из возможных «призм видения», фиксирующая исследование не на всех реально представленных «измерениях» объекта, а на его так называемом «системоцентрическом» познании. Совершенно закономерно поэтому, что итоговым результатом его реализации как раз и является «восхождение» познания до уровня именно системных качеств как эффектов такой – системной организации. Очень показательным в данном отношении, что основное внимание в методологии системного подхода уделяется рассмотрению механизмов интеграции «частей» в «целое», организации компонентов в систему и порождения на ее уровне феноменов целостности, интегративных эффектов, синергетических феноменов и пр. Иными словами, доминирует, как уже отмечалось выше, так называемая «системно-компонентная» парадигма. Однако существенно меньшее внимание уделяется тому, какие качественные характеристики возникают у систем при их взаимодействии с иными – также системными образованиями; как взаимодействуют системные качества двух (и более) разных систем и какие – также интегративные, но, возможно, специфические эффекты порождаются в таком взаимодействии.

Вместе с тем, не только не исключено, но напротив, – весьма вероятно, что реальное многообразие качеств, раскрываемое с позиций не только системного подхода, но и с позиций более общей методологии (методологии качественного анализа), может быть еще большим и включать в себя иные категории качеств. Сама системная форма организации, являясь, действительно, очень совершенной и эффективной, выступает, по-видимому, все же не «высшей и последней», в связи с чем возможно существование и иных «качественных измерений», иных типов качественных характеристик объектов позна-

ния. Следовательно, через органическую связь системного подхода и качественного анализа, обнаруживаемую посредством обращения к категории качества, оказывается возможным определенное углубление и расширение представлений о методологии изучения самих качеств систем, взятых во всем их реальном, онтологически представленном многообразии. Сам же системный подход раскрывается с этих позиций как этап и уровень познания; он выступает как частный, хотя и очень общий, случай более общей научной методологии – методологии качественного анализа.

3. В свете вышеизложенного становится достаточно очевидным, что тот вариант реализации интегративного плана изучения, который ставит «в центр исследования» категорию качества и предполагает, прежде всего, раскрытие качественной определенности изучаемого объекта, приводит к постановке и необходимости решения еще одной – также очень значимой задачи. Она связана с дифференциацией и конкретизацией самого понятия качества, с раскрытием его содержания в аспекте основных классов, видов, типов, категорий и др., а также их интерпретацией. Естественно, что данная задача в ее полном объеме выходит далеко за пределы основных, рассматриваемых здесь вопросов. Она является, по существу, важнейшей и потому – вполне самостоятельной гносеологической проблемой.

Наряду с этим, необходимо обратить внимание и на то, что в самой методологии системного подхода к настоящему времени не только сложились, но и стали достаточно традиционными представления о существовании трех базовых категорий качеств – *материальных*, *функциональных* и *системных* [258, 269]. Три указанные категории имеют очень общий характер, своего рода – «всеобщую сферу» действия. Через триаду указанных категорий может быть адекватно и полно раскрыта качественная определенность многих, в том числе и достаточно сложных систем. В связи с этим, можно полагать, что именно она должна быть использована как основа для дифференцированного качественного изучения и проблемы субъективного времени. Синтезируя данный вывод с первым из рассмотренных выше положений, можно допустить, что качественная определенность любой системы в ее *полноте* допускает свое раскрытие не только через одну из указанных категорий (категорию системных качеств), а лишь через все три эти категории, включая и материальные, и функциональные качества.

4. Суть еще одного положения, учет которого необходим при реализации интегративного плана исследования и которое также может содействовать развитию традиционно сложившихся представлений о способах его реализации, заключается в следующем. Выше было показано, что такая реализация должна базироваться не на одном типе качеств – системных (на чем обычно делается акцент при осуществлении интегративного плана исследования), а на всей «триаде» базовых качеств – материальных, функциональных и системных. Вместе с тем, при этом необходимо учитывать, что сами представления об этой «триаде» типов качеств сложились именно в русле методологии системного подхода. Однако, как отмечалось в п. 2, сам системный подход является одной из базовых форм более общей научной методологии – методологии качественного анализа. В ней категория качества подвергнута очень глубокой и детальной дифференциации и осмыслению. Не исключено поэтому, что реализация по отношению к интегративному плану исследования не только тех представлений, которые соотносятся с «классическим» системным подходом, но и тех представлений, которые соотносятся с более широкой и, по-видимому, более мощной методологией качественного анализа, могут привести к расширению типологии базовых типов качеств. Иными словами, она может привести к обнаружению их новых типов, которые также необходимо учитывать в ходе интегративного плана изучения.

В связи с этим, можно предположить, что, наряду с тремя известными базовыми типами качеств (материальными, функциональными, системными), существуют и *иные* их типы, обладающие столь же высокой степенью обобщенности и столь же широко представленными онтологически. Вообще говоря, по отношению к базовым типам качеств и в системном подходе, и в научном познании в целом можно констатировать проявление своеобразной «презумпция несуществования». Согласно ей, полагается, что эти три типа качеств *исчерпывают всё* их реальное многообразие, а других типы качеств просто не существуют. Вместе с тем, пока нет достаточных оснований считать (кроме сложившейся традиции) данное положение полностью доказанным, хотя бы уже постольку, поскольку не выработан какой-либо *критерий* достаточности решения вопроса об исчерпанности данной триадой всех реально существующих типов качеств. В силу этого, пока остается, фактически, открытым

вопрос о достаточности этих трех типов качеств для экспликации и объяснения всей качественной определенности систем; он также должен стать предметом специального анализа. На наш взгляд, можно допустить (пока хотя бы – *только* допустить), что, наряду с указанными, существуют и иные типы качеств⁴⁹.

5. Проблема дифференцированного анализа содержания категории качества имеет, однако, еще один – более глубинный и поэтому очень важный пласт своего рассмотрения. Дело в том, что сама эта категория, в особенности, когда речь идет о ее применении к анализу сложных и сверхсложных систем, характеризуется ярко выраженной гетерогенностью, многоаспектностью и многомерностью. Все множество качеств этих систем, будучи не только гетерогенным, но и достаточно большим по объему, не только не может, но и не должно быть рассмотрено и проинтерпретировано, так сказать, одномерно, то есть с позиций одного критерия, одного основания. Напротив, оно допускает свое достаточно полное раскрытие лишь на основе ряда критериев, ряда классификационных и иных (например, таксономических) оснований. Безусловно, по отношению к каждой конкретной системе это будут глубоко специфичные ее содержанию основания и критерии. Вместе с тем, в этом – действительно, реально представленном многообразии оснований необходимо попытаться дифференцировать и такой критерий, который имеет *общий* характер. Он и будет являться наиболее значимым для осуществления интегративного плана исследования, равно как и для реализации методологии качественного анализа в целом.

Действительно, любая система обладает своим специфическим содержанием, своей собственной качественной определенностью, которая, в свою очередь, может быть раскрыта через всю совокупность ее качественных характеристик, ее качеств. Вместе с тем, всё их многообразие включает, как известно, качества «разных порядков». В частности, это и базовые (первичные), и производные (вторичные) качества. Кроме того, она включает и свойства самих производных качеств, то есть особенности их качественных проявлений в тех или

⁴⁹ По-видимому, реальность неисчерпаема не только «в пространстве и времени», но и в ее *содержании*, в ее качествах – в тех ее принципиально (то есть качественно) различных онтологических модусах, которые, существуя реально, воплощаются в определенных ее базовых «измерениях», частично доступных либо чувственному, либо сверхчувственному – концептуальному познанию.

иных режимах функционирования систем, равно как и иные – еще более опосредствованные и потому еще более частные качественные проявления. Такая дифференциация закреплена, как известно, в целом ряде понятий. В частности, она фиксируется в понятиях атрибутивных качеств и качеств-свойств, первичных и вторичных качеств, базовых и производных качеств и др. Вторые из каждой указанной пары качеств, входя в общую качественную определенность системы, выступают, естественно, ее проявлениями. «В них» и «через них» эта качественная определенность, безусловно, также проявляется; она может быть выявлена и охарактеризована, описана и проинтерпретирована. Тем самым они также являются и предметами познания и его средствами. Вместе с тем, именно первые из качеств каждой пары являются все же определяющими. Они *критически* значимы для самой качественной определенности, а также для раскрытия содержания той системы, которая их порождает. Все они – не только и даже не столько «то, через что *может быть* описана» качественная определенность системы, сколько то, что и *является* этой качественной определенностью.

В связи с этим, главным критерием дифференциации всех качеств системы должен выступать, по-видимому, так сказать *онтологически-ориентированный* критерий. Он предполагает дифференциацию всех качеств на два их базовых типа. Первый – это те из них, через которые качественная определенность системы *проявляется* и, следовательно, может быть *познана*. Второй – это качества, которые образуют собой подлинную *онтологию* самой системы и которые, в свою очередь, определяют содержание первой группы качеств и проявляются в ней. Эти два базовых типа качеств можно обозначить, соответственно, как *онтологические качества* и *качества-свойства*. Первые из них не только характеризуют, но и *конституируют* собственную онтологию, то есть бытие систем как таковое; они лежат в самом основании этого бытия. Вместе с тем, по отношению к каждой системе они проявляются в специфицированном виде – в виде качеств-свойств, а проявления эти детерминированы содержанием и структурно-функциональной организацией систем в каждом конкретном случае. По-видимому, в роли онтологических, то есть определяющих качеств систем выступают именно те категории качеств, которые дифференцированы и охарактеризованы в системном подходе (и в качественном анализе в целом) и обозначаются понятиями материальных, функциональных и системных качеств.

Решающим аргументом в пользу данного тезиса выступает, на наш взгляд, то, что именно первая из трех указанных категорий качеств – *материальные* как раз и образует собой реальную *онтологию* любой системы. Не менее доказательно и то, что две другие из указанных категорий качеств (функциональные и системные), являясь производными от материальных, выступают продуктом и результатом их трансформаций и поэтому являются столь же онтологичными, как и они. Следовательно, именно их экспликация по отношению к любой изучаемой системе, в том числе, разумеется, и по отношению к такой сложной системе, каковой выступает деятельность, должна быть положена в основу решения вопроса об их содержании – об их качественной определенности.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в свете данного вывода со всей остротой встает очень «неудобный» в исследовательском отношении вопрос. Это – вопрос о правомерности применения самого понятия *материальных* качеств по отношению к рассмотрению *психологической* природы деятельности как такой системы, которая атрибутивно включает в себя не только и даже не столько объективные – «материализованные» составляющие, сколько субъективные – *нематериальные* составляющие. Ими выступает вся совокупность средств и механизмов, процессов и структур ее осознаваемой, произвольной регуляции. Тем самым, формулируется фундаментальная по значимости, но одновременно очень острая и крайне трудная проблема применения, вообще – обоснования адекватности и корректности использования самой категории «материальные качества» по отношению к собственно психологическим системам и предметам психологического исследования в целом. Данное обстоятельство, разумеется, не может быть игнорировано, а сама эта задача оставлена без попытки ее решения в ходе реализации интегративного плана. В силу этого, мы обязательно возвратимся к ее рассмотрению в ходе дальнейшего изложения.

6. Правомерность и даже необходимость произведенной выше дифференциации основных категорий качеств на два их базовых типа с особенной очевидностью подтверждается результатами именно психологических исследований, которые систематически приводят к ней, хотя зачастую и в иной терминологии. В данном отношении можно отметить хорошо известные, многочисленные исследования, выполненные исследования, выполненные на основе анализа различных психологических проблем и приведшие к необходимости дифферен-

циации существенно разных категорий качеств. Наиболее ранней в историческом плане и ставшей уже хрестоматийной является, разумеется, дифференциация первичных и вторичных сенсорных качеств. Она была произведена в сенсуализме и характеризует, в конечном итоге, качества самих модальностей и производные от них – более сложные сенсорно-перцептивные качества. Из современных исследований следует, в первую очередь, отметить цикл работ Л. М. Веккера, дифференцировавшего качества-свойства и качества носителя этих свойств, а также поставившего проблему «проникновения» через первые качества в иерархию уровней самого носителя [110]. Близким по смыслу к данной дифференциации является и введенное Б. Ф. Ломовым понятие «пирамиды свойств» [345], которая как раз и включает, наряду с иными, именно эти две категории качеств. Непосредственное отношение к данной дифференциации имеет, на наш взгляд, и подход М. А. Холодной, выделившей так называемый «параметрический» способ характеристики объектов психологического исследования и являющийся, в свою очередь, средством проникновения в их онтологию [587]. В еще более общем плане эта же проблема нашла отражение в понятии «лестницы качественной определенности» (В. П. Кузьмин [311]).

Все указанные выше и аналогичные исследования не только подтверждают правомерность и даже необходимость дифференциации качеств на онтологические и качества-свойства, но и ставят еще более сложную проблему – проблему *иерархической организации* самих качеств, соотносящейся с иерархической организацией самих изучаемых систем и эксплицирующих ее. Важность данной проблемы состоит еще и в том, что сквозь «призму» выявления иерархической организации качеств возможно проникновение к реальной, *онтологически* представленной иерархии самих систем. В этом плане раскрывается еще одна, быть может, наиболее глубинная роль качественного анализа в целом – его роль как метода анализа *структурно-уровневой*, иерархической организации самих систем. Системы не только существуют и проявляются в иерархической организации различных категорий качеств, но и допускают свое наиболее адекватное и полное раскрытие именно через нее. Раскрытие качеств, взятых в их *онтологически* представленной иерархии, – это и есть решающее *гносеологическое* условие познания систем.

7. Сформулированные выше положения непосредственно связаны с еще одним – достаточно существенным с методологической

точки зрения обстоятельством, которое также необходимо учитывать в ходе реализации интегративного плана исследования. Кроме того, оно само должно быть проинтерпретировано как конкретное направление и необходимое средство дальнейшего развития представлений о содержании интегративного плана как такового. Действительно, с позиций охарактеризованных выше представлений сутью и основным содержанием интегративного плана исследования должно выступать выявление и интерпретация всех основных базовых типов качеств изучаемого объекта. Исследование должно быть не только качественно-ориентированным, но при этом дифференцированным и множественным, то есть *поликачественным*.

Кроме того, еще одним из основных императивов системной методологии, равно как и общей теории систем, в целом, является положение, согласно которому важнейшей, атрибутивной характеристикой систем выступает их *иерархическая, структурно-уровневая* организация. Собственно говоря, именно этот атрибут и составляет основу структурной организации психики. Синтез этих двух фундаментальных методологических положений требует, однако, зафиксировать следующее – также очень важное обстоятельство. Дело в том, что сама дифференциация систем на уровни их организации как раз и означает становление таких их «измерений» и форм организации, которые глубоко и принципиально, то есть именно *качественно* различны по отношению друг к другу. Два понятия – понятия уровней организации системы и качества, («качественной определенности») являются поэтому, фактически, *взаимопологаемыми* и *однопорядковыми*. Дифференциация систем на уровни базируется на критерии принципиальных различий в качестве, в качественной определенности тех или иных «измерений» систем. Сами же качества – это не только формы бытия системы на различных уровнях, но и средства экспликации самих уровней как таковых. Следовательно, в иерархии уровней организации систем, в их общей структурно-уровневой организации, фактически, проявляется аналогичная, то есть также иерархическая организация базовых категорий самих качеств. Поэтому выявление и интерпретация всей совокупности качеств систем является объективно необходимым средством для раскрытия закономерностей структурно-уровневой организации систем в целом.

Таким образом, интегративный план изучения, базирующийся на методологии системного подхода и еще более общей методологии качественного анализа, раскрывается еще одной своей важной гранью. Он предстает как важнейшая «составляющая» и необходимое средство раскрытия наиболее важной категории закономерностей организации систем – собственно структурных, взятых в их иерархическом, то есть структурно-уровневом модусе. В связи с этим, становится совершенно очевидным, что интегративный план исследования, будучи, разумеется, очень важным и сам по себе (самодостаточным по своей гносеологической роли), в то же время, имеет и более общее значение. Он, фактически, во многом эквивалентен изучению систем не просто в «одном из», а в объективно *наиболее значимом* плане – в аспекте их структурно-уровневой, иерархической организации. Исходя из этого, можно сформулировать предположение, согласно которому иерархия уровней систем лежит в основе иерархии ее качественных характеристик. Основные уровни систем и базовые категории их качеств характеризуются принципиальным *изоморфизмом*: каждому основному уровню соответствует та или иная базовая категория качеств. Поэтому *через* выявление и анализ базовых категорий качеств возможно и изучение самих уровней, а также закономерностей их организации в целостную иерархию. Кроме того, если данное предположение справедливо, то и дифференциация совокупности основных категорий должна рассматриваться как наиболее обобщенный *критерий* для дифференциации самих уровней в структурной организации систем.

В свете сформулированных выше положений становится очевидной и глубокая, органичная связь двух основных планов исследования, предписываемых алгоритмом системного исследования – *структурного* и *интегративного*. Более того, первый из них является необходимой основой и условием для реализации второго; вместе с тем, интегративный план, выступает дополнительным и очень важным средством реализации структурного плана. Он является также и способом верификации той уровневой дифференциации, к которой приводит структурный план исследования. Данное обстоятельство, на наш взгляд, также необходимо рассматривать в качестве одного из основных при реализации интегративного плана исследования по отношению к проблеме субъективного времени.

Вместе с тем, необходимо, конечно, учитывать и другое – не менее важное и общее обстоятельство. Оно заключается в том, что сколь бы глубокой и органичной ни была связь и взаимополагаемость интегративного аспекта организации систем (и, соответственно, гносеологического плана их изучения) со структурным, она еще не исчерпывает собой общего содержания и значимости первого в *общей* организации систем. Дело в том, что аналогичные по значимости и статусу связи обнаруживаются также между ним, с одной стороны, и *функциональным*, а также *генетическим* планами, с другой. Общий смысл и конкретное содержание этих связей, следовательно, также должно составить предмет специального рассмотрения, что и будет осуществлено ниже.

8. Наконец, необходимо зафиксировать еще одно положение, которое должно быть положено в основу реализации интегративного плана исследования. Одновременно оно способствует уточнению и углублению существующих представлений о формах и способах его реализации. Дело в том, что все методологические средства, составляющие в настоящее время интегративный план исследования, были разработаны на материале изучения таких классов и типов систем, которые не относятся к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Безусловно, все они, характеризуясь огромной гетерогенией, дают очень большой материал для разработки такого рода средств и предоставляют широкие возможности для этого. Вместе с тем, как показано выше, наряду с ними существует и еще один – очень специфический класс; он включает в себя системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Они обладают целым рядом новых, дополнительных закономерностей организации, которые в ряде случаев *качественно* отличаются от традиционно описанных и проинтерпретированных систем. Кроме того, очень важно, что именно данный класс систем является наиболее специфичным по отношению собственно психологическим системам в целом и к деятельности, в частности. Поэтому он в значительно большей степени позволяет приблизиться к раскрытию их реальной сложности и качественного своеобразия.

Следовательно, есть все основания для предположения, согласно которому специфические особенности и качественно новые закономерности данного класса могут обуславливать существование новых качественных «измерений» систем, возникновение у них новых категорий качественных характеристик. Они, соответственно, также

должны быть учтены при реализации интегративного плана исследования. Другими словами, уже сформулированное в [248] предположение о возможности существования, наряду с триадой базовых качеств (материальными, функциональными, системными), и иных типов качеств может быть также конкретизировано. По-видимому, эти типы (если, конечно, их существование подтвердится) должны быть обусловлены, в первую очередь, именно спецификой и качественным своеобразием систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Итак, обобщение всей совокупности материалов, представленных в пп. 1–8, позволяет сделать следующие заключения относительно того, как именно должен быть реализован завершающий этап алгоритма системного исследования – интегративный в исследовании проблемы деятельности. С одной стороны, они показывают, что наиболее обоснованным и конструктивным вариантом такой реализации должен рассматриваться тот вариант, который ставит в центр исследования категорию качеств в целом, и системных качеств, в особенности. Он был обозначен выше как интегративно-качественный. С другой стороны, не менее очевидно и то, что данный вариант может и должен быть рассмотрен именно как исходный и отправной, а потому – нуждающийся в детализации и углублении. Дело в том, что он обладает рядом ограничений, связанных, прежде всего, с недостаточным уровнем разработанности методологических представлений в данной области. Их выявление и, главное, осуществленное выше определение конкретных направлений и способов их преодоления, позволяет тем самым определить контуры более общего подхода к реализации интегративного плана исследования. Именно он и должен быть, на наш взгляд, положен в основу реализации интегративного плана исследования сознания, а его суть заключается в следующем.

В его основу должна быть положена базовая общенаучная категория *качества*, взятая, однако, дифференцированно – в аспекте всех ее основных, онтологически представленных модусов. Кроме того, с позиций данного подхода сама системная методология должна быть проинтерпретирована как частный случай еще более общей и, по существу, общенаучной методологии *качественного анализа*. Поэтому традиционно принятая в первой дифференциация качеств на классическую «триаду» (материальные, функциональные, системные) должна быть подвергнута возможности концептуального расширения в пла-

не поиска *дополнительных* категорий качеств. Наконец, и ключевой вопрос интегративного плана исследования (вопрос о качественной определенности объекта) должен решаться не на основе моноцентрического подхода, то есть не путем ее раскрытия лишь через одну категорию качеств – системные. Такое решение должно быть полицентрическим, то есть предполагать раскрытие качественной определенности изучаемого через *все* реально существующие категории качеств (как известные в настоящее время, так, возможно, и иные, еще требующие своего установления). В связи с этим, традиционно принятый вариант реализации интегративного плана следует характеризовать как интегративно-*монокачественный*. Он, однако, должен быть преобразован в более общий вариант – интегративно-*поликачественный*. Его принципиальное отличие от первого состоит в следующем.

Во-первых, в центр исследования ставится не один основной тип качеств, сквозь «призму» которого раскрывается качественная определенность объекта, а целый ряд таких типов, точнее – все реально существующие типы качеств. Пора, на наш взгляд, не только предельно четко осознать, что носителями качественной определенности являются не одни лишь системные, а и все иные качества объекта, но и *реализовать* данное положение. Решающим аргументом в пользу этого является то, что любая система обладает не только свойствами *супераддитивности*, проявляющимися в системных качествах. Системы обладают также и свойствами *аддитивности* и *инфрааддитивности*. Они обусловлены не интегративными, а агрегативными средствами и проявляются в иных типах ее качеств.

Во-вторых, все типы качеств не являются, так сказать, рядоположенными, а закономерным образом синтезированы в составе и в структурно-функциональной организации систем. Общая структура качеств, по-видимому, изоморфна базовому атрибуту систем – их уровневой (иерархической) организации. Эта организация качеств, в свою очередь, порождает новые качественные характеристики, несводимые к аддитивной совокупности всех категорий качеств и выступающие эффектами их интеграции – синергетическими эффектами. Поликачественность поэтому, действительно, интегративна, поскольку всё внутренне гетерогенное множество качеств также подвергается организации со стороны интегративных механизмов. В результате этого общая совокупность первичных качеств, присущих основным

уровням иерархии носителя, оказывается изоморфной самой этой иерархии. Это позволяет эксплицировать и исследовать *через* иерархию качеств и сами структурные уровни организации систем. Качества «находят» в уровнях онтологические основания для своего бытия, обретают свои носители. Уровни же обретают в качествах, точнее – в их дифференциации на основные типы, комплексный и объективный критерий для их дифференциации именно как таковых, то есть *качественно* различных форм организации систем. Наконец, с позиций данного подхода определяются и достаточно конкретные ориентиры поиска дополнительных типов качеств, поскольку этот подход включает в сферу изучения особый – качественно специфический класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их выраженное качественное своеобразие, рассмотренное выше, позволяет не только предположить существование этих типов качеств, но и предоставляет необходимые материалы для их конкретной характеристики. Необходимость именно в интегративно-поликачественном варианте обусловлена еще и тем, что субъективная реальность обладает принципиальной гетерогенностью – существованием целого ряда качественных измерений, которые характеризуются принципиальными различиями, то есть она имеет поликачественную природу. Степень ее гетерогенности, по-видимому, сопоставима со степенью гетерогенности объективной реальности, поскольку лишь в этом случае она может быть релевантной последней и служить адекватной основой для адаптационного взаимодействия с ней. Следовательно, она может быть выявлена и объяснена лишь на основе не одной, а целого ряда базовых типов качеств.

Далее, следует учитывать, что в наиболее общем плане сам системный подход базируется на еще более общей методологии *качественного анализа*. В свою очередь, одним из главных положений качественного анализа является дифференциация трех базовых типов качеств как таковых – материальных, функциональных и системных⁵⁰.

⁵⁰ Первые два типа – материальные и функциональные качества изучены в настоящее время несопоставимо лучше, нежели системные. Функциональные качества отличаются от материальных тем, что могут проявляться лишь при условии функционирования объекта – в его динамике, но не в статике. Вместе с тем, общность материальных и функциональных качеств состоит в том, что они доступны чувственному восприятию и познанию – носят *чувственный* характер. Наоборот, системные качества тем и отличаются от материальных

Последние из них (системные) являются, разумеется, наиболее сложными и неслучайно поэтому, что именно они были открыты и стали предметом научного познания позже иных типов качеств. Среди всего многообразия характеристик, присущих системным качествам, следует выделить две основные – атрибутивно присущие им особенности. Во-первых, они присущи системе в целом, обнаруживаются лишь на уровне системы (или, по-другому, – на *системном уровне*) и отсутствуют на всех иных – субсистемных уровнях, то есть у частей системы, а также у их аддитивной совокупности. Во-вторых, они могут носить *сверхчувственный* характер, то есть быть недоступными прямому чувственному восприятию. Они поэтому «понимаемы и раскрываемы» лишь посредством соответствующих концептуализаций и идеализаций. Оба эти положения считаются базовыми и основополагающими в системном подходе. Они, на наш взгляд, совершенно необходимы для проводимого здесь анализа. Вместе с тем, будучи, повторяем, необходимыми, сами по себе они еще недостаточны для экспликации всех особенностей систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

В самом деле, из них следует, что системные качества – это свойства, которые не только могут быть обнаружены лишь на уровне целого, на уровне системы, то есть на *системном уровне*, но и свойства, «выше» и сложнее которых других свойств *нет* – просто по определению. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что в классическом системном подходе системные качества рассматриваются как «высший и последний» тип качеств вообще. В отношении основных категорий качеств также сложилась уже отмечавшаяся нами выше своего рода «презумпция несуществования» иных – возможно, более сложных, нежели они, качеств. Вместе с тем, можно допустить (пока – лишь допустить), что это не вполне так и что, возможно, существуют и иные типы качеств, иные их категории. Такое предположение тем более обоснованно, что, как свидетельствуют представленные в материалы, общесистемный уровень организации – это не последний, не обязательно высший уровень организации систем. Существуют и такие системы, в которых роль высшего уровня принадлежит *качественно* иному уровню – метаси-

и функциональных, что они могут носить и *сверхчувственный* характер, быть недоступными чувственному познанию и восприятию.

стемному. Но тогда со всей остротой и возникает вопрос о специфических именно для него качествах. Если системные качества специфичны общесистемному уровню и обнаруживаются на нем, то какие качества будут специфичны метасистемному уровню и могут обнаруживаться на нем? Понятно, что данный вопрос является чрезвычайно трудным и находится, по существу, лишь в стадии своей постановки. Вместе с тем, проведенный выше позволяет сформулировать некоторые положения, содействующие его решению.

Действительно, если существуют системы со «встроенным» метасистемным уровнем, а психика в целом и ее основные «составляющие» принадлежат именно к ним, то в само их *содержание* включен новый, *качественно специфический* уровень – метасистемный. Этот уровень, естественно, должен иметь свою собственную *качественную определенность*, а значит – и свои качества, отличные от качеств всех иных уровней, в том числе и от общесистемного (иначе он не может характеризоваться уровнем статусом). Однако для общесистемного уровня атрибутивными, то есть раскрывающими его качественную определенность, являются системные качества. Следовательно, для метасистемного уровня должны быть характерны такие качества, которые «выходят за пределы» системных качеств как таковых и являются *метасистемными качествами*. Другими словами, возникает достаточно обоснованное предположение (даже просто в силу формальных, чисто дедуктивных аргументов) о существовании дополнительной категории качеств – метасистемных. Естественно, что пока не вполне ясным остается их содержательный смысл и конкретные проявления. Однако сам факт их существования столь же вероятен, сколь вероятно существования и самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем⁵¹.

Таким образом, проведенный анализ показал, что включение в концептуальный аппарат методологии системного подхода и психологии в целом представлений о метасистемном уровне организации позволяет сформулировать представления о новом, специфическом типе качеств – о *метасистемных качествах*. Они являются атрибутом взаимодействия метасистемного уровня со всеми иными – нижележащими уровнями. Следовательно, общая совокупность категорий

⁵¹ Дополнительный анализ данной проблемы будет представлен в главе 6.

качеств расширяется до четырех базовых категорий – материальных, функциональных, системных и метасистемных. Кроме того, можно допустить, что метасистемные качества (и сами по себе, и во взаимодействии с системными качествами) играют очень важную роль в структурно-функциональной организации психики и деятельности в целом. Данное предположение поэтому должно составить предмет специального рассмотрения, что, повторяем, и будет осуществлено в главе 6.

Итак, подводя итог рассмотрению специфики систем со «встроенным» метасистемным уровнем в аспекте того, что могут дать представления о них для развития системного подхода в плане выявления наиболее обобщенных – интегративных, системных качеств, можно отметить следующее. В этом аспекте – равно как и во всех иных, прослеживается уже констатированная выше общая закономерность. Те представления, которые сложились в традиционном – классическом системном подходе, в целом сохраняют свою справедливость и по отношению к ним. Вместе с тем, будучи необходимы для изучения систем со «встроенным» метасистемным уровнем, сами по себе они, по-видимому, еще недостаточны для их адекватного и полного понимания. Последнее с наибольшей отчетливостью и конкретностью проявляется в том, что по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем недостаточно реализации лишь классической триады качеств (материальных, функциональных, системных) поскольку, по-видимому, они допускают свое объяснение лишь при условии ее дополнения новой категорией качеств – метасистемных.

Далее, необходимо подчеркнуть, что возможность существования данного типа качеств создает своего рода *прецедент*, нарушающий (точнее, дополняющий) классическую триаду качеств – материальных, функциональных и системных. В связи с этим, можно, по крайней мере, допустить, что существуют и иные типы качеств. В пользу обоснованности данного предположения могут быть приведены, в частности, следующие аргументы. Так, любая материальная система характеризуется совокупностью своих материальных качеств. Они присущи ей самой по себе, даны чувственному восприятию и познанию. Эти качества могут обнаруживаться и в статике, характеризуются относительной простотой в плане их сравнения со всеми иными категориями качеств. Вместе с тем, необходимо учитывать, что реальное содержание и сложность систем неисчерпаемы

не только, так сказать, «сверху», но и «снизу» – вглубь их материальных носителей. У любой системы есть такие материальные качества, которые обнаруживаются непосредственно или могут быть обнаружены при возникновении тех или иных условий – режимов ее взаимодействия со средой. Они, следовательно, существуют либо в актуальной, либо в потенциальной форме. Вместе с тем, в них содержатся и такие качества, которые могут и не быть эксплицированы, не проявляются до того или иного момента времени. Однако они могут проявиться при определенных условиях – к этому существуют материальные предпосылки в содержании самой системы. Эти свойства – этот тип качеств наиболее адекватно можно охарактеризовать понятием *виртуальных* качеств. Они, будучи материальными по своей природе – по своему носителю, отличаются от классических материальных качеств тем, что не присущи объекту самому по себе, а могут возникнуть лишь в том случае, когда он сам начнет выступать в качестве элемента какой-либо более общей системы.

Таким образом, проведенный выше анализ показывает, что действительно многие и притом – основные аспекты изучения, предписываемые принципом системного подхода (онтологический, структурный, функциональный, генетический, интегративный) существенно, а в ряде случаев – и достаточно радикально трансформируются по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Более того, в ряде случаев они приобретают инверсионную форму. Вместе с тем, их учет совершенно необходим, поскольку лишь при этом условии возможен прогресс в разработке общих положений системного подхода, его действительное и действенное развитие, а не только косметическая корректировка. Метасистемный подход, являясь поэтому необходимым продолжением и развитием идей системности в целом, логическим этапом этого развития должен быть, однако, понят и как диалектическое снятие ряда положений самого системного подхода. Метасистемный подход – это не только эволюционное развитие системного подхода, но и определенный «выход за» его пределы, что очень полно и точно соответствует самой этимологии словосочетания «метасистемный подход» (преодолевающий, выходящий за, находящийся вне).

2.3. Гносеологический вариант метасистемного подхода

Вся совокупность материалов, представленных в параграфах 2.2.1–2.2.5, была направлена на характеристику одного из двух основных вариантов метасистемного подхода – *онтологического*. Вместе с тем, наряду с ним, существует и второй его вариант – собственно *гносеологический*. Наиболее общий смысл и даже своего рода «миссия» данного варианта состоит в том, чтобы содействовать переводу тех или иных научных представлений с претеоретической (аналитической) фазы их развития на собственно *теоретическую*, концептуальную стадию. В связи с этим, конечно, возникает целый ряд очень сложных в методологическом плане вопросов. И по всей вероятности, наиболее принципиальный из них это вопрос о том, что именно составляет суть собственно теоретической фазы развития? Что является атрибутами этой фазы и каковы основные признаки теории как таковой, какова ее гносеологическая структура? В плане возможного варианта ответа на него могут быть сформулированы, на наш взгляд, следующие положения.

Как известно, одной из острейших проблем современного научного знания в целом, действительно, является вопрос о том, «что есть теория»? Какой она должна быть? Каковы определяющие атрибуты той или иной совокупности знаний об объекте, при которой она обретает статус теории [329, 520.]? Особенно актуальна данная проблема в тех научных дисциплинах, которые развиваются по эмпирическому пути, поскольку они (а также входящие в них направления) рано или поздно сталкиваются с фундаментальной по своему статусу задачей. Это, как известно, задача трансформации эмпирической стадии развития в собственно теоретическую, концептуальную стадию, то есть задача перевода совокупности знаний с претеоретической фазы их развития на собственно теоретическую.

Безусловно, что это – сложнейшая и комплексная проблема, далеко выходящая за рамки психологии как таковой и имеющая общенаучный, междисциплинарный статус. Вместе с тем, именно в связи с ее предельно общим характером она, естественно, проявляется и в психологических исследованиях, причем – с достаточно явной остротой и актуальностью. Ее анализ показывает, что для подавляющего большинства научных направлений, а также тех или иных, действительно, крупных проблем в их развитии достаточно отчетливо

дифференцируются две основные фазы. На первой из них преобладает кумулятивное накопление эмпирических и экспериментальных данных, доминируют описательные схемы исследования, а общий «вектор» познания направлен, скорее, вширь, нежели вглубь, то есть процесс познания разворачивается по экстенсивному, а не интенсивному пути. Все это вполне закономерно и естественно; это – «общая судьба» большинства эмпирических наук. Данная – собственно эмпирическая, претеоретическая фаза развития может быть охарактеризована также и как *аналитическая*, поскольку на ней явно доминирует аспектный способ изучения. Следствиями аналитичности и аспектности являются иные особенности научного знания на данной фазе развития – эклектизм, «мозаичность» и фрагментарность представлений о предмете, их слабая систематизированность, нередкая противоречивость, дескриптивность и др. Причем, все эти особенности – отнюдь не оценочные «ярлыки», а объективные особенности, свидетельствующие о переходном, развивающемся и недостаточно зрелом характере самих научных представлений.

Переход с эмпирической, то есть претеоретической фазы развития представлений, на собственно теоретическую фазу, как правило, связывается с необходимостью трансформации аналитического способа исследования в системный. Этот переход обозначается как преобразование предметоцентрической парадигмы исследования в системоцентрическую [311]. Вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев данное требование остается на предельно обобщенном уровне – уровне деклараций; оно, как правило, не подвергается конкретизации и, соответственно, – адекватной операционализации. Между тем, сама по себе задача операционализации данного императива и его детализации приводит к достаточно важным, на наш взгляд, методологическим следствиям.

Действительно, в огромном большинстве случаев развитие тех или иных психологических проблем и направлений приводит, в конечном итоге, к постановке очень сходной группы принципиальных вопросов. Практически всегда этими – критически значимыми вопросами являются следующие вопросы. Какова качественная *определенность* и качественная *специфичность* изучаемого предмета? Какой *статус* он имеет в качестве видového образования в пределах того или иного рода сходных с ним явлений? Каково его содержание –

состав компонентов и их *структура*? Каковы особенности его динамики – *функциональной* организации? В чем заключаются закономерности его возникновения и развития – *генезиса*? Каковы наиболее обобщенные, важные и определяющие его свойства – интегративные по своей сути, то есть *системные качества*?

Совокупность указанных проблем (и об этом также было сказано выше) воспроизводит *общий гносеологический инвариант* основных планов исследования, который выступает императивом любого собственно теоретического исследования. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех планах этого инварианта можно считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости; преодолело свою изначальную мозаичность и аспектность. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на обстоятельство, которое обычно не формулируется в явном виде, хотя оно представляется важным в плане развития концептуально целостных представлений об изучаемом предмете.

Как известно, в методологии системного подхода сформулированы представления о некотором инварианте основных призм видения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Другими словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу охарактеризованного выше алгоритма системного исследования). Ими являются следующие гносеологические планы:

– *Определение метасистемы* по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой, онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его «внутрисистемного», то есть истинного бытия.

– Раскрытие предмета в плане выявления его *качественной определенности*, в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания.

– Установление закономерностей *соотношения* предмета с более общей целостностью и выявление тех *качественных спецификаций*, которые он обретает в ней.

– Раскрытие закономерностей *структурной* организации предмета исследования.

– Раскрытие закономерностей *функциональной* организации предмета исследования.

– Установление и интерпретация особенностей и закономерностей *генезиса*, развития предмета исследования.

– Определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его *системных качеств*.

Сопоставляя далее два инварианта – общегносеологический (раскрывающий структуру научных теорий) системный (служащий для целостной экспликации предмета), можно видеть, что они не просто подобны, но и фактически *изоморфны*. Следовательно, само знание о предмете уже как система, а не конгломерат отдельных аспектов, становится таковой в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте, позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения. Кроме того, следует принимать во внимание и обязательно учитывать и еще более глубинную причину констатированного выше сходства и, по существу, изоморфизма двух познавательных инвариантов. В его основе лежит, хотя и достаточно латентная и скрытая от непосредственного видения, но очень важная и, по существу, фундаментальная причина гносеологического порядка. Она заключается в том, что основные этапы алгоритма системного исследования органично и непосредственно сопряжены, соответственно, с *основными категориями закономерностей*, которые дифференцируются в гносеологии. К ним, как известно, относятся следующие категории закономерностей [248, 311]:

– Закономерности, являющиеся производными от включенности изучаемого предмета в контекст более общей целостности, в состав той или иной – онтологически представленной системы, в которой сам он приобретает свое «конкретное, внутрисистемное бытие» [193];

– Закономерности *структурной* организации предмета;

– Закономерности *функциональной* организации предмета;

– *Генетические* закономерности;

– Закономерности, связанные с формированием и функционированием наиболее обобщенных, *интегративных свойств* предмета – его системных качеств.

В связи с этим можно, по-видимому, сделать и более широкое обобщение. По всей вероятности, «мир систем» не может быть исчерпан лишь системами *онтологического* плана. Отображение этих онтологических образований в познании ведет – через множество переходных этапов – к становлению еще одного их класса. Это – системы *гносеологического* плана, которые и принимают вид целостных теорий.

Итак, рассмотренные выше этапы реализации «алгоритма системного исследования», являясь одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Одновременно через них предмет получает и необходимые основания для причинного объяснения обнаруживаемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности.

Стратегия исследования, построенная на базе указанных принципов, содействует переводу существующих и вновь получаемых знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Он тем и отличается от первого, что знания на нем приобретают черты системности, переставая быть просто их совокупностью или конгломератом. Объект же раскрывается в них пусть и неполно, но целостно, во всех его основных измерениях. И именно такое, целостное, то есть интегративное решение, наиболее релевантно как собственно концептуальным задачам, связанных с разработкой обобщающих теорий, так и практическим задачам, на решение которых, в конечном итоге, направлено развитие самих теорий.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение. Концептуальный уровень развития

представлений о предмете исследования, научная концепция как таковая тем и отличается от «простой» суммы знаний, что в них воплощены и воспроизведены базовые закономерности, принципы и особенности, вообще – атрибуты системной организации. Сама же концепция обретает при этом черты, присущие системам в целом и, прежде всего, черты целостности, завершенности. Поэтому и сами знания, их комплекс лишь тогда обретают статус концепции, *становятся* ей, когда они обретают именно эти черты – черты и закономерности системной организации [260]. В силу этого, и следует считать, что знания лишь тогда становятся концепцией, когда они обретают статус системы, становятся системой, хотя, конечно, и весьма специфического типа. Можно предположить, что «в лице» научных концепций общий феномен (и механизм) системности эксплицирует еще одну сферу своего действия. Научные концепции не только могут, но и должны быть проинтерпретированы действительно, как системы специфического типа – как *гносеологические системы*.

Данное заключение, будучи значимым само по себе, все же пока недостаточно, на наш взгляд, для того, чтобы считать полностью эксплицированной категорию системы по отношению к специфике научных концепций. С одной стороны, данное заключение, действительно, конструктивно в плане определения основных, стратегических направлений раскрытия того или иного предмета познания, *необходимых и достаточных* для разработки концептуальных, то именно целостных, согласованных представлений о нем. Совокупность этих направлений составляет, как было показано выше, содержание «алгоритма системного исследования». Она, а также получаемая при ее реализации совокупность результатов образует, так сказать, внутренний каркас – структуру научных концепций, а также основные категории ее содержательных данных и закономерностей. Тем самым появляются достаточные основания для определения общих по смыслу, но совершенно конкретных по содержанию стратегических направлений разработки научных концепций как таковых, необходимых и достаточных для перевода представлений в той или иной области на собственно концептуальный уровень.

С другой стороны, данное заключение соотносится, в основном, так сказать, именно с внутренним аспектом трактовки научной концепции как системы. Вместе с тем, обретая черты собственной – внутрен-

ней организованности, становясь закономерно структурированной целостностью, обладающей, как и любая иная система, определенной автономностью от среды, научная концепция в качестве системы гносеологического типа в то же время и столь же объективно характеризуется и закономерными внешнесистемными взаимодействиями. Другими словами, если справедливо предыдущее положение о том, что научная концепция, действительно, является системой гносеологического типа, то с такой же необходимостью справедливо положение и о том, что она (как и любая иная система) характеризуется и столь же закономерными для систем в целом внешнесистемными взаимодействиями. Констатация этого – в принципе несложного, но важного обстоятельства сразу же порождает, однако, ряд вопросов и направлений дальнейшего анализа, требующих осмысления и специального рассмотрения. Причем, все они приобретают достаточную очевидную специфичность именно в свете представленных выше материалов о существовании особого класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Основные из них заключаются в следующем.

Во-первых, если, действительно, правомерна трактовка научных концепций как систем гносеологического типа, то возникает проблема определения метасистемы по отношению к ним. Это – вопрос о том, каким образом может и должно быть конкретизировано по отношению к ним одно из наиболее общих положений системного подхода в целом. Это положение об объективной включенности любой системы в состав некоторой более общей целостности (метасистемы), а также о закономерностях такого включения по отношению к системам гносеологического типа.

Во-вторых, совершенно очевидно, что общий характер этих взаимодействий не может быть проинтерпретирован с позиций традиционно сложившихся в классическом системном подходе представлений о соотношении *компонента* (части) и самой *системы* (целого). Невозможность этого обусловлена, в первую очередь, тем, что научную концепцию – именно в силу сложности самого этого гносеологического образования, ни при какой степени идеализации и схематизации недопустимо интерпретировать в качестве компонента. Отношения научной концепции как системы гносеологического типа с той более общей целостностью, в которую она включена, – это не отношения компонента и системы, а отношения принципиально

инного плана – отношения *системы и метасистемы*. Они, как показано выше, характеризуются рядом принципиально новых особенностей и закономерностей, которые, разумеется, также должны быть учтены при решении рассматриваемых здесь вопросов.

В-третьих, необходимо, на наш взгляд, обязательно учитывать и еще один результат проведенного выше анализа, заключающийся в следующем. Традиционно доминирующая трактовка степени автономности (выделенности системы из среды, то есть из метасистемы) как одного из основных признаков, индикаторов степени ее совершенства, развитости и сложности, как было показано выше, не является вполне корректной. В действительности, реальная ситуация, как правило, является существенно иной и даже во многом *противоположной*. Чем в большей степени система *взаимосвязана* с метасистемой, чем более выражены эти связи и даже чем в большей степени система использует – как бы «заимствует» потенциал, содержащийся в метасистеме, тем более совершенной и развитой она является. Кроме того, степень такой взаимной ассимиляции системы и метасистемы может достигать кардинальных проявлений, поскольку сам факт существования систем со «встроенным» метасистемным уровнем означает, что метасистема вообще может функционально включаться в состав самой системы. При этом *экстрасистемные* связи и взаимодействия, фактически, транспонируются в само содержание системы и становятся *интрасистемными*. Данное обстоятельство также нуждается в осмыслении при экспликации общей трактовки научной концепции в качестве системы гносеологического типа.

В-четвертых, существование особо, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем еще раз демонстрирует принципиальную и не осмысленную пока в должной мере гетерогению «мира систем», их принципиальное, качественное разнообразие. Причем, речь идет вовсе не о тривиальном факте разнообразия самих систем, а о факте принципиальной гетерогенности именно их *классов*. В связи с этим, возникает важный вопрос о том, к какому же конкретно классу систем должны быть отнесены системы гносеологического типа в целом и научные концепции, в частности? Являются ли традиционно сложившиеся в классическом системном подходе представления о структурно-функциональной организации систем как таковых достаточными для их раскрытия? Или же научные

концепции допускают такое раскрытие лишь при условии привлечения качественно иных данных и закономерностей? Как, в частности, решению этих вопросов могут содействовать развитые выше представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем?

Предпринимая попытку решения этих и иных, сходных с ними по смыслу вопросов, мы считаем возможным сформулировать следующие положения. Любая научная концепция, разумеется, разрабатывается и существует не «в безвоздушном пространстве», а является объективной составляющей того или иного научного направления, той или иной дисциплины и взаимосвязаны с ними (в самом общем виде по принципу «часть – целое»). Тем самым *общий* гносеологический контекст, образованный всей совокупностью научных представлений в той или иной научной дисциплине, выступает метасистемой по отношению к концепциям как системам, включенным в нее. Данное положение настолько очевидно и даже – тривиально, что на нем, казалось бы, не стоило акцентировать внимание, если бы не одно обстоятельство. Оно относится к характеру и к специфике взаимосвязей и взаимодействия научной концепции с более общим научным контекстом, точнее – метаконтекстом (как метасистемой по отношению к ней). Эта специфика заключается в следующем.

С одной стороны, действительно, любая научная концепция обязательно выступает локальной «составляющей» той или иной научной дисциплины, того или иного направления. Она входит – включается в них и является их частью, взаимодействуя при этом с ними. С другой стороны, нельзя не видеть и очевидного своеобразия такого взаимодействия. Оно не может быть сведено лишь к простым и «прямым» – так сказать, внешнесистемным связям и взаимодействиям научной концепции с общенаучным метаконтекстом и исчерпано ими. Как раз наоборот, последний буквально *пронизывает* и «пропитывает» содержание любой научной концепции. Фактически, он сам *входит* в нее – и содержательно, и структурно, и функционально, и гносеологически, и любыми иными путями и формами. Такое вхождение – репрезентированность общенаучного метаконтекста в составе и содержании научных концепций проявляется в двух важнейших атрибутах любой концепции.

Во-первых, это атрибут *обоснованности* (фундированности) базовых положений научной концепции по отношению к общим положениям того или иного научного направления, научной дисциплины в целом.

Чем более обоснованной является концепция, то есть, фактически, чем более включенным и более представленным в ней является содержание того научного направления, в котором она разработана, в целом, тем выше и качество самой концепции. Другими словами, можно видеть, чем более «встроенным» в научную концепцию (как систему гносеологического типа) оказывается общенаучный метаконтекст (как ее метасистема), тем совершеннее и сама концепция. Чем в большей степени научная концепция мультиплицирует в себе то или иное научное направление, удовлетворяет его общему содержанию и олицетворяет его, тем более обоснованной, эвристичной и продуктивной она является. Другими словами, практически все позитивные, продуктивные характеристики научной концепции не только зависят, но и определяются степенью «встроенности» в нее общенаучного метаконтекста. Все сказанное, по-видимому, достаточно убедительно свидетельствует о том, что саму научную концепцию недостаточно трактовать как систему классического, традиционного типа. Она должна быть проинтерпретирована именно как система со «встроенным» метасистемным уровнем. Отсюда следует, что в аспекте уже этого – наиболее общего и исходного параметра научная концепция представляет собой не систему классических типов, а именно систему со «встроенным» метасистемным уровнем.

Во-вторых, существует и другой – столь же базовый атрибут научной концепции. Известно, что мера ее *обобщенности*, точнее – обобщенности ее результатов и содержания раскрытых в ней закономерностей определяется тем, насколько ее результаты транспонируемы на более общие закономерности, выявленные в научной дисциплине в целом. Вместе с тем, совершенно очевидно, что эта мера, а следовательно, и сам атрибут степени обобщенности объективно могут быть определены лишь при соотнесении результатов концепции опять-таки с общенаучным метаконтекстом. Другими словами, ключевой параметр продуктивности концепции – степень ее обобщенности объективно эксплицируется опять-таки лишь при включении, «встраивании» этого метаконтекста в ее собственное содержание. Тем самым раскрывается еще одна грань научной концепции как системы гносеологического типа, демонстрирующая ее принадлежность к системам со «встроенным» метасистемным уровнем.

Далее, по отношению к научной концепции, проинтерпретированной в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем, име-

ет место и другая – очень специфическая особенность. Как известно, одним из наиболее ценных параметров научной концепции является то, насколько она содействует развитию научных представлений в той или иной области в целом, а в идеале – насколько парадигмальной и «революционной» она является. Формулируя эту мысль несколько иначе, можно сказать, что чем более она *перестраивает* традиционные представления (естественно не в плане их «голого отрицания» а в плане их продуктивного, качественного развития), тем более ценной она сама является. Следовательно, по отношению к научной концепции имеет место следующая картина. С одной стороны, она, действительно, выступает в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем, поскольку в ее собственном содержании и составе органичным и естественным образом представлен общенаучный метаконтекст. С другой стороны, этот метаконтекст не просто «встраивается» в нее, но она сама *перестраивает* его. Критически важный признак эффективности научных концепций как раз и заключается в том, насколько они содействует такой перестройке, то есть обогащению самого общенаучного метаконтекста. Можно видеть, что метасистема (общенаучный метаконтекст) не только «встраивается» в систему (научную концепцию), но и перестраивается в ней и через нее. Чем в большей степени это представлено, тем более ценной и эвристичной является и сама концепция.

Сформулированные выше положения методологического характера, на наш взгляд, не только могут, но и должны быть реализованы при разработке представлений об *общей стратегии* дальнейшей разработки проблемы выявления и объяснения сущности и структуры субъективного времени. Эта стратегия, как показано в ходе проведенного анализа, должна обязательно учитывать общую логику развития данной проблемы и являться методологическим средством трансформации той фазы ее развития, на которой преобладает разработка *частных*, специальных концепций в данной области, в фазу, на которой приоритетной становится разработка *обобщающих*, то есть собственно теоретических представлений. В конечном итоге, в основе этого лежит все более полная трансформация преимущественно аналитического способа разработки тех или иных проблем в системный, а впоследствии – в метасистемный. Данная стратегия образована последовательностью пяти основных гносеологических планов – метасистемного, структурного, функционального, генетического, интегративного.

Особо следует подчеркнуть также, что при их реализации необходимо учитывать и охарактеризованную выше специфику научных концепций, обусловленную их принадлежностью к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что не только они входят – включаются, «встраиваются» в более широкий общенаучный метаконтекст той или иной дисциплины, направления и пр. Сам этот метаконтекст (как метасистема по отношению к ним) также с необходимостью – причем, по возможности максимальной полно должен быть представлен в них. Лишь при этом условии они обретают важнейшие и определяющие атрибуты корректности концепций как таковых: необходимую степень *обоснованности* и столь же необходимую – должную меру *обобщенности*.

Вместе с тем, следует специально подчеркнуть, что обеспечение тех характеристик и особенностей научных концепций, которые связаны с их принадлежностью к данному классу систем, не только не может, но и не должно быть сопряжено с каким-либо *отдельным* – автономным этапом их разработки. Такое обеспечение должно быть обязательно распределенным по *всем* предшествующим этапам и «наложенным» на них; оно должно составлять их неотъемлемый атрибут и обязательное условие их корректной реализации. И наоборот, любые попытки автономизации этого обеспечения, то есть его отделения и выделения из общей логики и содержания всего процесса разработки научных концепций являются достаточно существенной методологической ошибкой. Такое выделение может и, более того, должно осуществляться, но уже после разработки научных концепций, то есть при ее характеристике – презентации. Более того, такая автономная характеристика параметров обоснованности и обобщенности концепций является одним из признаков грамотности и корректности их изложения. Она соотносится, соответственно, с двумя важными разделами общей структуры научных концепций, во-первых, с разделом, посвященным их теоретико-методологическому обоснованию; во-вторых, – с разделом, посвященным определению и меры обобщенности концепций и ограничениям сферы ее действия.

Далее, следует учитывать, что принадлежность научных концепций к системам со «встроенным» метасистемным уровнем эксплицируется через параметры их обоснованности, обобщенности и трансформационности в двух основных аспектах. Во-первых, это

аспект, связанный с тем, что научные концепции просто должны удовлетворять данным параметрам как таковым; что сами эти параметры должны являться атрибутивно присущими любой корректной научной концепции. Во-вторых, это более имплицитный аспект, связанный с тем, что чем *в большей* мере научные концепции удовлетворяют этим параметрам и чем в большей степени они воплощают их в себе, тем *более совершенными* являются они сами. Иными словами, существует, так сказать, прямо пропорциональная зависимость между степенью воплощенности этих параметров в научных концепциях, и степенью совершенства самих концепций. Это, разумеется, уже само по себе может рассматриваться в качестве очень важного свидетельства значимости указанных параметров.

Действительно, например, параметр обоснованности при разработке тех или иных концепций проявляется, прежде всего, в том, что они должны быть фундированными с точки зрения возможно более широкого круга уже существующих представлений в предметной области; вбирать их в себя и, по возможности, осуществлять их непротиворечивый синтез. В целом параметр обоснованности предполагает, во-первых, максимально широкую и полную опору на возможно более широкий круг уже существующих представлений (а в идеале – на всю их совокупность). Далее, он заключается и в том, насколько во вновь разрабатываемых научных концепциях удастся синтезировать – «примирить» исходно противоречивые теоретические взгляды. Наконец, он проявляется и в том, насколько в научных концепциях представлены не только взгляды, напрямую соотносящиеся с проблемой, на решение которой они направлены, но и взгляды, которые соотносятся с иными – подчас достаточно далекими от нее сферами и направлениями исследования, но могущими содействовать решению этой проблемы.

Аналогичные по смыслу и содержанию соображения должны быть сформулированы и по отношению к параметру обобщенности как еще одному основному проявлению принадлежности научных концепций к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Сама обобщенность раскрывается с этих позиций в двух основных «плоскостях», в двух проявлениях. С одной стороны, традиционно считается (и совершенно справедливо), что обобщенность – это такое свойство научных концепций, которое определяет сферу ее действия. Оно определяет объем и масштаб тех вопросов и проблем, которые оказывается

возможным решить с ее позиций и которым она дает новую интерпретацию. Однако, с другой стороны, *это же* означает, что сам обобщающий – интерпретационный потенциал научных концепций объективно может быть эксплицирован лишь постольку, поскольку интерпретируемое включается – «встраивается» в содержание и состав научных концепций. И чем шире масштаб и объем такого включения, тем выше и мера обобщенности научных концепций.

Кроме того, все изложенное проявляется и по отношению к третьему базовому параметру научных концепций, в котором эксплицируется их принадлежность к системам со «встроенным» метасистемным уровнем – к параметру трансформационности. Он, равно как и предыдущие, имеет два аспекта. Действительно, он должен быть присущ вновь разрабатываемым научным концепциям, так сказать, «сам по себе», что равнозначно тому, что эти концепции должны быть эвристичными, должны содействовать расширению и, по возможности, перестройки, трансформации существующих научных представлений. С другой стороны, чем более это оказывается выраженным во вновь разрабатываемых научных концепциях, тем более совершенными они выступают. По отношению к вновь разрабатываемым концепциям, связанным с исследованием проблемы субъективного времени, это означает, в частности, что они должны не только уточнять и углублять *существующие* взгляды, но и, возможно, приводить к пересмотру некоторых – даже очень традиционных, кажущихся прочными представлений. Так, очень характерной в этом плане является та ситуация, которая сложилась сегодня в психологической теории деятельности. В ней к настоящему времени существует целый ряд разновидностей своего рода «презумпции несуществования». В частности, полагается, что уровней организации деятельности существует лишь три, а не больше; что основных видов деятельности существует также три, а не больше; что основных классов деятельности – лишь два (субъект-субъектный и субъект-субъектный), а не больше и т.п. Вместе с тем, строго говоря, пока еще не является доказанным, что все это именно так и обстоит на самом деле; что не существует иных уровней, видов, классов деятельности. И, если, действительно, вновь разрабатываемые концепции деятельности, позволят выйти за пределы этих устоявшихся представлений – не только расширить, но и, фактически, трансформировать их,

то это будет свидетельствовать о воплощенности и самого атрибута трансформационности как очень важного для любой конструктивной научной концепции [260].

Наконец, на наш взгляд, существует еще одна – также значимая, но наиболее имплицитная особенность научных концепций, обусловленная их принадлежностью к системам со «встроенным» метасистемным уровнем и заключающаяся в следующем. Выше было показано, что сама суть научных концепций как систем гносеологического типа состоит в их атрибутивной *целостности*, непротиворечивости, относительной завершенности. Концептуальное знание – это по необходимости атрибутивно целостное знание; лишь в этом случае и при этом условии научное знание обретает статус концепции. Другими словами, на уровне концепций возникают те свойства, которые характерны любой целостности – интегративные, системные по своей сути и генезису. Тем самым научные концепции как системы характеризуются своими обобщенными характеристиками и особенностями – системными качествами. Их генерация означает выход концепций за пределы наличного знания, что эквивалентно главному предназначению любой концепции – развитию научных знаний, углублению уже существующих взглядов.

В этом плане, кстати говоря, прослеживается глубинное подобие когнитивных механизмов и средств индивидуального познания, с одной стороны, и гносеологических механизмов генезиса концепций, с другой. В индивидуальном познании, в собственно когнитивном плане, как было показано нами в [258], именно механизм порождения системных качеств может и должен рассматриваться как конкретное операционное средство открытия принципиально нового. Действительно, тайна возникновения нового в познании, порождения принципиально нового результата, нового содержания, отсутствующего у исходных посылок познания, может быть разрешена именно на основе учета того, что сама природа системных качеств в том и состоит, что это – *супераддитивные* качества. Это – такие свойства целого, которые присущи только ему, но которые отсутствуют у его частей и их аддитивной совокупности. Так и в познании, в том числе – и научном: исходные посылки (как части), интегрируясь, синтезируясь и выступая уже не как *части* целого, а как части *целого*, порождают принципиально новые – системные качества, выходящие за пределы суммы знаний, содержащихся в их аддитивной совокуп-

ности. Однако принципиально тот же самый механизм лежит и в основе гносеологической логики развития научных представлений на концептуальном уровне. Синтез, интеграция тех или иных исходных положений может вести и, как правило, ведет к выходу за их пределы. На уровне концепции, то есть на уровне целого порождаются и специфические свойства этого целого – системные качества. В свою очередь, они и означают «выход за наличное», а сам прирост знаний выступает явной и яркой чертой, действительно, продуктивных концепций.

Вместе с тем, все сказанное относится лишь к одной из двух основных категорий системных качеств – к *интегральным* системным качествам. Они, выступая продуктом и результатом, генеративно-порождающих механизмов, являются итогом действия именно интегративным средств. И они, в силу этого, отчетливо проявляются на уровне целостных систем, выступают эффектами самой целостности. Однако нельзя забывать, что существует и второй основной тип системных качеств – *дифференциальные*. Они являются следствием и результатом уже не интегративных, а дифференцирующих механизмов. Это означает, что они возникают при соотношении той или иной сущности с некоторой более общей целостностью, обнаруживают себя лишь как эффект взаимодействия с ней. Тот или иной объект, явление, процесс, включаясь в состав более общей системы и выполняя в ней ту или иную частную функцию, то есть выступая ее дифференциальным аспектом, обретает при этом и такие новые свойства, которые отсутствовали у него исходно, так сказать, у «самого по себе». Аналогичный в принципе механизм имеет место и в собственно когнитивном плане – он был в общем плане отмечен выше⁵². Он, как можно видеть, также приводит к генерации принципиально нового знания, к выходу за пределы наличного.

Однако он же имеет место и, так сказать, в надындивидуальном плане – при разработке научных концепций. Их объяснительный и эвристический потенциал обнаруживается лишь в том случае, если

⁵² В этом плане нельзя не отметить известное положение С. Л. Рубинштейна: «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [484].

они, по возможности, более широко и полно включают в себя те или иные – уже существующие представления. Последние при этом выступают своего рода интерпретационной базой, являются тем самым необходимым средством экспликации самого эвристического потенциала концепций. Чем более масштабной она является, тем выше и эвристический потенциал концепций. Иными словами, чем в большей степени в содержание научных концепций включен – «встроен» в качестве интерпретационной базы общенаучный метаконтекст, тем выше и потенциал самой концепции. Таким образом, можно видеть, что в структуре научных концепций представлен и второй основной тип системных качеств – дифференциальные. Они, однако, действуют и могут быть обнаружены лишь при учете их принадлежности к системам со «встроенным» метасистемным уровнем.

Итак, подводя итоги, можно сделать следующее обобщающее заключение. Охарактеризованные выше представления о содержании и специфике научных концепций, должны быть положены, по нашему мнению, в основу разработки проблемы субъективного времени. Эти представления, базирующиеся на всей логике предшествующего развития принципа системности, а также воплощая в себе его основные принципы и императивы, позволяют дать не только многоаспектное, но и в целостное раскрытие изучаемого предмета. При этом следует, конечно, специально подчеркнуть, что *полная* реализация данного подхода по отношению к анализируемой здесь проблеме – это, безусловно, предельно комплексная и чрезвычайно объемная исследовательская задача. Она может рассматриваться, скорее, как наиболее общая и стратегическая перспектива. Поэтому в своем полном объеме она не может быть, по-видимому, реализована в рамках одного, отдельно взятого исследования, в том числе, разумеется, и представленного в данной работе. Вместе с тем, она все же должна быть положена в основу разработки данной проблемы, а сама эта проблема должна быть подвергнута приоритетному изучению именно в тех гносеологических планах, которые образуют содержание данной стратегии. Наконец, подчеркнем и еще одно обстоятельство, которое, с одной стороны, выступает итоговым по отношению к проведенному анализу, а с другой, – определяет логику и последовательность всего дальнейшего изложения. Действительно, представленные выше материалы в целом и те из них, в которых сформулированы представления об общей – комплексной стратегии иссле-

дования, базирующейся на методологии метасистемности, в частности, задают вполне определенные ориентиры для этой последовательности. Она должна реализовывать основные этапы этой стратегии, образующие в своей совокупности охарактеризованный выше алгоритм системного исследования. Это означает, что вначале должен быть реализован метасистемный (онтологический) план и, соответственно, этап исследования проблемы субъективного времени, затем – структурный план, а после него последовательно и три другие плана (этапа) – функциональный, генетический и интегративный.

Вместе с тем, при реализации данной стратегии необходимо учитывать и очень явную специфичность самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем, которая охарактеризована выше. Их определяющая черта, напомним, состоит в том, что один из их основных уровней – метасистемный как раз и образован посредством мультиплицирования – «встраивания» в них той метасистемы, онтологической оставляющей они сами являются. Те сложнейшие особенности и закономерности, которые лежат в основе этого, то есть в основе того, как метасистема детерминирует собой структуру и содержание самой системы, одновременно выступают и собственными закономерностями ее структурно-уровневой организации. Поэтому сам метасистемный план – аспект исследования и, соответственно, его этап, фактически, оказывается во многом просто тождественным одному из аспектов следующего этапа – структурному, поскольку последний как раз и предполагает раскрытие основных уровней организации системы в целом и одного из них – метасистемного уровня, в частотности. При этом складывается показательная картина в плане известной диалектики предмета и метода. Аналогично тому, как метасистемный уровень организации является встроенным – включенным в саму структуру и организацию систем, его исследование – в том числе, и раскрытие в ходе последующего изложения также должно быть включено в реализацию собственно структурного этапа (плана). Поэтому и сам первый этап (план) реализации комплексной стратегии исследования – метасистемный должен выступать не столько как отдельный и самостоятельный, а как включенный – «встроенный» в реализацию ее другого этапа (плана) – структурного.

Глава 3

Параметр времени

в структурно-уровневой организации психики

3.1. Теоретические основы исследования

Одним из основных итогов анализа, проведенного в главе 1, явилось заключение, согласно которому общая логика развития проблемы субъективного времени все более настоятельно диктует необходимость ее обращения к методологии системности, трансформации общего подхода к ее разработки с преимущественно аналитического в системный. У этого обстоятельства существует целый ряд очень существенных причин и предметного (онтологического), и гносеологического, и методологического характера. Первые связаны со спецификой самого предмета исследования, с его базовыми атрибутами, которые в значительной мере воплощают в себе определяющие особенности собственно системной организации и, следовательно, требуют реализации по отношению к нему именно системной методологии. Вторые причины сопряжены с общей логикой развития данной проблемы – с постепенным созреванием в ней предпосылок, а затем и императивов, предписывающих необходимость указанной выше трансформации аналитического подхода в системный и перехода от предметоцентрической призмы видения предмета исследования к системецентрической. Наконец, третьи причины обусловлены теми вызовами, которые предъявляет проблема субъективного времени к методологии системности и на которые последняя далеко не всегда готова дать адекватный ответ.

Существуют также и вызовы встречной направленности – те, которые предъявляет сам системный подход к данной проблеме и на которые она также пока не готова отреагировать должным образом. Последнее обстоятельство является наиболее показательным и принципиальным в плане определения общего направления дальнейшей разработки этой проблемы, поскольку эксплицирует еще одну важную особенность общей логики ее эволюции. Подведя к необходимости ее обращения к методологии системности, эта проблема, точнее – все это очень широкое и комплексное направление психологических исследований, вскрыло и определенную недостаточность самой методологии

системности. Оно показало, что данная методология отнюдь не лишена своих собственных ограничений, требуя ее дальнейшего совершенствования и развития. И именно поэтому логика ее развития, равно как, впрочем, и логика развития ряда иных очень значимых направлений и проблем, привела к необходимости разработки новых вариантов системного подхода, которые преодолевали бы ограничения и даже явные недостатки его традиционных вариантов. Одним из них как раз и является разработанный нами ранее вариант методологии системности, обозначенный как принцип метасистемного подхода. Он является, в отличие от традиционных – классических версий системного подхода одним из его постнеклассических вариантов и в значительной мере позволяет снять те ограничения, которые присущи его каноническим версиям. В силу этого, что также показано в главе 2, появляются основания для того, чтобы предположить релевантность данного подхода не только тем предметам исследования, которые уже были изучены с его позиций, но и проблеме субъективного времени как основной для данной работы. В связи с этим, *основная цель* этой главы заключается в том, чтобы попытаться реализовать данный подход к проблеме субъективного времени и выяснить, как он может содействовать ее разработке. Необходимо выяснить, как он может способствовать решению тех вопросов, которые являются для нее наиболее значимыми, определяющими и от которых, следовательно, в наибольшей степени зависит ее развитие в целом.

Переходя к ее реализации, мы считаем необходимым, прежде всего, зафиксировать некоторые положения, так сказать, постановочного, точнее – установочного плана. Во-первых, как показано в главе 2, сам этот подход представлен в двух основных вариантах – онтологическом и гносеологическом. Если первый направлен на раскрытие предмета исследования, на выявление и объяснение его базовых особенностей и закономерностей, то есть того, что, собственно говоря, и составляет его качественную определенность, его онтологию, то второй имеет иную ориентацию. Он направлен на определение и обоснование того, каким образом и на каких основаниях должно базироваться само это исследование, какова его общая методология и даже своего рода идеология. Кроме того, в нем обоснована и общая стратегия организации исследований, конкретизирующая его базовые методологические императивы; она была обозначена

нами как алгоритм системного исследования (АСИ), а его характеристика также представлена в главе 2. Следовательно, она и должна быть положена в основу реализации данного подхода по отношению к рассматриваемой здесь проблеме – как в целом, так и в плане определения логики и последовательности ее реализации.

В свою очередь, логически и гносеологически первым – отправным и во многом определяющим ее этапом как раз и выступает реализация наиболее обобщенного и поэтому базового, определяющего плана изучения предмета исследования – метасистемного (онтологического). Его основной задачей является определение и раскрытие того, как представлен предмет изучения в его реальном, онтологически первичном виде, то есть с учетом его включенности в состав более широких и общих целостностей – метасистем по отношению к нему. В них он, собственно говоря, только и обретает свое истинное бытие, а не дан в его уже подвергнутом аналитическим – гносеологическим процедурам виде, что, напротив, типично для аналитического подхода. Причем, в отличие от традиционных вариантов системного подхода, этот императив означает не просто известное преобразование предметоцентрической призмы видения в системоцентрическую. Наряду с этим, он требует и осознания, а главное, реализации того, что отношения между целым и частями могут быть гораздо более сложными и отчасти даже парадоксальными, нежели это принято в указанной парадигме. Они не водятся к отношениям между системой и ее компонентами, а носят отношения метасистемы и системы, которые являются существенно более сложными. Кроме того, в последнем случае эти отношения могут принимать и весьма необычный характер – вплоть до инверсии их исходного смысла [260]. Все это также было подробно рассмотрено в главе 2. Следовательно, первым шагом реализации предложенного нами методологического подхода к проблеме субъективно времени должен стать именно этот – онтологический план его общего содержания. Подчеркнем также, что данный план предписывает необходимость экспликации и раскрытия предмета исследования именно в его целостном, не нарушенном аналитическими процедурами виде, то есть в его реальной онтологии. Следовательно, он направлен и на выявление не тех или иных конкретных, частных и локальных его особенностей и закономерностей, а на определение его базовых и основных характеристик – того главного, что в нем есть и что

обуславливает его содержание, то есть его качественную определенность – то, чем он, в действительности, является.

Вместе с тем, как отмечалось в предыдущей главе, при этом необходимо учитывать и очень явную специфичность самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их определяющая черта состоит в том, что один из их основных уровней – метасистемный как раз и образован посредством мультиплицирования – «встраивания» в них той метасистемы, онтологической оставляющей они сами являются. Поэтому, по существу, все основные особенности и закономерности, которые лежат в основе того, как метасистема детерминирует собой структуру и содержание самой системы, одновременно выступают и закономерностями ее структурно-уровневой организации. Сам же метасистемный план исследования и, соответственно, его этап, фактически, оказывается органично сопряженным и даже просто тождественным одному из аспектов следующего этапа – структурного. Он как раз и предполагает раскрытие основных уровней организации системы в целом и одного из них – метасистемного уровня, в частности. Поэтому первый этап (план) реализации комплексной стратегии исследования – метасистемный должен выступать не как отдельный и самостоятельный, а как включенный – «встроенный» в реализацию другого этапа (плана) – структурного. В силу этого, в данной главе он и будет реализован именно в качестве такового – как неотъемлемой «составляющей» структурного плана исследования. При этом, разумеется, особое внимание необходимо уделить и тому, каким образом данный уровень не только организован, но и как он конституируется – порождается и формируется. Как по отношению к уровневой организации субъективного времени реализуются основные закономерности, выявленные и проинтерпретированные в методологии метасистемного подхода? Другими словами, следует помнить об основном вопросе онтологического (метасистемного) плана исследования и, по возможности, дать на него ответ. Это вопрос о том, каким образом представления о специфическом классе систем со «встроенным» метасистемным уровнем могут содействовать разработке проблемы субъективного времени в целом и тех ее аспектов, которые являются основными в ней – в особенности, того, который сопряжен с необходимостью выявления его сущности и структуры.

Во-вторых, это обстоятельство органично связано и с другим общим положением методологии системности, которое сохраняется и в метасистемном подходе. Оно состоит в том, что в ней предписывается такая логика развертывания исследования предмета, которая во многом отличается от традиционной – аналитической и даже противоположна ей. Это – движение не от частного к общему, от аспектного видения к целостному, а наоборот – от общего к частному, от целостной экспликации предмета к его детализированному и конкретизированному – парциальному раскрытию. Она предписывает иную направленность процесса его познания, а первым и исходным его вопросом является вопрос о том, что представляет собой предмет изучения *в целом*, в его общих и определяющих чертах, в его сущностных характеристиках? Во избежание недоразумений следует, конечно, подчеркнуть, что это – именно постановка проблемы, формулировка вопроса, а не залог и способ его решения. Напротив, такая постановка требует специального и сложного процесса исследования, которое, однако, в конечном итоге, и обуславливает возможность его решения. Следовательно, исходным – отправным и для данного исследования должна быть, по-видимому, именно такая постановка вопроса – постановка, требующая приоритетного раскрытия именно сущностных – определяющих и основных особенностей и закономерностей субъективного времени. Подчеркнем еще раз, что такая постановка вопроса вовсе не претендует на то, чтобы гарантировать возможность исчерпывающего или даже сколько-нибудь полного ответа на него. Речь идет лишь о том, что он выступает как исходный – отправной и направленной на определение именно общего смысла и принципиального содержания предмета исследования. При этом, безусловно, такое определение может носить предварительной и обобщенный характер, не только предполагая, но и требуя в дальнейшем его конкретизацию и детализацию.

Наконец, в-третьих, необходим учет и еще одного обстоятельство, имеющего, пожалуй, наиболее принципиальный характер и состоящего в следующем. Как известно – и это проходило своего рода «красной нитью» через весь представленный в главе 1 анализ, важнейшей и определяющей, наиболее специфической особенностью проблемы субъективного времени является ее, так сказать, «вездесущий» характер, ее распределенность, фактически, по всей психологической проблематике. Точно так же, как нет вневременных сущностей, так нет

и таких предметов исследования – в том числе и психологического, которые бы не были сопряжены с параметром времени, с временным измерением реальности. Более того, именно по отношению к предметам психологического изучения этот параметр обретает особую значимость и выраженность. Дело в том, что процессуальность и, следовательно, временная организация – это и есть непреходящий атрибут всего психического в целом⁵³. Отсюда с необходимостью следует, что она имеет аналогичный, то есть максимально общий характер как в плане широты и, фактически, полноты охвата ей психологической проблематики, так и в плане ориентации на выявление столь же общих закономерностей, которыми выступают закономерности временной организации. Временное измерение реальности и присущие ему закономерности носят не просто общий, а предельно общий и потому аналогичный, то есть также определяющий характер. Они поэтому имеют и соответствующее – также определяющее значение для раскрытия предметов психологического изучения.

Следовательно, попытка их выявления и объяснения, предпринимаемая с позиций одного из возможных методологических подходов – метасистемного, также должна базироваться не на каком-либо его частном положении или аспекте, а на его объективно главном и наиболее *общем* положении. Другими словами, то, как он должен быть реализован по отношению к проблеме субъективного времени, так сказать, масштаб этой реализации, должен быть соразмерен или даже тождественен его общему смыслу и содержанию. Другими словами, то, как с его позиций может быть объяснена природа субъективного времени, должно быть обусловленным его наиболее принципиальными и определяющими положениями – тем общим видением психического в целом, которое им предписывается. Являясь сквозным и всепроникающим атрибутом психического, субъективное время может быть адекватно эксплицировано и понято лишь при условии реализации по отношению к нему столь же принципиального способа видения самого психического. Все это, собственно говоря, и позволяет предположить, что базовые закономерности и, воз-

⁵³ В этом плане следует еще раз отметить известное положение И. М. Сеченова о том что «мысль о психическом как процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» [501].

можно, механизмы субъективного времени сопряжены именно с тем основным принципом, который, согласно метасистемному подходу, лежит в основе организации психического и определяет специфику организации систем психологического плана. Этот принцип был подробно обоснован в главе 2, а его сущность в самом общем виде, напомним, состоит в следующем. Атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (что, повторяем, традиционно обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое удвоенное бытие в форме реальности субъективной. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной, которая, однако, по самой своей сути и назначению *должна* быть принципиально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности. Сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Повторяем, что речь идет именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности – функциональной, а не об ее онтологической представленности в психике. Следовательно, именно это положение, по всей вероятности, и должно стать основным для разработки проблемы субъективного времени на базе данного подхода

Итак, на основе всех этих положений установочного плана формулируется следующая – главная по смыслу и двуединая по сути и содержанию задача. С одной стороны, необходимо рассмотреть проблему субъективного времени в ее сущностных – определяющих, основных аспектах, а само субъективное время – эксплицировать также в его главных, атрибутивно присущих ему свойствах и закономерностях. Это означает, что необходимо попытаться выявить и, по возможности, объяснить те детерминанты, которые лежат в основе его конституирования в качестве неотъемлемой «составляющей» субъективной реальности, на базе которых оно порождается и формируется. Причем, осуществить это необходимо именно

с позиций сформулированного выше методологического подхода, то есть определить, как он может содействовать разработке проблемы субъективного времени в целом и тех ее аспектов, которые являются основными в ней – в особенности, сопряженных с выявлением его сущности и структуры. С другой стороны, после этого, а главное – на основе этого, то есть на основе решения наиболее общих и принципиальных вопросов, связанных с определением онтологического (метасистемного) статуса субъективного времени, необходимо перейти к решению второй главной задачи. Она состоит в том, чтобы верифицировать общетеоретическое предположение, согласно которому в организации субъективного времени реализован структурно-уровневый принцип и, соответственно, в том, чтобы эксплицировать и рассмотреть содержание основных уровней такой организации.

Наконец, следует специально подчеркнуть, что в ходе верификации данного предположения необходимо руководствоваться еще одним положением методологического плана, являющимся одним из основных следствий проведенного выше анализа. Оно состоит в том, что сама формулировка – «структурно-уровневая организации времени» должна быть существенно скорректирована и детализирована. Такая организация, если она обнаружится, может быть присуща, конечно, не самому времени непосредственно, а тем субстанциональным основам, которые с ним сопряжены и носителями которого они являются. Именно они и выступают основой для такой организации, точнее – они порождают ее и предстают в ней. Это, повторяем, прямо следует из сформулированного выше принципа субстанциональной опосредствованности субъективного времени. И именно такая – опосредствованная детерминация организации субъективного времени лежит в основе того, каким образом оно представлено в структуре и содержании психики в целом.

Вместе с тем, констатация именно этого – ключевого обстоятельства, задавая необходимые методологические ориентиры для его последующего исследования, приводит к постановке новых и не менее сложных задач. Они также носят двуединый характер. С одной стороны, если субъективное время воспроизводит в своей организации более общую и онтологически представленную организацию некоторой субстанциональной основы, то проблема его уровневой экспликации переносится в плоскость анализа самой этой основы. Она формулируется как проблема структурно-уровневой экспликации именно

ее – выявления и характеристики основных уровней ее собственной организации. Однако, если учесть при этом что в ее качестве как раз и выступает психика в целом, то возникает очень сложная задача поиска и реализации способов ее структурно-уровневой экспликации. С другой стороны, решение этой задачи, равно как и всех иных аналогичных задач, связанных с уровневой экспликацией систем, требует предварительного решения еще одной важной задачи – выбора и обоснования *критерия* уровневой дифференциации, носящего не только методологически корректный характер, но и адекватного природе самой дифференцируемой системы. Более того, именно она и является первичной, исходной, поскольку без определения такого критерия невозможно реализовать сам поиск уровней и выявление их организации. Следовательно, прежде чем непосредственно перейти к верификации сформулированного предположения, необходимо попытаться предложить решение именно этой проблемы.

Констатация всех этих положений, разумеется, еще более усложняет и без того очень сложную проблему субъективного времени. Однако, не учитывая их, по всей вероятности, трудно рассчитывать на дальнейшее ощутимое продвижение в плане ее разработки. Характерно и показательно также и то, что одна из главных возникающих при этом сложностей сопряжена с аналогичной – также одной из главных и определяющих теоретических проблем общепсихологического плана; поясним сказанное. Если, как следует из сформулированных выше положений, субъективное время воплощает в себе структурно-уровневый принцип и, более того, является атрибутивно вторичным и производным от всех основных уровней структурной организации психики в целом, то возникает необходимость обращения к фундаментальной и очень сложной проблеме структурной организации самой психики, точнее – ее структурно-уровневой организации. Понятно, что в целом – в ее полном объеме и масштабе она выходит далеко за пределы данной работы; однако и обойти ее стороной также нельзя, поскольку без этого невозможна экспликация уровневой организации самого субъективного времени. В связи с этим, прежде чем непосредственно продолжить рассмотрение структурного аспекта анализа субъективного времени в целом и одного из его уровней – метасистемного, в частности, необходимо специально остановиться на этом весьма общем вопросе. Он состо-

ит в том, каким образом структурно-уровневый принцип реализован в организации психики в целом и как она может проявляться в уровневой организации субъективного времени.

Несмотря на всю его сложность и на недопустимость абсолютизации какого-либо одного универсального и унитарного – так называемого «единственно возможного» способа его рращения, по нашему мнению, могут быть высказаны некоторые соображения, содействующие этому. Другими словами, возможен вариант обобщенной экспликации структурно-уровневой организации психики как основы для структурирования субъективного времени. Причем, существенно и то, что он непосредственно связан с сутью сформулированного и развитого выше по отношению к нему метасистемного подхода. Тем самым, являясь достаточно обобщенными, он выступает и как специфицированный по отношению к рассматриваемой здесь проблеме – к структурной организации субъективного времени.

Действительно, как отмечалось выше, в данном подходе сформулированы представления об универсальном *критерии-дискриминаторе* уровневой дифференциации систем, имеющем общий и инвариантный характер по отношению к системной форме организации как таковой; он достаточно подробно рассмотрен в параграфе 2.2.2. По нашему мнению, именно данный критерий должен быть реализован при структурно-уровневой экспликации организации психики в целом и, соответственно, аналогичной организации субъективного времени, в частности. Его реализация приводит к необходимости дифференциации пяти базовых уровней структурной организации. Они обозначаются понятиями, которые воспроизводят в себе термины, служащие для фиксации основных значений самого критерия-дискриминатора – терминами метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного уровня. Подчеркнем также, что общая и достаточно развернутая характеристика их специфики и содержания представлена в целом ряде наших работ, что освобождает от необходимости ее дублирования⁵⁴. Вместе с тем, все же необходимо отметить их главные

⁵⁴ Напомним, что суть этих представлений состоит в следующем. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы,

особенности и характеристики, обуславливающие как их качественную определенность, так и специфичность по отношению друг к другу. Кроме того, представляется целесообразным сделать это не только в общем, но и в более конкретном плане – в аспекте того, каким образом данный критерий реализован в структурно-уровневой организации той «составляющей» психики, которая является для нее основной и потому – наиболее репрезентативной для экспликации содержания данного

в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [311]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия систем с метасистемами, в которые она онтологически включена.

критерия. Это, разумеется, система основных *психических процессов* в целом и когнитивных процессов, в особенности. Подчеркнем также, что обращение именно к ним обусловлено целями не только иллюстративного характера, но имеет и более глубокий – содержательный смысл. Фиксируя его и несколько предвосхищая дальнейшее изложение, обратим внимание на следующее очень показательное в контексте рассматриваемой проблемы обстоятельство. Как известно, в психологии субъективного времени давно сложились и стали наиболее традиционными такие понятия, которые демонстрируют его явную связь именно с процессуальным содержанием психики – ведущую роль именно психических процессов в целом и когнитивных, в особенности в плане его обеспечения. Причем, эти понятия соотносятся практически со всеми основными когнитивными процессами: ощущение времени, восприятие времени, представление о времени, память на время, оценка (прежде всего, разумеется, та, которая предполагает опору на мыслительные операции) времени, осознание времени и пр. Кроме того, существуют и понятия, фиксирующие участие в обеспечении данного феномена процессов других классов – эмоциональных, мотивационных, волевых. В частности, это известные феномены эмоциональных aberrаций оценки времени, а также его подверженности влиянию факторов мотивационного плана. Тем самым возникает обоснованное предположение о том, что именно психические процессы – прежде всего, когнитивные выступают важными и, более того, основными операционными средствами обеспечения субъективного времени в целом. В дальнейшем мы возвратимся к рассмотрению данного предположения, а пока остановимся на том, как оно может содействовать решению вопроса об уровне дифференциации субъективного времени.

Учитывая это, обратимся к тому, каким же образом может быть предложено решение проблемы уровневой дифференциации по отношению к структурной организации психики в целом и системы психических процессов, в частности. Наиболее очевидной является дифференциация двух, пожалуй, наиболее традиционных уровней организации системы психических процессов – *общесистемного* и *компонентного*. Собственно говоря, именно эта очевидность обуславливает традиционность и распространенность так называемой системно-компонентной парадигмы дифференциации их состава, а ее суть как раз и состоит в том, что та или иная система подвергается диф-

ференциации на два основных уровня – компонентный и системный. Такая дифференциация, хотя и является допустимой, но все же выступает как относительно наиболее простая и далеко не всегда достаточна для экспликации реальной сложности и многомерности систем – в особенности, психологических. Действительно, именно отдельные психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, являются теми базовыми «единицами», которые удовлетворяют всем основным атрибутам компонентов как таковых – выступают носителями их качественной определенности; поясним сказанное.

Так, в работе [256] нами было сформулировано несколько ключевых признаков, которым должно удовлетворить понятие компонента, что задает необходимые методологические ориентиры для его использования в психологических исследованиях в целом. Во-первых, *компонент* – это не только исходная «единица» целого, его, так сказать, «строительный материал», то есть то, что подлежит организации и интеграции в системе, но и то, что само является продуктом организации и интеграции – *комплексным*, сложноорганизованным образованием. Во-вторых, компоненты – это не качественно гомогенные образования, а образования, принципиально гетерогенные, обеспечивающие тем самым внутреннее разнообразие систем как необходимое условие их реальной сложности и внутренней дифференцированности. В-третьих, множество компонентов любой системы является не только принципиально «счетным» – конечным, предельным, но и в большинстве случаев – достаточно ограниченным. За счет такой *компактности* множества *компонентов* обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри самих систем⁵⁵. В-четвертых, компонент – это принципиально динамическое образование, могущее менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых находится сама система. Одни и те же компоненты могут быть при этом представлены принципиально вариативно – с разной степенью развернутости и сложности. В-пятых, компоненты могут

⁵⁵ Обратим внимание, что и в этом отношении проявляется еще одна грань той очень богатой этимологии понятия компонента, о которой мы уже говорили выше. *Компактность* и *компонент* – это однокоренные слова, а одна из этимологических трактовок понятия компонента прямо указывает на то, что он, в совокупности с другими компонентами, является необходимым средством ее компактности, целостности.

и не быть паритетными по своему статусу в рамках системы, а локализоваться на разных уровнях ее организации. Более того, учитывая предыдущую особенность, один и тот же компонент может быть локализован на разных уровнях организации системы, в зависимости от степени его развернутости, то есть – от режима его функционирования. В-шестых, в качестве компонентов системы могут выступать лишь такие образования, которые – на фоне их существенных содержательных различий – все же обладают и чертами принципиальной общности, которая, однако, часто обнаруживается на более глубоком уровне их анализа. Иными словами, компоненты обязательно должны быть сопоставимыми, сравнимыми, подобными в некоторых их наиболее существенных чертах. В-седьмых, между компонентами могут устанавливаться не только, так сказать, внешние связи, но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их неаддитивности. В-восьмых, не всегда компоненты являются более простыми образованиями, нежели та целостность, в которую они входят. В ряде случаев компоненты могут быть либо вполне сопоставимыми, однопорядковыми по сложности с самой системой, либо даже превосходить ее. Все эти особенности необходимо учитывать в решении вопроса о том, что именно должно рассматриваться в качестве базовых компонентов процессуально-психологического содержания психики.

Итак, в наиболее строгом и непосредственном смысле под компонентом следует понимать такую относительно простейшую «составляющую» системы, которая еще обладает всеми основными характеристиками самой системы, несет в себе все основные атрибуты ее качественной определенности. Отсюда следует, в частности, что компоненты (по определению) уже сами по себе являются достаточно сложными, именно комплексными образованиями. Они, в свою очередь, также состоят из определенных образований, но уже иного уровня, иного порядка сложности. Последними как раз и являются отдельные элементы. Они, в отличие от компонентов, уже утрачивают атрибуты качественной определенности той системы, в которую они включены. Классический и наиболее демонстративный пример этого – отношения между действиями (как компонентами системы деятельности) и операциями (как ее элементами). Действие – это именно компонент системы деятельности, поскольку оно «несет в себе» основ-

ные атрибуты целого – самой деятельности, мультиплицирует в себе ее основные психологические свойства (целенаправленность, произвольность, осознаваемость, активность, предметность и др.). Однако, при углублении анализа деятельности лишь только на один шаг – при дальнейшей декомпозиции действий и определении их состава оказывается, что этот состав представлен уже такими образованиями, которые утрачивают качественную определенность анализируемой системы (деятельности) – операциями. И именно поэтому операции, в отличие от действий, являются не компонентами, а именно элементами системы деятельности. Вместе с тем, истинная сложность соотношений компонентов и элементов состоит в том, что вторые объективно необходимы для конституирования первых; однако «сами по себе» (то есть как некоторая агрегативная сумма) еще недостаточны для этого. Они обязательно должны быть подвергнуты определенной, дополнительной организации и лишь при этом условии – синтезируясь друг с другом, приводят к формированию компонентов.

В свете всего вышеизложенного становится вполне очевидным, что базовыми компонентами общего процессуально-психологического содержания психики выступают все основные психические процессы, дифференцированные, в свою очередь, на их классы – когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые. Каждый из них является носителем качественной определенности психического в целом, во-площая в себе, практически, все его основные атрибуты.

Столь же очевидно вполне естественное и непосредственное соответствие другого – общесистемного значения критерия-дискриминатора с еще одним также фундаментальным психическим образованием – *сознанием*. Его сущность как раз и состоит в том, что оно выступает продуктом и результатом полной интеграции всей системы психических процессов (и не только процессов), всего содержания психического в целом и его данности субъекту. Действительно, как это и предписывается данным значением, он означает полную интеграцию и организацию всех процессуальных, операционных средств, представленных на всех соподчиненных ему уровнях организации. Однако, именно такая – общесистемная организация и достигается в наиболее обобщенном и синтетическом процессе, каковым выступает рефлексия, являющаяся основным процессуальным средством его обеспечения. Тем самым рефлексия раскрывается в статусе сво-

его рода наиболее интегративного процесса, не только обеспечивающего синтез всех иных процессуальных и операционных средств, но и состоящая в таком синтезе.

Вместе с тем, очень важно и то, что, будучи понята именно в таком своем виде – не только как интегративное образование, но и как образование, внутренне дифференцированное на ее основные процессуальные и операционные средства, сама рефлексия раскрывается как структурно-полипроцессуальное образование. Она предстает не как внутренне гомогенный и нерасчлененный процесс, а как внутренне гетерогенная система процессов, образующих, соответственно, общесистемный уровень процессуального обеспечения сознания. Достигая этого – предельно интегрированного уровня организации как именно общесистемного, вся совокупность первичных и вторичных процессов, обретает новое качество – они трансформируются из своего исходного – собственно процессуального модуса в иные модусы – в модус рефлексивности как свойства и рефлексии (точнее – рефлексирования) как психического состояния. Рефлексивность как процесс создает тем самым необходимые и достаточные предпосылки для ее развертывания и бытия уже в постпроцессуальных формах – как свойства и как состояния. Процессы рефлексии, взятые в их полноте (на общесистемном уровне) и в своем результативном проявлении предстают одновременно и как свойства и как состояния. Феноменологически и субъективно это непосредственно репрезентируется в том, что рефлексивные процессы, взятые в полноте их бытия, как раз и порождают свойство осознаваемости и состояние сознания.

В силу этого, сам общесистемный уровень процессуальной организации психических процессов предстает как принципиально двойственный. С одной стороны, он сохраняет свой именно общесистемный статус, поскольку на нем имеет место полная интеграция первичных и вторичных процессов. Однако, с другой стороны, внутри него содержатся все предпосылки для его же собственного преодоления, то есть для выхода на иной – *метасистемный* уровень организации, поскольку в нем оказываются представленными такие важнейшие «составляющие» психики в целом как психически свойства и психические состояния. Данное обстоятельство следует зафиксировать специально, поскольку оно может содействовать решению еще одного вопроса, который подробнее будет рассмотрен ниже – вопроса о сущности дру-

ного уровня организации – уже не общесистемного, а метасистемного, равно как и о тех отношениях, которые существуют между этими уровнями. Действительно, в этом плане важно подчеркнуть, что процессам рефлексии присущи такие атрибутивные характеристики, которые выходят за рамки общесистемного уровня, а потому и – даже в еще большей степени воплощают в себе особенности, присущие иному, то есть метасистемному уровню организации. Важнейшими из них, являются следующие атрибутивные характеристики рефлексии:

– Возможность своеобразного оппозиционирования по отношению к системе (психике) в целом: поскольку метасистемный уровень, формируясь на основе системного уровня, тем не менее, дифференцируется от него, он оказывается в состоянии оказывать на него управляющие и регулирующие воздействия.

– Сензитивность – «чувствительность» рефлексивной организации психических процессов к содержанию и частично и к структурным и операционным характеристикам процессов иных уровней (а также иных психических образований).

– Наличие характерной для систем со «встроенным» метасистемным уровнем инверсии традиционных отношений частей и целого: в них метасистемный уровень (являющийся, строго говоря, частью всей системы) по своей значимости и роли в ее организации может превосходить всю ее как целое.

– В результате синтезирования этих – атрибутивных характеристик рефлексии и метасистемности как принципа организации оказывается возможным то уникальное и столь «загадочное» свойство психики как рефлексивность. Его уникальность как раз и состоит в том, что система, не нарушая рамок своей онтологической целостности, а потому – ограниченности, не выходя за свои собственные пределы, все же определенным образом выходит за них; оставаясь самой собой, она одновременно «возвышается» над собой, оппозиционируется по отношению к себе.

Будучи максимально интегративной по своим механизмам и процессуальным средствам (а значит – соотносясь с системным значением критерия-дискриминатора), рефлексия по своему материалу, предмету и содержанию есть не что иное, как отражение этой системы, оперирование с ней, то есть – по определению – выход за ее пределы. Складывается ситуация, при которой рефлексия как

процесс образует собой, с одной стороны, системный уровень в общей структуре психических процессов (по механизмам, процедурам, операционным средствам) – то есть именно по процессу. Но, с другой стороны, по своим результатам она же всегда и притом – совершенно объективно означает и выход за этот уровень, то есть переход на иной – метасистемный уровень организации. Повторяем, в этом заключается не просто какая-либо рядовая особенность рефлексии как процесса, а ее главная характеристика и даже – сам ее механизм, эксклюзивность ее роли в организации психики.

Двойственность, точнее – двойная принадлежность рефлексии и к системному, и к метасистемному уровням сознания – это основной механизм порождающих, генеративных свойств психического, способ «выхода за наличное». Сознание тем и уникально, что в нем (как в системе) заложен такой механизм, который позволяет ему преодолевать собственную системную ограниченность; постоянно выходить за свои собственные пределы, делая самоё себя (равно как и данную в ней психику в целом) предметом своего же функционирования. Иначе говоря, в самой организации сознания предусмотрен и реализован высший из известных уровней – метасистемный. Рефлексия как процесс – это и есть процессуальный аспект функционирования метасистемного уровня, точнее – его координирующих и регулирующих взаимодействий со всеми иными уровнями организации психических процессов (первичными, вторичными и третичными).

Таким образом, сама сущность рефлексии, эксплицируя ее принадлежность к общесистемному уровню организации психических процессов, одновременно естественным образом подводит и к необходимости дифференциации еще одного уровня их организации – метасистемного. К его рассмотрению, повторяем, мы возвратимся ниже, поскольку для этого предварительно необходимо остановится еще на одном весьма значимом в контексте анализируемой проблемы положении, сущность которого состоит в следующем

Дело в том, что только двумя уже охарактеризованными уровнями процессуально-психологическое содержание отнюдь не исчерпывается и к ним не сводится. Во-первых, уровень организации психических процессов в целом (системный уровень) и уровень его отдельных компонентов могут и должны быть поняты не только как два основных структурных уровня, но и как своего рода полюса сложности его

организации. Первый – это относительно наиболее сложный уровень, на котором представлена, по существу, вся интегрированная система обеспечивающих его процессов. Второй – это относительно наиболее простой (подчеркнем – лишь относительно), поскольку на нем – по определению – представлен какой-либо один из процессов. Очевидно, что диапазон изменения сложности организации, локализованный между этими полюсами, очень велик и он, по-видимому, должен быть чем-то заполнен. Другими словами, есть веские основания полагать, что между этими двумя уровнями могут существовать и иные – также качественно специфические уровни организации, опосредствующие связь между ними. В этом плане проявляется фундаментальная гносеологическая закономерность, суть которой, как известно, заключается в следующем. Познанию «раньше и легче» всего открываются именно полюса некоторого континуума – относительно наиболее простой и относительно наиболее сложный (Л. М. Веккер [110]). По отношению к структурной организации психических процессов первый представлен в виде аналитически выделенных первичных когнитивных процессов, а второй – в виде рефлексии как максимально интегративного процесса и его результирующего эффекта – сознания. Не приходится доказывать, однако, что именно эти уровни и даны субъективно в наиболее явном виде, а также изучены наиболее полно. Однако, то, что локализуется внутри данного континуума, обычно распознается «труднее и позже»; это и имеет место по отношению к проблеме уровня дифференциации процессуально-психологического содержания.

Во-вторых, с предыдущим обстоятельством непосредственно связано и то, все основные когнитивные процессы, строго говоря, являются продуктами аналитической экстирпации исходного целого – их системы, то есть гносеологическими конструктами. В реальности (онтологически) все они существуют «в связанном виде» и образуют определенные процессуальные паттерны. Последние несводимы к отдельным когнитивным процессам и к их рядоположенной сумме; они, однако, «не возвышаются» и до уровня сознания в целом, а локализируются между ним и уровнем отдельных процессов.

В-третьих, все эти процессуальные паттерны являются ситуационно-специфическими, то есть всякий раз предстают как продукты целебусловленного синтеза, релевантного содержанию тех ситуаций и, соответственно, – задач, которые решаются субъектом в каждый кон-

кретный момент времени. Подавляющее большинство таких ситуаций и задач таково, что они обычно не требуют подключения всей «мощности», всего потенциала, заложенного в полной интеграции когнитивных процессов. Однако, они и не столь просты, чтобы допускать их преодоление за счет опоры на какой-либо один процесс. Следовательно, можно заключить, что в подавляющем большинстве реальных жизненных ситуаций их преодоление осуществляется не на уровне полной интеграции всей структуры сознания «как системы», но и не на уровне отдельных когнитивных процессов, а на некоторых переходных, промежуточных уровнях интеграции психических процессов.

В-четвертых, еще одним аргументом, который, с одной стороны, подтверждает уже сформулированные выше положения, а с другой, — имеет и вполне самостоятельное значение, выступают те данные, которыми располагает современный метакогнитивизм. Как известно, в нем установлен и охарактеризован особый класс психических процессов, обозначаемых понятием вторичных процессов, которые являются эффектом комплексирования первичных процессов и уже поэтому являются более сложными, синтетическими, нежели сами первичные процессы (и, следовательно, не могут быть локализованы на компонентном уровне). Наиболее изученными среди них являются процессы метапамяти и метамышления. В них когнитивные процессы «оборачиваются» сами на себя, осуществляется выход за пределы первичных психических процессов (отсюда — и префикс «мета»). Когнитивная трансформируется в метакогницию, в основе чего и лежит взаимодействие когнитивных процессов. В результате этого взаимодействия на базе первичных когнитивных процессов формируются метакогнитивные, то есть вторичные процессы, являющиеся — просто по определению более комплексными процессуальными образованиями, нежели отдельные первичные когнитивные процессы.

В-пятых, с этой особенностью процессуальной организации когнитивных процессов связана и еще одна закономерность, которую также необходимо учитывать при определении ориентиров дальнейшего анализа структурной организации субъективного времени. Как показывают данные, содержащиеся в современных исследованиях проблемы психических процессов, установленная впервые в метакогнитивизме возможность формирования на базе первичных процессов вторичных (то есть собственно метакогнитивных) процессов является, по-видимому,

не единичным случаем, а именно общей закономерностью, поскольку она распространяется и на процессы иных классов. В результате ее действия складываются более комплексные и сложные процессуальные образования, обозначаемые понятиями метаэмоциональных, метамотивационных, метарегулятивных процессов [251, 266]. Они представляют собой качественно специфический класс процессов – процессов, так сказать, «второго порядка», вторичных психических процессов, поскольку их атрибутивной характеристикой и родовым признаком является единая и общая закономерность, состоящая в следующем. По отношению к первичным процессам могут быть реализованы те операционные средства, которые присущи самим этим процессам, то есть, фактически, оказывается возможной самоорганизация указанных процессов за счет их собственных средств, что и дает «выход» на новый уровень, приводит к формированию новых качественных характеристик.

В-шестых, в качестве еще одной – значительно более общей и именно поэтому очень важной причины следует, на наш взгляд, рассматривать и подробно охарактеризованную в параграфе 2.2.2 закономерность системного плана, суть которой состоит в следующем. Система в целом состоит не из своих компонентов непосредственно, а из их определенных функциональных синтезов – подсистем (субсистем). Основные компоненты системы подвергаются, как минимум, двухступенчатому синтезу, двойной интеграции. С одной стороны, они синтезируются под влиянием той или иной целевой функции системы и реализуют ее через складывающиеся при этом функциональные синтезы, целостные паттерны (так называемые «функциональные органы» системы) – ее субсистемы. С другой стороны, эти относительно локальные субсистемы также интегрируются в рамках системы в целом, что и конституирует общесистемный уровень ее организации. Примеры действия такого рода «закона систем» широко известны и, по существу, повсеместны и поэтому здесь нет необходимости подробно на них останавливаться⁵⁶. Отметим лишь, что он имеет очень общий характер и выполняется, по существу, для всех видов, типов и классов систем.

⁵⁶ Так, например, любая организация состоит не из ее членов – сотрудников непосредственно, а из определенных подразделений, структур, служб, отделов и т. п., которые, интегрируя их в себе, в свою очередь, сами выступают основой для их объединения в организацию в целом.

Наконец, в-седьмых, не только возможность, но и необходимость существования данного уровня непосредственно следует и из содержания общесистемного критерия-дискриминатора, рассмотренного в главе 2. Напомним, что одним из макроуровней организации систем, согласно данному критерию, как раз и выступает *субсистемный* уровень, на котором локализованы не отдельные компоненты, но который и «не возвышается» до общесистемного уровня организации какой-либо целостности. Это – уровень, образованный целостными паттернами, синтетическими комплексами, складывающимися, как правило, для реализации той или иной функции системы. Такие синтезы (субсистемы, подсистемы) несводимы в плане своего содержания к компонентам и их аддитивной совокупности, поскольку выступают именно системными образованиями. Они, однако, не исчерпывают собой содержания всего целого, поскольку эти подсистемы также подвергаются в его рамках закономерной интеграции, которая и дает новые – собственно системные качества всего целого.

Можно видеть, что между компонентным и общесистемным уровнем структурной организации психических процессов локализуется особый и качественно специфический уровень, образованный всей совокупностью вторичных психических процессов. Все они (по определению) несводимы к компонентному уровню, но и «не возвышаются» (также – по определению) до общесистемного уровня. Кроме того, подчеркнем, что данное предположение позволяет не только непротиворечиво синтезировать основные, существующие в настоящее время методолого-теоретические и эмпирико-экспериментальные данные в области психических процессов, но и вскрывает объяснительный и прогностический потенциал предложенного варианта решения проблемы структурных компонентов.

В связи с этим, очень естественным является соответствие еще одного основного значения критерия-дискриминатора – субсистемного с другим основным уровнем структурной организации психических процессов – с уровнем, на котором локализовано упорядоченное и скоординированное множество вторичных процессов – метакогнитивных, метарегулятивных, интегральных и иных. Их атрибутивная природа в том и состоит, что все они выступают как продукты и результаты синтеза первичных процессов. Сами же метапроцессы с максимальной отчетливостью обнаруживают свой базовый

статус – они раскрываются как основные операционные средства рефлексии, как ее парциальные процессуальные «составляющие».

Итак, все рассмотренные выше аргументы методолого-теоретического и эмпирико- экспериментального характера, а также ряд основополагающих результатов, которыми располагает в настоящее время психология когнитивных процессов, позволяют обоснованно заключить о наличии особого, качественно специфического уровня организации сознания, локализованного между собственно компонентным и общесистемным уровнями его организации. Данный уровень вообще очень характерен для организации любых систем, а по отношению к ряду из них уже был достаточно подробно изучен (в частности, по отношению к структурно-уровневой организации системы деятельности [251]). Однако он представлен, как можно видеть из проведенного рассмотрения, и в структурной организации психических процессов.

Кроме того, констатация факта существования данного уровня, а также раскрытие его содержания позволяет с еще большей обоснованностью возвратиться и к уже частично рассмотренному вопросу о сущности еще одного уровня организации процессуально-психологического содержания психики – метасистемного. Дело в том, что его содержание не сводится только к тем аспектам, которые были охарактеризованы выше. Все они непосредственно связаны только с одним из двух главных планов характеристики любых психических явлений – процессуальным. Однако, наряду с ним, существует и второй основной план – результативный, на котором эксплицируются итоговые эффекты и феномены процессуального развертывания. Особо значим этот план именно для когнитивных процессов как их основного класса во всей системе психических процессов. Действительно, учет данного обстоятельства, фактически, тождественен реализации одного из важных методологических принципов психологического исследования – принципа единства процессуального и результативного исследования. Он предписывает необходимость раскрытия как содержательной – процессуальной стороны психических явлений в целом и когнитивных процессов, в частности, так и их результативных проявлений. Наиболее важно и показательно при этом, что по отношению именно к когнитивным процессам эти итоговые проявления не только очень важны (или даже предельно важны), но и максимально специфичны, фактически – уникальны. Дело в том,

что в их качестве выступают *знания* как таковые (хотя, конечно, не только они, но и иные формы субъективных репрезентаций, что, впрочем, не отменяет ведущую и определяющую роль именно категории знаний во всем индивидуальном опыте). Будучи интегрированными в целостность и достигнув за счет этой степени интегрированности уровня сознания – став осознанными, эти результативные проявления процессов, собственно говоря, и обретают статус знаний.

Тем самым с этих позиций оказывается возможным приблизиться к решению достаточно острой и сложной, но в то же время важной, «вечной» проблемы – проблемы соотношения категорий знания и сознания, а в более общем плане – к вопросу о соотношении содержательных и структурных характеристик психики. Согласно развитым выше представлениям, именно содержательные характеристики (знания в широком смысле) являются результативными, итоговыми эффектами функционирования метасистемного уровня структурной организации психических процессов в целом и когнитивных процессов в частности. Они образуют поэтому не только и не просто «один из» их уровней, а их высший, то есть собственно метасистемный уровень. Однако, тем самым информационные характеристики, знания в целом кардинально меняют свой статус – они трансформируются из собственно содержательных характеристик в *структурный* уровень организации сознания, обретают статус *уровня* в общей организации сознания. Вся совокупность знаний (повторяем, – в широком смысле, то есть все информационное содержание психики) сама начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям. Отсюда, однако, следует, что знания оказываются в состоянии управлять структурой, а информационное содержание получает статус детерминанты функциональной организации. В свете сказанного наполняется конкретным содержанием и становится более понятным известный тезис об органичной, атрибутивной связи знаний и сознания; их взаимопологаемость, но, в то же время, и нетождественность. Знания, действительно, являются неотторжимой «составляющей» сознания, но нетождественны ему в целом, поскольку локализуются на одном (хотя и высшем) уровне его общей организации – метасистемном. Одновременно и сама категория знаний раскрывается как ключевое и критически важное звено для развертывания механизмов мультиплицирования, «встраивания» метасистемы (объективной реальности) в систему (психику).

Можно видеть, что с позиций развитых представлений открываются дополнительные возможности и для формулировки положений, содействующих раскрытию этого важнейшего, а одновременно и сложнейшего явления – знаний. Как известно, он вообще является одним из наиболее трудных для исследования, а нередко – и загадочным, ускользающим от понимания, а сами знания наиболее трудным для познания [23, 95, 178, 227, 327, 405, 417, 425, 435, 440]. Вопрос о том, «что значит знать?» выступает, фактически, основным и центральным в гносеологии в целом⁵⁷. Одна из граней беспрецедентной сложности феномена знаний обусловлена его принципиальной двойственностью, точнее – двуединством его природы и сущности. С одной стороны, он с несомненностью является одним из атрибутов и одной из важнейших «составляющих» индивидуальной психики, характеризуя ее именно содержательную сторону – ее, так сказать, наполненность. В этом плане он имеет, разумеется, интрапсихическую локализацию. Однако, с другой стороны, столь же несомненен и иной – противоположный статус данного феномена, поскольку знания носят и надындивидуальный, своего рода внешний по отношению к каждому отдельно взятому индивиду характер. В этом плане они выступают как экстрапсихические, метаиндивидуальные образования, то есть как подчеркнуто социальный феномен. Следовательно, их общая характеристика должна не только учитывать, но и объяснять такое двуединство, эксплицируя его одновременно в обоих указанных модусах. Кроме того, выступая в своем интрапсихическом модусе – как «составляющая» индивидуальной психики, знания не только могут, но и должны быть проинтерпретированы как объективно представленный компонент ее общего содержания и состава. Более того, это не рядовая «составляющая» данного содержания, а его определяющая и доминирующая часть – причем, преобладающая настолько, что она вообще во многом и образует содержание психики в целом.

Итак, с позиций метасистемного подхода раскрываются дополнительные грани феномена знаний в целом. В своем интрапсихическом модусе он эксплицируется как продукт и результат, то есть как итоговый эффект «встраивания» внешней, объективной реальности

⁵⁷ Перефразируя известное выражение, можно сказать «что значит «знать» – вот в чем вопрос».

в реальность субъективную, образуя тем самым ее как таковую – в аспекте ее содержательных характеристик. Другими словами, основной и определяющий атрибут всех систем со «встроенным» метасистемным уровнем как раз и состоит в том, что они обладают важнейшей особенностью, точнее – способностью к продуцированию внутри себя содержательных моделей, удвоенных форм существования тех метасистем, в которые они объективно включены. Ими как раз и выступают те содержательные репрезентации, которые складываются внутри них. При этом особо следует подчеркнуть, что между двумя «средами» – внешней и внутренней, то есть, фактически, между метасистемой и самой системой складываются сложнейшие отношения; их раскрытие как раз и составляют одно из основных направлений реализации всего метасистемного подхода. И именно они, в силу этого, могут быть привлечены для объяснения того соотношения двух модусов феномена знаний (индивидуального и надиндивидуального), которое составляет его суть. Их взаимосвязь и диалектическое единство в целом выступает с этих позиций как соотношение их системного и метасистемного модусов. С этих же позиций первый представлен в интрапсихической плоскости, а второй – в экстрапсихической плоскости (в метаиндивидуальном плане).

Важно подчеркнуть и то, что с позиций данного подхода знания не только локализируются в пределах общей структурно-уровневой организации психических процессов, но и составляют основное содержание высшего уровня их иерархии – метасистемного. Тем самым они не только органично включаются в саму их структурно-уровневую и функциональную организацию, но (и это главное) обретают благодаря такому включению статус структурного *уровня*, выступают в качестве собственно операционных средств самого сознания. В этом качестве они обретают и возможности управлять структурой, выступать именно в качестве операционных средств самого сознания в целом. Другими словами, развитый подход в целом, а также обоснование локализации знаний на высшем – метасистемном уровне и обретение ими поэтому статуса структурного уровня, в особенности, выявляет следующую важную, на наш взгляд, закономерность. Знания (как бы их ни трактовать и в каком бы плане их ни рассматривать) выступают в общей функциональной организации процессуального содержания психики в целом не только в своем исходном модусе – в качестве

содержания, информации, то есть в качестве *операндов*. Они, получая уровневый статус, обретают тем самым и собственно операциональные возможности, то есть выступают и в качестве активных *операторов*. Тем самым по отношению к ним следует констатировать феномен, точнее – механизм, который можно обозначить как механизм *операндно-операторной обратимости знаний*. Он заключается в том, что знания могут выступать (и попеременно, и одновременно) и в качестве операндов, и в качестве операторов. Именно этот механизм и лежит в основе всей функциональной организации сознания как высшего по степени сложности феномена психического.

Необходимо подчеркнуть также, что все рассмотренные выше закономерности атрибутивно присущи именно тем системам, которые образуют их качественно специфический класс, обозначенный нами как системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Дело в том, что все системы данного класса обладают принципиальной двойственностью, точнее – двуединым характером их состава, содержания, а частично и механизмов. С одной стороны, они, разумеется, образованы теми сущностями, которые специфичны самим этим системам, образуют их качественную определенность, их «самость». Однако, с другой стороны, поскольку в их содержание функционально включается – «встраивается» и более общая по отношению к ним целостность (метасистема), то в них оказываются представленными (хотя, конечно, в специфической форме) и ее собственные «составляющие». Они, хотя, подчеркиваем, и в определенной форме и в определенном аспекте (именно функциональном) выступают тем самым и в качестве собственных «составляющих» самой системы, образуя один из двух основных планов ее общего содержания. Общая же структурно-функциональная организация систем со «встроенным» метасистемным уровнем в значительной мере как раз и определяется двуединством их содержания и состава, процессов и механизмов, а также их взаимобратимым переводом как основой всего их функционирования.

Наконец, очень показательным (и опять-таки, одновременно доказательно), что еще одно – завершающее значения критерия-дискриминатора (элементное) также вполне естественным образом соответствует еще одному уровню организации психических процессов и, более того, лежит в основе его дифференциации. Это – уровень, на котором локализованы основные *психические функции*; поясним

сказанное. Выше уже отмечалось, что необходимость реализации понятий элемента и компонента с наибольшей остротой и наиболее рано была осознана именно в психологических исследованиях. В связи с этим, исходным и обязательным шагом анализа еще одного уровня – элементного должна быть, на наш взгляд, фиксация тех – именно качественных различий, которые существуют между понятиями элемента и компонента, а соответственно, – и между теми реальностями, которые ими обозначаются. Общий смысл этих различий – принцип соотношения элементов и компонентов также рассматривался выше и заключается в следующем. Под компонентом следует понимать такую «единицу» системы, такую ее относительно простейшую «составляющую», которая еще несет в себе все основные особенности качественной определенности самой системы, воплощает тем самым в себе ее качественную определенность. Компонент – такая часть целого, которая воплощает в себе качественную определенность самого целого. Элементы же, напротив, являясь продуктами декомпозиции компонентов, представляют собой такую «единицу», на уровне которой основные – атрибутивные характеристики всей системы уже утрачиваются, подвергаются деструкции. Следовательно, элемент – это такая часть целого, которая уже не воплощает в себе качественную определенность самого целого.

Вместе с тем, несмотря на утрату элементами качественной определенности целого (системы), их истинная роль и значение для него огромны, поскольку они являются необходимым условием – своего рода строительным материалом и, следовательно, субстанциональной – онтологической базой для нее, для интеграции на их основе всех иных уровней системы. В этом, собственно, и заключается специфика элементов как таковых, критерий их дифференциации от компонентов, а также взаимополагаемость элементов и компонентов. Обратим внимание на то, что в свете сказанного становится очевидной неправомерность трактовки элементов в качестве своего рода неглавных, второстепенных частей, «составляющих» системы, которая, в свою очередь, является следствием относительно меньшей их сложности, меньшей специфичности качественных характеристикам системы. В действительности, ситуация является гораздо более сложной, поскольку, будучи, конечно, относительно простейшими образованиями, входящими в систему, элементы, в то же время, явля-

ются своего рода онтологической базой, на которой разворачивается все ее структурирование и организация. Именно элементы поэтому лежат в *основании* всей системы, образуют ее, так сказать, базис. В этом отношении – в смысле их именно базисного статуса они, как минимум, столь же важны и значимы для системы, как и все иные «единицы» и уровни. И именно в этом качестве когнитивные процессы характеризуются общей для всех процессуально-психологических образований структурно-функциональной организацией, общей архитектурой. Смысл и основной принцип последней заключается в том, что все когнитивные процессы, взятые в их целостной организации (то есть как сложноорганизованные «единицы» – компоненты), объективно включают в свой состав такие – более элементарные по отношению к ним образования, как психические *функции*. Более того, все когнитивные процессы базируются именно на них и даже выделяются по критерию соответствия с той или иной психической функцией [293, 475]. Именно последние – это тот онтологически представленный в психике «материал», на основе которого и посредством качественных трансформаций и усложнения которого формируются и развиваются основные когнитивные процессы.

Другими словами, они и должны быть поняты в качестве той элементной базы, на основе которой складываются более сложные процессуальные образования психики. Основные психические функции, взятые сами по себе – еще не обретшие за счет их качественных трансформаций статуса психических процессов – это, следовательно, необходимые, но недостаточные «единицы» системы психических процессов. Они еще не воплощают в себе их качественной определенности – их атрибутивных свойств и, в частности, идеальности, предметности, субъектности, осознаваемости и др., хотя и необходимы для этого. Подчеркнем также, что данное положение является одним базовых и общепринятым; оно выступает одним из фундаментальных положений, сформулированных при разработке проблемы психических процессов в целом и когнитивных процессов, в особенности. Поэтому оно должно быть реализовано и при разработке проблемы структурно-уровневой организации психических процессов. В частности, оно может в существенной степени содействовать и решению вопроса об определении специфики элементного уровня структурной организации субъективного времени; поясним сказанное.

По существу, вся история развития представлений о психических процессах постоянно демонстрировала их неразрывную связь с теми или иными психическими (и, соответственно, психофизиологическими) функциями. Тот или иной психический процесс явным образом соотносится с вполне определенной функцией и даже базируется на ней. И фило-, и онто- и даже социогенетически такая взаимосвязь прослеживается достаточно отчетливо. Данное – фундаментальное, на наш взгляд, обстоятельство многократно зафиксировано в ряде психологических концепций. Так, в частности, в концепции Б. Г. Ананьева функциональные механизмы психических процессов трактуются как база и онтологическая основа для их развития в целом [17]. М. С. Роговин отмечал в этой же связи, что «создававшаяся веками система знаний в области познавательных процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить тот или иной из них с некоторой функцией» [479]. Вместе с тем, функции сами по себе – это лишь своего рода потенция; виртуальность, чреватая реальностью психического, но не само психическое; предпосылка сознания, но не само сознание. Не обогащенные операционными механизмами и средствами, не прошедшие свое становление и превращение в процесс, функции еще не несут на себе специфику психического в целом и сознания, в частности; они не являются поэтому его подлинными «единицами» (то есть компонентами) в строгом смысле данного понятия. Однако, не являясь ими, а, выступая как их онтологическая основа (как то, из чего формируются и структурируются впоследствии эти компоненты), функции объективно необходимы для всей надстраивающейся над ними системы психических процессов в целом и сознания, в частности. Другими словами, они – в своей совокупности естественно и полно соотносятся с элементарным значением критерия-дискриминатора. И именно поэтому (как и предписывается данным значением) на нем, то есть на уровне функций, имеет место трансформация двух качественных определенностей – переход собственно психического в непсихическое, идеального – в материальное (и наоборот). Кроме того, и соотношение осознаваемого и неосознаваемого (психических процессов и функций) «на языке» теории систем – это отнюдь не соотношение системы и элемента и даже – не соотношение подсистемы и элемента, а соотношение компонента и элемента.

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому в качестве базовых элементов, лежащих в основе структурной организации системы психических процессов, должна быть проинтерпретирована совокупность основных психофизиологических функций. Они обладают всеми атрибутивными характеристиками (критериями, признаками) элементов как таковых. Во-первых, они объективно, онтологически необходимы для последующего структурирования на их основе более сложных и комплексных образований – собственно компонентов, но сами по себе еще недостаточны для этого. Во-вторых, они уже не несут в себе качественной определенности всей системы, в состав которой они, однако, не только входят, но и служат ее онтологической базой, основой для нее в целом. В-третьих, именно на этом уровне, проинтерпретированном как совокупность психических функций, имеет место охарактеризованный в главе 2, «эффект исчерпанности» качественной определенности системы.

Наконец, при дифференциации элементного уровня необходимо учитывать и максимально обобщенную дифференциацию психического – на сознательное и бессознательное. Она, собственно говоря, очень явно и представлена по отношению к организации психических процессов, поскольку их элементный уровень как раз и включает такие сущности – основные психофизиологические функции, которые реализуются практически полностью на уровне бессознательного. Вместе с тем, конечно, сфера бессознательного – точнее, уровень неосознаваемого содержания и организации психики, безусловно, гораздо богаче и сложнее, нежели только то ее содержание, которое соотносится с этими функциями. Поэтому и сам данный уровень – именно в целом, во всей его сложности и противоречивости также должен быть дифференцирован как особый и качественно специфический. На нем локализованы очень значимые механизмы и операционные средства ее функционирования, которые включают в свой состав, по-видимому, и те, которые обеспечивают феномен субъективного времени.

Итак, мы достаточно подробно остановились на характеристике основных структурных уровней организации систем, предписываемых общесистемным критерием-дискриминатором их дифференциации, используя для этого его воплощенность в организации психических процессов. Причем, напомним, что обращение к ним обусловлено не только иллюстративными целями (хотя они также важны), поскольку

ку именно категория психических процессов является определяющей для организации психики в целом и они, следовательно, выступают как наиболее репрезентативные в плане экспликации общего смысла данного критерия. Дело еще и в том, что именно они же являются и носителями очень важных и зачастую определяющих операционных и иных средств, обеспечивающих сам феномен субъективного времени. Поэтому произведенная выше экспликация критерия-дискриминатора по отношению к ним, выполнив здесь иллюстративные цели, в дальнейшем изложении будет использована и в объяснительных целях. Кроме того, необходимо учитывать, что данный критерий уже был неоднократно реализован нами по отношению к целому ряду достаточно значимых предметов психологического исследования. При этом он, с одной стороны, показал свою обоснованность и позволил дифференцировать их основные уровни, выявить их содержание и тем самым эксплицировал свой, действительно, общий характер. С другой стороны, наряду с этой общностью, он приводил каждый раз и к установлению таких аспектов и закономерностей уровневой организации, которые специфичны тому или иному предмету и не вполне характерны для рассмотренного выше случая – по отношению к организации системы психических процессов.

На основе вышеизложенного основная задача дальнейшего исследования феномена субъективного времени в целом и реализации структурного плана его изучения, в частности, может быть конкретизирована следующим образом. В его основу должна быть положена общетеоретическая гипотеза, согласно которой субъективное время, являясь атрибутом системно-организованного образования – психики, также должно воплощать в себе базовые особенности и закономерности, принципы и черты системной организации в целом и основного из них – *структурно-уровневого*. Это означает, что в его организации воплощен общесистемный инвариант базовых уровней организации, который может быть дифференцирован с позиций представленного выше критерия-дискриминатора. В свою очередь, это позволяет предположить, что оно структурировано посредством пяти основных уровней, предписываемых данным критерием – метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного, общая характеристика которых представлена выше.

3.2. Темпоральность как атрибут метасистемной организации

3.2.1. Метасистемность как детерминанта темпоральности

Переходя к рассмотрению этих задач, представляется целесообразным начать анализ именно с того уровня, который – согласно данному предположению локализован на вершине этой структурно-уровневой организации – метасистемного. Дело в том, что именно такая логика развертывания анализа обусловлена, как известно, одним из главных гносеологических императивов – приоритетностью раскрытия высшего и потому главного по отношению к низшему и потому соподчиненному. В свою очередь, это означает необходимость раскрытия и объяснения того, что именно в этой проблеме и, соответственно, в самом субъективном времени является главным и определяющим? Что является не тем, от чего оно *зависит*, на что оно *влияет* или даже в чем заключаются его особенности и закономерности и каково его *содержание* и организация? Все это, разумеется, не просто важно, а очень важно и, более того, составляет предмет всей психологии субъективного времени в традиционно принятом понимании. Однако, не менее, а не исключено, и более значимым является несколько иной вопрос – вопрос о том, каким образом и почему вообще *возникает* феномен субъективного времени? Как он становится возможным, обретает статус некоторой – пусть и очень специфической, но все же реальности? Как понять само время именно в целом – и объективное и субъективное в их взаимопологаемости и в их специфичности? Существует ли оно вообще как нечто объективное, или же выступает продуктом конструирования психикой, не являясь поэтому объективным, а выступая лишь идеальной сущностью? Как, наряду с несомненностью и непосредственной данностью настоящего – актуального, порождается еще и то, что не обладает этими атрибутами и не является объективно представленным – прошлое и, тем более, будущее? Как существует это несуществующее – объективно ли оно? Как возникает, а потом существует то, чего объективно не только нет, но и не может быть? Причем, это «не может быть» справедливо только в одном отношении – объективном. В другом же отношении – субъективном, напротив, мало что другое обладает столь несомненной реальностью, как именно про-

шлое, являющееся, в свою очередь, прямой производной от «идеи времени» и вне нее невысказанное. Ничто другое, кроме времени, не соединит в себе столь органично то, что, казалось бы, соединить невозможно – безусловное несуществование со столь же безусловным существованием. Все это, повторяем, важнейшие и даже своего рода «проклятые» вопросы психологии времени, впрочем, как и философии времени. Это, пользуясь выражением, Ф. М. Достоевского, их так называемые «последние вопросы», то есть вопросы последней – самой высокой степени сложности.

Наряду с этим, как известно, принципиально сходные вопросы сопряжены и с еще одним способом формулировки этой же проблемы. Как возникает – порождается то, что обычно обозначится понятием «оси времени», которая образована тремя фундаментальными категориями, воплощающими самую суть феномена субъективного времени – прошлым, настоящим и будущим? Как вообще возможно время, в том числе, и субъективное, если сама эта «ось» и ее составляющие парадоксальны по своей сути, что отмечалось многими мыслителями и исследователями, начиная с Августина⁵⁸. Причем, подчеркнем, что в наибольшей степени такое «несуществование времени» относится именно к прошлому и будущему, а настоящее, напротив, рассматривается как значительно менее подверженное такого рода сомнениям. Значимость феномена «оси времени» обусловлена тем, что именно она как раз и эксплицирует наиболее общий атрибут, который, собственно говоря, во многом и тождественен времени как таковому – течение, развертывание, «поток», а иначе говоря, то, что иногда обозначается понятиями «длительности», «дленин» (в более традиционной, но менее тонкой формулировке – длительности).

Вместе с тем, именно такая экспликация значимости понятия «оси времени» и ее компонентов, взятых в их темпоральном следовании, позволяет еще более конкретизировать – углубить и, так сказать, заострить суть данной проблемы. Действительно, сама эта «ось»

⁵⁸ Напомним, что ему приписывается формулировка известного положения о «несуществовании» времени – прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее исчезающее ничтожно, поскольку не является процессом, а точкой, границей и, следовательно, неуловимо и потому его также нет [5]. Показательны и некоторые определения самой «точки» – это то, что не имеет частей (Платон) и, следовательно, развернутого содержания.

как течение, поток, развертывание – как нечто длящееся и, более того, образующее само дление, может существовать только тогда, когда имеет место еще более имплицитный феномен. Его можно обозначить как «преодоление актуальности» – выход за актуальность, то есть за настоящее, которое дано объективно в каждый конкретный момент и составляет эту объективность. Само течение, движение – поток, то есть дление может возникнуть только тогда, когда некоторая «точка актуальности» перестает быть только точкой и трансформируется – пусть в простейший – но все же континуум. Иными словами, сама эта «ось» возможна только при условии, так сказать, «расщепления актуальности» (настоящего), как минимум на два локуса, между которыми и устанавливаются отношения следования, последовательности, сменяемости, а в результате – течения, длительности, то есть собственно темпоральные отношения. Напомним, что предпосылки для этого заключения отражены и в некоторых сформулированных при изучении времени понятиях – дискриминации и дифференциации (Г. Спенсер, П. Жане), в разведении «слышаемого» и «неслышаемого» (Ф. Брентано) а также в разделении «теперь-момента» и «не сейчас-момента». Э. Гуссерля. Необходимо отметить и еще более ранние и максимально общие представления Г. Гегеля, указывавшего, что суть времени состоит в «отрицании отрицания» [137]. Это означает, что время как течение возможно лишь при наличии и смене, как минимум, двух некоторых актов бытия реальности – и объективной и субъективной – двух отрицаний, образующих поток существования – в том числе и временной. В таком случае, однако, возникает наиболее непринципиальный и трудный вопрос – как это возможно, то есть как конкретно и посредством каких механизмов происходит такое расщепление? Как порождается то, чего объективно попросту нет, но субъективно представлено как, напротив, наиболее несомненная реальность – субъективное ощущение времени, нахождения в нем и ощущение его, которое как раз и образует ось «прошлого – настоящего – будущего», а также саму идею времени? Как возникают те две необходимые точки, которые и порождают эту «ось» в ее принципиальном виде – именно как континуум, а не только как актуальное настоящее? Как осуществляется, так сказать, «преодоление актуальности» – выход за границы настоящего и трансформация репрезентации реальности – и объективной и субъективной из ее статического измерения в динамическое?

Наиболее принципиальный и максимально сложный характер этих вопросов все же не должен рассматриваться как причина отказа от попыток их решения – пусть и частичного, предварительного и допускающего уточнение и углубление. Очень важно и показательно также, что это решение может быть предложено с позиций той методологии, которая реализуется в данной работе – с позиций метасистемного подхода в целом и его базовых, определяющих положений, составляющих его суть, в особенности. Действительно, как подробно обосновано в главе 2, его наиболее важное и принципиальное положение состоит в том, что психика воспроизводит в своем собственном содержании ту метасистему, в которую она сама онтологически включена и объективной частью которой она является. Причем, сама эта метасистема – объективная реальность репрезентируется в составе и содержании психического отнюдь не только и даже не столько как информация, знания и пр., а именно как сама эта реальность в целом – как нечто *настоящее*, естественное, целостное, завершенное, осмысленное и т. д. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «перед человеком – мир, а не мир и картина мира» [331]. Другими словами, метасистема репрезентируется в системе не как ее «копия», образ, дубликат, модель и пр., а как сама эта *реальность* во всей ее полноте и естественности. Не менее важно, однако, и то, что такая репрезентированность метасистемы в психике (как системе) во многом подобна и даже фактически, тождественна самому содержанию последней – ее собственной реальности, но уже именно субъективной. Эта репрезентированность внешнего (метасистемы) во внутреннем (психике) вообще и порождает само внутреннее. Порождаемая за счет такого встраивания реальность является именно таковой – *реальностью*, пусть и принципиально иной по своим механизмам и природе – субъективной. Однако, именно как таковая – как реальность она обладает важнейшим атрибутом любой реальности – атрибутом существования: она является тем «настоящим», которое и составляет этот атрибут. Более того, для субъекта его внутренний мир, его субъективная реальность вообще является не только еще более несомненной, но и, строго говоря, вообще единственно данной ему реальностью. Собственно говоря, именно эта – не только максимальная, но и единственная «настоящность» субъективной реальности отражена во многих философских доктринах, а наиболее рельефное выражение получило в декартовском «мыслию, следовательно, существую».

Другими словами, именно благодаря механизму встраивания метасистемы в систему, то есть на основе мультиплицирования первой во второй, как раз и возникает то «максимально настоящее», что не подлежит никакому сомнению как реальность, пусть и субъективная. Более того, эта реальность, повторяем, максимально реальна и вообще *составляет* ее как таковую. Она, так сказать, «просто есть», существует и составляет основу существования субъективной реальности как таковой. Однако, именно это – ее несомненное существование означает и то, что любое – вновь возникающее взаимодействие субъекта с объективной реальностью оказывается сопряженным с ней и *опосредствованным* ей. Она – как *уже существующее* и, повторяем, во многом образующее само существование психического – саму субъективную реальность, данную как нечто несомненное – настоящее, фактически, всегда *предшествует* любому вновь возникающему взаимодействию с объективной реальностью. В результате этого любое актуальное взаимодействие субъекта с объективной реальностью (как именно с актуальным настоящим, образующим феномен, который иногда обозначается как «сейчас», «теперь-момент»), оказывается сопряженным с *еще одним* настоящим – с тем, что и составляет содержание репрезентированной объективной реальности в реальности субъективной. Тем самым, порождается дополнительный и очень важный, но все же частный случай фундаментального феномена (точнее – механизма) *удвоения реальности*, который очень характерен и даже атрибутивен для психического в целом. В данном случае он состоит в порождении *двух настоящих* и, следовательно, в *раздвоении* исходно единого настоящего на два локуса. Одно настоящее – это то, что *уже существует* и представлено в психике как системе, мультиплицирующей содержание метасистемы (объективной реальности). Оно отображает и воплощает определенное состояние и объективной и субъективной реальности, которое предшествует любому вновь возникающему взаимодействию субъекта с объективной реальностью и опосредствует его. Другое настоящее – это *актуальное* содержание того или иного взаимодействия субъекта с объективной реальностью, которое имеет место в каждый момент его развертывания. В результате само настоящее удваивается – расщепляется и растягивается. Причем, тот его модус, который уже представлен в психическом и составляет его содержание, предшествуя

любому вновь возникающему актуальному взаимодействию, для самого субъекта не только не менее реален, но реален в еще большей степени. Он, собственно говоря, и образует эту реальность. В этом плане можно привести выражения типа «личность – это ее биография», «Я – это его история» и пр. Для самого субъекта нет ничего более настоящего, чем его внутренний мир, который, однако, во многом и образован встроенностью в психику объективной реальности.

Вместе с тем, именно в этом случае – точнее за счет всего этого в содержании психики сама объективная реальность оказывается представленной дважды – как нечто уже имеющееся, существующее, наличное, данное – как актуально переживаемое и выступающее результатом актуально взаимодействия с внешней среды. Любое актуальное взаимодействие, образующее содержание субъективной реальности в настоящем (момент «теперь») оказывается объективно сопряженным с уже состоявшимся существованием – столь же настоящим, как и актуально представленное настоящее. Тем самым, однако, в составе и содержании психического всегда – причем, совершенно *объективно* оказываются представленными две репрезентации реальности – уже существующая и вновь порождаемая в каждый актуальный момент развертывания ее взаимодействия с миром. Между этими двумя репрезентациями метасистемы (объективной реальности) столь же объективно возникают определенные отношения, а наиболее общими из них как раз и выступают отношения *следования*, последовательности. Они, в конечном счете, и являются наиболее глубинной детерминантной главного атрибута времени в целом и субъективного времени, в частности, – течения, движения, дления. Он, как можно видеть, может возникать только тогда, когда в системе порождается раздвоение актуальности – ее дифференциация, а «точка настоящего» («теперь-момент») трансформируется в континуум. Причем, повторяем еще раз, такое раздвоение не является чем-то искусственным и метафорическим. Та репрезентация объективной реальности (метасистемы), которая уже представлена в психике за счет механизма «встраивания» является для субъекта не только не менее, а еще более настоящей, чем все иные репрезентации; она во многом и есть сам субъект, его внутренний мир. Однако и та репрезентация объективной реальности, которая порождается в любом новом акте взаимодействия с объективной реальностью (с актуальным

настоящим) также с несомненностью является столь же настоящей. Феномен настоящего расщепляется, раздваивается, а то, что обозначается «настоящим как моментом» растягивается в континуум. Это, собственно говоря, и порождает временную «ось» как таковую. Однако, как известно, именно ее порождение во многом и тождественно порождению самого субъективного времени в целом.

Другими словами, именно удвоение настоящего – порождение и последующее взаимодействие двух репрезентаций объективной реальности в реальности субъективной как раз и лежит в основе того, что между ними возникают те отношения, которые и образуют главный атрибут времени – течение, движение, «дление». Настоящее выступает в двух состояниях – как *уже* представленное в психике и как *вновь* возникающее в любом вновь реализуемом актуальном взаимодействии. Одно из них имеет место *перед* другим, а значит и раньше него, что тождественно возникновению последовательности, длительности, длениа. Без этого – уже существующего состояния второе – вновь возникающее состояние не только невозможно, но и не может породить какие-либо отношения – в том числе и отношения следования, длительности.

Однако, в ходе развертывания таких отношений – в том числе, и временных имеет место и еще один, так сказать, встречный процесс. Дело в том, что не только настоящее является в свете сказанного своего рода функций от прошлого, но и последнее также подвергается перманентной трансформации под влиянием возникновения первого. Действительно, та репрезентация реальности, которая обозначена выше как актуальное настоящее, конституируется только будучи опосредствованной уже существующей репрезентацией реальности, то есть продуктом встроенности в психику самой метасистемы. Однако, последующая «судьба» этой вновь возникающей репрезентации – актуального настоящего состоит в том, чтобы становиться частью первой репрезентации, то есть трансформироваться в прошлое. Вместе с тем, суть дела состоит в том, что, переходя в прошлое, оно его же и специфицирует; пусть и незначительно (хотя иногда и значительно), но трансформирует. Тем самым само прошлое, а следовательно, и весь прошлый опыт, все содержание личности также трансформируется, а эти изменения, взятые в их перманентности и непрерывности, во многом и обеспечивают «историю личности», ее биографию – раз-

витие и изменение, обогащение, хотя иногда и инволюцию. Поэтому временная «ось» лежит не только в основе актуального функционирования психического, но и в основе биографического развития личности.

Кроме того, на основе этого само актуальное настоящее обретает не только свой собственно временной статус, но и статус содержательный – оно становится не только локусом «теперь», но и содержательной сущностью – таким «теперь», которое наполнено несомненным и именно «настоящим» – реальным и понятным содержанием. Причем, не просто понятным, но и составляющим саму эту понятность – тем, что и конституирует саму субъектность. Действительно, осознание себя возможно только на основе соотношения актуального состояния с тем, что уже есть в себе – прежде всего, со знаниями, опытом. Последние, однако, как раз и составляют суть той репрезентации, которая уже представлена в психике и является продуктом мультиплицирования в ней объективно реальности.

Отсюда можно заключить, что, по-видимому, только те системы, которые воплощают в себе основной принцип всех систем качественно специфического класса – со «встроенным» метасистемным уровнем, оказываются способными генерировать феномен собственного времени как таковой и субъективного времени, в частности. Представленность в них метасистемы является важнейшим и определяющим условием для того, чтобы она была репрезентированной в них в двух состояниях – уже имеющимся и вновь порождаемым. Между ними возникают отношения следования, что дает временную «ось», хотя и в ее простейшем виде, но уже в таком, который содержит феномен темпоральности и является необходимым для порождения времени как такового. Тем самым, можно видеть, что исходный вопрос о том, как и за счет чего порождается сам феномен времени в целом и субъективного времени, в особенности, в значительной степени получает свое решение.

Наряду с этим, важен еще один аспект такого – темпорально-генеративного механизма. Дело в том, что сама метасистема (объективная реальность, а точнее – конечно же, лишь тот очень незначительный ее фрагмент, с которым взаимодействует субъект, но который, однако, репрезентирует для него ее в целом), будучи «встроенной» – мультиплицированной в системе психике, получает своего рода самодвижение, в том числе, во временном плане. Она оказывается представленной в двух состояниях, дифференцированных исключительно по тому

параметру, который является важнейшим атрибутом времени – атрибутом следования, в феномене «до и после». Одно состояние – это уже существующая и предшествующая любому вновь возникающему взаимодействию репрезентация; это – одно ее настоящее. Другое состояние – это вновь возникающая в результате любого актуального взаимодействия репрезентация. Между ними и складываются временные отношения, а сама метасистема обретает тем самым временную динамику; она репрезентируется не только как *статическое* образование, но и как образование *динамическое*, изменяющееся, текущее – растянутое во времени.

По нашему мнению, в данной связи необходимо обратить специальное внимание и на еще одно очень показательное обстоятельство. Дело в том, что в свете изложенного само понятие настоящего раскрывается новыми, дополнительными гранями и происходит показательное удвоение его значения. С одной стороны, настоящее сохраняет свой исходный смысл – раскрывается как временное понятие, фиксирующее определенный локус «оси» времени и расположенное между прошлым и будущим. Однако, с другой стороны, оно раскрывается и в его содержательной, субстанциональной коннотации – как нечто *действительно* существующее, несомненное, данное «на самом деле». Это – настоящее не как актуально представленное в определенный момент времени, а как действительно существующее; настоящее не как темпоральная характеристика, а как фиксация действительности существования чего-либо. И именно в этом – втором значении настоящее присуще не только тому, что актуально представлено, но и тому, что не характеризуется актуальностью – в особенности, тому, что «уже было», но составляет несомненное – настоящее содержание, в том числе, и самой психики. Причем, оно – это содержание, как мы отмечали, по степени своей «настоящести» даже превосходит актуальное настоящее, которое, как известно, может быть весьма обманчивым и даже иллюзорным. Не-актуальное настоящее ничуть не менее, а более реально для субъекта, чем актуальное настоящее; оно является более настоящим в его содержательной коннотации и даже лежит в основе феномена несомненности субъективной реальности.

Далее, в связи с этим несколько иначе и даже существенно по-новому эксплицируется традиционный вопрос о генетических связях двух основных временных локусов – настоящего и прошло-

го. Обычно полагается, что главная трудность этого вопроса связана с тем, чтобы определить, как на основе настоящего порождается прошлое: как то, что обладает несомненной реальностью и понятностью и что, следовательно, уже не требует объяснения (настоящее) обусловливает прошлое, которое наоборот, обладает парадоксальным статусом – оно столь же несомненно, сколь несомненно и его отсутствие. Но если оно отсутствует, то как же оно существует (впрочем, это старая философская апория). Обычно при решении этого вопроса происходит апелляция к феномену памяти как базовому средству сохранения прошлого, а само время выступает как производное от памяти как способности. Безусловно, в этом есть немалая доля истины. Вместе с тем, правомерна и даже естественна и несколько иная постановка данного вопроса: необходимо выяснить не только то, как на основе настоящего рождается прошлое, но и как порождается само настоящее – почему и за счет каких механизмов оно презентуется субъектом именно как таковое – как настоящее не только в смысле актуально переживаемого, но и в смысле действительно существующего, то есть в его содержательной, а не темпоральной коннотации? Почему то, что дано актуально (настоящее во временном смысле), презентуется и как настоящее в содержательной коннотации – как нечто «всамделешнее», существующее в действительности?

Ответ на этот вопрос также может быть предложен с позиций принципа метасистемности. Дело в том, что любое актуальное настоящее (взятое в его темпоральной коннотации) всегда и причем совершенно объективов опосредствуются тем, что и лежит в основе его репрезентирования, то есть уже представленной в психическом репрезентацией внешней реальности. Она, как отмечалось, также выступает для субъекта настоящей, но уже в содержательной, а не в темпоральной коннотации. Степень ее «настоящести» даже выше, чем у актуального настоящего. Поэтому именно прошлое обладает тем атрибутом, который ему не только не приписывается традиционно, но и категорически ему противопоказывается – атрибутом настоящести, но именно в содержательной коннотации. И именно эта – иная настоящесть прошлого является той основой, которая позволяет субъекту ощущать и понимать актуальное настоящее не только как данное «сейчас», но и как действительно существующее. Без опоры на «настоящее, данное в прошлом», настоящесть – действительность

актуального настоящего не может быть конституирована. Интересна в этой связи даже сама этимология понятия настоящего. Оно может быть эксплицитная как на-стоящее, то есть как *на-ступающее*, как *следующее* за чем-то, на что оно и *на-ступает*. А на-ступает оно на уже «стоящее» – на то, что уже «стоит», то есть существует. Следовательно, уже в самом слове (а не только понятии) настоящего имплицитно заложены два содержательных момента. Первый – его обусловленность прошлым, поскольку оно именно на-ступает, то есть детерминировано тем, на что можно опереться и что его детерминирует. Второй – его собственно темпоральная природа, поскольку оно – именно *на-стоящее*, то есть нечто всегда *на-ступающее* и, следовательно, являющееся не только моментом, но и атрибутивно континуальным феноменом, точнее темпорально-континуальным.

Далее, еще одним значимым, по нашему мнению, следствием развитой выше трактовки тех детерминант, которые лежат в основе порождения феномена субъективного времени, является следующая его особенность. Как уже отмечалось, в основе его порождения лежит один из весьма типичных для организации психики механизмов – то, что чаще всего обозначается как «удвоение реальности». По отношению к рассматриваемой проблеме это означает, что сама метасистема (объективная реальность) оказывается репрезентированной в системе (психике) дважды. С одной стороны, психика как типичный представитель систем со «встроенным» метасистемным уровнем, порождает внутри себя ее репрезентацию и тем самым воспроизводит ее в себе. Именно это и составляет основное положение метасистемного подхода. Она – метасистема «уже есть», уже представлена, существует в системе (психике), и это уже представленное существование *предшествует* любому вновь возникающему процессу ее функционирования. С другой стороны, в результате этого – каждый раз развертывающегося, актуального процесса также порождается определенная репрезентация объективной реальности, то есть метасистемы. Эти две репрезентации вступают во взаимодействия, причем, не только, временные, но и в содержательные, которые по понятным причинам характеризуются очень сложным и комплексным характером, заведомо превышающим по сложности собственно темпоральные взаимодействия. В результате складывается положение, которое с известной долей метафоричности можно охарактеризовать

как ситуацию взаимодействия метасистемы самой с собой: две ее репрезентации – уже имеющаяся и вновь порождаемая как раз и лежат в основе этого. Причем, эти взаимодействия являются не только содержательными, но и временными, что и составляет, собственно говоря, основу для порождения «оси» времени. Кроме того, вдоль этой «оси» как раз и движется сама репрезентированная в них метасистема; субъект «ощущает время» и «воспринимает время», которое характеризует именно ее – метасистему, ее временную организацию, а не свою собственную временную организацию. Те временные отношения, которые складываются внутри системы – имеют *интрапсихическую* локализацию и аналогичные – внутренние механизмы, тем не менее, субъективно локализуются в *экстрапсихическом* плане – во внешней реальности, то есть в самой метасистеме. Субъект «работает», прежде всего, с временем метасистемы, а не со своим собственным временем, что безусловно целесообразно с адаптационной точки зрения.

Другими словами, можно видеть, что здесь имеет место принципиальный аналог этого феномена по с известным и фундаментальным по своей значимости *онтологическим парадоксом* психики. Представления о нем были сформулированы Л. М. Веккером, который отмечал: «физические изменения, совершающиеся в органе психического процесса, предстают перед их носителем как события, разыгрывающиеся вне этого органа в реальном внешнем пространстве – в пространстве объекта, явно не совпадающем с пространством органа» [111]. Точно так же обстоит дело и по отношению к тому, что обычно обозначается как «отражение времени». Вся порождаемая внутренними – интрапсихическими механизмами феноменология субъективного времени локализуется вовсе не внутри той системы, которая его и порождает, а вне нее – в той метасистеме, в которую она включена, в объективной реальности, во внешней среде. Эта феноменология в принципе не может быть описана посредством апелляции к тому, как в действительности организованы сами механизмы субъективного времени. Кроме того, необходимо рассматривать данный феномен не только как аналог онтологического парадокса, но как его частный случай, который, с одной стороны, имеет вполне самостоятельное содержание, а с другой, повышает степень обобщенности самого этого парадокса (в действительности, одной из фундаментальных закономерностей организации психики).

Вместе с тем, в действительности, складывающаяся ситуация является еще более сложной и интересной. Дело в том, что, будучи локализованной вовне, феноменология субъективного времени все же обеспечивается именно теми средствами и механизмами, которые локализуются в самой психике. И именно поэтому она не только феноменологически представлена, но и столь же непосредственно дана субъекту – она *ощущается*, чувствуется им как принадлежащая ему. Она обладает непосредственной данностью, а само субъективное время не просто ощущается, чувствуется субъектом, но во многом и составляет саму эту чувственность, сензитивность к времени, что, собственно говоря, и порождает ощущение времени именно как нечто *чувствуемое*, обладающее сензитивностью к нему, она *ощущается*, чувствуется им как принадлежащая ему и становится тем, что Г. Гегель обозначал как «чувствуемое внечувственное». Тем самым, и онтологический парадокс подвергается своеобразной инверсии: то, что локализуется психикой вовне и репрезентируется феноменологически как свойства и характеристики объективной реальности, все же оказывается представленным и внутри нее самой; оно непосредственно ощущается и чувствуется, а следовательно, допускает возможность субъективных воздействий на него. Именно это является одной из причин адекватности субъективного времени объективным временным параметрам среды, а также возможности того, что обычно обозначается как «управление временем», то есть регуляции своих темпоральных отношений с объективной реальностью.

В связи с этим, однако, возникает еще одна проблема, имеющая, к тому же, весьма длительную историю и достаточно острый характер. Она заключается в уже отмечавшейся парадоксальности самих терминов, которые используются в психологии времени (отражение времени, ощущение времени, чувство времени, и пр.). Действительно, как можно отражать, воспринимать и пр., то, что не представлено объективно и не существует как некоторая доступная чувственному познанию реальность? И вообще – как в таком случае можно проводить какие-либо аналогии репрезентации времени с другими, так сказать, «нормальными» типами репрезентации? Насколько, в частности, уместна и установленная выше связь с онтологическим парадоксом? Ответ на этот вопрос, однако, опять-таки подсказывается основными положениями метасистемного подхода.

Дело в том, что главное из них – о мультиплицированности объективной реальности как метасистемы в систему психического иобретении ей своего «удвоенного существования» как раз и позволяет ответить на то, каким образом это происходит. Метасистема подвергается мультипликации – «встраиванию» именно в ее *содержательных* – информационных характеристиках, что дает в результате ее репрезентированность через феномен *знаний* как таковых. Она – объективная реальность воспроизводится именно как реальность со всеми ее атрибутами – как целостность, наполненная смыслом, личностно структурированная, проинтерпретированная и пр. Причем, тот очень незначительный в принципе фрагмент всей объективной реальности, который, в действительности, отображается во внутреннем мире, репрезентируется самим субъектом как вся эта действительность. Имеет место аналогия с основной иллюзией сознания⁵⁹. Однако, именно такая – подчеркнуто содержательная природа ментальных репрезентаций лежит и в основе того, что репрезентированию подвергаются и те – «сцепленные» с содержанием атрибуты реальности, которые ей присущи – в частности, все собственно временные атрибуты. Тем самым со всей рельефностью эксплицируется обстоятельство, которое в общем плане хорошо осознано, но недостаточно реализовано в конкретных исследованиях субъективного времени: его так называемое «отражение», хотя и имеет место, но носит принципиально *опосредствованный*, вторичный характер. Оно осуществляется не прямо, а косвенно и всегда опосредствуется репрезентированием иных – содержательных параметров внешней реальности. И именно потому, что оно принципиально производно от этих содержательных параметров, оно и является адекватным. Такой характер воспроизведения темпоральных характеристик внешней реальности можно обозначить, как было обосновано выше, в качестве принципа *субстанционального опосредствования*. Отражается и воспринимается не само время, а те субстанциональные носители, которые характеризуются им, причем, именно в их содержательных характеристиках и особенностях. Другими словами, имеет

⁵⁹ Напомним, что она состоит в убеждении, согласно которому то содержание воспринимаемого, которое осознается, репрезентируется как все объективно представленное в воспринимаемой ситуации содержание. То, что *кажется* субъекту видимым, рассматривается как все действительное содержание зрительного поля.

место принципиально та же ситуация, которая характерна не только для субъективного времени, но и для времени объективного.

В данной связи весьма показательной является еще одна закономерность организации психики в аспекте ее взаимодействий с временными параметрами объективной реальности, к которой мы возвратимся в главе 4, а пока только зафиксируем как несомненный факт. Как известно, одной из наиболее острых проблем, связанных с категорией времени, является вопрос о его существовании как такового. Мы уже отмечали наличие двух диаметрально противоположных подходов к решению этого вопроса – объективистского и релятивистского. Однако наиболее обоснованный вариант его решения состоит в том, что время как таковое вовсе не обладает, так сказать, самостоятельной субстанциональностью и в этом смысле, конечно, не существует как нечто онтологически представленное; но его несуществование в качестве такового не означает несуществования вообще. В ином плане – в плане, так сказать, организационном, производном оно, конечно, существует, но, повторяем, не как субстанция, а как ее атрибут. И именно такая двуединая природа времени отображена – предусмотрена в самом устройстве психического. Дело в том, что в нем отсутствует какой-либо специальный сенсорный орган, направленный на его восприятие: поскольку оно отсутствует как объективная реальность, то и такого рода орган также не только не нужен, но и просто невозможен. Оно ощущается и воспринимается не посредством какой-либо специальной модальности, а принципиально иначе – посредством сенсорного синтеза результатов всех иных модальностей, а также уровней переработки информации, то есть опосредствованно.

Далее, в связи с развитыми представлениями дополнительными гранями раскрывается и один из основных методологических принципов – принцип детерминизма как в его общенаучном, так и особенно психологическом плане. Действительно, если время – и объективное и субъективное, не обладая самостоятельной субстанциональностью, всегда опосредствуется трансформациями той субстанциональной основы, которая и эксплицируется в нем, то именно эти трансформации и являются онтологической базой для всех аспектов временной организации, для всех атрибутов времени. Следовательно, то, что обозначается как «временная ось», эксплицируется как феноменологическое проявление всего комплекса *детерминационных* отноше-

ний, лежащих в основе развертывания – бытия, то есть, фактически, всей онтологии любой субстанциональной основы. Само время – повторяем, и объективное и субъективное эксплицируется как аспект единой феноменологии бытия, а обуславливающая его сеть, точнее – последовательность детерминационных процессов и отношений – как его сущностная основа и частично как ноумен. Причем, эту цепь также недопустимо рассматривать упрощенно и сводить ее только к каузальной – причинно-следственной детерминации, поскольку она. разумеется, включает и второй основной тип детерминации – целевую, телеологическую. Глубинная – атрибутивная взаимосвязь и взаимопроизводность времени и детерминационных отношений особо важна именно для организации психики в целом и того, что обозначается как «внутренний мир» личности; поясним сказанное. Дело в том, что во многом именно благодаря временной упорядоченности – темпоральной организации, обеспечивается его единство и непротиворечивость, а в целом – согласованность, конкордантность представленных в нем субъективных репрезентаций. Как известно, именно устранение внутренних противоречий и стремление к согласованности этих репрезентаций является одной из очень мощных тенденций самоорганизации внутреннего мира, вообще – представлений личности о мире. Она во многом и обеспечивается посредством темпоральной упорядоченности, то есть организованности, структурированности субъективного времени. Причем, нередко именно временные отношения между элементами внутреннего мира и опыта субъективно репрезентируются не только как свидетельство и доказательство их содержательных отношений и взаимной обусловленности, но и в качестве отношений собственного детерминационного характера⁶⁰. Тем самым, трактуя темпоральные отношения в качестве детерминационных, субъект вносит необходимую упорядоченность, а в значительной мере – и осмысленность в свой внутренний мир и в систему представленных в нем репрезентаций внешнего мира. Понимание им темпоральной организации как эквивалента или индикатора детерминационной организации выступает как важное

⁶⁰ Это, как известно, зафиксировано в одном из основных типов логических ошибок, обозначаемых выражением «*Post hoc ergo propter hoc*» – «После того – значит вследствие того».

средство консолидации и структурирования всей системы субъективной репрезентации. Репрезентации темпоральности внешнего и внутреннего мира и даже – намеренное приращение возможно большей организованности ей выступает как средство, а нередко и заместитель системы реальных детерминационных отношений между их составляющими. Это тем более важно, что далеко не всегда истинный смысл такого рода детерминационных отношений является для субъекта раскрытым – эксплицированным и понятным. Поэтому можно видеть, что темпоральность выступает и в своей компенсаторной функции.

Кроме того, взятая уже не в психологическом, а в общем плане связь темпоральности и детерминизма также очевидна и должна учитываться при исследовании проблемы времени. Она состоит в том, что первая выступает частным, но очень важным проявлением и, фактически, объективным следствием всей системы детерминационных отношений, лежащих в основе диахронической организации любых объектов. В ней и через нее эта организация, являясь исходно онтологической, эксплицируется и, следовательно, может быть изучена. Тем самым вновь проявляется уже отмеченное нами ранее важное положение: время выступает не только как *предмет* исследования, но и как его *метод*, что означает возможность использования темпоральной организации в качестве объяснительного средства для раскрытия реальной онтологии предметов исследования, как канал проникновения чрез темпоральность к онтологии, к сущностным основам. Особо значимо в этом плане то, что, как известно, именно *принцип детерминизма* в целом и детерминационные отношения, в особенности, имеют самое непосредственное отношение к сути научного познания как такового. Раскрыть природу чего-либо, то есть дать ему научное объяснение, во многом просто тождественно тому, чтобы дать ему детерминистскую экспликацию, выяснить его причинную обусловленность. Данное обстоятельство зафиксировано и в явной синонимии понятий «научное познание» и «детерминистское объяснение». Экспликация темпоральной организации как проявления детерминационных процессов как раз и выступает одним из важных средств этого.

Необходимо, на наш взгляд, отметить и еще одно обстоятельство, являющееся непосредственным следствием развитых выше представлений в целом и тех причин, которые обуславливают возможность своеобразного «расщепления» актуального – настоящего. Дело в том,

что именно оно как раз и является критически важным условием для становления временной «оси» как таковой, поскольку трансформация «точки настоящего» в некоторый континуум равнозначна возникновению всех атрибутов времени – течения, движения, последовательности, длительности, дления. Причем, это же разделение объективно приводит и к возникновению оппозиции настоящего и прошлого. Вместе с тем, при этом обязательно следует учитывать и постоянно отмечающуюся *относительность* этих понятий, их существование только во взаимоотношаемом и взаимопроизводном виде. Однако, если быть до конца последовательным и по возможности максимально полно реализовывать этот тезис, то можно сделать и дополнительные заключения. Действительно, «расщепление» актуального и дифференциация двух его точек, а тем самым возникновение континуума и потому самих феноменов настоящего и прошлого объективно приводит к тому, что настоящее, но по отношению к прошлому выступает как будущее. Можно видеть, что тем самым с необходимостью порождается и объясняется еще более непонятный феномен – феномен будущего. Действительно, он не только не вполне понятен в плане того, как вообще может выступать в качестве предмета отражения, поскольку, строго говоря, его просто нет. Причем, его нет даже в еще большей степени, чем прошлого, поскольку последнего, хотя также уже нет, но оно, по крайней мере, было. Впрочем, это старая и очень традиционная проблема философского анализа времени. С позиций принципиальной относительности трех базовых модусов времени (прошлого, настоящего, будущего) оказывается, что будущее столь же реально – по крайней мере, субъективно; оно утрачивает флер таинственности и непонятности, поскольку в известном смысле равнозначно самому настоящему, так как последнее и есть это будущее, но по отношению к прошлому. Субъект просто транспонирует на отношения «настоящего – будущего» уже имеющиеся у него представления о соотношении «прошлого – настоящего». Поэтому само настоящее, но по отношению к прошлому, раскрывается как будущее. Феномен будущего также получает свое объяснение именно в плане его генезиса – он выступает как производный, но опосредствованно от раскрытого выше «расщепления» актуальности. Во избежание недоразумений подчеркнем еще раз, что при этом данный термин обозначает такое «расщепление» только в *субъектном* плане, то есть в идеальной форме, но, разумеется, не в его объективном –

физическом значении. Вместе с тем, именно это и является наиболее характерным для *субъективного* времени, в отличие от объективного, поскольку во многом и конструирует его, делает его несомненно существующим феноменом. Однако по отношению к объективному времени, где этот феномен «не работает», споры относительно существования времени, напротив, очень остры и традиционны.

Подчеркнем также, что в свете изложенных представлений с очевидностью выявляется и обстоятельство, которое априорно прогнозировалось выше: атрибутивная природа субъективного времени и даже механизмы и детерминанты его генезиса должны быть сопряжены не с каким-либо частным, второстепенным аспектом метасистемного подхода, а с его главными положениями, с самой его сутью. Именно это и проявилось в результате проведенного анализа. Действительно, можно видеть, что *наиболее* принципиальный и глубинный механизм, который и приводит к порождению субъективного времени, непосредственно обусловлен самим принципом метасистемной организации. Он возникает лишь в тех системах, которые организованы по специфическому типу – являются системами со «встроенным» метасистемным уровнем. Дело в том, что только они обладают уникальной способностью к мультипликации в своем собственном содержании и составе, в структуре и функционировании той метасистемы, объективной частью которой они онтологически являются. За счет этого сама метасистема подвергается своеобразному удвоению и оказывается представленной в двух репрезентациях – уже имеющейся в системе и актуально складывавшейся в любом непосредственно реализующимся акте ее бытия. Возникает как бы два настоящих – уже существующее настоящее и актуальное настоящее. И то, и другое являются для субъекта именно настоящими – одно в содержательном смысле, а второе – во временном. Между ними складываются многоплановые, комплексные отношения – и содержательные и временные. Первое настоящее является базой для интерпретации, понимания второго. Любой акт отражения – это всегда связь двух указанных настоящих. Однако, тем самым, уже в самый простой акт отражения, не говоря о всех более сложных формах взаимодействия с объективной реальностью, атрибутивно включается эта связь двух настоящих, то есть, фактически, сам параметр времени. Потому любой акт отражения с объективной необходимостью экспли-

цируется и как временное явление; как то, что не только развертывается во времени, но и базируется на темпоральности, на временной координате реальности, а в некотором смысле и использует ее как операционное средство и даже в известном смысле порождает ее. Более того, все это очень характерно и для иных уровней и форм взаимодействия с реальностью, для иных уровней функционирования психики.

Так, очень показательным в этом плане является то, что природа наиболее сложного из них, на котором локализованы рефлексивные процессы, также является атрибутивно временной. Дело в том, что рефлексия – это всегда обращенность не только на себя (и на свои представления о внешнем мире), но и на прошлое; именно это отражено даже в этимологии понятия рефлексии (*re-flexio* – нечто ретро-спективное, соотнесенное именно с прошлым). Точнее было бы сказать так: рефлексия именно потому и есть «смотрение и в прошлое», что она является «смотрением на себя и на мир в себе», поскольку они уже есть (представлены как прошлое – являются им) в самой психике – во многом и образуют ее содержание. Можно видеть, что в свете сказанного феномен субъективного времени не просто получает естественное объяснение, но он столь же непосредственным образом и *порождается*, поскольку атрибутивно сопряжен с базовыми и наиболее фундаментальными принципами организации психики в целом. В связи с этим, повторяем, можно заключить, что феномен собственного времени как таковой вообще возникает только там, где есть метасистемность. И наоборот, метасистемность с необходимостью порождает его – приводит к его возникновению. В этой же связи закономерно и то, что сам системный подход только тогда окажется в состоянии конструктивно ассимилировать параметр времени и учесть временное измерение реальности, когда он будет трансформирован в метасистемный подход. Поэтому именно последний оказывается не только существенно более конструктивным в плане раскрытия природы и генезиса субъективного времени, но и вообще – очень органично и естественным образом сопряжен с ним, конгруэнтен ему по базовым принципам.

Вместе с тем, в действительности, реальная ситуация является еще более сложной, поскольку и этот – более конструктивный подход также обладает определенными ограничениями и не всегда достаточен для раскрытия феномена субъективного времени во всей его

сложности. Точнее сказать, недостаточен не он сам в целом, в его принципиальных чертах, а то состояние – уровень разработанности, который для него характерны сейчас. Он – как, впрочем, и любой иной методологический подход, не является чем-то окончательно развившимся и не предполагающим дальнейшего совершенствования. Напротив, он не только допускает, но и требует именно этого – углубления и совершенствования в целом и его спецификации по отношению к проблеме времени, в частности. Не исключено также, что его развитие может быть сопряжено не только с его частными модификациями, но и с достаточно крупными трансформациями и новыми направлениями его разработки.

Очень показательно и доказательно, далее, что именно это предположение получает свое непосредственное и явное подтверждение при дальнейшей реализации сформулированного выше понимания природы и генезиса субъективного времени. Дело в том, что именно оно – как предмет исследования, по отношению к которому осуществляется реализация данного подхода как метода исследования, эксплицирует следующее принципиальное по смыслу и двуединое по содержанию обстоятельство. С одной стороны, как следует из проведенного выше анализа, он с достаточно высокой степенью обоснованности показывает необходимость реализации по отношению к проблеме субъективного времени именно этого подхода. Однако, с другой стороны, как показано в параграфе 1.1.2., его реализация по отношению к столь специфическому предмету исследования, каковым оно и является, встречается с рядом принципиальных трудностей, вскрывая определенную недостаточность тех представлений, которые сложились в нем сегодня. Причем, эти ограничения затрагивают не только те или иные частные аспекты данного подхода, но и его общие положения. В связи с этим, появляется необходимость решения возникающих проблем и устранения неполного пока соответствия предмета и метода, точнее – определение путей согласования представлений о них. Остановимся на данном вопросе несколько более подробно.

Так, прежде всего, в определенной корректировке и развитии нуждается одно из наиболее важных и определяющих положений данного подхода, состоящее в том, что, наряду с системами классических типов, существуют и качественно иные системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Их развернутая характеристика представлена

выше. Кроме того, в данном подходе представлена и характеристики тех основных принципов и механизмов, которые лежат в основе их структурно-функциональной организации. В связи с этим, однако, возникает вопрос о том, достаточны ли эти представления для раскрытия природы такого предмета исследования, который имеет очень явную специфичность по отношению ко всем – уже изученным в данном подходе предметам? Или же эта яркая и явная специфичность требует существенных модификаций, точнее – дополнения данного подхода? Главный из возникающих при этом вопросов, а одновременно – и трудность на пути его реализации по отношению к проблеме субъективного времени состоит в том, можно ли вообще трактовать его как основной предмет исследования с позиций этого – главного положения. Другими словами, можно ли вообще переносить на субъективное время понятие системы со «встроенным» метасистемным уровнем, может ли быть оно отнесено к этому классу систем? В целях ответа на этот – ключевой вопрос необходимо обратиться к тем принципам, на основе которых формируются системы данного класса и которые лежат в основе их структурно-функциональной организации. Напомним, что все они были рассмотрены ранее в главе 2, а основным из них является принцип, заключающийся в следующем.

Та метасистема, в которую объективно включена какая-либо система, сама может быть представлена в составе и структуре последней. Тем самым она «встраивается» в ее состав и содержание, образуя высший – метасистемный уровень ее организации. Во избежание недоразумений со всей определенностью подчеркнем, что речь идет, конечно, не о непосредственном – не о «морфологическом» включении, а лишь о том, что метасистема получает в составе той или иной системы определенную *форму репрезентации*. Она выступает в особом аспекте и в специфическом качестве – подчеркнуто *функциональном*. Наиболее показательным случаем этого является общий принцип организации психики в целом, поскольку, как отмечалось выше, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Этот принцип – принцип своего рода включения, мультиплицирования метасистемы в составе и структуре системы очень полно и естественно проявляется в организации многих важных систем психологического плана.

Так, в работах [243, 244] было показано, что именно на его основе структурируется метакогнитивная сфера личности, синтезирующая в себе важную категории процессов и качеств, являющуюся предметом исследования в метакогнитивизме. Развертывание исследований в нем привело к установлению *принципиальной множественности* факторов метакогнитивного плана, а также высокой степени *гетерогенности* их состава. Наряду с этим, установлено, что мера их широты и гетерогенности настолько выражена, что они оказываются, фактически, *распределенными* по всем основным «составляющим» психики, которые и образуют в своей совокупности содержание предмета психологии в целом. В результате этого, имеет место особенность, которая обозначается как свойство распределенности предмета метакогнитивизма по предмету психологии в целом.

Кроме того, очень многие образования и процессы метакогнитивного плана являются *производными* – вторичными по отношению к большинству «составляющих» психики в целом. Именно эта особенность была, как известно, установлена уже по отношению к самым первым предметам исследования в метакогнитивизме – к вторичным процессам [689, 695, 732]. Однако, как мы показали в [260], она является общей для всех такого рода образований и даже входит в само их определение. В силу того, что все образования метакогнитивного плана являются вторичными», то есть производными от подавляющего большинства «составляющих» психики, а сам состав и содержание всей метакогнитивной сферы являются такими широким и гетерогенным, то есть, фактически, во многом повторяющими содержание психики в целом.

Наконец, все они обладают общим свойством *функциональной обратимости*. Его сущность состоит в том, что они могут выступать либо как средства репрезентации содержания психики, либо как само это содержание; либо как то, что направлено на самоотражение, либо как то, что и является его «предметом». Другими словами, они могут выступать либо в функции относительно активных операционных образований – как операторы; либо в функции относительно пассивных операндов. Есть основания считать, что именно эта особенность, присущая практически всем «составляющим» метакогнитивной сферы, вообще является наиболее важной: она вскрывает уже не феноменологические проявления их функционирования, а их базовые механизмы и связана с самой их сущностью.

Именно функциональная обратимость позволяет обнаружить, пожалуй, основной принцип, точнее – критерий, лежащий в основе организации самой метакогнитивной сферы и ее дифференциации как относительно самостоятельного образования. Им является подчеркнуто *функциональный* критерий: многие или даже большинство (а не исключено, и все) основные «составляющие» психики могут выступать и реально выступают в двух основных формах – в первичной и вторичной. В последней они реализуют свой исходный потенциал по отношению к самим себе; они «оборачиваются» на себя («удваиваются») и, не переставая быть собой, обретают статус вторичных, то есть выступают в функции метакогнитивных средств. Следовательно, в состав метакогнитивной сферы могут включаться практически все основные «составляющие» психики, поскольку они могут одновременно выступать и в этой – указанной выше функции. Однако, выступая в ней и соорганизуясь друг с другом, они образуют и саму метакогнитивную сферу как построенную на подчеркнуто функциональном принципе. В силу этого, ее определение также должно носить столь же функциональный (а не субстанциональный) характер. Эта сфера является операциональным образованием и выступает следствием того, что большинство всех основных «составляющих» психики может выступать в функции метакогнитивных. Она выступает как типичный представитель систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Ее в принципе нельзя представить в качестве какой-либо *локальной* «составляющей» психики – ее подсистемы. Она, напротив, как показано выше (и что является ее одной из наиболее принципиальных и явных особенностей) носит своего рода «распределенный» по всей психике характер; она включена во все ее основные «составляющие» и уровни организации, приниживает всю ее, обладая известным свойством «вездесущести» [370]. Следовательно, между ней, с одной стороны, и психикой в целом, с другой, не могут быть уставлены традиционные отношения «части и целого». Метакогнитивная сфера не входит в психику в целом на правах ее подсистемы; отношения между ними носят принципиально иной – более сложный характер. С одной стороны, действительно, она должна быть понята как часть, как «составляющая» психики в целом, Она, конечно, не исчерпывает ее содержания и входит в нее именно на правах, так сказать, «подмножества». Однако еще очевиднее то, что это такая часть, которая

в известном смысле становится более субъективно значимой, чем все целое; поясним сказанное. Так, в настоящее время общепринятым является положение, согласно которому все метакогнитивные процессы являются парциальными компонентами рефлексии, а сама она – процессуальным содержанием *сознания* в целом. Но тогда складывается очень сложная и противоречивая – трудная не только для объяснения, но даже и для представления ситуация, характерная для специфики соотношений многих наиболее сложных «составляющих» психики (как ее частей) с ней как с целым. В связи с этим, при обращении к метакогнитивной сфере личности исследование сталкивается, хотя и собственно системным образованием, но все же с таким, которое не может быть раскрыто с позиций *традиционных* вариантов самого системного подхода, поскольку принадлежит к специфическому – особому их классу. Другими словами, реализация системного подхода к проблеме изучения метакогнитивной сферы личности, позволив дать ее собственно системную экспликацию, одновременно вскрывает недостаточность традиционных вариантов системного подхода.

Специфика принципа метасистемной организации отчетливо проявляется и по отношению к другой важнейшей области психического – к *мотивационной* сфере личности [276, 278]. Действительно, современный подход к пониманию мотивации личности, согласно которому подавляющее большинство всех ее «составляющих» может выступать в функции мотивов поведения и деятельности, приводит к тому, что сама метасистема (личность) оказывается своеобразным образом включенной – *встроенной* в одну из входящих в нее систем, то есть в саму мотивационную сферу. В силу этого, между метасистемой (личностью) и системой (мотивацией) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Мотивационная сфера личности, объективно выступая лишь определенным аспектом, «частью» личности в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему (то есть в личность), является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. На основе этого складывается ситуация, при которой «часть управляет целым»; она становится в определенном смысле важнее, чем целое.

Обоснованность этих представлений была показана и по отношению к целому ряду иных предметов психологического исследования – по отношению к системе психических процессов [248], к разработке проблемы деятельности [251], к исследованию феномена психического выгорания [267], к проблеме «психологических защит» личности [526], к исследованию процессов принятия решения [253], к проблеме сознания [526], к проблеме идентичности [264], феномену состоятельности [326], исследованию организационной культуры [330] исследованию рефлексивных процессов и закономерностей [257] и др. Вместе с тем, обратим внимание на то, что во всех рассмотренных случаях те предметы, которые подлежали раскрытию, характеризуются важным общим свойством. Все они, несмотря на кардинальные различия в их содержании, все же, обладают, так сказать, самостоятельной субстанциональностью, то есть принадлежат к разряду собственно *субстанциональных* систем. Причем, понятие субстанциональности является более широким, нежели понятие материальности и, следовательно, к системам данного класса относятся и те, которые имеют подчеркнуто идеальную природу. Совершенно иначе обстоит дело, однако, по отношению к субъективному времени как предмету исследования и, следовательно, как «кандидату» на то, чтобы отнести его к данному классу. Дело в том, что его атрибутивной чертой как раз и является *отсутствие* самостоятельной субстанциональности. Оно, следовательно, никак не может ни складываться, ни структурироваться, ни функционировать по «образу и подобию» всех тех систем, которые уже охарактеризованы в данном подходе. Напомним, что главным из них является функциональный принцип, согласно которому компонентный состав этих систем складывается на основе мультиплицирования метасистемы в систему. У времени, в том числе и субъективного, нет и не может быть собственного содержания, оно – вовсе не система, а атрибут иных систем. Следовательно, на него практически не транспонируемо уже основное положение всего метасистемного подхода – по крайней мере, на первый взгляд. Однако как же в таком случае вообще сам метасистемный подход может быть реализован по отношению к нему (а именно такая возможность и, более того, конструктивность была обоснована в предыдущем параграфе)? Почему субъективное время, не являясь системой, в том числе – и со «встроенным» метасистемным уровнем, все же не только может, но и должно быть раскрыто именно с позиций данного подхода?

На наш взгляд, выход из этой, действительно, трудной ситуации состоит в следующем. Субъективное время, не являясь, конечно, самостоятельной системой, все же с очевидностью воплощает в себе существенные черты и закономерности той специфической формы организации, которая характерна именно для системных образований. Иначе говоря, не являясь *системой*, оно воплощает в себе *системность*, а сами понятия системы и системности должны быть дифференцированы. Однако, в таком случае возникает следующий вопрос – почему? Почему оно воплощает их в себе? Почему существует темпоральность как таковая – как специфическая форма организации, носящая уже не субстанциональный, и иной характер?

Принципиальный ответ на этот и сходные вопросы поддается обоснованным выше принципом субстанциональной опосредствованности времени в целом и субъективного времени, в частности. Субъективное время потому и характеризуется чертами системности организации, что оно атрибутивно «сцеплено» с тем субстратом, с той субстанциональной основой, в отношении которой оно существует. В нем и через него просвечивается сама онтологически представленная системность организации самих носителей, которые обладают субстанциональной самостоятельностью. Причем, в нем эта организация не только просвечивается, но и высвечивается: его анализ является каналом проникновения к раскрытию собственной организации тех систем, по отношению к которым оно изучается. В связи с этим можно говорить о специфическом методологическом подходе к анализу систем – темпорально-опосредствованном анализе, или просто – о темпоральном анализе.

Однако в таком случае возникает следующий вопрос: как возникает, формируется и эволюционирует сама темпоральность в качестве того, что и составляет суть субъективного времени? Напомним, что один из возможных вариантов его решения именно этого вопроса и был сформулирован нами на основе реализации методологии метасистемности и рассмотрен выше. Его суть состоит в том, что в основе возникновения феномена субъективного времени лежит специфическое явление, а не исключено – механизм «расщепления» актуальности и обусловленное им удвоение репрезентаций объективной реальности в реальности субъективной. Первая получает во второй двоякую репрезентацию – как то, что уже есть в ней, то есть

уже сформированные представления о мире и о себе в мире (прошлое как настоящее) и как то, что складывается в каждый конкретный акт функционирования (актуальное настоящее). При этом между ними объективно возникают закономерные отношения, главным из которых как раз и являются те, которые воплощают в себе все собственно временные атрибуты, что, в свою очередь, объясняется достаточно просто. Дело в том, что между первой и второй репрезентациями объективно и атрибутивно представлены отношения «предшествования – следования», что эквивалентно феноменам прошлого и настоящего, точнее – порождает их во взаимосвязи и взаимоопосредствованности.

Вместе с тем, в этом случае возникает еще один крайне важный феномен, который также был рассмотрен выше, а его суть заключается в том, что, будучи представленной в составе системы (психике), сама метасистема получает возможность своего рода автовзаимодействия – взаимодействия с само собой. Одна ее репрезентация («прошлое настоящее») взаимодействует с другой ее репрезентацией (актуальным настоящим). Причем в обеих представлена одна и та же реальность, но в разных временных локусах. Сама ось «прошлое – настоящее» эксплицируется как объективная основа для возникновения явления чрезвычайной значимости – феномена *автовзаимодействия*. Он присущ только системам со «встроенным» метасистемным уровнем, является одним из наиболее важных «завоеваний» системной формы организации в целом.

Однако, такое автовзаимодействие, разумеется, не только может, но и должно быть отнюдь не однократным, а многократным. Цепь же таких автовзаимодействий как раз и образует внутреннее время системы, а по отношению к психике – субъективное время. Кроме того, эта же цепь, то есть последовательность таких актов автовзаимодействия, отражая в себе, как показано выше, системность своих носителей – субстанциональных систем, также начинает воплощать в себе черты системности. Временная последовательность во все большей степени сама обретает организованность, но уже не субстанциональную, а временную. Субстанциональная системность порождает темпоральную, которая и репрезентируется как феномен субъективного времени. Следовательно, сама темпоральная системность порождается отнюдь не на основе того принципа, который был описан и объяснен в метасистемном подходе (функционального), а на основе кардиналь-

но иного принципа – собственно *темпорального*. Он существенно более сложен, в том числе, и для понимания; но это не должно закрывать возможности для попыток его объяснения.

Итак, темпоральная системность формируется вовсе не по функциональному принципу – не по типу «встраивания», мультипликации той или иной метасистемы в составе входящей в нее системы, а существенно иначе. Системы со «встроенным» метасистемным уровнем характеризуются механизмом автовзаимодействия, а многократные акты такого автовзаимодействия как раз и образуют временную «ось», темпоральную организацию процесса их функционирования. Она, отражая системность организации своих носителей, также начинает воплощать в себе черты системности, что и дает в итоге новый тип системности – темпоральную. Принцип метасистемности приводит тем самым к качественно новому результату, который пока не был пока зафиксирован в исследованиях: он дает «на выходе» не формирование какой-либо системы, обладающей самостоятельной субстанциональностью, а формирование системности как одного из важнейших атрибутов организации, но уже не субстанциональной, а временной. Так же, как время является атрибутом вполне определенной субстанции, системность – в данном случае темпоральная является атрибутом системы. Следовательно, реализация метасистемного подхода по отношению к проблеме субъективного времени с необходимостью требует расширения его методологических оснований и теоретических положений. Во-первых, с необходимостью эксплицируется еще один, не описанный пока принцип порождения такого рода образований – уже не функциональный, а темпоральный. Во-вторых, эксплицируется и еще один качественно специфический тип системности – не субстанциональная, а темпоральная. В связи с этим, возможно также и предположение, что, наряду с системами субстанционального типа, существуют и системы темпорального типа. Безусловно, это предположение нуждается в дополнительном и тщательном рассмотрении, что и составит предмет рассмотрения в главе 4. Вместе с тем, оно, как можно видеть из уже представленных материалов, позволяет по-новому поставить и частично решить ряд значимых теоретических вопросов.

С позиций развитых выше представлений о феномене (точнее, по всей вероятности – механизме) автовзаимодействия, открываются и иные – дополнительные возможности для реализации метасистем-

ного подхода к проблеме субъективного времени. Действительно, в его основе, как показано выше, лежат сложные – многоплановые и качественно гетерогенные отношения между двумя репрезентациями объективной реальности – ее представленности в субъективной реальности. Первая – это то, что было обозначено в качестве «прошлого как настоящего», а его сущность состоит в том, что в нем, фактически, аккумулирована «картина мира», которая является функцией от всего прошлого опыта субъекта. Для обозначения этой репрезентации в психологи существует множество однопорядковых понятий, которые также рассматривались выше. Причем, это такое прошлое, которое является для самого субъекта не только менее настоящим, чем актуальное настоящее (как переживаемое «сейчас»), а еще более настоящим – истинным, несомненным. Оно, собственно говоря, и выступает этой несомненностью, единственно существующей данностью. Ничто не является для человека столь настоящим, как он сам; как указывал Р. Декарт, можно сомневаться во всем, но только не в самом сомнении. Вторая репрезентация – это актуальное настоящее – настоящее уже не столько в смысле его истинности, несомненности, «всамделешности», а в темпоральном смысле – настоящее как актуальное, настоящее как «сейчас». Причем, эти две репрезентации объективно должны быть подобны в принципиальных чертах, поскольку в ином случае возникает типичный «схизис» как признак явной патологии – дискордантность внутреннего мира и пр. Однако идентичность в этом – содержательном плане не означает идентичности тех функций, которые они выполняют в психике. Иначе они были бы просто излишни как две разные репрезентации. На самом деле они выполняют существенно различные функции; поясним сказанное. Дело в том, что не только и даже не столько по отношению к отражению времени (если пользоваться традиционной терминологией), но и по отношению ко всем иным объектам отражения имеет место все то же – отмеченное выше взаимодействие двух репрезентаций. Это означает, что любой актуально протекающий процесс взаимодействия субъекта с объективной реальностью всегда и, причем, совершенно объективно разворачивается «не на пустом месте», не каждый раз заново, а на базе всего имеющегося индивидуального опыта. Он и выступает в функции «расшифровщика» поступающей информации и базы для ее переработки, реализуемой на разных уровнях сложности.

Вместе с тем, то же самое имеет место и по отношению к отражению времени: этот процесс также объективно опосредствуется той репрезентацией реальности, включая, разумеется, и отраженные в ней временные параметры и свойства этой реальности, которая обозначена в качестве «прошлого как настоящего». Однако в таком случае складывается следующая очень показательная ситуация. Та репрезентация, которая является в каждый момент актуальной и которая переживается субъектом как таковая, сопровождается и тем переживанием, которое сопряжено с параметром времени. Она отражается – ощущается и переживается и в ее временном измерении; это, собственно говоря, и зафиксировано в понятии восприятия времени, которое является базовым для всей психологии субъективного времени. Другими словами, в этой репрезентации само субъективное время представлено как некий квазиобъект, который отражается и тем самым переживается, составляет сам этот феномен. Именно он и составляет поэтому (и совершенно по праву) основной предмет психологии субъективного времени. Однако не следует забывать, что в основе его обеспечения, все же, лежит его взаимодействие с иной – второй и более глубинной репрезентацией – с тем, как время уже было репрезентировано субъектом и как оно вошло в содержание его индивидуального опыта, как оно кристаллизовалось в психике. Причем, его «откладывание» в опыте также является сложным – оно происходит не прямо, а на основе того принципа, который был означен выше как принцип субстанциональной опосредствованности. Метасистема (объективная реальность), «встраиваясь» в систему (психику), получает в ней первичную репрезентацию исключительно в содержательных характеристиках, в ее содержании, а вовсе не в ее темпоральных параметрах непосредственно. Эти параметры, будучи сцепленными с содержательными характеристиками, переносятся и в содержание психического вслед за ними и на основе них.

Кроме того, важно подчеркнуть, что отображение этих – временных характеристик также должно быть чем-то обеспечено, должны быть сформированы и (или) предусмотрены в составе самой психики такие средства, которые позволяли бы это сделать. Другими словами, эта вторая репрезентация (прошлое как настоящее) выступает по отношению к феномену субъективного времени не как то, что актуально переживается субъектом, а как то, что позволяет времени быть переживаемым. Это – не то, что переживается, а то, что *обеспечива-*

ет само переживание. Иными словами в этой второй репрезентации субъективное время выступает уже не как предмет, а как средство; оно представлено не в его содержательном модусе и информационной функции, а в его темпоральном модусе и инструментальной, операционной функции. Оно выступает не как относительно пассивный *операнд*, а как активный *оператор*; не как то, *что познается*, а как то, *чем познается*.

Субъективная репрезентации времени является поэтому и средством организации психики, включенным в ее общую структуру и функционирование, то есть, повторяем, активным оператором; и результативным эффектом – продуктом этого функционирования, эксплицируемым как феномен субъективного времени, то есть операндом. Следовательно, по отношению к ней обнаруживается то же самое фундаментальное явление, которое ранее было установлено по отношению к целому ряду иных важных психических процессов и образований – феномен (и даже механизм) *операндно-операторной обратимости*. Его смысл состоит в том, что один и тот же процесс, структура, образование могут попеременно выступать и в качестве операнда и в качестве оператора. То, что обозначается как феномен субъективного времени, как отражение времени, его репрезентация – это именно феномен, операнд, то есть результативный эффект и содержательный продукт более глубинных средств и механизмов. Их сущность состоит в том, что они являются операционными средствами, порождающими его и обеспечивающими темпоральную организацию психики, точнее – вплетенными в нее активными операторами. Между субъективным временем и темпоральностью как специфически системной организацией диахронического функционирования психики существуют отношения операнда и оператора. Важно и то, что эти отношения также обратимы: с одной стороны, темпоральность, встраиваясь в психику, порождает субъективное время. С другой стороны, субъективное время весьма действенно реализует собственно операционные функции – функции темпоральной организации поведения и деятельности, равно как и иных форм активности личности. Другими словами, именно их обратимость обеспечивает возможности взаимопорождения одним другого и наоборот. Отсюда следует, что внешний модус времени – как того, с чем «работает» психика, трансформируется во внутренний модус – в то,

что составляет и организуете саму эту «работу». Однако посредством этого общая проблема субъективного времени получает принципиально новую формулировку: необходимо не только и даже не столько исследование взаимодействия субъекта с временными параметрами реальности и их учета им, а изучение и того, каким образом сами эти параметры – темпоральность как таковая воплощены в организации и функционировании психического. Это трансформация, так сказать, экзопсихологии субъективного времени в его эндопсихологию. Если для первой время выступает как феномен и операнд, то для второй – как сущностная основа функциональной и, не исключено, даже структурной организации – как активный оператор и ноумен. В этом плане неожиданно новое звучание обретает мысль И. Канта о возможности «темпоральной теории рассудка».

Безусловно, данный вывод нуждается в дополнительном обосновании; вместе с тем, он все же логически вытекает из представленных выше аргументов достаточно общего и принципиального характера. Субъективное время, эксплицируя в качестве своей основы темпоральность, раскрывается уже не только как то, что порождается и даже конституируется психикой, и не только как то, что составляет феноменологию ее функционирования. Оно раскрывается и как то, что порождает ее саму – в аспекте базовых механизмов и принципов ее организации и ее важнейшего атрибута – диахронии, процессуальности ее бытия; как то, что ее во многом и конституирует. В связи с этими, по нашему мнению, можно сформулировать следующее предположение, которое должно составить предмет дальнейшего рассмотрения. По всей вероятности, все это происходит не прямо и непосредственно, а за счет того, что сама темпоральность не только лежит в основе структурно-функциональной организации психики, но и воплощена в ней, выступая тем самым не только ее закономерностью и принципом, но и атрибутом.

Далее, как показано нами ранее, два основных модуса многих психических процессов и структур – операторный и операндный могут не только *чередоваться*, но и *синхронизироваться*. Особенно явно это представлено по отношению к наиболее раннему и показательному предмету метакогнитивизма – метакогнитивным процессам. Действительно, они могут не только попеременно выступать и в качестве того, чем познается – операторами, и в качестве того, что позна-

ется – операндами, но и в обоих этих статусах одновременно. Именно такая синхронизированность вообще является онтологически первичной и объективно присущей им, что, в конечном итоге, во многом и обеспечивает одно из наиболее важных свойств психики – ее самосензитивность в целом и ее репрезентированность на уровне сознания, в частности. Именно поэтому они и являются парциальными процессуальными компонентами самого сознания. Вместе с тем, важно то, что именно в результате действия этого же механизма – операндно-операторной обратимости по отношению к субъективному времени оно, выступая в качестве операнда, репрезентируется как настоящее. Однако, выступая в качестве оператора, оно репрезентируется как прошлое. Их обратимость образует основу для возникновения «оси времени», а их синхронизированность – основу для непосредственного ощущения времени, его течения, потока – «дления», для субъективной несомненности и феноменологической непосредственности.

В связи с этими закономерностями несколько по-новому и в еще более глубоком смысле раскрывается сформулированное выше положение о соотношении двух форм репрезентации реальности, обозначенных понятиями актуального настоящего и настоящего в его собственно содержательной коннотации. Напомним, что первое как раз и фиксирует в себе ту репрезентацию объективной реальности, которая складывается каждый раз актуально в процессе непосредственного протекания того или иного процесса взаимодействия субъекта с ней. Это то, что традиционно фиксируется в понятиях «сейчас», «теперь-момент». Вторая репрезентация является результатом и итогом «встроенности» метасистемы (объективной реальности) в систему (психику) и выступает тем самым как уже существующая *до* любого вновь возникающего взаимодействия, являясь также и воплощением субъективного опыта как такового. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что такое взаимодействие двух репрезентаций не только предполагает, но и объективно требует развертывания тех сложнейших процессов, которые обеспечивают их. Более того, именно они как раз и являются сущностными основами, субстратом – структурно-функциональной основой для того, чтобы эти репрезентации в их содержательной наполненности вообще могли возникнуть.

Следовательно, в основе соотношений актуального настоящего и содержательного настоящего лежат все те базовые механизмы

и принципы, которые обеспечивают структурно-функциональную организацию психики в целом. Причем, такое функционирование предполагает реализацию практически всех основным механизмов и принципов по той причине, что сами эти репрезентации являются отнюдь не локальными, а интегральными по своей сути и потому предельно сложными, так как они репрезентируют реальность в ее целостности и сложности. Эти два временных локуса и, следовательно, сама временная «ось» предполагают развертывания всей совокупности указанных механизмов и принципов. Данное заключение представляется значимым и в собственно методологическом плане. Дело в том, что оно не только позволяет, но и с необходимостью предписывает вполне определенную логику и последовательность дальнейшей разработки проблемы субъективного времени на основе сформулированного выше подхода в целом и двух его определяющих положений, в особенности.

Первое из них, обозначенное как принцип субстанциональной опосредствованности, заключается в том, что репрезентация параметра времени и, соответственно, само его возникновение невозможно непосредственно – путем того, что обозначается как отражение, восприятие времени. Это – не более чем метафора. Как отмечал П. А. Флоренский, «не время делает жизнь, а жизнь делает время» [566]. Оно возможно лишь опосредствованно, косвенно – через репрезентированность содержательных, информационных, предметных и т. п. параметров объективной реальности, взятых в их целостности. Только будучи воспроизведенной на уровне психического как содержательная реальность, она может выступать и как носитель важнейшего атрибута любой реальности – времени, но уже субъективного. Второе положение состоит в том, что в основе такого воспроизведения лежит не какой-либо особый «орган», процесс, локальная структура, а по существу, вся структурно-функциональная организация психики. Актуальное настоящее, то есть то, что переживается субъектом «здесь и теперь» – это всегда нечто атрибутивно осознающееся им. Более того, порождение именно этого настоящего во многом его же – сознание и конституирует (что, кстати говоря, отражено в сути одного из основных подводков к субъективному времени – феноменологического). Поэтому такая репрезентация предполагает подключение именно высшего уровня организации психики – осознаваемого.

Однако именно это означает и актуализацию всех иных – соподчиненных ему уровней, которые, собственно говоря, и лежат в основе его обеспечения. Следовательно, несмотря на всю – гораздо более сложную картину обеспечения субъективного времени, эксплицирующуюся с точки зрения такого подхода, именно ее раскрытие все же совершенно необходимо для объяснения этого феномена. Другими словами, общим направлением и главным содержанием дальнейшей разработки данной проблемы должно быть раскрытие и объяснение тех процессов и механизмов, принципов и закономерностей, которые локализованы на всех основных уровнях структурной организации психики и комплекс которых обеспечивает его. Очень показательно в данной связи и то, что, как следует из данного заключения, оно с необходимостью переводит все последующее изучение проблемы субъективного времени от первого и реализованного выше этапа, аспекта, предписываемого развитым нами методологическим подходом (метасистемного) ко второму основному этапу – структурному.

Кроме того, с этих позиций можно дифференцировать три основных аспекта субъективного времени как предмета психологического исследования. Первый – наиболее традиционный и широко представленный аспект заключается в его понимании именно как некоторого *операнда*, то есть как субъективного феномена, возникающего вследствие отображения временных параметров объективной реальности. Это совокупность тех субъективных репрезентаций самого разного уровня, которые возникают именно как результат, продукт – итоговый феномен. Второй аспект, значительно менее представленный в исследованиях – это экспликация и объяснение того, как собственно временные закономерности, то есть принципы темпоральной организации реализуются в качестве операционных средств функционирования психики, то есть исследование субъективного времени не в качестве операнда, а в качестве *оператора*. Наконец, третий – практически не изученный, но гораздо более глубокий и определяющий аспект предполагает выявление того, каким образом темпоральность реализована, воплощена в самой структурно-уровневой и структурно-функциональной *организации* психики, как она уже представлена в ней. При этом мы вполне сознаем, что такого рода заключение может показаться не вполне обоснованным и даже не вполне понятным, поскольку пока не ясно, что означает и в чем

заключается такая представленность. Вместе с тем, очевидно и другое: именно к такому предположению как раз и приводит вся логика развития этой проблемы и оно, следовательно, требует приоритетного рассмотрения, что и должно составить основу задачи дальнейшего изложения.

Итак, выше был рассмотрен один из основных вопросов того этапа общей стратегии исследования проблемы субъективного времени – структурного, который одновременно является и главным при реализации другого ее этапа – метасистемного. Такое единство, как отмечалось ранее, отнюдь не является случайным, а отражает саму суть метасистемного подхода в целом и систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в особенности, которая подробно охарактеризована выше. Те сложнейшие особенности и закономерности, которые лежат в их основе, то есть в основе того, как метасистема детерминирует собой структуру и содержание самой системы и мультиплицируется в ней, определяет и логику их исследования. Конкретно, это приводит к тому, что сам метасистемный план – аспект исследования и, соответственно, его этап, фактически, оказывается во многом просто тождественным одному из аспектов структурного этапа, поскольку последний как раз и предполагает раскрытие основных уровней организации системы в целом и одного из них – метасистемного уровня. Аналогично тому, как метасистемный уровень организации является встроенным – включенным в саму структуру и организацию систем, его раскрытие также включается в реализацию собственно структурного этапа (плана) исследования. Поэтому и сам метасистемный план выступает не столько как отдельный и самостоятельный, а как включенный – «встроенный» в реализацию ее другого этапа (плана) – структурного.

Подчеркнем также, что метасистемный план направлен на то, чтобы попытаться дать ответ на вопрос, который является, пожалуй, главным и определяющим во всей этой проблеме. Это вопрос о том, каким образом конституируется – *порождается* и формируется субъективное время? Ответить именно на него и оказалось возможным на основе реализации базовых положений того методологического подзола, который положен в основу данной работы. Это означает, что само субъективное время как максимально интегративный феномен – по существу, атрибут субъективной реальности в целом конституируется именно на основе принципа метасистемности, который, как было

оказано нами ранее, лежит и в основе многих иных – и также определяющих психически образований и структур, процессов и качеств. Метасистемная природа субъективного времени определяет не только критически важные детерминанты его порождения, но и базовые атрибуты его самого, лежит в основе его качественной определенности и многомерности. Они – эти атрибуты как раз и эксплицируются в том случае и при том условии, что по отношению к самому этому феномену будут реализованы представления о качественно специфическом классе систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим, важно и показательно, что именно такой – обший результата непосредственно содействует разработке проблемы субъективного времени не только в целом, но и в том ее аспекте, который являются, фактически, основным и определяющим в ней – выявлению и объяснению его структурной, точнее – *структурно-уровневой* организации. Данное обстоятельство вытекает из главного положения всего реализованного выше методологического подхода, заключающегося в том, что сам принцип метасистемной организации в целом и субъективного времени, в частности, обуславливает формирование в структуре того или иного психического образования особого, качественно специфического уровня организации – метасистемного. И, если данное положение выше было обосновано и реализовано по отношению к феномену субъективного времени в целом – в его принципиальном виде, то теперь оно должно быть конкретизировано, то есть показано, каким образом и на основе каких закономерностей это реализуется – за счет каких операционных и иных средств порождается сам этот уровень – метасистемный и как он обретает свой статус – статус именно уровня образования в общей структуре организации субъективного времени. Понятно также, что в этих целях необходимо поставить и, по возможности, предложить решение и более общей проблемы. Она состоит в необходимости раскрытия не только этого уровня, но и экспликации всей уровневой структуры субъективного времени, то есть в верификации, сформулированного выше общетеоретического предположения, согласно которому в его организации реализован уровневый принцип как таковой. Следовательно, к рассмотрению этих вопросов теперь и необходимо перейти.

3.2.2. Темпоральность в структуре метасистемного уровня

В целях определения наиболее обоснованных и конструктивных путей их решения в целом и вопроса, связанного с конкретизацией содержания самого метасистемного уровня, в частности, целесообразно резюмировать некоторые из сформулированных выше положений. Однако сделать это следует не столько в плане простого обобщения их содержания, сколько в плане того, каким образом они могут составить основу для раскрытия этого содержания и даже задать главные направления их разработки.

Во-первых, это положение наиболее общего плана, согласно которому одним из возможных и, более того, достаточно конструктивных подходов к разработке проблемы субъективного времени является сформулированный нами метасистемный подход. Именно с его позиций оказывается возможным предложить достаточно общий по смыслу, но вполне конкретный по содержанию вариант решения, пожалуй, основной и наиболее трудной проблемы, суть которой состоит не только в том, каким образом организовано субъективное время и каковы его закономерности, а в том, как и почему оно становится возможным, то есть как и в силу каких причин возникает сам этот феномен.

Во-вторых, это и сформулированный выше принцип субстанциональной опосредствованности, согласно которому репрезентация параметра времени и, соответственно, само его возникновение невозможно непосредственно – путем того, что обозначается как отражение времени, восприятие времени. Оно возможно лишь опосредствованно, косвенно – через репрезентированность содержательных, информационных, предметных и других параметров объективной реальности, взятых в их целостности.

В-третьих, это и конкретизация того важнейшего положения, на основе которого, собственно говоря, базируется данный принцип и согласно которому сам феномен субъективного времени воплощает в себе основные черты системности его организации в целом и иерархичность этой организации, в частности. Это означает, что он, по-видимому, построен на основе структурно-уровневого принципа и образован сорганизованной совокупности разнокачественных процессов и структур, локализованных на различных уровнях организации психики в целом.

В-четвертых, это и положение, согласно которому одной из главных перспектив разработки проблемы субъективного времени является необходимость в существенной переориентации исследований и их реализация не только в направлении изучения того, что составляет своего рода его экзопсихологию, связанную с раскрытием и объяснением его феноменологии и закономерностей, а ее эндопсихологию. Она ориентирована на выявление того, каким образом параметр времени реализован – учтен и воплощен в собственной организации психического; каким образом структурно-функциональная организация психики включает в себя темпоральность как таковую. Другими словами, субъективное время должно быть эксплицировано не только в качестве сугубо содержательной сущности; не только в его феноменологическом плане, то есть в качестве операнда. Оно должно быть эксплицировано и в его операциональном аспекте – как одно из важных средств и детерминант всей структурной организации психики и детерминанта ее функционирования, то есть в качестве активного оператора. Причем, говоря о такого рода переориентации, мы имеем ввиду, конечно, не замену одной ориентацией другой, а их дополнение и взаимное обогащение.

Переходя к рассмотрению всех этих вопросов, связанных с необходимостью экспликации уровневой организации субъективного времени, представляется целесообразным вначале вновь обратиться к анализу именно того уровня, который наиболее специфичен развиваемому в данной работе методологическому подходу в целом и его спецификации по отношению к проблеме субъективного времени, частности, – метасистемного. Иными словами, должна быть продолжена экспликация и объяснение именно метасистемного уровня организации субъективного времени, но уже в его собственно содержательном плане. Действительно, так как вопросы, связанные с его сущностью в целом уже рассматривались выше, то напомним лишь его главный принцип, определяющую особенность, которая состоит в следующем. По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только экстрасистемную представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и интрасистемную представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает, в конечном итоге, вся внешнеположенная ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью) получает

в содержании самой психики свое удвоенное бытие, свое «второе существование». Оно и составляет содержание метасистемного уровня; оно, разумеется, нетождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от «исходного бытия» метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а идеальную природу. В свою очередь, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является родовым по отношению к каждому из них как видовому. Все сказанное обозначается как метасистемный принцип функциональной организации психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой.

В связи с этим, сформулированная выше – основная задача может быть конкретизирована. Она состоит в том, чтобы определить и, по возможности, объяснить, на основе каких закономерностей и в каких основных аспектах происходит такого рода «встраивание» метасистемы (объективной реальности, взятой, в основном, в ее темпоральном измерении) в систему (субъективную реальность и в психику в целом)? Что составляет содержание метасистемного уровня организации субъективного времени?

По нашему мнению, следует дифференцировать три основных плана такого «встраивания», мультиплицирования метасистемы – объективной реальности в феномен субъективного времени и, соответственно, три основные «составляющие» – аспекта содержания этого уровня. Первый – наиболее специфический по отношению к данному уровню аспект непосредственно связан с аналогичным по значимости, то есть также определяющим для данного уровня образованием. Это – наиболее фундаментальный феномен *знаний* как таковых, взятых в их максимально обобщенном и внутренне дифференцированном, многоплановом виде. Как известно, важнейшей и определяющей частью всей объективной реальности выступает социум в целом во всей его сложности и комплексности. Он включает предельно широкую совокупность выработанных в процессе его развития представлений о мире и о человеке в нем, то есть, собственно говоря, знаний как таковых, причем, самого разного типа – житейских (обыденных, донаучных), религиозных, философских, конкретно-научных и др.

В свою очередь, они, разумеется, включают очень широкий и также внутренне дифференцированный комплекс представлений о времени – знаний о нем, причем, также в самых разных отношениях и планах, в самых разных его модусах. Употребляя термин «знания», следует иметь в виду, что речь должна идти не только о собственно знаниевых репрезентациях, но и обо всех иных формах и уровнях субъективных репрезентаций реальности. Более того, как известно, одна из наиболее общих и острых проблем всей хронопсихологии как раз и состоит в том, что, возможно, само время как таковое вообще существует только в качестве некоторых сконструированных социумом представлений, а не как объективная реальность. Фактически, это и является тем, что на уровне философского познания обозначается как «идея времени»; как время, эксплицированное в качестве важнейшей составляющей самого идеального в целом, но отнюдь не как составляющая материального. Время – это не само материальное, не субстрат и субстанция, а их атрибут, эксплицирующий определенный аспект его организации – диахроническую, темпоральную. Следовательно, и само его существование также специфично – оно возможно только благодаря взаимодействующему с объектом субъекту, как результат его взаимодействия с объективной реальностью. В результате такого взаимодействия, но уже по отношению к каждому индивидуальному случаю, то есть по оснащению к индивидуальной психике, также складывается аналог или точнее – экспликация этих общих представлений, то есть совокупность знаний о времени, а шире – всех субъективных репрезентаций, связанных с этим атрибутом. Вследствие этого, имеет место типичная ситуация взаимодействия социального (метаиндивидуального) и индивидуального, которая, как известно, составляет основу для всего процесса социализации личности в целом и для формирования индивидуальной психики, в частности.

Однако, сам процесс социализации, как показано во многих исследованиях, в том числе и наших, как раз и представляет собой типичный случай встраивания метасистемы (социума) в систему (личность) в аспекте его принципов и механизмов. Социум как метасистема для индивида и его психической организации «встраивается» в индивидуальную психику и строит ее, порождая, в том числе, и системы ее знаний о его временном содержании. Он мультиплицируется в совокупности представлений о нем – в картине мира, взятой, разумеется, во всех его

атрибутов, в том числе и временном. Кончено, констатируя это – наиболее общее положение, следует учитывать, что в каждом индивидуальном случае такого рода мультипликации подлежит далеко не вся совокупность социально выработанных знаний и представлений о времени, а лишь очень незначительная их часть. Точнее – та часть, которая необходима и достаточна для каждой конкретной личности и, что не менее важно, доступна ей, исходя из ее собственных возможностей, прежде всего, когнитивных⁶¹. Личность осваивает время аналогично тому, как она осваивает и весь социум в целом – только в том плане и в той мере, в какой это ей необходимо и достаточно, а также доступно и возможно. Это, однако, не меняет сути ситуации – того, что сама система таких знаний и представлений все же формируется и составляет важную часть феномена субъективного времени. Она образует такой его уровень, который принято обозначать, как понятийный и дифференцировать его от иного уровня – чувственного, на котором он же представлен не как знание о времени, а как чувство времени.

Наряду с этим, следует, естественно, учитывать, что для личности важны не столько представленные в социуме, так сказать, абстрактные знания о времени, а вполне конкретные их формы и способы организации, равно как и целые комплексы знаниевых представлений процедурального типа. Речь, разумеется, идет о том, что обычно обозначается как единицы времени, временные эталоны, временные регламенты, тайм-фреймы и пр. Это, так сказать, «дважды искусственные» образования, поскольку идея времени как первично-социальная трансформируется посредством ее конкретизации в способах ее экспликации и презентации на индивидуальном уровне – в операционные средства приспособления к времени и, соответственно, в то, благодаря чему эта идея становится доступной для интериоризации на уровне индивидуальной психики. Кроме того, к этой же категории временных средств, исходно выработанных и представленных в социальном плане, но затем принявших индивидуальную форму, следует отнести и более комплексные временные образования, направленные на организацию и регуляцию ее поведенческой и деятельностной активности. Это – и производственные формы организации деятельности (рабочие часы,

⁶¹ Показательным в данном плане является высказывание Ф. М. Достоевского: «Что знает человек? Только то, что успел узнать, но хоть врет, да живет».

смены, регламенты); это – и так называемый режим труда и отдыха; это – и нормативы по оптимальной организации бытового времени; это, наконец, и то, что составляет содержание актуальных сегодня направлений психологии субъективного времени – организационной психологии времени и тайм-менеджмента.

На основе сформулированных представлений открываются дополнительные возможности для уточнения одной из наиболее общих и традиционных проблем философии и психологии времени, которая неоднократно затрагивалась и в процессе предыдущего изложения – проблемы существования времени как такового именно в качестве объективной реальности. С точки зрения развитых выше представлений она может быть конкретизирована следующим образом. Согласно охарактеризованному выше принципу субстанциональной опосредствованности, время является атрибутивно сопряженным с определенным материальным носителем, неотрывно от него, выступая его атрибутом. Поэтому оно не представлено как автономная и независимая реальность в том смысле, в каком представлено существование самого его носителя. Оно в целом – в том виде, в каком представлено в совокупности социально складывающихся представлений о нем, и те его свойства (то есть также атрибуты, но уже вторичные) является функцией от субъект-объектных взаимодействий с этой реальностью. И в этом своем генетически вторичном модусе оно, конечно, носит характер аналогичной – вторичной сущности, представленной в виде субъектных репрезентаций и знаний как главной из них, то есть в форме идеального (как идея времени).

Однако, именно они и в целом, и знания, в особенности, закрепляются самим социумом именно в той форме, которая является основой для фиксации и кристаллизации общественного опыта – в форме знаний. Причем, они также подлежат своего рода материализации – в виде рассмотренных выше временных единиц и эталонов, режимов и регламентов, правил и норм, стереотипов и предписаний и пр. Их совокупность составляет одну из очень важных сфер всей жизнедеятельности любой социализирующейся личности и, что наиболее существенно, предстает перед ней уже не как абстрактная идея, не как нечто подчеркнуто идеальное (каковым исходно и является время), а как сугубо материализованная, объективированная и несомненная реальность. Они представлены как нечто не просто

совершенно прозаически-материальное, но и составляющее важную основу всего бытия личности. Причем, сами эти эталоны, единицы также зафиксированы в многочисленных материальных воплощениях и носителях. Следовательно, в каждом индивидуальном случае – в ходе индивидуального онтогенеза личность сталкивается отнюдь не с идеей времени, не со временем в его исходном модусе (как вторичной и производной сущности), а со вполне осязаемой и даже материализованной реальностью совершенно объективного характера. И в этом смысле время для нее вполне реально, а отчасти даже и материально. Однако затем – в процессе самой социализации происходит то, что разворачивалось ранее в процессе развития самого социума: как принято говорить в этих случаях, «онтогенез повторяет филогенез» (в данном случае, конечно, социогенез).

Иными словами, в ходе онтогенеза время, но уже индивидуальное – субъективное вновь формируется как нечто именно субъективное и потому подчеркнуто идеальное. Как выражался в подобных случаях Г. В. Гегель, «вещь возвращается обратно к себе в идеальность». В итоге субъективное время обретает конгруэнтность тому естественному модусу, в каком оно представлено на уровне объективного времени – не как материальная реальность, а как аспект ее темпоральной организации. Оно предстает как ее «измерение», как не существующее вне и независимо от нее и эксплицируемое только в процессах субъект-объектного взаимодействия. Этим, кстати говоря, достаточно хорошо объясняется известный *феномен релятивности* – относительности времени, поскольку со сформулированных выше позиций оно, действительно, всегда принципиально опосредствованно характеристиками субъекта, то есть соотносительно ему и является в существенной степени функцией не только от темпоральных характеристик объективной реальности, но и от особенностей субъекта. С этих позиций дополнительное звучание обретает и известное положение «человек – мера всех вещей».

Второй основной аспект общего содержания метасистемного уровня организации субъективного времени носит существенно более имплицитный и, соответственно, – более сложный для экспликации и объяснения характер. Как отмечалось в параграфе 1.1., истинная «хитрость» времени как атрибута реальности, основной источник принципиальных трудностей его понимания и познания

состоит в его фундаментальной *двойственности*, которая служит основой для непрекращающихся дискуссий относительно его существования вообще. Их смысл как раз и состоит в том, существует ли оно вообще как некоторая реальность, или же является исключительно идеальным образованием. С одной стороны, оно в целом и каждая его индивидуальная экспликация, действительно, возможны только благодаря процедурам идеализации. С другой стороны, сами эти процедуры должны все же на чем-то основываться: чтобы породить идею времени нужен предмет этого порождения, то есть некоторая, пусть и специфическая, но все же реальная основа для этого, причем, такая, которая носит предельно общий и универсальный характер. В ее качестве как раз и выступает все то, что обозначается понятием основных атрибутов времени, вторичных по отношению к материальному носителю. Само время – это первичный атрибут, у которого, однако, также есть свои атрибуты, но уже вторичные по отношению к субстанциональной основе. Это – длительность, последовательность, непрерывность, континуальность и пр. Вся совокупность этих вторичных атрибутов отражает и воплощает, точнее, образует особую форму организации объективной реальности – уже не синхроническую, субстанциональную, а диахроническую, темпоральную, то есть собственно временную. Очень важно и то, что основные закономерности и принципы этой организации являются предельно обобщенными – фактически, инвариантными по отношению к самым разным «носителям», к тем субстанциональным основам, которые и подлежат темпоральной организации. Для ее обозначения, как раз и используется этот термин – темпоральность. Причем, показательно и то, что она также может быть представлена с разной степенью – с разной мерой совершенства, начиная от элементарной хронологической упорядоченности и заканчивая воспроизведенностью в ней основных черт собственно системной организации, в силу чего появляются основания и для введения понятия темпоральной системности.

Констатируя это, следует учитывать также и одну из очень важных закономерностей репрезентирования в психике содержания объективной реальности и ее основных атрибутов. Она заключается в том, что психика способна не только к репрезентации собственно содержательных, информационных аспектов объективной реальности, но и тех инвариантов, которые лежат в ее основе и которые струк-

турируют сами информационные параметры. Установление данной закономерности восходит, как известно, к исследованиям гештальтпсихологов; открытие же феномена сензитивности психики к организации как таковой, а не только к содержанию того, что ей подлежит, явилось важным результатом общепсихологического плана. Однако именно этот – общепсихологический и, следовательно, универсальный характер позволяет, по крайней мере, предположить, что она может распространяться и на сферу субъективного времени – на «отражение» (если пользоваться традиционной терминологией) времени, а в более широком плане – на взаимодействие с временными параметрами объективной реальности. Эта реальность, будучи организованной, в том числе, и в ее диахроническом плане, содержит тем самым в себе соответствующие – темпоральные инварианты; подвержена темпоральной организации в целом, что также может составлять предмет «отображения» на уровне психического.

Другим словами, эта внешне локализованная темпоральность также может и должна быть каким-то образом отображена психикой, поскольку в противном случае важнейший атрибут самой объективной реальности окажется не учтенным и само ее отображение не будет адекватным и адаптивным по своей сути. Иначе говоря, сама темпоральность должна адекватным образом воспроизводиться и в содержании и организации психики. Временная организация объективной реальности должна отображаться ей не только в плане совокупности ее субъективных репрезентаций, но и в плане ее воплощенности в средствах и закономерностях ее собственно функциональной организации. Внешняя темпоральность должна транспонироваться во внутреннюю темпоральность, мультиплицироваться в ней. В этой связи очень показательны и доказательны, что, несмотря на, казалось бы, избыточную абстрактность этого заключения, именно оно имеет самые непосредственные и очевидные, а потому – значимые проявления. Их сущность хорошо известна и многократно описана в психологии субъективно времени, составляя ее очень важную часть. Речь, разумеется, идет обо всем том, что обычно обозначается как феномен *синхронизированности* субъективного и объективного времени, а также как явление производности первого от второго. Вся активность организма – подчеркнем, именно организма в целом, а не только психики как его высшего уровня, буквально пронизана

такими временными инвариантами – ритмами, циклами и т. п., которые не просто релевантны аналогичным явлениям объективной реальности, но, по всей вероятности, формируются на их основе. Именно это и является наилучшим средством приспособления к ним, учета объективного времени во времени субъективном.

Однако именно это выступает прямым проявлением «встраивания» объективной реальности, взятой в ее временном, темпоральном измерении, в реальность субъективную – в психику, приводя в итоге к порождению интрапсихической темпоральности и, соответственно, к ее феноменологическому проявлению – субъективному времени. И именно эти – феноменологические проявления весьма просты и широко известны: это и суточные (циркадные) ритмы, и более общие ритмы – недельные, сезонные. Это – и феномены, связанные с цикличностью, воспроизводимостью и, следовательно, стереотипностью временной организации объективной реальности как важнейшего условия приспособления к ней. Это – и временные формы производственной активности личности (тайм-фреймы). Это, наконец, и наиболее простые, на первый взгляд, но именно потому – и наиболее распространенные и базовые формы ассимиляции субъектом временной организации объективной реальности, связанные с ее повторяемостью, цикличностью, факторами последовательности и одновременности, с разным масштабом времени событий различной личностной значимости и пр. Иными словами, это все то, что обычно соотносится с содержанием очень общего, но именно поэтому значимого понятия хронотопа, взятого правда, преимущественно, в его темпоральном, а не пространственном аспекте. Как отмечалось выше, хронотоп – это единство пространственных и временных характеристик существования и развития явлений. Понятие хронотопа было введено во многом на основе взглядов Г. Минковского и А. Эйнштейна А. А. Ухтомским, который отмечал: «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [556]. Формула хронотопа была также сформулирована М. Хайдеггером как: «здесь-и-сейчас» [574]. Она означает, что любое явление существует и в определен-

ном месте (в пространстве), и на определенном этапе своего развития (во времени). В соответствии с этой формулой явления – прежде всего, социальные должны изучаться сразу же и во времени, и в пространстве.

Идею хронотопа применительно к психологии развивал В. П. Зинченко. Он отмечал, что «своеобразие хронотопа состоит в том, что он соединяет в себе, казалось бы, несоединимое. А именно – пространственно-временные, в физическом смысле этого слова, телесные ограничения с безграничностью времени и пространства, т. е. с вечностью и с бесконечностью. Первый – это и есть онтологический план, заключающий в себе всю суровость бытия, которое в конце концов награждает человека смертью; второй – феноменологический, идущий из культуры, истории, из ноосферы, от Бога, от Абсолюта, т. е. из вечности в вечность со всеми мыслимыми общечеловеческими ценностями и смыслами. В любом поведенческом или деятельностном акте, совершаемом человеком, мы имеем все три «цвета времени»: прошлое, настоящее и будущее, то есть даже хронотоп живого движения может рассматриваться как элементарная единица, зародыш (или продукт?) вечности. Поэтому в нем потенциально содержатся не только дольний, но и горний миры. Конечно, хронотоп – это пока метафора, удачно описывающая живой пространственно-временной континуум, в котором протекает развитие человека, понимаемое как уникальный процесс в составе космоса» [216]. Позднее он, уже не упоминая о метафоричности понятия, пишет: «Хронотоп – это живое измерение пространства и времени, в котором они нераздельны. Хронотоп сознания двулик. Это в такой же степени «овремененность пространства», в какой и «опространственность времени» [216]. Следуя идее «функциональных органов» А. А. Ухтомского, В. П. Зинченко вводит понятие «функциональное пространство», а «функциональное время» называет «историческим». Совокупность этих двух понятий и составляет у В. П. Зинченко понятие «хронотоп». Можно полагать, что оно в какой-то степени соответствует понятию «субъективная действительность» В. И. Слободчикова. «Хронотоп предполагает симулянизацию психологического времени – дление, включающее прошлое, настоящее и будущее» [598]. И именно оно объединяет в себе действие настоящего, опыт прошедшего и мечты (цели) о будущем. Хронотоп наполнен, с одной стороны, памятью и опытом и, с другой стороны, целями, мечтами, планами и надеждами, поэтому он полон

смыслом, а «вне смыслового измерения хронотоп в принципе невозможен». Таким образом, хроотоп является важным и обобщенным эффектом мультиплицированности темпоральных характеристик объективной реальности в реальности субъективной.

В сходном плане по отношению к рассматриваемой проблеме должны быть привлечены и взгляды П.К. Анохина относительно фундаментального значения параметра времени в жизнедеятельности организмов в целом и организации психики, в частности. Он указывал, что «Пространственно-временная структура мира является тем фундаментом, на котором первичная жизнь приобретала свои основные свойства, а живые существа – приспособительные качества в процессе своей эволюции вплоть до высшего ее этапа – человека. Мы, несомненно, встречаемся здесь с новыми свойствами времени, которые никогда не оценивались в аспекте их биологического значения. С зарождением жизни на Земле материя обогатилась принципиально новым фактором – активным отношением живой материи к всевозможным превращениям пространственно-временной структуры неорганического мира, и, следовательно, время для животного приобретало свое специфическое значение. К сожалению, время как фактор эволюции живых существ на земном шаре и как важнейший параметр развития их нервной деятельности никогда не подвергалось серьезному анализу. Этот важнейший для физиологии высшей нервной деятельности вопрос фактически надо исследовать заново. Возникают следующие проблемы: в каких формах время как универсальный фактор мира могло оказать влияние на развитие живой материи, как организмы приспособились к временным факторам движения материи и какие именно параметры времени оказались наиболее решающими для живых существ, обеспечили им выживание и прогрессивную эволюцию?» [25] И далее он указывает: «Первым и существенным моментом является то, что основные формы движения материи в пространственно-временных рамках существовали в неорганической природе до появления первых живых существ на земном шаре. Это очень важный момент: живая материя, «вписавшись» в уже готовую пространственно-временную систему мира, не могла не отразить ее свойства, ее архитектуру, если только эти свойства имели отношение к основному свойству самой живой материи – выживаемости». И, наконец, он формулирует основное положение: «Проделанный выше анализ приводит нас к за-

ключению, что именно эта форма временных соотношений – повторяющиеся воздействия – представляет собой универсальную форму связи уже сложившихся и индивидуализировавшихся живых существ с окружающей их средой» [25].

Вместе с тем, только этими особенностями и закономерностями второй аспект общего содержания метасистемного уровня субъективного времени отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что и система знаний о времени, и хронотоп как интегральное средство отображения в психике темпоральности внешней среды должны быть обеспечены соответствующими средствами. В основе этого должны лежать собственно психические процессы и иные операционные образования, которые являются их истинными рпализаторами, их подлинной онтологией. Следовательно, появляются основания для предположения, согласно которому темпоральность как важная форма организации в целом не только может, но и обязательно должна воплощаться также и в тех базовых процессах и механизмах, которые лежат в основе функционирования психики в целом. Темпоральность, выступая атрибутом объективной реальности, должна, по-видимому, каким-либо образом транспонироваться и на субъективную реальность – прежде всего, на ее функциональную организацию, поскольку именно она как раз и выступает полным аналогом и даже воплощением «бытия во времени».

Та связь живых существ с окружающей их средой в аспекте ее временного измерения, о которой писал П. К. Анохин, обеспечивается сложной системой специфических средств, локализованных на разных уровнях организации. Она, формируясь исходно на базе темпоральных характеристик среды, затем обеспечивают адаптацию к ним, выступая в качестве темпорально-ориентированных операционных средств. Именно это – казалось бы, также избыточно абстрактное заключение, однако, находит свое максимально полное и предельно явное воплощение в базовых закономерностях психики в целом. Темпоральность не просто «встраивается» во все ее содержание и функционирование, но буквально пронизывает ее и, более того, во многом составляет ее сущность и качественную определенность. Это относится и к ее функционированию в целом, поскольку, как известно, оно, равно как и функционирование организмов, подчинено объективным *ритмам* – прежде всего, циркадному. Это в еще более явной форме относится и к ее основной, наиболее фунда-

ментальной «составляющей» – к психическим *процессам*, поскольку даже сам термин «процесс» воплощает в себе атрибутивную связь именно с темпоральностью, с развертыванием во времени. Это же воплощено и в категории психических *функций*, поскольку и они – опять-таки даже на уровне этимологического тождества эксплицирует атрибутивную сопряженность именно с функционированием, то есть с временной динамикой. Это воплощено и в одном из наиболее общих механизмов функциональной организации основных психических процессов и многих иных образований – в принципе их функциональной *обратимости*, точнее – операндно-операторной обратимости. Он, как отмечалось, заключается в том, что многие психические образования могут попеременно выступать и в качестве относительно пассивных операндов, и в качестве активных операторов, чередуясь друг с другом и образуя тем самым временную протяженность. Иными словами, он не просто предполагает, а основывается на темпоральности как специфическом операционном средстве, использует временную «ось» как специфическое операционное средство – и в аспекте ее диахронии, и в аспекте синхронии.

Итак, в свете проведенного анализа со всей отчетливостью вырисовывается обстоятельство принципиального плана. Сама темпоральность как инвариантное ядро и объективного и субъективного времени, взятая в ее широком, а потому – истинном и полном виде, то есть как временная организация диахронического модуса реальности, является очень сложным и внутренне гетерогенным образованием. Она не может быть адекватно понята как некоторый компонент – как локальная структура и как парциальное образование даже при очень сильной схематизации. Напротив, она выступает как интегративная по своей природе и организации, являясь, хотя и очень специфическим, но все же именно системным феноменом. Вместе с тем, она все же входит в состав и содержание, в структуру и функционирование других онтологически представленных целостностей, выступающих по отношению к ней в качестве метасистем – психики и личности. Тем самым, на ее взаимосвязи с ними переносятся отношения именно системы и метасистемы. Однако суть дела состоит в том, что эти отношения являются очень специфическими и не вполне традиционными с точки зрения сложившихся в классическом системном подходе представлений; их смысл заключается в следующем.

С одной стороны, то, что традиционно обозначается как феномен субъективного времени, с очевидностью включено в состав и содержание, в структуру и функционирование некоторой более общей по отношению к нему целостности, то есть метасистемы – в самого субъекта; выступает тем самым его «составляющей», частью. Иными словами, между субъективным временем и темпоральностью как некоторым объективно представленным атрибутом реальности сохраняются привычные и обычные для традиционных вариантов системного подхода отношения. Однако, с другой стороны, нельзя не видеть и того, что сам этот феномен является конкретизацией и реализацией по отношению к психике и личности «четвертого измерения» реальности – временного, воплощением в них темпоральности как таковой. При этом, разумеется, данное измерение является не просто очень общим, а максимально обобщенным, само выступая поэтому метасистемой для организации психики и личности. В результате этого последняя – метасистема оказывается «встроенной» включенной в то, что само является по отношению к ней как ее «составляющая», часть. Само субъективное время эксплицируется как мультиплицированная в психике (как системе) «встроенная» в нее метасистема (то есть сама темпоральность как специфическое измерение реальности). В результате всего этого нечто – в данном случае темпоральность может выступать и реально выступает одновременно и как метасистема и как – пусть и очень специфическая – но все же подсистема иной сущности – самой психики.

То же самое следует констатировать и по отношению к самой психике: она также выступает одновременно и как метасистема и как система. С одной стороны, она, будучи «частью мира», безусловно, не может нарушать его объективных законов, выходить, так сказать, за пределы его основных атрибутов, «измерений» – в том числе и временного. Поэтому и субъективное время, а также лежащая в его основе темпоральная организация психики выступает как система по отношению к этим объективно представленным атрибутам и измерением. С другой стороны, воплощая их в себе, но уже в качестве как – хотя и очень важного, но все же одного из механизмов своей организации, она выступает и в качестве метасистемы по отношению к нему – как к своей пусть и очень специфической, но все же части. Темпоральность как объективная основа субъективного времени одновременно

выступает и как метасистема по отношению к нему, и как воплощенная в нем и, следовательно, в психике в целом совокупность специфических средств. В ходе дальнейшего изложения мы подробно рассмотрим эти отношения и то, каким образом темпоральность реализована в процессуальном содержании психики и в его функциональных закономерностях. Пока же зафиксирует данное – очень значимое положение как факт, как несомненную реальность, которая как раз и эксплицирует общий принцип становления метасистемного уровня субъективного времени – «встроенность» объективной реальности в реальность субъективную, но уже не в содержательном, субстанциональном плане, а в собственно организационном – темпоральном плане.

Наконец, необходимо, по нашему мнению, дифференцировать еще один – наиболее имплицитный и даже не вполне ожидаемый с точки зрения традиционных представлений аспект общего содержания метасистемного уровня организации субъективного времени. Однако, таким – не вполне ожидаемым он является только с точки зрения традиционных представлений, тогда как с позиций развитых выше представлений – метасистемного подхода к его исследованию, он, напротив, не только вполне ожидаем, но и даже необходим. Действительно, как показано выше, вся традиционная психология времени концентрировалась и продолжает концентрироваться вокруг его понимания именно как некоторой содержательной сущности, как некоторого операнда, который и подлежит раскрытию в аспекте его феноменологии и в плане его закономерностей и механизмов, особенностей и средств. Это – своего рода экзопсихология субъективно времени. Вместе с тем, не менее значимо и то, что само субъективное время – как в аспекте его содержания, так и в аспекте его средств и механизмов не только может, но и должно выступать в еще одной важнейшей роли – как активное средство, точнее – комплекс средств по отношению ко многим иным процессам и образованиям, а также по отношению к реализации общепсихологических, поведенческих, деятельностных коммуникативных и иных функций. Иными словами, оно эксплицируется не только как операнд, но и как активный оператор, в чем и состоит одно из его основных предназначений. Это – уже не внешняя, а внутренняя психология субъективного времени, эндопсихология субъективного времени. Вместе с тем, она также нуждается в уточнении и углублении, что и приводит к экспликации третьего основного аспекта метасистемного уровня организации

субъективного времени. Как показывает вся история развития психологии субъективного времени, оно осуществлялось под негласным и автоматическим, но императивным признанием так называемой «гегелевской дихотомии» – дифференциации, предполагающей экспликацию реальности в качестве взаимодействия субъекта и объекта, то есть на основе их уже состоявшегося разделения. Тем самым, они как бы сразу относятся к двум совершенно разным «мирам» – объективному и субъективному, с подчеркиванием кардинальных различий между ними. Однако не следует забывать и о принципиальной соотносительности этих понятий, а также о том, что исходно они принадлежат одной и той же реальности. Поэтому с более широких позиций в качестве исходной следует принять точку зрения, согласно которой и субъект и объект, принадлежа одной реальности – исходно объективной, материальной, подчиняются одним и тем же базовым закономерностям.

Однако отсюда с необходимостью следует очень значимое заключение. Те закономерности, которые носят именно такой – объективный характер и присущи объективной реальности, в том числе, и закономерности темпорального плана, должны быть присущи и психическому как – пусть и очень специфической, но все же «составляющей» самой этой реальности. Материальное, придя в ходе своей эволюции к одной из своих форм – высшей, то есть к самой психике, не только не утрачивает при этом в ней своих базовых законов, но и, сохраняя их, эксплицирует их с еще большей необходимостью. Другое дело, что их становится гораздо труднее распознать и вообще осознать тот факт, что они существуют и в нем. Дело в том, что в нем они представлены в «снятом» виде и в такой форме, которая маскирует их своей феноменологической противоположностью по отношению к ним. Последнее объясняется тем, что, как известно, психическое – субъективное, идеальное, как раз и является по всем своим атрибутам противоположным объективному, материальному и тем самым маскирует его, в том числе, и для самого субъекта. Он ощущает себя как угодно, но только не как неодушевленную, то есть материальную сущность. Материальный носитель психики и его закономерности полностью непроницаемы для нее, что составляет важную ее особенность и главную трудность ее научного познания.

В связи с этим, и возникает предположение, согласно которому уже не только на уровне феноменологии и даже не только на уровне

операционных средств, но и на наиболее глубинном уровне организации психики, на котором локализованы его структурные и субстанциональные основы, равно как принципы и механизмы ее функциональной организации, также воплощены основные закономерности темпорального типа. Иными словами, это предположение, согласно которому уже в самой структуре, в том числе и уровневой, а не исключено – и в морфо-физиологических основах психического, а также в его функциональной организации реализована темпоральность как атрибут объективной реальности. Несколько схематизируя, можно сказать и так. По всей вероятности, время отображается и учитывается психикой не только феноменологически и не только за счет реализации тех или иных средств операционного плана, но и самим ее «устройством» – составом и содержанием ее основных структурных образующих, то есть тем из чего она состоит и как она функционально организована. Это, так сказать, приспособление ко времени за счет самого устройства психики, «кодирование времени устройством психического». Правда, при этом возникает все тот же традиционный вопрос: либо психика отображает параметр времени – в частности, и своим устройством? Либо наоборот, она этим устройством порождает его, приводя к «идее времени» Ниже мы остановимся на рассмотрении и данного вопроса, а пока зафиксируем его основной смысл и возможный подход к его изучению.

Итак, в связи со сформулированными выше заключениями вновь возникает неоднократно отмеченный выше принципиальный вопрос: либо субъективное время как психическое образование конституируется объективной реальностью, либо оно само конструирует репрезентации этой реальности на основе своей собственной организации? Либо уровни субъективного времени – его основные сферы складываются – возникают и формируются, развиваясь далее в ходе онтогенеза, как следствия и продукты отображения – мультиплицирования объективной реальности и ее временного атрибута? Либо же сама субъективная реальность и структурно-уровневая субъективного времени порождает иерархическое – структурно-уровневое видение объективной реальности, а сами дифференцируемые в ней уровни выступают производными от уровневого строения психики? Тем самым, однако, формулируется еще одно принципиальное предположение, к детальному рассмотрению которого мы возвратимся ниже, а пока зафиксируем его как важнейшее следствие метасистемного принципа органи-

зации психики и субъективного времени, равно как и определяющий аспект содержания метасистемного уровня его организации. По-видимому, психика структурируется и организуется таким образом, что в ней органично воплощается важнейшее общеадаптационное средство – феномен объективного времени. Он в целом и его парциальные компоненты и уровни, в частности, реализуются как операционные средства адаптации к объективной реальности. Однако, в связи с этим, и возникает фундаментальный – сформулированный выше очень общий и, по существу, философский вопрос. Либо субъективное время формируется таким образом, чтобы его уровни были конгруэнтны базовым измерениям объективного времени, внешней темпоральности? Либо эти «измерения» потому и существуют, что они соответствуют уровням субъективного времени, а тем самым, фактически конституируются ей самой – конструируются ей и являются производными от нее? В данной связи уместно привлечь известное в гносеологии правило, согласно которому вопросы подобного рода, то есть такой степени сложности и такого общего характера, не могут и не должны решаться по принципу «или-или». Они допускает свое решение лишь на основе принципа «и-и», то есть с позиций принципа дополнительности, а в самом общем виде возможный ответ на него может быть представлен в следующем виде. Сами уровни психического в целом и субъективного времени, в частности, будучи носителями субъективной реальности, не перестают быть органичной «частью мира», то есть реальности объективной и не перестают тем самым подчиняться ее собственным – объективным закономерностям. Напротив они строятся по ним, воплощают их в себе, хотя и в трансформированном виде. Тем самым складывается ситуация, при которой субъективная реальность и реальность объективная оказываются конгруэнтными – адекватными друг другу в их наиболее общих закономерностях. Психика в целом и субъективное время, в частности, являясь носителем субъективной реальности, сами выступают как часть объективной реальности, а потому, в конечном итоге, не могут не подчиняться тем же самым закономерностям, что и последняя. Они, следовательно, также воплощают в своей организации те фундаментальные закономерности, которые присущи объективной реальности. Одновременно, уже исходно – онтологически и объективно воплощая их в себе, «строясь» по ним, она же затем и дифференцирует их же в самой объективной реальности в ходе взаимодействия с ней.

Нетрудно видеть, что данный вопрос не просто аналогичен по смыслу уже давно известному, но сформулированному по отношению только к собственно сенсорному уровню вопросу, решение которого представлено в так называемом «законе специфических энергий органов чувств», но и является общим случаем по отношению к нему [759]. Вместе с тем, это предположение нуждается в специальном анализе, что и составит предмет рассмотрения в следующих параграфах. В них как раз и следует рассмотреть то, каким образом параметр времени учитывается в структурно-функциональной организации всех иных уровней психики, на которых локализованы, в частности, психические процессы, психофизиологические функции, их нейрофизиологические механизмы и их морфофизиологические основы. Их исследование, как отмечалось выше, составляет содержание и смысл, а также основное предназначение уже не экзопсихологии, а эндопсихологию субъективного времени.

Таким образом, выше была рассмотрена сущность и содержание одного из основных уровней организации субъективного времени – метасистемного. Резюмируя итоги этого рассмотрения, следует подчеркнуть, что он, будучи очень специфичным и даже во многом – уникальным, отражает и воплощает атрибутивно важнейшую особенность психики в целом, один из базовых принципов ее организации – принцип метасистемности. В силу этого, он в максимально полном и непосредственном виде является и воплощением того методологического подхода, который базируется на учете этого принципа. Одновременно экспликация данного уровня и его раскрытие является обоснованием и верификацией правомерности и конструктивности самого этого подхода. В пользу этого же свидетельствует и выявление сложного – многообразного и гетерогенного состав данного уровня. В нем следует дифференцировать, как минимум, три основные «составляющие» и, соответственно, три направления, по которым осуществляется его формирование.

Во-первых, это содержание, связанное с таким базовым и фундаментальным для психики в целом образованием, каковым выступает феномен знаний, представленный в различных модусах и на разных уровнях организации. Причем, даже не только знаний в их строгом смысле, а всех субъектных репрезентаций, в которых зафиксированы социально выработанные представления о времен-

ной организации объективной реальности. Именно они обладают той принципиальной, атрибутивной двойственностью, которая является основным признаком всех «составляющих» метасистемного уровня. Они принадлежат и некоторой метасистеме (в данном случае – социуму), и системе, включенной в нее (психике), которая, однако, затем сама включает, встраивает ее в себя, мультиплицирует ее в себе.

Во-вторых, это и вся совокупность интернализированных темпоральных характеристик объективной реальности, выступающая уже не как совокупность знаний, информация, а как операционные средства для организации различных форм самой активности личности в ее основных разновидностях – деятельностной, поведенческой, коммуникативной. В этом модусе субъективное время выступает не как нечто содержательное – не как операнд, а как активное операционное средство, то есть как оператор. Однако, оно и в нем сохраняет свой характер как встроенного, поскольку складывается на основе тех – исходно экстраспсихических темпоральных характеристик, которые присущие объективной реальности.

В-третьих, это наиболее глубинный пласт субъективного времени, образованный базовыми принципами и даже морфофизиологическими особенностями структурно-функциональной организации психики и организма в целом. Они, выступая онтологической базой для реализации подчеркнута субъективных, то есть психологических закономерностей, в то же время, сами являются частью объективной реальности и потому подчиняются ее фундаментальным закономерностям, но уже именно объективным. Одной из важнейших среди них является категория темпоральных закономерностей, которая также «встраивается» в структурно-функциональную организацию психики – в ее «устройство». Тем самым время входит в самую базовую структуру психики, в то, как она устроена и в аспекте ее компонентного состава, и в аспекте принципов ее функционирования. Подчеркнем также, что последнее заключение носит пока в известной степени предположительный характер и должно поэтому стать предметом специального рассмотрения. Именно это составит одну из основных задач дальнейшего анализа, а его первым шагом должно выступить рассмотрение непосредственно сопряженного с метасистемным уровнем и локализованного под ним уровня организации субъективного времени – общесистемного.

3.3. Темпоральность в структуре общесистемного уровня

Переходя к рассмотрению этого уровня, необходимо зафиксировать ряд положений общего плана – как теоретического, так и методологического, которые являются своего рода стартовыми позициями и выступают исходными, установочными для его раскрытия и объяснения. Такая необходимость обусловлена еще и тем, что, согласно сложившимся в системной методологии представлениям, именно данный уровень полагается относительно наиболее понятным и определенным в плане его природы и сущности, состава и содержания. Действительно, с одной стороны, это уровень, на котором представлен тот или иной предмет исследования в его исходном – целостном и ненарушенном аналитическими процедурами виде, в его естественном проявлении, во всей полноте содержания и феноменологии. В силу этого, вовсе не нужны какие-либо специальные процедуры для его экспликации и определения – он «уже есть», просто существует и как таковой должен выступить предметом изучения. Более того, очень понятной представляется и специфика его содержания – он образован синтезом всей совокупности его частных составляющих, их организацией, полнотой их состава. С другой стороны он рассматривается и как максимально конгруэнтный самой сути системного подхода, поскольку на нем те эффекты целостности, которые составляют суть данного подхода, представлены максимально полно и явно. Фактически, системный подход как таковой во многом просто эквивалентен исследованию именно этого уровня, который даже обозначается тем же понятием, что и сам этот подход.

Вместе с тем, в действительности, ситуация с экспликацией сущности данного уровня и его изучением отнюдь не так проста и однозначна; более того, приходится констатировать наличие некоторых стереотипов, сложившихся сегодня по отношению к нему, которые, являясь не вполне обоснованными, в значительной степени препятствуют его конструктивной реализации. Поэтому их выявление и, по возможности, преодоление может в существенной степени содействовать более продуктивной реализации данного подхода, в том числе, и по отношению к субъективному времени. В связи с этим, рассмотрим некоторые наиболее значимые из них, а также сформулируем возможные пути и способы их преодоления. Причем,

несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что некоторые из них являются не вполне традиционными, а частично даже не вполне согласуются с каноническими системными представлениями. Вместе с тем, они непосредственно вытекают из специфики и сущности сформулированного выше метасистемного подхода, являясь его конкретизацией и детализацией, в том числе и по отношению к проблеме субъективного времени.

Такая нетрадиционность весьма рельефно проявляется уже в первом и в известной степени – исходном положении методологического плана, которое заключается в следующем. В классических вариантах системного подхода в качестве аксиоматичного принимается положение, согласно которому основным *критерием* дифференциации уровней как таковых является наличие глубоких и множественных качественных различий между ними. Уровни потому и дифференцируются друг от друга, что они различаются не в количественном, а в качественном отношении. Понятия качественной определенности и уровней вообще выступают как взаимопологаемые. Иерархия уровней – это в значительной мере иерархия качественных определенностей, различных по своей сути. Вместе с тем, по отношению к одной паре соседних уровней – к дифференциации общесистемного и метасистемного уровня складывается принципиально иная и даже противоположная ситуация. Дело в том, что, согласно основным положениям развитого выше методологического подхода, системы определенного класса обладают способностью ассимилировать потенциал метасистемы, в которую они онтологически включены. Они в значительной мере и есть результат и продукт такой ассимиляции, «встраивания» метасистемы в них. Чем в большей степени реализована такая ассимиляция, то есть чем в большей степени система «вбирает» в себя потенциал метасистемы, тем богаче и совершеннее она сама. Чем в большей степени метасистема встраивается в систему, тем более последняя становится эффективной, тем в большей степени она оказываются в состоянии использовать потенциал первой при реализации своих функций. С этих позиций и становится очевидной ограниченность сферы действия одной из своего рода аксиом классического системного подхода. Согласно ей, полагается, что, наоборот, чем более та или иная система является самостоятельной по отношению к иным системам и метасистемам,

то есть самодостаточной, тем более она эффективна, совершенна и развита. В свете изложенного следует считать, что для определенного класса систем все обстоит как раз наоборот. Чем в большей степени какая-либо система воплощает в себе черты метасистемы и чем в большей степени она детерминируется ею (и содержательно, и структурно, и динамически), тем бóльшим потенциалом она обладает, тем более развитой и эффективной она является.

Другими словами, метасистема, в которую реально, онтологически включена какая-либо система и которая является первичной по отношению к ней, вместе с тем может быть функционально представлена в содержании самой этой системы, выступая как ее уровень. Отсюда вытекают три важных следствия, которые и определяют специфику исследования данного уровня. Первое: чем полнее будет такая представленность метасистемы в системе, тем эффективнее будет и сама система, тем бóльшим потенциалом и более богатым содержанием она будет обладать. Второе: на системном уровне могут использоваться средства, процессы, механизмы и пр., которые реализуются на метасистемном уровне. Отсюда с необходимостью следует, что метасистемный и системный уровни должны иметь принципиальное *сходство* содержания и принципов организации. Третье: система может входить в состав не одной, а нескольких метасистем, а те, в свою очередь, также могут быть одновременно представлены в ее содержании и составе. Данное положение с высокой степенью очевидности проявляется, как было показано в главе 2, а также в [259, 277], по отношению к метакогнитивной сфере личности и к ее мотивационной сфере. Они являются такими системами, которые, с одной стороны, объективно включены одновременно в две метасистемы (психику и деятельность), но которые, с другой стороны, функционально сами «встраиваются» в них.

В свою очередь, это означает, что отношения между системным и метасистемным уровнем являются кардинально иными, чем отношения между всеми другими уровнями [255]. Действительно, как мы отмечали выше, традиционно считается (и это справедливо для всех уровней, кроме метасистемного), что отдельные уровни потому и являются принципиально различными структурными образованиями, что их качественная определенность значимо различна. Однако сама суть метасистемного уровня состоит в том, что на нем реализуются все те средства и механизмы, которые заложены в самой системе

и составляют в своей совокупности ее качественную определенность. Следовательно, метасистемный уровень по отношению к системному одновременно и отличается качественной специфичностью, и не обладает ею. Он неспецифичен по отношению к системному уровню в аспекте тех средств – механизмов, процессов и др., которые используются на нем. Но он, в то же время, и очень специфичен, так как на нем кардинально меняется предмет, на который направлены все его операционные средства.

Таким образом, системный и метасистемный уровни должны обнаруживать не качественные различия в плане своих операционных и иных средств, а, наоборот, их принципиальное *сходство*. И лишь при этом условии они могут быть поняты как основные и притом именно различные уровни в рамках единой иерархии. Поэтому объективно важнейшим выступает экспликация априорно прогнозируемого принципиального сродства структурно-функциональной организации и основных особенностей метасистемного и системного уровней организации феномена субъективного времени. Если это сходство будет установлено, то появятся необходимые и достаточные основания для того, чтобы считать верифицированным самостоятельность уровневого статуса первого из них – метасистемного.

Далее, второе исходное – установочное положение методологического плана заключается в следующем. Традиционно полагается, что основным содержанием общесистемного уровня организации выступает соорганизация всего того содержания, которое и образует систему как таковую, входит в этот состав, точнее, является им. На первый взгляд, такое представление является не только верным, но и не видно, как оно может быть неверным. Вместе с тем, обратим внимание на то, что оно негласно, но императивно предполагает, что такой организации – синтезу подлежит только то, что локализовано *внутри* самой системы, что в известной мере верно. Вместе с тем, как показано выше, сама суть особого класса систем (со «встроенным» метасистемным уровнем) в том и состоит, что в их собственный состав функционально включается и то, что им исходно не принадлежит и что исходно не является их собственным внутренним содержанием. Тем не менее, такое функциональное включение представляет несомненную реальность, а само это – экстрасистемное, *внешнее* содержание также выступает предметом общесистемной (внутрисистемной) интеграции. В

связи со сказанным, пора, на наш взгляд, не только со всей отчетливостью осознать, но и реализовать следующее важнейшее обстоятельство. Общесистемный уровень организации, на котором представлена некая-либо гносеологическая декомпозиция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе – в реальном и не нарушенном познавательными процедурами виде, включает в себя не только внутреннее содержание, но и эффекты ее взаимодействия с более общими целостностями – метасистемами. Такого рода эффекты органично входят в состав и содержание функционирования систем. Поэтому сложные системы могут быть поняты как продукты интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Причина этого заключается в том, что само «внешнее» функционально представлено в той интеграции, которая и лежит в основе конституирования систем. Понятно, что данный вывод и такая существенно скорректированная трактовка категории системы в целом несколько нетрадиционна. Вместе с тем она непосредственно и вполне естественным образом вытекает из самой сути метасистемного подхода и существенно расширяет представления об интегративных механизмах, лежащих в основе системообразования. Система – продукт интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Складывается ситуация, при которой само «внешнее» оказывается функционально представленным в составе «внутреннего»; оно включается в функционирование систем как его собственная «составляющая». Отметим также, что данное методологическое положение находит вполне убедительное подтверждение в результатах выполненных нами исследований ряда значимых предметов психологического исследования (деятельности, сознания, психических процессов, личности) и, следовательно, должно учитываться при изучении субъективного времени.

Третье основное и также исходное положение состоит в следующем. Как уже отмечалось, на первый взгляд, содержание и специфика общесистемного уровня представляется максимально очевидной – наиболее простой для экспликации по отношению ко всем другим уровням. Действительно, он образован ничем иным, как полной совокупностью всех составляющих какой-либо целостности, всей их организованной совокупностью. Но именно в связи с таким пониманием возникает ключевой вопрос: в чем же тогда состоит *специфика* содержания данного уровня по отношению ко всей этой совокупности, поскольку он как раз и состоит в этой совокупности? Традиционен

также и наиболее распространенный вариант решения этого вопроса: она определяется тем, что на данном уровне возникают специфически системные – *синергетические* эффекты, которые и порождают качественно новое содержание, несводимое к аддитивной совокупности интегрируемых частей, то есть некоторая системная прибавка содержания. Ключевую роль при этом играет феномен порождения *системных качеств*, которые, как известно, и характеризуются тем, что приводят к выходу за пределы простой суммы интегрируемых компонентов⁶². Эти положения, разумеется, являются справедливыми. Однако именно их обоснованность и значимости выдвигает на первый план тот аспект организации общесистемного уровня, который и является максимально специфичным ему. Он связан с экспликацией и, главное, с объяснением фундаментального явления системных качеств уже не только как несомненного феномена, а как одного из основных операционных средств и механизмов порождения и существования данного уровня. Следует осознать, что суть системного уровня и природа системных качеств взаимополагаемы – даже в плане этимологического подобия. Системные качеств в их операционной функции – это и есть главный генеративно-порождающий механизм, приводящий к формированию общесистемного уровня. Раскрыть содержание данного уровня, следовательно, вообще невозможно без детального рассмотрения и объяснения самих системных качеств. Вместе с тем, приходится считаться с тем, что до сих пор природа и механизмы системных качеств раскрыта в еще недостаточной степени. Таким образом, вполне очевидно, что одним из главных направлений раскрытия природы и содержания общесистемного уровня организации субъективного времени должно выступить выявление и объяснение тех системных качеств, которые лежат в его основе.

Наконец, необходимо, по нашему мнению, зафиксировать еще одно методологическое положение, которое также должно быть реализовано в качестве установочного для рассмотрения вопроса о специфике и содержании общесистемного уровня субъективного времени. Его значимость определяется тем, что оно непосредствен-

⁶² Это отражено даже в определении системных качеств как таких свойств целого, которые присущи только ему, но отсутствуют у его частей и у их аддитивной совокупности.

но связано с самой сутью системоцентрической парадигмы научного познания в целом и психологического, в частности; воплощает в себе самую суть системного подхода в целом и даже его «идеологию». Оно состоит в том, что не только в качестве исходного пункта такого познания, но и в качестве основного его предмета рассматривается предмет изучения, взятый именно в его целостном и, следовательно, максимально естественном, не нарушенном никакими аналитическими процедурами виде. Иначе говоря, именно системный модус предмета, который как раз и сопряжен с ним как с целостностью, является и исходным, и основным для познания. Более того, именно в нем как раз и заложены основные и наиболее специфические особенности и закономерности предмета, составляющие и его качественную определенность, и его качественную специфичность. Этим объясняется и тот факт, что именно данный уровень является определяющим для раскрытия предмета в целом; именно его особенности – это ключ для понимания и объяснения предмета.

Очень показательно и доказательно в плане реализуемого здесь методологического подхода, что эти положения исходного плана как раз и проявляются непосредственным образом, причем, с самых первых шагов рассмотрения проблемы субъективного времени. Действительно, как мы отмечали выше – при характеристике содержания общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации, а также при его иллюстрации на материале организации общей совокупности психических процессов, обращение именно к ним выполняет не только собственно иллюстративные функции, но и непосредственно связано с основным предметом данного рассмотрения. Дело в том, что оно сопряжено не с каким-либо важным, но все же относительно частным и локальным аспектом организации психики, а с ее объективно *главным* аспектом – ее процессуально-психологическим содержанием. Соответственно, оно сопряжено и с категорией психических процессов, играющей, как известно, основополагающую роль во всей ее организации. Поэтому именно в его плане эксплицируется обстоятельство, согласно которому общесистемный уровень их организации, фактически, тождественен также наиболее обобщенному и сложному психическому образованию, во многом репрезентирующему психическое в целом и его аналогичную – синтетическую данность самому субъекту – *сознанию*. Отсюда следует,

в частности, что те материалы, которые были представлены выше для раскрытия уровня статуса сознания как образования, локализованного на общесистемном уровне организации психики (параграф 3.1.), должны быть привлечены и к проводимому здесь рассмотрению субъективного времени. Вместе с тем, они должны быть привлечены уже не в иллюстративных целях, а в качестве основных средств раскрытия природы и содержания этого уровня субъективного времени.

Реализуя их в целом и, в особенности, тот ключевой тезис, согласно которому именно этот уровень воплощает в себе основные – атрибутивные черты предмета исследования, обратим внимание, прежде всего, на следующее обстоятельство. Вся история развития проблемы времени в целом и субъективного времени, в особенности, как в философии, так и в психологии убедительно свидетельствует о том, что ее разработка всегда была и продолжает оставаться теснейшим образом сопряженной именно с понятием сознания. Она неразрывно сопряжена с феноменом сознания как наиболее интегративным психическим образованием, в котором воплощена психика в ее собственно системном модусе. Действительно, выше мы уже неоднократно отмечали, что в структуре собственно философского знания прослеживается явная тенденция и даже традиция все более полного и все более настоятельного обращения к категории сознания как тому, благодаря чему и на основе чего субъективное время вообще конституируется как некоторая реальность. Это отражено, в частности, в известной проблеме «первичности-вторичности» сознания и времени по отношению друг к другу, а ее сущность состоит в следующем. Либо время – причем, не только субъективное, но и объективное порождает сознание. Либо само сознание конституируется благодаря существованию временной координаты реальности.

Другими словами, с философских позиций понятия сознания и субъективного времени вообще оказываются не только взаимоплагаемыми, но и, по существу, взаимопрождающими друг друга. Наряду с этим, история и логика собственно психологического познания субъективного времени характеризуется тем же магистральным «вектором». Он также ориентирован в направлении включения в его сферу все более сложных и комплексных образований, в которых воплощено психическое в целом, то есть взятое в его собственно системном модусе. Это такие образования и модусы самого психиче-

ского, которые отражены в понятиях субъективной реальности, онтологии психического, внутреннего мира и, разумеется, прежде всего, в понятии сознания. По нашему мнению, все это отнюдь неслучайно, а отражает важную, глубинную и, не исключено, критически значимую черту всей проблемы времени в целом и субъективного времени, в особенности. Дело в том, что, согласно принципу субстанциональной опосредствованности, само время всегда является сцепленным, «сращенным» с его онтологическим носителем, с той сущностью – как объективной, так и субъективной в отношении которой оно представлено, то есть, фактически, с бытием как таковым. Вместе с тем, это же означает, что и само бытие также выступает в известной мере и в определенном аспекте своего рода функцией от временного измерения реальности, поскольку нечто становится тем, чем оно является, именно потому, что оно *становится*, то есть представлено как нечто *становящееся* – развернутое во времени, а сам атрибут становления это и есть объективно необходимое условие бытия как такового.

Вместе с тем, становление как таковое – это именно временная категория, предполагающее не только синхронический аспект бытия, но и его диахронический аспект. Именно это, кстати говоря, составляет основной пафос трактовки времени М. Хайдеггером и даже отражено в самом названии его главного труда «Бытие и время». Используя философскую терминологию, можно сказать, что время выполняет так называемую качественную функцию, выступает как качественатель бытия в целом. Оно же, согласно И. Канту, выступает в этой функции и по отношению к основным категориям познания – качественно их, позволяя обрести им свое содержание. Объективная реальность, ее бытие непосредственно сопряжено со временем, а время выступает в качестве условия и фактора самого бытия; где есть бытие, реальность, там есть и время, а возникновение все новых и новых форм самого бытия приводит к порождению все новых временных измерений реальности. Однако, именно это ключевое обстоятельство и именно эта – доминирующая тенденция развития представлений о времени самым непосредственным образом проявляется и при анализе содержания его общесистемного уровня организации, эксплицированного в феномене сознания. Дело в том, что именно оно – это и есть то, благодаря чему психическое как одна из форм бытия обретает свою – пусть и специфическую, но все же

именно реальность – субъективную. Это то, благодаря чему оно из вещи-в-себе трансформируется в вещь-для-себя, то есть порождает атрибут самоданности, а потому самости и субъектности и предстает как специфическая реальность – субъективная, во многом отличная от объективной реальности. Фактически, именно сознание это и есть то, что является «корневым» образованием и главным условием для порождения всех тех модусов психического, которые зафиксированы в указанных выше понятиях, отражающих его максимально интегративные и репрезентативные проявления.

Следовательно, благодаря ему, порождается новая и дополнительная по отношению к объективной реальность – субъективная. Однако это означает, что на нее также должно быть транспонировано наиболее общее свойство времени – его сопряженность с любой реальностью, производность от нее. В силу этого, тот общий тезис, который был зафиксирован выше (о взаимополагаемости бытия и времени), с необходимостью должен быть распространен и на психическую, субъективную реальность. Там и тогда, где и когда возникает она сама, возникает и субъективное время; возникает же она во многом и даже – в решающей степени именно как субъективная реальность благодаря сознанию. Поэтому субъективное время в значительной или также в решающей степени как раз и является главной детерминантной порождения самого феномена субъективного времени. Понятия сознания и субъективного времени оказываются взаимополагаемыми и взаимопорождающими в такой же степени, в какой в аналогичных отношениях находятся понятия объективного времени и бытия в целом. Сознание, конституируя субъективную реальность, в значительной степени вообще порождает субъективное время как атрибут этой реальности – но уже именно субъективной. Однако и само оно также выступает фактором и условием бытия сознания, поскольку в его основе лежат средства собственно процессуального плана, то есть вся система психических процессов, которые возможны – именно как *процессы* – благодаря их *временной* развертке.

Очень показательно, что именно в этом плане с необходимостью формулируется еще один – пожалуй, наиболее трудный вопрос, составляющий «сердцевину» всей психологии сознания. Это, как известно, вопрос о том, почему и как оно становится возможным вообще – за счет каких средств и механизмов возникает основное и наиболее

трудное для пожимания и объяснения свойство психического – свойство ее саморепрезентированности, сензитивности к самой себе – своему содержанию, а частично к средствам и механизмам. Тем самым, проблема природы субъективного времени оказывается во многом сопряженной с наиболее трудной и важной проблемой всей психологии в целом и психологии сознания, в особенности. Это – проблема саморепрезентированности психики как основы для ее данности самой себе, внутреннего мира личности, а в более широком плане – и проблема *идеального* в целом как ее базового и наиболее специфического атрибута. Все эти заключения требуют дальнейшего специального анализа, который и будет осуществлен в ходе последующего изложения. В этой связи становится совершенно понятным и даже естественным, что важнейшим и наиболее глубоким подходом к проблеме субъективного времени в самой философии является как раз тот, который непосредственно базируется именно на категории сознания – феноменологический подход [163, 747]. Именно он является и наиболее психологизированным, наиболее непосредственно приводящим к собственно психологическим данным и к раскрытию закономерностей сознания⁶³.

Психическое – уже не только как нечто объективно существующее и, следовательно, как фрагмент объективной реальности становится также и еще одной, кардинально иной реальностью – субъективной благодаря тому, что оно осознается. Осознание выступает фактором и решающим условием его возникновения именно как реальности. Однако, именно то, что оно возникает как реальность, порождает и время как ее атрибут. Таким образом, на общесистемном уровне субъективного времени, на котором оно выступает атрибутом сознания, собственно говоря, и порождается, является его прямым следствием. В этом и состоит наиболее специфическая и наиболее значимая роль общесистемного уровня по отношению к конституированию субъективного времени, а также к становлению его основных свойств и закономерностей, средств и механизмов. Именно этим обусловлена и самая тесная сопряженность феномена субъективного времени и сознания в целом.

⁶³ Хотя, как известно, представители этого направления дистанцировались от такой редукции до уровня конкретно-научного познания, обозначая ее как «психологизм».

Далее, столь же непосредственным и, к тому же, весьма рельефным образом по отношению к раскрытию специфики и содержания общесистемного уровня субъективного времени проявляется еще одно – сформулированное выше положение методологического плана. Более того, именно его реализация позволяет эксплицировать его новые черты и закономерности, составляющие содержание данного уровня. Напомним, что это положение состоит в том, что важнейшей особенностью взаимосвязи метасистемного и общесистемного уровней организации психики в целом и субъективного времени, в частности, является их принципиальное подобие, доходящее до степени инвариантности базовых особенностей; их взаимообусловленность и взаимопорождаемость. Однако, именно это и проявляется самым непосредственным образом в том, каким образом и в каком важнейшем образовании репрезентировано субъективное время и на метасистемном, и на общесистемном уровне. Оказывается, что его репрезентация на них представлена, фактически, в одном и том же базовом модусе, но в двух его различных проявлениях. Действительно, как показано выше, на метасистемном уровне, оно репрезентировано, в основном, в форме такого важнейшего образования, каковым выступает вся совокупность *знаний* о нем, точнее, всех форм знаниевых, субъективных репрезентаций – как итоговых, результативных образований, в которых зафиксирована информация, содержание представлений о временных свойствах реальности. И как таковые – как знания они не просто входят в состав максимально интегративной формы репрезентации, складывающейся в психике даже образующей ее, но ее же и конституируют – в сознание. Со-знание – это и есть *со-*организованная совокупность *знаний*, в том числе, временных. Они формируются, а затем и «работают» как формы кристаллизации социального опыта, то есть выступают именно в качестве продуктов «встраивания» социума как метасистемы для психики в нее саму, то есть эксплицируется как следствия общего принципа метасистемной организации психики.

Однако, с другой стороны, не менее важно, что именно сознание – это не только *со-знание*, но и *со-*знание: оно выступает не только как включающее совокупность знаний и во многом *со-*стоящее и них, но еще и как носитель средств и механизмов, которые обеспечивают их функционирование. Критически значимым в этом плане является то, что именно сознание выступает такого рода «верховным» интеграто-

ром тех всех этих средств и механизмов – прежде всего, когнитивных процессов. Оно вообще во многом образовано их синтезом, состоит в нем. Следовательно, именно эти процессы, составляющие содержание общесистемного уровня, также непосредственно сопряжены с тем же феноменом – знаний, но не в его результативном плане, а в процессуальном плане – как процессуальные средства их обеспечения. Тем самым, именно в критически важном феномене знаний и через него эксплицируется важнейшая черта взаимосвязи метасистемного и общесистемного уровней организации в целом и субъективного времени, в частности, – их принципиальное подобие, доходящее до степени *инвариантности* базовых особенностей; их взаимообусловленность и взаимопорождаемость. Кроме того, это же выступает и решающим фактором их межуровневых переходов и взаимодействий в целом. Сознание и его процессуальная основа – рефлексия одновременно выступает и интегратором всей совокупности временных знаний (как результатных образований) и процессуальных средств их обеспечения (когнитивных процессов). За счет этого достигается единство, но, конечно, отнюдь не тождество метасистемного и общесистемного уровней организации субъективного времени (точнее не его самого, а тех носителей, которые его обеспечивают и в нем проявляются – высвечиваются в нем и *через* него).

Наряду с этим, столь же общие и значимые следствия для понимания субъективного времени имеет и реализация еще одного – сформулированного выше положения методологического плана. Оно, напомним, состоит, что ведущую и определяющую роль в раскрытии специфики и содержания именно его общесистемного уровня должно играть понятие системных качеств. Дело в том, что именно они как раз и являются, с одной стороны, самым непосредственным и главным атрибутам именно этого уровня (фактически, по определению). Общесистемный уровень – уровень целостности вообще во многом ими и конституируется (точнее, теми механизмами, которые лежат в основе формирования самих системных качеств). В свою очередь, именно в них он наиболее непосредственно и проявляется, он ими образован. Следовательно, возникает настоятельная необходимость реализации по отношению к проблеме субъективного времени того эвристического потенциала, который заложен в понятии системных качеств. Они должны быть рассмотрены в качестве не только «носителей»

содержания общесистемного уровня субъективного времени, но и в качестве возможных операционных средств, порождающих сам феномен сознания и – опосредствованно им – субъективное время. Можно видеть, что, с одной стороны, само субъективное время во многом и порождается сознанием; но, с другой стороны, оно само – как локализованное на общесистемном уровне психического – во многом порождается системными качествами как наиболее специфичными именно этому уровню.

Следовательно, еще одним важнейшим направлением разработки проблемы субъективного времени должно выступить углубленное исследование именно системных качеств как операционных средств самого сознания и, повторяем, опосредствованно субъективного времени. Обратим внимание и на то, что в этом пункте анализ приводит к своеобразному ренессансу одной из наиболее классических трактовок самого сознания, которая заключается в апелляции именно к системности его организации. Действительно, важной особенностью разработки проблемы сознания является мощная исследовательская традиция, восходящая к представлениям Л. С. Выготского о *системности* его организации [73]. Они непосредственно вытекают из его общего подхода к исследованию психики. Определяя вопрос о природе сознания как центральный для психологии, он рассматривает сознание как специфическую – собственно психическую реальность, качественная характеристика которой возможна на основе признания его системного строения. Более того, Л. С. Выготский формулирует еще более сильный тезис, согласно которому системность является не просто свойством сознания или даже – его атрибутом, но и его *критерием* [129]. Как отмечает в этой связи В. Ф. Петренко, «Системность, по Л. С. Выготскому, есть критерий осознанности» [547]. Отсюда вытекает, что понятия сознания и системность являются во многом взаимополагаемыми. И хотя, как отмечает А. Н. Леонтьев, «Предпринятое Л. С. Выготским исследование сознания не было завершено и конкретно-психологическая теория сознания осталась недостроенной» [332], ее главный тезис – тезис о системном характере организации сознания является очень важным. Постановка проблемы сознания в контексте общей категории системы положила начало одной из основных и даже ставшей в настоящее время своеобразным общим местом традиции рассмотрения сознания «как системы». Такой подход

к сознанию как к системе имел в дальнейшем двоякие последствия. С одной стороны, безусловно, позитивной является попытка синтеза проблемы сознания с данной категорией, наметившая своеобразный «концептуальный мост» между ней и общей теорией систем, а также с получившим в дальнейшем широкое распространение системным подходом. С другой стороны, не менее показательны и то, что попытки содержательной реализации данного положения по отношению к столь сложной и уникальной, предельно специфической системе, каковой выступает сознание, не получили достаточного развития. Более того, они, как правило, обнаруживают еще большую сложность сознания и его непонятность и, соответственно, ставят еще более сложные проблемы, а нередко даже заводят исследования в тупик. Положение о системности строения сознания, формулировка которого обычно приписывается исключительно Л. С. Выготскому, разрабатывалась и в работах других исследователей, причем, даже в более конкретном и детализированном виде. Речь, прежде всего, идет о зарождении еще одной важной и конструктивной, получившей свое определенное развитие в дальнейшем, традиции – традиции *уровневой* трактовки и, соответственно, изучения сознания. Как известно, понятия уровня и системы во многом являются взаимополагающимися и, более того, первое во многом конкретизирует второе, раскрывая закономерности конкретной организации систем и потому – необходимым для системного исследования как такового. Так, в частности, заслуживают внимания взгляды В. М. Бехтерева о шести основных уровнях сознания: сознания своего существования, сознания своего тела, сознания окружающего пространства, сознания времени, сознания своей личности, сознания своего сознания [81]. И хотя с современной точки зрения эти представления имеют, в основном, лишь исторический интерес, в них прослеживается все та же общая гносеологическая тенденция: проблема сознания получает через них новое видение, задается новый ракурс ее изучения и, более того, создается прецедент реализации нового гносеологического средства – понятия уровня организации.

Итак, можно видеть, что логика развития проблемы субъективно времени в целом и раскрытия специфики и содержания общесистемного уровня его организации с необходимостью приводит к более общей проблеме, заключающейся в раскрытии и объяснении роли системных качеств в порождении и функционировании сознания как такового.

Данная проблема может быть сформулирована в следующем виде: как системные качества порождают сознание, а оно, в свою очередь, – время и, следовательно, как системные качества – опосредствованно выступают и факторами порождения самого субъективного времени? На наш взгляд в плане ее решения могут быть сформулированы следующие положения, содействующие раскрытию и объяснению важных дополнительных граней субъективного времени в целом.

Прежде всего, при рассмотрении данного вопроса следует подчеркнуть, что оно должно учитывать также ряд положений методологического плана, основными из которых являются следующие. Во-первых, данную проблему необходимо следует конкретизировать до вида, согласно которому необходимо установить черты принципиального сходства, а возможно, и подобия системных качеств, с одной стороны, и сознания, с другой. И лишь затем на основе этого возможно решение исходной сформулированной выше проблемы. Причем, необходимо отдавать отчет в том, что сопоставительному рассмотрению в данном случае подлежат две принципиально разные по статусу сущности. С одной стороны, это определенный носитель качеств – само сознание, взятое в аспекте его базовых атрибутов. С другой стороны, это определенные качества (в данном случае – системные) как носители свойств – но уже таких, которые обозначаются как «вторичные» качества. Это – свойства самих первичных качеств, то есть атрибутов носителя. В силу этого, в данном случае имеет место типичное проявление тех сложнейших отношений и взаимопереходов, которые зафиксированы в известном положении о диалектике «носителя свойств» и «свойств носителя» (Л. М. Веккер [56]), а также о возможности обретения свойствами статуса самого носителя [258].

Во-вторых, сравнительному анализу подлежат не какие-либо рядовые проявления – свойства тех и других, а их базовые – основные, то есть именно атрибутивные свойства. Следовательно, если между ними будет эксплицирована закономерная общность и тем более – подобие, то это будет выступать свидетельством не просто их сходства, а именно идентичности; будет являться индикатором того, что они, фактически, и есть разные формы существования некоторой единой сущности.

В-третьих, следует учитывать сложность самого вопроса о составе базовых атрибутов сознания, а также неоднозначность не толь-

ко способов его решения, но и подходов к нему. Однако чаще всего в качестве атрибутов сознания рассматривается достаточно ограниченный и вполне традиционный круг его базовых характеристик (субъективность, идеальность, целостность, имманентность, интенциональность, трансцендентность, эмерджентность [10, 175, 305, 447, 467, 488, 498, 518, 579, 590, 644, 786]).

Учитывая эти положения, перейдем к рассмотрению вопроса о возможной связи (и, не исключено, – взаимополагаемости) основных особенностей системных качеств с основными атрибутами и принципами организации сознания. При этом очень показательным, что уже с самых первых шагов такого рассмотрения весьма отчетливо проявляется следующая важная особенность. Она состоит в том, что эта связь, как правило, эксплицируется очень явным и вполне непосредственным – даже естественным образом и, в силу этого, зачастую не нуждается в подробном обосновании, а лишь в указании на смысл тех или иных направлений, по которым она прослеживается. И уже сама эта очевидность и естественность не только может, но и должна рассматриваться в качестве верификационного критерия наличия анализируемой связи. Вместе с тем, в ряде случаев она, все же, носит существенно более имплицитный и сложный характер, требуя развернутого анализа, направленного на ее экспликацию и объяснение.

Принимая во внимание данное обстоятельство, начнем рассмотрение с наиболее общей и очевидной, а потому – и относительно демонстративной особенности системных качеств. Она зафиксирована в известном – традиционном определении данного типа качеств. Это такие свойства целого, которые присущи только ему, но отсутствуют у любой его части и у их простой суммы. Данная особенность системных качеств обычно рассматривается как их критически значимый атрибут, как своеобразное *sine qua non* этих качеств – то, без чего их нет. Она вообще конституирует эти качества как таковые – как то, «благодаря чему нечто является тем, чем оно является» (Г. Гегель). Подчеркнем также, что, несмотря на свою простоту (в действительности, лишь кажущуюся), данное свойство имеет целый ряд существенно разных аспектов и, соответственно, разных следствий для проводимого здесь анализа.

Действительно, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что именно это их базовое свойство не только лежит в основе

важнейшего атрибута сознания – его *эмерджентности*, но и, фактически, его и составляет и даже конституирует. При этом следует учитывать, что сама эмерджентность имеет несколько своих модусов, которые, впрочем, объединяются единой – общей чертой. Она как раз и заключается в том, что важнейшей специфической особенностью феномена сознания, равно как и его основных компонентов, является именно порождение, возникновение новых качеств и характеристик на базе синтеза «старых» посредством их интеграции. Тем самым и достигается своеобразный «выход за наличное», генерация нового содержания. И уже в этом проявляется, так сказать, временной аспект самих системных качеств, их атрибутивная сопряженность с параметром времени. Дело в том, что отмеченный выход за наличное, являющийся атрибутом системных качеств, это именно *вы-ход*, то есть *ход* – процесс; нечто не только существующее лишь во времени, но это время в известной мере и порождающее. Тем самым системные качества выступают в известной мере и как то, что конституирует субъективное время, вернее – содержит в себе своего рода «квант», субъективного времени.

В свою очередь, это новое содержание может возникать в результате реализации процессов самого разного уровня сложности – на разных уровнях организации психики. Так, оно возникает при наиболее кардинальной качественной трансформации – на известной границе, обозначаемой понятием «психофизиологического сечения», то есть при переходе от материального к идеальному (пусть и представленному в наиболее простой форме – в форме ощущения). Далее, оно же возникает и при другом качественном переходе – на границе бессознательного и сознательного. Кроме того, оно порождается и при существенно более локальных процессах – например, при переходе от неизвестного к известному – точнее, к его осознанию. Более того, именно такого рода качественные трансформации лежат в основе того, что вообще рассматривается как основной механизм функциональной организации сознания и обозначается понятием «механизма осознания» – перехода от неосознаваемого к осознаваемому. Фактически, эта генерация и есть основной механизм порождения новых качественных характеристик и самого сознания, и психики в целом. Поэтому основной механизм сознания выступает как форма и частный случай общего механизма генерации новых

качеств за счет интегративных эффектов, составляющих саму суть системных качеств. Следовательно, именно основной механизм сознания, то есть переход от неосознаваемого к осознаваемому, должен пониматься как конкретная форма бытия самих этих качеств. Они из своего гносеологического статуса (как характеристик некоторой сущности) трансформируются в онтологический статус, поскольку становятся реальными средствами функционирования определенной сущности – в данном случае сознания⁶⁴.

Далее, с не меньшей очевидностью и полнотой эксплицируется связь еще одного базового атрибута сознания – свойства его *трансцендентности* с этой же базовой особенностью системных качеств. Как известно, сама трансцендентность трактуется в философии и в психологии в двух несколько различных значениях – широком и узком. В первом из них она характеризует то, что принципиально недоступно опытному познанию или не основано на опыте. Трансцендентным в этом – широком значении обозначатся сфера абсолютной потенциальности, не актуализированная в данный момент времени и не выразимая в опыте в силу ее принципиальной неадекватности существующим средствам познания. В этом же значении трансцендентное понимается в качестве «потустороннего» в отличие от имманентного как «посюстороннего». Начиная с И. Канта, термин «трансцендентный» употреблялся в философии для характеристики ноуменов, то есть вещей-в-себе, которые хотя и проявляются в мире феноменов в виде известных нам явлений, но принципиально недоступны познанию [238]. Во втором – более узком и специфицированном по отношению к психологии сознания значении данный термин используется как указание на его важнейшее свойство, заключающееся в его способности к постоянному выходу за пределы самого себя, в перманентном преодолении собственных границ⁶⁵.

⁶⁴ Ниже мы более подробно остановимся на различных проявлениях этой общей особенности (точнее – базового атрибута как системных качеств, так и сознания) в целом и на «механизме осознания», в частности, а пока зафиксируем сам факт их глубинного подобия и, фактически, полной конгруэнтности.

⁶⁵ Данный атрибут отражен во многих определениях и выражениях. Так, в частности, отмечается, что сознание в любой момент – другое, чем в прошлый момент; что сознание – это всегда выход за самоё себя; что сознание – это всегда другое по отношению к себе [351].

Трансцендентность сознания означает, что оно одновременно представляет собой и то, что «оно есть», и «выход за то, чем оно является». Осознание чего-либо возможно лишь на основе выхода за содержание самого осознаваемого; само же осознание чего-либо – это также выход за пределы осознаваемого содержания. Данное свойство исследовано во многих психологических и философских течениях; оно получило в них различное терминологическое обрамление, но суть его остается постоянной [10, 218]. Так, например, оно может эксплицироваться в терминах контента и контекста: по-настоящему осознать какое-либо содержание (контент) можно лишь включив его в некоторый контекст, то есть, фактически, осуществив выход за пределы самого исходного содержания сознания, расширив его границы. В другой терминологической традиции используется, скажем, понятие рефлексивной рамки, которая постоянно меняется – «скользит», а ее расширение это и есть механизм осознания как такового [335]. Аналогичный смысл имеет и понятие рефлексивного выхода [509].

Подчеркнем, что и свойство трансцендентности, и указанные выше способы его терминологического оформления – отражают, действительно, основополагающую и многократно верифицированную характеристику сознания. Вместе с тем, нельзя не видеть, что сама трансцендентальность является, фактически, *alter ego* его бытия именно как процесса (а не как статического образования, не как относительно фиксированного состояния). Действительно, трансценденция как таковая предполагает не только и даже не столько интеграцию какого-либо содержания, но и процесс включения этого содержания в какой-либо метаконтекст. Именно это включение приводит к тому, что в его результате, то есть на следующем этапе процесса, возникает новое содержание, которое также начинает осознаваться. В этой связи очень глубокой и емкой является мысль М. К. Мамардашвили: «Сознание или сознательное восприятие есть возможность большего сознания, то есть возможность воспроизводства и расширения в объеме себе подобного» [351]. Эту возможность «большого сознания» автор непосредственно связывает с механизмом «приведения себя в иное состояние, чем я был до того момента, после которого можно считать, что нечто воспринято. Я – иной, чем был прежде» [351].

Итак, можно видеть, что трансцендентность не просто связана с важнейшим атрибутом системных качеств – с генерацией нового

содержания, новых свойств за счет интегративных эффектов, составляющих самую их суть, но, фактически, во многом попросту и является им, точнее, – формой его реализации в психике. Другими словами, она выступает на уровне сознания формой бытия этой атрибутивной особенности системных качеств; она является, так сказать, этим атрибутом «в действии». В результате данное свойство, присущее системным качествам, становится средством и даже механизмом, присущим носителю (в данном случае – сознанию) и, следовательно, неотъемлемым компонентом его содержания, обретая онтологический статус. Подчеркнем также, что в этом проявляется и еще одна особенность глубинной общности атрибутов системных качеств и сознания. Это – их тесная взаимосвязь и взаимопологаемость, а также наличие многочисленных «зон перекрытия» в их содержании. Так, в частности, можно видеть, что сама трансцендентность объективно и, фактически, нерасторжимо сопряжена с эмерджентностью, поскольку «выход за наличное» (как проявления первой) невозможен без генерации нового (как проявления второй).

Кроме того, с еще большей степенью очевидности, нежели по отношению к предыдущему атрибуту (эмерджентности), и по отношению к трансцендентности эксплицируется ее глубинная сопряженность с темпоральностью как таковой. Дело в том, что именно трансцендентность – это и есть свойство постоянного преодоления, перехода от одного состояния в другое. Однако, сам такой переход – это именно *пере-ход*, то есть сопеть-таки *ход*, то есть нечто атрибутивно временное – не только развертывающееся в объективном времени, но и порождающим его – уже как субъективное. Тем самым вновь системные качества, когнитивируя этот атрибут сознания, порождают и темпоральность как таковую.

В связи с этим, эксплицируются, далее, и глубинные детерминационные отношения этого же базового атрибута системных качеств с еще одной важнейшей особенностью сознания. Она, правда, не входит в традиционный перечень его атрибутов, хотя по степени обобщенности и специфичности природе сознания имеет, фактически, тот же статус, что и они. Чаще всего она обозначается понятием *потока* сознания, в котором отражена важнейшая особенность сознания – его непрерывность [176, 742]. В сознании «выход за наличное» посредством генерации нового – трансценденция сопровождается

сохранением старого (за счет мнемических средств), а само новое обретает смысл и вообще осознается только на основе связи с ним и в его контексте. Тем самым, обеспечивается преемственность нового и старого, что и лежит в основу непрерывности – ощущения «потока сознания» а в более общем плане и в ощущении непрерывности опыта, его внутренней связанности и устойчивости Я во времени. Кроме того, в свете данного свойства сознание эксплицируется как принадлежащее к особому классу систем – к динамическим системам с трансформирующимся содержанием и сменной детерминацией [369, 543]⁶⁶. Можно видеть, что и эта особенность, сближающая системные качества и атрибуты сознания, также эксплицирует их фундаментальную роль не только в порождении сознания, но и в его столь же атрибутивно временной природе. Выявляется то, каким образом оно генерирует темпоральность психического – субъективное время и одно из его важных свойств – непрерывность, «потоковость».

Еще одним – также важнейшим свойством системных качеств является атрибутивно присущая им *целостность*. Более того, оно является в известном смысле генетически первичным по отношению ко многим иным его свойствам [10, 753]. Дело в том, что по своей природе системные качества – это такие свойства, которые существуют и обнаруживаются только на уровне целого, по отношению к целостности и вообще являются «функцией от целостности». Эксплицируя некоторую сущность как целое, они сами не могут быть расчленены – декомпозированы на части без утраты их качественной определенности – в этом случае они попросту перестают быть тем, чем они, в действительности, являются. Декомпозиция системных качеств – это своего рода «противоречие в терминах», поскольку она приводит к их деструкции. Кроме того, системные качества, как следует из их базового определения, это всегда продукт определенной интеграции. Сама же интеграция, фактически, также по определению, не может быть расчленена на какие-либо части, а выступает как едионаправленный процесс. В противном случае имела бы место, так сказать, «дифференцированная интеграция», что, конечно, лишено смысла. Интеграция

⁶⁶ Ниже мы возвратимся к данному положению, поскольку оно демонстрирует принадлежность сознания к еще одному важному классу систем – к системам временного, темпорального типа.

всегда ведет к целому, а в основе целого и целостности всегда лежит интеграция. Однако именно это как раз и составляет одну из важнейших и феноменологически бесспорных особенностей и самого сознания – оно целостно и едино, что обеспечивает важнейший атрибут личности в норме – субъектность как таковую, ее «самость». За счет этого достигается ощущение целостности и единства внутреннего мира⁶⁷.

Именно эти закономерности не только очень полно и рельефно проявляются и по отношению к сознанию, но во многом вообще образуют – конституируют его качественную определенность. Действительно, важной и очень специфической особенностью сознания, составляющей одну из граней его качественной определенности, является то, что оно выступает не просто одним из феноменов интегративного типа, а рассматривается (и совершенно по праву) как высшая форма и ступень интегративной целостности. Оно феноменологически всегда ощущается, репрезентируется как нечто целостное и неделимое, а через это достигается целостность и неделимость самопрезентации внутреннего мира. Прямым следствием этого является и то – многократно описанное и проинтерпретированное свойство психики в целом и сознания, в особенности, которое обозначается понятием одноканальности, «однофокусности» функционирования [265]. Конечно, такого рода «фокусы» могут непрерывно и очень быстро меняться (что составляет, как известно, феномен переключаемости сознания), но сам факт данной закономерности остается неизменным. И напротив, нарушение этой закономерности – единства и единственности интеграции ведет не к какому-либо частному, а к наиболее грубому из всех известных случаев психической патологии – к раздвоению и расщеплению (к схизису), то есть к шизофрении.

Обратим в этой связи внимание на обстоятельство, которое обычно остается без должного внимания. Дело в том, что сама одноканальность не только может, но и должна рассматриваться в еще одном важном аспекте. Она, фактически, воспроизводит один из важнейших атрибутов самого времени – то, что обычно обозначается как «стрела времени», как его однонаправленность, как «ось времени» (и, не исключено, является эволюционно сформировавшимся в ходе

⁶⁷ В этой связи очень показательным является знаменитое пушкинское выражение «... он, как душа, неразделим ...»

развития психического средством его адекватного воспроизведения и приспособления к нему). Можно видеть, что сама эта «ось», единое и унитарное направление его развертывания может быть адекватно воссоздана в психике лишь при условии аналогичного принципа – одноканального, однофокусного. Одноканальность – это и есть воспроизведение «оси времени». Данное – очень значимое, по нашему мнению обстоятельство, будет подвергнуто дополнительному рассмотрению в ходе последующего изложения.

Далее, существует глубинное подобие природы системных качеств с еще одним и также базовым атрибутом сознания – *интенциональностью*. Как известно, она нередко трактуется как вообще основной атрибут сознания, как его центральное свойство – свойство быть направленным на некоторый предмет. Оно, по определению, всегда направлено на что-либо – на тот или иной объект внешней среды или аспект внутреннего мира. «Неинтенционального» сознания быть не может: это противоречие в терминах. В свою очередь, само это свойство имеет два основных аспекта. Первый: в нем зафиксирована атрибутивно присущая сознанию, так сказать, разомкнутость – ориентированность на то, что находится вне его самого. Второй: благодаря интенциональности сознание в целом и любой его компонент всегда оказываются как бы «отягощенными» тем предметом, на который они направлены и который получает в них свое «удвоенное бытие», свою психическую репрезентацию. В результате оказывается, что сознание – это всегда осознание чего-либо, исходно не принадлежащего ему самому. Оно всегда является знанием о чем-либо: со-знание – это нечто, всегда со-провожаемое знаниями (а одновременно и со-провожающее знания). Иными словами, даже в самой этимологии понятия со-знания отражены те фундаментальные следствия, к которым приводит одна из его атрибутивных характеристик – интенциональность. Сознание, будучи для субъекта несомненной и «чистой» субъективной реальностью, не может, однако, существовать само по себе – не будучи обусловленным тем, на что оно направлено⁶⁸. Поэтому оно может существовать лишь, так сказать, в связан-

⁶⁸ Как отмечал в этой связи К. Маркс, «На духе с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка» [357].

ном виде, в неразрывной связи и взаимополагаемости со знаниями о том, что ему самому не принадлежит.

Детализируя анализ данного атрибута, отметим, далее, что он характерен не только для сознания в целом, но и воспроизводится также в его основных «составляющих» – в его компонентах. Это означает, что любой из компонентов осознания, обладая свойством интенциональности, выступает как противоречивое единство «чистой» принадлежности к субъективной реальности и ее наполненности (или даже – заполненности) содержанием объективной реальности – знаниями о ней. Вместе с тем, подчеркнем также, что в качестве базовых среди такого рода компонентов как раз и выступают основные когнитивные процессы, которые во многом и обеспечивают процессуально-психологическую основу сознания как такового. Действительно, интенциональность означает направленность на объект и, в то же время, несводимость к репрезентации этого содержания (по терминологии Ж.-П. Сартра – «прозрачность», «бегство» от содержания) [488]. В таком случае очевидно, что любой когнитивный процесс, действительно, (по определению) обладает свойством интенциональности, поскольку одним из его главных атрибутов как раз и выступает то, что он является своеобразным оператором (Л. М. Веккер [110]), то есть тем, чем познается (С. Л. Рубинштейн [479]). Любой из них не просто направлен на объект, в чем и состоит сама интенциональность, но и не может быть не направлен на него.

Можно видеть, что и в этом плане проявляется один из важнейших аспектов субъективного времени, состоящий в том, что в его основе лежит охарактеризованный выше принцип субстанциональной опосредствованности. Другими словами, интенциональность и обеспечивающие ее системные качества – это и есть основа для самой субстанциональной опосредствованности.

Указанная выше несводимость сознания к результативным эффектам, обусловленная свойством интенциональности, составляет еще одну его атрибутивную особенность, которая по-разному обозначается в различных концепциях, но смысл которой остается в них идентичным. Например, это «ничтожение» (*néantitation*) в сознании предметности, что приводит к известной метафоре «дыры» (*vide*), по Ж.-П. Сартру [488]; принципиальная «пустота» сознания (У. Джеймс [176]); «прозрачность» сознания (Э. Гуссерль [164]) и др. Суть данно-

го свойства как раз и заключается в том, что сознание и каждый его компонент в итоге всегда приводят к порождению определенного результата, эффекта, выступающего, например, в форме знаний. Однако, само оно (и каждый его компонент) не является этим результативным проявлением, эффектом; оно нередуцируемо к ним – оно, используя вновь термин Ж.-П. Сартра, «бежит от предметности», «ничтоживает» [489] ее в себе; оно «пусто» в своем процессуальном статусе, свободно от предметности. В этом проявляется еще один аспект системных качеств как не просто феноменов, но и операционных средств сознания: это дифференциация в них, так сказать, содержательного и операционного аспектов. Первый проявляется в том, к каким феноменологическим – содержательным, то есть результативным эффектам приводят системы качества, как они обогащают его содержание. Второй состоит в том, как при этом они выступают и в определенной степени независимые от содержания, резистентные к нему и сохраняющие свои инвариантные – операционные функции при работе с самым разным содержанием. Вновь эксплицируется важная роль системных качеств в порождении сознания и, соответственно, субъективного времени, но уже собственно операционная, а сами системные качества выступают как операционные средства сознания.

Следующее и также очень важное проявление общности природы системных качеств и структурно-функциональной организации сознания связано уже не с тем или иным атрибутом последнего, а, скорее, с одним из базовых механизмов (или даже – с целым семейством принципиально сходных механизмов) этой организации. Он, к тому же, имеет и очень явные, феноменологически бесспорно представленные проявления, что в еще большей мере подчеркивает и его общность, и его значимость. Речь идет, разумеется, о механизмах *интегративного* типа, об интеграции как сквозном средстве (и принципе) организации сознания. Он, как известно, имеет множество конкретных экспликаций и достаточно подробно освещен в соответствующих исследованиях, в том числе, и наших [251, 253, 255, 257, 259], что освобождает от необходимости его подробной характеристики. В наиболее общем и принципиальном плане он представляется достаточно определенным, а по отношению к структурно-функциональной организации сознания вообще стало общим местом указание на то, что оно не просто имеет интегративную природу и строение, но и вооб-

ше сами средства и механизмы именно интегративного типа лежат в основе организации сознания. Сознание трактуется – именно вследствие этого как высшая интегративная целостность, синтезирующая в себе основные «составляющие» психики и вообще – являющаяся этим синтезом. Осуществляющаяся интеграция, как и любая иная интеграция, порождает, однако, новое качество – само качество осознаваемости, то есть выделение какого-либо фрагмента содержания психики как именно осознаваемого, как выделенного и представленного в «фокусе» сознания. Тем самым на организацию процесса осознания распространяются два фундаментальных и в целом – достаточно давно известные принципа, наиболее характерные именно для психологической природы сознания (интегративности и целостности). Однако именно они атрибутивно присущи и системным качествам как таковым – как типу, который именно качественно отличает их от всех иных их типов. Они – по определению суть и продукт действия механизмов интегративного плана, а та качественная «прибавка», которая генерируется посредством них, как раз и является непосредственным следствием действия этих механизмов.

Кроме того, через эту атрибутивную связь прослеживаются и более глубинные отношения методологии системности и качественного анализа, которая станет в главе предметом нашего специального рассмотрения. Как отмечал в этой связи В. П. Кузьмин, «вообще, когда речь идет о системном подходе или системном анализе – *shersher* \int *integration* (ищите интеграцию). В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интеграции, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий. Такова действительная тайна системного подхода. И не случайно, конечно, греческое слово «система» (*systema*), означающее целое, составленное из частей, объединение, и латинское слово «интеграция» (*integratio*), означающее полный, целый, объединенный в целое, связаны глубоким сущностным единством, ибо каждое из них раскрывается через другое» [311].

Свойства интегративности и целостности во многом и обеспечивают то, что на уровне сознания наиболее обобщенная субъективная репрезентация, которая обозначается как картина мира, предстает не как модель реальности, а как сама эта реальность (А. Н. Леонтьев) – всей ее полноте (как следствия целостности) и осмысленности (как

следствия интегративности и внутренней согласованности). Тем самым она предстает и как несомненное настоящее – причем, не только в темпоральном смысле, то есть как нечто актуально данное, но и в содержательном смысле – как нечто не просто действительное, истинное, но как бесспорно существующее и, более того, во многом образующее для субъекта это существующее. В переживаемом в сознании состоянии настоящего оно предстает одновременно и в темпоральном, и в содержательном модусе.

Еще более имплицитной является глубинная связь, доходящая до степени взаимной конгруэнтности, между другим и также одним из важнейших принципов организации сознания и сущностными особенностями системных качеств. Речь идет о таком принципе, который уже рассматривался выше и который по-разному обозначается и получает различающиеся в деталях конкретные экспликации, но суть которого остается постоянной. Чаще всего он обозначается как принцип *одноканальности* (или *однофокусности*) сознания, а его суть состоит в следующем. В каждый конкретный момент времени четкому осознанию доступен лишь какой-либо один фрагмент, одна «составляющая» содержания психики, одно смысловое направление. Интеграция, если это, действительно, интеграция в полном и строгом смысле слова, всегда реализуется как нечто целостное а потому – единое и дающее на выходе аналогичный эффект – эффект целостности. Двухфокусная же интеграция – это, строго говоря, то, что обозначается в логике как «противоречие в терминах».

Важным аспектом данного принципа является известный феномен фигуру-фоновых отношений, согласно которому осознание выступает как выделение чего-либо в качестве «фигуры», обязательно предполагающее, однако, перевод всего остального в статус «фона». Действие указанного принципа по отношению к обеспечению процесса осознания означает следующее. Интеграция и организация ряда актуально переживаемых содержаний – знаний и любых иных компонентов субъективного опыта, а также порождение в ее результате нового осознаваемого содержания обязательно предполагают двуединый процесс. С одной стороны, он обязательно приводит к выделению какого-либо одного фрагмента, одного результата (в соответствии с принципом однофокусности) в качестве «фигуры» и к столь же обязательному переводу всех иных фрагментов в ста-

тус «фона». Следовательно, само осознание может осуществляться лишь в том случае, если все актуально презентированные фрагменты за исключением одного будут переведены из актуальной формы в потенциальную, латентную. Лишь в этом случае возможно само осознание – либо того или иного фрагмента, уже существующего в опыте; либо нового фрагмента, формирующегося по типу генерации, продукции (а не репродукции). И, хотя отнюдь не все исследователи единодушны в отношении к данному принципу, а сам он иногда подвергается сомнению или даже вообще отвергается, тем не менее, очень трудно спорить с его феноменологически бесспорной представленностью, с самим его наличием как фактом именно субъективной реальности.

Можно видеть, что отмеченные закономерности тесно связаны с классической проблемой, подвергнутой углубленному анализу, например, в когнитивной психологии, – с проблемой двух принципов переработки информации – *последовательного* и *параллельного* [6, 14, 20, 29, 699]. Характерно, что по ходу развития когнитивной психологии происходило постепенное смещение акцентов относительно функциональной роли этих принципов в пользу второго. Показательно и то, что постепенно все более очевидным становилось следующее обстоятельство: данный вопрос должен решаться не по типу «или – или», а по типу «и – и», то есть в плане нахождения механизмов синтеза двух указанных принципов как реальной и действенной основы функционирования познавательных процессов. Можно допустить, что необходимость в таком синтезе должна быть наиболее выраженной для обеспечения процессуального содержания именно сознания как наиболее сложноорганизованного процессуального аспекта психики. Вместе с тем, за этой феноменологически бесспорной реальностью необходимо видеть то, что она является, фактически, прямым и, более того, необходимым следствием самой сути механизмов именно интегративного типа. Действительно, если речь идет об интеграции, реализующейся на общесистемном уровне, то она обязательно вовлекает в свою сферу систему в целом, а не какую-либо частную, локальную ее «составляющую» или их совокупность. Более того, она осуществляется – согласно еще одной из базовых закономерностей системной формы организации – под детерминирующим воздействием какой-либо цели, которая, в свою очередь, выступает системообразующим фактором и лежит в основе осуществляющейся интеграции.

В связи с этим, вполне очевидно, что в каждый конкретный момент времени в какой-либо целостности не могут реализовываться одновременно – параллельно две (или более) общесистемные интеграции. Это невозможно просто по определению и также является противоречием в терминах. Тем самым, с некоторой долей метафоричности можно сказать, что генезис и функционирование системных качеств также является «однофокусным», одноканальным. Лишь за счет этого и на основе этого становятся возможными те эффекты, которые вообще составляют суть системных качеств как таковых, а в более общем плане – и суть механизмов системности в целом. Мы имеем в виду, естественно, возникающие именно в их результате эффекты супераддитивности, феномены синергетического типа, приводящие к генерации у системы нового содержания и новых функциональных возможностей.

Итак, можно заключить, что свойство одноканальности, выступающее непосредственным следствием механизмов интегративного типа выступает следствием механизмов интегративного типа. В то же время, оно является их важным условием и обуславливает один из основных принципов функциональной организации психики в целом и сознания в частности, – принцип последовательности в переработке информации. Однако нетрудно видеть, что именно он – опять-таки даже этимологически сопряжен, прежде всего, с темпоральной организацией как таковой. Данная организация как реализующаяся в соответствии с принципом последовательности, это и есть по-следование, то есть смена одного временного локуса другим. В свою очередь, все это очень хорошо согласуется с принципом однофокусности и его сопряженностью с временной организацией сознания, рассмотренной выше. Тем самым и принцип последовательности, и принцип однофокусности, фактически, является средствами воспроизведения в организации сознания временной «оси» как таковой, темпоральности как средства этой организации. Более того, именно благодаря им, эта «ось» в значительной мере и формируется, порождается и только затем – реализуется как организационное средство.

В связи с этим, можно детализировать и те представления, которые были сформулированы выше по отношению к свойству трансцендентности (перманентному «выходу за наличное»). Процесс осознания, действительно, тем и специфичен, что он всегда означает

«выход» за его собственное содержание: синтез данных в сознании порождает новое осознание, новое содержание, а тем самым как бы отрицает прежнее содержание. Однако с этих позиций становится несколько более понятным не только то, почему и как сознание – это всегда одновременно и нечто данное, и «выход» за эту данность (трансценденция). Дело в том, что такая трансценденция и генерация нового содержания (либо по типу продукции, либо по типу репродукции) обязательно предполагает перевод «всего остального» содержания в неосознаваемую форму. В ней она аккумулируется и хранится посредством мнемических процессов, а тем самым – выступает как равнозначная расширению арсенала знаний как таковых, формированию и развитию индивидуального опыта. Вновь эксплицируется, но в несколько ином плане глубинная связь трансцендентности сознания с временной организацией, поскольку она как раз и означает *вы-ход* за наличное. Он, в свою очередь, всегда является некоторым *ходом*, то есть течением – временным феноменом и вне темпоральности не может реализовываться. Более того, именно он во многом ее и порождает – по крайней мере, на уровне сознания, субъективной реальности. Время для субъекта – это и есть непосредственная смена состояний сознания, а они трансформируются именно на основе свойства трансцендентности.

Вместе с тем, рассмотренные выше закономерности и механизмы имеют еще один – тесно связанный с ними аспект, являющийся их своеобразным продолжением и развитием. Дело в том, что принцип однофокусности, лежащий в основе феноменологически представленной функциональной организации сознания, с одной стороны, и в основе самих интегративных механизмов системных качества, с другой, не только не исключает, но напротив, предполагает и даже требует его дополнения другой и также общей закономерностью. Ее сущность – в общем плане, то есть по отношению именно к системной форме организации как таковой, может быть продемонстрирована следующим образом. Осуществляющаяся в тот или иной интервал времени интеграция компонентов системы приводит к порождению определенных системных качеств. Они, в свою очередь, означают определенную качественную «прибавку» к ее исходному содержанию и тем самым переводят ее в другое состояние, характеризующееся уже несколько иным – изменившимся составом и содержанием. Оно, далее, не только

позволяет, но и требует следующих «организационных шагов» – следующего этапа интеграции, который, в свою очередь, также приводит к порождению новых системных качеств. И такого рода *итерации интеграции*, многократно осуществляясь, собственно говоря, и образуют собой функционирование системы как таковое; они лежат в основе их динамики, то есть временного развертывания.

С позиций сформулированных представлений получает свое объяснение важнейшее свойство системной формы организации в целом – принципиальная *динамичность*, представленность в форме функциональной организации и, соответственно, во временном «измерении».

Однако легко видеть, что эта же закономерность отчетливо и феноменологически явно представлена и по отношению к функциональной организации сознания. Она не только проявляется в уже проанализированных атрибутах сознания (эмерджентности, трансцендентности, непрерывности), но и, фактически, лежит в их основе. Кроме того, эта закономерность в сочетании с отмеченным выше принципом однофокусности – одноканальности сознания является важной детерминантой конституирования субъективного времени как такового. Действительно, согласно ему, в каждый отдельно взятый момент, «в фокусе» сознания может быть локализована лишь одна цель и, соответственно, одно психическое настоящее. Вместе с тем, эти цели могут последовательно сменять друг друга, меняя тем самым и «фокус» осознания, а следовательно, – изменяя и психическое настоящее. Такие перманентные трансформации и образуют саму последовательность субъективного времени. Точнее – само субъективное время во многом и конституируется последовательностью различных репрезентаций психического настоящего. Другими словами, данная закономерность в определенной степени объясняет эти атрибуты и закономерности организации сознания, поскольку вскрывает то, каким образом они становятся возможными. Все они, равно как присущая сознанию динамичность и нестационарность, получают свое объяснение именно через атрибутивные особенности системной формы организации как таковой в целом и системных качеств, в особенности.

Эти особенности сопряжены с еще одним также очень значимым аспектом временной организации сознания – со способностью использовать результаты своего собственного функционирования в качестве детерминант (условий, факторов и пр.) этого же функцио-

нирования, но на последующих фазах реализации. Причем, данная способность присуща не только сознанию, но и, как показано нами, многим иным психическим образованиям. По-видимому, можно говорить о некотором классе систем, которые характеризуются этим свойством. Оно заключается в том, что результаты функционирования системы распознаются и улавливаются – фиксируются ей, а затем используется ей же, но в качестве новых – содержательных и иных условий ее же функциональной организации.

Тем самым происходит, во-первых, перманентное обогащение содержания систем, а они именно в силу этого и эксплицируются как образования с переменным содержанием и, соответственно, составом. Во-вторых, поскольку сами эти изменения, в том числе – и порождаемое процессом функционирования новое содержание сами выступают его же собственными детерминантами, то такого рода системы выступают и как образования со сменной детерминацией. Более того, эта детерминация в известной степени сама формируется процессом собственного функционирования систем. Они в определенной степени сами ее создают, а затем – функционируют на ее основе. Яркий и очевидный пример этого – функциональная организация деятельности. В самом деле, главной специфической особенностью действий как базовых компонентов – основных структурных «единиц» деятельности является то, что они имеют цель, которая принципиально не совпадает с целью всей деятельности. Это означает, что они порождаются и включаются в ее состав как средства реализации последующих действий и всей ее в целом. Иными словами, они имеют характер создаваемых – порождаемых в процессе ее же развертывания средств и условий самого этого развертывания. Деятельность не только реализуется в тех или иных условиях и под воздействием тех или иных уже существующих детерминант. Она еще и создает (или изменяет) сами эти детерминанты и условия. В-третьих, именно вследствие этого принципа функционирование систем данного класса вообще становится возможным, поскольку он и порождает саму необходимость в процессуальности как средстве использования результатов в качестве средств, что и требует перехода первых во вторые. Однако, как отмечалось, сам *пере-ход* это, прежде всего, *ход* – течение, процесс, то есть воплощение темпоральности. Кроме того, несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данный прин-

цип имеет наиболее общее и даже во многом определяющее значение для темпоральной организации психики в целом; к его детализированному анализу мы возвратимся в главе 4.

Наряду с этим, существует и еще одна черта принципиального сходства базовых атрибутов системных качеств и основных особенностей структурно-функциональной организации сознания, выявление которой также способствует раскрытию природы субъективного времени. Как известно, важной закономерностью этой организации является непосредственная соотнесенность «фокуса сознания» (то есть актуально представленной репрезентации в нем субъективной реальности) с *целью* той или иной формы активности, реализуемой в этот момент субъектом. Это означает, что осознается то, что непосредственно сопряжено с целью, а сама цель селективирует из индивидуального опыта то, что так или иначе содействует ее реализации. Главным же критерием для определения и дифференциации компонентного состава систем является сформулированный П. К. Анохиным критерий взаимодействия [25]. Согласно ему, в качестве компонентов системы выступает то, что содействует достижению цели ее функционирования, а она, в свою очередь, переводит эти компоненты в такой режим их функционирования, при котором они, во-первых, организуются друг с другом; во-вторых, эта организация строится так, чтобы в максимальной степени содействовать именно реализации самой цели. Изменение цели приводит к смещению «фокуса сознания», то есть к изменению содержания самого осознаваемого субъектом содержания его психики. Соответственно этому, цель определяет и границы между осознаваемой и неосознаваемой информацией, а тем самым лежит в основе их соотношений и динамических трансформаций. То, что содействует ее реализации, обретает актуальную – экзистенциальную форму и составляет содержание осознаваемого, а все остальное трансформируется в латентную форму, переходит в виртуальное, потенциальное состояние и составляет неосознаваемое психическое.

Однако трудно не видеть того обстоятельства, что именно такая организации не только присуща системным качествам, но и составляет их суть, наиболее специфическую особенность их структурной организации. Действительно, они по самой своей природе, то есть атрибутивно таковы, что в них происходит своеобразное «снятие» –

так сказать, отрицание многих или даже всех локальных качеств, присущих отдельным компонентам целостности – их перевод в потенциальную, виртуальную форму существования. На первый же план – в актуально представленную форму выходят лишь только те качества, которые характеризуют целостность, то есть сами системные качества. Иными словами, в структурной организации системных качеств имеет место прямой аналог дифференциации содержания психического на две сферы – осознаваемую и неосознаваемую. Этот аналог представлен как дифференциация всех качеств на две группы – актуальные, в роли которых и выступают системные качества, и виртуальные, в роли которых выступают качества входящих в систему компонентов и иных «составляющих». Данное заключение можно, однако, представить и в своего рода инверсионной форме. По нашему мнению, не только не исключено, но, напротив, весьма вероятно, что сама организация психики в целом и базовый принцип этой организации – ее дифференциация на осознаваемое и неосознаваемое основывается на рассмотренной выше атрибутивной особенности самих системных качеств. По-видимому, именно эта их особенность воплощается в данном принципе организации, а сам он является одним из воплощений этой особенности. В данной связи можно сказать и так: дифференциация психики на осознаваемое и неосознаваемое, на сознательное и бессознательное воспроизводит в себе именно эту – базовую особенность структурно-функциональной организации системных качеств. Механизмы целеобразования посредством порождения системных качеств как основы феномена сознания выступают и как средства порождения самого психического настоящего. То, что непосредственно соотносится с целью, актуальной в каждый конкретный момент времени, подлежит осознанию и является психическим настоящим. Однако утрата этой сопряженности с целью автоматически переводит переживаемое в неосознаваемую форму, трансформируя его в уже прошедшее, то есть в прошлое. Тем самым целеобразование, равно как и инверсионный по отношению к нему – так сказать, симметричный процесс раскрывается с этих позиций не только как подчеркнуто динамический, как организованный во времени, но и такой, который эту динамичность в значительной степени порождает. Он, как можно видеть, лежит в основе не только порождения психического настоящего, но и в ос-

нове его перманентной трансформации – вслед за сменяющимися друг друга целями, то есть в основе главного атрибута времени – последовательности состояний, сменяемости – течения.

Вместе с тем, в данной связи, как можно видеть из сказанного, эксплицируется еще одно направление исследования субъективного времени, которое можно обозначить как «время и бессознательное», а его смысл можно сформулировать следующим образом. Если сознание конституирует психическое настоящее (как один из основных модусов времени), а точнее – является им, то, не исключено, что бессознательное также конституирует другой его основной модус – психическое прошлое как в ситуативном, так и в надситуативном плане. Нечто, актуально переживаемое, то есть осознающееся и являющееся настоящим, будучи переведено в бессознательное и перестав осознаваться, автоматически лишается статуса настоящего. Вместе с тем, оно не перестает существовать вообще, а обретает иной временной модус – прошлого. С этих позиций по-новому эксплицируются и сами фундаментальные взаимопереходы осознаваемого и неосознаваемого, представляя как временные по своей сути, точнее – как лежащие в основе временного развертывания, а не исключено, и конституирующие его. К этому очень значимому вопросу мы также возвратимся в ходе последующего рассмотрения.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Между основными атрибутами, характеризующими качественную определенность структурно-функциональной организации сознания, и базовыми свойствами системных качеств, действительно, существуют очень глубокие и множественные черты сходства. Причем, они выражены настолько, что следует говорить не просто о сходстве, но и подобии, доходящем до степени конгруэнтности или даже изоморфизма. Системные качества обретают в содержании и в структурно-функциональной организации сознания одну из форм своего существования. Само же сознание раскрывается с этих позиций как такая сущность, которая использует – так сказать, «эксплуатирует» потенциал системных качеств. Более того, множественность их проявления в сознании такова, что следует говорить о существенности зоны перекрытия содержания сознания в целом и той сферы, которую образует функционирование системных качеств. Системные качества со всеми

присущими им базовыми свойствами, фактически, во многом и конституируют содержание сознания – особенно в аспекте его субъектной репрезентированности, феноменологической данности. Однако тем самым системные качества раскрываются и как *операционные средства* конституирования субъективного времени, поскольку оно не только атрибутивно сопряжено с феноменом сознания, но и в значительной мере порождается им. Данное заключение, значимое само по себе, ставит, однако, не менее важный вопрос – как именно это происходит? Каким образом системные качества обуславливают феномен субъективного времени – являются детерминантной его порождения и, не исключено, одним из механизмов его порождения? Данный вопрос станет предметом специального рассмотрения в главе 4.

Продолжая рассмотрение общесистемного уровня субъективного времени, обратим внимание на то, что весь осуществлений выше анализ функциональной роли системных качеств как операционных средств сознания и, следовательно, детерминант его самого, постоянно эксплицировал определяющую роль механизмов интегративного типа. В свою очередь, это приводит к необходимости специального рассмотрения еще одного вопроса – о содержании и специфике таких механизмов по отношению к данному уровню субъективного времени. Переходя к нему, отметим, прежде всего, что при его решении следует руководствоваться не только теми представлениями, которые сложились относительно механизмов интеграции в традиционном системном подходе, но и теми – новыми результатами, которые оформились в русле метасистемного подхода. Согласно им, сложные системы могут быть достаточно полно раскрыты как продукты интеграции не только их собственного – внутреннего содержания, но и факторов внешнего плана. Причина этого заключается в том, что само внешнее функционально представлено в той интеграции, которая и лежит в основе конституирования систем. Система – продукт интеграции не только внутреннего, но и внешнего. Складывается ситуация, при которой само внешнее оказывается функционально представленным в составе внутреннего; оно включается в функционирование систем как его собственная «составляющая». В связи с этим, собственно говоря, и возникает вопрос – каким образом это реализуется по отношению к субъективному времени – прежде всего, на его общесистемном уровне? По нашему мнению, можно сформулировать следующие

основные положения, способствующие его решению. Так, прежде всего, следует учитывать, что только на основе новых – расширенных представлений о базе интеграции (и внутреннего и внешнего содержания) само сознание может быть эксплицировано в его истинной сложности и многомерности. Дело в том, что только с этих позиций эксплицируется и объясняется одна из его наиболее общих и фундаментальных черт; она состоит в принципиальной двойственности, точнее двуединство базовых модусов – содержательного и процессуального. Первый, как известно, заключается в том, что оно – это именно со-знание, то есть со-организованная совокупности знаний, а последние в свою очередь и составляют его основное содержание, образуют его, являются им. Однако, как отмечалось выше, именно они и выступают формой репрезентации в системе (сознании) той метасистемы, в которую оно само включено – объективной реальности. Тем самым, через знания и посредством знаний в содержании психики оказывается представленным – «встроенным» в нее меасистемный уровень организации в целом и субъективного времени, в частности.

Вместе с тем, сам этот феномен знаний становится возможным только за счет того, что в основе его обеспечения лежит соорганизованная совокупность специфических процессуальных средств, как-выми и выступают основные когнитивные процессы. Однако именно взятые в их соорганизованном виде – в их целостности они являются основным процессуальным содержанием все того же сознания. Интеграция когнитивных процессов, представленная в их иерархически организованном виде, как раз и образует сознание уже не как результативный эффект – не как состояние, а в его процессуальном бытии, кот рое эксплицируется субъекту, прежде всего, через макро-процесс рефлексии. Рефлексия, как мы отмечали, это и есть процессуальное средство обеспечения сознания. Тем самым, сознание как состояние и рефлексивность как его процессуальная основа представет уже не только как интеграция системы знаний, но и как интеграция процессов, лежащих в основе их обеспечения. Следовательно, выявляется двуединство его интегративных функций: с одной стороны, это интеграция всей совокупности знаний (и вообще – субъектных репрезентаций), а с другой – интеграция всей совокупности процессуальных средств (когнитивных процессов). И именно в этом двуединстве состоит истинная специфика сознания как такового.

Однако в этом же состоит и, так сказать, равнопринадлежность сознания и к метасистемному и к общесистемному уровню, точнее – его локализация и на том и на другом, а тем самым – его синтетическая функция по отношению к их взаимодействию. Оно, включая в себя совокупность знаний как таковых, эксплицирует принадлежность к метасистемному уровню психики; но оно же, будучи образованным совокупностью когнитивных процессов, эксплицирует принадлежность к ее общесистемному уровню.

В связи с этим, в качестве очень значимых и даже первоочередных возникают две новые задачи, которые и должны составить предмет дальнейшего рассмотрения. Во-первых, это необходимость выявления и объяснения той функциональной роли, которую играют основные когнитивные процессы в обеспечении субъективного времени – того операционного и иного содержания, которое специфично каждому из них, а также того, как их синтез выступает основой для сознания. Во-вторых, необходимо рассмотреть и более общий вопрос, который может быть сформулирован следующим образом. Поскольку психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, являются важнейшими «составляющими» сознания – его компонентами, то их анализ может выступить средством реализации исследования уже иного уровня организации субъективного времени – компонентного. По-видимому, именно на нем представлены не просто важные, но и во многом определяющие операционные средства обеспечения субъективного времени. Дело в том, что именно процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, как раз и являются важнейшими операционными образованиями, во многом репрезентирующими общее содержание психического и выступающими как основная форма его существования.

Итак, логика проведенного выше анализа диктует необходимость перехода к рассмотрению того уровня субъективного времени, который сопряжен уже не с сознанием в целом, с его основными «составляющими» – компонентами, то есть *компонентного* уровня. Вместе с тем, такой переход, казалось бы, несколько противоречит реализуемой здесь логике и последовательности анализа основных уровней, поскольку, согласно ей, то есть движению «сверху-вниз» – от более к менее комплексным и сложноорганизованным уровням, после общесистемного уровня необходимо перейти к локализованно-

му непосредственно под ним субсистемного уровня. Однако не менее важно учитывать и другое обстоятельство, заключающееся в следующем. Дело в том, что, как показано выше, сам этот уровень образован организованными комплексами основных компонентов – их подсистемами. Следовательно, именно для того, чтобы его характеристика была более обоснованной и содержательной, вначале необходимо рассмотреть специфику самих компонентов, составляющих это содержание, и только затем перейти к анализу того, что формируется на их базе. Поэтому не только существенно более целесообразно, но и более логично вначале рассмотреть именно компонентный уровень и только затем – субсистемный уровень субъективного времени.

3.4. Темпоральность в структуре компонентного уровня

Переходя к характеристике данного уровня, зафиксируем, прежде всего, одно из основных обстоятельств, являющееся непосредственным результатом проведенного выше рассмотрения общесистемного уровня. Оно состоит в том, что в качестве очень значимых и, не исключено, основных «составляющих» данного уровня и, соответственно, сознания в целом выступают основные психические процессы – прежде всего, конечно, когнитивные. Разумеется, реальная сложность сознания отнюдь не исчерпывается только этим «измерением» его компонентного состава, поскольку оно, как известно не только допускает, но и требует иных аспектов и критериев дифференциации его состава и, следовательно, иных подмножеств его компонентов. Вместе с тем, есть веские основания полагать, что именно это – процессуальное «измерение» является и основным и наиболее важным. Дело в том что, как хорошо известно и вообще – считается аксиоматичным, именно процессы выступают главным предметом психологического исследования в целом, основным носителем качественной определенности психического, базовым арсеналом его операционных и иных средств и механизмов и, соответственно, его особенностей и закономерностей.

Более того, в известной и очень существенной степени два других члена классической психологической триады (психические свойства и состояния) являются производными от них и полагаемыми ими. Так, свойства в существенной мере выступают результативными

эффектами развертывания процессов и их комплексов, равно как характеристиками их индивидуальной меры выраженности. Это наиболее отчетливо проявляется в категории способностей и, в особенности, в их функционально-динамической трактовке⁶⁹. Аналогичным образом реализация процессов обуславливает тот или иной фон – и в аспекте уровня активации и в аспекте чувственного – эмоционального тона и др., то есть, фактически, детерминирует то или иное состояние. Кроме того, если учесть, что в последнее время эта триада все чаще и все более обосновано подвергается расширению до тетрады, поскольку в нее включается еще одна базовая «составляющая» – знания, то ситуация предстает как еще более показательная. Дело в том, что именно знания – в широком смысле этого слова и в их принципиальной гетерогенности – как вся совокупность субъектных репрезентаций как раз и выступают непосредственно обусловленными когнитивными процессами, являясь их результативным аспектом и, соответственно, производными от них. Следовательно, и по отношению к ним процессы выступают в функции базового компонента, что отражено даже в этимологии важнейшего понятия – сознания как наиболее интегрального и потому репрезентативного психического образования. Все это, собственно говоря, и эксплицирует основополагающую роль категории психических процессов по отношению к организации психики, а также к конституированию ее содержания и состава и, соответственно, к способам экспликации самого предмета психологии.

Вместе с тем, если это, действительно, так, то со всей очевидностью выявляется другое, не менее значимое – особенно в плане проводимого здесь анализа обстоятельство. Его наиболее общий смысл состоит в том, что именно психические процессы как таковые как раз и являются такой «составляющей» психики, которая имеет *атрибутивно* темпоральный характер и вообще является *воплощением* темпоральности в ее наиболее явном и полном виде и форме. Действительно, представляется совершенно очевидным и имеющим многочисленные эмпирико-экспериментальные референты, а также несомненные феноменологические проявления то положение, согласно которому сама

⁶⁹ Согласно ей, основные виды способностей как раз и дифференцируются по критерию их соответствиями с тем или иным психическим процессом – на перцептивные, имажинативные, аттенционные, мнемические, мыслительные [229].

специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов интерпретируется и раскрывается именно как закономерная организованная последовательность ряда этапов и стадий такого рода, специфичных по своему содержанию тому или иному – конкретному процессу. В этом плане можно, например, отметить известную трехчленную структуру волевого акта; принципиальную инвариантность в стадиальности перцептивных операций, составляющую содержание процесса восприятия. Именно временное структурирование – диахроническая организация во всех этих и многих иных случаях лежит в основе процесса именно как процесса, а в определенной степени и порождает сам процесс – как систему диахронического, собственно временного типа. В результате этого и сам процесс обретает новые и существенно большие возможности – причем, тем большие, чем совершеннее его временная организация. Не только субстанциональная, но и временная организация, а также ее высшая форма – системная, дает известную «прибавку», порождает новый потенциал и новое содержание, отсутствующее у аддитивной суммы его этапов и уж тем более – у каждого из этапов в отдельности. При этом очень характерно, что по отношению практически ко всем известным психическим процессам существует и в принципе известна та или иная – специфическая для каждого из них инвариантная временная структура, лежащая в основе его реализации. Чем в большей степени в каждом отдельном случае тот или иной психический процесс воспроизводит эту – инвариантную структуру, тем более он организован и эффективен.

В связи с этим, можно сказать и так: по отношению к организации и реализации подавляющего большинства психических процессов речь должна идти именно об использовании средств временной организации и, следовательно, эффектов временной системности. Один из наиболее фундаментальных атрибутов реальности оказывается не только органично и полно воплощенным и реализованным в организации психики, но и представлен в ней в аналогичном, то есть также базовом, определяющем модусе – процессуальном, в категории психических процессов. Тем самым, темпоральность оказывается учтенной и воплощенной в самом «устройстве» психики – в ее структурно-функциональной организации. Приспособление ко времени осуществляется уже не только

за счет тех или иных средств, а за счет самой ее организации, за счет того, как она «устроена». Именно это, однако, как раз и прогнозировалось нами ранее – при формулировке основных задач данного исследования, а также общего подхода к их решению и формулировке его основных гипотез. Таким образом, можно видеть, что со всей очевидностью выявляются две основные экспликации временного измерения реальности в психике, два базовых модуса субъективного времени. Первый – это все те средства и механизмы, которые обеспечивают *оперирование* с ним в целом и приспособление к нему, в особенности; это, так сказать, операторный аспект субъективного времени. Второй – это то, каким образом темпоральность *воплощена* в самой структурно-уровневой организации психики, в ее составе и содержании. А воплощена она, как показано выше, самым непосредственным образом – в том, что ее главной, определяющей составляющей как раз и выступает атрибутивно темпоральная сущность – психические процессы. Кроме того, следует учитывать и констатированную выше известную производность и вторичность всех иных основных составляющих именно от нее. Следовательно, в связи с этим, роль и значимость именно процессуальной составляющей еще более возрастает, а темпоральность получает не только первичное, но и вторичное воплощение практически во всех фундаментальных составляющих психики.

Наряду с этим у данного вопроса есть еще один, также значимый в контексте проводимого рассмотрения аспект. Дело в том, что, говоря о психических процессах как о базовых составляющих психики в целом – ее основных компонентах, равно как и о базовых компонентах сознания, мы используем данный термин отнюдь не только в общем смысле, но и в его строгом значении⁷⁰. И именно в этой связи представляется очень важным, что психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, как раз и являются теми «единицами», которые воплощают в себе все основные атрибуты исходной каче-

⁷⁰ Как отмечалось выше, само понятие компонента имеет два основных значения – широкое и менее строгое, с одной стороны, и узкое – более строгое и точное, с другой. Так, в первом из них под компонентом понимается практически любая «составляющая» целого, независимо от степени ее обобщенности. Во втором под компонентом понимается такая – наиболее простая составляющая целого – его «единица», которая еще несет на себе качественную определенность его самого, выступает, хотя и относительно простейшим, но все же ее носителем.

ственной определенности, присущие той целостности, по отношению к которой они дифференцируются как ее составляющие – сознанию. В связи с особой значимостью данного вопроса, представляется целесообразным остановиться на нем более подробно⁷¹.

Ключевое требование к компонентам состоит в том, что они должны выступать носителями качественной определенности ис-

⁷¹ Напомним также, что проведенный нами ранее на основе представлений о содержании критерия-дискриминатора уровневой дифференциации анализ позволяет уточнить содержание понятия компонента [253]. Во-первых, компонент – это не только исходная «единица» целого, его, так сказать, «строительный материал» – то, что подлежит организации и интеграции в системе, но он и сам по себе является продуктом организации и интеграции – комплексным, сложноорганизованным образованием. Во-вторых, компоненты – это не качественно гомогенные образования, а образования, принципиально гетерогенные, обеспечивающие тем самым «внутреннее разнообразие» систем как необходимое условие их реальной сложности и внутренней дифференцированности. В-третьих, множество компонентов любой системы является не только принципиально «счетным» – конечным, предельным, но и в большинстве случаев – достаточно ограниченным. За счет такой компактности множества компонентов обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри самих систем. В-четвертых, компонент – это принципиально динамическое образование, могущее менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых находится сама система. Одни и те же компоненты могут быть при этом представлены принципиально вариативно – с разной степенью развернутости и сложности. В-пятых, компоненты могут и не быть паритетными по своему статусу в рамках системы, а локализоваться на разных уровнях ее организации. Более того, учитывая предыдущую особенность, один и тот же компонент может быть локализован на разных уровнях организации системы, в зависимости от степени его развернутости, то есть – от режима его функционирования. В-шестых, в качестве компонентов системы могут выступать лишь такие образования, которые – на фоне их существенных содержательных различий – все же обладают и чертами принципиальной общности, которая, однако, часто обнаруживается на более глубоком уровне их анализа. Иными словами, компоненты обязательно должны быть сопоставимыми, сравнимыми, подобными в некоторых их наиболее существенных чертах. В-седьмых, между компонентами могут устанавливаться не только, так сказать, «внешние связи», но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их неаддитивности, недизъюнктивности. В-восьмых, не всегда компоненты являются более простыми образованиями, нежели та целостность, в которую они входят. В ряде случаев компоненты могут быть либо вполне сопоставимыми, однопорядковыми по сложности с самой системой, либо даже превосходить ее.

ходного целого. В связи с этим, представляется необходимым зафиксировать те атрибуты самого целого – в данном случае сознания, по отношению к которому и производится их дифференциация. Как показано нами в [256], все они достаточно отчетливо дифференцируются на пять пар взаимосвязанных и взаимополагаемых характеристик, которые можно представить следующим образом.

1–2: Первая пара нерасторжимо взаимосвязанных атрибутивных характеристик качественной определенности сознания образована сочетанием и взаимополагаемостью свойства его *непосредственной данности* субъекту и столь же несомненной его *субъективной очевидностью*, несомненностью существования для субъекта.

3–4: Столь же атрибутивными и, в то же время, взаимополагаемыми друг друга являются еще две особенности сознания. Во-первых, его *интенциональность* – направленность на объект и, следовательно, невозможность существования без этого объекта; представленность этого объекта в самом сознании, но в специфической форме – в форме идеальных репрезентаций; его «отягощенность» определенным содержанием – знаниями о том, что не составляет его собственного содержания. Во-вторых, несводимость последней (то есть качественной определенности сознания) к этим знаниям и, более того, постоянное «бегство» от этого содержания. Сознание и его компоненты – это то, что сопровождается знаниями (или, наоборот, – сопровождает их), но к ним не сводится. Оно, равно как и его основные компоненты, должно быть всегда, так сказать, «пустым», но именно поэтому – *открытым* для заполнения определенным содержанием.

5–6: Важнейшей особенностью сознания является и то, что оно «непосредственно дано» субъекту не только в целом, но и в своих основных аспектах, формах, проявлениях, то есть *дифференцированно* – во всем многообразии гетерогенных форм его существования. Причем, характерно и то, что субъект в состоянии отчетливо и также – непосредственно их дифференцировать, «распознать»; он адекватно и точно ориентируется в своем внутреннем мире, в «пространстве» своего психического. Кроме того, он не только адекватно и точно воспринимает это содержание и ориентируется в нем, но и оказывается в состоянии столь же адекватно *управлять* его динамикой – произвольно выделять те или иные его формы и средства, контролировать меру их развернутости.

7–8: Сознанию присуще диалектическое сочетание еще двух важнейших характеристик – принципиальной *дискретности* и феноменологической *континуальности*. С одной стороны, оно подчиняется своеобразному аналогу закона «все или ничего» (и в этом смысле обладает дискретностью). С другой стороны, сама степень осознаваемости чего-либо, представленности в сознании, может быть очень различной – как в ситуативном, так и в личностном плане (то есть в плане индивидуальных различий в мере его рефлексивной данности субъекту). Оно представлено на разных уровнях полноты и отчетливости, что и описывается свойством континуальности как еще одним его свойством.

9–10: Сознанию присуща принципиальная *целостность*, максимальная интегративность: оно всегда презентировано как нечто единое и единственное, как продукт, так сказать, предельной интеграции «составляющих» психического. В то же время, сознание – это всегда нечто большее, чем целостность, поскольку оно всегда предполагает момент своеобразного выхода за ее пределы. Данное свойство зафиксировано в понятии *трансцендентности*, которая, в свою очередь, объективно предполагает ведущую роль в обеспечении сознания собственно процессуальных средств организации. Последнее связано с тем, что сама трансцендентность возможна лишь при условии динамической, собственно временной организации.

Все эти атрибутивные характеристики и особенности сознания и должны обязательно воспроизводиться в каждом из его основных компонентов: и лишь в этом случае компоненты могут рассматриваться именно как таковые, то есть как такие «единицы» целого, которые сохраняют его качественную определенность. Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что на уровне компонентов сохраняются не все, а именно главные атрибуты качественной определенности целого. Некоторые атрибуты целого проявляются не на уровне компонентов, а на уровне их общей организации, то есть на уровне самой целостности. Сопоставление этих атрибутивных сознания с аналогичными – также основными характеристиками когнитивных процессов позволяет зафиксировать следующие основные положения.

Наиболее очевидным является соответствие предложенного способа решения проблемы выявления компонентов сознания первой паре тесно взаимосвязанных характеристик его качественной определенности – его непосредственной данности и субъективной

бесспорности. Как было показано выше, не только сознание в целом, но и его отдельные «составляющие», каковыми и выступают когнитивные процессы, также обладают и непосредственной данностью и субъективной бесспорностью. Сознание не только в целом репрезентируется непосредственно и бесспорно, но и, так сказать, покомпонентно – в плане отдельных психических процессов; точнее – оно и есть эта непосредственная и бесспорная субъективная реальность. Однако, это реальность не гомогенная, нерасчлененная, а внутренне дифференцированная и организованная. Эта дифференцированность на множество организованных компонентов и лежит в основе того, что само сознание представляет некоторое «пространство» – пространство обязательно интегрированное, но именно поэтому и для этого исходно дифференцированное на базовые компоненты.

Несколько сложнее обстоит дело со второй «парой» атрибутивных характеристик сознания – его интенциональностью (направленностью на объект) и, в то же время, несводимость к репрезентации этого содержания («прозрачностью», «бегством» от содержания). Так, по отношению к первому из них можно констатировать следующую картину. Любой когнитивный процесс, действительно, (по определению) обладает свойством интенциональности, поскольку одним из его главных атрибутов как раз и выступает то, что он является своеобразным оператором (Л. М. Веккер [111]). Любой из них не просто направлен на объект, в чем и состоит сама интенциональность, но и не может быть не направлен на него. Вместе с тем, никуда не уйти от того обстоятельства, что в качестве таких объектов направленности могут выступать и фактически выступают не только внешнеположенные сущности (то есть объекты внешней реальности), но и реальность субъективная. Это оказывается возможным благодаря тому, что любой когнитивный процесс выступает уже не только тем, *чем* познается, но и тем, *что* познается – причем, как со стороны психологического познания, так и со стороны его осознания субъектом. Именно трансформация любого когнитивного процесса из статуса «познающего» в статус «познаваемого» (и значит – осознаваемого), а затем и на основе этого – сосуществование и взаимодействие этих двух модусов как раз и лежит основе фундаментального атрибута психического – свойства самопрезентированности, которое и составляет самую суть сознания как такового. Свойство интенциональности, в свою очередь,

приводит к тому, что, будучи направленным на объект отражения, сознание и любой его аспект, в результате всегда оказывается как бы отягощенным, наполненным продуктами и результатами этого отражения (или – самоотражения). По отношению к когнитивным процессам это представлено в наиболее показательной и очевидной форме, поскольку их результаты всегда выступают для субъекта в форме определенных знаний о предмете отражения или, повторяем, – самоотражения.

Вместе с тем, это прослеживается и по отношению ко всем иным классам психических процессов. Феноменологически переживаемое состояние сознания всегда представлено как осознание чего-либо; как факт «знания о чем-либо», то есть в форме знаний как таковых. Со-знание – это то, что со-провождает знания, или же то, что со-провождается знаниями, связано с ними, существует только в связанном со знаниями виде. Однако, это не само знание; сознание нередуцируемо до знаний, до тех или иных – многообразных форм и типов репрезентации внешнего и внутреннего мира, которые обеспечивают функционирование системы знаний.

В контексте всех этих, действительно, фундаментальных характеристик сознания вполне логичным и обоснованным предстает и то положение, которое было сформулировано нами выше. Согласно ему, в качестве структурных компонентов сознания (по определению) не могут выступать какие-либо содержательные, информационные «составляющие» психического, результативные эффекты и проявления ее функционирования (например, мысли – результативные эффекты ментальных репрезентаций; воспоминания – результативные эффекты мнемических репрезентаций и др.). Такими компонентами могут выступать не сами эти репрезентации, а то, что лежит в их основе, обеспечивая их, то есть сущности принципиально процессуальной природы.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующее заключение. Именно когнитивные процессы как таковые в наиболее полной и адекватной форме, вообще – естественным образом позволяют синтезировать две указанные и в значительной степени противоположные, антагонистические особенности – интенциональность (а как следствие – «отягощенность» содержанием) и свободу от него. Все они – в их результативных проявлениях существуют только в связанном с содержанием виде; но они же – в их процессуальном аспекте не являются этим содержанием и принципиально открыты

для их «заполнения» каждый раз все новым содержанием. Любой из них и их интеграция, представленная как сознание, это своего рода форма, которая всякий раз наполняется различным содержанием, а без него и вне его не существует. Они, однако, к нему в принципе нередуцируемы, выступая для субъекта как самостоятельная данность – причем, данность и непосредственная, и неоспоримая. Таким образом, можно видеть, что трактовка основных когнитивных процессов как структурных компонентов сознания не только полностью удовлетворяет двум фундаментальным свойствам сознания (интенциональности и свободы от содержания), но и позволяет естественным образом снять, действительно, фундаментальную противоположность даже своеобразный антагонизм их природы. В свою очередь, это выступает конкретным проявлением того, как предложенное решение вопроса о компонентах сознания не только удовлетворяет критерию сохранения в них его качественной определенности, но и является по отношению к нему объяснительным средством.

Еще одна пара атрибутивных особенностей сознания, составляющих его качественную определенность, которую также необходимо рассматривать в качестве критерия-верификатора предложенного способа дифференциации компонентов сознания, заключается в следующем. С одной стороны, как показано выше, сознание – это не только непосредственная данность психики самой себе, так сказать, в целом, но и данность обязательно дифференцированная, расчлененная, гетерогенная. Сознание дано субъекту не как аморфное и нерасчлененное целое, но как некоторое пространство, в рамках которого он безошибочно дифференцирует, распознает и идентифицирует те или иные его «составляющие» – ориентируется в них и адекватно их воспринимает, локализует в этом пространстве. Однако именно это как раз и является одной из наиболее характерных, важнейших особенностей когнитивных процессов (понимаемых в качестве такого рода «дифференциально представленных составляющих» сознания). Субъект непосредственно и безошибочно идентифицирует, например, то, что дано ему через мнемические репрезентации, как информацию именно памяти; то, что дано ему как продукт «размышлений» именно как локализованное в процессе мышления и т. д. Причем, подчеркнем, что такая идентификация и локализация в пространстве сознания – отнесение той или иной

его «составляющей» к соответствующим процессуальным образованиям реализуется и непосредственно, и неоспоримо, и без специальных усилий для этого, составляя один из базовых механизмов сознания.

С другой стороны, не менее характерной особенностью сознания является уже не только способность к адекватной идентификации той или иной психической репрезентации со вполне конкретным психическим процессом, но и способность к произвольной активации этих репрезентаций и осознанно контролируемая работа с ними. Несколько схематизируя реальность, можно сформулировать следующее положение. Взятые на уровне компонентов, в качестве которых выступают основные когнитивные процессы, сознание характеризуется не только возможностью адекватной перцепции его гетерогенного содержания, но и, так сказать, эфферентными – регулятивными функциями. Именно в когнитивных процессах и через них субъект управляет динамикой сознания, регулирует его, осуществляет активные воздействия на него (конечно, в известных пределах) Тем самым обеспечивается еще одно, также фундаментальное и очень явно представленное феноменологически свойство сознания – его *подвластность*, чувство не только данности, но доступности для вмешательства в него – управляемости им. Сочетание доступности и подвластности обеспечивает тот наиболее общий феноменологический признак сознания, согласно которому оно выступает не просто наиболее полным воплощением субъектности, «самости» личности, но и, фактически, составляет эту субъектность, самость, является ей. Все это, повторяем, оказывается возможным лишь благодаря тому, что в качестве компонентов сознания выступают не его содержательные «составляющие», не ментальные репрезентации (как носители содержания), а активные – специфически операционные средства работы» с ними, то есть сами когнитивные процессы.

Содержание еще одной пары атрибутивных особенностей сознания, которые также находятся в сложнейших и отчасти – антагонистических отношениях друг с другом, образовано следующими его характеристиками. С одной стороны, сознанию присуще свойство дискретности, поскольку оно подчиняется своеобразному аналогу закона «все или ничего»: оно либо есть, либо его нет. С другой стороны, сознание столь же явно в феноменологическом плане может быть представлено с разной степенью отчетливости, полноты,

широты и глубины, то есть континуально. Противоречивое единство дискретности и континуальности – важнейшая особенность сознания, которая представляет собой несомненную феноменологическую реальность. Однако в связи с этим возникает вопрос: как именно, посредством каких механизмов и компонентов сознания это «единство оказывается возможным? На наш взгляд, ключевой в этом плане опять-таки является категория когнитивных процессов, точнее – их трактовка в качестве его базовых компонентов; поясним сказанное.

Как мы уже отмечали при рассмотрении основных свойств компонентов, их современная трактовка должна учитывать и факт реального существования таких систем, в которых отдельные компоненты могут быть представлены лишь в так называемом «связанном виде». Это означает, что любой компонент такого рода систем может существовать лишь постольку, поскольку представлены все иные ее компоненты. Более того, сам компонент в значительной степени выступает эффектом совместного бытия – конвергенции всех иных компонентов, базируется на их синтетическом взаимодействии. Известно, что для обозначения таких систем сложился ряд понятий: абсолютное целое, полносвязная система и др. [447, 587]. Если теперь с учетом сказанного обратиться к предложенному выше способу дифференциации компонентов сознания, в качестве которых трактуются основные когнитивные процессы, то с очевидностью предстает следующий факт. Именно они как раз и являются теми структурными составляющими, которые могут существовать лишь «в связанном» друг с другом виде.

Данный факт многократно и подробно проанализирован в соответствующей литературе. Он, например, проявляется в том, что практически невозможно дифференцировать, выделить какой-либо процесс в автономной форме, в, так сказать, чистом виде. Любые попытки такого выделения (аналитической экстирпации, по Л. М. Веккеру) наталкиваются либо на принципиальные трудности, поскольку в самом составе практически каждого психического процесса всегда обнаруживаются моменты всех иных процессов, либо приводят к деструкции самих аналитически выделяемых процессов. Эта трудность проанализирована, например, в [258] и обозначается либо как «эффект перевертыша» (М. А. Холодная [587]), либо как «эффект вертушки» (В. Д. Шадриков [605]). В наиболее общем плане она является следствием онтологической целостности, единства и неделимости «психического как процес-

са». То, что феноменологически – на уровне сознания репрезентируется как отдельные психически процессы, – это не его дизъюнктивные части, а его различные, но онтологически воедино связанные и поэтому могущие существовать лишь «в связанном виде» аспекты. Таким образом, можно видеть, что предложенный способ дифференциации сознания на компоненты не только полностью удовлетворяет данному свойству (дискретности), но и в определенной мере объясняет, почему сознание обладает этим свойством.

Столь же естественным образом с позиций предложенного способа дифференциации структурных компонентов сознания может быть объяснено и свойство его континуальности. Как мы уже отмечали ранее, современная трактовка понятия компонента предполагает отказ от его рассмотрения как некоторого статического, неизменного образования и требует учета того важнейшего факта, что компоненты могут быть представлены в системе с принципиальной разной степенью развернутости, полноты, эксплицированности – в зависимости от изменения режимов функционирования системы. Однако, именно эта особенность опять-таки не просто очень характерна для любого когнитивного процесса, но и, фактически, является их атрибутивной особенностью. Действительно, каждый из когнитивных процессов является принципиально динамическим образованием, а мера его полноты, развернутости – режим его бытия в системе определяется сложной констелляцией внешних и внутренних детерминант. Они могут быть представлены и в относительно простых, редуцированных и симультанных формах, выступая как просто чувство того, что нечто ощущается, воспринимается, помнится, мыслится. Однако они могут быть представлены и в максимально развернутых, сукцессированных проявлениях. Одной из особенностей организации когнитивных процессов является также то, что в этих своих – максимально развернутых формах каждый из них может подчинять при этом себе все иные процессы и выступать, фактически, как все содержание «внутренней» психической деятельности. Иными словами, для каждого когнитивного процесса, а также для всей их системы принципиально характерно наличие определенного и при этом – очень большого диапазона изменений степени его сложности, развернутости, полноты. По отношению к системе когнитивных процессов данный диапазон как раз и является основой для того – зафиксированного

выше свойства сознания, согласно которому оно феноменологически может быть представлено с разной степенью полноты, степени, то есть именно континуально. Все это вновь демонстрирует правомерность трактовки в качестве базовых компонентов сознания именно основных когнитивных процессов. Более того, можно, по-видимому, сказать и категоричнее: данная трактовка не только удовлетворяет требованию сохранности в компонентах качественной определенности «целого», но и частично объясняет, почему возникает эта качественная определенность – континуальность феномена сознания.

Наконец, еще одной – пятой парой основных атрибутов качественной определенности сознания, как показано выше, является сочетание следующих его двух свойств. С одной стороны, оно трактуется как высшая интегративная целостность, как нечто неделимое, единое и субъективно единственное. В норме оно феноменологически всегда одноканально, что как раз и является прямым следствием его целостности. И лишь благодаря этой целостности, достижению «хорошей организованности», на уровне самой этой целостности генерируются ее специфические, то есть системные качества, совокупность которых и образует сознание как таковое. В этом отношении сознание, естественно, представляет вполне завершенную, самодостаточную, самостоятельную систему. Вместе с тем, очень показательным и доказательным является то, что предложенный способ решения вопроса о базовых структурных компонентах сознания (согласно которому в их качестве следует рассматривать основные когнитивные процессы) не только полностью удовлетворяет и этой атрибутивной его характеристике, но и в определенной мере объясняет ее. Действительно, целостность и организованность, однофокусность и одноканальность могут быть обеспечены лишь в том случае, если дифференцируемые компоненты этой целостности структурированы адекватным ее природе образом, то есть на основе принципа иерархичности. Однако, необходимо подчеркнуть, что вся система когнитивных процессов построена и организована как раз на основе базового и фундаментального принципа – иерархического. Каждый более сложный когнитивный процесс выступает одновременно и как уровень этой иерархии, в основании которой локализованы процессы ощущения, а на вершине – процессы мышления. Таким образом, система когнитивных процессов – это не горизонтально организованное образование, а струк-

тура, построенная по уровневому, то есть иерархическому принципу, что и обеспечивает аналогичное свойство – свойство иерархичности, а значит целостности сознания. Следовательно, и фундаментальное, атрибутивное свойство сознания – его целостность, системность обеспечиваются аналогичным, то есть также базовым принципом, на основе которого синтезированы все когнитивные процессы – принципа иерархичности и объясняется *через* него.

Однако, с другой стороны, не менее характерной и также многократно описанной (причем, не только в психологической, но и, преимущественно, – в философской литературе) является и другое, в определенном смысле противоположное свойство сознания – его трансцендентность. Оно означает, что сознание – это одновременно и то, что «оно есть» (актуальное содержание), и «выход за то, чем оно является» (порождение нового содержания). Осознание чего-либо возможно лишь на основе выхода за содержание самого осознаваемого; само же осознание чего-либо – это также выход за пределы осознаваемого содержания. Данное свойство исследовано во многих психологических и философских течениях; оно получило в них различное терминологическое обрамление, но суть его остается постоянной. Как мы уже отмечали выше, оно может эксплицироваться в терминах контекста и метаконтекста: по настоящему осознать что-либо (контекст) можно лишь включив его в некоторый метаконтекст, то есть, фактически, осуществив выход за пределы самого исходного содержания сознания, расширив его границы. В другой терминологической традиции используется понятие рефлексивной рамки, которая постоянно меняется – «скользит», а ее расширение – это и есть механизм осознания как такового. Подчеркнем, что и само свойство трансцендентности и указанные выше способы его терминологического обозначения – это многократно верифицированная, основополагающая характеристика сознания в целом. Вместе с тем, нельзя не видеть, что само это базовое свойство – трансцендентности является, фактически, *alter ego* его бытия именно как процесса (а не как статического образования, не как относительно фиксированного состояния). Действительно, сама трансценденция как таковая предполагает не только и даже не столько интеграцию какого-либо содержания, а процесс включения этого содержания в какой-либо метаконтекст. Именно это

включение приводит к тому, что в его результате, то есть на следующем этапе процесса возникает новое содержание, которое также начинает осознаваться.

Итак, можно видеть, что трансценденция объективно невозможна вне процессуальности; процессуальность же (по определению) является необходимым и во многом достаточным условием для трансценденции как таковой. Но это и означает, что не только сознание в целом, но и его базовые «составляющие» компоненты также по необходимости должны иметь процессуальную природу. Трудно не видеть, однако, что именно такой природой как раз и обладают те компоненты, которые, согласно предложенному нами способу решения, выступают базовыми компонентами сознания – основные когнитивные процессы. И в этом, кстати говоря, заключается одна из причин, точнее – одно из объяснений того парадокса, который был зафиксирован выше и согласно которому в качестве структурных компонентов сознания необходимо рассматривать не собственно структурные, а именно процессуальные образования психики.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее обобщающее заключение. Предложенный способ решения вопроса об основных структурных компонентах сознания, согласно которому в их качестве следует понимать основные когнитивные процессы, удовлетворяет всем десяти атрибутивным характеристикам, присущим исходной целостности (то есть самому сознанию) одновременно и в одинаково полной мере. Это означает, что в дифференцируемых компонентах сохраняются все базовые атрибуты исходной целостности, образующие ее качественную определенность. Более того, предложенный способ прошел не только, так сказать, полную верификацию по всем этим десяти базовым атрибутам, но и позволил в определенной степени объяснить ряд из них, вскрыть их причины и механизмы. Тем самым можно говорить не только о верифицированности этого способа, но и о том, что он обладает также и объяснительным потенциалом.

Вместе с тем, на основе такого способа открываются возможности и для того, чтобы расширить и уточнить существующие представления о качественной определенности самих когнитивных процессов именно в плане их темпоральных аспектов. Действительно с этих позиций выявляется их важная и двуединая по сути особенность. С од-

ной стороны, они, разумеется, сохраняют свой определяющий статус как важнейших составляющих психики в целом, а также ее главных операционных средств и механизмов, ее фундаментальных «единиц». Однако, с другой стороны – причем, именно *поэтому же*, они выступают и наиболее очевидными компонентами ее наиболее сложноорганизованного образования – сознания. Тем самым они мультиплицируют в себе и его базовые атрибуты – те, которые рассмотрены выше. Наряду с этим, они воспроизводят в себе и одно из наиболее важных – синтетических проявлений всех этих атрибутов, составляющее самую суть сознания, взятого в его временном «измерении». Оно, как показано выше, состоит в том, что именно благодаря сознанию, точнее – на том интегративном уровне функционирования психики, который сопряжен с ним, как раз и порождается феномен субъективного времени. Сознание, выступая некоторой реальностью, порождает, как и любая иная реальность, ее атрибут – время, в данном случае субъективное. Оно – опять-таки на уровне сознания и благодаря ему, презентировано актуально и переживается как настоящее – и в плане его непосредственной данности, и в темпоральном плане – как нечто противоположенное прошлому и будущему. Два эти модуса настоящего (субстанциональный и темпоральный) синтезируются в сознании, что и конституирует его как несомненную субъективную данность.

Однако, именно в силу этого, данная особенность целого (сознания) транспонируется и на его компоненты – на основные когнитивные процессы. Именно поэтому они обретают такое важное их качество, каким является свойство конституировать само настоящее в каждый его момент: они не только презентированы как несомненная данность, но и как данность «здесь и теперь» – как то настоящее, которое не просто истинно по содержанию, но и которое составляет темпоральное настоящее. Это и есть то «теперь», «сейчас» – актуальное содержание, которое образует само психическое в каждый конкретный момент его функционирования. Благодаря этому, то, что они репрезентируют, является настоящим и в плане субъективной очевидности и в плане действительности его присутствия «сейчас». Только синтез этих двух модусов настоящего дает истинную несомненность субъективной реальности, его непосредственную данность (причем, понятие непосредственности также удваивается: это не только то, что дано прямо, но и сейчас, а не косвенно – то, что уже было или еще будет). Любой когнитивный

процесс может становиться психическим настоящим только будучи осознанным, а само осознание – это и есть средство его транспонирование в локус настоящего и в этом смысле актуально существующего. Вновь эксплицируется связь темпоральности и существования как такового, но на уровне не объективной, а субъективной реальности. Нечто может обретать существование, лишь получая модус настоящего не только в субстанциональном, но и в темпоральном плане.

Далее, в связи с предложенной трактовкой когнитивных процессов как базовых компонентов одного из основных уровней субъективного времени, возникает, пожалуй, главная проблема, точнее комплекс проблем. Они носят двуединый характер и состоят в следующем. С одной стороны, необходимо выявить, каким образом и как конкретно этот уровень реализован – воплощен и, так сказать, «уже предусмотрен» в самой структурно-уровневой организации психики? Как этот же параметр – временной воплощен и реализован в организации их общей совокупности – в их структуре? С другой стороны, необходимо выяснить то, каким образом темпоральность в качестве специфической формы организации реализована и в каждом из них, то есть как они воплощают в себе временную организацию и, не исключено, вообще строятся на ее основе? Все эти вопросы станут предметом специального рассмотрения в главе 4, основным предметом анализа в которой выступят именно эти – временные и значит функциональные закономерности организации когнитивных процессов и психики в целом, ее темпоральная организация, в особенности. Вместе с тем, и в контексте рассматриваемых здесь вопросов необходимо зафиксировать некоторые из таких – темпоральных закономерностей их организации.

Как известно, одной из очень характерных и специфических особенностей когнитивных процессов является то, что они могут существовать лишь, так сказать, в «связанном виде», то есть в комплексе друг с другом, во взаимной полагаемости. Поэтому структурное «ядро» и компонентная база всей структурной организации сознания (его компонентный уровень) представлен такими образованиями, которые имеют не только собственно процессуальную природу, но и непосредственно соотносятся со всеми основными когнитивными процессами. Они выступают производными от них и сохраняют в себе их главную особенность – специфику их операционного

состава. В связи с этим, по отношению к закономерностям структурной организации компонентов сознания со всей остротой и в полном объеме эксплицируется одна из наиболее общих и важных проблем – проблема организации когнитивных процессов и принципов построения когнитивной подсистемы психики в целом. Являясь, к тому же, и одной из наиболее традиционных, старых проблем, она, как известно, имеет ряд вариантов решения, часть из которых была рассмотрена выше, а также в работах [256, 269].

Так, основные когнитивные процессы трактуются с классификационных, таксономических позиций – как различные *виды* процессов. Они же могут рассматриваться и со структурно-уровневых, иерархических позиций – как различные *уровни* когнитивной иерархии. Существуют, естественно, и иные способы интерпретации совокупности когнитивных процессов – вплоть до полного отказа от возможности их какого-либо однозначного упорядочивания и рассмотрения их как продукта «ложной систематизации» [437]. Вместе с тем, при всем разнообразии подходов, нельзя не отметить, что среди них отсутствует такой, который базировался бы именно на хронологическом, временном – диахроническом критерии. Это тем более труднообъяснимо, что вся известная совокупность когнитивных процессов достаточно четко, полно и вполне естественным образом может быть упорядочена именно на основе данного критерия, выстроена вдоль «оси» времени. Такого рода временной, – своего рода хронологический критерий демонстрирует явную – атрибутивную соотнесенность мнемических процессов с категорией прошлого; аналогичную соотнесенность сенсорно-перцептивных и аттенционных процессов – с категорией настоящего; наконец, соотнесенность и вообще – атрибутивную связь процессов воображения и представления с категорией будущего. В результате все когнитивные процессы (подчеркиваем, – пока за исключением мышления) выстраиваются вдоль «оси» времени «прошлое – настоящее – будущее». Они заполняют весь диапазон, составляющий эту «ось». Вместе с тем, собственно мыслительные процессы не могут быть четко и однозначно локализованы на каком-либо из его интервалов, поскольку сама суть этих процессов как раз и состоит в том, что они носят своего рода «распределенный» и синтетический характер. Это означает, что, с одной стороны, мышление обладает временной *обратимостью* и возможностью оперирования не только

с актуальным, но и с ретроспективным, а также перспективным содержанием. С другой стороны, мыслительные процессы обладают принципиальной возможностью и синтезирования различных временных категорий, а также информации и содержания, локализованного в разных частях хронологического континуума. На основе этого можно сделать, как минимум, два заключения. Первое: система основных когнитивных процессов может быть упорядочена не только на основе структурно-уровневого, иерархического принципа, но и на основе хронологического, точнее – диахронического принципа. Второе: если при иерархической экспликации роль мышления (как высшего уровня этой иерархии) заключается в интеграции всех иных уровней, то при диахронической, временной экспликации мышление выполняет аналогичную, то есть также – синтетическую роль, выступая интегратором всех частей временного континуума.

Из сказанного следует, далее, что в самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органичную и естественную реализацию параметр времени, временная координата реальности как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой. Следовательно, в самой их диахронической организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для приспособления ко времени, но и для активного использования самой временной системности как средства функциональной организации психики. И психика в целом, и сознание, в особенности организованы таким образом, что базируются на компонентной базе, которая уже воплощает в себе временную организацию – на основных психических процессах. Благодаря этому, их система в целом и обеспечивает общую адаптацию к параметру времени как одному из фундаментальных «измерений» объективной реальности. Благодаря этому же, их система обеспечивает возможность порождения и внутреннего – субъективного, психологического времени, а затем – его использования в целях своей же собственной функциональной организации. Внутренний мир – мир сознания строится и структурируется не только на основе содержательных, семантических оснований, но и на основе атрибутивной включенности в него временной «координаты» как своего рода четвертого измерения реальности – уже не внешней (объективной), а внутренней (субъективной).

Необходимые основания для такого структурирования заложены, как можно видеть из проведенного анализа, в специфике самой компонентной базы сознания – в том, что в качестве этих компонентов выступают основные когнитивные процессы, имеющие специфически временную природу. Система когнитивных процессов в целом сформировалась в ходе эволюции таким образом, чтобы адекватно учитывать фундаментальный и основополагающий параметр – параметр времени; чтобы не только обеспечивать адаптацию к нему, но и его использование в целях собственной функциональной организации.

Наряду с этим, в сходном направлении должны быть проинтерпретированы результаты, полученные в работе Е. В. Карповой и М. С. Роговина [278]. Основным из них является обоснование структурно-уровневой трактовки самого традиционного понятия «приспособления ко времени» (как наиболее общего, но и наиболее концептуально аморфного, неопределенного по своей сути). Эта трактовка вполне созвучна тем представлениям, которые были сформулированы выше, а ее суть может быть резюмирована следующим образом.

Как известно, не только в тезаурусе психологии, но даже и в естественном языке сложился целый ряд так называемых «временных понятий», фиксирующих различные аспекты того, что обычно обозначается как «отражение времени», «приспособление к времени». Это, в частности, *ощущение* времени, *чувство* времени, *восприятие* времени, *представление* о времени, *память* на время, *ориентация* во времени (прежде всего, разумеется, когнитивная), планирование времени (ведущую роль в котором, играет, естественно, *мышление*). Вместе с тем, сколь очевидной является эта дифференциация понятий, столь же и труднообъяснимым выступает тот факт, что в ней не распознана следующая – фундаментальная закономерность. Все эти понятия, фактически, соотносятся с различными *уровнями* организации когнитивной подсистемы психики, с различными по сложности (и, соответственно, по их иерархическому месту в данной подсистеме) когнитивными процессами – начиная от ощущения и заканчивая мышлением. Тем самым общая структура приспособления ко времени включает в себя, фактически, всю когнитивную иерархию, но взятую в ее совершенно определенном функциональном назначении. Из этого следует, что в структуре психики нет (и, по-видимому, не может быть) какого-либо специфического «органа» приспособле-

ния к времени, или специфических процессов, направленных только на такое приспособление. В этих целях используются, как показано в данной работе, те же операционные средства, которые заложены в каждом из основных когнитивных процессов. Вместе с тем, поскольку сами они организованы на основе структурно-уровневого принципа, постольку и то, что традиционно обозначается как приспособление к времени, отражение времени, также имеет аналогичную – структурно-уровневую организацию. Можно видеть, следовательно, что временная координата как объективно представленное измерение реальности опять-таки органично сопряжена с базовыми принципами собственно системной организации – в частности, со структурно-уровневым принципом организации когнитивной подсистемы психики.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что в самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органичную и естественную реализацию параметр времени, временная координата как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой. Следовательно, в самой их темпоральной организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для приспособления ко времени, но и для активного использования самой временной системности как средства функциональной организации психики. Одной из важнейших, а не исключено – фундаментальных закономерностей психики в целом является то, что она базируется на такой компонентной базе (на совокупности основных когнитивных процессов), которая уже воплощает в себе временную координату реальности и ее организацию. Благодаря этому, система когнитивных процессов в целом и обеспечивает общую адаптацию к параметру времени как одному из основных «измерений» объективной реальности. Однако благодаря этому достигается и возможность порождения своего рода внутреннего – субъективного, психологического времени, а затем – его использования в целях своей же собственной функциональной организации. Внутренний мир строится и структурируется не только на основе содержательных, семантических оснований, но и на основе атрибутивной включенности в него временной координаты. Это – «четвертое измерение» реальности, но уже не внешней (объективной), а внутренней – субъективной. Объективные основания для такого структурирования заложены в спец-

ифике самой компонентной базы когнитивной подсистемы психики – в том, что в качестве этих компонентов выступают основные когнитивные процессы, воплощающие не только в своей организации, но даже и в своей совокупности черты систем темпорального типа. Вся система когнитивных процессов в целом сформировалась в ходе эволюции таким образом, чтобы адекватно учитывать фундаментальный и основополагающий параметр объективной реальности – параметр времени. Она позволяет не только обеспечивать адаптацию к нему, но и его использование в целях собственной функциональной организации.

Далее, важной и достаточно общей особенностью функциональной организации системы психических процессов, взятой в их целостности – на уровне сознания, является еще одна закономерность. Известно, что именно в итоге осознания чего-либо реализуется перманентное обогащение знаний о том, что именно осознается – о ситуации, предмете, субъекте, то есть кумуляция парциальных результатов, полученных на каждом этапе (акте) осознания. При этом, однако, следует подчеркнуть, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу простого суммирования этих результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе, в процессе реализации последующих актов осознания результаты, полученные на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, аккумулируются, сколько могут представлять в новом свете, то есть подвергаются качественным трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса осознания как темпоральной организации системы психических процессов, одна из его атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение репрезентированной в процессе осознания информации, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении (то есть содержательно) выступает не как агрегация данных, а как их интеграция, предполагающая и количественное увеличение, и качественные трансформации. Данную закономерность можно обозначить как принцип *трансформирующейся кумуляции*.

Вместе с тем, каждый последующий этап данного процесса (каждый последующий цикл осознания) реализуется при обязательном условии опоры на те результаты и те данные – знания, которые были получены на всех предыдущих этапах. Однако, развертывающаяся по ходу процесса осознания кумуляция результатов (данных, знаний) характеризуется, как следует из предыдущей закономерности, прин-

ципиальной изменчивостью и вариативностью: она для каждого последующего этапа другая, чем для предыдущего. Но именно такая принципиально трансформирующаяся в содержательном отношении база является основанием, то есть детерминантой для каждого последующего этапа, акта осознания. Тем самым и весь процесс осознания развертывается как временная система со сменными основаниями детерминант, то есть подчиняется принципу *сменной детерминации*. Более того, эти детерминанты, а также вся их совокупность не только выступают как нечто «уже данное», хотя и различное на каждом этапе, но они сами формируются, создаются в процессе осознания. *Сознание* тем самым – это всегда и *создание* нового содержания, новых детерминант для его же собственного функционального развертывания⁷².

Далее, при рассмотрении компонентного уровня организации системы психических процессов следует учитывать, что одной из основных особенностей, объективно присущих психике в целом и всем ее «составляющим» – процессам, в частности, является ограниченность, предельность тех функциональных возможностей – ресурсов, которыми они характеризуются. В связи с этим, можно констатировать следующую – значимую, на наш взгляд, закономерность. Она тесно связана с рассмотренной выше спецификой компонентного состава всех систем со «встроенным» метасистемным уровнем, со статусом их компонентов и с особенностями их структурирования. Эта специфика такова, что по отношению к сути функциональной организации психики как одной из такого рода систем складывается следующая – фактически, императивная ситуация.

С одной стороны, как было показано выше, содержание метасистемного уровня и всей системы формируется не по принципу «ограничения и отграничения» от среды, а по противоположному принципу «включения ее в себя». Оно является в этом случае принципиально неограниченным – открытым: чем более неограниченным оно будет, тем эффективнее будет и вся система. В результате этого оно по своим объемным, количественным характеристикам предста-

⁷² В данном пункте реализации структурного плана он с логической необходимостью оказывается связанным с другим – функциональным планом. В силу этого, при его осуществлении, представленному в следующей главе, мы возвратимся к рассмотрению дополнительных особенностей организации общесистемного уровня субъективного времени.

ет практически всегда как очень большое и даже – фактически, необозримые. К тому же, оно находится в состоянии постоянного обогащения, изменения, достройки и т. д.

Однако, с другой стороны, любая система обладает конечностью, предельностью собственных возможностей любого типа (ресурсных, временных, энергетических, информационных и пр.). По отношению к психике совокупность такого рода ограничений (предельных характеристик психики) хорошо известна и достаточно изучена⁷³. Подчеркнем, что обе указанные особенности – это, хотя в известной мере и антагонистичные, но объективно присущие психике черты. Они должны быть как-то согласованы, «примирены», что, казалось бы, абсолютно невозможно как раз в связи с их очевидной противоположностью. Другими словами, как уже отмечалось в главе 2, возникает объективная необходимость в таком механизме функциональной организации системы, который снимал бы противоречие между принципиальной неограниченностью ее содержания и столь же принципиальной ограниченностью ее функциональных ресурсов. Поскольку в качестве «единиц» этого содержания, в основном, информационные сущности – знания, ментальные репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. Возникает необходимость такой формы и механизма функциональной организации знаний, информации, опыта – такой их «упаковки», которая учитывала бы два указанных выше антагонистических обстоятельства. Она должна быть одновременно и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере – субъективно). В настоящее время очень трудно ответить на вопрос о том, что представляют собой такие системы в целом, каковы их основные типы и пр. Однако по отношению к психике как системе со «встроенным» метасистемным уровнем существования и смысл такой формы очевиден и достаточно изучен в психологии.

Действительно, для нее атрибутивно характерна такая форма – такой способ организации (и, соответственно, бытия), который предполагает принципиальную двойственность существования их содержания. Для понимания этой двойственности, точнее – двух взаимо-

⁷³ Напомним, что эти – объективно присущие психике ограничения иногда даже служат основой для обобщенных концептуальных построений, например, для «теории ограниченной рациональности» Г. Саймона.

обратимых модусов существования могут быть применены различные оппозиционные пары понятий: актуальное – потенциальное, реальное – виртуальное, эксплицитное – имплицитное. Это означает, что в любом случае – в любом «акте бытия» содержание систем со «встроенным» метасистемным уровнем не сводится лишь к тем компонентам, которые актуально (реально, эксплицитно) вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что «остается за кадром», образует контекст и фон, что представлено в потенциальной, имплицитной, виртуальной форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем, на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы. Другими словами, с этой точки зрения системы со «встроенным» метасистемным уровнем раскрываются как системы, которые могут существовать лишь при наличии и взаимодействии двух модусов их содержания в целом – актуального и потенциального; они предстают как системы с эксплицитным и имплицитным, реальным и виртуальным содержанием одновременно.

В целях обеспечения этого необходим, однако, соответствующий механизм, который представлен по отношению к психике как вся совокупность мнемических процессов и средств. Иными словами, системы со «встроенным» метасистемным уровнем – это обязательно «системы с памятью». Сам феномен памяти (в широком смысле) раскрывается с этих позиций как необходимое следствие функциональной организации содержания такого рода систем. Однако, как свидетельствуют многочисленные и очень глубокие психологические исследования, охарактеризованные, в том числе, и в главе 1, феномен субъективного времени интимно связан именно с мнемическими процессами. Он атрибутивно сопряжен с памятью как не только процессом, но и как фундаментальной способностью психики. Тем самым и этот аспект анализируемой проблемы вновь показывает ее объективную сопряженность с закономерностями собственно временной организации, с проблемой субъективного времени в целом.

Вместе с тем, нельзя не отметить и еще одно следствие, непосредственно вытекающее из результатов проведенного анализа и содействующее ее разработке. Именно системы со «встроенным» метасистемным уровнем, в силу своих атрибутивных особенностей и, прежде всего, главной из них – двойственности их существова-

ния в актуальной и потенциальной формах, а также обратимости этих форм, содержат предпосылки для становления особой формы организации – темпоральной, а также ее высшей формы – временной системности. На уровне психического она и представлена как феномен субъективного времени. Благодаря этому, становится возможной существенно более успешная адаптация к параметру времени как таковому, а частично – и управление им. Если все иные системы, кроме систем со «встроенным» метасистемным уровнем, *функционируют* во времени, то сами они, наряду с этим, еще и *конституируют* его. Оно, однако, в конечном итоге, является средством репрезентации объективного времени, способом включения временной координаты реальности в организацию психики и регуляцию поведения.

Данный вывод содержит необходимые предпосылки и для решения тех вопросов, которые связаны и с еще одним аспектом собственно процессуальной организации данного уровня. Действительно, с его позиций становится понятным, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают новую и специфическую (если не сказать – уникальную) способность. Это – способность распределять свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его временное структурирование. Другими словами, возникновение феномена субъективного времени и, соответственно, – возникновения способности не только приспособления ко времени, но и использовать его как основу для структурирования своего функционирования означает то, что система оказывается в состоянии более эффективно управлять процессами собственного бытия. Сам процесс как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят и как своего рода временная система – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность. Цель любого сложноорганизованного и внутренне гетерогенного процесса (требуемый результат) в принципе не может быть достигнута посредством, так сказать, однократного взаимодействия субъекта и объекта, локального и единичного акта. Это воздействие всегда – причем, совершенно объективно подвергается дифференциации на частные компоненты, реализация каждого из которых осуществляется на каком-либо этапе и представлена

в качестве компонентов деятельности (действиях). Те парциальные результаты, к которым приводит их реализация, используются, однако, затем – в последующих действиях как предпосылки и основания, то есть как детерминанты для их осуществления. Происходит своеобразное «накопление результатов» – их кумуляция.

Констатируя эти общепринятые положения, обратим специальное внимание и на то, что все указанные особенности, выступающие, фактически, базой для развертывания операционных средств психики, могут быть действенными при одном обязательном условии. Оно состоит в том, что в ходе такого развертывания результаты, получаемые системой (психикой в целом и ее основными «составляющими») на каждом его очередном этапе, будут не только сохраняться, но и использоваться на всех последующих этапах. В свою очередь, это сохранение и использование предполагает трансформацию их исходного статуса – как результатов в иной статус: они должны выступит уже в качестве средств, условий, факторов и пр., иных – следующих за ними этапов, то есть обрести статус операционный статус стать частью содержания процесса. Они должны, так сказать, «погрузиться в основание» процесса, а сами достигаемые на них локальные. Парциальные результаты должны трансформироваться в процессуальную форму, стать частями самого процесса. Собственно говоря, именно за счет такого рода трансформаций и образуется сама процессуальность как форма организации функционирования систем в целом, ее временная организация, ее бытие во времени. Только посредством погружения результатов в процесс последний и обретает его атрибутивные черты, формируется и развертывается вдоль «оси времени» и даже в известной степени лежит в основе ее конституирования. Эту закономерность можно обозначить как принцип *реверсивности*, а в самом общем виде он состоит в следующем. То, что выступало на предыдущем этапе процесса его результатом, на следующем этапе трансформируется в элемент его содержания, обретает качественно иной статус – «составляющей» самого ее процесса. Далее, однако, на новом этапе использование этого нового содержания, порождает новые результаты, которые могут в дальнейшем опять трансформироваться в элемент содержания процесса, но уже на следующем этапе его развертывания. Перманентная обратимость, то есть реверсия процесса в результат и обратно составляет одну из важнейших граней временной, собственно функциональной

организации деятельности. Через взаимодействие – взаимополагаемость и «взаимоиспользование» процессов и результатов, то есть через их попеременное использование либо в качестве средств (условий), либо в качестве целей (результатов) возникает возможность активного использования временной системности как таковой; возникает способность к ее использованию именно в качестве операционного средства.

Кроме того, есть основания полагать, что реверсивный принцип не только присущ всем сложноорганизованным системам, но именно благодаря ему, и достигается высокая сложность их организации. Все это можно обозначить также как механизм транспонирования результатов того или иного процесса в его условия, то есть в содержательные посылки его же собственного развертывания, но на последующих этапах реализации. Его можно обозначить и как механизм «погружения результата в процесс». Именно он приводит к тому, что тот или иной результат, являясь, именно результативным проявлением на каком-либо временном интервале, на другом, следующем интервале уже утрачивает статус «целого» и становится «частью» – условием, посылкой для дальнейшего развертывания процесса. При этом он, «погружаясь» в процесс, вместе с тем, конечно, сохраняет все те основные особенности и свойства, которые были присущи ему и которые характеризуют его как таковой. Если бы эти – достигаемые посредством предыдущего этапа особенности не сохранялись и не воспроизводились на последующих этапах процесса, то и само использование результата в качестве условия процесса было бы просто лишено смысла. Следовательно, становясь частью процесса, погружаясь в него, тот или иной результат сохраняет, хотя и в «снятом виде» основные его характеристики, присущие ему как таковому. И наоборот, эти характеристики начинают окрашивать собой все последующее развертывание процесса на иных этапах его осуществления.

Итак, в функциональной организации психики воплощен один из наиболее важных принципов системной формы как таковой и, к тому же, очень специфичный именно для нее. Он состоит в том, что система, характеризуясь комплексом своих результативных проявлений – эффектов ее функционирования и, более того, порождая их, оказывается, однако, в состоянии затем использовать их же, но уже как средства, как свои частные функциональные характеристики. Системы обладают способностью не только к порождению какого-либо

результата, но и к последующему использованию этого результата, но уже в качестве условия для дальнейшего развертывания их функционирования. Тем самым в их организации очень существенно роль начинает играть механизм, который можно обозначить как трансформация результата в процесс. Благодаря такому «погружению» результата в процесс, достигается и своеобразная чувствительность к содержанию самого процесса как таковому, что субъективно репрезентируется как его данность субъекту именно в аспекте содержания (через возможность репрезентации и идентификации содержания промежуточных результатов).

Далее, за счет этого же создаются предпосылки и для воздействия на организацию процесса – возможности управления ходом процесса на основе уже полученных парциальных результатов. Однако, как показано выше, первый как раз и представлен в определенной совокупности качеств (и, подчеркиваем, никаким иным способом представлен быть не может). Тем самым, он обретает своеобразную чувствительность к нему, что, в свою очередь, и создает возможности для его использования, но уже как операционного средства функциональной организации – динамики систем. Они обретают принципиально важное свойство, которое можно обозначить как способность к саморазвитию, «самостроительству» – к перманентному обогащению своего собственного содержания результатами своего же собственного функционирования. Одновременно это и способность к транспонированию результатов в процесс, а тем самым и к их использованию как операционных, собственно процессуальных средств функционирования.

По всей вероятности, реверсивный принцип присущ функциональной организации всех сложноорганизованных систем. Он, однако, в наиболее отчетливой и полной форме проявляется именно по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем, в особенности по отношению к сознанию. Действительно, результаты процесса осознания всегда представлены в форме того или иного знания. Последние, однако, как было показано выше, одновременно принадлежат и системе сознания непосредственно, и всей метасистеме, являясь неотъемлемыми «составляющими» психики в целом. Процессуальная организация сознания, порождая результаты – те или иные продукты осознания (знания), раскрывается поэтому как взаи-

модействие двух уровней – метасистемного и собственно системного. В свою очередь, и сама функциональная организация систем такого типа всегда строится именно на основе реверсивного принципа. За счет него сознание (как система), собственно говоря, и получает неограниченный доступ ко всей совокупности знаний, ко всему арсеналу индивидуального опыта, зафиксированного в метасистеме (в психике в целом). Они обретают возможность их использования в качестве операционных средств сознания. Однако в процессе осознания всегда имеет место «выход» за наличное содержание, перманентное обогащение знаний, генерация новых знаний, нового опыта. Тем самым, наряду с интегративной функцией, сознание выполняет и еще одну функцию – собственно генеративную, порождающую, развивающую. Системы этого класса, следовательно, обладают способностью не только к порождению какого-либо результата (характеризующегося обобщенными, то есть именно системными качествами), но и к последующему использованию этого результата, но уже в качестве условия для дальнейшего развертывания их функционирования.

Проявления и иллюстрации этой общей закономерности многочисленны и, фактически, повсеместны, а некоторые основные из них заключаются в следующем. Так, в частности, одним из наиболее типичных и максимально полных и рельефных проявлений данного механизма является организация деятельности. Данный вопрос станет предметом специального анализа в главе 4, а пока зафиксируем лишь его наиболее общий смысл. Действительно, сама ее суть состоит в том, что она предполагает дифференциацию на действия. Однако сами они имеют в качестве своего атрибутивного признака несовпадение их целей с целями деятельности. Иными словами, это означает, что они, как правило, порождаются и включаются в общий состав деятельности как средства для реализации других действий. Те результаты, к которым они приводят, используются как средства для организации последующих действий. Деятельность как динамическая система темпорального типа, генерируя те или иные промежуточные результаты, использует затем их же, но в качестве условий – средств для своего же дальнейшего развертывания.

Далее, эта закономерность присуща не только процессуальной организации деятельности, но и, по всей вероятности, любому сколько-нибудь сложноорганизованному процессу взаимодействия

со средой, любому сукцессированному процессу переработки информации. Так, процесс решения задач строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах результатов в посылки – условия дальнейшего развертывания самого процесса. Наряду с этим, и любая сколько-нибудь сложная поведенческая задача, преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это сразу, «за один заход» – симультанно. Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения и (или) процесса преодоления ситуации на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов. Они, однако, предполагают необходимость последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов. Кроме того, эти же результаты, полученные на одних этапах, становятся причинами и условиями – детерминантами для осуществления других этапов. Они становятся детерминантами организации самого процесса.

Наряду с этим, необходимо отметить, что любой психический процесс становится именно *психическим* процессом, то есть специфическим в аспекте своего содержания образованием, в силу формирования его операционного состава в силу специфики содержания входящих в этот состав операций. Однако он же становится психическим *процессом*, то есть некоторой темпорально организованной сущностью, в силу того, что эти же операции упорядочиваются вдоль «оси времени», то есть подвергаются временной организации. Проявления и иллюстрации этого также множественны и повсеместны. Более того, как отмечалось выше, существует и специальное направление, в котором углубленно исследуется данный круг вопросов – актогенетическое направление⁷⁴. В этой связи, представляется

⁷⁴ Данное направление обычно связывается с работами Х. Д. Шмидта, который, в частности, указывал: «В зависимости от длины рассматриваемого интервала времени предмет психологии развития расчленяется на специальные области. Наидлиннейший временной интервал заполнен филогенезом организмов... Меньшим отрезком времени характеризуется антропогенез... Можно воспользоваться еще более ограниченным интервалом для изучения онтогенеза человека... Наконец, очень малые отрезки времени по сравнению с ранее названными приходятся на ту среду переживаний и поведенческих реакций, которую – расширяя первоначальную – рассматривает психология развития».

не вполне естественным, что до сих пор в работах, направленных на раскрытие закономерностей взаимосвязи операционных и функциональных механизмов психических процессов, темпоральный аспект организации операционного состава практически даже не затрагивается. Дело в том, что именно он является атрибутивно присутствующим собственно процессуальной организации любого из них; следовательно, он должен быть обязательно рассмотрен в качестве столь же необходимого направления развития этих представлений.

В свете всего этого трудно, однако, не видеть достаточно несложного, но крайне значимого обстоятельства, согласно которому любой психический процесс, фактически, и становится таковым, то есть процессом в строгом и наиболее непосредственном смысле данного понятия благодаря тому, что в нем – в его структуре и функционировании реализуется временная упорядоченность, темпоральная организация. Психические процессы раскрываются в их истинном и наиболее полном, богатом содержанием и принципами организации виде – в качестве психологических систем уже не только субстанционального типа, но и в качестве темпоральных систем. Любой психический процесс, в особенности – когнитивный просто потому, что он является процессом, обязательно должен завершаться некоторыми итоговыми, конечными проявлениями, то есть определенными результативными проявлениями, эффектами. Данное обстоятельство зафиксировано и в одном из методологических принципов психологии – в принципе единства процессуального и результативного уровней исследования.

Вместе с тем, как было показано выше, глубокая специфичность именно систем со «встроенным» метасистемным заключается в том, что они обретают новую и во многом – уникальную способность. Это – способность использовать результаты своего функционирования на тех или иных его этапах в качестве средств и условием – в качестве, так сказать, «материала» для своего же дальнейшего функциони-

ческое значение термина – нам хотелось бы назвать актогенезом (aktualgenese)» [782]. Близкими по смыслу к понятию актолгенеза являются понятия функционального генеза и микрогенеза. В связи с этим, любой процесс уже является носителем и даже – своеобразным воплощением временной системности как таковой. Поэтому в данном случае указанный принцип представлен, фактически, на компонентном уровне общей структурной организации сознания, то есть на уровне когнитивных процессов.

рования, но уже на последующих этапах. Эта особенность во многом и лежит в основе того, что психические процессы, равно как и иные функциональные образования психики представляют собой системы временного – темпорального типа. Результат, достигаемый системой на определенном интервале ее функционирования, но лежащий уже за пределами самого процесса этого функционирования, тем не менее, включается – «встраивается» системой в ее собственное содержание, но уже на последующих фазах функционирования. Имеет место типичное проявление того, как нечто, лежащее вне системы (в данном случае – результат, который по определению не принадлежит процессу), тем не менее, все-таки входит – функционально включается в состав системы, но уже на ином временном интеграле ее функционирования. «Встраивание» при этом осуществляется за счет того, что сама временная координата используется системой в качестве операционного средства ее собственной организации; имеет место механизм, обозначенный нами как механизм временной системности. По отношению к собственно когнитивным процессам этот механизм эксплицируется, прежде всего, через обращение к категории знаний. Именно они во многом как раз и являются эквивалентом понятия результата: к ним приводит тот или иной процесс, на их получение он, собственно говоря, и направлен, а его их получение и выступает как основной, то есть системообразующий фактор их функциональной организации. Очень демонстративно, что сама суть процессуальной организации всех когнитивных процессов в том и состоит, что результаты, то есть знания, получаемые на тех или иных его фазах, но только и не «просто» обязательно используются на последующих этапах этого функционирования, но во многом и лежат в основе всего функционального генеза когнитивных процессов. Собственно говоря, именно поэтому они в целом и мышление, в особенности, эксплицируется через понятие «движения в знаниях». Сами знания как результативные эффекты процессуальной динамики входят – включаются и «встраиваются» в эту динамику; они вообще во многом и образуют ее.

Наконец, следует подчеркнуть, что данная закономерность очень полно представлена и по отношению наиболее сложному психическому образованию – сознанию. Действительно, если она, имеет место по отношению к основным «составляющим» психики – отдельным психическим процессам, то это же, но с еще большей степенью обо-

снованности справедливо и по отношению ко всей их системе, синтез которых и образует онтологию функционирования психики. Следовательно, на каждом последующем такте функционирования всей макросистемы процессов в этом функционировании оказывается представленным содержание предшествующего такта. Оно репрезентировано именно как содержание – как результат предшествующего такта. Тем самым, но уже не на уровне отдельно взятого процесса, а на уровне всей их макросистемы, которая и составляет содержание функционирования психики, она обретает способность чувствительности по отношению к своему же собственному содержанию, то есть фундаментальное свойство самосензитивности.

Целое (вся система процессов, составляющих содержание функционирования психики на предшествующем временном этапе), воплощаясь – фиксируясь и мультиплицируясь в результате этого функционирования как его частном проявлении, затем – на следующем этапе и выступает именно как все это «целое», но уже репрезентированное субъективно. Можно видеть, что именно с позиций механизма временной системности по-новому формулируется и наиболее острая проблема психологии сознания, обозначаемая обычно как «проблема гомункулуса» [786]. Более того, она получает и дополнительные возможности своего решения. Действительно, психика «в лице» сознания обладает способностью к самосензитивности (чувствительности к своему собственному содержанию) отнюдь не потому, что оно представляет собой некоторый «распознаватель» этого содержания. Эта способность в целом и сознание как ее проявление становятся возможными, благодаря именно временной организации функционирования психики. Суть такой организации заключается в том, что она же сама, но на последующих тактах функционирования как раз и включает – мультиплицирует результаты, то есть содержание функционирования на предшествующем такте, а тем самым как бы декодирует, распознает свое же собственно содержание. Поэтому и решение ключевой проблемы психологии сознания – проблемы самосензитивности может быть осуществлено лишь через привлечение категории времени, через включение в организацию сознания временной «координаты», то есть на основе закономерностей его темпоральной организации.

Наряду с этим, все приведенные выше и многие другие проявления рассматриваемой закономерности позволяют говорить и о весьма пока-

зательном расширении одного из важных методологических принципов – принципа единства процессуального и результативного уровней анализа. В их свете он эксплицируется не только как принцип единства их *анализа*, но и как принцип единства их *осуществления* – взаимобусловленности и взаимопорождения. И именно такое заключение позволяет констатировать еще одну – пожалуй, наиболее глубинную закономерность функциональной организации психики. Как известно, одной из самых значимых и наиболее общих закономерностей ее организации является принципиальная *неданность* субъекту тех механизмов и операционных средств, на основе которых разворачивается ее функционирование. Они, по выражению Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, «трагически невидимы» и не эксплицируемы на уровне сознания [375]; и своя психика и психика «другого» (например, испытуемого) недоступна для внешнего наблюдателя – в том числе, и для исследователя. «Кухня» психического закрыта для интроспективной данности, а сознанию доступны не его собственно процессуальные механизмы, а их итоговые – результативные эффекты. Через них только и возможен доступ субъекта к своему внутреннему миру, к содержанию психического. Это, как известно, составляет не только фундаментальную особенность психики, но и главную трудность ее исследования – ее «непроницаемость» для средств даже такого, казалось бы, наиболее конгруэнтного ее природа метода, как интроспекция.

Любой, даже относительно наименее сложный когнитивный процесс обеспечивается чрезвычайно сложным, системно-организованным функционированием развернутой и гетерогенной, но всегда организованной и интегрированной констелляции психофизиологических процессов и механизмов. Они выступают как онтологическая – объективная основа для реализации любого когнитивного процесса; они, однако, в отличие от самих когнитивных процессов, принципиально не даны сознанию, не осознаются, не репрезентируются как аспекты субъективной реальности. Однако и любой когнитивный процесс в плане его собственно процессуальных «составляющих» столь же непроницаем и «трагически невидим» – но уже не только для внешнего наблюдателя, но и для наблюдателя внутреннего, то есть интроспективно. Он может осознаваться как факт, как некоторое содержание, но не как констелляция системно-организованных механизмов и процессов иного уровня, имеющих объективную природу и являющихся

основой для его реализации. При попытке их осознания субъект всегда наталкивается либо на их содержание, либо в крайнем случае – на ощущение того, что они имеют место. Любой психический процесс дан сознанию именно как таковой – в его качественной определенности и специфичности по отношению ко всем другим, а также в аспекте его содержания и ощущения того, что он имеет место. Но он принципиально не дан – недоступен сознанию в аспекте его онтологической базы, в плане тех объективных психофизиологических процессов, закономерностей и механизмов, которые реально и составляют основу его осуществления. Эту границу, которая, повторяем, характерна для любого психического процесса, можно обозначить как *феноменологическое сечение*. Оно представляет собой определенную демаркационную линию, находящуюся внутри каждого психического процесса, отделяющую то, что феноменологически дано (осознается) и нет (не осознается).

Не вдаваясь, разумеется, во все нюансы возникающей при этом сложнейшей и традиционной для психологии и философии проблемы, отметим только те ее аспекты, которые непосредственно сопряжены с основными задачами данной работы. Прежде всего, необходимо четко осознать и реализовать в исследованиях то, что дифференциация, приводящая к дихотомии «процесс-результат» атрибутивно сопряжена и даже лежит в основании ряда иных и также очень значимых концептуальных дифференциаций. Так, ее результативный «полюс» явным образом соотносится с феноменологией психического, с его данностью субъекту, тогда как ее процессуальный «полюс» непосредственно сопряжен с тем, что обычно фиксируется как его ноуменальное, интроспективно не могущее быть эксплицированным содержание. Фактически, соотношение процессуального и результативного как в их гносеологическом плане, так и в онтологическом аспекте – это конкретизация и проявление на уровне психического фундаментальной оппозиции феноменального и ноуменального, причем не только как познавательных категорий, но и как операционных средств.

Кроме того, проникновение через первый (феномен) во второй (ноумен) не просто крайне проблематично, но и, по-видимому, принципиально невозможно существующими в настоящее время познавательными средствами. Отсюда, однако, вытекают и еще три следствия. Первое: субъективно – интроспективно (то есть с позиций «внутреннего наблюдателя») психическое дано точно так

же, как внешнему наблюдателю дан любой иной объект – оно дано только как феномен. Второе: по отношению к психическому «путь» от феномена к ноумену не просто еще более затруднен, но и сопряжен с принципиальными преградами, обусловленными базовыми атрибутами психического – его интроспективной неданностью, его «невидимостью»: оно не только не объективируемо, но и не субъективируемо в плане его механизмов. Третье: по отношению к познанию психического имеет место сохранение всех атрибутивных особенностей связи феноменального и ноуменального, а одновременно – их усиление и существенное усложнение самой этой связи. Этим, собственно говоря, и обусловлена специфика психологического познания, а также его большая сложность по отношению ко многим иным сферам познания. В особой степени все это проявляется по отношению к исследованию личности как наиболее интегративной экспликации предмета психологического познания в целом.

Наконец, соотношение процессуального и результативного непосредственным образом сопряжено и с максимально обобщенной дифференциацией психики в целом – на осознаваемое, сознательное, и неосознаваемое, бессознательное. Тем самым, анализ темпоральной организации психики, приведя к необходимости специального рассмотрения соотношений процессуальности и результативности, одновременно переводит ее изучение в плоскость, пожалуй, наиболее значимой проблемы всей психологии – проблемы соотношения дух базовых уровней, двух категорий – сознания и бессознательного. В ходе дальнейшего изложения мы еще не раз будем обращаться к этому аспекту исследования, а пока зафиксируем обстоятельство наиболее принципиального плана. Оно состоит в том, что уже в самой общей и важной закономерности структурно-функциональной организации психики – в существовании двух уровней и форм ее организации (сознательного и бессознательного) также воплощена – реализована темпоральность как таковая. Однако она реализована не прямо и непосредственно, а через взаимодействие и взаимопорождение процессуальности и результативности, а также через взаимосвязь субъективного и объективного, феноменального и ноуменального в нем. В связи с этим, возникает предположение, согласно которому дифференциация психики на сознательное и бессознательное, а также их взаимодействия не только лежат в основе субъектив-

ного времени, но и в значительной мере порождают его. Оно станет предметом специального рассмотрения в главе 4.

В связи со сказанным проявляется и еще более глубинная опозиционность и взаимодополняемость двух базовых категорий закономерностей функционирования психического – объективных и субъективных, точнее – закономерностей, не подвергаемых субъективному опосредствованию – недоступных для него, с одной стороны, и субъектно-опосредствуемых, с другой. Данный аспект рассматриваемой проблемы является, по нашему мнению, одним из наиболее значимых, в силу чего представляется целесообразным остановиться на нем несколько подробнее. Прежде всего, следует учитывать, что сами субъектно-опосредствованные закономерности в значительной степени являются производными от фундаментальной способности и, соответственно, – от процесса, лежащего в ее основе – рефлексии. Они вообще выступает как их следствия. В силу этого, их рассмотрение конкретизируется до анализа феномена рефлексии и ее влияния на функциональную организацию психики. Поэтому следует напомнить общий смысл ситуации, сложившийся к настоящему времени ситуации в отношении рефлексивной регуляции поведения. Он состоит в следующем. В общетеоретическом и методологическом плане вполне отчетливо осознается, что параметр рефлексивности в целом является не просто очень важным в плане обеспечения деятельности и поведения, но вообще основным и наиболее специфическим. Именно он придает сложность, многогранность, противоречивость и, в конечном итоге, – уникальность тому, что обычно обозначается понятием «осознанная, произвольная регуляция деятельности».

Следовательно, исходя из значимости и уникальности данного параметра, можно было бы ожидать и аналогичного – комплексного и всеобъемлющего его проявления в системе закономерностей организации деятельности, поведения, структуры личности. Этого, однако, не наблюдается, а современная психология (и общая, и экспериментальная, и прикладная) располагает непропорционально малым объемом конкретных, а тем более – эмпирически и экспериментально установленных закономерностей, обусловленных параметром рефлексивности и связывающих его с иными характеристиками деятельности, поведения, личности. Очень многие связи между базовыми характеристиками деятельности и рефлексивности,

личности и рефлексивности остаются не эксплицированными в явном виде. Но в таком случае и возникает резонный вопрос: почему же, несмотря на свою практически единодушно разделяемую исследователями – огромную и уникальную роль, рефлексия как процесс и рефлексивность как личностное свойство так скупо и фрагментарно представлена в системе известных сегодня закономерностей? Означает ли это, что такого рода закономерностей, действительно, мало? Или же рефлексивно-обусловленные закономерности все же достаточно многочисленны и очень существенны, но сами они – иные, нежели те, которые описаны в традиционном эмпирическом базисе общей и социальной психологии и именно эта «инаковость» блокирует их выявление и изучение?

На наш взгляд, можно предложить следующее решение сформулированных вопросов. По всей вероятности, многие (а не исключено – и подавляющее большинство) закономерности психики оказываются представленными дважды в ее целостной организации, проходят два этапа своего функционального генезиса. Они, вследствие этого, принимают две формы своего существования и проявления. С одной стороны, они, разумеется, существуют, проявляются и выявляются «сами по себе» – в их объективном бытии, то есть как атрибуты психического и вне зависимости от рефлексивной, осознанной регуляции – именно объективно. Но с другой стороны, эти же закономерности могут улавливаться субъектом – подмечаться и фиксироваться им как нечто повторяющееся, стабильное, устойчивое в его «внутренней жизни». Они идентифицируются как нечто такое, что может способствовать организации им своего поведения, а в результате – оптимизации меры его адаптивности, эффективности. Объективные – первичные закономерности сами становятся предметом их «отражения», восприятия субъектом, что и обеспечивается рефлексией как таковой, вообще – составляет ее суть (а, возможно, – и главное предназначение). Но в этом случае открывается принципиальная возможность не только для рефлексивной фиксации действия тех или иных закономерностей, но и для активного воздействия на них, возможность для регулирования меры их выраженности.

Субъект (повторяем – именно благодаря свойству рефлексивности) оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять

на них. Это, собственно, и есть один из механизмов того, что традиционно обозначается понятием произвольной регуляции деятельности. Понятно, однако, что характер такого рефлексивного (произвольного) влияния будет уже принципиально иным по сравнению с первичными – объективными закономерностями. Он будет именно субъективным, а еще точнее – субъектным. Это – своего рода вторичные, субъектные закономерности; они образуют систему собственно рефлексивных закономерностей. Им присущи две основные особенности. Во-первых, это – именно вторичные закономерности, закономерности второго порядка; это закономерности трансформации иных – исходных, базовых закономерностей. Они как бы накладываются на другие – первичные, то есть базовые закономерности и видоизменяют их. Во-вторых, это – субъектные, а потому принципиально подверженные субъективным абберациям закономерности. Они характеризуются, в силу этого, значительно меньшей стабильностью, строгостью, инвариантностью и просто – степенью соблюдения принципа строгой рациональности. Этим, в частности, объясняется существенно большая размытость и менее строгий характер рефлексивных закономерностей.

Необходимо подчеркнуть, что вторичные – субъектные закономерности, к каковым принадлежит большинство рефлексивно-детерминированных закономерностей, не являются субъективными в прямом смысле. Они объективны, но в более сложном плане – в плане того, что они прошли опосредствование субъектом, преломились через систему его рефлексивных механизмов. Более того, эти вторичные – субъектные закономерности можно рассматривать и как высшее проявление объективных закономерностей, поскольку они наиболее специфичны и адекватны сложнейшему из всех существующих объектов познания – человеку, а вне их установления и понимания его познание просто невозможно. Эти закономерности, в основе которых лежат генеративная, трансформационная, модулирующая и иные функции рефлексии (см. ниже), и есть в значительной степени содержание субъектности как таковой. Система указанных закономерностей в существенной мере образует содержание функционирования субъекта, содержание его процессуального бытия.

Рассматриваемая проблема имеет, разумеется, и более общее – фактически, гносеологическое, философское содержание. Речь при этом идет о соотношении, взаимодействии в функционировании

одной и той же системы (психики) двух категорий законов – объективных и субъективных. Развитые выше представления способствуют ее решению, по крайней мере, в двух планах. Во-первых, свойство рефлексивности и процессы рефлексии должны быть поняты как своего рода «мост» между двумя типами закономерностей. В своей генетической и трансформационной функции рефлексия детерминирует генезис субъективных закономерностей на базе объективных. Но в своей регулятивной функции рефлексия выступает как средство субъектной координации меры проявления объективных закономерностей. Во-вторых, становится понятным, почему благодаря именно рефлексии и сознанию в целом поведение человека часто так не похоже на объективно-детерминированное функционирование многих иных систем; почему оно нередко так непредсказуемо, противоречиво и даже – иррационально, «непонятно». Дело в том, что в структуре психики, фактически, тесно переплетаются две системы механизмов ее функциональной организации – объективная и субъективная. Причем, вторая может в известных пределах регулировать первую. Содержанием этой второй системы и выступают собственно рефлексивные процессы и механизмы. Чем более развита рефлексивность, тем в большей степени доминирует вторая система регуляции; тем в большей степени поведение субъекта приобретает опосредствованный, непредсказуемый характер. Все это эмпирически проявляется в свойстве произвольности поведения и деятельности. Вторая система может не только регулировать меру проявления закономерностей первой, но и «открывать» – эксплицировать их субъекту для возможного произвольного использования. Это обстоятельство нашло отражение и в обыденной, житейской психологии, а также получило закрепление в естественном языке (например, выражение «человек открывает в себе неожиданные стороны» и т. п.). Это – одна из граней генеративно-порождающей функции рефлексии. Наконец, в-третьих, новый и высший тип закономерностей организации психики – рефлексивный (и тем самым – субъектный по определению) – по-новому раскрывает закономерности нижележащих уровней (объективные). В этом отношении уместно вновь вспомнить известное положение С. Л. Рубинштейна, отмечавшего, что с «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [483]. Более того, последние становятся при этом принципиально управляе-

мыми (хотя, конечно, в известных пределах); они выступают в инструментальной роли. Субъект оказывается в состоянии – через рефлексию управлять не только своим поведением, но и частично самими закономерностями, по которым строится поведение.

Отсюда, далее, следует достаточно естественное объяснение отмеченного выше парадокса, согласно которому степень важности проблемы рефлексии совершенно несоизмерима с тем эмпирическим базисом закономерностей, которые установлены в психологии по отношению к ней. Малое число конкретных закономерностей, описанных в психологии по отношению к рефлексии, не означает, что их на самом деле мало и они поэтому малозначимы. Дело в другом: сами закономерности рефлексивных процессов – это, так сказать, *другие* закономерности – в основном, вторичные, а не первичные, субъектные, а не объектные. Их суть в значительной мере и состоит в том, что через них субъект регулирует, а частично – и порождает («раскрывает в себе») иные – базовые, объективные особенности самого себя. В рефлексивных закономерностях поэтому интегрируются и синтезируются, «сталкиваются» многие иные закономерности. Рефлексивные закономерности носят не локальный, а интегративный характер. Они не проявляются непосредственно и не действуют прямо – по принципу «фактор (причина) – результат (следствие)». Их действие существенно более опосредствованно; они должны быть интерпретированы (в плане их общего статуса) как интегративные закономерности.

Итак, сама суть этой рефлексивной регуляции состоит в том, что посредством нее оказывается возможным воздействие на иные – также присущие психике функциональные закономерности, а частично и управление ими. Субъект (повторяем – именно благодаря свойству рефлексивности) оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять на них. Понятно, однако, что характер такого рефлексивного (произвольного) влияния будет уже принципиально иным по сравнению с первичными – объективными закономерностями. Он будет именно субъективным, а еще точнее – субъектным. Это – вторичные, субъектные закономерности; они образуют систему собственно рефлексивных закономерностей. Им присущи две основные особенности. В едином процессе функционирования психики, в регуляции деятельности и любой иной личностной активности

сосуществуют и тесно переплетаются две качественно разные функциональных закономерностей. С одной стороны, это функциональные закономерности, присущие системе первично – те, по каким она функционирует; это – ее атрибутивные, так сказать аутохтонные закономерности. С другой стороны, это специфически рефлексивно-обусловленные закономерности активного влияния на характер действия самих этих – первичных закономерностей. Причем, трансформации первичных закономерностей отнюдь не случайны, а также – вполне закономерны. Поэтому можно и нужно говорить о существовании «закономерностей трансформации закономерностей», закономерностей «второго порядка». Психика (и ее закономерности), с одной стороны, просто «бытийствует» [352]; с другой стороны, проходя рефлексивное опосредствование, она может частично управлять закономерностями этого бытия, влиять на них, а в определенных границах – и генерировать новые закономерности. Последнее составляет содержание специфической – генеративной функции рефлексии.

Специфика рефлексивных закономерностей как раз и состоит в соединении в их составе, в синтезе двух категорий закономерностей – «первичных» (объективных, не подвластных осознаваемому контролю) и «вторичных» (субъектных, а значит – субъективных). Они – при соблюдении оптимальной пропорции между ними – оказываются наиболее действенными в своем совокупном проявлении. Однако, если вторая категория (субъектная) начинает доминировать над первой, то складываются прямые и возрастающие параллельно с увеличением этого доминирования предпосылки для отхода от собственно объективных закономерностей, от «строгой рациональности». Последнее, в частности, проявляется в эффектах контрпродуктивного влияния гипертрофированной рефлексивности на результативные параметры деятельности, на функционирование психических процессов [251].

Таким образом, завершая рассмотрение компонентного уровня субъективного времени, можно констатировать, что именно в нем заложены, действительно, наиболее общие и, так сказать, «корневые» закономерности его обеспечения. Данное обстоятельство вполне закономерно, поскольку, как мы отмечали выше, именно этот уровень и его «единицы» – компоненты обладают очень важной особенностью. В компонентах заложены интенции и потенции для генерации всех иных уровней организации. Они обладают собственным потенциалом

развития – генеративностью как своим атрибутом. В свою очередь, в основе этой особенности как раз и лежит то, что в компонентах воплощаются основные черты качественной определенности того целого, частями которого они выступают – психики, представленной в единстве ее процессуальности и результативности, объективности и субъективности, ноуменальности и феноменальности. Наряду с этим, еще одним важным аспектом такого – генеративно-порождающего потенциала компонентного уровня является и то, что именно на его основе складывается и обретает статус одного из важнейших особый и качественно специфический уровень организации и психики в целом и субъективного времени, в частности, – *субсистемный*, к характеристике которого теперь и необходимости перейти.

3.5. Темпоральность в структуре субсистемного уровня

Действительно, как показано в главе 2, одним из важных положений метасистемного подхода является тезис, согласно которому уровневая дифференциация систем должна осуществляться на основе общего и инвариантного критерия-дискриминатора, включающего пять основных значений. Одним из них как раз и является субсистемное значение, предписывающее дифференциацию особого, качественно глубоко специфического уровня их организации⁷⁵. Он образован совокупностью различных по сложности частных декомпозиций системы, то есть соорганизованными комплексами – паттернами компонентов, то есть ее подсистемами. Очень показательным, что именно с позиций сформулированных выше представлений такого рода паттерны – подсистемы дифференцированных на предыдущем уровне основных «единиц» – компонентов вполне естественным образом эксплицируются по отношению к организации субъективного времени. В самом деле, исходя из этих представлений, основные психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, как раз и выступают в качестве таких компонентов. Однако именно по отношению к ним в психологии сложились очень общие и, по существу, основополагающие представления о дифференциации

⁷⁵ Он в общем плане, а также критерии его дифференциации, рассмотрены в главе 2.

процессуального состава психики на ряд базовых *подсистем*, каждая из которых как раз и представляет собой тот или иной сорганизованный по функциональному принципу комплекс качественно гомогенных по какому-либо критерию процессов. Это, прежде всего, *когнитивная, регулятивная и коммуникативная* подсистемы, дополненные впоследствии и иными подсистемами аналогичного плана – в частности, подсистемой *метакогнитивных и интегральных* процессов. В еще более общем плане о такого же рода субсистемных процессуальных образованиях свидетельствует и дифференциация общего процессуального содержания психики на базовые классы психических процессов – уже не только когнитивных и регулятивных, но и еще более традиционных – эмоциональных, мотивационных, волевых. Разумеется, субсистемный уровень субъективного времени не исчерпывается только его процессуальным аспектом и включает в себя целый ряд иных образований, в которых также воплощена темпоральная организация; однако, именно данный аспект является базовым и определяющим для всей этой организации.

В самом деле, как было показано выше, такая – темпоральная организация реализована в том, каким образом структурирована одна из важнейших и во многом определяющих процессуальных подсистем психики – *когнитивная*. Действительно, во-первых, вся совокупность когнитивных процессов достаточно четко, полно – естественным образом упорядочивается именно по данному критерию; она выстроена вдоль «оси» времени. Такого рода – временной, своего рода хронологический критерий демонстрирует, как отмечалось выше, явную – атрибутивную соотнесенность мнемических процессов с категорией прошлого; аналогичную соотнесенность сенсорно-перцептивных и аттенционных процессов – с категорией настоящего; наконец, соотнесенность и атрибутивную связь процессов воображения и представления с категорией будущего. В результате все когнитивные процессы (подчеркиваем, за исключением мыслительных) «выстраиваются» вдоль оси времени «прошлое – настоящее – будущее»; заполняют весь диапазон, составляющий эту «ось». Поэтому в общей структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, временная координата. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упоря-

доченности как таково. Следовательно, в самой их диахронической организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для приспособления ко времени, но и для активного использования самой временной организации как средства общей функциональной организации психики.

Далее, – и это также отмечалось выше, в психологическом тезаурусе издавна сложился набор терминов, в которых зафиксированы различные аспекты отображения параметра времени. Это понятия ощущения времени, чувства времени, восприятия времени, представления о времени, памяти на время, ориентации во времени (прежде всего, разумеется, когнитивной), планирования времени, ведущую роль в котором, играет, естественно, мышление. Однако сколь очевидной является эта дифференциация понятий, столь же труднообъяснимым выступает тот факт, что в ней не распознана следующая фундаментальная закономерность. Все эти понятия фиксируют базовые процессуальные компоненты, органично соотносящиеся с различными *уровнями* организации когнитивной подсистемы психики. Они сопряжены с различными по сложности (и, соответственно, по их иерархическому месту в данной подсистеме) когнитивными процессами – начиная от ощущения и заканчивая мышлением. Тем самым общая структура приспособления ко времени включает в себя, фактически, всю когнитивную иерархию, но взятую в ее иерархическом строении и в с определенном функциональном назначении. Из этого следует, что в структуре психики нет (и, по-видимому, не может быть) какого-либо специфического «органа приспособления к времени», или специфических процессов, направленных только на него. В этих целях используются те же операционные средства, которые заложены в каждом из основных когнитивных процессов. Однако, поскольку сами они организованы на основе структурно-уровневого принципа, постольку и то, что традиционно обозначается как приспособление к времени, отражение времени, также имеет аналогичную – структурно-уровневую организацию. Можно видеть, следовательно, что временная координата как объективно представленное измерение реальности органично сопряжена с базовыми принципами собственно субъектной организации – в частности, со структурно-уровневым принципом организации когнитивной подсистемы психики.

Вместе с тем, только этим воплощенность темпоральной организации в когнитивной подсистеме психики не исчерпывается. Дело в том, что важной особенностью когнитивных процессов является наличие у каждого из них специфического операционного состава. При его раскрытии традиционно основное внимание уделяется его содержательной стороне, что вполне объяснимо. Однако, не менее важен и иной его аспект – собственно временной, связанный с тем, каким образом сами операции подвергаются темпоральной организации, как они упорядочиваются по хронологическому критерию. Исследования показывают, что по отношению к разным когнитивным процессам их операционный состав, действительно, специфичен не только в содержательном отношении, но и в плане степени его сукцессированности в целом и каждой из входящих в него операций, в частности. Так, по отношению к тем процессам, которые локализируются на относительно низших уровнях когнитивной иерархии (ощущению и восприятию) он в целом и его отдельные составляющие – операции носят подчеркнуто симультанный, то есть неразвернутый во времени характер. По отношению к иным – уже более сложноорганизованным и локализованным на более высоких ее уровнях процессам (представлению, воображению, вниманию) они носят менее симультанный и более темпорально-развернутый характер.

Наконец, по отношению к тем процессам, которые локализируются на высших уровнях этой иерархии – памяти и особенно мышления степень сукцессированности их операционного состава выражена наиболее отчетливо, а темпоральность их организации представлена наиболее явно. Другими словами, переход от менее к более сложным процессам – «движение» вверх по уровням когнитивной иерархии это и есть все более полное воплощение темпоральной организации, придание процессам все более сукцессированного, богатого операционного состава. В связи с этим можно видеть, что именно все более полная воплощенность темпоральной организации в процессуальной организации как раз и выступает одним из основных операционных средств организации когнитивных процессов и, что также очень важно, всей когнитивной подсистемы. Она, взятая в аспекте своей структурно-уровневой организации, также воплощает в себе темпоральную организацию, поскольку ее основные уровни как раз и являются качественно разными формами воплощенности самой темпоральной

организации – как в аспекте ее операционных средств, так и в плане меры представленности – сукцессированности. «Движение» по уровням снизу вверх – это и есть ее нарастание, постепенная трансформация симультизированных форм процессов в собственно процессуальную организацию в ее развернутости и сукцессированности.

Итак, можно заключить, что и в этом аспекте, связанном с параметром симультианности-сукцессивности различных уровней когнитивной подсистемы, в ней также воплощена темпоральная организация, учтен и реализован параметр времени как таковой. Он, дополняя собой два предыдущих, показывает, насколько полно и комплексно данный параметр, действительно, реализован в ней и даже лежит в ее основе. Вместе с тем, как отмечалось выше, это характерно не только для данной подсистемы, но и для иных, также основных подсистем – регулятивной и коммуникативной. Однако прежде чем обратиться к их рассмотрению, представляется целесообразным специально остановиться на такой процессуальной подсистеме, которая дифференцируется по иному, нежели традиционно принятое, основанию, но которая – и это главнее – является непосредственно сопряженной с рассмотренной выше когнитивной подсистемой. Более того, она в значительной степени вообще выступает как продукт и результат ее собственного развития – трансформации и усложнения. Мы имеем в виду подсистему качественно специфических во многих отношениях процессов – *метакогнитивных*.

При ее рассмотрении необходимо учитывать общее положение, согласно которому процессуальный аспект функциональной организации является непосредственной конкретизацией по отношению к предметам собственно психологического исследования главного и наиболее обобщенного атрибута (и параметра) любого функционирования – его бытия во времени. Оно предполагает раскрытие и объяснение основных особенностей собственно временной, то есть темпоральной организации изучаемого объекта. Кроме того, как отмечалось выше, по отношению к собственно психологическим объектам исследования в наиболее явном виде представлена еще одна закономерность: их функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены.

Следовательно, раскрытие особенностей собственно процессуальной организации психических явлений в значительной степени равнозначно раскрытию его темпоральной организации. Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что именно это направление, являясь объективно наиболее общим и важным, тем не менее, остается до сих пор по отношению к собственно метакогнитивной сфере в целом и к ее основным «составляющим» – метакогнитивным процессам разработанным явно недостаточным. Более того, оно вообще не является, согласно сложившейся традиции, приоритетным в их изучении. Это, в свою очередь, выступает непосредственным следствием его относительно наибольшей сложности, связанной с имплицитным характером самой процессуальной организации как таковой и, соответственно, со сложностями доступа к этой внутренней – собственно процессуальной организации.

Констатируя это, нельзя не отметить, что к настоящему времени сложились и определенные предпосылки, содействующие реализации данного аспекта исследования. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического характера, сформулированные в общей теории систем и в когнитивной психологии. Так, одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточные результаты своего функционирования в качестве оснований (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [251]. Результаты, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации процесса, но уже на других, последующих его фазах. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемый выше как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Важной особенностью такого рода систем является, однако, не только использование ими своих частных, парциальных результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно порождаются именно для обеспечения такого функционирования, а затем и на основе этого – используются в нем.

Еще одна – также очень общая закономерность, которую необходимо учитывать при раскрытии специфики функциональной организации метакогнитивных процессов, состоит в следующем. Вследствие рассмотренной выше особенности, тот или иной психический процесс, в особенности – когнитивный предстает как перманентное обогащение и расширение его содержания за счет использования результатов, достигаемых на том или ином его этапе. В итоге имеет место то, что обозначается обычно как саморазвитие или даже как «самостроительство» процесса. Однако трудно не видеть, что в основе этого в значительной степени как раз и лежит отмеченная выше трансформация результатов из своего первичного статуса во вторичный статус – в статус факторов и детерминант процессуального развертывания. В итоге любой психический процесс, в особенности, повторяем, когнитивный предстает и как постоянная трансформация тех или иных его «составляющих» из одного статуса другой – из результативного в процессуальный.

Наконец, при раскрытии особенностей организации метакогнитивных процессов необходимо обязательно учитывать и еще одну их – важную и достаточно общую особенность, установленную в структурно-феноменологическом подходе к их исследованию, а ее сущность состоит в следующем [245]. Те основные явления и феномены, которые установлены в метакогнитивизме и составляют его суть, в действительности, могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как *феномены*, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, *операционном*. Это означает, что они могут распознаваться – «улавливаться» и осознаваться субъектом, а затем использоваться им в качестве средств организации деятельности и поведения, то есть в их операционном статусе [243, 245]. Обретая его и становясь средствами организации деятельности, они, фактически, включаются в саму ее структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего ее содержания. В более общем плане это означает, что система (психика), порождая некоторые эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью использовать их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств его оптимизации. Они обретают при этом свой вторичный статус – уже не объективно представленных феноменов и закономерностей, лежащих в основе организации деятельности, а субъективных средств, лежащих в основе ее реализации. Феномены

(и закономерности) как результативные проявления и как нечто объективно представленное трансформируются в операционные и процессуальные средства реализации субъектом деятельности.

Таким образом, можно видеть, что данная закономерность является, фактически, одним из очень явных и, в то же время, важных и показательных частных проявлений той общей закономерности, которая была охарактеризована выше. Вместе с тем, следует обязательно подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам эта закономерность приобретает, как минимум, две новые и очень значимые специфические особенности. Во-первых, она становится здесь, по существу, максимально выраженной, получая свою представленность даже на феноменологическом уровне, то есть, выступая в качестве относительно самостоятельных феноменов и образований. Во-вторых, что еще более значимо, она переводится на уровень осознания: она, как показано выше, не только «распознается и улавливается» субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им – причем, именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана. Подчеркнем также, что данная закономерность распространяется не только на наиболее традиционные и терминологически зафиксированные в литературе метакогнитивные феномены (например, на феномен «метакогнитивной петли»). Она имеет, по нашему мнению, гораздо более широкую сферу действия и охватывает собой, фактически, все те явления и средства, которые характеризуются следующей общей – определяющей особенностью. Они, порождаясь с необходимостью в ходе реализации тех или иных процессов, затем распознаются субъектом и используются им в качестве операционных средств его оптимизации.

Далее, с этих позиций должны быть проинтерпретированы и широко известные феномены и средства *мнемотехнического* плана; феномены и приемы еще более общего типа, выявленные нами в работе [261] и обозначенные понятием *метатехнических средств*⁷⁶. С этих же

⁷⁶ Их сущность аналогична средствам мнемотехнического плана – все они вырабатываются или осваиваются субъектом как вспомогательные средства, на-

позиций должны быть проинтерпретированы и все иные – многочисленные средства и приемы оптимизации как отдельных процессов, так и деятельности в целом, которые имеют важнейший общий признак. Они, порождаясь в деятельности и ее процессуальной регуляции, могут менять свою первичную форму – форму результатов (следствий, эпифеноменов, «субъективных находок») на вторичную форму. Затем они начинают использоваться самим субъектом как то, что может оптимизировать деятельность и ее регуляцию. В этом плане по-новому предстают, например, все те результаты, которые выявлены и проинтерпретированы в очень важном, но, к сожалению, не модном в настоящее время направлении исследований, обозначаемым понятием культуры умственного труда. В этом плане можно, по-видимому, говорить не только о классической феноменологии метакогнитивизма, но и о его своеобразной макрофеноменологии. Очень показательным в этой связи, что и такое – максимально общее и известное явление, как выработка на основе распознавания, а затем использования своих сильных и слабых сторон индивидуально-оптимального режима труда, а в более общем плане и индивидуального стиля деятельности, также предстает как проявление данной закономерности.

Итак, можно видеть, что, пожалуй, главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть, что именно это позволяет объяснить обязательное наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера. Следовательно, метакогнитивные процессы

правленные на оптимизацию какого-либо когнитивного процесса, но уже не только памяти, но и иных процессов. По отношению, скажем, к мышлению в их качестве выступают такие важные операционные средства, как мыслительные эвристики.

раскрываются как закономерное следствие *общей* линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основным смыслом и главным функциональным предназначением такой – новой формы состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный *потенциал*, а в конечном итоге, содействует и повышению ментальных *ресурсов* субъекта деятельности.

Наконец, следует подчеркнуть, что все это находит свое объективное проявление (а одновременно – и подтверждение) в наиболее общей и важной специфической именно для метакогнитивных процессов закономерности их функциональной организации. Она обозначается понятием операндно-операторной обратимости. Напомним, что ее сущность состоит в том, что психические процессы принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическими, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая обратимость может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение временной «координаты» в организацию процессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов и находит воплощение специфический тип организации – временная, диахроническая, а сами они предстают как одна из разно-

видностей систем темпорального типа. Это и есть главная и наиболее общая особенность их функциональной организации. В ней основной принцип организации когнитивных процессов – принцип операндно-операторной обратимости достигает своей максимальной воплощенности и переводится на качественно новый уровень – уровень осознанной, произвольно регулируемой реализации.

Кроме того, можно видеть, что на качественно иной уровень переводится и то, каким образом в процессуальной организации воплощена сама темпоральная организация. В метакогнитивных процессах происходит их дальнейшая сукцессивизация, что и означает существенно более полную реализацию в них собственно временного измерения, «учет» в них самого параметра времени. Можно видеть, что структурная организация процессуального содержания психики вновь эксплицирует воплощенность в ней временной координаты и, соответственно, самой темпоральности как базовой формы организации. Метакогнитивные процессы – это не просто «удвоение» процессуальности, но – именно за счет этого – и качественно иная, более полная степень воплощенности темпоральной организации как таковой, более полная степень реализации временной координаты в субъективной реальности. Причем, сама темпоральность реализуется посредством наиболее специфической для психики формы ее воплощения – процессуальной, то есть посредством базовой категории психических процессов.

В этом прослеживается и общая логика усложнения данной формы – начиная от ее функциональных основ и заканчивая высшими проявлениями, связанными с феноменом сознания; поясним сказанное. Основные уровни когнитивной подсистемы, как показано выше, не только могут, но и обязательно должны быть поняты как различные формы и степени реализованности временной системности, как итоговые эффекты качественно различной меры ее воплощенности в функциональной организации. Действительно, становление на базе психофизиологических функций первичных когнитивных процессов, по существу, представляет собой обогащение самих функций совокупностью операционных средств, специфичных каждому из процессов, их организацию в форме скоординированной и распределенной вдоль оси времени совокупности таких операций. В результате этого функции трансформируются в процессы, обогащаются

содержанием, получая качественно иные и, разумеется, бóльшие возможности. Временная системность, наложенная на функции, и дает в итоге тот или иной психический процесс.

Аналогичная закономерность имеет место, однако, и при следующем межуровневом переходе – от первичных когнитивных процессов к вторичным процессам – метакогнитивным. Дело в том, что сами первичные процессы не только могут, но и обязательно должны быть подвергнуты дальнейшей организации – как в плане их собственного содержания, так и в плане межпроцессуального синтеза. Однако, основным средством этого является реализация по отношению к первичным психическим процессам тех операционных средств, которые содержатся в них же самих. Тем самым любой первичный когнитивный процесс обретает двуединый характер своего статуса – не переставая быть оператором, но одновременно становится и операндом. Совокупность его операционных средств, предполагающая, разумеется, их «бытие во времени» реализуется тем самым в отношении его собственного содержания. Возникает типичная и очень характерная, подробно описанная в метакогнитивизме ситуация «удвоения процессов» – формирование на основе первичных когнитивных процессов вторичных процессов. Причем, данная закономерность характерна не только для когнитивных, но и для иных классов психических процессов, имея поэтому общий характер. Однако все это как раз и означает, что сами вторичные процессы есть не что иное, как «процессы с процессами», «процессы по организации процессов», как процессы «второго порядка» не только сложности, но и временной организованности. Другими словами, во вторичных процессах степень полноты воплощенности временной системности существенно повышается, выходит на качественно новый (в прямом, непосредственном смысле) уровень.

Вместе с тем, эта же закономерность имеет место и по отношению к следующему – третьему межуровневому переходу. Это – переход от уровня вторичных процессов к уровню рефлексии как «третьичному» процессу. Сама ее суть как раз и состоит в максимальной степени развернутости, прежде всего – временной всей системы психических процессов. Рефлексия как процесс – это и есть развернутая и внутренне дифференцированная форма организации всей системы психических процессов – и первичных, и вторичных. Следовательно, она представляет собой психический процесс максимальной

степени интегрированности – «процесс по организации всех иных процессов», что и является критерием ее отнесения к процессам ее «третьего» порядка сложности. В ней вторичные процессы, являющиеся синтезом первичных процессов, также подвергаются соорганизации, в результате чего оказываются представленными в скоординированном и целостном виде. Все это требует, однако, реализации дополнительных – также процессуальных средств, которые по вполне понятным и естественным причинам обуславливают возрастание собственного масштаба времени рефлексивных процессов.

Таким образом, можно видеть, что общая иерархия основных уровней структурной организации психических процессов, действительно, представляет собой иерархию последовательно усложняющихся форм реализации временной системности как таковой. Каждый вышележащий уровень формируется на основе нижележащего посредством внесения в него дополнительной временной системности и обладает, следовательно, большим по отношению к нему собственным масштабом времени. Психические функции трансформируются в первичные психически процессы; они, в свою очередь, – во вторичные психические процессы. Наконец, на базе вторичных психических процессов формируется «третичный» процесс рефлексии. Вся структурная иерархия уровней предстает, в силу этого, и как функциональная организация, как синтез различных степеней воплощенности временной системности в функциональной организации.

Возвращаясь к одной из наиболее важных особенностей метакогнитивных процессов – к двуединству их базовых модусов – и как операторов, и как операндов, обратим внимание на следующее – важное с точки зрения закономерностей темпорального типа обстоятельство. Действительно, как отмечалось выше, любой когнитивный процесс, (по определению) обладает свойством интенциональности, поскольку одним из его главных атрибутов как раз и выступает то, что он является своеобразным оператором (Л. М. Веккер [110]), то есть тем, *чем познается* (С. Л. Рубинштейн [483]). Один и тот же процесс может выступать не только в своем исходном модусе – как активный оператор, как инструментальное средство. Он же эксплицируется и в качестве, так сказать, «предмета» – в качестве относительно пассивного операнда: уже не того, что отражает и регулирует, а того, что отражается и регулируется. Даже в самой этимологии понятия «ме-

такогнитивный» содержится указание на выход за пределы когнитивной подсистемы психики (префикс «мета»), момент выхода в иную качественную определенность – регулятивную. Любой из них не просто направлен на объект, в чем и состоит сама интенциональность, но и не может быть не направлен на него. Вместе с тем, никуда не уйти от того обстоятельства, что в качестве таких объектов направленности могут выступать и фактически выступают не только внешнеположенные сущности (то есть объекты внешней реальности), но и реальность субъективная. Именно трансформация любого когнитивного процесса из статуса познающего в статус познаваемого (и значит – осознаваемого), а затем и на основе этого – сосуществование и взаимодействие двух указанных модусов как раз и лежит основе фундаментального атрибута психического – свойства самопрезентированности, которое и составляет самую суть сознания как такового.

В результате этого метакогнитивные процессы обретают статус *автопроцессов* – того, что взаимодействует само с собой. Поэтому полное содержание любого когнитивного процесса, поскольку все они выступают в единстве двух своих основных модусов (то есть и как объективная и как субъективная реальность) может быть раскрыто лишь через взаимодополнение указанных модусов. Повторяем, все когнитивные процессы – это не только то, *чем познается* (то есть образования, представленные в инструментальной функции), но и то, *что познается*: они могут выступать и реально выступают также и в онтологической функции – как предмет познания со стороны субъекта. В том случае, когда когнитивные процессы, будучи переориентированы на самих себя, начинают выступать и в качестве «предметов отражения», они сразу же трансформируются в иной их модус, обретают качественно иной статус – становятся реальностью субъективной. В этом случае они раскрываются как своеобразный и очень специфический «материал», по отношению к которому реализуются их же собственные операционные средства, составляющие содержание их инструментального модуса. Причем, когнитивные процессы могут выступать не *либо* в инструментальной функции (как операторы), *либо* в онтологической функции (как операнды), а и как операторы и как операнды одновременно. Кроме того, эти модусы могут чередоваться; когнитивные процессы могут менять свой статус и выступать и в качестве операторов и в качестве операндов.

Итак, именно *синхронизированность* этих двух модусов когнитивных процессов, а также их чередование означает, что всем когнитивным процессам присуще не только единство указанных модусов, но и их взаимобратимость. Именно она и обеспечивает, в конечном счете, тот фундаментальный факт (точнее – механизм), согласно которому через когнитивные процессы оказывается возможным доступ к содержанию психического в целом, а также, к содержанию, а частично – и к процессуальным средствам сознания

Действительное значение понятия метакогнитивных процессов заключается, по нашему мнению, не только в том, что в нем зафиксирован качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что благодаря им, сами первичные процессы эксплицируются в совершенно ином качестве – не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, а психических процессов, в частности, такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как отражающее и как отражаемое; и как порождающее и как порождаемое. Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше механизма операндно-операторной обратимости указанных модусов. Вместе с тем, совершенно понятно и то, что лишь благодаря этому становится возможной реализация психикой и собственно регулятивных функций – причем, не только по отношению к внешней деятельности, но и по отношению к самой себе.

Далее, следует иметь в виду и еще два значимых обстоятельства. Во-первых, как известно, когнитивные процессы могут существовать лишь «в связанном виде». Важно и то, что эта «связанность» достигается не только за счет «горизонтальных» взаимодействий», но и взаимодействий иерархических. Однако именно это свойство полносвязанности и означает, что в форме множества когнитивных процессов как раз и представлена вся совокупность компонентов исходного «целого». Во-вторых, эта же полносвязность означает, что в составе каждого компонента (когнитивного процесса) в той или иной мере представлены моменты всех иных компонентов. Отсюда с логической необходимостью следует, что в составе любого компонента (когнитивного процесса) обязательно присутствует и базовый, простейший из них – процесс

ощущения (принимающий в сознании форму самоощущения). Однако, поскольку это так, то именно благодаря включенности в каждый компонент (когнитивный процесс) этого процесса – самоощущения и любой из них также начинает ощущаться, то есть становится непосредственно данным субъекту, точнее – составляет саму эту «данность», является ей. Поэтому и любой психический процесс выступает не только в своей прямой и исходной, то есть, так сказать, инструментальной функции, но и в совершенно ином статусе, в новой функции, которую можно было бы обозначить как онтологическая функция. Ее суть как раз и состоит в том, что каждый из когнитивных процессов может становиться и реально становится уже не только процессом, но и предметом репрезентации, а через достигаемую таким образом саморепрезентацию – самоощущение он обретает «бытие-для-себя», становится фактом реальности (субъективной), образует ее саму. Результативным эффектом этого является специфическое ощущение, выступающее уже не столько как процесс, сколько именно как вполне определенное *состояние*, как непосредственное переживание. И именно поэтому обеспечивается не только непосредственная данность любого процесса, но и безошибочность его идентификации, распознавание субъектом – его локализация в «пространстве» психического.

Другими словами, именно благодаря включенности в каждый психический процесс (как компонент сознания) процесса ощущения, эти компоненты субъективно репрезентируются не только и даже не столько как собственно процессуальные образования, но и как некоторые, причем, – дифференциальные, обладающие несомненными субъективными различиями состояния. В этой же связи следует учесть и еще одну атрибутивную характеристику когнитивных процессов как компонентов сознания – их подвластность субъективному контролю, а также активному воздействию на них и произвольному их использованию в качестве операционных средств.

Очень важно при этом, что указанные модусы психических процессов не рядоположены друг другу, а именно взаимобратимы, представлены в единстве. Более того, как показано выше, эти модусы могут перманентно менять друг друга, чем и обеспечивается так знакомое каждому феноменологическое свойств динамичности сознания – атрибут, который зафиксирован, например, в известном термине «потока сознания». Кроме того, с позиций изложенных представле-

ний раскрывается еще большая сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией вторичные процессы и трансформируя поэтому самих же себя в операнды, тем самым, фактически, приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, также доступна репрезентации, поскольку сами вторичные процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту – субъективную реальность. Сама же субъективная реальность обретает данность, причем, не только «в целом», но и «по частям», то есть покомпонентно, а каждым из этих компонентов и выступает тот или иной первичный когнитивный процесс.

Наконец, вновь обратим внимание на то, что два основных модуса когнитивных процессов могут не только чередоваться, но и синхронизироваться. И только при этом условии их синхронного – одновременного бытия, то есть представленности в психическом, оно само обретает фундаментальное свойство саморепрезентированности, самоощущаемости. Однако, такая синхронизированность (одновременность) – это и есть не просто «одна из», а важнейшая особенность собственно временного типа, базовая закономерность и даже атрибут темпоральной организации в целом. Следовательно, именно темпоральность выступает в качестве критически важного условия и средства – операционного механизма обретения психикой атрибута самосензитивности, который, в свою очередь, лежит в основе, пожалуй, наиболее сложного и трудного для объяснения образования – сознания. Темпоральность не только является условием его порождения и функционирования, но и выступает в качестве операционного средства его обеспечения. Временная координата объективной реальности встраивается в организацию базового феномена иной – субъективной реальности. Сознание раскрывается и как следствие собственно временной организации, как воплощающее ее в себе. Поэтому оно не может быть раскрыто с должной степенью полноты только на основе традиционно изучающейся субстанциональной системности, на основе исследования механизмов интеграции, развертывающихся на базе субстанционально-содержательных основ психики. Оно с необходимостью требует опоры и на изучение системности иного типа – временной. Самосензитивность в целом и сознание как его важнейшее проявление невозможно не только

без субстанциональной системности, но и без системности темпоральной, а сама темпоральность выступает не только его атрибутом, но и важнейшим операционным средством. Кстати говоря, именно этим, в конечном счете, и объясняется то неизменно пристальное внимание к параметру времени, которое характерно для исследования сознания в философии в целом и в феноменологическом направлении, в частности.

Далее, атрибутивно присущие психическим процессам в целом и когнитивным процессам, в особенности, генеративно-порождающие свойства, приводящие к формированию на их основе метакогнитивных процессов, проявляются и по отношению к другой основной подсистеме – *регулятивной*. Именно они, как показано в целом ряде работ, лежат в основе формирования и функционирования особого, качественно специфического класса процессуальных образований, обозначенного понятием *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения [251, 256]. Их совокупность включает в себя следующую специфическую группу процессов регуляции деятельности и поведения: целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль. Поскольку их развернутая характеристика уже неоднократно была осуществлена, в том числе, и в указанных работах, отметим лишь те их особенности, которые имеют непосредственное отношение для анализируемых здесь вопросов. Первая и наиболее специфическая их особенность состоит в том, что в них имеет место закономерность, принципиально сходная с той, которая лежит в основе порождения метакогнитивных процессов – синтез первичных психических процессов. Однако в интегральных процессах этот синтез реализуется на существенно более широкой процессуальной базе – он предполагает интеграцию не только когнитивных, но и иных классов процессов – эмоциональных, волевых, мотивационных.

Вместе с тем, это лишь подчеркивает то, что степень их процессуальной сложности и, следовательно, сукцессированности, а значит и воплощенности в них темпоральной организации еще более возрастает. Каждый из них, по существу, не только использует временную координату как потенциальную возможность для реализации, но и, фактически, во многом тождественен ее воплощенности в самой процессуальной организации психики – но уже на уровне ее ре-

гулятивных процессов. Вторая и не менее показательная особенность этих процессов в их темпоральном измерении эксплицируется уже не по отношению к каждому из них, а по отношению ко всей их *совокупности*. Можно видеть, что эта совокупность и, следовательно, весь класс интегральных процессов, фактически, *воспроизводит* в своем составе и содержании определенный – базовый временной регулятивный инвариант. Все эти процессы объективно, очень естественным и даже необходимым образом распределяются – как бы выстраиваются именно вдоль «оси» времени. Они организуются на основе, так сказать, хронологического, темпорального критерия. Действительно, по отношению к реализации и отдельно взятого действия, и их комплексов, и деятельности в целом – то есть, фактически, по отношению к любому исполнительском, деятельностному акту их «временная развертка» является вполне определенной и инвариантной. Она как раз и представляет собой закономерную последовательность этих процессов: целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль.

Далее, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – регулятивной. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно процессуальной организации одной из базовых подсистем психики – регулятивной также органично воплощен и реализован в ней параметр времени. Он, точнее – его адекватная репрезентация собственно психическими средствами и механизмами (причем, основными для психики, то есть собственно процессуальными), следовательно, функционально включен и в ее общую организацию. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени» – это та базовая координата, которая репрезентирована и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики. Вместе с тем, такое подобие имеет и определенные границы; оно

не доходит до степени тождества. Наиболее существенное различие между ними, дифференцирующее объективное и субъективное время в целом, состоит в том, что система интегральных процессов (как основа всего содержания регулятивной подсистемы психики) характеризуется свойством обратимости. В них заложена возможность принципиальной компенсируемости неправильно и или неудачно осуществленной регуляции. Бытие деятельности, представленное как ее процессуальная организация, в известных границах обратимо, тогда как бытие во времени – нет.

Кроме того, по отношению к регулятивным процессам действует еще одна закономерность, сходная с той, которая лежит в основе предыдущего класса процессов – когнитивных, а также их связей с классом метакогнитивных процессов. Дело в том, что на их основе формируется еще одна – вторая группа регулятивных процессов, складывающаяся, как продукт дальнейшего усложнения и организации интегральных, процессов. Она составляет класс *метарегулятивных* процессов. Их атрибутивный признак состоит в том, что все они выступают продуктом «удвоения» самих интегральных процессов, то есть результатом реализации по отношению к каждому из них операционных средств самих этих процессов. В качестве примеров процессов такого рода «удвоения» интегральных процессов (то есть метарегулятивных процессов) можно привести, в частности, известные процессы метарешений, метапланирования, метаконтроля и др. Так, процессы метарешений состоят в том, что они направлены на решение о том, идти на какое-либо решение или уйти от него. Все они – причем, даже в еще более явной и эксплицированной форме воспроизводят в себе две отмеченные выше главные особенности интегральных процессов – их синтетический, интегративный характер (то есть статус вторичных) и включенность в них метакогнитивных процессов, а следовательно, и их самопрезентированность.

В связи с этим, можно видеть, что и по отношению к еще одной базовой подсистеме психики – регулятивной действует все та же принципиальная закономерность – воплощенность в ней временной координаты реальности, темпоральности как условия и принципа ее организации. Психика и в этой подсистеме также «предусмотрела» и реализовала временную координату как возможность для дополнительных операционных средств своей организации.

Обобщая представленные выше материалы, можно заключить, что время как базовый атрибут, действительно, воплощено в самой структуре основных процессуальных подсистем – когнитивной и регулятивной. Вместе с тем, аналогичная в принципиальных чертах картина может быть констатирована и по отношению к еще одному основному классу первичных психических процессов – мотивационных. Здесь также на базе первичных процессуальных мотивационных образований могут складываться и реально складываются более комплексные, синтетические процессуальные образования, которые зафиксированы в понятии *метамотивационных* процессов. Следовательно, по этому признаку они также должны быть включены в состав вторичных психических процессов. Наконец, общий принцип межпроцессуальной организации, заключающийся в синтезе первичных процессов и формировании на его основе вторичных процессов действует и по отношению к эмоциональным процессам. В связи с этим, появляются основания для дифференциации еще одного класса вторичных процессов – *метаэмоциональных*.

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет зафиксировать три основные особенности метапроцессов как таковых, независимо от их видовой специфики. Во-первых, они носят принципиально неединичный характер, то есть предполагают синтез, как минимум, двух первичных процессов. Причем, в ряде случаев он носит характер «удвоения» самого первичного процесса (память о памяти – метапамять, мышление о мышлении – метамышление). Во-вторых, все метапроцессы предполагают ту или иную организацию первичных процессов. Для этого, однако, используются операционные средства, заложенные в системе самих психических процессов. Такая организация возможна в том случае, если часть процессов выступит в своей инструментальной функции, а другая – в онтологической функции. Другими словами, одни процессы должны быть направлены на организацию как таковую, а другие должны предоставлять материал для этого. Вместе с тем, этот материал должен быть адекватно воспринят – репрезентирован, что предполагает своеобразную чувствительность метапроцессов к первичным процессам, представленность в них механизмов самосензитивности. В-третьих, общая совокупность метапроцессов оказывается чрезвычайно гетерогенной не только по составу, но и по степени их сложно-

сти и по мере комплексности. Собственно говоря, эти три – ключевые особенности всех метапроцессов и придают им очевидное своеобразие по отношению к первичным процессам, обуславливают недопустимость их редуцирования до класса первичных процессов, а также их существования как именно специфического класса и уровня интеграции в общей системе психических процессов.

Кроме того, в свете представленных материалов становится очевидным, что интегративные, синтетические эффекты, приводящие в итоге к формированию вторичных процессов, реально действуют и феноменологически проявляются не только, так сказать, во *внутриклассовой* плоскости, то есть в плоскости самоорганизации процессов одного и того же класса, но и в *межклассовой* плоскости. Вторичные процессы могут выступать и реально выступают как эффекты комплексирования и интеграции первичных процессов разных классов. Данное обстоятельство в общем плане достаточно давно осознано в психологии и, более того, составляет одну из ее аксиом; оно многократно зафиксировано в понятийном и концептуальном аппарате психологии. Это, например, известный тезис о единстве познания и аффекта, то есть, фактически, – о вхождении когнитивных компонентов в само содержание эмоциональных процессов (и наоборот). Это – и вхождение механизмов осознания, то есть также – когнитивных, в содержание мотивов и мотивационных процессов. Тем самым вторичные процессы двух классов – мотивационные и эмоциональные также обретают свойство самопрезентированности, но уже не за счет внутриклассовой, а за счет межклассовой интеграции – за счет вхождения в их состав вторичных когнитивных процессов. Тем самым, они, входя в процессуальное содержание вторичных – метамотивационных и метаэмоциональных процессов, обеспечивает по отношению к ним реализацию свойства самопрезентированности.

Итак, на основе проведенного выше анализа можно предложить и решение проблемы систематизации всего множества вторичных процессов. Оно может быть представлено в виде следующей матрицы вторичных психических процессов (см. таблицу 4).

Матрица «вторичных» психических процессов

		Основные классы психических процессов			
Основные классы психических процессов		Когнитивные	Регулятивные	Эмоциональные	Мотивационные
	Когнитивные	1	2	3	4
	Регулятивные		5	6	7
	Эмоциональные			8	9
	Мотивационные				10

Можно видеть, что общее множество вторичных процессов является производным от эффектов взаимодействия иных, прежде всего, первичных психических процессов всех традиционно дифференцированных классов. Оно при этом включает два подмножества. Одно из них локализовано в соответствующих ячейках матрицы, образующих ее диагональ (№№ 1, 5, 8, 10). Это такие вторичные процессы, которые являются эффектом самоорганизации внутриклассового типа и включают в свой состав метакогнитивные процессы, интегральные процессы, метарегулятивные, метамотивационные и метаэмоциональные процессы. Другое подмножество включает в свой состав такие вторичные процессы, которые, напротив, являются эффектом межклассовой организации и интеграции первичных психических процессов. Они локализованы в ячейках матрицы, расположенных над ее диагональю. Так, например, ячейка № 3 включает широко изучающиеся процессы синтетического (то есть именно метапроцессуального) плана, наиболее обобщающим термином для обозначения которых является понятие когнитивного мониторинга за эмоциями и эмоциональными процессами. Они наиболее неинтенсивно изучаются в настоящее время в исследованиях эмоционального интеллекта. Еще одной – очень показательной в плане рассматриваемой схемы является содержание ячейки № 4 – в ней локализованы процессы организации мотивационной сферы личности. Вся их совокупность при-

водит к двум фундаментальным эффектам, к двум закономерностям. Во-первых, вся мотивационная сфера личности обретает целостность организации и основные черты системности строения, что отражено в базовых принципах ее организации (иерархичности, смысловой интеграции, динамичности и др. [40]). Во-вторых, благодаря, прежде всего, когнитивным механизмам и, соответственно, когнитивным процессам достигается синтез и взаимообратимость двух важнейших типов детерминации поведения и деятельности – собственно мотивационной и стимульной, а в более широком плане – синтез мотивации влечения и мотивации долженствования.

В плане иллюстрации положения о межклассовой интеграции как источника порождения метапроцессов показательно, далее, содержание ячейки № 9. Дело в том, что очень часто однажды пережитая положительная эмоция, закрепленная затем в эмоциональной памяти, может становиться и реально становится очень сильным мотивом для того, чтобы ее вновь испытать. Тем самым «на стыке» мотивационных и эмоциональных процессов формируется качественно новое процессуальное образование, несводимое ни к одному из двух его «составляющих» и имеющие поэтому метапроцессуальную природу.

Итак, можно заключить, что картина метапроцессов в целом является достаточно дифференцированной и включает целый ряд их основных классов и разновидностей. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы преждевременным полагать, что даже такая – повторяем, существенно более дифференцированная картина, нежели это полагается традиционно (то есть сведение всех метапроцессов лишь к метакогнитивным процессам), является окончательной и завершенной. Этому есть, как минимум, две главные причины. Во-первых, в основу предложенной классификации, отображающей структуру метапроцессов, положена базовая дифференциация всех первичных процессов на когнитивные, регулятивные, мотивационные, эмоциональные. И хотя именно эти классы первичных процессов, действительно, являются основными, все же нет достаточных оснований полагать, что они (то есть – известные в настоящее время) исчерпывают все процессуальное содержание психики. Во-вторых, мы вполне отдаем отчет и в том, что предложенная систематика, базирующаяся на комбинации четырех базовых классов первичных процессов, хотя и возможна (а исходя из современного состояния данной про-

блемы – и наиболее естественна), она, по-видимому, не является единственно возможной. Допустимы и иные варианты построения такого рода систематики, которые, не исключено, приведут к выявлению дополнительных классов метапроцессов.

Далее, по отношению к еще одной основной подсистеме – *коммуникативной* вопрос о том, каким образом в ней реализована темпоральная организация, сопряжен с большими трудностями. Они связаны с тем, что, во-первых, сама проблема дифференцированной экспликации специфически коммуникативных процессов разработана существенно слабее, нежели по отношению к другим их классам. Во-вторых, коммуникативные процессы носят атрибутивно экстрапсихический характер и их включение в общую таксономию психических процессов сопряжено с принципиальными трудностями. Вместе с тем, и по отношению к ним темпоральность как принцип организации также эксплицируется достаточно отчетливо. Дело в том, что в теории коммуникаций существует такое понятие, в котором как раз и отражена такая организация – понятие *коммуникативного кольца* [370]. Оно образовано последовательностью базовых процессов и действий, которые выстроены вдоль «оси» времени, подчинены принципу последовательности как специфически временному и отражают темпоральность как принцип организации. Кроме того, в данном понятии отражена и еще одна особенность – принцип обратной связи, предполагающий возможность корректировки коммуникативных циклов и, следовательно, цикличность и итеративность самих коммуникаций, которые, как известно, также являются атрибутами темпоральной организации. Наряду с этим, при анализе того, каким образом сопряжены средства и механизмы темпоральной организации с содержанием и спецификой коммуникативной подсистемы, возникает, конечно, и еще один – пожалуй, наиболее значимый и очень сложный вопрос, точнее – обширное направление исследований. Это, разумеется, атрибутивная сопряженность временного параметра, времени как основы для сукцессирования – для бытия явлений именно в их темпоральном модусе с таким важнейшим феноменом, каковым выступает *речь*. Она является одновременно и следствием темпоральной организации и способом ее реализации в психике и в межличностных взаимодействиях. Она – своего рода следствие того, каким образом психика использует и, так сказать, «эксплуатирует» именно темпоральную орга-

низацию, поскольку речь объективно может быть представлена лишь как сукцессированный – развернутый вдоль «оси» времени феномен. Она, наряду, естественно, с доминантными для нее закономерностями содержательного плана, должна обязательно учитывать и закономерности собственно временной организации. Подобно тому, как одним из излюбленных объектов временного анализа является феномен мелодии, так и феномен речи должен быть понят и реализован как столь же временной, но несопоставимо более сложный, а потому – как богатый возможностями материал для темпорального анализа психики в целом и ее коммуникативной подсистемы, в особенности. Понятно также, что при обращении к этому вопросу мы вторгаемся в особую и далеко выходящую за пределы данной работы область исследований – в психологию речи и языка. Однако и не зафиксировать глубинную – имплицитную сопряженность темпоральной системности и феномена речи как не только содержательного, но и атрибутивно темпорального также нельзя. Напротив, эту сопряженность следует осознать и сделать предметом специальных исследований, а ту область, которая их составит, можно обозначить как темпоральную психологию речи.

Продолжая анализ субсистемного уровня субъективного времени, необходимо обратиться и к такому его аспекту, который выходит за рамки его собственно процессуального содержания. При этом следует руководствоваться двумя важными методологическими положениями. Во-первых, как показано в параграфе, 2.2.2, это уровень является «неплоским», то есть включает в себя целый ряд подуровней, различающихся по степени комплексности состава и мере интегративности. Другими словами, он содержит не только парциальные процессуальные синтезы, но и иные комплексные, синтетически образования, в том числе, и структурного плана. Во-вторых, при его исследовании необходимо раскрытие не только их, так сказать, самих по себе, но и выявление тех прицепов и закономерностей, которые являются общими для них и лежат в основе их обеспечения. В силу этого, реализуя первое из указанных положений, нельзя не отметить и того, что максимально обобщенными – интегративными «составляющими» психики в целом, ее двумя максимально обобщенными частями, макроуровнями, подсистемами и пр. является то, что зафиксировано в понятиях *осознаваемого* и *неосознаваемого* (бессознательного). Оставляя пока в стороне сложные дискуссии

относительно терминологических тонкостей этих и родственных с ними понятий, зафиксируем сам – непреложный факт дифференциации психического именно на эти два модуля. Однако именно в связи с ними возникает ключевой для данной работы вопрос: каким образом в такой – максимально обобщенной и потому наиболее важной дифференциации проявляется параметр времени? Возникает также предположение, согласно которому, если он учтен и реализован во многих иных подсистемах психики и аспектах ее организации, то он с еще большей степенью полноты и рельефности должен быть воплощен и в этой – максимально обобщенной и, следовательно, наиболее значимой дифференциации. Однако здесь-то и возникает вопрос – действительно ли это так и, если да, то каковы закономерности воплощенности временной координаты – темпоральности в дифференциации психического на эти два модуля? Отдавая отчет в его высокой сложности и не претендуя на его полное решение, выскажем, однако, некоторые положения, содействующие этому.

Прежде всего, следует учитывать обстоятельство максимально общего и относительно несложного плана (причем, даже настолько привычного, что оно, фактически, перестало замечаться и учитываться в психологии сознания). Согласно ему, эти два модуля не только и не просто качественно различны, но и едины в определенном отношении. Они выступают двумя временными формами бытия психического, то есть такими его модулями, которые атрибутивно взаимополагают себя именно во временном отношении: они *сменяют* друг друга, а сама их сменяемость как раз и образует феноменологически – субъективно представленную «ось времени», субъективное время как таковое. Причем, эта сменяемость – фактически, цикличность, означающая временные взаимопереходы, представлена в двух существенно разных масштабах. С одной стороны, это циркадная цикличность, воплощенность в их динамике так называемых суточных ритмов, сопряженных со сменяемостью фаз бодрствования, на которых психическое представлено в осознаваемом модуле, и фаз сна, на которых оно представлено в неосознаваемом модуле. Собственно говоря, эти циклы и лежат в основе жизнедеятельности как таковой. Вместе с тем, напомним, что только первый из этих модулей порождает тот феномен, который конституирует субъективное время в целом – феномен настоящего (см. параграф 3.3). Следовательно,

уже в самой циркадной цикличности функционирования организмов в целом и психики, в частности, также воплощена и реализована «ось времени». Состояние бодрствования, атрибутивно сопряженные с сознанием, перманентно сменяется состоянием сна, столь же атрибутивно сопряженное с бессознательным. Однако только первое переживается – репрезентируется как настоящее. Последовательность таких «настоящих» как раз и образует то, что репрезентируется для личности как *течение* времени – ход, процесс, течение ее жизни.

В этом плане особо следует подчеркнуть, что не столько прошлое конституирует настоящее, сколько наоборот – настоящее конституирует прошлое. Дело в том, что только благодаря осознаваемой репрезентации нечто обретает статус реально существующего – настоящего, и в его содержательном смысле, и в темпоральном плане. Однако, становясь таковым – настоящим, актуально существующим, оно автоматически сопрягается со своими противоположностями – с тем, чего не существует и что оппозиционно по отношению к нему, причем с двух полюсов – чего уже нет и того, чего еще нет, то есть с прошлым и будущим. Поэтому сама циркадная цикличность, выступающая следствием и формой реализации темпоральности как таковой, является и средством порождения самого субъективного времени. Она выступает способом своеобразного моделирования – воссоздания психикой и представленности в ее структуре. Причем, следует учитывать, что в циркадной цикличности воплощены и синтезированы многие иные – так называемые биологические ритмы. Тем самым, она выступает интегральным средством реализации темпоральности на самых разных уровнях организма.

Вместе с тем, принципиально аналогичная ситуация складывается и в ином временном масштабе – существенно меньшим по размеру, то есть в микропроцессуальном плане. Действительно, любой акт осознания это и есть становление настоящего, тогда как утрата ранее осознаваемым этого статуса – его перевод в неосознаваемый модус – это, фактически, трансформация настоящего в прошлое. Тем самым можно видеть, что уже простая смена, перманентная динамика, реализующаяся по линии «осознаваемое-бессознательное», также равнозначна воплощенности в ней темпоральной организации: сама эта динамика как раз и переживается как некоторое течение, бытие в его развертывании. В этом плане новым смыслом наполняется

и традиционное понятие «потока сознания»: сознание – это, действительно, поток, причем, в этимологически исходном смысле – как течение, временная динамка, образованная, однако, не столько сменой разных фаз и состояний его самого, сколько сменой актов осознания и де-осознания. Последовательность все новых и новых актов осознания это и есть, собственно говоря, цепь сменяющих друг друга состояний настоящего, что равнозначно течению времени как таковому.

Следовательно, в наиболее общей и важной дифференциации психики на осознаваемое и бессознательное также заложена – воплощена в ней временная координата, темпоральность как таковая. Более того, сама взаимообратимая динамика этих базовых модулов во многом просто *тождественна* темпоральной организации, поскольку взаимопереходы между ними – это именно *переходы*, то есть то, что может быть представлено только во времени и на основе временного развертывания и потому воплощает в себе временную координату, темпоральность как таковую. Сознание эксплицируется не только как то, что порождает феномен настоящего и, следовательно, все субъективное время. Оно – но уже опосредствованно, через его взаимополагаемость с неосознаваемым, порождает и феномены прошлого и будущего, а тем самым – и «ось времени» как таковую. Тем самым складываются предпосылки и для репрезентации в сознании этой «оси» именно как потока, течения, то есть сензитивность ко времени как к таковому в его основных атрибутах – длящести, длени. Обратим также внимание на то, что такое моделирование психикой временной координаты реальности достигается на основе очень общего и в принципе несложного для понимания, но крайне сложного по механизмам средства – взаимообратимого перевода осознаваемого и неосознаваемого. Этот перевод, кроме того, не только обычен и привычен субъективно, но и составляет саму субъективность, точнее – субъектность. Субъектность и время вновь демонстрируют свою глубинную взаимосвязь и взаимополагаемость. Известное «я есмь» предполагает не только *сущность* – то, что «есмь», но и *существование*, то есть то, как и за счет чего обеспечивается это «есмь» – его развертывание в темпоральном модуле. Само же это развертывание как раз и достигается через перманентную смену осознаваемого и неосознаваемого, то есть через пототочность сознания.

Далее, временная координата реальности, темпоральность как таковая воплощена и в максимально интегративном образовании, каковым является *деятельность*, точнее, в ее психологической архитектонике. Действительно, для экспликации этой архитектоники в настоящее время предложен ряд концептуальных моделей, образующих в совокупности структурно-морфологическую парадигму теории деятельности. Напомним, что ее смысл состоит в том, что эта архитектоника эксплицируется через закономерную соорганизацию инвариантной структуры основных «составляющих» – функциональных блоков, которые образуют ее состав и содержание [208, 217, 299, 345, 408, 530, 609]. Наиболее разработанной среди них является экспликация деятельности посредством понятия психологической системы деятельности (ПСД) [605]. В связи с этим, важно отметить, что и в ней, и во всех других моделях не просто реализована, но и является базовым принципом общесистемная закономерность, обозначаемая как принцип *обратносвязевой регуляции* и, соответственно, как принцип кольцеобразности их организации. Обычно данный принцип соотносится только с содержательной составляющей регуляции, то есть с возможностью сличения содержания достигнутого результата с требуемым и его корректировкой.

Однако не менее важно и то, что этот же принцип, фактически, реализует по отношению к структуре деятельности, то есть к ее статическому измерению возможность ее бытия во времени, вплетает в ее организацию временную координату, поскольку он объективно предполагает итеративность функционирования. Итеративность является основой повторяемости, а она – основой феномена следования, то есть темпоральности как таковой. Пора, наконец, осознать, что принцип обратной связи – это важнейшее средство реализации в организации систем и их функционировании именно параметра времени, темпоральности как таковой. Благодаря этому, они эксплицируются не только в их синхроническом модусе, но и в их диахроническом модусе, не только в статике, но и в динамике. Тем самым, уже базовый общесистемный принцип – принцип обратной связи раскрывается как общее по смыслу операционное средство воплощенности темпоральности в их структуре и функционировании. И именно благодаря высокой степени обобщенности этой закономерности, она транспонируется и на систему деятельности. Кроме

того, есть основания полагать, что – опять-таки в силу очень высокой степени обобщенности данной закономерности, она справедлива не только для деятельности, но и для любой иной сколько-нибудь сложноорганизованной формы активности личности – в частности, поведенческой и коммуникативной.

Наконец, говоря о формах и средствах реализации параметра времени в структурно-функциональной организации психики, нельзя не отметить, что такая реализация рельефно представлена и по отношению к *личности* в целом. Данное обстоятельство многократно зафиксировано в самой психологии личности и отражено в целом ряде направлений ее разработки. Это, в частности, проанализированные в главе 1 понятия временной перспективы личности, хронотипов личности, мотивационной перспективы, биографического времени личности и пр. Очень показательно и то, что даже наиболее обобщенное и значимое личностное образование, каковым выступает ее *направленность* даже этимологически непосредственно сопряжено с временной координатой. Направленность – это не только содержательная характеристика совокупности доминирующих мотивов и установок личности, но и то, что задает *направление* ее бытия – его процесс, движение по направлению к ним и в соответствии с ними.

Вообще говоря, при анализе форм и средств реализации временной координаты реальности в организации психики, а также деятельности и личности, складывается вначале ощущение, а затем и убеждение, согласно которому они настолько множественны и, фактически, повсеместны, что, по-видимому, имеют не просто общий, но и всеобщий характер. Любой из их модусов и форм – любой процесс и структура, образование и качество, если они, действительно, существуют, уже самим фактом своего существования, то есть бытия, порождают объективный атрибут этого бытия – время, в данном случае – субъективное. В силу этого, можно видеть, что даже по отношению к тем из них, к которым временной аспект их организации пока не реализован, он все же обязательно существует. Само его существование является не только объективно необходимым, но и доказательством того, что существует и сам его носитель.

В заключение анализа субсистемного уровня необходимо, по нашему мнению, рассмотреть еще один его аспект, имеющий, правда, более общую сферу действия, то есть отражающий значимую особен-

ность субъективного времени в целом. Кроме того, он имеет и определенное методологическое значение, так как демонстрирует связь его организации с некоторыми общими особенностями организации ряда важных психических образований и структур. Он является, к тому же, и достаточно нетрадиционным для всей проблематики субъективного времени, не вполне отвечающим тем императивам и правилам, а также общим подходам, которые сложились в психологии времени. Вместе с тем, без обращения к нему анализ субъективного времени будет неполным и не отражающим его реальную сложность и комплексность. Действительно, при рассмотрении целого ряда достаточно значимых предметов психологического исследования было обнаружено явление, которое условно можно обозначить как феномен *парности*. Он состоит в том, что по отношению к ним существует их своего рода «зеркальные» формы, то есть их представленность в инверсионном виде. В частности, по отношению к процессам принятия решения это *элиминативное* поведение, сущность которого состоит в тенденции к их не-принятию, к уходу от них. Далее, наряду с мотивами деятельности – например, учебной, существует и группа *антимотивов*, суть которых также заключается в том, что они выступают динамическими факторами противоположной по отношению к мотивам направленности. По отношению к рефлексии и рефлексивной регуляции деятельности существует особый класс средств, направленных не на ее реализацию, а напротив, на их минимизацию и обозначаемых понятием *ингибиторных* средств. Подобные иллюстрации можно приводить и далее. Они имеют общий смысл, состоящий именно в их оппозиционности по отношению к тем явлениям, которые были первоначально установлены и уже описаны в исследованиях. Этот смысл вполне ясен и заключается в том, что, действительно, многие важные закономерности представлены не только в прямой, но и в обратной форме; не только в исходном, но и в инвертированном виде. По всей вероятности, в этом проявляется фундаментальная симметричность реальности, представленная как в онтологическом плане, так и в ее гносеологическом отображении, то есть на уровне научного познания. Именно она проявляется и по отношению к сущности субъективного времени; поясним сказанное.

В самом деле, при его исследовании принято делать явный акцент на том, каким образом оно возникает и отображается именно как определенное *течение*, движение, дление, длящестъ; как возникает

субъективная репрезентация некоторого потока, «оси», континуума и пр. Кроме того, в связи с этим формулируется и наиболее общий и наиболее дискуссионный вопрос о том, существует ли оно вообще как некоторая объективная реальность; или же является исключительно продуктом идеализаций – наложения субъективного она объективное и средством приспособления первого ко второму, то есть не реально существующим, а конструируемым и конституируемым субъективно. Реально – физически существует лишь изменчивость объективной реальности, цепь событий и их сменяемость, но не то, что обозначается как «ось» времени и уж тем более – не как триада его базовых модусов (прошлое, настоящее, будущее). Повторяем, все это – классика проблемы времени в целом и психологии времени, в частности. Именно эти вопросы были, собственно говоря, основным предметом рассмотрения также и во всем проведенном выше анализе.

Вместе с тем, внешняя среда – объективная реальность характеризуется не только изменчивостью и цикличностью – вариативностью и перманентными трансформациями, но и не менее выраженной *инвариантностью* – стабильностью, сохраняемостью важнейших свойств и характеристик. Она вообще представляет собой единство постоянства и изменчивости. Поэтому формирующаяся в ходе филогенеза психика не могла не учесть это важнейшее обстоятельство, поскольку без него адаптация к среде в целом и к ее базовому атрибуту – времени была и неэффективной и невозможной. В свою очередь, это означает, что должны были сформироваться, а затем стать представленными в психическом такие средства и механизмы, которые обеспечили бы воспроизведение этой инвариантности – в том числе и временной. Иными словами, это такие средства, которые направлены не на порождение «стрелы времени» – не на субъективную репрезентированность некоторого течения, дления, потока, а на его противоположность. Они должны обеспечивать совершенно иной модус реальности – ее пусть и относительную, но все же *стабильность*, инвариантности и, следовательно, – приостановку и даже остановку, фиксацию некоторого локуса реальности как неизменного, стабильного. Психика должна учитывать инвариантность объективной реальности, представленную не только в ее содержательном, информационном – субстанциональном плане, но и в плане темпоральном – как ее определенную стабильность на тех или иных временных интервалах. Это же

относится, впрочем, и к субъективной реальности, поскольку обеспечить, скажем, инвариантность и сохранение самоидентичность своего Я личность вообще не может без этого условия. Внутренний мир, несмотря на его перманентные трансформации, должен быть все же един в плане его временного бытия, он должен сохраняться инвариантным – самоидентичным в своих принципиальных чертах во времени, в процессе жизни. И именно такие средства с несомненностью эксплицируются в субъективном времени, дифференцируя его от физического, объективного времени, а основные из них заключаются в следующем.

Во-первых, это наиболее общий и фундаментальный для субъективного времени феномен настоящего, порождаемый, в свою очередь, только на уровне сознания и только за счет осознания как того, что и конституирует, а в значительной мере – и конструирует его. В физическом смысле настоящего именно как некоторого интервала не существует, поскольку «ось времени» принципиально континуальна и значит никаких остановок и интервалов в ней быть в принципе не может. Кроме того, сам этот феномен сопряжен с одним из наиболее известных вопросов психологии времени – о так называемом «интервале настоящего», суть которого состоит в том, какова длительность времени, переживаемого именно как нечто единое и неделимое далее на более дробные значения, какова длительность психического настоящего. Тем самым, можно видеть, что само сознание, взятое в его динамике – как чередование, сменяемость актов осознания и де-осознания является способом и формой не только фиксации, но и *порождения* самого настоящего как некоторого интервала, что, строго говоря, не вполне адекватно континуальности временного развертывания объективного времени. Это – типичное проявление так называемых «ошибок отражения», отходов от адекватности репрезентаций объективной реальности, но таких, которые выполняют важнейшие адаптивные функции.

Кроме того, без таких «ошибок» психика вообще не могла бы реализовывать свои адаптационные функции⁷⁷. Явление настоящего –

⁷⁷ В этом плане можно провести аналогию такого рода «ошибок» с двумя более известными феноменами. Первый – это полное несовпадение содержания любого субъективного ощущения и физического содержания вызывающего его объективного стимула. В этом плане любое ощущение – это ошибка, не объективное отображение реального содержания физического мира. Другой феномен – это фундаментальное явление квалиа – качественной стороны всего осознаваемого в его субъективной

это продукт субъективизации действительности, который порождается самой природой сознания – тем, что в каждый момент (интервал) нечто выделяется из среды, причем, не только в содержательном субстанциональном плане, но и во временном, темпоральном плане. Сознание прерывает – приостанавливает временной континуум, конституируя в нем настоящее. Однако тем самым конституируется и то, что оппозиционно ему, причем, симметрично оппозиционно – прошлое и будущее, а в результате и сама временная «ось» как репрезентация его одномерности, как развертывания – объективной «стрелы времени». При этом имеет место еще большая степень идеализации и отхода от объективности. Время как таковое не только конституируется и конструируется, но оно же и подвергается условной деструкции – приостанавливается, трансформируясь из принципиально континуальной сущности в нечто дискретизированное – то, в чем искусственно выделен интервал инвариантности, вневременности – настоящее. Психика сначала «выдумывает» время, а потом – способ того, как его остановить, элиминировать его течение.

Во-вторых, в этом же плане должна быть проинтерпретирована и одна из наиболее общих закономерностей организации психики, состоящая в единстве и взаимополагаемости двух модусов репрезентации в ней объективной реальности и данности ее самой же себе – *результативного* и *процессуального*. Напомним, что в свете проведенного выше рассмотрения оно эксплицируется не только как принцип единства их *анализа*, но и как принцип единства их *осуществления* – взаимообусловленности и взаимопорождения, что позволяет установить еще одну закономерность субъективного времени в структуре психики. Любой, даже относительно наименее сложный когнитивный процесс обеспечивается чрезвычайно сложным, системно-организованным функционированием развернутой и гетерогенной, но всегда организованной и интегрированной конstellляции психофизиологических процессов и механизмов. Они выступают как онтологическая – объективная основа для реализации любого когнитивного процесса; они, однако, в отличие от самих когнитив-

данности как идеального и его принципиальной неконгруэнтности тому, что в нем репрезентируется – материального. Этот момент хорошо иллюстрируется, например, показательным вопросом: пахнет ли роза, если вблизи нет человека?

ных процессов, принципиально не даны сознанию, не осознаются, не репрезентируются как аспекты субъективной реальности. Он может осознаваться как факт, как некоторое содержание, но не как констелляция системно-организованных механизмов и процессов иного уровня, имеющих объективную природу и являющихся основой для его реализации. Любой психический процесс дан сознанию в аспекте его содержания и ощущения того, что он имеет место. Но он принципиально не дан – недоступен сознанию в аспекте его онтологической базы, в плане тех объективных психофизиологических процессов, закономерностей и механизмов, которые реально и составляют основу его осуществления.

Вместе с тем, тот факт, что субъективно любая реальность репрезентируется именно как результат, а не как процесс, и является средством отображения и воспроизведения ее инвариантности. Для того, чтобы эффективно адаптироваться к среде, психика стабилизирует процессуальность – динамичность, принципиальную изменчивость и репрезентирует реальность в ее темпорально-инвариантных формах – в качестве результативных образований, а не в качестве образований процессуальных. Все известные формы субъектных репрезентаций – это отображение в форме результативных образований: образы, понятия. Психика вообще «работает» не с процессуальными репрезентациями непосредственно, а только с их носителями – с теми содержательными сущностями, которые лежат в основе процессуальности, отображении процессуальности, то есть временного развёртывания всегда принципиально опосредствованно – репрезентациями носителей этой процессуальности – их результативными проявлениями.

В-третьих, наиболее общим и фундаментальным по своей значимости средством фиксации и отображения принципиальной инвариантности, стабильности объективной реальности является то, каким образом структурирована и организована психика в целом. Дело в том, что два из трех ее базовых макроуровня атрибутивно сопряжены с порождением таких репрезентаций реальности, которые имеют именно симультанный – *дискретный* характер, то есть выделяют в среде нечто стабильное – настоящее, а не текучее – изменяющееся. Это, разумеется, *ощущения* как таковые, с одной стороны и *знания* (во всех их формах), с другой. Ощущения – как то, что разворачиваются на сенсорном макроуровне, принципиально симультанны – они

даны не как процесс, а как результат и только за счет этого позволяют отображать реальность в ее содержательных, стабильных характеристиках. Однако и то, что сопряжено с высшим макроуровнем, на котором локализовано сознание – знания также носят принципиально инвариантный характер. «Постоянно изменяющиеся», нестабильные знания – это противоречие в терминах. И только одни из трех макроуровней – уровень психических процессов столь же принципиально вариативен – имеет темпоральную природу. В итоге складывается ситуация, при которой в самой структуре психики в единстве представлены базовые средства отображения реальности как в ее континуальном измерении – психические процессы, так и в ее инвариантности – ощущения и сознание. Субъективное время соединяет в себе репрезентированность его и как течения, достигаемое через процессуальность, и как некоторой несомненной данности – настоящей, достигаемой через ощущения и сознание (которые и являются этой настоящестью). И сенсорика, и сознание в субъективном плане принципиально апроцессуальны, чем и отображается инвариантность реальности, в отличие от противоположной природы самой процессуальности, за счет которой отображается ее вариативность – в том числе, и темпоральная, репрезентированная как субъективное время. Кроме того, такая инвариантность распространяется и на внутреннюю среду – на сохранение идентичности, постоянства своего Я, на его стабильность во времени. Самоотношение и самосознание – это, прежде всего, именно ощущение и знание, а они, как показано выше, носят принципиально надвременной, надситуативный характер. Они стабилизируют реальность – но уже субъективную.

В-четвертых, еще одним средством отображения инвариантности среды в субъективном времени является весь комплекс социально выработанных форм ее дискретизации – дробления на «локусы» в соответствии с теми или иными критериями. Это – и допустимые интервалы осуществления чего-либо, и временные рамки выполнения каких-либо задач, и рабочие периоды, и временные ограничения и т. п. Важно и то, что эти временные локусы полагаются и императивно предписываются не только как темпоральные – предполагающее время, но и как инвариантные в совершенно определенном смысле. В них время зафиксировано в его результативном аспекте – как некоторая *ограниченная* сущность, а не в качестве процесса как такового.

Дробление разворачивания реальности на интервалы – интервализация принципиально искусственна и социально-обусловлена; однако она выступает важным средством адаптации к параметру времени, входит в арсенал субъективного времени и частично конституирует и конструирует его. Оно порождается не только как некоторый континуум, но и как континуум, дифференцированный на эти «единицы».

Таким образом, с очевидностью эксплицируется наиболее принципиальный факт. Приспособление к времени, феномен субъективного времени как таковой атрибутивно двуедин – *симметричен*. Наряду со средствами, конституирующими время как течение, как разворачивание, динамика, существуют с средства, направленные на «преодоление» такой текучести – на порождение самого настоящего. Сама же «ось времени» эксплицируется не как гомогенный континуум (что, напротив, характерно для физического времени представленного как «стрела времени»), а как единство дискретного и континуального. Она включает цепь (и в этом отношении – континуум) дискретных сущностей – психических «настоящих» (и в этом плане аконтинуально). В этом отношении можно констатировать принципиальное и глубинное сходство организации реальности в ее субстанциональном и темпоральном плане. Дело в том, что и та, и другая построена на основе синтеза двух модусов – континуального и дискретного. По отношению к физической реальности это представлено в единстве ее волновой и квантовой природы, а по отношению к субъективной реальности и к ее базовому модусу – темпоральному – как единство дискретных актов настоящего и их перманентной сменяемости. Кстати говоря, последняя атрибутивно сопряжена с фундаментальным атрибутом сознания – его трансцендентностью: оно принципиально континуально, поскольку сам факт осознания чего-либо автоматически переводит его в новое состояние и тем самым порождает течение как таковое. Это же отражено и в известном феномене потока сознания.

Итак, выше были представлены материалы, раскрывающие содержание и специфику одного из уровней субъективного времени – субсистемного. Он, как можно видеть из этих материалов, играет важную роль и в организации субъективного времени, и в структуре психики в целом. Можно видеть также, что он в значительной степени выступает продуктом и результатом – трансформаций другого уровня субъективного времени – компонентного, производным

от него. Причем, основной вектор такого рода трансформаций состоит в последовательном усложнении этого – базового уровня (компонентного). Вместе с тем, такая трансформация компонентного уровня может осуществляться и реально осуществляется не только в этом, но и в противоположном направлении – в направлении снижения меры комплексности и, соответственно, сложности, приводя к конституированию другого качественно специфического уровня субъективного времени – *элементного*. Он, в силу этого, и должен стать теперь предметом специального рассмотрения.

3.6. Темпоральность в структуре элементного уровня

Переходя к рассмотрению элементного уровня субъективного времени, представляется целесообразным вначале сформулировать некоторые исходные – установочные положения, учет которых необходим для его корректного раскрытия (напомним, что ранее это делалось и по отношению ко всем уже рассмотренным уровням).

Во-первых, необходимо учитывать принцип субстанциональной опосредствованности субъективного времени (впрочем, не только субъективного, но и объективного – физического). Он, напомним еще раз состоит в том, что и в онтологическом смысле – как пусть и специфическая, но все же реальность, и в гносеологическом плане – как предмет исследования время неотделимо от некоторой субстанциональной основы – «сращено» с ней и производно от нее, а не является самостоятельной сущностью. Следовательно, основным предметом анализа должно быть не само субъективное время в его спецификации по отношению к данному уровню *непосредственно*, а содержание и сущность того носителя, который и сопряжен с ним. В этом плане следует учитывать и известную – констатированную выше условность самого выражения «уровень организации субъективного времени», поскольку речь должна идти не о нем как таковом, а о том уровне организации самой психики, который рассматривается в каждом конкретном случае в связи с феноменом субъективного времени. В его качестве выступает тот уровень собственной организации психики, который локализуется «снизу» от компонентного уровня и образует его онтологическую базу. Следовательно, возникает, пожалуй, главная и определяющая задача – выявления и характеристики этого уровня.

Во-вторых, в этих целях необходимо руководствоваться теми представлениями о критерии-дискриминаторе уровневой дифференциации, которые разработаны в метасистемном подходе и охарактеризованы в параграфе 2.2.2. Он включает пять основных значений, четыре из которых уже реализованы при рассмотрении эксплицированных уровней. Следовательно, не охваченным анализом остается только одно значение данного критерия – элементное, которое как раз и соотносится с рассматриваемым здесь уровнем и, более того, лежит в основе его дифференциации. Напомним, что элементами системы выступают такие образования, которые уже не несут на себе ее качественной определенности, но одновременно являются объективного необходимыми для формирования на их основе этой определенности, то есть для порождения ее компонентов.

В-третьих, следует обязательно учитывать и то, каким содержанием и спецификой характеризуется ближайший к нему уровень – компонентный, поскольку элементный уровень выступает продуктом его трансформации в направлении упрощения⁷⁸. В свою очередь, необходимо руководствоваться и тем, что, согласно развитым выше положениям, основной единицей компонентного уровня выступают психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности.

В-четвертых, весь анализ должен быть направлен не только на выявление и интерпретацию феноменологии субъективного времени, сопряженной с этим уровнем, но и на решение иной – более глубокой и важной задачи. Она, также как и по отношению к другим рассмотренным уровням, состоит в выявлении и объяснении того, каким образом параметр времени – темпоральность как таковая воплощена в его организации; как само «устройство» психики, взятой на этом уровне организации, учитывает и реализует временную координату реальности, ее темпоральное измерение.

Все эти методологические положения являются, по нашему мнению, не только необходимыми, но и достаточными для того, чтобы

⁷⁸ Следует помнить также, что, как мы неоднократно подчеркивали, сам термин «упрощения» не вполне точно передает сущность отношений между ними, а нижележащий уровень не всегда и не обязательно выступает как более простой. Сами же понятия простоты и сложности также не всегда корректны для экспликации истинных соотношений между уровнями, равно как и иными сущностями, поскольку несут не содержательный, а оценочный характер.

эксплицировать содержание и сущность элементного уровня субъективного времени. В этих целях следует обратиться к тем представлениям, которые были сформулированы в работах [251, 258], а также в параграфе 2.2.2. относительно дифференциации структурных уровней организации процессуального состава психики в целом.

Согласно этим представлениям, сама дифференциация на уровни и их последующая интеграция в целостную иерархию базируются на общесистемном критерии-дискриминаторе, характеристика которого была дана в главе 2. Действительно, все четыре уже дифференцированных и рассмотренных выше уровня очень полно и точно – естественным образом соотносятся с четырьмя основными значениями критерия-дискриминатора – соответственно, с компонентным, субсистемным, системным и метасистемным. Вместе с тем, в свете этого вывода со всей очевидностью формулируется именно та проблема, которую теперь и необходимо подвергнуть специальному и самостоятельному рассмотрению. В самом деле, как предписывается общесистемным критерием-дискриминатором, в структурной организации психики должны быть воплощены все пять (а не четыре) его значения и, следовательно, должно существовать не четыре, а пять основных уровней субъективного времени. В связи с этим, формулируется задача выявления, а также интерпретации пока не раскрытого – пятого уровня. Более того, с позиций этого же – положенного в основу уровневой дифференциации общесистемного критерия-дискриминатора оказывается возможным достаточно четко определить и вполне конкретные ориентиры для поиска данного уровня. Дело в том, что пока не охваченным оказалось то значение критерия-дискриминатора, которое и было обозначено выше как элементное. Следовательно, сам этот – искомый уровень должен соотноситься именно с ним, точнее – с теми признаками и характеристиками структурных «составляющих» системы, которые предписываются этим значением. Наконец, вполне очевидно, что данный уровень должен быть локализован «под» всеми уже охарактеризованными уровнями, то есть находиться в самом основании всей структуры уровней и, к тому же, быть относительно наименее сложным по сравнению с ними.

Итак, можно видеть, что ключевое значение для дифференциации еще одного уровня структурной организации субъективного времени имеет понятие элемента, причем, – не в его общей и абстракт-

ной трактовке, а в его соотношении с иными, но уже более сложными образованиями, включенными в систему и лежащими в основе интеграции всего ее содержания. Вместе с тем, при обращении к данному понятию возникает целый ряд достаточно существенных трудностей как традиционного, так и концептуального характера. Все они, в конечном итоге, связаны с тем, что само это понятие и в исследовательской практике в целом, и в системной методологии, в частности, является относительно менее разработанным по сравнению со многими иными структурными понятиями. В результате оно до настоящего времени остается достаточно неопределенным, концептуально аморфным и используемым нередко не в строгом, а в упрощенном, а иногда – и просто метафорическом значении. Кроме того, наряду с такой концептуальной неопределенностью, традиционно сложилась и практика своего рода синонимичного использования понятий элемента и компонента, их недифференцированность друг от друга, что, конечно, совершенно неправомерно. В особой степени такая неправомерность проявляется именно в психологических исследованиях, поскольку их предметы (в силу максимальной степени сложности) уже попросту не допускают отождествления двух указанных понятий. Не случайно поэтому, что сама необходимость дифференциации понятий элемента и компонента с наибольшей остротой и наиболее рано была осознана именно в психологических исследованиях. В связи с этим, исходным и обязательным шагом анализа элементного уровня должна стать, на наш взгляд, фиксация тех – именно качественных различий, которые существуют между понятиями элемента и компонента, а соответственно, – и между теми реальностями, которые ими обозначаются. Поскольку данный вопрос уже был подвергнут нами специальному анализу выше, то здесь целесообразно указать лишь на общий смысл этих различий, на общий принцип соотношения элементов и компонентов. Под компонентом следует понимать такую «единицу» системы, такую ее относительно простейшую «составляющую», которая еще несет в себе все основные особенности качественной определенности самой системы, воплощает тем самым в себе ее качественную определенность. Компонент – такая часть целого, которая воплощает в себе качественную определенность самого целого. Элементы же, напротив, являясь продуктами декомпозиции компонентов, представляют собой такую «едини-

цу», на уровне которой основные – атрибутивные характеристики всей системы уже утрачиваются, подвергаются деструкции. Следовательно, элемент – это такая часть целого, которая уже не воплощает в себе качественную определенность самого целого.

Вместе с тем, несмотря на утрату элементами качественной определенности системы, их истинное значение для нее огромно: они являются необходимым условием и своего рода строительным материалом, субстанциональной – онтологической базой для нее. Именно на их основе – за счет их интеграции складываются все иные уровни системы. В этом, собственно, и заключается специфика элементов как таковых, критерий их дифференциации от компонентов, а также взаимопологаемость элементов и компонентов. Обратим внимание на то, что в свете сказанного становится очевидной неправомерность трактовки элементов в качестве своего рода второстепенных частей системы, которая, в свою очередь, является следствием относительно меньшей их сложности, меньшей специфичности качественных характеристик системы. В действительности, однако, ситуация является гораздо более сложной. Дело в том, что, будучи, конечно, относительно простейшими образованиями, входящими в систему, элементы, в то же время, являются своего рода онтологической базой, на которой разворачивается все ее структурирование и организация. Именно элементы поэтому лежат в основании всей системы, образуют ее, так сказать, базис. И в этом отношении – в смысле их именно базисного статуса они, как минимум, столь же важны и значимы для системы, как и все иные «единицы», составляющие, уровни.

Далее, следует отметить и еще одну закономерность: отношения между элементами и компонентами системы, являясь достаточно сложными в общем плане, одновременно зависят и от сложности самой системы. При этом сама степень сложности их соотношений прямо пропорциональна сложности той системы, в рамках которой они изучаются. Следовательно, можно полагать, что степень этой сложности соотношений элементов и компонентов будет максимальной именно для сознания как одной из наиболее сложных (а быть может, – и самой сложной) систем.

Все сформулированные выше положения необходимо, на наш взгляд, рассматривать в качестве исходных для решения вопроса о специфике элементного уровня структурной организации субъек-

тивного времени. Действительно, с их позиций становится очевидным, что элементы – это такие «единицы», части целого (системы), которые, будучи объективно – онтологически необходимы для нее, в то же время, сами по себе еще недостаточны для этого, поскольку не несет черты ее качественной определенности, не воплощают в себе ее качественные характеристики, особенности, закономерности и пр. Именно критерий необходимости, но недостаточности – это один из ориентиров для установления элементного состава системы. Кроме того, следует учитывать и второй важнейший ориентир. Он состоит в том, что именно через соотношение «компонент – элемент» пролегает граница между наличием и отсутствием качественной определенности системы как таковой. Компоненты – это то, что еще сохраняет качественную определенность системы; элементы же – это то, что уже ее утрачивает. Тем самым можно видеть, что исходная проблема выявления элементов субъективного времени оказывается органически сопряженной с необходимостью обращения к одной из важнейших гносеологических категорий – к категории качественной определенности самой этой системы (а также тех ее «носителей»), которые еще воплощают ее в себе, то есть компонентов). В этом плане совершенно понятно, что ее определяющая черта состоит в самом свойстве осознаваемости, поскольку именно оно, как показано выше, во многом и конституирует психологическое время как субъективную реальность. Базовыми «единицами» системы, еще воплощающими в себе эту качественную определенность, то есть ее компонентами, как показано в параграфе 3.3., выступают основные когнитивные психические процессы. Исходя из этого, основная – рассматриваемая здесь задача получает свою необходимую конкретизацию.

Действительно, если основные когнитивные процессы, являются основными компонентами структурной организации сознания, то какие именно – более простые по отношению к ним и входящие в их состав образования, выступают их собственными структурными оставляющим? На основе чего – каких более элементарных образований структурированы и организованы сами эти процессы и что выступает необходимым «материалом» для этого? Можно видеть, таким образом, что проблема экспликации элементного состава, с одной стороны, упрощается, поскольку она переводится в совершенно определенную плоскость анализа целостности – каждого

из основных когнитивных процессов. Однако, с другой стороны, она же и усложняется, поскольку каждый из них представляет собой чрезвычайно сложное образование. Лишь при такой постановке данная проблема может быть, на наш взгляд, осмыслена в адекватном виде. И именно такая постановка позволяет предложить один из возможных, хотя по необходимости – предварительный, неполный вариант ее решения, суть которого заключается в следующем.

Он состоит в том, чтобы реализовать по отношению к анализируемой проблеме тот эвристический потенциал, который содержится в предложенном в параграфе 3.3. решении проблемы компонентного состава психики в целом и сознания, в частности. Согласно данному решению, в качестве их базовых структурных компонентов выступают когнитивные процессы, то есть именно процессуальные образования. И как таковые они имеют общую для всех процессуально-психологических образований структурно-функциональную организацию, общую архитектонику. Смысл же и основной принцип последней заключается в том, что все когнитивные процессы, взятые в их целостной организации, обязательно – объективно включают в свой состав такие более элементарные по отношению к ним образования, как *операции*.

Как известно, одним из наиболее общих положений, сформулированных при изучении психических процессов, является положение, согласно которому сущность любого процессуально-психологического образования, а также его содержание, взятое и в его качественной определенности, и в его качественной специфичности, связано именно с его *операционным составом* и, фактически, детерминировано и даже образовано им. Известно также, что особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. Сама суть любого психического процесса в целом и специфика каждого из них, в отдельности, определяется его собственно операционным составом. О психических процессах как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если у них зафиксирован операционный состав как таковой. Наличие операционного состава является критически значимым – атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования к категории психических процессов. Именно наличие операционного состава составляет сущность любого психического процесса. Операционный состав вообще

в определяющей мере конституирует качественную определенность любого психического процесса. Он же обуславливает и качественную специфичность любого процесса по отношению ко всем иным. И наоборот, отсутствие этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором не-принадлежности того или иного предмета исследования к категории психических процессов.

Следовательно, операционный состав, образующий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только объективно основным, но и во многом конституирует его. Поэтому именно через обращение к понятию операционного состава и через его приоритетное исследование – в том числе и в плане его временной организации открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования психических процессов. Данное положение вновь подчеркивает ведущую и определяющую роль именно операций для раскрытия содержания любого процесса, равно как и для определения специфики их связей и отношений друг с другом.

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что вопрос о соотношении компонентов и элементов в целом, а также об их сравнительной степени сложности, в особенности, имеет еще один важный аспект. Он связан с тем, что по отношению к понятию элемента, к сожалению, сложилась не вполне позитивная традиция его трактовки, прежде всего, именно в оценочном плане – как чего-либо «наиболее простого» и в этом смысле элементарного. В действительности, это далеко не всегда так. В связи с этим, имеет место и другая точка зрения, состоящая в следующем. Именно элементы той или иной системы (и, соответственно, уровень, который образован в ней элементами) в известном смысле могут рассматриваться как относительно наиболее сложные сущности, поскольку они виртуально содержат в себе необходимый потенциал, для последующего формирования на их основе иных – вышележащих уровней ее организации. Кроме того, именно этот уровень является базовым, исходным, то есть лежит в основе всей иерархии уровней и в данном смысле является именно основным – составляющим основание.

Далее, необходимо учитывать, что одним из главных, а не исключено, – и определяющих механизмов складывания, а затем – формирования и развития психических процессов является не только

возникновение у них качественно специфического операционного состава, но и обретение им самими черт именно темпоральной организации. В свою очередь, в «основе этой основы» лежит еще более глубокий и имплицитный механизм – механизм «самостроительства», то есть, фактически, самопорождения, который был рассмотрен в параграфе 3.4. Кроме того, в данной связи необходимо учитывать, что практически все когнитивные процессы, хотя, конечно, и в разной мере, могут реализовываться и как действия, и как совокупности – паттерны действий, и как относительно самостоятельная деятельностная активность. К этому следует добавить, конечно, что все эти формы конкретизации собственно деятельностного статуса когнитивных процессов не отменяют их исходного и базового статуса – процессуального. Другими словами, когнитивные процессы могут реализовываться и в собственно операционной форме – как совокупность характерных и специфичных для каждого из них операций, образующих его операционный состав. «Судьба» любого когнитивного процесса состоит в том, чтобы быть вначале совокупностью операций, а затем – поступательно трансформироваться вначале в действия, потом в организованные совокупности действий (паттерны) и, наконец, в их реализацию в деятельностной форме. Генезис когнитивных процессов – это во многом и есть их «прохождение» через основные формы и уровни самой деятельностной организации, через обретение ими таких форм организации, которые присущи основным структурным уровням организации деятельности.

С позиций сформулированных выше представлений новой – очень важной и, не исключено, определяющей гранью раскрывается одно из базовых понятий психологии – понятие операций. Одновременно с этим, находит свое дополнительное подтверждение и его статус основной, базовой «единицы» процессуального содержания психики, представления о котором также были развиты в ходе предшествующего изложения. Кроме того, выявляется и еще одна черта их традиционной трактовки. Она состоит в том, что такого рода единицы полагаются в качестве собственно содержательных – структурных, морфологических, то есть субстанциональных сущностей. Подобная трактовка определяется тем, что эти единицы рассматриваются в качестве базовых компонентов аналогичных по своей природе, то есть также субстанциональных систем, кото-

рые, в свою очередь, – гласно или нет, полагаются в качестве единственно возможного их класса.

Вместе с тем, как было показано в ходе проведенного выше анализа, наряду с системами субстанционального типа, возможно, существуют также и системы качественно иного типа – темпорального⁷⁹. В них системность как механизм и форма из организации воплощена не в ее содержательном, а в ее временном модусе, в диахроническом измерении. Наиболее типичным и ярким воплощением такого типа систем и такого рода системности как раз являются процессуальные образования психики в целом, когнитивные процессы, в частности, и процесс мышления, в особенности (поскольку именно он является наиболее сложным и развернутым, причем, не только в содержательном, но и во временном «измерении»). Он представляет собой систему темпорального типа; точнее – в нем синтезированы черты как субстанциональной, так и темпоральной системности.

Однако, будучи рассмотрен именно в его определяющем аспекте – именно как процесс, он первично выступает именно как темпоральное образование. Отсюда следует важный в плане решения проблемы определения базовых процессуальных элементов вывод. Они также должны быть не только содержательными, но и временными – темпоральными. Это не означает, конечно, что они должны быть только носителями этого качества – качества темпоральности и «не наполненными» содержанием, то есть и субстанциональными. Однако по своей природе и генезису, по критериям дифференциации в структуре всего целого – в составе всего процесса, то есть по своей внутренней организации они должны быть именно такими темпоральными, временными. Любой процесс как образование темпорального типа состоит и объективно должен состоять из аналогичных его сущности «единиц», то есть из таких, которые также имеют темпоральную природу.

В свете сказанного, трудно, однако, не видеть того очевидного обстоятельства, согласно которому именно операции в наибольшей мере – причем, очень естественным и органичным образом как раз и удовлетворяют этому – главному требованию. В самом понятии операции и зафиксирован, так сказать, «момент динамики», модус временного развертывания; атрибутивная представленность процес-

⁷⁹ Этот вопрос станет предметом самостоятельно рассмотрения в главе 4.

суального развертывания того или иного явления, хотя и взятая в его относительно простейшем – парциальном проявлении. В свете этого становится очевидным, что именно операции являются базовыми процессуальными «единицами». Они воплощают в себе основные требования, которые существуют по отношению к ним не только в содержательном – субстанциональном плане, но и во временном – темпоральном плане. В свете этого становятся также понятной и даже – естественной неконструктивность и неудачность практически всех предпринимавшихся ранее попыток определения такого рода «единиц» на основе априорно принимаемого постулата об их субстанциональной (а не темпоральной) природе. И напротив, осознание некорректности этого постулата, равно как и признание темпорального модуса в качестве ведущего, дает вполне обоснованное, естественное решение данной проблемы.

В этой связи необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство, которое вскрывает важную закономерность, состоящую в глубинном подобии двух базовых психологических иерархий – деятельностной и процессуальной. Первая образована основными уровнями организации деятельности – в частности, деятельностным, действенным и операционным, а вторая – основными уровнями, соотносящимися с базовыми когнитивными процессами. Действительно, в терминологическом аппарате и психологической теории деятельности, и теории психических процессов сложилось вполне определенное понятие для обозначения их относительно наиболее простых структурных образований – соответственно, образований деятельностного и процессуального планов. В психологической теории деятельности таким понятием является, как известно, понятие психологических операций. Их суть состоит в том, что они носят автоматизированный, несознаваемый характер. Однако именно этот же термин используется и в теории психических процессов для обозначения также относительно простейших «единиц» – частей, из которых и складывается содержание психических процессов, в особенности – когнитивных. Это, разумеется, также понятие операций, образующих операционный состав психических процессов.

Более того, в исследованиях и психических процессах сложились и представления, согласно которым отдельные «составляющие» операционного состава, то есть сами операции имеют в качестве одной из своих основных особенностей также неосознаваемый – автомати-

зированной характер. В наиболее рельефном виде это представлено по отношению к относительно наименее сложным психическим процессам (например, по отношению к восприятию, в котором отдельные перцептивные операции практически никогда и никак не осознаются). Тем самым, эксплицируется удивительное подобие базовых принципов организации двух иерархий – когнитивной и деятельностной. Действительно, можно видеть, что их базовый, а потому в известном смысле – главный и определяющий уровень образован такими «составляющими», которые не только атрибутивно и сущностно, то есть по самим своим механизмам, но даже этимологически являются подобными. Это – собственно операционный уровень. Данное положение является принципиальным с точки зрения рассматриваемых здесь вопросов, поскольку оно имеет самое непосредственное отношение к феномену субъективного времени и, соответственно, нуждается в специальном анализе. Пока же зафиксируем его как таковое и тот общий смысл, который оно имеет для понимания субъективного времени. Дело в том, что оно как таковое возникает и становится субъективной реальностью только там и тогда, где и когда порождается сам феномен сознания; сознание как субъективная реальность и субъективное время как нечто переживаемое, – вообще во многом взаимопрождающие сущности. Отсюда следует, что при редукции данного свойства – осознаваемости элиминируется и само субъективное время. Те психические процессы, которые сопровождаются этим свойством, переживаются и как представленные во времени, а те феномены, которые лишены этого свойства, не генерируют субъективное время. Именно такими образованиями как раз и являются операции. Их основной атрибут – это именно неосознаваемый характер; следовательно, они не сопровождаются переживанием времени; не образуют факта субъективного времени. Можно сказать также, что перевод каких-либо процессов на уровень операций приводит к редуцированию субъективного времени. Таким образом, утрата психическими процессами их основного атрибута, который они обретают именно на уровне их целостной организации – сознания, то есть свойства осознаваемости, приводит и к редукции самого субъективного времени.

Кроме того, представляется важным, что и деятельностные, и процессуальные операции обладают общим для всех операций атрибутом – возможностью их трансформации в осознаваемую форму,

то есть, фактически, возможностью их перевода на иной уровень – действенный. Важность этого именно по отношению к организации системы когнитивных процессов состоит в том, что на ее организацию транспонируется еще один механизм, который также исходно представлен во внешней – деятельностной форме. Это механизм обратимого перевода действий и операций, то есть механизм операционно-действенной обратимости. Одновременно он же, фактически, лежит и в основе всего дальнейшего усложнения самой когнитивной иерархии, равно как он же лежит и в основе деятельностной иерархии.

Тем самым эксплицируется зафиксированное в ряде исследований обстоятельство, согласно которому когнитивные процессы могут реализовываться и как операции, и как действия, и как совокупности действий, и как относительно автономная деятельность. Данный феномен был достаточно подробно рассмотрен нами выше, а также в работе [261] и получил обозначение явления процессуально-действенной обратимости. Благодаря ему, обеспечивается своеобразный обмен содержанием и принципами организации между деятельностью и когнитивными процессами.

Далее, операционный состав, образующий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только объективно основным, но и во многом конституирует его. Данное положение, наряду с целым рядом его аспектов, подчеркивает ведущую и определяющую роль именно операций (и как понятия, и как реальности) для раскрытия содержанию любого процесса, равно как и для определения специфики их связей и отношений друг с другом. Кроме того, следует учитывать, что операционный состав первичных процессов характеризуется принципиальной гетерогенностью. Так, например, в мышлении дифференцируются базовые – основные операции, в качестве которых выступают хорошо известные операции анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, сравнения и др. Однако столь же несомненен и факт того, что в его составе объективно представлены и более сложные, причем, также очень широко распространенные операции. Они также имеют подчеркнуто абстрагированный от конкретного содержания мышления, то есть своего рода «надпредметный» характер; это, скажем, классификация, сериация, аналогизирование, перенос и др.

Наряду с этим, не менее существенно, что операции второго типа формируются на основе синтеза – комплексирования основных, то есть своего рода первичных операций и, следовательно, выступают как вторичные. С этих позиций достаточно неожиданной, но очень доказательной для развиваемых здесь представлений стороной раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С. Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначал как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления» [483]. Однако, совершенно очевидно, что этот механизм выступает очень важным, но все же частным случаем общего механизма синтезирования операций и формирования в результате вторичных операций.

Данный факт позволяет выявить обстоятельство еще более общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с отмеченным – уже известным метаоперационным образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные – подобные ему образования. Это, в частности, такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [261] «синтез через анализ». Все это показывает, что операции могут реализовываться в отношении самих же себя; имеет место «удвоение» операционного состава и формирование на основе «первичных» операции «вторичных» операций, то есть своего рода метаопераций. Другими словами, можно констатировать тот же самый принципиальный механизм, который лежит в основе формирования любого метакогнитивного процесса. Не менее важно в свете всех этих явлений зафиксировать и то, что сам механизм функциональной обратимости, на основе которого базируются все метакогнитивные процессы, представлен и на более элементарном уровне – собственно операционном. В этом случае он выступает как механизм операционной обратимости. Именно он, по-видимому, лежит в основе всех иных форм и уровней функциональной обратимости – прежде всего процессуальной. За счет него и на его основе – именно как наиболее элементарного разворачиваются все иные генеративно-порождающие средства, приводящие в итоге к формированию всех иных метакогнитивных процессов. Важно и то, что именно он, выступая относительно наиболее простым –

и в этом плане элементарным, локализуется на соответствующем его природе уровне – элементном. По-видимому, практически любой первичный когнитивный процесс, обращенный сам на себя, выполняет продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования и даже – «строительства» самого себя. С этой точки зрения, например, метамышление выступает как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного усиления и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования.

В этом плане необходимо учитывать и еще одну важную закономерность процессуальной организации, которая состоит в том, что базовые психические процессы могут не только менять, но и, фактически, инвертировать свой исходный статус активных операционных образований, становясь относительно пассивными образованиями. Это составляет суть феномена операндно-операторной обратимости, заключающегося, как отмечалось выше, в том, что исходный статус процессов – операционный трансформируется во вторичный статус – операндный. В результате процессы обретают новую и, по существу, уникальную способность быть направленными и реализованными в отношении самих же себя. Вместе с тем, как показано в наших работах, не только мышление или память в целом, но и любая их локальная (а одновременно – и базовая) «составляющая», то есть операция, обладает способностью к «удвоению» [248]. На основе этого могут складываться и реально складываются операции второго порядка – метаоперации, а также, по-видимому, и операции еще более высоких порядков интегративности.

Не менее очевидно, что комплексированию могут подлежать и операции, входящие в состав разных первичных когнитивных процессов. Выше мы уже отмечали, что наиболее явно это представлено по отношению к взаимосвязям мнемических и мыслительных операций и зафиксировано в понятии мнемотехники. Наряду с этим, необходимо учитывать, что одним из основных атрибутов операций является, как известно, их преимущественно автоматизированный, неосознаваемый характер. Поэтому они обладают максимальной степенью оппозиционности – «отличности» от ведущего атрибута всех метакогнитивных образований, то есть от их осознаваемого характера. Однако, именно он и является основным для предыдущего уровня организации метакогнитивной сферы – компонентного. Именно

данное обстоятельство является решающим аргументом в пользу качественных различий этих двух уровней ее организации. Наконец, важной особенностью операций выступает и то, что они являются не только основой для порождения качественной определенности того или иного психического процесса, но еще и такими образованиями, которые имеют наименьший из всех возможных уровень обобщенности. Тем самым, они раскрываются и как пограничные образования между тем, что составляет содержание того или иного процесса, и тем, что уже не принадлежит ему, а локализовано на ином уровне организации психики и деятельности – на уровне их психофизиологического обеспечения.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать заключение, согласно которому подлинной элементной базой системы психических процессов являются не столько сами первичные процессы в целом, сколько их относительно наименее сложные формы и уровни. В этом качестве выступают их, хотя и относительно элементарные проявления, но такие, которые сохраняют главное в них – их операционный состав и, следовательно, репрезентируют их специфическое содержание. В силу этого, основными носителями качественной определенности и, соответственно, основным предметом исследования данного уровня, позволяющим одновременно уловить и его специфику в целом, и обеспечить ему достаточно высокую степень дифференцированности, а значит и «чувствительности», являются именно операции.

Однако их роль не исчерпывается только теми ее аспектами, которые были рассмотрены выше, а имеет и иные, также весьма значимые грани. Они, хотя и носят существенно более имплицитный и трудный для раскрытия характер, также должны быть выявлены. В этих целях обратим внимание, прежде всего, на то, что практически весь проведенный анализ соотносился с одним из двух основных модусов когнитивных процессов – собственно процессуальным. Однако, другим и также их основным модусом является операндный модус, связанный с понятием знаний и той предельно многообразной и сложной реальности, которая в нем зафиксирована. Вместе с тем, с позиций развиваемых здесь представлений оба этих модуса должны обладать и существенной общностью, поскольку они раскрываются как два частных проявления некоторой общей сущности – их вхож-

дения на одинаковых правах (в качестве элементов) в общий состав когнитивных процессов. Они обладают в ней одним и тем же уровнем статусом – статусом основных составляющих этого уровня.

В связи со сказанным, однако, возникает вопрос – каким образом может быть содержательно эксплицирована эта общность и в чем состоят именно общие особенности этих двух – существенно различных в психологическом плане аспектов? Причем, данная задача даже в плане постановки представляется как достаточно трудная, поскольку речь идет о необходимости обнаружения общности между такими сущностями, которые обладают не просто различиями, но и в значительной степени – и противоположными чертами. Они фиксируют в себе принципиально разные стороны организации психического – процессуальный и результативный, операционный и содержательный, функциональный и структурный, динамический и статический, темпоральный и синхронический. По всей вероятности, именно этой противоположностью и обусловлено то обстоятельство, что глубинная связь между ними до сих пор эксплицирована явно недостаточно и, более того, вопрос о ней не сформулирован как самостоятельный и весьма значимый. Сознвая высокую сложность данного вопроса, попытаемся, однако, сформулировать положения, содействующие его решению.

Так, одной из важнейших и, по существу атрибутивных особенностей операций выступает их неосознаваемый, автоматизированный характер, возможность их реализации на иных, нежели осознаваемый, уровнях организации деятельности и поведения. Эту же особенность можно представить, однако, и в несколько иной формулировке. Операции – это то, что уже не требует никакой дополнительной переработки информации для того, чтобы перейти от ориентировки в среде к действию; между ними и исполнением уже нет никаких промежуточных звеньев, в силу чего они нередко вообще рассматриваются как их терминальные «составляющие». Переработка информации, когниция, дошедшая до стадии и уровня операций, раскрывается как достаточная для непосредственного исполнения, для перехода от «знания к действиям». Формирующиеся и затем закрепляющиеся в опыте операции, аккумулируют в себе такие формы и способы исполнения, которые достаточны для решения тех или иных поведенческих и деятельностных задач, для выхода из тех или иных ситуаций. Собственно говоря, они потому и закрепляются

и сохраняются в опыте, что проходят «верификацию» их обоснованности и достаточности для этого. В этом плане, однако, они – но уже не структурно, не морфологически (как «составляющие» деятельности), а функционально выполняют ту же самую роль, что и знания как таковые – на их основе и благодаря им, становится возможным непосредственная реализация исполнения. Несколько упрощая можно заключить в этой связи, что операции выступают в *функции знаний*, раскрываются как, хотя и очень специфические, но знания. «Кристаллизуют» исполнительский опыт, они и фиксируются как таковой – как опыт, который, однако, во многом равнозначен специфическим и основным функциям знаний⁸⁰. Имеет место феномен, который можно обозначить как явление или даже механизм операционно-знаниевой или операционно-когнитивной обратимости: операции трансформируются в знания, точнее – в их функциональный аналог. Причем, обратим внимание и на то, что это такие знания, которые представлены на вполне определенном уровне организации – неосознаваемом. Это своего рода «неосознаваемые знания», которые, как известно, составляют важнейшую и очень специфическую категорию знаний. Она обозначается понятиями имплицитных, подразумеваемых, «тихих», неявных знаний.

В самом деле, не подлежит сомнению, что любая регуляция, любое исполнение как таковое содержит в качестве своего, так сказать, «конечного пункта» некоторую совокупность сорганизованных процессов и механизмов внепсихологического плана, связанных с реализацией психофизиологических, физиологических и биомеханических (если речь идет о моторных компонентах деятельности) функций. В свою очередь, переход к ним, а затем – и их осуществление опосредствуется операциями как таковыми; они выступают своего рода терминальным звеном общего контура исполнительской регуляции. В них «заканчивается» произвольная регуляция, редуцируется осознаваемый контроль и начинается ее неосознаваемая – автоматизированная регуляция. Она, однако, не менее важна, нужна и эффективна, чем осознаваемая, произвольная. Более того, она просто объективно необходима,

⁸⁰ В этом плане очень показательным является известное пушкинское выражение «...науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни», то есть, фактически, знания выступают как аналоги того, что приходит с опытом, но значительно экономнее и эффективнее – как своего рода «уже готовый опыт», который не надо вырабатывать, а просто актуализировать и использовать.

поскольку любое, даже относительно элементарное исполнение требует скоординированного ансамбля целого ряда компонентов и синтеза целого ряда процессов низших уровней регуляции. Подчеркнем, что этот переход в значительной мере эквивалентен трансформации собственно психического в непсихическое (психофизиологическое, а затем и в физиологическое). Он является одним из проявлений (быть может, основным) фундаментального явления, аналогичного по смыслу, но противоположного по направленности, известному феномену «психофизиологического сечения» (Л. М. Веккер) – трансформации физического стимула в субъективное ощущение [111]. Этот феномен знаменует инициацию психического в форме его относительно элементарного процесса – процесса ощущения.

В операциях психическое (идеальное, осознаваемо), напротив, объективируется, «материализуется», а нередко и «кристаллизуется» в морфофизиологических структурах, связанных с формированием и развитием тех или иных навыков. Причем, речь должна идти не только о наиболее известном и изученном типе операций (моторных), но и об операциях иных основных типов – сенсорно-перцептивных, мнемических и интеллектуальных. Они вступают тем последним – терминальным звеном, которое еще доступно сознанию и контролю за ним (правда, уже лишь в качестве факта их существования и включенности в деятельность, но не их содержания). Они поэтому «еще ощущаемы», что и обуславливает чувство подвластности деятельности и поведения, переживаемое субъектом по ходу их реализации и сопровождающее их. Однако они выступают и своего рода «точкой соприкосновения» с объективно реальностью. Поэтому субъект ощущает не столько ее – реальность непосредственно, сколько именно операции, связанные с ее восприятием и воздействием на нее. «Материал» психического в значительной мере образован именно совокупностью операций – моторных, сенсорно-перцептивных, мнемических и интеллектуальных. Они составляют поэтому очень важную грань его подлинной онтологии.

Однако, хотя и представленная в более имплицитном виде, но принципиально аналогичная картина может быть констатирована и по отношению к самим знаниям – знаниям не как к итогу формирования операционного арсенала, а взятым в их исходной форме – форме содержательного аспекта психического в целом. Для того, чтобы эксплицировать эту картину, необходимо, учитывая, во-первых, прин-

ципиальную гетерогенность и предельную сложность самого феномена знаний. Во-вторых, особо значима и необходимость его дифференциации на два основных типа – декларативные и процедуральные. Напомним, что декларативные знания – это знания по типу «что?», а процедуральные знания – это знания по типу «как?». Можно видеть, что одним из определяющих атрибутов процедуральных знаний, причем, представленным в очень явном виде, выступает именно то, что они не требуют никаких дополнительных средств и звеньев переработки информации, никакого оперирования с ней для того, чтобы непосредственно перейти к исполнению, реализовать его в поведенческой и деятельности активности. Они в этом плане сами по себе выступают терминальными звеньями когнитивной активности, необходимыми и, что еще важнее, достаточными для реализации исполнения. Конечно, речь при этом идет о подобии операций и знаний не в целом, а лишь в одном вполне определенном аспекте – функциональном. Они реализуют идентичную функцию в общем процессе переработки информации и переходе от нее к исполнению (в широком смысле – как итоговому звену целенаправленной активности).

В других и также определяющих аспектах, в частности, в генетическом, они, наоборот, характеризуются выраженной противоположностью. Так, операции являются следствием процесса – подчас весьма развернутого и длительного выработки и закрепления тех способов, которые в итоге оказались результативными, эффективными и прошли проверку самим исполнением. Они не только, так сказать, «выстраданы практикой», но и являются ее итогом – результативным эффектом многократного повторения тех или иных деятельностных или поведенческих актов. В противоположность этому знания характеризуются тем, что, наоборот, вовсе не требуют для их реализации в исполнительской активности такой делительной верификации и закрепления практикой. Их суть в том и состоит, что они уже сами по себе не только необходимы, но и достаточны для организации на их основе этого исполнения: они уже содержат в себе все необходимые основания и средства для его организации. Если в результате выработки операций субъект приходит к возможности реализации на их основе каких-либо исполнительских функций, то на основе получения процедуральных знаний он просто получает возможность этого, но без предварительной выработки, а извне. Они уже содержат выработанные ранее средства орга-

низации исполнения и, следовательно, не требуют такой выработки. Они, являясь исходно продуктивными, то есть когда-то сформировавшимися, в то же время, могут использоваться в дальнейшем по типу репродуктивности: они реципируются субъектом как данность и затем реализуются в качестве основы для исполнительских актов. Тем самым эксплицируется их *удивительное* подобие с тем, что и обозначается, собственно говоря, как операции, с тем – именно терминальным статусом, который имеют последние в структуре активности субъекта. Они также выступают как ее терминальные звенья, не требующие уже никаких дополненных процедур для перехода к исполнению или осознанию чего-либо, которое выступает аналогом исполнения – результативным аспектом переработки информации. Знания функционально реализуют ту же самую роль, что и операции; более того, они и предстают в том же самом статусе, что и операции. Если в предыдущем случае операции выступали как знания, то в этом случае сами знания эксплицируются как операции, точнее – в функции операций. Имеет место тот же самый феномен, который также был констатирован выше – обратимость, точнее операционно-знаниевая обратимость, но «с противоположным знаком»: не операции трансформируются в знания, а знания трансформируются в операции.

Тем самым, однако, достигается эффект фундаментального значения: знания транспонируются на тот уровень, который специфичен самим операциям – уровень неосознаваемой переизбытки информации и организации деятельности (и поведения). Знания начинают функционировать в операционном, то есть неосознаваемом модусе, входят в состав бессознательного, точнее – составляют его существенную часть. В этой связи, можно предположить также, что данный феномен, а скорее – механизм может и должен рассматриваться как общее по смыслу, но конкретное по содержанию средство формирования бессознательного в целом. Другими словами, они раскрываются не только в их традиционно принятом модусе – как автоматизированные компоненты психики в ее регулятивной функции, то есть как «составляющие» своего рода регулятивного бессознательного, но и как носители содержания собственно когнитивного бессознательного.

В этом плане, по-видимому, необходимо дифференцировать само бессознательное, как минимум, на две качественно различные подсферы. В самом деле, традиционно по отношению к бессознательно-

му сложились представления как о некоторой, хотя и неосознаваемой, но все же преимущественно содержательной, информационной сущности. Согласно этой точке зрения, бессознательное – это, прежде всего, именно информация (точнее – содержание психического), транспортированное из сознания. Иными словами, понятие бессознательного и, соответственно, сфера бессознательного трактуются, в основном, как преимущественно когнитивные по своей ориентации, как когнитивное бессознательное. Вместе с тем, такая трактовка является, по-видимому, не вполне корректной – точнее, неполной и, соответственно, не совсем адекватной. Она явно суживает реальный объем сферы бессознательного, не эксплицирует ее с достаточной полнотой, обедняя, в конечном итоге, само понятие бессознательного.

Действительно, по существу, в течение всей жизни – по ходу освоения и реализации целого ряда видов и даже типов деятельности (не только, разумеется, трудовой, но и учебной и игровой) объективно происходит формирование совокупности обеспечивающих их операций. Они выступают, так сказать, операционной основой для них, а в своей совокупности образуют своего рода операционный арсенал личности. Причем, и сам этот процесс формирования операционного состава каждой деятельности, и производный от него процесс формирования операционного арсенала личности в целом носят совершенно объективный характер. Они столь же объективны, сколь объективны и сами реализуемые личностью виды и типы деятельности. Вместе с тем, не менее очевидны и радикальные, качественные отличия этого операционного арсенала от собственно когнитивного «измерения» сферы бессознательного. Он носит уже подчеркнуто регулятивный, а не когнитивный характер; составляет иное – регулятивное подмножество сферы бессознательного. Операционный арсенал личности – это своего рода *регулятивное бессознательное*, дополняющее собой собственно когнитивное бессознательное, взаимодействующее с ним и образующее во взаимосвязи с ним истинное содержание сферы бессознательного в его действительной гетерогенности и реальной многомерности.

В связи с изложенным со всей очевидностью обнаруживается важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. Оно состоит в том, что операции должны быть поняты как типичные представители одной из основных сфер психического – сферы бессознательного, неосознаваемого. Вся совокупность операций, входящих в деятельностный

арсенал личности, то есть соотносящихся со всеми реализуемыми ей видами деятельности (а также и поведенческой активности в целом, поскольку поведение также невозможно без его собственно операционной базы), образует очень существенное подмножество общего множества образований и феноменов, процессов и механизмов, составляющих сферу бессознательного как таковую.

Однако, тем самым, на проблему операций и на трактовку их психологического смысла и содержания обязательно должен быть перенесен тот концептуальный и понятийный потенциал, который соотносится с фундаментальной по своей значимости и широте проблемой бессознательного в психологии. Операции – это и есть одно из важнейших проявлений, одна из основных форм существования бессознательного в психике в целом. На проблему операций переносится и поистине беспрецедентная по сложности и огромная по объему, а также имеющая очень мало аналогов по степени пристальности внимания к ней проблема бессознательного как таковая. Операции, фактически, оказываются проявлениями – индикаторами и предикторами самой сферы бессознательного в психике; обнаруживают тем самым свой истинный статус, свой истинный смысл и значение. Они раскрываются уже не как подчиненные и второстепенные (что характерно для их традиционной трактовки), а как носители одного из основных, важнейших и фундаментальных модусов психического – бессознательного, неосознаваемого. В них воплощается и через них реализуется вторая (наряду с осознаваемыми) основная категория процессов и механизмов психического в целом – те, которые и составляют сферу бессознательного. Тот факт, что они раскрыты и эксплицированы до настоящего времени в значительно меньшей степени, нежели осознаваемые процессы и механизмы, отнюдь не уменьшает значение данного обстоятельства. Напротив, все это делает данную проблему еще более значимой и острой, еще более насыщенной «белыми пятнами» и, следовательно, с еще большей настоятельностью требует обращения к ней.

Разумеется, необходимость переноса, точнее – распространения на проблему операций концептуального и понятийного аппарата, сложившегося при исследовании сферы бессознательного, сопряжена с очень разноплановыми традициями и с ярко выраженной неоднозначностью точек зрения, которыми характеризуется сама проблема бессознательного в психологии. Здесь, конечно, неуместно вдаваться

во все нюансы данной проблемы; речь должна идти о другом – о том, чтобы со всей определенностью зафиксировать фундаментальный факт – факт прямой соотнесенности проблемы операций и проблемы бессознательного в психологии. Его общий смысл состоит в том, что именно операции являются одним из важнейших предикторов бессознательного, неосознаваемого. Следовательно, на их изучение и на психологическую теорию деятельности в целом с необходимостью должны быть транспонированы основополагающие категории бессознательного и неосознаваемого. В перспективе должен быть реализован концептуальный синтез психологической теории деятельности и психологии бессознательного. Чрезвычайная по степени сложности проблема деятельности при этом не только еще более усложняется, но и, фактически, переходит на качественно иной уровень сложности, поскольку она «обременяется» поистине беспрецедентной по сложности и головоломной по запутанности проблемой бессознательного. Это и происходит, в частности, вследствие экспликации реального, истинного статуса операций как «составляющих» деятельности (а не с точки зрения их симплифицированной трактовки). Не менее важно и то, что при такой трактовке на проблему операций переносится не только сложность проблемы бессознательного, но и тот потенциал, а также те результаты, которые получены в ходе достаточно длительной истории ее разработки. Пора, наконец, «осознать бессознательное» как онтологическую основу операций; реализовать понятие бессознательного как конструкт для раскрытия их содержания, то есть как понятие самой психологии деятельности. Необходимо использовать психологию бессознательного как важнейший источник объяснительных средств для психологической теории деятельности.

Далее, если существует общность операционного и операндного модусов операций, состоящая в идентичности функций, реализуемых ими, с одной стороны, и знаниями, с другой, то появляются основания для еще одного заключения. По-видимому, на функциональную организацию вторых (знаний) не только могут, но и должны быть распространены те же самые принципы и механизмы, которые лежат в основе функциональной организации первых, то есть операций. Однако, как мы показали выше, главным из них и наиболее специфичным именно элементному уровню, является синтезирование – комплексирование и организация операций, которая порождает само содержание

любого психического процесса. Она особенно явно представлена по отношению именно к когнитивным процессам. Напомним, что любой когнитивный процесс это и есть временная и структурно-функциональная организация определенного операционного состава. Показательно, что именно вследствие этого, то есть по причине соорганизации – комплексирования и синтезирования операций как принципиально неосознаваемых генерируется новое свойство – свойство осознаваемости, а сам процесс и предстает именно как процесс, а не как операции, то есть на осознаваемом уровне его развертывания. Синтез принципиально неосознаваемых частей (операций) генерирует новое свойство целого (процесса) – свойство осознаваемости; порождается процессуальность как таковая. В более общем плане, по-видимому, именно это же выступает и как один из основных механизмов, лежащих в основе наиболее трудного для познания, а одновременно и наиболее сложного механизма. Он обозначается как механизм осознания, а в его основе как раз и лежит синтез двух или более сходных в аспекте их качественной определенности – неосознаваемых «составляющих» (операций) и генерация в результате синергетического эффекта – возникновение нового качества осознаваемости. По отношению к организации когнитивных процессов данное обстоятельство не только представлено феноменологически явно, но и составляет самую суть этой организации. Как мы отмечали выше, в этом плане сами операции также обладают свойством обратимости, а само это свойство должно быть распространено и на операционный состав процессов.

Иными словами, можно говорить не только о процессуальной обратимости, при которой тот или иной процесс «оборачивается» сам на себя и возникают классические для метакогнитивизма вторичные процессы, но и об операционной обратимости. Она состоит в том, что операции также могут «оборачиваться» либо сами на себя, либо друг на друга, в результате чего (то есть в результате комплексирования), собственно говоря, и порождается новая – уже процессуальная форма их организации, когнитивные процессы как таковые. Если процессуальная обратимость лежит в основе формирования вторичных процессов, то операционная обратимость лежит в основе формирования самих первичных процессов. Тем самым, выкрывается принципиальная общность двух форм механизма обратимости по отношению к операционной «составляющей» психического.

Однако, наиболее показательно в плане рассматриваемых задач то, что аналогичная общность обнаруживается и по отношению ко второй «составляющей» – операндной, то есть по отношению уже не к процессуальной, а к «знаниевой» сфере, к феномену знаний в целом. Действительно, если они, как показано выше, также могут функционально выступать в собственно операционном модусе, функционировать в собственно операционном статусе, то на них не только может, но и должен быть распространен механизм операционной обратимости. Они в соответствии с этим механизмом, также могут «оборачиваться» сами на себя – комплексироваться и синтезироваться. Само по себе это совершенно понятно и очень явно представлено феноменологически; дело, однако, в том, что представленные в форме операций знания могут быть и неосознаваемыми. Подвергаясь такой обратимости и, следовательно, синтезируясь друг с другом, они, как это и свойственно синтезу операций, обретают новое качество – качество осознаваемости. В этой связи, можно видеть, что сам механизм осознания также получает дополнительный импульс для его раскрытия: в его основе лежит синтез двух (как минимум) частных, парциальных фрагментов знаний, которые представлены в операционной форме и являются поэтому неосознаваемыми.

Вместе с тем, именно их синтез (как неосознаваемых) является, подобно тому, как это имеет место по отношению к когнитивным процессам, необходимым и достаточными условием для возникновения нового качества – осознаваемости. Синтез двух или более неосознаваемых сущностей – операций порождает новое качество – качество осознаваемости; операционная обратимость выступает одним из механизмов самого механизма осознания. В этой связи следует подчеркнуть, что механизм осознания сопряжен и с тем, что составляет «феноменологическое сечение». Напомним, что им обозначается переход от неосознаваемого к осознаваемому. Другими словами, осознаваемое как субъективное, идеальное может «рождаться» не только и не столько как результат перевода на высший осознаваемый уровень функционирования психики *внешней* информации, но и *внутренней* информации. В своем неактивированном виде она составляет содержание памяти, опыта и выступает в форме знаний. Однако, сама их активация – актуализация означает и реализацию ряда собственно когнитивных операций – в данном случае, прежде всего, мнемического плана. Такая реа-

лизация представляет собой синтез этих операций, а сам знания также выступают в этом случае в своей операционной функции. Тем самым вновь имеет место синтез ряда операций, являющихся неосознаваемыми сами по себе, но приводящий к возникновению нового качества – качества осознаваемости. Однако это возникновение соотносится уже с трансформациями внутренней информации, лежит в основе осознания оп типу актуализации внутренней информации, опыта личности в целом. Этим и обеспечивается переход через «феноменологическое сечение». Сами знания, эксплицированные через их операционный статус, раскрываются как та основа, на базе которой и возникает феномен сознания как таковой. Он, однако, обеспечивается не синтезом знаний непосредственно, а становится возможным за счет того, что сами знания могут быть функционально представлены в форме операций, то есть на неосознаваемом уровне.

Данный механизм особенно явно представлен по отношению к организации деятельности, точнее – к принципу ее структурно-уровневого строения. Действительно, трудно не видеть того принципиального обстоятельства, что именно в феномене операций (точнее – во взаимосвязи действенного и операционного уровней в общей структуре деятельности) как раз и представлено все то, что составляет содержание общей проблемы обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм существования психического. Это и есть, так сказать, деятельностная конкретизация межуровневых взаимодействий сознательного и бессознательного как базового механизма организации психики в целом. Тем самым, на изучение операций переносится не только проблема сознания в ее общей постановке, но и транспонируется один из совершенно определенных, а одновременно фундаментальных механизмов его собственной структурно-функциональной организации – механизм обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм психического. Сама суть операций состоит не только в том, что они являются неосознаваемыми, автоматизированными «составляющими» деятельности, но и в том, что они характеризуются обратимостью по параметру «осознаваемое – неосознаваемое». Граница между действием и операциями, возможность их обратимых трансформаций – это и есть, по существу, деятельностное проявление общего механизма обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм организации психического.

Таким образом, можно видеть, что реальная онтология деятельности посредством включенности в нее операций воплощает один из наиболее фундаментальных механизмов организации психического в целом. Это – механизм обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм, уровней психического. В свою очередь, это же означает, что раскрытие истинной природы операций и их реального (а не симплифицированного) содержания возможно лишь на основе привлечения данных, раскрывающих содержание самого этого механизма. Кроме того, подчеркнем и еще один принципиальный момент. По существу, важнейшая, наиболее фундаментальная и общая закономерность организации психики (ее дифференциация на две основные сферы – сознательное и бессознательное, а также механизм их обратимого перевода) воплощена в аналогичном по статусу, то есть также важнейшем аспекте организации деятельности – структурном. Этот механизм реализован – учтен именно в структурно-уровневой организации деятельности, в ее основе, в ее, так сказать, «каркасе». Естественно, что он включен и во все основные уровни ее организации; однако, по отношению к изучению действий и операций, к их взаимопереходам и существованию обратимых отношений между ними он составляет самую их суть.

Более того, не исключено, что сами феномены действий и операций, а также их дифференциация как таковая (и последующие закономерные отношения между ними) являются генетически и функционально производными от существования именно этого механизма. Следовательно, через понятие операций, точнее – через их взаимосвязь с действиями в психологическую теорию деятельности полноправно, полноценно и очень конкретно «вплетается» реальная онтология психического. Причем, – онтология, взятая в аспекте ее базового механизма, то есть механизма обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой формы существования психического. Кроме того, посредством включения в концептуальное содержание теории деятельности этого механизма в нее органично включается и наиболее фундаментальный феномен сознания, взятый именно в плане механизмов его функционирования.

Далее, следует учитывать, что важной особенностью операций как основных «составляющих» содержания того или иного психического процесса является и то, что они практически всегда представлены не в единичном виде, а, так сказать, во «множественном числе»,

«в сцепленном виде», то есть как некоторая совокупность. В этом плане уместно вспомнить известное выражение: «сущность операций состоит в том, чтобы образовывать системы». В свою очередь, у такой – принципиальной множественности существует причина, которая, на наш взгляд, состоит в следующем. Операции (по определению) являются вспомогательными – так сказать, обслуживающими образованиями, то есть такими сущностями, которые не только не имеют, но и не должны иметь самостоятельную цель. И именно поэтому они не репрезентируются субъектом в самостоятельном и самодостаточном статусе. Они не выделяются им как нечто отдельное и, следовательно, могущее существовать и в аналогичном – отдельном, то есть также единичном виде. Они всегда частичны, парциальны, позволяя обеспечить тот или иной аспект какой-либо более общей целостности, носящей функциональный характер. Однако, любая часть может существовать именно как часть лишь взятая в совокупности с иными частями, то есть принципиально множественно.

В плане общей характеристики феномена операций представляется целесообразным остановиться на еще одной их особенности. Она также предполагает обращение к более общим проблемам – проблемам бессознательного и сознания, а также к проблеме их взаимодействия. Как известно, одним из основных положений психологии сознания является тезис, согласно которому оно функционирует по так называемому одноканальному принципу [359, 695]. Это – положение, согласно которому одновременно, то есть одновременно в его «фокусе» может быть локализован лишь один произвольно контролируемый, осознанно регулируемый процесс. Данный принцип обозначается еще и как принцип последовательной (а не параллельной) переработки информации. Он, как правило, распространяется и на организации психики в целом, поскольку полагается, что именно сознание является ее высшим уровнем и, следовательно, те принципы, которым оно подчиняется, должны быть представлены и в психики в целом. Переводя все это на «язык» более современной терминологии, можно сказать, что в сознании (и, повторяем, психики в целом) реализован один из основных принципов организации систем – принцип монопроцессорности.

Вместе с тем, констатация данного обстоятельства сразу же приводит к достаточно трудному и острому вопросу. Действительно, почему психика, являющаяся высшей по степени сложности и эф-

фективности формой организации, воплощает в себе именно этот – от-носительно менее совершенный и «мощный» принцип, а не гораздо более выигрышный принцип *параллельной*, то есть *полипроцессорной* организации переработки информации? Острота и очевидность дан-ного вопроса такова, что невольно возникает подозрение, состоящее в том, действительно ли, этот принцип *не* воплощен? Может быть, в действительности, он все-таки реализован в организации психики, но более имплицитно, чем первый? И, если да, то как именно?

На наш взгляд, предпосылки для ответа на данный вопрос как раз и содержатся в развитых выше представлениях о соотношении действий и операций как деятельностных образований, а также о вза-имосвязи в них двух форм репрезентации информации и регуляции активности – осознаваемой и неосознаваемой. В самом деле, действие (по определению) – это такой структурный компонент деятельности, который не только имеет осознаваемую цель, но и вообще выделяет-ся именно по критерию ее наличия. Однако, в том случае, если неко-торая активность представлена в форме целенаправленного действия и подлежит осознанию, то само это его осознание репрезентируется субъективно как «психическое настоящее». Оно представлено как ак-туально переживаемое субъектом состояние «настоящего», заполняю-щее собой тот или иной интервал развертывания активности. Другими словами, если некоторые «составляющие» деятельности осознаются, то они, действительно, переводят организацию деятельности в режим одноканальности, однофокусности. Осознаваемая регуляция, действи-тельно, может реализовываться лишь на основе данного принципа.

Вместе с тем, по отношению к другим структурным «состав-ляющим» – операциям дело обстоит не только существенно иначе, но и прямо противоположным образом. Они, в отличие от действий, уже не имеют осознаваемой цели и, следовательно, утрачивают атри-бут осознаваемости. В силу этого, они никоим образом не загружа-ют канал осознаваемой регуляции, произвольно контролируемой пе-реработки информации – не включаются в него. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: они тем самым не входят в психологическое настоящее, в содержание состояния сознания в тот или иной момент времени. Следовательно, и их временная организа-ция является существенно иной: для нее отнюдь не обязательно их строго последовательное чередование. Напротив, они могут структу-

риваться на иное, нежели принцип последовательности, принципе переработки. Действительно, реализуясь автоматически, в форме навыков, а потому не требуя «однофокусности» – концентрации сознания на них, они допускают принципиальную возможность их синхронизации – временного синтеза и, следовательно, реализации совмещенно друг с другом, одновременно. Иначе говоря, они вполне допускают по отношению к своей организации реализацию принципа параллельности переработки информации и организации деятельности в целом. Не будем забывать, однако, что все это оказывается возможным лишь при том условии, что сами операции (по определению) реализуются как бессознательные, неосознаваемые «составляющие».

Следовательно, отсюда с логической необходимостью вытекает вывод, согласно которому система операций, поскольку она реализуется в неосознаваемой форме, допускает организацию и реализацию на основе принципа параллельности (полипроцессорности). Но это же означает, что и само бессознательное, по-видимому, также функционирует, преимущественно именно на основе этого же принципа. В свою очередь, исходя из этого можно, по всей вероятности, сделать заключение еще более общего плана. С одной стороны, тот принцип, который традиционно рассматривается в качестве основного принципа организации и функционирования сознания – принцип одноканальности, действительно, является правомерным. Психика функционирует и по нему тоже – но лишь на уровне сознания. С другой стороны, еще одна ее важнейшая сфера – бессознательное функционирует на основе качественно иного, противоположного принципа. Им является принцип параллельной переработки информации, что и обеспечивается в значительной степени именно через феномен операций. Оба этих принципа являются, однако, не только не изолированными друг от друга, но, напротив, они органично и теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, они, фактически, взаимополагают друг друга. Сама же эта взаимосвязь как раз и реализуется в организации действия, в его психологической природе. Ее главной чертой, как уже отмечалось, является именно то, что в нем и реализуется обратимый перевод осознаваемой и неосознаваемой, сознательной и бессознательной форм психического. Таким образом, во-первых, в психике реализован не один и притом относительно наименее мощный принцип (одноканальности, однофокусности, последовательной переработки информа-

ции). Он, в действительности, присущ лишь уровню сознания. В ней представлен и принцип параллельной, полипроцессорной организации. Во-вторых, оба этих принципа органически синтезированы друг с другом; более того, они находятся, по-видимому, в отношениях синергии, что эмпирически зафиксировано в известном феномене обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм репрезентации как продуктивного механизма переработки информации (об этом речь уже шла по ходу предшествующего изложения).

В связи со сказанным, можно, далее, сделать и еще одно предположение общего характера, к обоснованию которого мы также возвратимся в ходе последующего изложения. По-видимому, важной стороной одновременной реализации принципов последовательности и параллельности является то, каким образом организована система когнитивных процессов и как они интегрированы в структуру сознания в целом. Известно, что последнее является именно высшим уровнем, формой и продуктом их синтеза, интеграции. Оно включает их в себя как парциальные составляющие, но само характеризуется ярко и явно представленной целостностью, подчиняющейся принципу одноканальности, монопроцессорности.

Вместе с тем, если это так, то есть, если в его обеспечении с необходимостью принимают участие все когнитивные процессы одновременно, то их организация (точнее – система) не может структурироваться никак иначе, чем на основе принципа параллельности, полипроцессности. Когнитивные процессы в целом функционируют на основе именно данного принципа, поскольку лишь в этом случае сознание – как итоговый эффект, как феномен только и может быть обеспечено. Другими словами, на одном уровне интеграции (сознания в целом) «работает» принцип монопроцессорности – одноканальности. На другом уровне – уровне совокупности отдельных когнитивных процессов «работает» принцип полипроцессорности. Поскольку, однако, эти уровни синтезированы в целостность, то и указанные принципы также находятся в отношениях синергии. Важно и то, что только на основе полипроцессорности, параллельности оказывается возможной реализация еще одного важного средства механизма переработки информации на уровне бессознательного. Дело в том, то этот принцип является объективно сопряженным с собственно временным принципом – принципом синхронии, то есть одновременной представ-

ленности многих сущностей – в данном случае параллельных операций. Однако только на основе данного принципа оказывается возможным установление связей и взаимодействий, взаимовлияний между ними, то есть развертывания собственно интегративных механизмов, которые играют определяющую роль в функциональной организации психики. Фактически, неосознаваемый характер операций, обуславливая принцип полипроцессорности, создает основу для интегративных механизмов как базовых и во многом вообще составляющих основу системной организации психики. Неосознаваемый характер операций является предпосылкой для, казалось бы, противоположного атрибута организации психики – системности ее организации.

Далее, следует учитывать, что общим и объективным критерием дифференциации самого уровня операций в структуре деятельности является, как известно, критерий условий. Это означает, что они возможны, осуществимы и, следовательно, могут выступать как некоторая реальность лишь при соблюдении определенного комплекса необходимых условий. Если они соблюдаются, то и операции становятся возможными; если же имеет место отклонение от привычных условий, то операции подлежат дезавтоматизации, обратному переводу – вновь становятся действиями. Причем, очень важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство, которое обычно явно недооценивается при характеристике операций. Оно состоит в том, что операции могут существовать лишь в том случае, если их содержание адекватно самим объективным условиям и объективному содержанию тех ситуаций, в которых они реализуются. Если же возникает рассогласование между ними (как реализуемыми субъектом) и объективными условиями и содержанием ситуаций, в которых они реализуются, то они сразу же деформируются, точнее – подвергаются дезавтоматизации. Следовательно, они вообще могут существовать лишь в том случае, если адекватно воспроизводят в себе содержание объективных условий, в которых развертывается действия и деятельность в целом.

Таким образом, можно заключить, что в очень значительной мере операции – это и есть, так сказать, носитель объективного в психике. Они и функционально, и содержательно максимально конгруэнтны объективной реальности; вообще – воспроизводят и воссоздают ее в организации психики и деятельности. Причем, повторяем, и сама по себе эта воссоздаваемость также носит совершенно объективный характер.

Если бы ее не было, то и само деятельностное функционирование, равно как и переработка информации, на этом уровне утрачивало бы свой статус операций (что, собственно говоря, и происходит при отклонении условий от необходимых для осуществления операций). Операции не подконтрольны произвольному, субъективному воздействию, развертываясь по объективным закономерностям. Тем самым они соотносятся уже не с субъективным временем, а с временем объективным, выступая «мостом» между первым и вторым, способом их синхронии.

На основе этой закономерности раскрывается важнейшая особенность действий, обнаруживающая их истинную психологическую природу как структурной «единицы» деятельности. В них, фактически «пролегает граница» между осознаваемым и неосознаваемым, между сознательным и бессознательным. Данный аспект мы подробнее рассмотрим в параграфе 4.5.2., а пока отметим его общий смысл. Само действие в значительной мере выступает средством управления бессознательным со стороны сознания, средством контроля и использования потенциала самого бессознательного. Кроме того, обратимый перевод операций в действия (и это также было показано выше) тесно и непосредственно, в том числе и генетически связан с одним из основных механизмов сознания и психики в целом – с механизмом осознания. Вместе с тем, не менее важным и очевидным является и то, что именно в действии осуществляется и переход противоположной направленности – от осознаваемого к неосознаваемому, от сознательного к бессознательному. Они вступают тем «последним» – терминальным звеном, которое еще доступно осознанию и контролю за ним (правда, уже лишь в качестве факта их существования и включенности в деятельность, но не их содержания). Они поэтому еще ощущаемы, что и обуславливает чувство подвластности деятельности и поведения, переживаемое субъектом по ходу их реализации и сопровождающее их. Однако они выступают и своего рода «точкой соприкосновения» с объективно реальностью.

С позиций сформулированных представлений с еще большей отчетливостью предстает уже отмечавшееся положение об условности и относительности общего понимания элементов (и, соответственно, элементного уровня) как сравнительно наиболее простых в общей организации психических процессов. В известном смысле именно они выступают наиболее сложными сущностями, чему есть

несколько основных причин. Первая из них состоит в том, что все последующие уровни, настраивающиеся над элементным, складываются и функционируют в значительной мере как следствия, продукты и эффекты его организации, как его результаты. Более того, очень часто они формируются, в основном, за счет его внутренних резервов, без подключения дополнительных ресурсов извне, под воздействием его аутохонных детерминант. Очень явно это представлено, например, по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, ее компонентный уровень формируется на основе исключительно тех интенций и потенций, которые заложены в элементном уровне. Субсистемный уровень также формируется за счет и на основе потенциала и возможностей компонентного уровня. С этих позиций сам элемент раскрывается как то, в чем виртуально заложены и, следовательно, представлены в нем все те основные закономерности и весь тот потенциал, который необходим для формирования иных уровней. На его базе система и складывается и развивается. Он является поэтому базовым не только в плане того, что «лежит в ее основании» – находится снизу, но и в плане того, что он является в ней определяющим. В нем, хотя и виртуально, представлена вся система.

Далее, аналогичной корректировке должны подлежать и традиционные представления относительно общих соотношений компонентного и элементного уровней, их статуса и значимости. Дело в том, что с точки зрения сложившихся представлений сами элементы понимаются, в основном, как то, что является следствием декомпозиции компонентов. Произвести анализ системы в целом и ее компонентов, в частности, во многом означает то, чтобы определить, из каких элементов они состоят. Суть гносеологических процедур состоит здесь в том, чтобы осуществить «движение» от общего к частному, от целого к его частям и проринуть вглубь анализируемой системы. Причем, такое проникновение как раз и понимается как движение от сложного к простому. Вместе с тем, представленные выше материалы демонстрируют ограниченность такой логики, показывая, что очень существенные детерминанты всей системы заложены именно на уровне ее образований, которые традиционно рассматриваются как простые и являющиеся следствием ее декомпозиции. С этой точки зрения не они являются продуктами ее декомпозиции, а сама она выступает как продукт их композиции. Компоненты в прямом смысле

являются их продуктами, даже этимологически. В этом плане и основные уровни системы не только базируются на элементарном уровне как на своей необходимой основе, но и выступают как производные от него. Сама же элементарная база раскрывается не как элементарная, а как необходимая и достаточная, хотя и представленная в виртуальной форме, для развертывания всей системы в целом.

Сформулированные выше представления относительно механизма операционной обратимости в целом и его роли в конституировании элементарного уровня организации психических процессов, в особенности, позволяют дополнить взгляды об этой организации еще одним аспектом. Он связан с собственно временной – темпоральной, то есть диахронической организацией предметов психологического исследования в целом и самой когнитивной сферы, в частности. Дело в том, что одной из основных граней понятия операций как таковых является их собственно временное измерение: операции – это всегда нечто частное и парциальное; это то, что выступает как звенья, как «составляющие» некоторых целостностей (например, деятельности). Однако это и то, что выступает как части и другого измерения – временного, то есть последовательности чего-либо (опять-таки, например, деятельности), Операции – это не только структурные, но и временные части систем некоторого процесса. И по отношению к деятельности, и в еще большей степени по отношению к психическим процессам они раскрываются в статусе временных частей. Само процессуальное развертывание когнитивных процессов выступает как временная организация основных операций (можно видеть, что и в этом плане эксплицируется определяющая – базовая роль операций). Любая обратимость – это процесс, а значит и временная организация. Следовательно, без ее раскрытия понимание любого процесса, в том числе – и метакогнитивного невозможно. И наоборот, введение в концептуальный строй теории процессов временной координаты реальности, временного измерения организации процессов должно пониматься как конструктивное средство их исследования, что и достигается на основе сформулированных выше представлений. Так, в частности, с этих позиций оказывается возможным осуществить достаточно важное дополнение общих представлений о системности как базовом принципе организации психики в целом. Раскрывается еще одно направление включения

в общепсихологические представления такого фундаментального измерения реальности, как время, категории времени в целом.

Предложенная выше трактовка операций как базовых «составляющих» элементного уровня организации системы психических процессов имеет, однако, и еще один достаточно существенный аспект. Дело в том, что сами операции являются, как известно, конкретизацией и воплощением одной из трех основных категорий механизмов их реализации – операционных. Действительно, как показано Б. Г. Ананьевым, они, наряду с двумя другими категориями механизмов – функциональными и мотивационными, лежат в основе реализации психических процессов, составляя их онтологическую базу [17]. Например, функциональные механизмы мнемических процессов (и, соответственно, базирующихся на них способностей) определяются генотипически обусловленной функциональной системой памяти. Операционные же механизмы – это способы обработки запоминаемого материала, которые ведут к повышению продуктивности памяти: группировка, формирование опорных пунктов, перекодирование, ассоциация, достраивание, сериация, аналогия, классификация, структурирование, схематизация, систематизация, мнемотехнические приемы, повторение [17]. И хотя с современной точки зрения эти представления должны быть в определенной мере скорректированы и детализированы посредством привлечения новых данных, полученных в теории психических процессов, они, тем не менее, не потеряли свою актуальность и поныне.

В силу сказанного, на данном – операционном (элементном) уровне должны быть локализованы такие образования, которые, с одной стороны, уже не несут качественной определенности всего анализируемого целого. Однако, с другой стороны, они являются объективно необходимыми для всего этого целого: они являются онтологическими основами всего целого. Кроме того, при раскрытии специфики данного уровня необходимо, по-видимому, учитывать и те – проанализированные выше представления, согласно которым в общей организации процессов представлены не только операционные механизмы, но и две другие их категории – функциональные и мотивационные. В еще более общем плане это предположение связано с известным и фундаментальным по своей значимости положением о теснейшей взаимосвязи психических процессов и психических функций. В этом

отношении уместно вновь вспомнить известное положение М. С. Роговина, указывавшего, что «создававшаяся веками система представлений в области психических процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить тот или иной из них с определенной психической функцией» [475].

Необходимо обратить внимание и на то, что, к сожалению, сама по себе дифференциация операционных и функциональных механизмов, произведенная в свое время Б. Г. Ананьевым и базировавшаяся на достигнутом к тому времени уровне научных представлениях, не получила в дальнейшем своего достойного продолжения. Более того, представления о функциональных механизмах психических процессов в целом и мышления, в особенности, разработаны достаточно слабо и, что еще хуже, их общая оценка также не всегда корректна. В относительно наиболее полном виде эти представления разработаны по отношению к процессу памяти. Так, выше уже отмечалось, что функциональные механизмы памяти представляют собой основу мнемических способностей человека [17]. Б. Г. Ананьев, впервые использовал понятие «функциональные механизмы» и обозначил им те характеристики человека, которые в большей мере свойственны ему как индивиду [18]. По мнению Б. Г. Ананьева, функциональные механизмы – это основа психической функции, которая генотипически обусловлена и предопределена природной организацией человека. Функциональные механизмы на раннем этапе онтогенеза реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов мнемических способностей. Функциональные механизмы мнемических способностей обеспечивают основу кодирования информации в целях ее запоминания, сохранения и воспроизведения; это основа формирования индивидуального опыта субъекта. Функциональные механизмы мнемических способностей составляют генотипически и врожденно обусловленные свойства мнемических функциональных систем мозга кодировать и декодировать информацию, имеющие индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в эффективности процессов запоминания, сохранения и воспроизведения.

Вместе с тем, функциональные механизмы представляют природную основу процессов кодирования и ввода информации в систему психического. Функциональные системы, сущностным свойством которых

являются функциональные механизмы, видоизменяются в процессе онтогенеза человека. Способы кодирования информации расширяются и углубляются. Это связано с появлением и развитием операционной и регулирующей сторон мнемических способностей. Функциональные механизмы мнемических способностей это основа процессов кодирования информации человеком, которая в «чистом» виде подчиняется объективным закономерностям функционирования психического [18].

На основе функциональных механизмов психических процессов, согласно взглядам Б. Г. Ананьева, формируются и развиваются их операционные механизмы. Так, например, в структуре перцептивного процесса дифференцируются следующие операции: обнаружение, различение, категоризация, идентификация, опознание и др. [17]. Аналогичным образом, операционный состав другого психического процесса – воображения включает, например, такие – специфические для него операции, как агглютинация, гиперболизация, шаржирование и пр. В составе еще одного психического процесса – памяти также дифференцируется достаточно развернутая система операций; причем, сами они могут выделяться на основании разных критериев. Наиболее полное выражение они обретают, например, в совокупности мнемотехнических средств (операций). Наконец, пожалуй, наиболее развернутым является операционный состав аналогичного по степени сложности, то есть также наиболее сложного, психического процесса – мышления. Он, как уже отмечалось выше, образован операциями анализа, синтеза, обобщения, конкретизации, абстрагирования, сравнения и др.

Кроме того, согласно взглядам Б. Г. Ананьева, дифференцируется еще один тип механизмов – мотивационные, которые, к сожалению, не получили столь глубокого раскрытия, как первые два. Это, на наш взгляд, не только не является случайным и не заслуживающим особого внимания обстоятельством (или же следствием естественной неравномерности в разработке тех или иных проблем), а напротив, – очень показательным именно в плане развиваемых нами здесь представлений. Дело в том, что и функциональные, и операционные механизмы – по понятным причинам, объективно и самым непосредственным образом сопряжены с параметром времени, с временной «координатой». Следовательно, они столь же органично воплощают в себе основную форму организации, свойственную именно для процессов как таковых, – временную (темпоральную). Мотивационные

же механизмы напротив, не соотносятся непосредственной с этой координате; они в существенно большей степени релевантны иной базовой категории – категории *энергии*.

На наш взгляд, при общей оценке подхода Б. Г. Ананьева необходимо учитывать аналогичные по статусу, то есть также обобщенные представления, которые сложились в психологии по отношению к двум качественно различным уровням ее структурно-функциональной организации и которые зафиксированы в категориях психических процессов и психических функций, а также их соотношений. Действительно, очень важно и показательно, что именно понятие психического процесса как одно из базовых понятий психологии органичным и естественным образом сопряжено с понятием психических функций. Дело в том, что сами психические процессы, как известно, чаще всего вообще выделяются – дифференцируются как относительно самостоятельные на основе критерия их соответствия с теми или иными психическими функциями. В качестве последних выступают, однако, те или иные частные, парциальные проявления общей функциональной организации психики в целом.

Это, в конечном счете, связано с тем, что «психическое существует лишь в форме процесса» [481]; что «процесс – это и есть способ существования психического» [483]. Представления о процессуальности как атрибутивной форме существования психического имеют, как известно, глубочайшие – и исторические, и гносеологические корни. Эта традиция особенно характерна для отечественных исследований и восходит к взглядам И. М. Сеченова и к его отмечавшемуся выше положению, согласно которому «мысль о психическом как о процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» [501]. Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического. Следовательно, и сам этот базовый атрибут функциональной организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. По отношению к психологической проблемати-

ке это означает, что изучение функциональной организации является, фактически, во многом эквивалентным раскрытию закономерностей собственно процессуальной организации.

Отсюда, в частности, следует, что сама дифференциация функциональных и операционных механизмов психических процессов во многом является не просто «связанной» с отношениями двух уровней организации психического (функционального и процессуального), но и в значительной степени производна от нее и даже тождественна ей. Этим и определяется как значимость данной дифференциации, так и ее, безусловно, глубинный характер. Вместе с тем, именно это порождает и новые вопросы: в частности, само понятие функциональных механизмов эксплицируется не только как «относительно менее простое», нежели понятие операционных механизмов, а, наоборот, как более. Дело в том, что именно в них как раз и заключены те онтологические по своей сути и природе предпосылки и факторы, условия и механизмы, которые не только необходимы, но и достаточны для порождения самого психического. Благодаря им, на основе одного качественно специфического уровня (так сказать «еще не-психического», а физиологического) возникает другой качественно специфический уровень – процессуальный (то есть уже психический). Однако легко видеть, что именно на границе функциональных и операционных механизмов как раз и локализуется самый сложный переход, который знаменует трансформацию не-психического в психическое. Это – то «психофизиологическое сечение», о котором в свое время писал Л. М. Веккер и которое составляет основную тайну психологического познания в целом.

В данном отношении вновь следует констатировать очень типичную для гносеологии в целом и для психологии, в особенности, ситуацию, при которой относительно наиболее «простое», на первый взгляд, явление, в действительности, оказывается, наоборот, наиболее сложным. В частности, она очень типична для той трансформации взглядов, которая наблюдается в отношении процесса ощущения. Так, традиционно считается, что относительно наиболее «простым» среди всех психических процессов является ощущение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, в действительности, с определенной точки зрения оно является, наоборот, наиболее сложным, поскольку именно в нем и локализована та «тайна пси-

хофизиологического сечения», о которой шла речь выше. Это – загадка перехода от не-психического к психическому, от объективного к субъективному, от *материального* к *идеальному*, а в конечном счете, – и загадка порождения самого психического в целом и сознания, в частности, а также и всего внутреннего мира.

Далее, все это заставляет несколько иначе отнестись и к традиционно сложившимся представлениям о понятии «уровня» организации, а также о еще более общем понятии иерархии. Согласно этим представлениям, различные в иерархическом отношении уровни рассматриваются обычно как качественно различные именно по степени их сложности. Однако, более корректной является трактовка уровней не как более или менее сложных, а как именно качественно различных в целом. При этом они в некоторых отношениях выступают как более совершенные, а в некоторых как менее совершенные по сравнению с другими. Безусловно лучшего и наиболее совершенного уровня просто не существует и, добавим, по-видимому, не должно существовать. Если бы это было не так, то возникал вопрос о целесообразности существования всех других уровней.

Наконец, следует обязательно учитывать, что одним из важнейших свойств элементов являются имманентно присущие им генеративно-порождающие интенции – способность к саморазвитию, к самотрансформации и порождению на этой основе новых структурных образующих. Особо важно при этом, что необходимые и достаточные условия для этого содержатся в самой их совокупности: новые структурные уровни формируются не за счет привнесения нового содержания извне, а именно за счет новой организации совокупности элементов и компонентов. Однако трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что именно это не только имеет место в организации когнитивных процессов, но и составляет самую его суть; поясним сказанное на примере одного из наиболее сложных среди них процесса метамышления. Выше был рассмотрен один из основных механизмов, выявленных и охарактеризованных в исследованиях метакогнитивных процессов и обозначенный нами как механизм операндно-операторной обратимости. Он состоит в том, что первичные когнитивные процессы могут реализовываться в отношении их же самих; они при этом трансформируются из активных операторов в относительно пассивные операнды. Однако – и это также было

показано выше – то же самое имеет место не только к процессам в целом, но и к тем «составляющим», их которых они образованы. Тем самым, возникает важнейший по своей значимости и последствиям феномен «удвоения» операций: их комплексирования и возникновения вторичных, производных и качественно новых процессуальных образований, то есть, по существу, метаопераций.

Вместе с тем, именно за счет этого порождается и новое качество, возникает новая качественная определенность: если первичные операции или операции «первого порядка» образуют качественную определенность мышления, то метаоперации лежат в основе содержания метамышления. Причем, порождение этой новой качественной определенности происходит *без привлечения* каких-либо дополнительных процессуальных и операционных средств, а на основе указанного выше механизма «удвоения» операций, то есть осуществляется за счет своих собственных ресурсов.

Итак, на основе изложенного можно видеть, что операционные механизмы, базируясь на функциональных, одновременно опосредствуют связь между психическими процессами и еще одними основополагающими образованиями – психофизиологическими функциями. Через функциональные механизмы психические процессы обретают не только свои онтологические основы, но и становятся неотъемлемыми составляющими субъективной реальности. Посредством этого функции, хотя и не в полном объеме и в специфическом аспекте, но все же входят в состав элементного уровня организации психических процессов.

Тем самым можно видеть, что элементная база психических процессов непосредственно сопряжена именно с онтологическими основами психики, которые, в свою очередь, и выступают их «фундаментом» – с психическими функциями. Кроме того, важно подчеркнуть, что функциональные механизмы психических процессов и, тем более, лежащие в их основе функции в еще большей степени обладают тем же свойством, которое присуще и операционным механизмам и, соответственно, операциям – они являются неосознаваемыми; могут реализовываться и, как правило, реализуются на неосознаваемом уровне организации. Поэтому они также как и операционные механизмы и складывающиеся на основе последних операции являются именно элементами психических процессов, поскольку в них редуцируется

важнейший атрибут самих процессов – осознаваемость. Вместе с тем, истинная сложность их природы состоит в том, что, будучи неосознаваемыми, они, тоже время, некоторым образом все же «даны» субъекту, ощущаются им и, более того, составляют основу для субъектности.

В этом контексте необходимо напомнить и об одном из важных положений методологического плана, которое рассматривалось в параграфе 2.2.2. Оно состоит в том, что сами понятия компонента и элемента являются не абсолютными, а относительными. Это означает, что элемент, будучи таковым по отношению ко всей исходной целостности (системе) и не воплощая в себе ее качественную определенность, в то же время может выступать и в качестве компонента, но по отношению к иной – менее обобщенной целостности. Так, это весьма отчетливо проявляется по отношению к организации системы когнитивных процессов. Ее элементной базой выступают именно отдельные операции: они, как правило, реализуются без осознаваемого контроля и потому утрачивают ведущий атрибут всей их системы – осознаваемость. Однако по отношению к каждому отдельному процессу они же выступают как носители его качественной определенности, то есть не как его элементы, а как компоненты. Наряду с этим, в силу механизма функциональной обратимости, операции могут реализовываться с разной мерой развернутости и, более того, оборачиваться сами на себя, удваиваться, что приводит к их транспонированию на уровень сознания. Однако в своем исходном модусе они все же носят неосознаваемый характер.

Итак, на основе представленного анализа можно констатировать ряд особенностей и закономерностей элементного уровня, образованного, в основном, базовыми операциями как «составляющими» когнитивных процессов. Эти особенностями являются значимыми и для понимания субъективного времени, а основные из них состоят в следующем.

Во-первых, на этом уровне сам феномен субъективного времени подвергается, пожалуй, наиболее радикальной трансформации, поскольку он не просто тем или иным образом видоизменяется, а практически полностью редуцируется, по крайней мере, феноменологически. Можно сказать, что на этом уровне феномен субъективного времени представлен в полностью инвертированном виде – как *отсутствие* субъективного времени. Утрата атрибута осознаваемо-

сти автоматически приводит к редукции и самого ощущения времени. Тем самым вновь эксплицируется глубинная связь субъективного времени с сознанием – как свойством и рефлексией как процессом.

Во-вторых, такого рода трансформации вовсе не являются лишь эпифеноменом, поскольку за ними скрыт весьма важный смысл и функциональное предназначение. Дело в том, что такого рода перевод в незнание форму и не загружаемость операциями уровня сознания является важнейшей предпосылкой для возможности реализации кардинально иного принципа переработки информации, чем тот, который характерен для осознаваемого уровня. Это – переход от одноканального принципа к многоканальному, от монопроцессорности к *полипроцессорности*. Существенно и то, что эти два принципа начинают соседствовать в общем процессе переработки информации – они представлены в синергии друг с другом, что, естественно, значительно повышает функциональный ресурс психики в целом. Точно так же, как порождение субъективного времени и его дальнейшее использование может выступать в качестве операционного средства функционирования психики, и его редукция может выступать в аналогичном статусе. Редукция осознаваемости и, следовательно, ощущения времени, создает основу для самого принципа многоканальности – полипроцессорности.

В-третьих, в связи именно с этим, проблема субъективного времени переводится в новую важную плоскость – ее взаимосвязь с фундаментальной проблемой *бессознательного*. Само бессознательное эксплицируется как та сфера психического, в которой феномен субъективного времени обретает совершенно новую форму и представлен в его инверсионном виде. Очень значимо и то, что с этих позиций бессознательное эксплицируется как такая сфера психического, в основе функционирования которой лежит принцип многоканальности, полипроцессорности. Соотношения двух макроуровней психики – осознаваемого и бессознательного эксплицируются как соотношения двух принципов переработки информации одноканального, монопроцессорного и многоканального, полипроцессорного, последовательного и параллельного. Последовательный принцип сопряжен с субъективным временем, а параллельный – с его редуцированием. Вместе с тем, это такое редуцирование, которое является обратимым, в основе чего лежит обратимость самих операций как элементной базы данного уровня организации. Субъективное время, в отличие

от физического, обретает свойство обратимости, что, в свою очередь, является важным условием и для субъективной обратимости трех модусов времени – прошлого, настоящего и будущего – того, что метафорически именуется «перемещением во времени».

Наконец, в-четвертых, эксплицируется глубинная связь субъективного времени с основными психофизиологическими функциями. Значимость данной связи состоит в том, что последние являются в равной степени и психическими и до-психическими – физиологическими, биологическими и даже несущими печать морфологии. Тем самым через эту связь базовые механизмы субъективного времени сопрягаются с чрезвычайно многогранной структурой физиологического обеспечения времени – с тем, что обозначается понятиями биологической цикличности, циркадной ритмичности, физиологической диахронии и пр., а также с проблематикой синхронизации временной ритмики на разных уровнях ее представленности, в особенности, на биологическом и психологическом. Тем самым, однако, и собственно психологическая организация субъективного времени, представленная, как можно видеть из всей совокупности рассмотренных материалов, пятью уровнями, обнаруживает свою связь с его физиологической организацией, а также производность от нее и детерминированность ей. Выявляется еще один межуровневый переход – но уже не между уровнями внутри психологической структуры, а между макроуровнями – психологическим и физиологическим, между психологическим и биологическим временем, которое также представлено на разных уровнях собственной организации.

3.7. Заключительные замечания

Итак, в этой главе был реализован один из основных этапов и, соответственно, – аспектов разработки проблемы субъективного времени, предписываемый алгоритмом системного исследования и комплексной стратегией его реализации, – структурный. Вместе с тем, параллельно с этим был реализован и другой – также основной план, аспект этой стратегии – метасистемный, поскольку одним из собственно структурных уровней организации субъективного времени как раз и выступает именно метасистемный уровень. При этом следует констатировать, что, хотя в общем – гносеологическом плане

содержание структурного этапа и его задачи представляются достаточно ясными и определенными, его воплощение по отношению к данной проблеме оказалось сопряженным с принципиальными трудностями. Дело в том, что сам предмет исследования – субъективное время характеризуется явной специфичностью и отчасти даже «загадочностью», давно и многократно зафиксированной в литературе. С одной стороны, оно является такой сущностью, по отношению к которой используется термин непротяженности и даже невещности – несубстанциональности, что сразу же ставит многочисленные барьеры на пути реализации по отношению к нему методологии структурного анализа, который разработан практически полностью по отношению к сущностям иной – протяженной, овеществленной, субстанциональной природы. С другой стороны, еще большие сложности сопряжены с известной проблемой «существования – несуществования» времени в целом, а в более корректной формулировке – с тем, что обозначается как его несамостоятельность – сращенность с его носителями и атрибутивная неотрывность от их бытия, равно как и от бытия как такового. Время, в том числе и субъективное, реально только постольку, поскольку есть иная реальность, которая обуславливает его как свой атрибут. В силу этого, по отношению к его рассмотрению в целом, а также по отношению к изучению субъективного времени, в частности, должен быть реализован сформулированный и охарактеризованный выше принцип субстанциональной опосредствованности.

Следовательно, и разработка структурного аспекта субъективного времени должна осуществляться на основе вполне определенных представлений о структурной организации самого его носителя – психики в целом. В свою очередь, это ставит не менее сложную проблему выявления такой структурной организации. В силу ее предельной сложности, трудно рассчитывать на какое-либо «единственно правильное» решение, на существование единого и унитарного способа ее решения. Как известно, она, также и иные проблемы такого ранга сложности, может быть решена на основе взаимодополнения ряда подходов, способов и парадигм ее разработки. Один из них как раз и был разработан в русле того подхода, который является методологической основой всего исследования, представленного в данной работе, – метасистемного. Он предполагает дифференциацию пяти основных уровней структурной организации, эксплицируемых

на основе общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации – метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного. Причем, повторяем еще раз, речь идет о дифференциации уровней организации не самого субъективного времени непосредственно, а о дифференциации уровней организации того носителя, который его и атрибутирует – психики целом.

Наконец, при разработке данной проблемы мы исходили из того, что она имеет два существенно разных плана, две разных «плоскости», которые были обозначены как экзопсихология и эндопсихология субъективного времени. Первая – традиционная сопряжена с его экспликацией в качестве операнда, а вторая – в качестве оператора. Это означает, что субъективное время может быть представлено и в качестве феномена, явления – предмета изучения, и в качестве операционного средства – своего рода механизма организации психики. Понятно, что по вполне естественным причинам, именно вторая затрагивает существенно более глубокие аспекты и механизмы субъективного времени, хотя она же и разработана в несопоставимо меньшей мере, чем первая. Собственно говоря, этим и обусловлена приоритетность ее изучения в данной работе. Все эти методологические положения установочного порядка определили общую стратегию исследования структурной организации субъективного времени, а также его роли в структурной организации психики. Не дублируя, разумеется, здесь полученных при ее реализации результатов, отметим лишь главные из них, имеющие принципиальное значение для экспликации особенностей структурной организации субъективного времени.

Так, пожалуй, основным и наиболее принципиальным из этих результатов явилось то, что свою комплексную верификацию получила сформулированная нами в главе на основе методологии метасистемного подхода общетеоретическая гипотеза о структурно-уровневом принципе организации субъективного времени. При этом напомним, что само выражение «структурно-уровневая организации времени» нуждается в пояснении и детализации. Такая организация соотносится не с самим временем непосредственно, а с теми субстанциональными основами, которые с ним сопряжены и носителями которого они являются. Именно они и выступают основой для такой организации, точнее – они порождают ее и предстают в ней. Это, в свою очередь, прямо следует из принципа субстанцио-

нальной опосредствованности субъективного времени. В результате были установлены основные структурные уровни его организации, а также доказано, что вся их совокупность полностью удовлетворяет базовому критерию-дискриминатору уровневой дифференциации. Вместе с тем, было эксплицировано и в значительной степени объяснено также содержание каждого из пяти дифференцированных уровней, что, собственно говоря, составило содержательную часть всех представленных материалов. Их развернутая характеристика дана в соответствующих разделах этой главы, а сущность каждого из них может быть резюмирована следующим образом.

Прежде всего, в плане верификации данного предположения с необходимостью встала, пожалуй, наиболее трудная проблема выявления содержания и специфичности метасистемного уровня субъективного времени. В свою очередь, при ее решении со всей отчетливостью предстала органичная сопряженность сопряженность субъективного времени с базовыми атрибутами качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, одним из основных вопросов, на решение которых направлен метасистемный план исследования, является вопрос об определении общего статуса изучаемого предмета – о специфике его реальной онтологии, то есть о самой его сущности. В свою очередь, это означает необходимость раскрытия и объяснения того, что в этом предмете, то есть в самом субъективном времени, является главным и определяющим? Что является не тем, от чего оно зависит, на что оно влияет или даже в чем заключаются его особенности и закономерности и каково его *содержание* и организация? Все это, разумеется, не просто важно, а очень важно и, более того, составляет само содержание всего направления субъективного времени. Однако, не менее, а не исключено – и более значимым является несколько иной вопрос. Это о том, каким образом и почему *возникает* феномен субъективного времени? Как он становится возможным, как обретает статус некоторой – пусть и очень специфической, но все же реальности? Как понять само время именно в целом – и объективное и субъективное в их взаимоотношениях и в их специфичности? Существует ли оно вообще как нечто объективное, или же выступает продуктом конструирования психикой, не являясь поэтому объективным, а выступая лишь идеальной сущностью? Как, наряду

с несомненностью и непосредственной данностью настоящего – актуального, порождается еще и то, что не обладает этими атрибутами и не являющееся объективно представленным – прошлое и тем более будущее? Как существует это «несуществующее» – объективно ли оно? Как возникает, а потом существует то, чего объективно не только нет, но и не может быть? Причем, это «не может быть» справедливо только в одном отношении – объективном. В другом же отношении – субъективном, напротив, мало что обладает столь несомненной реальностью, как именно прошлое, являющееся, в свою очередь, прямой производной от идеи времени и вне нее немислимое.

Действительно, сама «ось времени» – течение, поток, развертывание, то есть оно именно как нечто длящееся и, более того, образующее это дление, может существовать только тогда, когда имеет место еще более имплицитный феномен, который можно обозначить как «преодоление актуальности». Это – выход за актуальность, то есть за настоящее, которое дано объективно в каждый конкретный момент и составляет эту объективность. Само течение, движение – поток, то есть дление, может возникнуть лишь тогда, когда некоторая «точка актуальности» перестает быть только точкой и трансформируется – пусть в простейший – но все же континуум. Иными словами, сама эта «ось» возможна только при условии, так сказать, «расщепление актуальности» (настоящего), как минимум на два локуса, между которыми и устанавливаются отношения следования, последовательности, сменяемости, а в результате – течения, длительности, то есть собственно темпоральные отношения. В таком случае, однако, возникает наиболее непринципиальный и трудный вопрос – как это возможно, то есть как конкретно и посредством каких механизмов происходит такое расщепление? Как порождается то, чего объективно попросту нет, но субъективно представлено как, напротив, наиболее несомненная реальность – субъективное ощущение времени, нахождения в нем и ощущение его, которое как раз и образует ось «прошлого – настоящего – будущего», а также саму идею времени? Как возникают те две необходимые точки, которые и порождают эту «ось» в ее принципиальном виде – именно как континуум, а не только как актуальное настоящее? Как осуществляется, так сказать, «преодоление актуальности» – выход за границы настоящего и трансформация реальности – и объективной и субъективной из ее статического измерения в динамическое?

Наиболее важное и принципиальное положение метасистемного подхода состоит в том, что психика воспроизводит в своем собственном содержании ту метасистему, в которую она сама онтологически включена и объективной частью которой она является. Причем, сама эта метасистема – объективная реальность репрезентируется в составе и содержании психического отнюдь не только и даже не столько как информация о реальности, знания о ней и пр., а именно как сама эта реальность в целом – как нечто настоящее и естественное, целостное и завершенное, осмысленное и т. д. Конституирующаяся за счет такого встраивания реальность является именно таковой – несомненной реальностью, пусть и принципиально иной по своим механизмам и природе, нежели объективная – субъективной. Однако, именно как таковая – как реальность она обладает важнейшим атрибутом любой реальности – атрибутом существования: она является тем «настоящим», которое и составляет этот атрибут. Более того, для субъекта его внутренний мир, его субъективная реальность вообще является не только еще более несомненной, но и, строго говоря, вообще единственно данной ему реальностью.

Другими словами, именно благодаря механизму встраивания метасистемы в систему, то есть на основе мультиплицирования первой во второй, как раз и возникает то «максимально настоящее», что не подлежит никакому сомнению как реальность, пусть и субъективная. Кроме того, эта реальность, повторяем, наиболее реальна и, вообще, составляет ее как таковую. Она, так сказать, «просто есть», существует и составляет основу существования субъективности в целом. Однако, именно это – ее несомненное существование означает и то, что любое вновь возникающее взаимодействие субъекта с объективной реальностью оказывается сопряженным с ней и опосредствованным ей. Она – как уже существующее и, повторяем, во многом образующее само существование психического – саму субъективную реальность, данную как нечто несомненное – настоящее, фактически, всегда предшествует любому вновь возникающему взаимодействию с объективной реальностью. В результате этого любое актуальное взаимодействие субъекта с объективной реальностью (как именно с актуальным настоящим, образующим феномен, который иногда обозначается как «сейчас», «теперь-момент»), оказывается сопряженным с еще одним настоящим – с тем, что и составляет

содержание репрезентированной объективной реальности в реальности субъективной. Тем самым, порождается еще один очень важный, но все же частный случай фундаментального феномена (точнее – механизма) удвоения реальности, который очень характерен для психического в целом. В данном случае он состоит в порождении двух настоящих и, следовательно, в раздвоении исходно единого настоящего на два локуса. Одно настоящее – это то, что уже существует и представлено в психике как системе, мультиплицирующей содержание метасистемы (объективной реальности). Оно отображает и воплощает определенное состояние и объективной и субъективной реальности, которое предшествует любому вновь возникающему взаимодействию субъекта с объективной реальностью и опосредствует его. Другое настоящее – это актуальное содержание того или иного взаимодействия субъекта с объективной реальностью, которое имеет место в каждый момент его развертывания. В результате само настоящее удваивается – расщепляется и растягивается. Причем, тот его модус, который уже представлен в психическом и составляет ее содержание, предшествуя любому вновь возникающему актуальному взаимодействию, для самого субъекта не только не менее реален, но реален в еще большей степени. Он, собственно говоря, и образует эту реальность. Для самого субъекта нет ничего более настоящего, чем его внутренний мир, который во многом и образован встроенностью в психику объективной реальности. Однако, именно в этом случае – точнее за счет всего этого в содержании психики сама объективная реальность оказывается представленной дважды.

С одной стороны – как нечто уже имеющееся, существующее, наличное, данное; с другой стороны – как актуально переживаемое, как выступающее результатом текущего взаимодействия с внешней средой. Любое актуальное взаимодействие, образующее содержание субъективной реальности в настоящем (момент «теперь») оказывается объективно сопряженным с уже состоявшимся существованием – столь же настоящим, как и актуально представленное настоящее. Тем самым, однако, в составе и содержании психического всегда – причем, совершенно объективно оказываются представленными две репрезентации реальности – уже существующая и вновь порождаемая в каждый актуальный момент развертывания ее взаимодействия с миром. Между этими двумя репрезентациями метасистемы (объек-

тивной реальности) столь же объективно возникают определенные отношения, а наиболее общими из них как раз и выступают отношения следования, последовательности. Они, в конечном счете, и являются наиболее глубинной детерминантой главного атрибута времени в целом и субъективного времени, в частности, – течения, движения, дления. Он, как можно видеть, может возникать только тогда, когда в системе порождается разведение актуальности – ее дифференциация, а «точка настоящего» (момент «теперь») трансформируется в континуум. Причем, повторяем еще раз, такое «раздвоение» не является чем-то искусственным и метафорическим. Та репрезентация объективной реальности (метасистемы), которая уже представлена в психике за счет механизма «встраивания» для субъекта не только не менее, а еще более «настояща», чем все иные репрезентации; она во многом и есть сам субъект, его настоящий внутренний мир. Однако и та репрезентация объективной реальности, которая порождается в любом новом акте взаимодействия с объективной реальностью (с актуальным настоящим), также с несомненностью является столь же настоящей. Феномен настоящего расщепляется – раздваивается, а то, что обозначается «настоящим как моментом» растягивается в континуум; это, собственно говоря, и порождает временную «ось» как таковую. Однако, как известно, именно ее порождение во многом и тождественно порождению самого субъективного времени в целом. Другими словами, именно удвоение настоящего – порождение и последующее взаимодействие двух репрезентаций объективной реальности в реальности субъективной как раз и лежит в основе того, что между ними возникают те отношения, которые образуют главный атрибут времени – течение, движение, «длительность». Настоящее выступает в двух состояниях – как уже представленное в психике и как вновь возникающее в любом вновь реализуемом актуальном взаимодействии. Одно из них имеет место перед другим, а значит и раньше него, что, собственно говоря, во многом тождественно возникновению последовательности, длительности. Без этого – уже существующего состояния второе – вновь возникающее состояние не только невозможно, но и не может породить какие-либо отношения – в том числе, и отношения следования, последовательности.

На основе этого открылись реальные возможности для экспликации содержания метасистемного уровня. Действительно, и содержа-

ние и само его существование возможно благодаря взаимодействию субъекта с объективной реальностью, которое имеет, однако, весьма специфический характер. С одной стороны, сама эта реальность представлена социальной действительностью – социумом, в котором, следовательно, и заложены базовые детерминанты данного уровня. С другой стороны, это взаимодействие выходит за рамки простой детерминации и обретает принципиально иной характер – она разведается по типу «встраивания», мультипликации социума в личности и ее психике. В результате такого взаимодействия по отношению к каждому индивидуальному случаю, то есть по оснащению к индивидуальной психике складывается аналог или точнее – экспликация этих общих временных представлений, выработанных социумом, то есть совокупность знаний о времени, а шире – всех субъективных репрезентаций, связанных с этим атрибутом. Вследствие этого, имеет место типичная ситуация взаимодействия социального (надиндивидуального, метаиндивидуального) и самого индивидуального, которая, как известно, и составляет основу для всего процесса социализации личности в целом и для формирования индивидуальной психики, в частности.

Однако сам процесс социализации как раз и представляет собой типичный случай встраивания метасистемы (социума) в систему (личность) в аспекте его принципов и механизмов. Социум как метасистема для индивида и его психической организации «встраивается» в индивидуальную психику и строит ее, порождая в том числе и системы знаний о его временном содержании; он мультиплицируется в совокупности представлений о нем – в картине мира, взятой, разумеется, во всех ее атрибутах, в том числе и временном. Социум в известной степени и строит – конституирует ее. Кроме того, временная организация объективной реальности – социума отображается и воспроизводится в психике не только в плане совокупности ее субъективных репрезентаций, но и в плане ее воплощенности в средствах и закономерностях ее собственно функциональной организации. Внешняя темпоральность как атрибут социума транспонируется во внутреннюю темпоральность, «встраивается» в нее, мультиплицируется в ней, порождая субъективное время. Темпоральность, однако, не просто «встраивается» во все содержание и функционирование психики, но буквально пронизывает ее и, более того, во многом составляет ее сущность и качественную определен-

ность на всех основных уровнях ее организации. Время отображается и учитывается психикой не только феноменологически и не только за счет реализации тех или иных средств операционного плана, но и самим ее «устройством» – составом и содержанием ее основных структурных образующих – тем, из чего она состоит и как она функционально организована. Следовательно, будучи очень специфичным и даже во многом – уникальным, данный уровень, все же, отражает и воплощает атрибутивно важнейшую особенность психики в целом, один из базовых принципов ее организации – принцип метасистемности. В силу этого, он в максимально полном и непосредственном виде является и отражением, воплощением того методологического подхода, который базируется на учете данного принципа – метасистемного подхода. Одновременно экспликация данного уровня и его раскрытие является обоснованием и верификацией правомерности и конструктивности данного подхода. В пользу этого же свидетельствует и выявление сложного – многообразного и гетерогенного состава данного уровня. В нем следует дифференцировать, как минимум, три основных аспекта и, соответственно, три направления, по которым осуществляется его формирование.

Во-первых, это содержание, связанное с таким базовым и фундаментальным для психики в целом образованием, каковым выступает феномен *знаний*, представленный в различных модусах и на разных уровнях организации. Причем, даже не только знаний в их строгом смысле, а всех субъектных репрезентаций, в которых зафиксированы социально выработанные представления о временной организации объективной реальности. Именно они обладают той принципиальной, атрибутивной двойственностью, которая является основным признаком всех «составляющих» метасистемного уровня. Они принадлежат и некоторой метасистеме (социуму), и системе, включенной в нее (психике), которая, однако, затем сама мультиплицирует ее в себе.

Во-вторых, это и вся совокупность интернализированных *темпоральных* характеристик объективной реальности, выступающая уже не как совокупность знаний, информация, а как система операционных средств для организации различных форм активности личности в ее основных разновидностях – деятельностной, поведенческой, коммуникативной. В этом модусе субъективное время выступает

не как нечто содержательное – не как операнд, а как активное операционное средство, то есть как оператор.

В-третьих, это наиболее глубокий пласт субъективного времени, образованный базовыми *принципами* и даже морфо-физиологическими особенностями структурно-функциональной организации психики и организма в целом. Они, выступая онтологической базой для реализации подчеркнута субъективных, то есть психологических закономерностей, в то же время, сами являются частью объективной реальности» и поэтому подчиняются ее фундаментальным закономерностям, но уже именно объективным. Одной из важнейших среди них является категория темпоральных закономерностей, которая также встраивается в структурно-функциональную организацию психики – в ее устройство. Тем самым время входит в самую базовую структуру психики, в то, как она утроена и построена – и в аспекте ее компонентного состава, и в аспекте принципов ее функционирования.

Второй основной уровень субъективного времени – *общественный* также глубоко специфичен, а его сущность может быть резюмирована следующим образом. В наиболее общем и принципиальном плане он соотносится с важнейшим и во многом определяющим, максимально интегративным психическим образованием – *сознанием* как результативным феноменом и с рефлексией как его процессуальным средством. Сознание это и есть то, благодаря чему психическое обретает свою – пусть и специфическую, но все же именно реальность – субъективную. Сознание и является тем, благодаря чему психическое, используя философскую терминологию, из вещи-в-себе трансформируется в вещь-для-себя; благодаря чему складывается атрибут субъектности, самости, самоданности и конституируется новая – субъективная реальность, во многом отличная от объективной реальности. Однако, как и любая иная реальность, она атрибутирует и ее важнейшее свойство – темпоральность, порождает сам атрибут времени, в данном случае субъективного. Понятия сознания и субъективно времени оказываются взаимополагаемыми и взаимопрождающими в такой же степени, в какой в аналогичных отношениях находятся понятия объективного времени и бытия в целом. Психическое как нечто, реально существующее, становится также и еще одной, кардинально иной реальностью – субъективной именно благодаря тому, что оно осознается. Осознание выступает

фактором и решающим условием его возникновения именно как реальности. Однако, именно то, что оно возникает как реальность, порождает и время как ее атрибут.

Таким образом, на общесистемном уровне, на котором субъективное время выступает атрибутом сознания, оно, собственно говоря, и порождается – является его непосредственным следствием и продуктом. Следовательно, проблема природы субъективного времени является и alter ego наиболее трудной проблемой всей психологии в целом и психологии сознания, в особенности, – проблемы саморепрезентированности психики как основы для ее данности себе, внутреннего мира личности, а в более широком плане – и идеального как ее базового и наиболее специфического атрибута. Однако это становится возможными только за счет соорганизованной совокупности основных процессуальных средств, каковыми выступают когнитивные процессы, взятые в их интегрированном виде, в их целостности. Она, представленная как макропроцесс рефлексии, и является основным процессуальным содержанием сознания. Интеграция когнитивных процессов, представленная в их иерархически организованном виде, как раз и образует сознание уже не как результирующий эффект – не как состояние, а в его процессуальном бытии, которое эксплицируется субъекту, повторяем, через макропроцесс рефлексии. Тем самым, сознание как состояние и рефлексивность как его процессуальная основа предстает уже не только как интеграция системы знаний, но и как интеграция процессов, лежащих в основе их обеспечения. Следовательно, выявляется двуединство его интегративных функций: с одной стороны, это интеграция всей совокупности знаний (и вообще – субъектных репрезентаций), а с другой – интеграция всей совокупности процессуальных средств (когнитивных процессов). Их синергия генерирует все базовые атрибуты сознания как субъективной реальности – в том числе, и один из важнейших среди них время, в данном случае – субъективное.

В свете данного заключения с очевидностью эксплицируется определяющая роль психических процессов в целом и когнитивных процессов, в особенности в порождении субъективного времени. Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно психические процессы как таковые как раз и выступают такой «составляющей», которая имеет атрибутивно темпоральный характер и вообще является

воплощением темпоральности в ее наиболее явном и полном виде и форме. Действительно, представляется совершенно очевидным и имеющим многочисленные эмпирико-экспериментальные референты, а также несомненные феноменологические проявления то положение, согласно которому сама специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов интерпретируется и раскрывается именно как закономерно организованная последовательность ряда этапов и стадий такого рода, специфичных по своему содержанию тому или иному – конкретному процессу. По отношению к организации психических процессов речь должна идти именно об использовании механизмов временной организации и, следовательно, ее эффектов и средств. Один из наиболее фундаментальных атрибутов реальности – время оказывается не только органично и полно воплощенными и реализованным в организации психики в целом, но и представлен в ней в аналогичном, то есть также базовом, определяющем модусе – процессуальном, в категории психических процессов. Тем самым, темпоральность оказывается учтенной и воплощенной в самом устройстве психики – в ее структурно-функциональной организации. Приспособление к времени осуществляется уже не только за счет тех или иных средств, а за счет самой ее организации, за счет того, как она построена. В самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, временная координата как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой.

Следовательно, в самой их темпоральной организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для «приспособления» ко времени, но и для активного использования временной системности как средства функциональной организации психики. Одной из важнейших, а не исключено – фундаментальных закономерностей психики в целом является то, что она базируется на такой компонентной базе (на совокупности основных когнитивных процессов), которая уже воплощает в себе временную координату реальности и ее организацию. Благодаря этому, система когнитивных процессов в целом и обеспечивает общую адаптацию к параметру

времени как одному из основных «измерений» объективной реальности. Однако благодаря этому достигается и возможность порождения своего рода внутреннего – субъективного, психологического времени, а затем – его использования в целях своей же собственной функциональной организации. Любой психический процесс, фактически, и становится таковым, то есть процессом в строгом и наиболее непосредственном смысле данного понятия благодаря тому, что в нем – в его структуре и функционировании реализуется временная упорядоченность, темпоральная организация. Он, собственно говоря, становится таковым лишь благодаря тому, что воплощает в себе черты и закономерности именно темпоральной организации, а в наиболее развернутых и зрелых формах – и темпоральной системности. Психические процессы раскрываются в их истинном и наиболее полном, богатом содержанием и принципами организации виде – в качестве психологических систем, но уже не только субстанционального типа, но и в качестве темпоральных систем.

Выявление и характеристика компонентного уровня организации психики и, соответственно, его спецификация по отношению к проблеме субъективного времени явилась важной предпосылкой для экспликации еще одного также глубоко специфического уровня – *субсистемного*. Действительно, именно компонентный уровень и его «единицы» – компоненты (психические процессы) обладают очень важной особенностью. В них заложены интенции и потенции для генерации всех иных уровней организации, в силу чего они обладают собственным потенциалом развития, генеративностью. В свою очередь, в основе этой особенности лежит то, что в компонентах воплощаются очевидные черты качественной определенности самого целого, частями которого они выступают. Следствием генеративно-порождающего потенциала компонентного уровня является то, что именно на его основе складывается и обретает статус одного из важнейших особь и качественно специфический уровень организации и психики в целом и субъективного времени, в частности (субсистемный). В его основе лежит комплексирование основных процессов, их синтез в соответствии с теми или иными функциональными задачами, что образует в результате те или иные их комплексы, подсистемы. Это, прежде всего, такие основные подсистемы, как когнитивная, регулятивная и коммуникативная, дополненные впо-

следствии и иными подсистемами аналогичного плана – в частности, подсистемой метакогнитивных и интегральных процессов.

Так, в частности, темпоральность воплощена в организации базовой подсистемы – когнитивной. Действительно, вся совокупность когнитивных процессов достаточно четко, полно и как бы естественным образом может быть упорядочена именно по данному критерию, «выстроена» вдоль «оси времени». Такого рода – временной, своего рода хронологический критерий демонстрирует явную – атрибутивную соотнесенность мнемических процессов с категорией прошлого; аналогичную соотнесенность сенсорно-перцептивных и attentionных процессов – с категорией настоящего; наконец, соотнесенность и вообще – атрибутивную связь процессов воображения и представления с категорией будущего. В результате все когнитивные процессы (за исключением мыслительных процессов) «выстраиваются» вдоль оси времени «прошлое – настоящее – будущее» и заполняют весь диапазон, составляющий ее. В самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, «временная координата» как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой. Следовательно, в самой их диахронической организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для «приспособления» ко времени, но и для активного использования самой временной системности как средства функциональной организации психики.

Кроме того, общая структура процессуальных средств приспособления ко времени включает в себя, фактически, всю когнитивную подсистему, взятую в ее иерархическом строении и в определенном функциональном назначении. Этим выявляется тот факт, что в структуре психики нет (и, по-видимому, не может быть) какого-либо специфического «органа приспособления к времени», или специфических процессов, направленных только на такое приспособление. В этих целях используются, как показано выше, все те же операционные средства, которые заложены в каждом из основных когнитивных процессов. В еще более общем плане о такого же рода субсистемных процессуальных образованиях свидетельствует и дифференциация общего процессуального содержания на базовые классы психических

процессов – уже не только когнитивных и регулятивных, но и еще более традиционных – эмоциональных, мотивационных, волевых.

С этих же позиций эксплицируется и важная роль темпоральности в организации подсистемы метакогнитивных процессов. Она лежит в основе специфической для нее закономерности, обозначенной понятием операндно-операторной обратимости. Ее сущность состоит в том, что когнитивные процессы принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая обратимость может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение временной «координаты» в организацию процессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов находит воплощение особый тип системности – временная, диахроническая системность, а сами они предстают как одна из разновидностей систем темпорального типа. Это и есть главная и наиболее общая особенность их функциональной организации, представленной в ее микропроцессуальном плане, то есть по отношению к каждому метакогнитивному процессу. Метакогнитивные процессы – это не просто «удвоение» процессуальности, но именно за счет этого и качественно иная и более полная степень воплощенности темпоральности как таковой, более полная степень воплощенности временной координаты в субъективной реальности в ее процессуальном аспекте. Причем, сама темпоральность реализуется посредством наиболее специфической для психики формы ее воплощения – процессуальной, то есть посредством базовой категории психических процессов.

Далее, очень показательна в этом отношении и еще одна процессуальная подсистема, в состав которой входят качественно специфические процессы – *интегральные процессы* регуляции деятельности и поведения. Их совокупность включает в себя специфическую группу процессов регуляции деятельности и поведения – целеобразование, антиципацию, принятие решения, прогнозирование, планирование,

программирование, контроль, самоконтроль. Однако, именно эта совокупность и, следовательно, весь класс интегральных процессов, фактически, воспроизводит в своем составе и содержании определенный – базовый временной регулятивный инвариант. Он как раз и представляет собой закономерную последовательность этих процессов: целеобразование → антиципация → прогнозирование → принятие решения → планирование → программирование → контроль → самоконтроль. Все эти процессы объективно очень естественным и даже необходимым образом распределяются – как бы выстраиваются именно вдоль «оси» времени. Они сорганизуются на основе хронологического, темпорального критерия. Аналогичным образом эксплицируется определяющая роль темпоральности в организации и иных подсистем психических процессов, а также деятельностных структур.

Наконец, при экспликации субсистемного уровня следует учитывать, что максимально обобщенными – интегративными «составляющими» психики в целом, ее двумя максимально обобщенными макроуровнями, подсистемами и пр. является все то, что зафиксировано в понятиях *осознаваемого* и *неосознаваемого* (бессознательного). Они, наряду с их глубочайшими различиями, обладают и фундаментальной общностью, поскольку выступают двумя основными временными формами бытия психического. Иначе говоря, они выступают такими его модусами, которые атрибутивно взаимоотношают себя именно во временном отношении: они сменяют друг друга, а сама как раз и образует феноменологически – субъективно представленную «ось времени», субъективное время как таковое.

В плане обоснования конструктивности предложенного и реализованного подхода к структурной экспликации субъективного времени показательным явилось и то, что с его позиций оказалось возможным выявить и объяснить еще один специфический уровень субъективного времени – *элементный*. Его содержание обусловлено одной из важнейших закономерностей организации психических процессов. Она состоит в том, что сущность любого процессуально-психологического образования, а также его содержание, взятое и в его качественной определенности, и в его качественной специфичности, связано именно с его операционным составом и, фактически, детерминировано им. Особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. Поэтому именно через

обращение к понятию *операционного состава* и через его приоритетное исследование – в том числе и в плане его временной организации открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования психических процессов и как базовых компонентов собственно временной организации. Необходимо особо учитывать и то, что одним из главных, а не исключено, – и определяющих механизмов формирования и развития психических процессов является не только возникновение у них качественно специфического операционного состава, но и обретение им черт именно временной организации.

С позиций этих представлений новой – очень важной и, не исключено, определяющей гранью раскрывается одно из базовых понятий психологии – понятие операций. Дело в том, что они выступают базовыми и относительно наименее сложными составляющими – элементами процессуального содержания психики. Их важнейшая черта заключается в том, что они, равно как и их деятельность аналогичные – также операции, но как составляющие действия, имеют неосознаваемый – автоматизированный характер. Данное положение является принципиальным с точки зрения рассматриваемых здесь вопросов, поскольку оно имеет самое непосредственное отношение к феномену субъективного времени. Дело в том, что оно как таковое возникает и становится субъективной реальностью только там и тогда, где и когда порождается сам феномен сознания; сознание как субъективная реальность и субъективное время как нечто переживаемое во многом взаимопрождающие сущности. Отсюда следует, что при редукции свойства осознаваемости редуцируется и само субъективное время. Те психические процессы и явления, которые сопровождаются этим свойством, переживаются и как представленные во времени, а те, которые лишены этого свойства, не генерируют субъективное время. Именно такими образованиями как раз и являются операции. Их основной атрибут – это именно неосознаваемый характер; следовательно, они не сопровождаются переживанием времени, не образуют факта субъективного времени. Можно сказать также, что перевод каких-либо процессов на уровень операций приводит к *редуцированию* субъективного времени. В связи с этим, со всей очевидностью обнаруживается важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. Оно состоит в том, что операции должны быть поняты как типичные представители одной из основных сфер психического – сферы бессознательного, неосознаваемого.

Однако, тем самым, на проблему операций и на трактовку их психологического смысла и содержания обязательно должен быть перенесен тот концептуальный и понятийный потенциал, который соотносится с фундаментальной по своей значимости и широте проблемой бессознательного в психологии. Они, в отличие от действий и иных более сложных образований, в том числе и процессуальных, не имеют осознаваемой цели и, следовательно, утрачивают атрибут осознаваемости. В силу этого, они никоим образом не загружают канал осознаваемой регуляции, произвольно контролируемой переработки информации – не включаются в него. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: тем самым они не входят в психологическое настоящее, в содержание состояния сознания в тот или иной момент времени. Следовательно, и их временная организация является существенно иной: для нее отнюдь не обязательно их строго последовательное чередование. Напротив, они могут структурироваться на ином, нежели принцип последовательности, принципе переработки. Действительно, реализуясь автоматически, в форме навыков, а потому не требуя «однофокусности» – концентрации сознания на них, они допускают принципиальную возможность их синхронизации – временного синтеза и, следовательно, реализации совмещенно друг с другом, одновременно. Иначе говоря, они вполне допускают по отношению к своей организации реализацию принципа параллельности переработки информации и организации деятельности в целом. Отсюда с логической необходимостью вытекает вывод, согласно которому система операций, поскольку она реализуется в неосознаваемой форме, допускает организацию и реализацию на основе принципа параллельности (полипроцессорности). Но это же означает, что и само бессознательное, по-видимому, также функционирует, преимущественно именно на основе этого же принципа.

Итак, на элементарном уровне феномен субъективного времени подвергается, пожалуй, наиболее радикальной трансформации, поскольку он не просто тем или иным образом видоизменяется, а практически полностью редуцируется, по крайней мере – феноменологически. Можно сказать, что на этом уровне феномен субъективного времени представлен в полностью *инвертированном* виде – как отсутствие субъективного времени, что, разумеется, не означает редуцирование собственно объективного времени. Утрата атрибута

осознаваемости автоматически приводит к редукции именно ощущения времени. Тем самым вновь, но уже посредством доказательства «от обратного», эксплицируется глубинная связь субъективного времени с сознанием – как свойством и рефлексией как процессом.

Наряду этим, такого рода трансформации вовсе не являются лишь эпифеноменом, поскольку за ними скрыт весьма важный смысл и функциональное предназначение. Дело в том, что такого рода перевод в несознаваемую форму и не загружаемость операциями уровня сознания является важнейшей предпосылкой для возможности реализации кардинально иного принципа переработки информации, чем тот, который характерен для осознаваемого уровня. Это – уже отмеченный переход от одноканального принципа к многоканальному, от монопроцессорности к полипроцессорности. Существенно и то, что эти два типа начинают соседствовать в общем процессе переработки информации – они представлены в синергии друг с другом, что, естественно, резко повышает функциональный ресурс психики в целом. Точно так же как порождение субъективного времени и его дальнейшее использование может выступать в качестве операционного средства функционирования психики, его же редукция может выступать в аналогичном статусе. Редукция осознаваемости и, следовательно, ощущения времени, создает основу для самого принципа поликанальности, полпроцессорности.

Таким образом, можно видеть, что все дифференцированные уровни, действительно, обладают не только явно представленным и весьма специфическим для каждого содержанием, но и глубокими и множественными – качественными различиями. Именно это и является решающим аргументом в пользу обоснованности их выделения как таковых. Наряду с этим, констатация данного основного обстоятельства делает более понятной и еще – наиболее характерную и общую особенность субъективного времени. Дело в том, что и субъективное время как таковое, и время в целом – как некоторая, пусть и специфическая, но все же реальность обладает интересной и даже парадоксальной особенностью, внутренней противоречивостью.

С одной стороны, мало что другое имеет столь не данный чувственному познанию характер, такую принципиальную нечувственность, как оно. Само понятие восприятия времени отнюдь не лишено метафоричности и даже парадоксальности, которая, впрочем,

давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений и возражений. Она состоит в том, что именно время является такой сущностью, которая носит принципиально внечувственный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть трудности состоит в том, что несмотря на невосприимчивость, оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального и загадочного свойства психики, которое состоит в наличии способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность очень высокой степени сложности, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивности к идеальному. Это отражено и в известных дискуссиях относительно его несуществования как объектной реальности – того, что и может выступать в качестве источника чувственности. С другой стороны, мало что иное сопряжено с таким большим числом терминов и выражений, в которых фиксируется именно его восприимчивость, чувствительность к нему. В связи со всем этим, и возникает вопрос: почему, собственно говоря, сложилась такая ситуация? Только ли это «ошибка познания» или же отражение некоторой глубинной закономерности? И только ли это ошибка познания или же «недоработка эволюции» в ходе которой почему-то – несмотря на важнейшую роль этого атрибута – не сформировался специальный орган – модальность, предназначенная для его «отражения»?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос состоит в том, что – именно в силу его предельной важности и оправляющей роли – оно не может и не должно быть прерогативой какого-либо *одного*, пусть и крайне значимого уровня психики. Оно и приспособление к нему не только предполагают, но и требуют опоры на все эти уровни. То, что у него отсутствует какой-либо специальный орган, а тем более модальность, направленная на его воспроизведение, это свидетельство не его малой значимости, а напротив, его огромной значимости. Сводить «работу» с ним к какому-то парциальному компоненту психики – значит преуменьшать эту роль. Наоборот, он столь значимо что требует опоры на всю ее структуру. Тем самым можно видеть, что, с одной стороны, опять-таки в структуре самой психики адекватно отображается

объективная реальность: в ней нет времени как объективной сущности и, следовательно, само это отсутствие адекватно воспроизводится отсутствием и специфической модальности, сопряжённой с ним. Поэтому сама структура психики является одним из аргументов в дискуссиях о существовании или несуществовании времени. С другой стороны, за этим отсутствием парциального, локального механизма стоит присутствие гораздо более важного средства – уровневой, а значит комплексной и более сложной структуры адаптации к нему, воспроизводящей структурное строение психики в целом.

Наконец, вся совокупность этих результатов позволяет сделать и еще несколько заключений наиболее обобщающего плана. Первое из них заключается в том, что феномены и явления, средства и механизмы, особенности и закономерности субъективного времени атрибутивно сопряжены практически со всеми основными психическими процессами и образованиями, включены в них и составляют их неотъемлемый аспект. Они обладают известным в науке свойством «вездесущести», распределенности по более общей системе, атрибутом которой они выступают. Причем, очень показательно, что они сопряжены не только с какими-либо относительно локальными процессами и образованиями, а с теми, которые являются наиболее важными и определяющими для психики в целом – с психическими процессами и функциями, с сознанием, со знаниями, с бессознательным, с операциями. Более того, сущность и содержание этих понятий также неразрывно сопряжено с темпоральностью, с категорией времени, являясь в значительной степени ее отображением на уровне психического. Так, понятие процесса даже этимологически содержит момент динамичности, диахронии, временного развертывания как определяющий. То же самое относится и к понятию функции, поскольку функционирование это и есть бытие любой сущности во времени. Наряду с этим, важнейшими атрибутами сознания являются его трансцендентность, и эмерджентность, что также эксплицирует его как «поточковый» феномен – как то, что объективно может существовать лишь перманентно трансформируясь вдоль «оси времени» и, более того, образуя эту «ось» и, следовательно, субъективное время.

Второе – непосредственно связанное с предыдущим обобщающее заключение состоит в следующем: именно потому, что субъективное время сопряжено не с рядовыми, а с определяющими

процессами и структурами, оно по своей собственной организации в значительной степени *изоморфно* структурно-уровневой организации психики в целом. Оно включено во все ее базовые уровни, играя важную роль в их организации и функционировании. Действительно, оно представлено в разных – каждый раз специфических, но всегда определяющих их формах и на основных уровнях ее структурной организации в целом. Оно представлено и на сенсорно-перцептивном, и на процессуально-психологическом уровне, и на уровне сознания, и на уровне ее функциональных основ, а также на уровне бессознательного. Подчеркнем, что совокупность именно этих пяти уровней не только наиболее полно удовлетворяет базовым теоретическим представлениям о структурно-уровневой организации психики, но и полностью удовлетворяет общесистемному критерию-дискриминатору уровневой дифференциации, разработанному в методологии системного подхода. Тем самым получает свое комплексное подтверждение сформулированная нами общетеоретическая гипотеза о *структурно-уровневом* принципе организации субъективного времени как основным для него. Вместе с тем, истинная сложность такой организации заключается в том, что она присуща не самому субъективному времени как таковому, а тому субстрату – его носителю и атрибутанту, который его и порождает – самой психике. Сквозь субъективное время всегда «просвечивает» то, атрибутом чего оно выступает (психики в ее структурно-уровневой организации) Субъективное время также и «высвечивает» эту организацию, в связи с чем его исследование выполняет важную методическую – познавательную функцию по отношению к исследованию самой психики. Субъективное время эксплицируется не только в его предметном модусе – не только как то, что исследуется, а в его методологическом и методическом модусе – как то, посредством чего нечто исследуется.

Третье заключение состоит в том, что, как опять-таки предсказывалось априорно, субъективное время, взятое в комплексе его особенностей и закономерностей, средств и механизмов воплощено в самой структуре организации психики – встроено в нее, выступая тем самым в своей инструментальной функции. Психика уже своим «устройством» адекватно и полно отображает и воплощает важнейший атрибут реальности – время, темпоральность как характеристику объективной действительности. Не только ее закономерности,

но и само устройство – прежде всего, уровневое воспроизводит в себе темпоральность и тем самым обеспечивает важнейшее условие адаптации к действительности. Оно выступает не только как операнд, но и как активный оператор – хотя, повторяем, и опосредствованно, то есть через его реализованность в субстанциональных основах психики, в ее основных операционных средствах. Тем самым эксплицируется наиболее глубинный и значимый пласт субъективного времени – его реализованность в самой структурной организации психики, воплощенность в ней как комплексного инструментального, операционного средства. Выявление этого пласта означает и кардинальную переориентацию самой психологии субъективного времени – от изучения его феноменологии и свойств, особенностей и закономерностей к изучению темпоральности как основы и принципа структурной организации психики. Это переход от приоритетного рассмотрения того, в чем оно *проявляется* и каковы его особенности и закономерности к первоочередному рассмотрению того, в чем оно *заключается* не только как базовый атрибут субъективной реальности, но и как фундаментальный операционный механизм ее порождения и функционирования. Такой переход был обозначен как дополнение экзопсихологии субъективного времени его эндопсихологией.

Четвертое обобщающее заключение состоит в том, что в свете полученных материалов раскрывается еще большая сложность феномена субъективного времени по отношению к традиционным представлениям о нем и даже его некоторая противоречивость. Дело в том, что в психике в органичном единстве представлены базовые средства отображения реальности не только в диахроническом – динамическом плане, но и в присущей ей инвариантности. Субъективное время соединяет в себе его репрезентированность и как течение, достигаемое через процессуальность, и как некоторую несомненную данность – как именно настоящее. Оно обеспечивается посредством ощущения, сознания и знаний (которые и являются этим настоящим). Дело в том, что и сенорезка, и сознание принципиально апроцессуальны, чем и отображается инвариантность реальности, в отличие от противоположной природы самой процессуальности, за счет которой отображается ее вариативность – в том числе, и темпоральная, репрезентированная как субъективное время. Приспособление к времени, феномен субъективного времени атрибутивно двуедин –

симметричен. Наряду со средствами, конституирующими время как течение, как развертывание, существуют и средства, направленные на «преодоление» такой текучести – на порождение самого настоящего. Сама же «ось времени» эксплицируется не как гомогенный континуум (что, напротив, характерно для физического времени представленного как стрела времени), а как единство дискретного и континуального. Она включает цепь (и в этом отношении – континуум) дискретных сущностей – психических «настоящих» (и в этом плане аконтинуально). Кроме того, в этой связи раскрывается и своего рода темпоральная двойственность, точнее двуединство базовых понятий психологии. Так, ощущения и сознание имеют, с одной стороны, подчеркнута апроцессуальный характер, выступая средствами отображения стабильности объективной реальности. Однако они же имплицитно сопряжены и с тем, что в них представлен момент процессуальности – диахронии. Так, по отношению к сознанию это представлено в том, что оно имеет в качестве своей основы именно специфически процессуальное образование – макропроцесс рефлексии. Апроцессуальность сознания – не более чем иллюзия, точнее, адаптивное средство, позволяющее конституировать реальность в ее инвариантом модусе – как нечто настоящее (и в содержательном и во временном смысле). Точно так же и по отношению к ощущениям эксплицируется их принципиальное двуединство. Дело в том, что они обладают уникальной особенностью, которая отсутствует практически у всех иных психических образований. Она состоит, что ощущения – это одновременно не только модальности, но и процессы, что отражено даже в их этимологии. Наряду с этим, в двух других – базовых составляющих психики – процессах и функциях, напротив, с максимальной очевидностью представлен противоположный – диахронический, собственно темпоральный аспект. Они носят атрибутивно темпоральный характер и вообще являются воплощением темпоральности как таковой. Однако, и в них также имплицитно представлены моменты синхронии, Они заключаются том, что, во-первых, принципиальной особенностью организации психики в целом и процессов, в частности, является то, что они даны только в их результативных, итоговых эффектах, то есть в относительно статических образованиях. Во-вторых, в еще большей мере это относится и к репрезентированности в субъективной реально-

сти функций: они даны только как некоторое ощущение, как фон, как итоговое состояние, но не в их механизмах и средствах, то есть не процессуально, а феноменологически.

Показателен, хотя практически не изучен в этом плане, и статус бессознательного. Дело в том, что в нем, точнее на его уровне субъективно время феноменологически вообще редуцируется. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в нем имплицитно представлены все три базовых модуса времени – прошлое, настоящее и будущее. Так, оно – по своему функциональному предназначению во многом и направлено на становление субъективного опыта, на аккумуляцию информации и средств взаимодействия со средой и на их фиксацию. Его становление – это и есть формирование прошлого, а его содержание – это и есть прошлое личности. Однако, и ее настоящее, как показано выше, возможно только благодаря феномену сознания, то есть благодаря тому, что нечто переводится на его уровень, осознается. Вместе с тем, сам акт осознания, точнее его механизмы объективно предполагает перевод неосознаваемого в осознаваемое, то есть опять-таки невозможен без участия бессознательного. Поэтому настоящее «делается» не только сознанием, но и бессознательным. Наконец, поскольку, как показано выше, бессознательное – это и сфера виртуального в психике, то есть того, что, не существуя в тот или иной момент как актуальное, тем не менее, может становиться им, то в нем имплицитно представлено и будущее. Оно чревато будущим и является его предпосылкой. Тем самым раскрывается интегративная роль бессознательного по отношению к обеспечению синтеза всех трех модусов времени, обеспечения его непрерывности и континуальности.

Наконец, следует подчеркнуть, что все представленные материалы, раскрывая особенности и закономерной структурной организации субъективного времени, не только позволяют, но и требуют перехода к исследованию иных базовых категорий его закономерностей – прежде всего, функциональных и генетических. Собственно говоря, именно это предписывается и общей – комплексной стратегией исследования, положенной в основу всей этой работы. К ним, следовательно, теперь необходимо перейти, что и составит предмет рассмотрения в следующем томе.

Список литературы

1. Аарелайд А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени // Изв. АН ЭССР. – Общественные науки. – 1978. – № 27/3. – С. 268–280.
2. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – Москва: Владос, 1994. – 334 с.
3. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – Москва: Наука, 1980. – 335 с.
4. Аванесян М. О. Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. – С. 283–282.
5. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонийского. – Москва: Ренессанс, 1991. – 486 с.
6. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб: Речь, 2003. – 290 с.
7. Адамар Ж. Исследование психологии изобретения в области математики. – Москва: МЦНМО, 2001. – 127 с.
8. Айзенк Г. Ю. Структура личности. – СПб: Ювента, 1999. – 463 с.
9. Акопов Г. В. Проблема сознания в психологии: Отечеств. платформа. – Самара: Сам. гос. пед. ун-т, фак. психологии, 2002. – 206 с.
10. Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2010. – 270 с.
11. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – Москва: Мир, 1974. – 272 с.
12. Аксенов Г. П. Причина времени. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 243 с.
13. Александров Ю. И. и др. Основы психофизиологии. – Москва: ИНФРА-М, 1997. – 430 с.
14. Аллахвердов В. М. и коллеги. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. – СПб, 2006. – 352 с.
15. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. Т. 1. Экспериментальная психологика. – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.
16. Алюшин А. Л., Князева Е. М. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. Ин-т философии. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 239 с.
17. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. АН СССР, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1977. – 380 с.

18. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1986. – 368 с.
19. Анастаси А. Психологическое тестирование. – Москва: Педагогика, 1982. Кн. 1. – 318 с.; Кн. 2. – 295 с.
20. Андерсон Дж. Когнитивная психология. – СПб: ПИТЕР, 2002. – 492 с.
21. Андреева Г. М. Социальная психология. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 375 с.
22. Андреева С. Г. Проблема психологического времени // Вестник Камчатского государственного технического университета. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ. – № 8. – С. 81–87.
23. Анисимов О. С. Рефлексия и методология. – Москва: Экономика, 1991. – 415 с.
24. Анисов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. – Москва, 1991. – 151 с.
25. Анохин П. К. Избранные труды. – Москва: Наука, 1978. – 399 с.
26. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. – Москва: Наука, 1978. – 400 с.
27. Антология мировой философии. В 2 т. – Москва: Политиздат, 1970.
28. Антология мировой философии: в 4 т. АН СССР. Ин-т философии / под ред. В. В. Соколова. – Москва: Мысль, 1969–1973.
29. Антропов В. В. Этика и религия в философии Людвига Фейербаха // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. 2004. – № 1. – С. 98–117.
30. Аптер М. За пределами черт личности: реверсивная теория мотивации. – Луцк: Медиа, 2004. – 111 с.
31. Архангельский Г. А. Корпоративный тайм-менеджмент. Энциклопедия решений. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 160 с.
32. Архангельский Г. А. Организация времени. От личной эффективности к развитию фирмы. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 441 с.
33. Ардабьев А. И. Атеизм Людвига Фейербаха. – Москва: АН СССР 1963. – 183 с.
34. Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. – Москва: Прогресс, 1977. – С. 216–244.
35. Арлычев А. Н. Онтология и теория познания. – Москва: КД Либроком, 2016. – 224 с.
36. Арлычев А. Н. Сознание: информационно-деятельностный подход. – Едиториал УРСС, КОМКНИГА, 2005. – 132 с.
37. Аристотель. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 392 с.

38. Аристотель. Метафизика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 601 с.
39. Асеев В. Г. Значимость и временная стратегия поведения // Психол. журнал. – 1981. – № 6. – С. 28–37.
40. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва: Мысль, 1976. – 158 с.
41. Асеева И. А. Философская рефлексия будущего (на материале русской философии рубежа XIX–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 52–58.
42. Аскин Я. Ф. К вопросу о временной структуре процесса развития // Проблемы структуры в научном познании. – Саратов, 1965. – С. 12–17.
43. Аскин Я. Ф. Проблема времени и ее философское истолкование. – Москва, 1976. – 200 с.
44. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. – 1978. – № 1. – С. 70–80.
45. Асмус В. Ф. Очерки по истории диалектики в новой философии. – Москва-Л: Красный пролетарий, 1930. – 247 с.
46. Аткинсон Р. Человеческая память. – Москва: Прогресс, 1980. – 528 с.
47. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция, управление. – Москва: Политиздат, 1986. – 320 с.
48. Ахундов М. Д. Концепции пространства и время. Истоки, эволюция, перспективы. – Москва: Наука, 1982. – 259 с.
49. Багрова Н. Д. Фактор времени в восприятии человеком. – Ленинград: Наука. 1980. – 96 с.
50. Балашова Е. Ю., Портнова Г. В. Возрастные особенности психического отражения времени // Психология зрелости и старения. – 2006. – Т. 1, № 3. – С. 5–23.
51. Балонов Л. Я., Деглин В. Л., Кауфман Д. А., Николаенко Н. Н. О функциональной специализации больших полушарий мозга человека в отношении восприятия времени // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л: Наука, 1980. – С. 119–124.
52. Барабанщиков В. А. Системогенез чувственного восприятия. – Москва-Воронеж, МОДЭК, 2000. – 459 с.
53. Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность Восприятие. Общение. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 479 с.
54. Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. – 2015. № 4 (20). – С. 130–140.

55. Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. И. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности // Бессознательное. Т. 1. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – С. 52–87.
56. Батуев А. С., Куликов Г. Л. Введение в физиологию сенсорных систем. – Москва: Высш. школа, 1983. – 247 с.
57. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.
58. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. – Москва: Русские словари, 2002. – 800 с.
59. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопов в романе // Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – С. 234–407.
60. Бедный Г. З. Временная структура деятельности и психологические проблемы обучения // Вопросы психологии. – № 4. – 1985. – С. 108–112.
61. Безгодова С. А. Суждение о времени как социально-психологический феномен // Психология человека: интегративный подход в психологии. – СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена, 2004. – Вып. 2. – С. 12–20.
62. Беленков Н. Ю. Принцип целостности в деятельности мозга. – Москва: Медицина. 1980. – 311с.
63. Беленькая Л. Я. К вопросу о восприятии временной длительности и его нарушениях // Исслед. по психологии восприятия / под ред. С. Л. Рубинштейна. – Москва: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 324–358.
64. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3 (19). – С. 140–147.
65. Беляева-Экземплярянская С. Н. Об экспериментальном исследовании субъективного отсчета времени человеком // Вопросы психологии. – 1965. – № 5. – С. 59–71.
66. Бергсон А. Время и свобода воли. – Москва, 1911. – 238 с.
67. Бергсон А. Длительность и одновременность. – СПб., 1923. – 160 с.
68. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. Т. 3. – СПб: Изд-во М. И. Семенова, 1913. – 391 с.
69. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. – Москва: Московский клуб, 1992. Гл. 2. – С. 82–111.
70. Бердик А. Куда летит время. – Москва: Эксмо, 2018. – 509 с.
71. Бердяев Н. А. Смысл истории. – Москва: Мысль, 1990. – 173 с.
72. Березина Т. Н. Вероятностные представления времени // NB: Философские исследования. – 2013. – № 11. – С. 50–80.
73. Березина Т. Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. – Москва: ПЕР СЭ, 2001. – 319 с.

74. Березина Т. Н., Абульханова К. А. Время личности и время жизни. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 299 с.
75. Беркли Дж. Сочинения. – Москва: Мысль, 1978. – 556 с.
76. Бернштейн Н. А. О построении движений. – Москва: Медгиз, 1947. – 255 с.
77. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. – Москва: Наука, 1990. – 495 с.
78. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 28–61.
79. Бертран М. Бессознательное в работе мысли // Вопросы философии. – № 12. – 1993. – С. 35–41.
80. Бессознательное. Матер. Междунар. симп. – В 4-х т. Тбилиси: Мецниереба, 1978–1985.
81. Бехтерев В. М. Сознание и его границы. – Москва: Академический Проект, 2000. – 32 с.
82. Биологические ритмы / под. ред. Ю. Ашоффа. В 2 т. – Москва: Мир, 1984.
83. Бланко Д. Пространство – это вопрос времени. – Москва: Де Агостини, 2015. – 175 с.
84. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – Москва: Наука, 1973. – 270 с.
85. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофсдтедтер Л. Мозг, разум, контроль за поведением. – Москва: Прогресс, 1988. – 712 с.
86. Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. – Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 480 с.
87. Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. – Москва: СПб.: Речь, 2000. – 440 с.
88. Бодрова Е. В., Юдина Е. Г. Исследование генезиса механизмов рефлексивной саморегуляции познавательной деятельности // Новые исследования в психологии. – Москва: Педагогика, 1986. – С. 26–30.
89. Болгов В. И. Категория времени в социальном измерении и планировании и проблема экономии времени. Социал. исслед. 1970, – Вып. 6. – С. 7–71.
90. Болдачёв А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. – Москва: УРСС, 2011. – 211 с.
91. Болотова А. К. Психология организации времени. Гос. ун-т Высш. шк. экономики. Москва: Аспект Пресс, 2006. – 254 с.
92. Болотова А. К. Психология времени в межличностных отношениях. – Москва, МПСИ, 1997. – 120 с.

93. Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров (гл. ред.). 3-е изд. Т. 25. – Москва: Сов. энциклопедия, 1976. – 601 с.
94. Большой философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. Т. 2. – 588 с.
95. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 151 с.
96. Борбели А. Тайна сна. – Москва: Знание, 1989. – 191 с.
97. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Временная организация нервно-психической деятельности человека // Фактор времени и функциональная организация деятельности человека. – Л., 1980. – С. 112–116.
98. Бредун Е. В. Типологические особенности субъективного восприятия времени: хронопический контекст: автореферат дис. ... кандидата психологических наук. – Томск, 2018. – 23 с.
99. Brentano Ф. Избранные работы. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
100. Брунер Дж. Психология познания. – Москва: Прогресс, 1977. – 378 с.
101. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. – Москва: Мысль, 1979. – 230 с.
102. Брэдик У. Менеджмент в организации. – Москва: ИН-ФРА-М. – 312 с.
103. Буономано Д. Мозг – повелитель кремния. Как наш мозг чувствует и измеряет ход времени. – Москва: Эксмо, 2019. – 320 с.
104. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – Москва: Мысль, 1972. – 549 с.
105. Валлон А. Психическое развитие ребенка. – Москва: Просвещение, 1967. – 208 с.
106. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121–131.
107. Вартофский М. Модели, репрезентация и научное понимание. – Москва: Прогресс, 1988. – 507 с.
108. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
109. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления кризисных ситуаций. – Москва: МГУ, 1984. – 180 с.
110. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – Москва: Смысл, 2000. – 685 с.
111. Веккер Л. М. Психические процессы. – Л.: ЛГУ, 1974–1976. Т. 1. 334 с.; Т. 2. – 341 с.

112. Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. – 1988. – № 11. – С. 3–25.
113. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. – Москва: Академия, 2006. – 448 с.
114. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. – Москва: МГУ, 1993. – 304 с.
115. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – Москва: Прогресс, 1988. – 221 с.
116. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. – Москва: Наука, 1979. – 389 с.
117. Вертгаймер М. Продуктивное мышление. – Москва: Прогресс, 1987. – 336 с.
118. Винер Н. Поведение, целесообразность и телеология // Винер Н. Кибернетика. – Москва: Наука, 1983. С. 297–307.
119. Виценко В. О. Образ времени у представителей различных религиозных конфессий. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 29 с.
120. Власов В. Д. Приключения объективной реальности. Об отношениях внутреннего и внешнего миров. – Москва: Изд-во МИФИ, 1993. – 158 с.
121. Волкова С. Ю. Влияние уровня тревожности на оценку времени // Вопросы сенсорного восприятия. – Свердловск, 1987. – С. 140–145.
122. Воронков С. Ф. Психофизиология сенсорных систем человека. – Барнаул, АлГУ, 2001. – 100 с.
123. Восприятие времени человеком и его роль в спортивной деятельности / Н. И. Моисеева, Н. И. Караулова, С. В. Панюшкина. – Ташкент: Медицина, 1985. – 157 с.
124. Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. – Москва: Наука, 1966. – 322 с.
125. Вудроу Г. Восприятие времени // Экспериментальная психология / под ред. С. С. Стивенса. – Москва, 1963. Т. 2. – С. 859–874.
126. Вундт В. Введение в психологию. – Москва: КомКнига, 2007. – 168 с.
127. Вшивкова А. А. Время в философии и психологии // Исследования молодых ученых : материалы III Междунар. науч. конф. – Казань: Молодой ученый, 2019. – С. 31–38.
128. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4. – Москва: Педагогика, 1984. – 376 с.

129. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Выготский Л. С. Собрание сочинений. – Т. 1. – С. 78–99.

130. Габрова М. В. Парадокс настоящего и субъективное время // Психология личности и время. – Черновцы, 1991. – Сб. 1. – С. 87–89.

131. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 468 с.

132. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – Москва: Прогресс-традиция, 2006. – 459 с.

133. Гайденко П. П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 134–150.

134. Галилей Г. Избранные труды в 2 т. – Москва: Наука, 1964.

135. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. – Л.: ЛГУ, 1979. – 211 с.

136. Гареев Е. М. Особенности формирования субъективной оценки времени в онтогенезе // Вопросы психологии. – 1977. – № 5. – С. 114–119.

137. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. – Москва: Госполитиздат: Соцэкгиз, 1956. Т. 3. – 371 с.

138. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. Система наук. Часть 1. Феноменология духа. 1959. Т. 4. – 438 с.

139. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Москва: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. – 471 с.

140. Геллерштейн С. Г. «Чувство времени» и скорость двигательных реакций. – Москва, 1958. – 148 с.

141. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. – Москва: АН СССР, 1957. – 212 с.

142. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – Москва: Прогресс, 1988. – 462 с.

143. Гилбрет Ф. Б. Азбука научной организации труда. – М-Л.: Френкель, 1925. – 140 с.

144. Гоббс Т. Левиафан. – Москва: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

145. Голиков Ю. Я., Костин А. Н. Проблема методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий // Психол. журн. – 1995. – № 4. – С. 11–25.

146. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев, 1984. – 267 с.

147. Головин О. Д., Симуткин Г. Г. Модель организации переживания и восприятия времени при аффективных расстройствах // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – Т. 13. – № 1. – С. 27–34.
148. Горбатенко А. С. Системная концепция психики и общей психологии. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. – 106 с.
149. Горностай П. П. Личность и роль. Ролевой подход в социальной психологии личности. – Киев : «Интерпресс ЛТД», 2007. – 313 с.
150. Горобец Т. Н. Индивидуальное восприятие ритмов и циклов времени в контексте их социальной обусловленности // Мир психологии. – 2011. – № 3. – С. 160–168 с.
151. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. – Москва: Высшая школа, 1980. – 368 с.
152. Горькая Ж. В. Социокультурный анализ психологии восприятия времени // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 9. – С. 245–250.
153. Горяинов В. П. Исследование структуры сознания руководителей в период перестроечных процессов // Социологические исследования. – № 4. – 1992. – С. 69–77.
154. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. – Москва: МГУ, 1982. – 366 с.
155. Гоулман Д., Бояцис Р., МакКи Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управление людьми на основе эмоционального интеллекта. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 302 с.
156. Грегори Р. Разумный глаз. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
157. Гриценко М. Б. Время как одна из основных характеристик человеческого бытия в концепциях философии и лингвофилософии // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 800–805.
158. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. – Москва: Прогресс, 1969. – 590 с.
159. Губин В. Д. Бытие сознания. – Москва: Форум, 2007. – 308 с.
160. Гумилева Л. Н. Pro et contra: Личность и творчество Л. Н. Гумилёва в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2012. – 1007 с.
161. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 105–116.
162. Гурфинкель В. С., Левик Ю. С. Система внутреннего представления и управление // Вестник РАН. – Т. 65, 1995. – С. 29–37.

163. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. – Москва, 1994. – 162 с.
164. Гуссерль Э. Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1996. – 416 с.
165. Гуткина Н. И. Разделение рефлексии на виды при экспериментальном изучении // Психология личности: теория и эксперимент. Москва: Наука, 1982. – С. 49–50.
166. Гюйо Ж-М. Происхождение идеи времени. – СПб.: Т-во «Знание», 1989. – 140 с.
167. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык, 1980, Т. 2. – 554 с.
168. Данн Д. У. Эксперимент со временем. – Москва: Аграф, 2000. – 223 с.
169. Декарт Р. Избранные произведения. – Москва: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
170. Делокаров К. Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // Общественные науки и современность. – Москва, 2000. – № 6. – С. 110–118.
171. Деннет Д. С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – Москва: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
172. Дерябина А. С. Личностное время как социальная проблема // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 3. – С. 9–13.
173. Дерябина А. С. Теоретический анализ проблемы времени в психологии // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – Т. 2. – С. 73–76.
174. Деятельность: теория, методология, проблемы. – Москва: Политиздат, 1990. – 359 с.
175. Джан Р., Данн Б. Границы реальности. Роль сознания в физическом мире. – Москва: Институт высоких температур РАН, 1995. – 287 с.
176. Джеймс У. Психология сознания. – Москва: 1914. – 250 с.
177. Джеймс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. – 1913. – Сб. 4. – С. 102–127.
178. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.
179. Дмитриев А. С. К вопросу о восприятии и оценки времени // Восприятие пространства и времени. – Л., 1969. – С. 135–141.
180. Дмитриев А. С. Ориентация человека во времени // Успехи физиологических наук. – 1980. – Т. II. № 4. – С. 47–67.
181. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – Москва: Наука, 1977. – 272 с.

182. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – Москва: Смысл, 1993. – 456 с.
183. Доскин В. А., Лаврентьева Н. А. Ритмы жизни. – Москва, 1980. – 112 с.
184. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. – Москва: Правда, 1982. – Т. 8. – Ч. 1-2, 1982. – 460 с.; Т. 9., 1982. – 430 с.
185. Дроздова А. В. Экзистенциальное время как взаимосвязь вечности и повседневности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1996. – 18 с.
186. Дружинин В. Н. Онтология психической реальности // Проблемы субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва: Академический проект. 2000. – С. 64–75.
187. Дружинина Ю. В. Субъективное социальное время как элемент управления организационной культурой. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук Новосибир. гос. ун-т экономики и упр. – Новосибирск, 2010. – 23 с.
188. Дубровский Д. И. Психика и мозг. Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум. – Москва: Наука, 1994. – С. 6–26.
189. Дудел Дж. и др. Физиология человека. Т. 2. Физиология сенсорных систем. – Москва: Мир, 1985. – 238 с.
190. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. – Москва: Наука, 1965. – 234 с.
191. Дэвис А. Книга о времени. Секреты времени: как оно работает и как мы его измеряем. – Арт-Родник, 2012. – 256 с.
192. Дюбуа-Реймон Э. О границах познания природы. Семь мировых загадок. – Москва 1901. – 80 с.
193. Егоров В. В. Концепт времени в трудах философов разных эпох // Молодой ученый. – 2011. – № 12 (35). Т. 1. – С. 195–198.
194. Емельянов С. В., Наппельбаум Э. Л. Системы, целенаправленность, рефлексия // Системные исследования. – 1980. – Москва: Наука, 1981. – С. 7–30.
195. Ерофеева Т. Н. Социально-психологические детерминанты восприятия времени: дисс... канд. психол. наук. – Самара, 2006. – 181 с.
196. Ершов А. А. Время. – СПб.: ГУАП, 2000. – 134 с.
197. Жане П. Психический автоматизм. – Москва: Изд-во А. Портнякова, 1913. – 141 с.
198. Жане П. Психологическая эволюция личности. – Москва: Академический проспект, 2009. – 300 с.
199. Жаров А. М. Восприятие времени, психическое настоящее и неопределенность // Фактор времени в функциональной организации

деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л.: Наука, 1980. – С. 124–128.

200. Жаров А. М. Проблема времени и неопределенность. Ленингр. фин.-экон. ин-т им. Н. А. Вознесенского. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1987. – 159 с.

201. Жог В. И., Канке В. А. Проблемы реальности и статуса времени // Философские науки. – 1981. – № 2. – С. 34–38.

202. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 474 с.

203. Забелина Е. В. Психологическое время и экономическое сознание. Дис. ... докт. психол. наук. – Челябинск, 2021. – 338 с.

204. Забродин Ю. М., Бороздина Л. В. Оценка временных интервалов при разном уровне тревожности // Вестник МГУ. – Сер. 14. – 1983. – № 4. – С. 46–53.

205. Завалишина Д. Н. Полисистемный подход к исследованию мыслительных задач // Психол. журн. – 1995. – № 6. – С. 32–42.

206. Зайверт Л. Ваше время в ваших руках. – Москва, 1995. – 267 с.

207. Занков Л. В. Обучение и развитие. – Москва: МГУ, 1985. – 273 с.

208. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – Москва: Наука, 1966. – 114 с.

209. Заславский А. М. Темпоральная модель реальности // Время и человек (Человек в пространстве концептуальных времен). – Новочеркасск: «НОК», 2008. – С. 25–40.

210. Захарова К. С., Козловская В. А. Психологическое время: его значение и сущность / сост. Л. М. Ашихмина. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. – С. 71–74.

211. Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Релятивистская астрофизика. – Москва, 1967. – 654 с.

212. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 349 с.

213. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991. – № 2. – С. 15–37.

214. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. – Москва: АПН РСФСР, 1969. – 471 с.

215. Зинченко Ю. П. Психология виртуальной реальности. – Москва: МГУ, 2011. – 360 с.

216. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – Москва: ВШЭ, 2010. – 582 с.

217. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования, 1975. – Москва: Наука, 1976. С. 82–127.
218. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – Москва: Тривола, 1994. – 331 с.
219. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. – Самара: СамГПУ, 1998. – 187 с.
220. Знаков В. В. Психология возможного. – Москва: Изд-во «ИП РАН», 2021. – 257 с.
221. Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века. – Москва: МГУ, 1999. – 431 с.
222. Зубов В. П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. Москва: Изд-во АН СССР. 1963. – 368 с.
223. Зубова Л. В., Рыжухин А. В. Особенности восприятия времени: многогранность проблемы // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 10. – С. 64–66.
224. Иваницкий А. М. Сознание: критерии и возможные механизмы // Мозг и разум. – Москва: Наука, 1994. – С. 113–120.
225. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – Москва: Росспэн, 1997. – 464 с.
226. Ильенков Э. В. Философия и культура. – Москва: Политиздат, Москва: Росспэн, 1997. – 462 с.
227. Ильин В. В. Теория познания: Эпистемология. – М.: КД Либроком, 2011. – 136 с.
228. Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Кн. 1. – Москва: Русская книга, 1993. Т. 2. – 1994. – 591 с.
229. Ильин Е. П. Проблема способностей: два подхода к ее решению // Психологический журнал. – 1987. – № 2. – С. 23–31.
230. Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. – Москва: Смысл, 2004. – 319 с.
231. Каган М. С. Время как философская проблема // Вопр. филос. – 1982. – № 10. – С. 117–124.
232. Каган М. С., Эткинд А. М. Индивидуальность как объективная и субъективная реальность // Вопросы психологии. – № 4. – 1989. – С. 7–12.
233. Казарян В. П. Понятие времени в структуре научного знания. – Москва, 1980. – 176 с.
234. Камнева Е. В. Анализ психологического содержания временной перспективы в образе «Я» субъекта: в возрастном диапазоне от 6 до 18 лет: диссертация ... кандид. психол. наук. – Тула, 2002. – 191 с.

235. Камю А. Избранное. – Москва: Радуга, 1988. – 464 с.
236. Канеман Д. Внимание и усилие / пер. с англ. И. С. Уточкина. – Москва: Смысл, 2006. – 288 с.
237. Канке М. А. Формы времени. – Томск, 1984. – 225 с.
238. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений. Т. 7. – Москва: Наука, 1994. – 200 с.
239. Кант И. Собрание сочинений. Т. 6. – Москва: Наука, 1994. – 612 с.
240. Кардаш В. В. Измененные состояния сознания. – Москва: Сталкер, 1998. – 416 с.
241. Карнап Р. Философские основания физики. – Москва: Прогресс, 1971. – 392 с.
242. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. – Москва: РАО, 2018. – 698 с.
243. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 256 с.
244. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.
245. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию. – Москва: Изд. дом РАО, 2015. – 512 с.
246. Карпов А. В. К проблеме психических процессов // Психол. журн. 1986. – Т. 7. – № 6. – С. 21–31.
247. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2017. – 640 с.
248. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
249. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 358 с.
250. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – 98 с.
251. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. – Москва: Изд. дом РАО, 2015.
252. Карпов А. В. Психология менеджмента. – Москва: Гардарики, 1999. – 546 с.
253. Карпов А. В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. – Москва: Институт психологии РАН, 1991. – 180 с.
254. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. – Москва: Юристъ, 1998. – 435 с.

255. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 450 с.
256. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. – Москва: Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
257. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2012. – 494 с.
258. Карпов А. В. Структура и сущность субъективной реальности : в 2 т. – Москва: РАО, 2021.
259. Карпов А. В., Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психол. журн. – 2003. – Т. 24. № 5. – С. 45–57.
260. Карпов А. В. Системный подход как стратегия концептуализации в психологических исследованиях // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2003. – С. 31–53.
261. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2. Когнитивное обеспечение. – Москва: Изд. Дом РАО. – 580 с.
262. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 1. Метасистемный подход. – Москва: Изд. Дом РАО. – 620 с.
263. Карпов А. В., Карпова Е. В. Системогенез игровой деятельности: структурно-функциональная организация и генетическая динамика. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 533 с.
264. Карпов А. В., Климентова Т. А. Внутренний мир интеллектуально одаренного человека. – Иркутск: НУРВХ СО РАМН, 2009. – 299 с.
265. Карпов А. В., Леньков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь: ТГУ, 2006. – 448 с.
266. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта. – Ярославль: ЯрГУ, 2007. – 325 с.
267. Карпов А. В., Савина Н. С. Психическое выгорание в управленческой деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 305 с.
268. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 325 с.
269. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 320 с.
270. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. – Москва: РАО, 2021. – 619 с.

271. Карпов А. В., Шадриков В. Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 352 с.
272. Карпов А. В., Шадриков В. Д., Карпова Е. В., Субботина Л. Ю. Системогенез игровой деятельности: методологические и теоретические основы исследования. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 406 с.
273. Карпов А. В., Яценко Е. Ф. Психология способностей. – Челябинск: ЮГУ, 2007. – 325 с.
274. Карпов В. В. Сигнальное программирование и формирование оптимального темпа работы. Дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, ЯГПИ, 1964. – 180 с.
275. Карпова Е. В. Изменения субъективного времени в случаях психической патологии (сравнительное исследование адекватности временных интервалов): автореф. дис...канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 1987. – 25 с.
276. Карпова Е. В. Дидактические игры в начальный период обучения. – Ярославль: Академия развития, 1997. – 237 с.
277. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 560 с.
278. Карпова Е. В., Роговин М. С. Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 98–108.
279. Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб: Комплект, 1993. – 350 с.
280. Кассирер Э. Познание и действительность. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1912. – 454 с.
281. Катинас Г. С. Моисеева Н. И. Биологические ритмы и их адаптационная динамика // Экологическая физиология человека: адаптация человека к различным климато-географическим условиям. – Л.: Наука, 1980. – С. 468–515.
282. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации. Дисс... канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 2013. – 216 с.
283. Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Гештальтпсихология. – Москва: 1998. – 704 с.
284. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 263 с.
285. Клейн Л.С. Концепции времени в традиционной культуре // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб.: Лань, 2000. – С. 3–7.

286. Клеменс Дж. К., Далримпл С. Власть над временем. За пределами тайм-менеджмента. Как стать эффективным руководителем, изменив свое отношение к времени. – Москва: Добрая книга, 2007. – 255 с.

287. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. – Москва: Прогресс, 1978. – 350 с.

288. Климов Е. А. Психология профессионала. – Воронеж: МПСИ, 1996. – 400 с.

289. Климонтова Т. А. Самоорганизация внутреннего мира интеллектуально одаренного человека. – Иркутск, 2012. – 226 с.

290. Ключарев Г. А. Пространство и время в жизни человека. – Москва: Знание. – № 12. – С. 16–29.

291. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – Москва: Наука, 1988. – С. 216–230.

292. Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени // Активность и жизненная позиция личности. – Москва, 1988. – С. 110–127.

293. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – Москва: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.

294. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва: Прогресс, 1979. – 504 с.

295. Коломинский Я. Л. Человек: психология. – Москва: Просвещение, 1980. – 511 с.

296. Комбс А. Сознание: хаотическое и странно-аттракторное // Синергетика психология. Вып. 3. Когнитивные процессы. – Москва: Наука, 2004. – С. 48–60.

297. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – Москва: Политиздат, 1984. – 335 с.

298. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – Москва: Экономика, 1993. – 543 с.

299. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 256 с.

300. Конт О. Позитивная философия. – Санкт-Петербург: Вестник знания (В. В. Битнера), 1898. – 589 с.

301. Констандов Э. А., Важнова Т. Н., Генкина О. А., Захарова Н. Н., Иващенко О. И. Латерализация восприятия коротких интервалов времени и корковая вызванная активность у человека // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1984. – Т. 34, N 4. – С. 627–634.

302. Коробейникова Л. М. Восприятие времени в зависимости от сложности деятельности // Сенсорные и сенсомоторные процессы. – Москва: Педагогика, 1972. – С. 225–236.
303. Косилова Е. В. Философия и психология о сознании // Методология и история психологии. – Москва: Наука, 2009. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 25–47.
304. Коффка К. Основы психического развития. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – 260 с.
305. Кравков С. В. Самонаблюдение. – М.: Русский книжник, 1922. – 176 с.
306. Крайг Г. Психология развития. – СПб: Питер, 2000. – 992 с.
307. Краткий словарь по философии». Изд. 2-е / под ред. И. В. Блауберга, П. В. Копнина. – Москва: Политиздат. – 398 с.
308. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. – Москва: Смысл, 2022. – 303 с.
309. Кублицкене Л. Ю. Организация времени личностью как показатель ее активности. // Гуманистические проблемы психологической теории. – Москва, 1995. – С. 185–191.
310. Кузнецов О. Н., Алехин А. Н., Самохина Г. В. Моисеева Н. И. Методические подходы к исследованию чувства времени у человека // Вопросы психологии. – 1985. – № 4. – С. 140–144.
311. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – Москва: Политиздат, 1984. – 464 с.
312. Кун Т. Структура научных революций. – Москва: Прогресс. 1975. – 501 с.
313. Кунц Г., О’Доннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. – Москва: Прогресс, 1981. – 302 с.
314. Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование. – Москва: Капитал, 2018. – 333 с.
315. Кэррол Ш. Вечность. В поисках окончательной теории времени. – СПб: Питер. 2016. – 512 с.
316. Кюльпе О. Психология мышления // Хрестоматия по общей психологии. – Москва: Просвещение, 1981. – 191 с.
317. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. – Москва: Наука, 1995. – 271 с.
318. Ланге Н. Н. Психологический мир. – М.-Воронеж: МОДЭК, 1996. – 368 с.

319. Ландау Л. Д. О фундаментальных проблемах // *Theoretical physics in the 20 century: A memorial volume to W. Pauli* N.Y.; L.: Interscience (1960). – 111 p.

320. Ларичев О. И., Нарыжный Е. В. Компьютерное обучение процедуральным знаниям // *Психологический журнал*. – 1999. – Т. 20. № 6. – С. 53–61.

321. Лебедева Е. В. Особенности восприятия времени людьми пожилого и старческого возраста. Дисс. .. канд. психол. наук, УрГУ им. А. М. Горького, 2004.

322. Левич А. П. Время – субстанция или реляция? Отказ от противопоставления // *Философские исследования*. – 1998. – № 1. – С. 6–23.

323. Левич А. П. Тезисы о времени естественных систем // *Экологический прогноз*. – Москва, 1980. – 181 с.

324. Левин К. *Динамическая психология: Избранные труды* / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой. – Москва: Смысл, 2001. – 573 с.

325. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» // *Хрестоматия по истории психологии* / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – Москва, 1980. – С. 131–145.

326. Левченко В. В., Карпов А. В. *Психология состязательности: метасистемный подход*. – Пермь, ПГУ, 2016. – 602 с.

327. Лейбниц Г. В. *Сочинения*, в 4-х томах. Серия: *Философское наследие*. – Москва: Мысль. Т. 3. Теория познания, методология, логика и общая теория науки. 1984. – 734 с.

328. Лекторский В. А. Деятельностный подход вчера и сегодня // *Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания*. – Москва: Росспэн. – С. 15–27.

329. Лекторский В. А. *Субъект. Объект. Познание*. – Москва: Наука, 1980. – 340 с.

330. Леньков С. Л. *Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода* // *Журн. практической психологии*. – 2007. – № 4. – С. 37–49.

331. Леонтьев А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. – Москва: Политиздат, 1975. – 334 с.

332. Леонтьев, А. Н. *Избранные психологические произведения* в 2 т. – Москва: Педагогика, 1983. Т. 1. – 391 с.

333. Леонтьев Д. А. *Психология смысла*. – Москва: Смысл, 1999. – 486 с.

334. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.
335. Лефевр В. А. Рефлексия. – Москва: Когито-Центр, 2003. – 496 с.
336. Лешли К. С. Мозг и интеллект. – Москва: Огиз-Соцэкгиз. 1933. – 222 с.
337. Линдсей Г., Норман Д. Переработка информации у человека. Введение в психологию. – Москва: Мир, 1974. – 550 с.
338. Линьков Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. – Л.: ЛГУ, 1973. – 112 с.
339. Лисенкова В. П. Об особенностях отражения времени человеком // Психологический журнал. – 1981. – № 1, Т. 2. – С. 113–119.
340. Литвинов А. В., Иволина Т. В. Метакогниция: понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. – № 3. – 2013. – С. 59–68.
341. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». – Киев: Наукова думка, 1978. – 135 с.
342. Лой А. Н., Шинкарук Е. В. Время как категория социально-исторического бытия // Вопр. филос. – 1979. – № 12. – С. 73–86.
343. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. – Москва: Наука, 1978. – С. 156–172.
344. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. 1. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – 532 с.
345. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва: Наука, 1984. – 443 с.
346. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 280 с.
347. Луковников Н.Н. Нарастание дифференциации как закономерность развития психических процессов // Психол. журн. – 1985. – Т. 6, № 1. – С. 81–90.
348. Лурья А. Р. Основы нейропсихологии. – Москва: Издательский центр Академия 2013. – 384 с.
349. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 791 с.
350. Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем // Системные исследования, 1979. – Москва: Наука, 1980. – С. 78–90.

351. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – Москва: Прогресс, 1992. – 412 с.
352. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
353. Мандель Б. Р. Время на перекрестке наук: философия, культурология, психология и нейрофизиология // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 2–3. – С. 39–53.
354. Манифест метапознания // Дистанционное интернет-образование. URL: <http://www.elitarium.ru>.
355. Мардер Л. Парадокс часов. – Москва, 1974. – 223 с.
356. Мареева Е. В. Проблема души в классической и неклассической философии. – Москва: Академический проект, 2003. – 400 с.
357. Маркс К. Капитал. – Москва: Политиздат, 1983. Т. 1, 2. – 1952 с.
358. Мартиросян К. В. Структурные и содержательные особенности субъективного психологического хронотопа: на примере русских и армянских студентов: дис. .. канд. психол. наук. – Волгоград, 2021. – 198 с.
359. Маслоу А. Психология бытия. – М.-Киев «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 1997. – 304 с
360. Матюшкин А. Н. Основные направления исследований по психологии мышления // Психол. журн. – 1985. – Т. 6, № 1. – С. 3–14.
361. Мах Э. Анализ ощущений. – Москва: Территория будущего, 2005. – 300 с.
362. Медведев В. М. Самосознание личности. – Самара: Самар. акад. культуры и искусств, 2001. – 258 с.
363. Меджидова С. М. Психологические типы. Типология. – Баку, 2001. – 201 с.
364. Мелехин А. И. Восприятие и познание времени в пожилом и старческом возрасте: Обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 11–19.
365. Межжерин В. А. Биологическое время и его метрика // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л.: Изд-во АН СССР, 1980. – С. 20–24.
366. Ментальная репрезентация. – Москва: ИП РАН, 1998. – 320 с.
367. Мерлин, В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1990. – 110 с.
368. Мерринг Г. А. О различных формах отражения времени мозгом // Вопросы философии. – 1975. – № 7. – С. 119–124.

369. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – Москва: Мир, 1973. – 334 с.
370. Мескон М., Альберт М., Хедури Ф. Основы менеджмента. – Москва: Дело, 1992. – 620 с.
371. Метапсихология вчера, сегодня, завтра. – Ростов-на-Дону: Ин-т управления, бизнеса и права, 2005. – 311 с.
372. Метафизика. Научный журнал. 2013, № 1 (7).
373. Метцингер Т. Тоннель Эго. Наука о мозге и миф о своем Я. – АСТ, 2017. – 237 с.
374. Микеладзе Л. И. Восприятие времени при аффективных расстройствах в позднем возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – Москва, 2016. – 195 с.
375. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. – Москва: Прогресс, 1965. – 192 с.
376. Минделл А. Сновидение в бодрствовании. – Москва: Ганга, 2004. – 287 с.
377. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. – Москва: Институт психологии РАН, 1999. – 208 с.
378. Михальский А. В. Психология времени (хронопсихология): Учебное пособие. – Москва: МПГУ, 2016. – 72 с.
379. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. Москва, 2014. – 290 с.
380. Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. – Москва: Livebook, 2012. – 360 с.
381. Моисеева Н. И. Время в нас и вне нас. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 140 с.
382. Моисеева Н. И., Сысуев В. М. Временная среда и биологические ритмы. – Л., 1981. – 127 с.
383. Моллон Ф. Бессознательное. – Москва: Проспект, 2002. – 78 с.
384. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. – Москва: Высшая школа, 1998. – 144 с.
385. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – Москва: Наука, 1977. – 192 с.
386. Монтень М. Опыты. – Москва: Искусство, 1978. – 703 с.
387. Москвин В. А. Философско-психологические аспекты исследования категории времени / В. А. Москвин, В. В. Попович // Credo. – 1998. – № 6 (12). – С. 46–60.
388. Мостепатенко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. – Москва, 1974. – 240 с.

389. Мостепаненко А. М. Хроногеометрия и причинная теория времени // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – С. 56–66.
390. Муздыбаев К. Психология ответственности. URSS. 2017. – 248 с.
391. Муладжанова Т. Н., Николаева В. В. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием // Неврология и психиатрия. – 1986. – Вып. 15. – С. 14–17.
392. Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А. В. Брушлинский. – Москва: Наука, 1982. – 286 с.
393. Мэгун Р. Бодрствующий мозг. – Москва: Мир, 1965 – 212 с.
394. Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – 221 с.
395. Найссер У. Познание и реальность. – Москва: Прогресс, 1981. – 230 с.
396. Налимов В. В. Спонтанность сознания. – Москва: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 288 с.
397. Наумова Н. Ф. Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 159–176.
398. Наумова Н. Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования, 1983. – Москва: Наука, 1984. – С. 197–221.
399. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – Москва: Наука, 1970. – 601 с.
400. Нельсон А. Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 2. – С. 93–101.
401. Нестик Т. А. Социальная психология времени. – Москва: Издательство ИП РАН, 2014. – 496 с.
402. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. – Л.: ЛГУ, 1988. – 157 с.
403. Николаев В. И. Взлеты и падения метапсихологии // Метапсихология вчера, сегодня, завтра. – Ростов-на-Дону: Ин-т управления, бизнеса и права. – 2005. – С. 51–54.
404. Николаева Е. И. Дефолтная сеть (сеть пассивного режима работы мозга). Обзор иностранных источников Комплексные исследования детства. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 80–84.
405. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Москва: Мир книги, 2006. – 320 с.
406. Новейший философский словарь, 3-е изд. – Минск: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.

407. Новиков Ю. Ю. Время в философии А. Бергсона // *Метафизика*. – 2013. – № 1 (7). – С. 21–28.
408. Нуркова В. В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // *Психологический журнал*. – 1996. – № 2, Т. 17. – № 2. – С. 16–29.
409. Нюттен Ж. Мотивация // *Экспериментальная психология* / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Москва: Прогресс, 1975. Вып. 5. – С. 13–110.
410. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – Москва: Смысл, 2004. – 607 с.
411. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. – Москва: Тривола, 1998. – 357 с.
412. Оккам У. Семь избранных диспутов. // *Антология средневековой мысли* : в 2 т. Т. 2. – Москва: Изд-во РХГИ, СПб, 2001. – 530 с.
413. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. – Москва: Смысл, 2002. – 461 с.
414. Орлов А. Б. Развитие склонности и «временная перспектива» личности // *Основные проблемы общей, возрастной и педагогической психологии*. – Москва, 1978, – С. 6–9.
415. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. – Москва: Наука, 1966. – 299 с.
416. Основы сенсорной физиологии / под ред. Р. Шмидта. – Москва: МирГод, 1987. – 287 с.
417. Осуги С., Сазки Ю. Приобретение знаний. – Москва: Мир, 1990. – 303 с.
418. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // *Инженерная психология: теория, методология, практика*. – Москва: Наука, 1977. – С. 134–149.
419. Павлов И. П. Полное собрание трудов. – Москва, Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3. Кн. 1. – 392 с.
420. Парамузов А. В. Взаимосвязь восприятия психологического времени и управленческой идентичности руководителя. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 2021. – 36 с.
421. Парнюк М. А., Причепий Е. Н., Огородник И. В. Пространство и время: Материалистическая диалектика. – Киев: Наукова думка, 1984. – 153 с.
422. Пацакула И. И., Зайчикова И. В., Гудовская О. С. Психологический анализ представления о субъективном времени личности // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2–2.

423. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2005. – 688 с.
424. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – Москва: Едиториал УРСС, 2008. – 384 с.
425. Пенроуз Р., Хокинг С. Природа пространства и времени. – АСТ, 2018. – 159 с.
426. Перре-Клемон А. Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта детей. – Москва: Педагогика, 1991. – 240 с.
427. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 424 с.
428. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – Москва: ВШЭ, 2010. – 560 с.
429. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – Москва: Просвещение, 1969. – 660 с.
430. Пинкер С. Субстанция мышления. – Москва: УРСС Книжный дом «Либроком», 2016. – 559 с.
431. Платон. Тимей. – Москва: Русские времена, 2013. – 154 с.
432. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избр. филос. произведения. – Москва, 1956. Т. 2. – 366 с.
433. Подольный Р. Г. Освоение времени. – Москва: Наука, 1989. – 306 с.
434. Познавательные процессы. – Москва: Педагогика, 1982. – 328 с.
435. Полани М. Личностное знание. – Москва: Прогресс, 1985. – 344 с.
436. Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. Т. 14. – Вып. 4. – С. 50–62.
437. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – Москва: Наука, 1983. – 205 с.
438. Пономарев М. Ф. Экспериментальное исследование некоторых двигательных реакций в связи с восприятием времени // Вопросы психологии. – 1970. – № 3. – С. 79–87.
439. Попова И. М. Проблемы современной русской литературы. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 150 с.
440. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. – Москва: Наука, 2008. – 256 с.
441. Портнова Г. В., Балашова Е. Ю., Варганов А. В. Феномен «когнитивного захватывания» при оценивании временных интервалов // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 1. – С. 67–80

442. Прибрам К. Языки мозга. – Москва: Прогресс, 1975. – 428 с.
443. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. – № 8. – 1989. – С. 3–19.
444. Пригожин И. Порядок из хаоса. – Москва: Наука, 1985. – 340 с.
445. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. – Москва: Прогресс, 1994. – 527 с.
446. Принцип системности в психологических исследованиях // под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной. – Москва: Наука, 1988. – 231 с.
447. Прист С. Теории сознания. – Москва: Идея-пресс, 2000. – 287 с.
448. Проблема пространства и времени в современном естествознании / под ред. М. Варина, А. Ефимова. – Л.: ЛВВМИУ, 1991. – 446 с.
449. Проблема сознания в современной западной философии. – Москва: Наука, 1989. – 256 с.
450. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 586 с.
451. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. – Москва: ИП РАН, 1998. – 149 с.
452. Психодиагностика: теория и практика. – Москва: Прогресс, 1986. – 207 с.
453. Психологический анализ трудовой деятельности / под ред. А. В. Карпова. – Ярославль: ЯрГУ, 1987. – 183 с.
454. Психологические основы профессиональной деятельности. Хрестоматия. – Москва: Per Se, 2007. – 854 с.
455. Психология личности и время. – Черновцы, 1991. – 156 с.
456. Психология сознания. Матер. Всерос. конф. – Самара: Издательство НТЦ, 2007. – 647 с.
457. Психология сознания. Хрестоматия. – СПб: Питер, 2001. – 372 с.
458. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. – Москва: Владос, 2004. – 349 с.
459. Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Москва, 1970. Вып. 3. – 195 с.
460. Райков В. Л. Объединенная теория сознания // Психология и ее приложения. Ежегодник РПО. Т. 9. – Москва: МГУ, 2002. – С. 67–89.

461. Райл Г. Понятие сознания. – Москва: Идея-пресс, 2000. – 406 с.
462. Рамачандран В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – Москва: ЗАО «Олимп-бизнес», 2006. – 224 с.
463. Рао К. Сознание // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, Т. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
464. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – Москва: Республика, 2000. – 463 с.
465. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. – СПб.: Питер, 2007. – 688 с.
466. Реан А. А. Психология и педагогика. – СПб.: Питер, 2003. – 432 с.
467. Ревонсуо А. Психология сознания. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
468. Регуш Л. А. Структура и возрастная динамика способности к прогнозированию // Психол. журн. – 1981. – Т. 3, № 5. – С. 31–40.
469. Рейхенбах Г. Направление времени. – Москва, 1962. – 189 с.
470. Рихтерман Т. Д. Формирование представлений о времени у детей. – 45 с.
471. Росек К. Психологические особенности личностной ориентации во времени у пожилых людей // Новые исследования в психологии. – Москва, 1990. – № 2. – С. 4–7.
472. Роговин М. С. Введение в психологию. – Москва: Высш. школа, 1969. – 381 с.
473. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. – Москва: Высш. школа, 1977. – 183 с.
474. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва: Наука, 1982. – С. 213–273.
475. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.
476. Розенова М. И. Психосемантические аспекты отношения ко времени. Автореф. дис ... канд. псих. наук. Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 1998. – 16 с.
477. Розин В. М. Рефлексия в структуре сознания личности // Проблемы рефлексии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 222–228.
478. Росс А., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – Москва: Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
479. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – СПб, 2003. – 508 с.

480. Рубинштейн С. Л. Использование времени (фактическое и желательное) как показатель направленности личности / Экспериментальные исследования в патопсихологии. – Москва: НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1976. – С. 245–253.
481. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – Москва: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
482. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – 242 с.
483. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1973. – 424 с.
484. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1973. – С. 255–382.
485. Садовский В. Н. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ. – Москва: Наука, 1974. – 203 с.
486. Садовский В. Н., Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопр. философ. – 1978. – № 8. – С. 39–52.
487. Саймон Г. Наука об искусственном. – Москва: Мир, 1973. – 172 с.
488. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – Москва: Республика, 2000. – 638 с.
489. Сартр Ж.-П. Тошнота: избранные произведения. – Москва: Республика, 1994. – 494 с.
490. Свешникова С. Л. Временная перспектива как фактор социально-психологической адаптации подростков. Автореф. дис. .. канд. психол. наук. – Ярославль, Яргу, 2016. – 19 с.
491. Свидерский В. И., Кармин А. С. Конечное и бесконечное. – Москва: Наука, 1966. – 320 с.
492. Сеньгибская Е. А. Понятие восприятия времени в психологии // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – С. 264–267.
493. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. – Москва: Наука, 1992. – 305 с.
494. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие. – Москва: Изд-во «Институт психологи РАН», 2006. – 462 с.
495. Серегин В. Я. Сознание как система внутреннего видения // Журн. высш. нерв. деят. – 1944. – № 4–5. – С. 627.
496. Серенкова В. Ф. Исследование проблем психологии времени // Методологические и теоретические проблемы современной психологии. – Москва, 1988. – С. 89–99.

497. Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личного времени // Гуманистические проблемы психологической теории. – Москва, 1995. – С. 192–204.
498. Серл Дж. Открывая сознание заново. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
499. Серов Н. К. Время и мы. – Л., 1980. – 128 с.
500. Серов Н. К. Личность и время. – Л., 1989. – 256 с.
501. Сеченов И. М. Избранные произведения. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. 1. – 771 с.
502. Симуткин Г. Г. Искажение индивидуального времени как проявление десинхроноза при сезонных аффективных расстройствах // Социальная и клиническая психиатрия. – 2000. – Т. 10. – № 3. – С. 16–20.
503. Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
504. Системная организация и детерминация психики / под ред. В. А. Барабанщикова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 446 с.
505. Системогенез / под ред. К. В. Судакова. – Москва: Наука, 1978. – 404 с.
506. Скворцов К. А. О расстройствах восприятия времени у душевнобольных. – 1935. – Т. 4, № 3. – С. 17–34
507. Скиннер Б. Ф. По ту сторону свободы и достоинства. – Москва: Оперант, 2015. – 192 с.
508. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 21–30.
509. Слободчиков В. И. Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе // Проблемы рефлексии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 60–68.
510. Смолин Л. Возвращение времени: от античной космогонии к космологии будущего. – Москва: Астрель, 2014. – 377 с.
511. Совместная деятельность. – Москва: Наука, 1988. – 228 с.
512. Современная психология / под ред. В. Н. Дружинина. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 686 с.
513. Солодкова А. В. Исследования восприятия времени в современной психологии // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 77–85.
514. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб: Питер, 2006. – 586 с.

515. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
516. Спенсер Г. Система синтетической философии. – Москва: Ника-центр, 1997. – 510 с.
517. Спиноза Б. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. Изд. 2-е. – СПб.: Наука, 1999. – 489 с.
518. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – Москва: Политиздат, 1972. – 303 с.
519. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнелассическая рациональность // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
520. Степин В. С. Теоретическое знание. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
521. Столяренко Л. Д. Восприятие пространства и времени // Столяренко Л. Д. Основы психологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2001. – С. 143–157.
522. Стрелков Ю. К. Временные структуры профессионального опыта. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2004. – С. 97–113.
523. Стрелков Ю. К. Операционально-смысловые структуры профессионального опыта / Ю. К. Стрелков // Вест. МГУ. – Сер. 14. Психология. – 1990. – № 3. – С. 85–91.
524. Стрелков Ю. К. Темпоральность трудовой деятельности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1(5). – С. 62–65.
525. Столин В. В. Самосознание личности. – Москва: МГУ, 1983. – 286 с.
526. Субботина Л. Ю. Психологическая защита и стресс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. – 104 с.
527. Субботский Е. В. Строящееся сознание. – Москва: Смысл, 2007. – 423 с.
528. Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. – Москва: Медицина, 1984. – 325 с.
529. Супрун А. П., Янова Н. Г., Носов К. А. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. – Москва: URSS: Ленанд, 2007. – 512 с.
530. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. – Москва: ЛКИ, 2008. – 168 с.
531. Сысоева О. В. Две мозговые подсистемы кодирования длительности // Психологический журнал. – Т. 26, № 2. – С. 107–116.
532. Сэв Л. Марксизм и теория личности. – Москва, 1972. – 580 с.

533. Тамар Р. Г. Основы сенсорной физиологии. – Москва: Мир, 1976. – 520 с.
534. Тверски А., Канеман Д. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.
535. Тезисы докладов Международной конференции 100-летию со дня рождения Д. Г. Элькина. Одесса, 1995. – 227 с.
536. Тейлор С. Покорение времени. Как время воздействует на нас, а мы на время. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2010. – 255 с.
537. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – Москва: Прогресс, 1965. – 282 с.
538. Теория познания, методология, логика и общая теория науки. – 1984. – 734 с.
539. Теория систем с переменной структурой. – Москва: Наука, 1970. – 290 с.
540. Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 452 с.
541. Титченер Э. Учебник психологии. – Москва: Мир, 1914. – 250 с.
542. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. – Москва: МГУ, 1969. – 400 с.
543. Тода М., Шуфорд Э. Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Иерархия и моделирование систем. – Москва: Концепт, 1989. – С. 322–384.
544. Тойбер А. набросок истории сознания. – Москва: РИА «Метафора», 1994. – 59 с.
545. Тойнби А. Роль личности в истории. – Москва: Астрель, 2012. – 222 с.
546. Толстых А. В. Возрасты жизни. – Москва, 1986. – 226 с.
547. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск-М.: Универсум, 2010. – 312 с.
548. Трошкин А. В. Субъективное восприятие временных интервалов и психофизиологическое состояние человека-оператора // Проблемы бионики. – Харьков, 1985. № 35, с. 96-101.
549. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1987. – 255 с.
550. Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. – Москва: ЭТС, 2000. – 368 с.
551. Уилер Дж. Гравитация, нейтрино, Вселенная. – Москва: Иностранная литература, 1962. – 200 с.

552. Уинфри А. Т. Время по биологическим часам. – Москва: Мир, 1990. Пенроуз Р., Хокинг С. Природа пространства и времени. АСТ, 2018. – 208 с.
553. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – Москва: Прогресс, 1964. – 302 с.
554. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. – Москва: Смысл, 2008. – 263 с.
555. Уманский Л. И., Лутошкин А. Н. Студенческая группа и групповая психология // Студенческая группа. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – 205 с.
556. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
557. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 264 с.
558. Фаизова Р. Г. Психофизиологический анализ жизненных ритмов иерархической индивидуальности: автореферат дис. ... канд. псих. наук. Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 1999. – 24 с.
559. Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем // Сб-к научных трудов под ред. Н. И. Моисеевой. – Л., 1980. – 164 с.
560. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – Москва: Прогресс, 1986. – 543 с.
561. Филимоненко Т. Ю. Феномен психологического возраста. Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 3, часть 1. – СПб., 1997. – С. 153–160.
562. Философский словарь / под ред. В. Фролова. – Москва: Мысль, 1987. – 588 с.
563. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – Москва: Изд-во Политической литературы, 1963. – 544 с.
564. Фихте И. Г. Избранные произведения. – Москва: Путь, 1916. – 523 с.
565. Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. – Москва СТ; Минск: Харвест, 2000. – 873 с.
566. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – Москва: Прогресс, 1993. – 324 с.
567. Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1996. – С. 230–313.

568. Фомичев Н. Н. Современные социологические теории социального времени. – Москва: ИНИОН, 1993. – 46 с.
569. Франк С. Л. Реальность и человек. – Москва: Республика, 1997. – 478 с.
570. Фрейд З. Психология бессознательного. – Москва: Просвещение, 1989. – 448 с.
571. Фресс П. Восприятие и оценка времени // П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. – Москва: Прогресс, 1978. – Вып. 6. – С. 88–130.
572. Фресс П. Приспособление человека ко времени // Вопросы психологии. – 1961. – № 1. – С. 43–45.
573. Фромм Э. Душа человека. – Москва: АСТ Транзиткнига, 2004. – 572 с.
574. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – 447 с.
575. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. – Москва: Per Se, 2001. – 353 с.
576. Хакен Г. Синергетика. – Москва: Мир, 1980. – 380 с.
577. Халецкий А. Н. Уровни психологической деятельности. – Москва: Медгиз, 1970. – 202 с.
578. Халин С. М. Познание и метапознание (проблемы типологического единства). – Тюмень: ТГУ, 1998. – 244 с.
579. Хант Г. О природе сознания. – Москва: Издательство «АСТ», 2004. – 255 с.
580. Хант Г. Самый фундаментальный или самый ошибочный из эмпирических вопросов: что такое сознание? // Методология и история психологии. – Т. 4. – Вып. 1, 2009. С. 61–87.
581. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. – Москва: Прогресс-Традиция. 2001. – 328 с.
582. Хасанов И. А. Время: природа, равномерность, измерение. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 303 с.
583. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Москва: Просвещение, 1986. Т. 1. – 403 с.
584. Ходанович М. Ю. Психофизиологические механизмы и индивидуальные особенности восприятия человеком коротких интервалов времени. Дисс. ... докт. биол. наук. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2010. – 330 с.
585. Хокинг С. Краткая история времени. – АСТ, 2019. – 320 с.

586. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. – Москва: КСП+, 1997. – 719 с.
587. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Москва: «Барс», 1997. – 391 с.
588. Хомик В. С. Деформация субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации. Дис. .. канд. психол. наук. – Москва, 1985. – 240 с.
589. Хофштадтер Д. Д. Глаз разума. – Самара: Издательский дом Бахрах-М, 2003. – 432 с.
590. Худ Б. Иллюзия «Я», или Игры, в которые играет с нами мозг. – Москва: Эксмо, 2015. – 374 с.
591. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 1997. – 606 с.
592. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. – Москва: Мир, 1990. – 380 с.
593. Хэммонд К. Искаженное время: особенности восприятия времени. – Москва: Livebook, 2013. – 366 с.
594. Цертелев Д. Н. Философия Шопенгауэра: Теория познания и метафизика. – Москва: КД Либроком, 2014. – 288 с.
595. Цуканов Б. И. Время в психике человека. – Одесса: Астро-Принт, 2000. – 218 с.
596. Цуканов Б. И. Качество «внутренних часов» и проблема интеллекта // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12, № 3. – С. 38–44.
597. Челпанов Е. И. О природе времени. – Москва, 1893. – Год IV, кн. 19 (4). – С. 36–54.
598. Черниговский В. Н. Интерорецепция. – Москва: Медгиз, 1960. – 659 с.
599. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Наука, 2001. – С. 16–162.
600. Чернокова Т. Е. Проблема классификации метакогнитивных чувств. Гуманитарный институт филиала САФУ им. М. В. Ломоносова. – Северодвинск. – С. 70–74.
601. Чуприкова Н. И., Митина Л. М. Теоретические, методические и прикладные проблемы восприятия времени // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 16–23.
602. Шабров О. Ф. Развитие сложных систем: кибернетика или синергетика? // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика. – Москва: Интеллект, 1997. – С. 26–28.
603. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. – Москва: Аспект Пресс, 2007. – 288 с.

604. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – Москва: Логос, 2006. – 402 с.
605. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 419 с.
606. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – Москва: Наука, 1982. – 183 с.
607. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. – Москва: Логос, 1995. – 405 с.
608. Шаев Ю. М. Проблема времени в киберпространстве // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 364–367.
609. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 300 с.
610. Шаров А. С. Психология ограниченного субъекта. – Томск: ТГУ, 2000. – 380 с.
611. Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 590 с.
612. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 томах. – Москва: Искусство, 1957. Т. 1. – 615 с.
613. Шибутани Т. Социальная психология. – Москва: Прогресс, 1969. – 535 с.
614. Шильштейн Е. С. Уровневая организация системы «Я» // Вестник МГУ. – Сер. 14, Психология. – 1999. – № 2. – С. 34–45.
615. Шиффман Х. Р. Восприятие времени // Шиффман Х. Р. Ощущение и восприятие. – СПб.: Питер. 2003. – С. 772–789.
616. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888 – 504 с.
617. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. – Москва: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2008. – 192 с.
618. Шпенглер О. Закат Европы. – Москва: Наука, 1993. – 592 с.
619. Шрейдер Ю. А. Информация и метаинформация // НТИ. Серия 2. – 1974. – № 4.
620. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – Москва: Дело, 1995. – 560 с.
621. Эдельмен Д., Маунткэсл В. Разумный мозг. – Москва: Мир, 1981. – 135 с.
622. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – Москва: Наука, 1978. – 599 с.

623. Элькин Д. Г. Восприятие времени. – Москва, 1962. – 311 с.
624. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – Москва: Педагогика, 1989. – 555 с.
625. Эльконин Б. Д. Опосредствование. Действие. Развитие. – Ижевск: ERGO, 2010. – 279 с.
626. Экспериментальная психология / под ред. С. С. Стивенса. – Москва: Иностранная литература, 1961. Т. 1. – 720 с.
627. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.
628. Эфендиев Н. М. Проблема времени в философии С. Кьеркегора // Вопросы философии. – 1985. – № 5. – С. 152–164.
629. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – Москва: Иностранная литература, 1959. – 429 с.
630. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – Москва: Наука, 1978. – 246 с.
631. Юм Д. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1965. Т. 1. – 847 с.
632. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. – Москва: Канон, 1995. – 43 с.
633. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: сборник. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
634. Юревич А. В. Психология и методология. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 312 с.
635. Ягодинский В. Н. Ритм, ритм, ритм. Этюды хронобиологии. – Москва, 1985. – 192 с.
636. Яничев П. И. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 9, № 42. – С. 7–20.
637. Ярошевский М. Г. История психологии. – Москва, 1976. – 463 с.
638. Ясперс К. Общая психопатология. – Москва: Практика, 1993. – 1053 с.
639. Alexander J. M. Carr M. Schwanenflugel P. J. Development of metacognition in gifted children // Directions for future research. Developmental Review, 1995. – P. 22–29.
640. Allport G. W. Pattern and growth in personality / N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – 593 p.
641. Anderson J. R. Cognitive psychology and its implications (2nd ed.). – N. Y.: W.H. Freeman, 1985. – 521 p.

642. Anglin J. M. The growth of word meaning. – Cambridge: MIT Press, 1970. – 340 p.
643. Atkinson J. W., Raynor J. O. Motivation and achievement. – Washington, 1974. – 480 p.
644. Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. – Cambridge: CUP, 1988. – 520 p.
645. Back M. D. et al. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization // *Psychological Science*. – 2010. – Vol. 21. – P. 372–374.
646. Barnard Ch. The Function of the Executive. – Cambridge: CUP, 1938. – 620 p.
647. Barrett W. The Flow of Time // *The Philosophy of Time*. Ed. by R.M. Gale. L., 1968. – 204 p.
648. Bayne T. Co-consciousness // *The Journal of Consciousness. Psychologist*. – Vol. 14, № 10. – P. 522–525.
649. Becker G. A. Theory of the Allocation of Time // *Economic Journal*. – 1965. – Vol. 75 (299). – P. 493–517.
650. Bertalanfy L. von. The Theory of Open Systems in Physics and Biology // *Science* 13 January. –1950. – V. 111. – P. 23–29.
651. Bertalanfy L. von General system theory. *Gen. Syst.* – 1956. – V. 1. – P. 90–97.
652. Block R. A. Hancoc P. A. The Psychology of Time: A View Backward and Forward // *American Journal of Psychology*. – 2012. – № 125 (3). – P. 267–274.
653. Block R. A. Models of psychological time / Block R. A. Psychology Press: 1990. – 283 p.
654. Block R. A. (Ed.) Cognitive Models of Psychological Time. – N. Y.: Psychology Press, 1990. – 304 p.
655. Block R. Zakay D. Models of psychological time revisited Time and mind // *Time and mind*. – 1996. – № 33. – P. 171–195.
656. Bluedorn A. C. The human organization of time: Temporal realities and experience. – Redwood city, CA: Stanford University Press, 2002. – 22 p.
657. Bogdan R. J. (ed.). *Minding Mind*. – London: MIT Press, 2000. – 215 p.
658. Boring E. G. *History of Experimental Psychology*. – N. Y.: Appleton, 1950. – 777 p.
659. Borkowski J., Carr M., Pressely M. «Spontaneous» strategy use: Perspectives from metacognitive theory // *Intelligence*. – 1987. – V. 11. – P. 61–75.

660. Boyd J. N. Time Perspective, Health, and Risk Taking / J. N. Boyd, P. G. Zimbardo // *Understanding Behavior in the Context of Time: Theory, Research, and Application*. – 2005. – P. 85–107.

661. Briñol P., Petty R. E., Rucker D. D. The role of metacognitive processes in emotional intelligence // *University Autonoma of Madrid, Ohio State University and Northwester*. – 1987. – P. 26–33.

662. Brown S. The effects of prospective versus retrospective paradigm and taste demands on perceived duration // *Perc. and Psychol.* – 1985. – V. 38 (2): 115–24. doi: 10.3758/bf03198848.

663. Bühler C. *Selbstdarstellung* // Ludwig Pongratz u. a. (Hrsg.): *Psychologie in Selbstdarstellungen*. Band 1. Huber, Bern 1972. – 550 p.

664. Campbell S. S. Circadian rhythms and human temporal experience // R. A. Block (Ed.) *Cognitive models of psychological time*. – 1990. – P. 101–118.

665. Campione J. C., Brown A. L. Toward a theory of intelligence: Contributions from research with retarded children // R. J. Sternberg, L. K. Detterman (Eds.). *Human intelligence: Perspectives theory and measurement*. – Norwood, N. Y.: Ablex, 1979. – P. 90–210.

666. Carlson R. A. Starting with consionness // *Amer. Journ. of Psychol.* – 1992, 105. – P. 598–604.

667. Carver C. S., Sheier M. F. *Attention and self-regulation a control approach to human behavior*. Springfield, 1981. – 224 p.

668. Catrambon R., Hobjoak K. Learning subgoals and methods for solving probability problems // *Met. and Cognit.* – 1990, 18. – № 6. – P. 593–603.

669. Cavanaugh J. C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // *Child Development*. – 1982. – N 53. – P. 11–28.

670. Cleugh M. F. *Time*. – London, 1937. – 119 p.

671. Chalmers D. J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press. 1996. – 328 p.

672. Churchland P. M. *Matter and Consciousness*. – Cambridge, MA: Bradford/MIT Press. 1984. – 431 p.

673. Cohen J. Psychological time // *Scientific American*. – 1964. – Vol. 211 (5). – P. 116–124.

674. Cottle T. J. *Perceiving time: a psychological study with men and women*. N. Y.: Willey, 1976. – 267 p

675. Cottle T. J. *The present of things future: Explorations of time in human experience* // Cottle T. J. Klineberg S. L. – N. Y.: The Free Press, 1974. – 290 p.

676. Cozby P. Self-Disclosure: A Literature Review // Psychol. Bull. 1973. – V. 79(2). – P. 73–91.
677. Crick F., Koch C., Kreiman G., Freid I. Consciousness and Neurosurgery. – Neurosurgery, 2004. – Vol. 55, № 2. – P. 273–282.
678. Davidson E., Deuser D., Sternberg R. The role of metacognition in problem solving // Metcalfe & Shimamura (eds) Metacognition. – Cambridge: MIT press, 1994. – P. 207–226.
679. Davies M., Humphreys G. (eds.) Consciousness. – Oxford: Blackwell. 1993. – 719 p.
680. Deci E. L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. – N. Y. 2001. – 221 p.
681. DeLong A. J. Phenomenological space-time: toward an experiential relativity // Science. – 1981. – № 213(4508). – P. 681–683.
682. Denis M. Image et cognition. – Paris, 1989. – 284 p.
683. Dennet D. Consciousness explained. – Boston, N. Y., Toronto, L., 1991. – 241 p.
684. Dennett D., Kinsbourn M. Time and the observer: The where and when of consciousness in the brain Behavioral and Brain Sciences. – 1992, 15 (2). – P. 183–201.
685. Dienes Z., Perner, J. A theory of implicit and explicit knowledge // Behavioral and Brain Studies. – 1999. – Vol. 22. – N 5. – P. 735–808.
686. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood // Journ. of Gerontology. – 1983. – № 38. – P. 682–688.
687. Donaldson M. Children's Minds. – N. Y.: Wiley 1988. – 162 p.
688. Doob L.W. Patterning of time. – New haven, London: Yale univ. press, 1971. – 427 p.
689. Dörner D. Problemlösen also Informationsverarbeitung. – Stuttgart, 1977. – 387 p.
690. Dörner D. Self-reflection and problem-solving // Human and artificial intelligence. – Berlin, 1978. – P. 101–107.
691. Droit-Volet S., Wearden J. H., a Zelanti P. S. Cognitive abilities required in time judgment depending on the temporal tasks used: A comparison of children and adults // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2015. – № 68 (11). – P. 2216–2242.
692. Elton L. Time and man / L. Elton, H. Messel. – Oxford: Pergamon press, 1978. – 114 p.
693. Evans C. O. The Subject of Consciousness. – London: George Allen & Unwind Ltd., 1989. – 234 p.
694. Ey H. La conscience. Deshler de brewer. – Paris. 1983. – 430 p.

695. Ferrari M. McBride H. Mind, Brain and Education: The Birth of a New Science. – Learning, 2011. – P. 85–100.

696. Fasbender U. et al. Is the future still open? The mediating role of occupational future time perspective in the effects of career adaptability and aging experience on late career planning // *Journal of Vocational Behavior*. – 2019. – T. 111. – P. 24–38.

697. Flavell J. H. Cognitive monitoring // *Children's oral communication skills*. – Academic Press, 2007. – P. 35-60.

698. Flavell J. H., Miller, P. H., Miller S. A. *Cognitive Development*. Third edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993. – 441 p.

699. Fodor J. A. *The modularity of mind*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983. – 242 p.

700. Fraisse P. *Psychologie du temps*. – Paris: Pres. Univ. France, – 1957. – 326 p.

701. Frank L. K. Time perspectives // *Journal of Social Philosophy*. – 1939. – № 4. – P. 293–312.

702. Friedman W. J. Time in Psychology // *Time in Contemporary Intellectual Thought* / Ed. by P. Baert. Amsterdam; Lausanne etc.: Elsevier, 2000. – P. 295–314.

703. Friedman W. J., Janssen S. M. Aging and the speed of time // *Acta Psychologica*. – 2010. – Vol. 134. – № 2. – P. 130–141.

704. Furey J. T. The theory of Mind Time / J. T. Furey, V. J. Fortunato // *Cosmology*. – 2014. – Vol. 18. – P. 119–130.

705. Gabor D. Microscopy by reconstructed wave fronts. – *Proc. Roy. Soc.* – 1961, B64. – P. 449–469.

706. Gale R. M. *The Language of Time*. – L., 1968.

707. Galton F. *Inquiries into Human Faculty and its Development*. – London: McMillan, 1893. – 305 p.

708. Gardner G. N. *To open mind*. – N. Y., 1998. – 376 p.

709. Greenleaf R. K. *The Servant-Leader Within: a Transformative Path*. – NJ: Paulist Press, 2003. – 310 p.

710. Greeno J. Trends in the theory of knowledge for problem solving // D. T. Tuma, F. Reif (eds). *Problem Solving and Education*. – N. Y.: Erlbaum, 1980. – P. 160–183.

711. Greenwald A. G., Banaji M. R. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*. – Vol. 102. – 1995. – P. 4–27.

712. Grondin S. Timing and time perception: a review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions

// Attention, Perception & Psychophysics. – 2010. – T. 72. – № 3. – P. 561–582.

713. Grondin S. Methods for studying psychological time // S. Grondin (Ed.), Psychology of time. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, – 2008. – P. 51–74.

714. Grondin S. Timing and time perception: A review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions // Attention, Perception, & Psychophysics. – 2010. – № 72 (3). – P. 561–582.

715. Haack V., Halm K., Wagner K.-W. Programmieren als Schematisches Problemlösen // Z. Psychol. – 1989, 197. – № 3. – P. 217–262.

716. Hacker D. J. Teaching new thinking // Journal of developmental Psychol. – Vol. 5. – 1997. – P. 173–190.

717. Halberg F. Chronobiology. Annual Review Physiology 31. – 1969. – P. 675–725.

718. Hall E. T. The dance of life: The other dimension of life. – Garden City: Anchor Press, 1983. – 50 p.

719. Hancock P.A. et al. A meta-analysis of flow effects and the perception of time // Acta psychologica. – 2019. – T. 198. – P. 102–136.

720. Helmholtz H. Wissenschaftliche Abhandlungen. Bd. 2. – Leipzig, 1883. – 948 p.

721. James W. The Perception of Time // James W. The Principles of Psychology. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1981. – P. 605–643.

722. Janét P. L. évolution de la memoir et le notion de temp. – Paris, 1928. – 400 p.

723. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. Cambridge, CUP, 1982. – 555 p.

724. Kamfer F., Grimm L. Freedom of choice and behavioral change // Journal of Consulting and Clinical Psychol. – 1978, 46. – P. 41–48.

725. Kaplan C. A., Simon H. A. In search of insight // Cognitive Psychology. – 1990, 22. – P. 374–419.

726. Karpov A. V. Reflection in the structure of cognitive organization of the decision-making procedure // Russian Psychological Journal. – 2005. – Vol. 2.

727. Karpov A. V., Karpov A. A. The interconnection of learning ability and the organization of metacognitive processes and traits of personality. Psychology in Russia: State of the Art. – Vol. 10 – Is. 1. – 2017. – P. 67–79.

728. Kegan R. The evolving self. Harvard University Press. – 1993. – 318 p.

729. Kelly J. R., McGrath J. E. Effects of time limits and task types on task performance and interaction of four-person groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1985. – № 49. – P. 395–407.

730. Kleitman N. Sleep and Wakefulness. Second Edition, University of Chicago Press, 1962. – 552 p.

731. Knapp P. H., Gurbutt J. T. Time imagery and achievement motive // *Journ. of Pers.* – 1958. – Vol. 26. – № 3. – P. 426–434.

732. Kolb S. K. Metacognition Metaphors. – N. Y., 1995. – 185 p.

733. Koriat A. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition*, 9. 2000. – P. 193–202.

734. Krech D., Crutchfield R., Livson N. Elements of psychology. – N. Y., – 196 p.

735. Kruger J., D. Dunning Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journ. of Pers. and Social Psychology*. – 77 (6), 1999. – P. 11–34.

736. Kuhn D. The importance of learning about knowing: Creating a foundation for development of intellectual values. *Perspectives on Child Development*, 2009. – 327 p.

737. Lecomte du Noüy. Biological Time. – London, 1936. – 180 p.

738. Grondin S. Methods for studying psychological time // S. Grondin (Ed.), *Psychology of time*. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, 2008. – P. 51–74.

739. Leconte P., Beugnet-Lambert C., Lancry A. *Chronopsychologie*. Lille, 1988. – 341 p.

740. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // *International journal of behavioral development*. – Vol. 6. – 1995. – P. 15–35.

741. Lenz B., Ellis E., Scanlon R. The emotional Brain. – N. Y., 1996. – 427 p.

742. Lygan W. G. *Consciousness*. – Cambridge, Mass, MIT Press. – 1987. – 97 p.

743. Lyons D. T., Young A. G., Keil F. K. The hidden structure of overimitation. Harvard University. – Cambridge, MA. – Vol. 104. – No. 50. – 2007. – P. 1751–1756.

744. Malrien Ph. Les origines de la conscience du temps. – Paris, 1953. – 160 p.

745. Matthews W. J., Meck W. H. Temporal Cognition: Connecting Subjective Time to Perception, Attention, and Memory // Psychological Bulletin. – 2016. – Vol. 142. – № 8. – P. 865–907.

746. Matthews W. J., Meck W. H. Time perception: The bad news and the good // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. – 2014. – Vol. 5. – № 4. – P. 429–446.

747. Maustakas G. Theory and Method of Phenomenological Research. – N. Y.: Press. 1998. – 256 p.

748. McClelland J. L., Rumelhart D. E. Parallel distributed processing. – Vol. 1. – Cambridge, MA: MIT press, 1986. – 183 p.

749. McClintock M. K. Whither menstrual synchrony? Annual Review of Sex Research. – 1998, 9. – P. 77–95.

750. McCombs K. About Differences in Predicting Metacognitive Performance // Journ. of Cognitive Neuroscience. – 1997. – Vol. 19. – P. 7–13.

751. McDermott D. Planning and acting // Cognit. Sci. – Vol. 2. – P. 71–110.

752. McGrath J. E., Kelly J.R. Time and human interaction. Toward a social psychology of time. – N.Y.-L., 1986. – 183 p.

753. McGinn C. The Problem of Consciousness. – Oxford: Blackwell. 1991. – 230 p.

754. McGuigan F. J. (Ed.). Experimental Psychology. Methodological approach (3rd ed.). – Englewood Cliffs, 1978. – 441 p.

755. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al SAGE Publications. 2002. – 253 p.

756. Metclfe J., Shimamura A. P. (eds.). Metacognition: Knowing about Knowing. – Cambridge, MA: MIT Press. 1994. – 323 p.

757. Metcalfe J. Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), Handbook of Metamemory and Memory. – N. Y.: Psychology Press, 2008. – P. 29–46.

758. Morgan D. Unconscious unease and self-handicapping // Psychological science. – 1999. – № 6. – P. 535–540.

759. Muller J. Zur vergleichenden Physiologie des Gesichtssinnes des Menschen und der Tiere. – Berlin, Werlag, 1929. – 526 p.

760. Nelson T. O. (Ed.). Metacognition: Core Readings. – Boston: Allen and Bacon, 1992. – 225 p.

761. Nelson T. O. Consciousness and metacognition // American Psychologist. – № 51. – 1996. – P. 102–116.

762. Nelson T. O., Narens L. L. Metamemory: a theoretical framework and new findings // G. Bower. The Psychology of Learning and Motivation. – Vol. 26. – N. Y.: Academic Press, 1990. – P. 125–141.

763. Norman D., Bobrov D. Information and Scenaric Cognition // Mind and Language. – 1997. – Vol. 3. – P. 22–27.

764. Ornstein R. E. On the Experience of Time. – Baltimore, 1969.

765. Penfield W. The mystery of the mind. – Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1978. – 123 p.

766. Pittendrigh C. S. O Temperature Independence in the Clock System Controlling Emergence Time in *Drosophila*, 1965, Proc. Natl. Acad. Sci. USA, 40 (10): 1018–1029.

767. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. – Cambridge, CUP, 2002. – 220 p.

768. Philosophy of Time. A Collection of Essays., Ed. by R.M. Gale. – London Melbourne, 1968. – 525 p.

769. Piéron H. Thought and the Brain. – London, 1927. – 262 p.

770. Power S. E. Philosophy of time: A contemporary introduction. – Routledge, 2021. – 310 p.

771. Poulet G. Etudes sur le temps humain. – Paris, 1950. – 405 p.

772. Premack D. G., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. – № 1. – 1978. – P. 515–526.

773. Reder L. M. (Ed.). Implicit Memory and Metacognition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1996. – 200 p.

774. Richard J.-F. Les activités mental. Comprendre, raisonner, trouver des solution. – Armand Colin. 1990. – 446 p.

775. Richard A. Cognitive models of psychological time // Erlbaum, 1990. – 283 p.

776. Riggs G. Philosophy in a Time of Pandemic. – 2020. – 355 p.

777. Rizzolatti G. et al. Mirrors in the Mind // Scientific American Band 295. – Nr. 5. – 2006. – P. 30–37.

778. Rodieck R. W. Perception from the standpoint of psychology. – B: Perception and Its Disorders. Res. Publ. ARNMD. – Vol. XLVIII, 1970. – P. 1–11.

779. Rosch E. et al. Basic objects in natural categories // Cognitive Psychology. – Vol. 81. – 1976. – P. 390–398.

780. Rosenblueth A., Wiener N., Bigelow J. Behavior, Purpose and Teleology // Philosophy of Science. Baltimore. – 1943. – Vol. 10. – № 1. P. 18–24.

781. Roos P., Albers R. Performance of retardates and normals on a measure of temporal orientation // *American Journal of Mental Deficiency*. – 1965. – Vol. 69. – P. 835–838.

782. Schmidt H. D. *Psychologies. Allgemeine Entwicklungspsychologie*. Verlag: Deutscher Verlag der Wissenschaften. – Berlin, 1970. – 491 p.

783. Schlenker B. R. Self-presentation // *Handbook of self and identity* / M. R. Leary, J. P. Tangney (Eds.). – NY: Guilford Press, 2003. – P. 492–518.

784. Schraw G., Moshman D. Metacognitive theories // *Educational Psychology Review*. – Vol. 7. – 1995. – P. 351–371.

785. Seamster D., Redding V., Kaempf D. *Cognitive Task Analysis* // Wright State University, 1997. – 338 p.

786. Searle J. R. *The rediscovery of the mind*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – 420 p.

787. Scholz U. It's time to think about time in health psychology // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. – 2019. – Vol. 11. – Is. 2. – P. 173–186.

788. Simon H. A. *Administrative behavior*. – N. Y., 1947. – 236 p.

789. Sturt M. *The Psychology of Time*. – London, 1925. – 160 p.

790. Sternberg R. J. *Beyond IQ*. – Cambridge, CUP, 1985. – 222 p.

791. Tamm M, Jakobson A, Havik M, Timpmann S. Effects of heat acclimation on time perception // *International Journal of Psychophysiology*. – 2015. – Mar; 95(3):261-9.

792. Theresen C. E., Mahoney H. J. *Behavioral self-control*. – N. Y.: 1974. – 242 p.

793. Tysk L. Longitudinal changes in time estimation // *Percept. and Motor Skills*. 1985 Feb;60(1):179–88.

794. Velmans M. *Understanding consciousness*. – London, 2000, Routledge – 308 p.

795. Valtteri A. and Dan L. *Subjective Time // The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Temporality* The MIT Press. – Cambridge, Massachusetts London, England, 2014. – 668 p.

796. Wearden J. *The psychology of time perception*. – Springer, 2016. – 261 p.

797. Wearden J. H. Applying the scalar timing model to human time psychology: Progress and challenges. // *Time and mind II: Information-processing perspectives*. – 2003. – P. 21–39.

798. Wittmann M. *Social jetlag: misalignment of biological and social*

time / Wittmann M., Dinich J., Merrow M., Roenneberg T. // *Chronobiology international*. – 2006. – № 23. – P. 497.

799. Wittmann M., Lehnhoff S. Age effects in perception of time // *Psychological Reports*. – 2005. – Vol. 97. – № 3. – P. 921–935.

800. Zawirski Z. *L'Evolution de la Notion du Temps*. – Cracow, 1936. – 357 p.

801. Zakay D., Block R. A. Temporal cognition // *Current Directions in Psychological Science*. – 1997. – Vol. 6. – № 1. – P. 12–16.

802. Zeman A. The paradox of consciousness // *Lancet*. – Vol. 357. – Is. 9249. – 2001. – P. 77.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Проблема субъективного времени в психологии и философии	31
1.1. Проблема субъективного времени в психологии	31
1.1.1. История развития и основные направления разработки проблемы субъективного времени в психологии	31
1.1.2. Основные особенности современного состояния проблемы субъектного времени и перспективы ее развития ..	100
1.2. Проблема времени в философии	161
1.3. Заключительные замечания	188
Глава 2. Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы субъективного времени	194
2.1. Общая характеристика метасистемного подхода как методологического принципа	194
2.2. Содержание метасистемного подхода	229
2.2.1. Метасистемный план исследования	232
2.2.2. Структурный план исследования	256
2.2.3. Функциональный план исследования	281
2.2.4. Генетический план исследования	306
2.2.5. Интегративный план исследования	325
2.3. Гносеологический вариант метасистемного подхода	351
Глава 3. Параметр времени в структурно-уровневой организации психики	369
3.1. Теоретические основы исследования	369
3.2. Темпоральность как атрибут метасистемной организации ..	401
3.2.1. Метасистемность как детерминанта темпоральности ..	401
3.2.2. Темпоральность в структуре метасистемного уровня ..	439
3.3. Темпоральность в структуре общесистемного уровня	460

3.4. Темпоральность в структуре компонентного уровня	499
3.5. Темпоральность в структуре субсистемного уровня	543
3.6. Темпоральность в структуре элементного уровня	581
3.7. Заключительные замечания	626
Список литературы	652

Научное издание

Карпов Анатолий Викторович

ПСИХИКА И ВРЕМЯ

В двух томах

Том I

**ИСТОРИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
СТРУКТУРА**

Авторская редакция

Оригинал-макет разработан
издательским бюро «Филигрань»
печатает.рф

Подписано в печать .12.23. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 43,75.
Тираж 80 экз. Заказ № 23177.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.
pechataet@bk.ru